

84
587

СБОРНИК ПОСМАНІЙ

ГЕОРГІ ВРАНДЕСА

ВІДАНІЕ
Б. К. ФУКСА
КІЕВЪ

ПЕРЕДАНА
Р. КУШНЕРОВУ А. КІЕВЪ
В. ПЛАХИНСКОМУ 42

8/5 1902.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГЕОРГА БРАНДЕСА

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

Пересобліковано в 1940 році

Съ портретомъ автора и вступительной стать.

ПЕРЕВОДЪ съ ДАТСКАГО

подъ редакціей М. В. ЛУЧИЦКОЙ.

ТОМЪ V.

БІБЛІОТЕКА
Вінницького Педагогічного Інституту
Інв. № 116398

Бібліотека Вінницького Педагогічного Інституту
Інв. № 4298 4333

Изданіе Б. К. ФУКСА.

КІЕВЪ.

Інв. 63

НАТУРАЛИЗМЪ ВЪ АНГЛІИ.

(1875 г.).

Лекціи, читанныя въ Копенгагенскомъ университетѣ весною 1874 г.
и осенью 1875 г.

Переводъ М. В. Лучицкой.

Я точно духъ, проникшій въ глубину сердца; я жилъ въ его
иѣдрахъ, ощущалъ жизнь другого лица, думалъ его мыслями, узналъ
его сокровенныя тайны, скрытыя въ святая святыхъ, струну, до кото-
рой еще никто не дотрогивался, звукъ, различаемый только среди мол-
чанія крови, когда пульсъ, артеріи и вѣны похожи на спокойное
озеро лѣтомъ, покрытое легкою зыбью. Я точно искуснымъ ключемъ
отперъ золотыя мелодіи, переливавшіяся въ глубинѣ души поэта,
освободилъ ихъ и окунулъ въ нихъ, какъ орелъ окунается въ
грозовыхъ облакахъ, облачая свои крылья молніей.

Шелли.

КІЕВЪ.

Типографія М. М. Фиха, Б.-Васильковская, № 10.
1902.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 19-го Іюля 1902 года.

Натурализмъ въ Англіи.

При изложеніи англійской поэзіи, начиная съ первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, я намѣренъ изслѣдовать то сильное, глубоко обоснованное и богатое послѣдствіями теченіе въ англійской умственной жизни, которое, освободившись отъ классическихъ формъ и обычаевъ, создало господствующій въ цѣлой литературѣ натурализмъ, отъ натурализма повело къ радикализму, изъ возстанія противъ унаслѣдованныхъ пріемовъ въ литературѣ возросло до могущественнаго возрѣнія противъ религіозной и политической реакціи, нося въ себѣ зачатки всѣхъ тѣхъ либеральныхъ идей и всѣхъ тѣхъ освободительныхъ подвиговъ, которые были въ послѣдствіи осуществлены европейскою культурою.

Періодъ изящной литературы, который я намѣренъ описать, необыкновенно богатъ и цвѣтущъ, съ отличающимися большимъ разнообразіемъ, часто чуждыми или даже враждебными другъ другу умами и школами, внутренняя связь которыхъ не сразу бросается въ глаза, но открывается постепенно только взору критика,—и все же этотъ періодъ обладаетъ единствомъ и дѣлаемое имъ отраженіе, хотя и кажется намъ пестрымъ и вѣчно движущимся, обнаруживаетъ тѣмъ не менѣе внутреннюю гармонію, внушенную ему создавшею ей исторію.

I.

Прежде всего эта группа англійской литературы обладаетъ извѣстными признаками, общими для всего европейскаго умственнаго направленія того времени, какъ созданнаго одними и тѣми же причинами. Наполеонъ угрожалъ Европѣ установленіемъ мірового владычества. И вотъ, отчасти инстинктивно, отчасти вполне сознательно всѣ народы, во избѣжаніе предстоящаго имъ угнетенія, обратились къ своимъ собственнымъ источникамъ жизни. Національное чувство пробудилось и ярко вспыхнуло въ Германіи во время освободительныхъ войнъ; въ Россіи оно воспламенилось вмѣстѣ съ пожаромъ ея древней столицы; въ Англіи оно выразилось въ страстномъ увлеченіи Веллингтономъ и Нильсономъ и въ отстаиваніи англійскаго владычества надъ моремъ въ цѣломъ рядѣ кровавыхъ сраженій на пространствѣ отъ Нила до Ватерлоо; въ Даніи канонада битвы при рейдѣ вызываетъ на сцену новый народный духъ и новую поэзію. Это именно

національное чувство заставляетъ всѣ народы углубляться въ свою собственную исторію и свои собственные права, въ область своихъ собственныхъ легендъ и сказаній. Любовь къ народному приводитъ къ изученію и изображенію такъ называемаго собственно „народа“, т. е. низшихъ классовъ общества, которыхъ поэтическое развитіе XVIII вѣка оставило нетронутыми. Дошло до того, что реакція противъ французскаго мірового языка, ввела въ почетъ нарѣчія.

Въ Германіи, какъ мы раньше видѣли, увлеченіе національнымъ породило страсть къ прошлому Германіи, къ среднимъ вѣкамъ, къ ихъ вѣрѣ, ихъ предразсудкамъ, ихъ общественному строю. Въ Италіи, вмѣстѣ съ появленіемъ гимновъ Манцони, замѣчается видимое возвращеніе къ католицизму. Окаменѣлая въ догматахъ и полная отреченія отъ свѣта вѣра возводится здѣсь въ поэзію и нравственность; изъ религіи она обращается въ художественный мотивъ. Религіозное воодушевленіе Манцони—это та же восторженность, которая наполняла душу папы при возвращеніи въ Римъ и внушила Александру I идею Священнаго союза. Франція, не смотря на то, что ею былъ вскормленъ Наполеонъ, вынуждена была духомъ времени вступить на тотъ же путь, что и Германія,—въ ней литературное движеніе обратилось противъ академіи, противъ такъ называемой классической, т. е. общей всемірной литературы; оно повернуло назадъ, перейдя за эпоху Людовика XIV къ поэтамъ XVI вѣка, къ де-Беллэ и Ронсару, и даже къ жалкимъ, комичнымъ поэтамъ, надъ которыми Буало издѣвался и которыхъ онъ прогналъ съ Парнаса. (Первое нападеніе Виктора Гюго на возрѣніе стараго времени, первыя литературно-историческія произведенія Сентъ-Бева, *Les grotesques* Теофиля Готье). Въ Даніи умственные дѣятели начала столѣтія слѣдовали въ главныхъ чертахъ германскому направленію, вооружать противъ французской культуры. Стихотвореніе Эленшлегера Гипсовый бюстъ въ Путешествіи по Лангланду указываетъ на характеръ новаго направленія. Поэтъ принимаетъ найденный имъ въ чужомъ помѣщеніи бюстъ сначала за бюстъ Вольтера и обращается къ нему съ слѣдующими словами: „Пустая душа! онъ хотѣлъ умертвить набожность и нагло нападалъ на все своими злыми насмѣшками!“ Но вдругъ онъ узнаетъ, что передъ нимъ бюстъ Эвальди, и даетъ волю своей восторженной благодарности къ поэту. Тщательное изслѣдованіе *Nam ad graden* Гауха приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, а именно къ выводу, что новая школа вступала въ борьбу съ французскимъ умственнымъ направленіемъ, въ особенности въ томъ видѣ, какой это направленіе получало, если смотрѣть на него сквозь нѣмецкія очки. Но Стеффенъ перенесъ, кромѣ того, на сѣверъ и германскій культурный потокъ. И вотъ, въ слѣдующей своей, столь же многозначительной стадіи развитія, описываемое нами движеніе превращается изъ враждебнаго къ Франціи во враждебное къ чужому вообще, въ особенности къ Германіи, которая такъ долго играла въ Даніи роль притѣснительницы, и, благодаря странному, хотя вполне естественному ходу вещей, именно этотъ возвратъ къ прошлому, къ народному, получившій такое преобладаніе

вслѣдствіе подражанія Германіи, и способствовалъ все большому и большому отдаленію Даніи отъ Германіи. (Скандинавское направленіе, Грудтвигъ).

Мы находимъ въ Англіи тѣ же основныя черты, которыми обозначается это движеніе во всѣхъ другихъ странахъ. Здѣсь стараются также страхнуть съ себя французское образованіе, которое въ XVIII вѣкѣ господствовало среди высшихъ классовъ общества. Послѣдній поэтъ классическаго направленія, Поупъ, пересталъ вскорѣ служить образцомъ для молодого поколѣнія. Маленькаго человѣчка потрясли за его красивый парикъ и стали топтать ногами правильно расположенные цвѣтники его сада. Теперь только увидѣли ясно, какой могущественный резервъ представляли для британскаго народнаго духа болѣе бодрія, свѣжія, еще не истощенныя культурою королевства, лежація въ сторонѣ отъ средоточія политической жизни. Ирландія, вскормившая въ XVIII вѣкѣ такого мыслителя, какъ Свифтъ, и такого писателя, какъ Гольдсмита, обладала цѣлымъ сокровищемъ восхитительныхъ мелодій, которыя стали звучать со всѣхъ поющихъ устъ въ Европѣ, какъ только нашелся великій лирикъ, снабдившій ихъ словами. Валлійцы собрали и издали свои старинныя стихотворенія, а въ Шотландіи, гдѣ въ низшіе общественные классы еще не успѣли проникнуть тяжелыя условія жизни англійскихъ фабричныхъ рабочихъ и гдѣ гордый своимъ прошлымъ и своею родиною народъ крѣпко держался своихъ народныхъ пѣсень, своихъ предразсудковъ и своей политической самобытности, появился въ концѣ XVIII вѣка Оссианъ Макферіона, какъ бы въ видѣ протеста противъ холодно-разсудочной и составленной по всѣмъ правиламъ искусственной поэзіи. Онъ оказалъ одинаково большое вліяніе на Альфіери и Фосколе въ Италіи, на Гердера и Гете въ Германіи и на Шатобріана во Франціи. За тѣмъ появляются въ Англіи—собраніе англійскихъ народныхъ пѣсень Перси, а въ Шотландіи—собраніе старинныхъ шотландскихъ балладъ Вальтера Скотта.

Но въ промежуткѣ между этими двумя произведеніями происходило одно изъ тѣхъ литературныхъ теченій изъ одной страны въ другую и обратно, изслѣдованіе которыхъ составляетъ главную нашу задачу и которое здѣсь ярко выступаетъ впередъ. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ сборника Перси, эта книга появилась въ Геттингенѣ, въ домѣ одного мелкаго чиновника судебнаго вѣдомства, жившаго въ самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ, въ возмутительномъ и деморализующемъ двойномъ бракѣ съ двумя сестрами. Сборникъ Перси произвелъ такое впечатлѣніе на Вюргера, что вызвалъ настоящій переворотъ въ его умѣ, и его охватило неудержимое желаніе написать что-нибудь такое, что давно уже было изгнано изъ всякой хорошей поэзіи, но что онъ въ обращеніи къ Ваггезену обозначаетъ, какъ настоящую поэзію, именно балладу (см. *Лабиринтъ*). И вотъ онъ началъ трудиться надъ своею знаменитою *Ленорою*, обрабатывая ее медленно, одну недѣлю за другою, и съ такимъ убѣжденіемъ въ значительности предпринимаго имъ шага, что его письма къ друзьямъ изобилуютъ выраженіями, въ которыхъ сквозитъ сильнѣйшее сознаніе собственного достоинства. Эта бал-

лада вышла въ свѣтъ и обошла вскорѣ всю Европу. Въ 1795 г. одна молодая дама въ Единбургѣ познакомила съ нею другого чиновника судебного вѣдомства, и этотъ молодой юристъ, по имени Вальтеръ Скоттъ, въ которомъ таился поэтъ и притомъ гораздо большій, чѣмъ авторъ Леноры, выступилъ впервые на поэтическомъ поприщѣ изданіемъ перевода этой баллады и другой: *Der wilde Säger*. Такъ какъ эти переводы встрѣчены были одобреніемъ, то онъ началъ считать себя поэтомъ. И именно на основаніи этихъ переводовъ и перевода Геца фонъ-Берлихингена, изданнаго Скоттомъ въ 1799 г., возникъ національный шотландскій романтизмъ его поэзіи.

Слѣдовательно, въ этой литературѣ замѣчается также первоначально дуневіе обще-европейской реакціи противъ XVIII столѣтія. Полное жизни національное чувство, смѣнившее космополитическое настроеніе, мы находимъ въ Англіи у Вордсворта въ образѣ поэтического описанія патріотизма, у Соутея въ видѣ чисто или полу-официальнаго прославленія королевскаго дома и національных подвиговъ, у шотландца Кэмпбелля—въ видѣ бурныхъ военныхъ пѣсенъ и пѣсенъ о свободѣ, между тѣмъ какъ Скоттъ и Муръ являются точно поэтическими воплощеніями Ирландіи и Шотландіи. Всеобщее стремленіе къ народному находить выразителя прежде всего и главнымъ образомъ въ лицѣ Вордсворта, изображавшаго преимущественно жизнь низшихъ классовъ общества и пролетаріевъ: пристрастіе къ среднимъ вѣкамъ—въ лицѣ прежде всего и главнымъ образомъ Скотта, соединявшаго радость антикварія при видѣ памятниковъ прошлаго со страстью политика изображать все, унаслѣдованное отъ предковъ, въ наиболѣе привлекательномъ видѣ. Романтизмъ суевѣрія находитъ своего поэта въ лицѣ Кольриджа, дѣланнаго ребячествомъ и простотой котораго находится въ тѣсномъ сродствѣ съ Тикомъ, а Кольриджъ въ то же время—тотъ изъ поэтовъ, который, будучи проникнутъ германскою философіею того времени, заявляетъ общій научный протестъ противъ эпохи просвѣщенія. Его ученіе совершенно не англійское: это чисто апіористичное идейное ученіе въ противоположность экспериментальному характеру англійской науки; это консервативное, религіозное и исторически обоснованное ученіе, въ противоположность прежней философіи, носившей радикальный, невѣрующій и метафизическій характеръ; это шеллингизмъ, который сначала старается сохранить возможно больше изъ выводовъ предыдущаго столѣтія, но затѣмъ все болѣе упорно и ограниченно стремится къ противоположной крайности того, что потерпѣло такую неудачу въ предшествовавшую эпоху. Соутей становится на путь безпорядочно фантастическаго направленія романтизма своими повѣствовательными восточными поэмами, а что касается страдающихъ раздвоеніемъ, страстныхъ героев Шатобріана и романтизма, то они выступаютъ въ болѣе рѣзкихъ и мужественныхъ образахъ у Байрона, между тѣмъ какъ вѣра въ духовъ Телли и его раствореніе всѣхъ прежнихъ прочныхъ формъ въ эфирной музыкѣ стиха напоминаютъ о задумчивости и неопредѣленности у Новалиса.

II.

Но эти общія основныя черты вѣка весьма замѣтнымъ образомъ сглаживаются цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ англійскихъ особенностей, которыя нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не появляются, но которыя встрѣчаются у иныхъ несхожихъ между собою писателей, выступающихъ на сцену въ этотъ періодъ англійской литературы.

Эти особенности могутъ быть все сведены къ одной основной чертѣ: къ сильно выраженному натурализму. Какъ мы уже видѣли, первое движеніе заключалось въ томъ, что писатели сдѣлались національными. Но быть національнымъ означало въ Англіи тоже, что быть приверженцемъ натуралистическаго направленія, подобно тому, какъ въ Германіи оно означало быть романтикомъ, а въ Даніи—поклонникомъ древне-скандинавскаго міра. Эти писатели изслѣдуютъ изучаютъ и поклоняются все природѣ, *the nature*. Вордсвортъ, любящій выдавать свои склонности за идеи, буквально провозглашаетъ своимъ знаменемъ слово „природа“ и изображаетъ въ гравіозныхъ образахъ, но съ мельчайшими подробностями, горы, озера и рѣки, крестьянъ и рабочихъ сѣверной Англіи. Описанія природы Скотта составлены на основаніи сдѣланныхъ на мѣстѣ многочисленныхъ замѣтокъ и такъ вѣрны, что ботаникъ могъ бы на основаніи ихъ изучать мѣстный растительный міръ, Китсъ со всемъ своимъ увлеченіемъ античнымъ міромъ и греческою мифологіею—сенсуалистъ, обладающій самою тонкою воспримчивостію чувствъ и самою утонченною, многостороннею чувственностію: онъ видитъ, слышитъ, ощущаетъ, вкушаетъ, и вдыхаетъ всякаго рода роскошные оттѣнки красокъ, и пѣніе птицъ, и шелковистую мягкость, и сочность, и благоуханіе цвѣтовъ встрѣчаемыхъ въ природѣ. Муръ—воплощенное одухотвореніе чувственности. Этотъ избалованный и балующій своихъ читателей поэтъ живетъ какъ будто окруженный самыми прекрасными и самыми изысканными особенностями природы. Онъ ослѣпляетъ нашъ умъ солнечнымъ блескомъ, усыпляетъ его соловьиными мелодіями и топить въ сладостяхъ. Съ нимъ мы живемъ въ постоянномъ мечтательномъ созерцаніи крыльевъ, цвѣтовъ, радугъ, улыбокъ, ярко вспыхивающаго румянца, краски стыдливости на щекахъ, слезъ, поцѣлуевъ и опять поцѣлуевъ. Натурализмъ—это та тенденція, которая таится въ сокровенной глубинѣ такихъ сочиненій, какъ Байроновскій *Донъ Жуанъ* и Ченги Шелли. Другими словами, на англійской почвѣ натурализмъ получаетъ такое сильное развитіе, что проникаетъ собою столько же стремленіе къ сверхестественному у Кольриджа, сколько глубоко церковную вѣру въ откровеніе у Вордсворта, атеистическую вѣру въ духовъ у Шелли, революціонный либерализмъ у Байрона и историческій интересъ у Скотта. Онъ господствуетъ надъ личною вѣрою и поэтическимъ направленіемъ всѣхъ поэтовъ.

Это мощное яркое чутье дѣйствительности опирается на различныхъ, рѣзко проявляющихся, англійскихъ качествахъ,—прежде всего на любви къ морю и къ

сушѣ. Почти всѣ выступающіе въ этотъ періодъ времени англійскіе писатели—сельскіе жители или моряки. Англійская муза со времени Арильда была всегда въ дружбѣ съ барскими помѣстьями и арендаторскими фермами. Чисто англійская поэзія Вордсворта гармонируетъ вполне съ получившими громкую извѣстность картинами и гравюрами, рисующими англійскую сельскую жизнь съ лежащимъ на ней отпечаткомъ здоровья и уравновѣшеннаго спокойствія, а мѣстами—съ евангелическимъ сіяніемъ надъ снопами, изображающими отеческую дѣятельность сельского священника или благоговѣйный характеръ домашней молитвы. Бѣрнсъ, пѣвецъ изъ-за плуга, величайшій поэтический гений Шотландіи, рано посвятилъ шотландскую поэзію сельской жизни, и много правды въ фдкихъ словахъ Эмерсона, когда онъ говоритъ, что Скоттъ во всѣхъ своихъ повѣствовательныхъ поэтическихъ произведеніяхъ далъ лишь рифмованный дневникъ путешествія по Шотландіи. Что эти сочиненія производили такое же впечатлѣніе и на его современниковъ, видно изъ сатирической шутки Мура относительно того, какъ Скоттъ въ своихъ стихотвореніяхъ описываетъ одно барское помѣстье за другимъ¹⁾. А какую роль играли барскія помѣстья въ существованіи этихъ двухъ столь диаметрально противоположныхъ поэтическихъ натуръ, какъ Байронъ и Скоттъ! Имя Ньюстада неразрывно связано съ именемъ Байрона, подобно тому, какъ имя Абботсфорда связано съ именемъ Вальтера Скотта. Старое аббатство, съ его средневѣковой и фантастическою архитектурой, составляетъ для Байрона необходимый фонъ его титула пэра и залогъ его права на оспѣдность въ Англіи. Онъ только тогда продастъ его, когда навсегда прощается въ родину. Помѣстье Вальтера Скотта, правда, не такое старинное и почтенное: онъ купилъ себѣ Аб-

¹⁾ Should you feel any touch of poetical glow
We've a Scheme to suggest—M-r Scott, you must know
Having quitted the Borders, to seek new renown
Is coming, by long Quarto stages, to Town;
And beginning with Rokeby (the job's sure to pay)
Means to do all the Gentlemen's Seats on the way.
Now the Scheme is (though none of our hackneys can beat him)
To start a fresh Poet through Highgate to meet him;
Who, by means of quick proofs—no revises—long coaches—
May do a few Villas, before Scott approaches.

Moore: Intercepted Letters, № 4.

(Если вы ощущаете въ себѣ искру поэтического вдохновенія, вотъ вамъ проектъ: Г. Скоттъ, какъ вамъ извѣстно, покинулъ юриспруденцію за поисками новой славы и отправился въ Town съ долгими остановками по пути; начавъ съ Рокби, онъ намѣренъ пробѣжать всѣ барскія помѣстья по дорогѣ. Теперь погоня состоитъ въ томъ (хотя ни одинъ изъ нашихъ спортсменовъ не въ силахъ сразиться съ нимъ), чтобы выслать на встрѣчу ему черезъ Гайгэтъ свѣжаго поэта, который, помощью быстрыхъ переѣздовъ, безъ остановокъ, безъ замедленій, пробѣжитъ нѣсколько виллъ прежде, чѣмъ Скоттъ успѣетъ приблизиться). Мура. Перехваченныя письма 4.

борфордъ, когда желаніе пріобрѣсть недвижимую собственность, давно уже возбуждавшееся въ немъ, сдѣлалось неудержимымъ, и въ тотъ счастливый періодъ жизни, который онъ проводитъ въ немъ, онъ устраивается такъ, какъ будто съ дѣтства росъ съ единственною цѣлью въ виду—оказывать королевское гостепріимство старому шотландскому политика и жить его смѣлою жизнью на вольномъ воздухѣ. Величайшее для него удовольствіе переходить въ бродъ черезъ бурную рѣку, съ опасностью сломать голову, хотя, пройдя всего шаговъ 50, онъ могъ переѣхать рѣку по мосту, или же ѣздить верхомъ на дикой лошади, на которую никто другой не рѣшался садиться, или же ловить лососей на крюкъ при свѣтѣ факеловъ, коченія отъ ночного холода или же промокая до костей отъ падающаго дождя. Какой знатокъ жизни Байрона не вспомнитъ при этомъ о его пристрастіи къ верховой ѣздѣ на бѣшеной лошади и его смѣлыхъ попыткахъ переплывать рѣки!

Тѣмъ не менѣе въ отношеніи обоихъ поэтовъ къ ихъ помѣстьямъ замѣчается противоположность, обусловленная различіемъ въ ихъ натурѣ. Пристрастіе Байрона къ Ньюстаду основывается на его аристократическихъ наклонностяхъ, пристрастіе Скотта къ Абботсфорду—на его историческихъ инстинктахъ. Подобно тому, какъ въ глубинѣ помѣстья Скотта находился Этрикскій лѣсъ, въ глубинѣ Ньюстада красовался Шервудскій лѣсъ, получившій такую громкую извѣстность, благодаря Робину Гуду и его веселымъ товарищамъ. Тѣмъ не менѣе эти воспоминанія не оказали замѣтнаго вліянія на байроновскую поэзію, хотя онъ, впрочемъ, даетъ прекрасное описаніе аббатства* въ 13 пѣснѣ Донъ-Жуана. Напротивъ того, воспоминанія объ Этрикскомъ лѣсѣ, точно припѣвъ, проходятъ черезъ всѣ поэтическія произведенія Скотта, и не Байронъ, а онъ въ своемъ Айвенго воскресилъ изъ мертвыхъ жизнь и поэзію Шервудскаго лѣса.

Вторая особенность англійскаго натурализма—пристрастіе поэтовъ къ высокимъ породамъ животныхъ и ихъ постоянныя сношенія съ міромъ животныхъ. Они питаютъ любовь ко всѣмъ домашнимъ животнымъ, что является послѣдствіемъ присущей англичанамъ привязанности къ домашнему очагу. Они таскутъ за собою въ путешествія свой домашній скарбъ и своихъ домашнихъ животныхъ. Почти всѣ эти писатели-спортсмены, главнымъ образомъ страстные наѣзники. Необходимо обратить вниманіе на эту черту, чтобы, какъ это часто дѣлается, не видѣть личной или оригинальной особенности въ характеристическомъ явленіи, составляющемъ принадлежность народной души. Недаромъ эта раса произошла отъ двухъ мистическихъ героевъ съ лошадиными именами: Гептиста и Горза. Любовь Байрона къ лошадямъ, собакамъ и всякаго рода дикимъ звѣрямъ, на которую такъ часто указывали, какъ на оригинальную особенность этого нелюбимаго изгнанника, проявляется въ такой же рѣзкой формѣ у живущаго въ счастливой домашней обстановкѣ Вальтера Скотта. Извѣстное письмо Мэтью о жизни въ Ньюстадѣ рисуетъ намъ юношу-Байрона окруженнымъ цѣлымъ звѣринцемъ, въ которомъ находились, между прочимъ, одинъ медвѣдь и одинъ волкъ; Медвѣдъ

въ своихъ сообщеніяхъ о жизни поэта въ Италіи рассказываетъ, какъ онъ выѣхалъ изъ Равенны въ 1821 г.—съ 4 слугами, 5 экипажами, 9 лошадьми, одною обезьяною, одною охотничьею собакою, однимъ бульдогомъ, 2 кошками, 3 псарками и другими птицами. Это можетъ показаться чисто личною особенностью. Но для сравненія прочитаемъ въ біографіи Вальтеръ Скотта описаніе его переселенія въ Абботсфордъ. Разница вся только въ томъ, что здѣсь къ звѣринцу примѣшивается самымъ комичнымъ образомъ и лавка антикварія: „Поѣздъ походилъ на караванъ, экипажи были наполнены старыми мечами, луками, щитами и пиками; куръ расположили въ старыхъ шлемахъ, и даже коровы должны были въ этой процессіи нести старыя знамена, штандарты и мушкеты. Рядомъ съ процессіею бѣжало съ дюжину крестьянскихъ дѣтей, навьюченныхъ рыболовными снастями, сѣтями и крючками для ловли лососей, и ведущихъ за собою на веревкахъ всякаго рода собакъ.“—Находимъ признакъ меланхоліи вѣчно тосковавшаго Байрона въ его привязанности къ собакамъ Боруену и въ торжественной надписи, которую онъ приказалъ выгравировать на могилѣ своего любимца. Но для лучшаго пониманія этого явленія вспомнимъ, что и жизнерадостный Скоттъ, когда пропала его любимая собака Кампъ, велѣлъ похоронить ее торжественно въ саду, между тѣмъ, какъ все его семейство стояло вокругъ могилы и плакало.

Но еще болѣе многозначительнымъ, чѣмъ любовь къ помѣстьямъ, къ собакамъ и лошадямъ и чѣмъ слѣды, оставленные ею въ англійской поэзіи, является любовь англичанъ къ морю. Англичанинъ—настоящая амфибія. Значительная группа описаній природы, составленныхъ въ это время, принадлежитъ къ области маринны. Существовало старинное, въ то время со славою подтвердившееся преданіе, что Англія—царица морей; англійская поэзія была и осталась лучшею выразительницею и истолковательницею моря. Свѣжимъ и вольнымъ дуновеніемъ моря вѣетъ въ лучшихъ поэтическихъ произведеніяхъ страны; море рисовалось поэтомъ Англіи великимъ символомъ свободы, подобно тому, какъ Альпы во все времена служили такимъ же символомъ для вольныхъ сыновъ Швейцаріи. Вордсвортъ вполне справедливо восклицаетъ въ своихъ Сочетахъ, посвященныхъ свободѣ (I, XII).

Two voices are there; one is of the sea,
One of the mountains; each a mighty voice:
In both from age to age thou didst rejoice,
They were thy chosen music, Liberty!

(Тамъ слышатся два голоса: одинъ голосъ съ моря, другой голосъ съ горъ; каждый—сильный, мощный; оба тебя всегда приводили въ восхищеніе; они были твоею любимую музыкою, о свобода!)

Поэтому также давно погребенный духъ эпохи викинговъ всплываетъ вновь на поверхность у лучшихъ поэтовъ этой страны въ тотъ періодъ времени, когда англійская литература XIX вѣка достигаетъ апогея своего развитія. Въ стихо-

твореніи Кольриджа Старый морякъ сосредоточивается весь страхъ и ужасъ, внушаемые моремъ. Ода Кэмбелля Моряки Англіи представляетъ увлекательное, мелодичное и мужественное прославленіе героическаго мужества и могучей силы и власти англійскихъ моряковъ; байроновскія странствованія викинговъ отражаются непосредственно въ Чайльдъ-Гарольдъ и въ Донъ-Жуанъ; страсть Шелли къ морю и мореплаванію живетъ и дышетъ въ волнообразномъ движеніи его ритма и во всѣхъ тѣхъ его пѣсняхъ, которыя прославляютъ вѣтеръ и волны, но прежде всего и главнымъ образомъ въ его мастерскомъ произведеніи: Ода къ западному вѣтру.

Въ отношеніи къ обществу натурализмъ дѣлается,—какъ это замѣчалось уже у Руссо,—революционнымъ, и за этою любовью къ помѣстьямъ, и за этою страстью подвергать себя прихотямъ моря и властвовать надъ ними, которыя являются самыми глубокими основами натурализма, скрывается у англичанъ еще болѣе глубокое чувство національной самостоятельности; это чувство должно было, въ виду извѣстныхъ историческихъ отношеній этого времени, привести естественно лучшіе умы къ радикализму. Ни одна нація не проникнута въ такой сильной степени чувствомъ собственного достоинства, какъ англійская; это замѣтнѣе всего, когда англичанинъ находится за границею среди чужеземцевъ; онъ выпаливаетъ свою національность: „я англичанинъ“,—„точно трубный звукъ“. Это чувство собственного достоинства перешло и въ англійскую литературу, и въ рѣшительную минуту придало ей характеристическую особенность; оно же въ разсматриваемый нами періодъ времени даетъ толчекъ и производитъ переворотъ въ литературномъ движеніи Европы. Требуется англичанинъ, подобный Байрону, чтобы остановить потокъ, струившійся изъ Священнаго союза,—англичанинъ, потому, во первыхъ, что только англійскій поэтъ могъ имѣть достаточно смѣлости для этого, затѣмъ потому, что въ то время только англійскіе поэты обладали опредѣленными политическими стремленіями и провинциальнымъ политическимъ пониманіемъ, всегда отличавшимъ эту первую и, быть можетъ, единственную парламентскую націю. Требовался дальше англичанинъ, чтобы съ дикою энергіею бросить перчатку въ лицо собственному народу. Только въ наиболѣе гордомъ своемъ національностью народѣ можно было найти великіе умы, достаточно гордые, чтобы дѣйствовать вопреки желаніямъ своей націи.

Эта личная самостоятельность у выдающихся поэтическихъ дѣятелей Англіи обусловливается чисто англійскою особенностью. Эти поэты, такъ сказать, не придерживаются никакого ученія; иногда еще они провозглашаютъ какую нибудь эстетическую теорію, но философской—никогда. Между тѣмъ какъ, напр., нѣмцы: Лессингъ, Гете и Шиллеръ—вносятъ всѣ богатые вклады въ науку, между англійскими поэтами нѣтъ ни одного научнаго дѣятеля. И что замѣчательнѣе всего, эти писатели никогда не совѣщаются другъ съ другомъ. Гете и Шиллеръ ведутъ безконечную переписку о характерѣ различныхъ сюжетовъ, о настоящемъ способѣ ихъ изложенія; они иногда ведутъ пространныя бесѣды о необходимости прибавки

или убавки одной строфы. Гейбергъ и его школа слѣдуютъ опредѣленнымъ эстетическимъ основнымъ правиламъ, относительно которыхъ они пришли къ соглашенію; они почти столько же критики, какъ и поэты. Но Скоттъ, Байронъ и Муръ, соединенные узами сердечной дружбы, пишутъ каждый отдѣльно свои поэтическія произведенія, не обмѣниваясь и не выражая желанія обмѣниваться ни указаніями, ни совѣтами, ни бесѣдами съ сотоварищами-поэтами относительно начатыхъ работъ. Даже тогда, когда, въ видѣ исключеній, одинъ изъ нихъ оказываетъ вліяніе на другого, какъ напр., Байронъ на Вордсворта и въ особенности на Шелли, то это происходитъ, такъ сказать, втайнѣ, совершенно безсознательно, и притомъ такъ, что поэтъ, покорившійся чужому вліянію, никогда не упоминаетъ объ этомъ и не признается въ этомъ. Одинъ американскій писатель очень удачно выразилъ эту особенность англійской расы въ слѣдующихъ словахъ: „Каждый изъ этихъ островитянъ представляетъ самъ по себѣ островъ“.

Мы коснулись выше вопроса о политическомъ пониманіи и участіи. Подобно тому, какъ между этими поэтами нѣтъ ни одного научнаго дѣятеля, нѣтъ между ними ни одного, который не былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ политикомъ. Политическія стремленія являются непосредственными слѣдствіями свойственнаго англійской націи реализма. Разница въ убѣжденіяхъ можетъ раздѣлить этихъ поэтовъ въ политическомъ отношеніи, но они все стоятъ на сторонѣ той или иной партіи: такъ, Скоттъ—тори, Вордсвортъ—реалистъ, Соутей и Кольриджъ свачала приверженцы, потомъ противники либеральныхъ идей своего времени, Муръ—сторонникъ ирландцевъ, Ландоръ, Кембелль, Байронъ и Шелли—радикалы, защитники притѣсняемыхъ націй. Исключеніе составляетъ только одинъ поэтъ, Китсъ, но не слѣдуетъ забывать, что онъ умеръ въ возрастѣ 25 лѣтъ.

Благодаря этому интересу къ дѣйствительной жизни, чисто литературные вопросы (напр., классицизмъ или романтизмъ) не могли, въ виду ихъ обособленности отъ жизни, получить въ Англіи то преувеличенное значеніе, какое придавалось имъ въ то время чисто книжными столкновеніями и спорами въ литературномъ мірѣ Германіи, Даніи и даже Франціи. Забавно только видѣть у этихъ поэтовъ, какимъ образомъ стремленіе англичанъ къ практической дѣятельности соединяется у нихъ съ фантастическими порывами поэта. Скоттъ доводитъ свою ненависть къ революціи до чистѣйшаго донъ-кихотства. Напр., онъ приходитъ въ соглашеніе съ однимъ своимъ другомъ, герцогомъ, въ случаѣ высадки французовъ въ Англію, удалиться въ лѣса и жить тамъ на подобіе Робина Гуда и его товарищей. Около того же времени Соутей и Кольриджъ, сгорая яacobинскимъ пыломъ юности, объявили своимъ знакомымъ о своемъ намѣреніи эмигрировать въ какой-либо уединенный уголокъ Америки; выбраны были берега рѣки Сускеганны, потому что названіе этой рѣки казалось молодымъ людямъ особенно прекраснымъ и мелодичнымъ; тамъ они собирались основать общину, пантисократію, гдѣ собственность была бы общою и гдѣ все люди жили бы въ естественномъ состояніи.

Ландоръ, который въ качествѣ солдата въ Испаніи не побоялся подвергать свою жизнь опасности, защищая свои идеи, хотѣлъ въ юности дома въ Варвикширѣ воскресить эпоху аркадскихъ идиллій; онъ, какъ поэтъ, подходит въ значительной степени къ социалисту Одену. Шелли отличался въ политикѣ такою воспримчивостью, что заставляетъ постоянно вспоминать объ одномъ его раженіи въ Julian and Maddalo:

Me, who am as a nerve o'er which do creep,

The else—unfelt oppressions of this earth.

(Я, точно нервъ на которомъ отражается всякое давленіе на этой землѣ, нечувствительное для другихъ).

Онъ предчувствовалъ многіе политическіе перевороты. Но тотъ же Шелли, который за пятьдесятъ лѣтъ до введенія парламентской реформы составилъ точный планъ ея въ одной политической брошюрѣ, а въ драмѣ „Эллада“ предвѣщалъ счастливый исходъ возстанія въ то время, когда оно государственнымъ дѣятелямъ казалось безнадежнымъ, является чистѣйшимъ фантазеромъ, какъ только заговариваетъ о предстоящемъ золотомъ вѣкѣ человѣческаго рода. Прочитайте, какъ онъ описываетъ его, будучи юношею, въ своей Королевѣ Мэбъ: „Ледъ сѣвернаго полюса таетъ, пустыни обрабатываются, ящерица лижетъ ногу ребенка, вѣтры дѣлаются мелодичными, плоды всегда зрѣлы, цвѣты всегда прекрасны. Левъ играетъ съ козленкомъ, человѣкъ не убиваетъ животныхъ и не питается ими, птицы не убѣгаютъ больше отъ людей. Ужасъ исчезъ“. Невольно вспоминаешь при этомъ самые сумасбродные изъ проектовъ современныхъ французскихъ социалистовъ: учрежденіе фаланстеріи должно было, согласно составленному Фурье плану, оказать такое сильное дѣйствіе на экономическія условія всей земли, что въ концѣ концовъ сама природа подверглась бы измѣненіямъ: сѣверное сіяніе, прикрѣпленное къ сѣверному полюсу, доставило бы Сибири теплоту Андалузіи; люди стняли бы у моря его соль и вмѣсто того придали бы ему вкусъ лимонада, а морскихъ чудовищъ начали бы впрягать, какъ морскихъ коней, въ наши корабли. Къ счастью, паровая машина вскорѣ сдѣлала излишнею эту запряжку. Даже Байронъ, несомнѣнно, самый практичный изъ этихъ поэтовъ,—былъ поэтомъ и въ своей политикѣ. Нѣтъ почти сомнѣнія, что королевская корона Греціи сильно привлекала его, составляя цѣль его усилій.

Я вовсе не хочу скрывать, что у англійскихъ поэтовъ проявляется не мало фантазій, не смотря на ихъ практическое направленіе. И все же сквозь всю ихъ мораль, сквозь ихъ міровоззрѣніе проходитъ реалистическая черта, которая въ такомъ рѣзко проявляющемся видѣ не встрѣчается ни у какого другого народа. Мы находимъ больше здраваго человѣческаго смысла въ ихъ поэзіи, чѣмъ въ поэзіи поэтовъ другихъ національностей. Все они отличаются сельнымъ стремленіемъ къ справедливости. Вордсвортъ унаследовалъ его отъ Милтона; Кембелль, Байронъ и Шелли чувствуютъ его настолько инстинктивно, непроизвольно, что они, казалось, могли бы отстоять его противъ цѣлаго міра. А

между тѣмъ это стремленіе не играетъ никакой роли ни у великаго германскаго предшественника Байрона, Гете, ни у его талантливаго французскаго преемника, Мюссе. Ни одинъ изъ этихъ поэтовъ никогда не призывалъ властителей на судъ справедливости. Но что является оригинальною, чисто англійскою особенностью, это то, что эта справедливость, о которой мечтаютъ англичане, не есть априористическая идея, которой, напр., поклоняется Шиллеръ, а есть дитя полезности. Для того, чтобы хорошенько понять мою мысль, обратимся къ такому воздушно-му, идеалистическому поэту, какъ Шелли, и мы увидимъ, что его мораль такъ же точно проникнута утилитарною философіей, какъ и мораль Бентама и Стюарта Милля. Характеристичнымъ въ этомъ отношеніи является одинъ отрывокъ въ его *Essays*. Онъ говоритъ во 2-й главѣ „*Speculations of Moral*“: „Если кто спрашиваетъ, почему онъ долженъ способствовать счастью человѣчества, онъ требуетъ математическаго или метафизическаго основанія для нравственнаго дѣйствія. Нелѣпость такого скептицизма менѣе явственна, но не менѣе дѣйствительна, чѣмъ нелѣпость требованія нравственнаго основанія для какаго-либо математическаго или метафизическаго положенія.“ Въ ученіи высшее счастье для возможно большаго числа людей, и въ глубокомъ, проникнутомъ практическимъ духомъ стремленіи къ справедливости, служившемъ психологическимъ источникомъ этого ученія, заключается въ дѣйствительности исходный пунктъ радикализма англійской поэзіи во время великой европейской реакціи.

III.

Такъ какъ англичане являются одновременно наиболѣе стойкимъ и наиболѣе предприимчивымъ народомъ, націею, которая больше всѣхъ любитъ свою родину, свой очагъ и въ то же время больше всѣхъ любитъ путешествовать, которая медленнѣе всѣхъ другихъ предпринимаетъ измѣненія въ своемъ строѣ, и въ то же время проявляетъ наибольшее свободомысліе въ политическомъ отношеніи, то дѣятели этой страны по необходимости распадаются на двѣ большія политическія группы: изъ нихъ одна обозначаетъ собою сохраненіе *statu quo*, а другая воплощаетъ въ себѣ смѣлое свободомысліе. Дѣленіе на партіи не представляетъ здѣсь никакого сходства съ тѣмъ, что продѣлывается во Франціи. Если Тэнъ и преувеличиваетъ, говоря, будто во Франціи существуютъ только двѣ партіи,—двадцатилѣтнихъ и сорокалѣтнихъ,—то все же это дѣленіе является существеннымъ и къ нему только присоединяютъ то или иное историческое названіе партій. Въ Англіи дѣленіе основывается на самомъ характерѣ народа, и въ этотъ оживленный періодъ англійской поэзіи Вордсвортъ служить представителемъ одной группы качествъ, а Байронъ—типомъ другой группы.

Впрочемъ, въ началѣ XIX столѣтія, раздвоеніе получило еще болѣе глубокое основаніе, благодаря двойственнаго характера главнаго событія того времени. Этимъ главнымъ событіемъ была война съ Франціею. Уже говоря о герман-

ской войнѣ за освобожденіе, я употребилъ выраженіе, что это, правда, возстаніе противъ ужаснаго деспотизма, но противъ такого, который служилъ выраженіемъ идей революціи, и что это была, правда, борьба за домъ и очагъ, но такая, которая происходила по велѣнію старыхъ реакціонныхъ династій; если это можно вполне справедливо сказать о борьбѣ Германіи, то насколько въ большей степени это вѣрно относительно войнъ Англіи, независимость ея не подвергалась опасности, но опасность грозила въ высшей степени ея интересамъ; при этомъ во все время продолжительнаго періода войнъ и еще долгое время спустя во главѣ ея не стояли, какъ въ Германіи, свободомыслящіе люди, но высшая власть сосредоточивалась въ рукахъ наиболѣе одеревенѣлаго и наиболѣе упрямо-реакціоннаго правительства торіевъ, какое когда-либо существовало въ исторіи Англіи.

Поэтому-то основной фонъ всего этого періода изящной литературы такой мрачный, облака образующія его, тяжелы и черны, и „непроницаемы для солнца“ (*sunbeam proof*) какъ называлъ бы ихъ Шелли. Въ глубинѣ картины, которую я намѣренъ нарисовать читателю, Англія является чѣмъ-то въ родѣ пейзажа среди ночного освѣщенія. Великія качества народа были направлены на ложный путь, его рѣдкая стойкость была употреблена на то, чтобы побороть стремленіе къ свободѣ у другого народа, его благородною любовью къ свободѣ воспользовались, чтобы ниспровергнуть наполеоновскій деспотизмъ, а затѣмъ ею злоупотребили для возстановленія старыхъ гнилыхъ престоловъ, которые воздвигали, подъ прикрытіемъ порохового дыма съ Ватерлоо, съ такою поспѣшностью съ какою строятъ только эшафоты. Нейтральныя качества народа были превращены въ дурныя; самолюбіе и упорство развились въ дворянское жестокосердіе и купеческій эгоизмъ, процвѣтающіе обыкновенно въ реакціонныя эпохи; вѣрноподданническое отношеніе къ королевскому дому было экзальтировано до раболовія, а народное сознаніе собственного достоинства разгорячено до національной ненависти, развивающейся обыкновенно во время продолжительныхъ войнъ. Наконецъ, дурныя качества народа были развиты до крайности. Любовь къ внѣшнимъ приличіямъ во что бы то ни стало, составляющая типовую сторону нравственныхъ инстинктовъ, развилась въ лицемѣріе въ нравственной области, а упорная привязанность къ разъ установленной религіи, являющаяся практическимъ и наименѣе привлекательнымъ спутникомъ не глубоко продуманнаго умственнаго направленія, дошла отчасти до религіознаго лицемѣрія, отчасти до нетерпимости, до страсти преслѣдованія. Ни одно время не было такъ благопріятно для развитія лицемѣрія и фанатизма, какъ это, въ которое вожди народа какъ бы подстрекали его хвастать своею религіею передъ свободомыслящею Франціею.

Больше всего страдали отъ этого величайшіе поэты страны. Слишкомъ уже старе распространяться о ханжескомъ лицемѣріи (*Cant*), которое прогнало Байрона изъ его дома, и многіе, болѣе развитые, люди склонны объяснять честнымъ, хотя и ограниченнымъ убѣжденіемъ то, что прежде готовы были всегда призвать

ГЕОРГЪ БРАНДЕСЪ. V.

БІБЛИОТЕКА
Винницкого Педагогического
Ин-та №

Винницкого Педагогического
Ин-та №

лицемѣріемъ. Но съ такого рода мнѣніемъ невозможно согласиться. Ханжество, выказывающееся въ томъ видѣ, какой приняло англійское по отношенію къ Байрону и Шелли, не можетъ быть названо одною только глупостью,—это въ высшей степени возмутительное лицемѣріе, поддерживаемое ограниченностью.

Прежде всего самое дурное качество народа, склонность къ угнетенію, была буквальнымъ образомъ возведена въ систему. Ни къ одному періоду времени не можетъ быть примѣнено въ такой сильной степени то, что признается вообще кореннымъ недостаткомъ Великобританіи: Англія, Шотландія и Ирландія совместно притѣсняютъ отдаленныя колоніи, Англія и Шотландія совместно притѣсняютъ Ирландію, подавляютъ ирландскую церковь и угнетаютъ ирландскую промышленность и торговлю; Англія старается всѣми силами оттѣснить на задній планъ Шотландію, а въ самой Англіи богатый притѣсняется бѣднаго, а господствующій классъ—все другіе. Въ этотъ періодъ времени изъ 30 милліоновъ обывателей только одинъ милліонъ обладалъ правомъ голоса въ политическихъ дѣлахъ, и тотъ, кто прочитаетъ нападки на англійскихъ землевладѣльцевъ въ Мѣдномъ вѣкѣ Байрона, увидитъ, какъ безсовѣстно обогащались эти послѣдніе во время войны на счетъ другихъ классовъ общества и какъ беззащитно направляетъ она всю свою политику на то, чтобы обезпечить себѣ возможность такой дѣятельности и на будущее время.

Подобное положеніе дѣлъ оказываетъ отчасти пагубное, отчасти, напротивъ того, восторженное и возбуждающее вліяніе на писателей страны. Тѣ, у которыхъ священный огонь горѣлъ слабо, рано угасали и являлись реакционными опорами господствующаго положенія дѣлъ. Тѣ-же, блестящіе умы которыхъ способны были идти противъ вѣтра, развивали подъ гнетомъ этихъ отношеній либеральный пафосъ, приводившій въ сотрясеніе политическую атмосферу. Этимъ писателямъ Англія представлялась „Гибралтаромъ условностей“, и они покидали свое отечество, чтобы нападать, штурмовать и бомбардировать свою родину оружіемъ насмѣшки и негодованія.

Необходимо войти въ нѣкоторыя подробности относительно царившихъ въ этой родинѣ политическихъ отношеній, чтобы хорошенько понять ту почву, на которой выросла литература, и составить себѣ ясное представленіе объ основныхъ положеніяхъ (не относительно искусства, но относительно государства, общества, религіи), раздѣлявшихъ поэтовъ на противоположныя другъ другу группы. На англійскомъ престолѣ воссѣдалъ въ началѣ столѣтія (уже съ 1769 г.) Георгъ III. Съ дѣтства мать его старалась внушить ему преувеличенныя и совершенно не англійскія понятія о значеніи верховной власти,—понятія, господствовавшія на материкѣ, и это въ такой сильной степени удалось ей, что знатные лорды, избранные въ гофмейстеры принца, одинъ за другимъ отказывались отъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, потому что ихъ вліяніе встрѣчало слишкомъ сильное сопротивленіе. Одинъ изъ нихъ, лордъ Уольдегрэвъ, который былъ не только проницательнымъ наблюдателемъ, но и преданнымъ сторонникомъ

Ганноверскаго дома, нарисовалъ далеко не привлекательную картину характеристическихъ особенностей своего питомца: онъ описываетъ его богато одареннымъ, но безъ прилежанія; строго честнымъ, но безъ откровенности и прямоты, дѣлающихъ честность привлекательною; искренне набожнымъ, но обращающимъ слишкомъ много вниманія на ошибки и грѣхи своихъ ближнихъ; рѣшительнымъ, но упрямымъ и полнымъ предразсудковъ; онъ описываетъ дальше, какъ онъ никогда не давалъ сразу воли раздраженію и гнѣву, но сейчасъ-же замыкался въ себѣ, съ скрытностью и притворствомъ, а затѣмъ уже тѣмъ съ большею силою выражалъ въ дѣйствіяхъ свое недовольство,—и какъ тотъ же король, который обладалъ такою твердою памятью относительно всякой, нанесенной ему несправедливости, обладалъ больше чѣмъ королевскою забывчивостью относительно оказываемыхъ ему услугъ. Но, быть можетъ, наибольшимъ его недостаткомъ, какъ общественнаго дѣятеля и правителя, была та масса предразсудковъ, которые буквально заполонили его умъ. Въ частной жизни онъ былъ ровень, честенъ, довѣрчивъ и внушалъ своимъ подданнымъ большое уваженіе, хотя недостатки его воспитанія давали себя всегда чувствовать. Когда онъ сталъ во главѣ управленія, у него было очень мало знанія людей, а также мало знаній, почерпнутыхъ изъ книгъ, и всю свою жизнь онъ былъ и оставался совершенно невѣжественнымъ въ области литературы и искусства; но своекорыстный дворъ, окружающій его, доставлялъ ему вскорѣ знаніе людей, и король, которому все, отъ мала до велика, протягивали руки за милостями, вскорѣ научился придавать каждому человѣку должную цѣну и высчитывать пользу, которую можно было извлечь изъ окружающихъ. Его отъ природы хорошія умственные способности не были развиты ученіемъ, путешествіями или бесѣдами, но онъ умѣлъ справляться до мельчайшихъ подробностей со всѣми тѣми вопросами, которые не требовали особенно утонченнаго развитія души и мысли, и выказывалъ при этомъ ловкость, необходимую для правителя, лишь въ крайнемъ случаѣ соглашавшагося ограничиваться ролью короля только по имени.¹⁾

Георгъ III былъ Фридрихомъ VI Англіи. Онъ былъ дѣйствительно патріархальнымъ правителемъ и чувствовалъ себя отцомъ своего народа. Страна лишилась въ его правленіе своихъ сѣверо-американскихъ колоній, подобно тому, какъ Данія при Фридрихѣ VI лишилась Норвегіи; но ни эта потеря, ни вызвавшая ее неразумная политика не уменьшили популярности, какою пользовался государь. Домашняя жизнь короля Георга была образцомъ домашней жизни англійскаго джентельмена. Вставать рано утромъ—было основнымъ ея принципомъ. Она отличалась умѣренностью, порядкомъ, бережливостью, была устроена чисто по буржуазному во всѣхъ отношеніяхъ. Она была скучна до такой степени, что ея историка Тэккерея „пробираетъ дрожь“ при описаніи ея.

¹⁾ Massey: History of England, I, 59.

Если королю случалось вставать очень рано утромъ и будить самому своихъ пажей, онъ во время своей утренней прогулки вступалъ въ бесѣды со всѣми, встрѣчаемыми имъ на пути, заходилъ инкогнито во многіе дома и хижины, давалъ то серебряную монету ребенку, то курицу бѣдной женщинѣ. Однажды, гуляя съ королевою, онъ встрѣтилъ маленькаго мальчика, съ которымъ началъ бесѣдовать; во время разговора онъ вдругъ сказалъ ему: „стать на колѣни! вѣдь ты разговариваешь съ ея величествомъ королевою!“ Но мальчикъ упорно отказывался исполнить королевское велѣніе изъ боязни запачкать свои новые панталоны; эта бережливость въ такомъ юномъ возрастѣ такъ сильно тронула стараго Георга, что онъ прижалъ ребенка къ своему сердцу.

Жизнь при дворѣ отличалась утомительнымъ однообразіемъ, гнавшимъ молодыхъ принцевъ изъ дому; она-то была отчасти виною ихъ дурного поведенія. Вечеромъ король либо игралъ въ свое „токкодисье“, либо слушалъ свой вечерній концертъ, кивая въ тактъ головою, между тѣмъ какъ пажи зѣвали во всю въ боковой комнатѣ.

Ежедневныя прогулки происходили семейною группою на Виндзорскомъ валу; народъ собирался добродушно вокругъ и смотрѣлъ, а ученики Итонской школы просовывали изъ-подъ локтей зѣвакъ свои краснощекія лица. Музыка играла, а когда концертъ кончался, король никогда не забывалъ снимать свою треугольную шляпу и кланяться музыкантамъ со словами: „Благодарю васъ, господа!“

Какой датчанинъ не вспомнить при этихъ сценахъ о прогулкахъ Фридриха VI и о его катаніяхъ на лодкѣ въ качествѣ великаго адмирала въ Фредериксбергскомъ саду! Подобно ему, Георгъ III привлекалъ къ себѣ сердца своею простотою въ обращеніи и своимъ поношеннымъ сюртукомъ; о немъ можно сказать то-же, что Орла Леманъ говорилъ о Фридрихѣ VI, что въ „простотѣ короля (какъ въ отношеніи ума, такъ и въ отношеніи обращенія) и въ его добродушномъ участіи къ благу отдѣльныхъ лицъ, видѣли вознагражденіе за его недостатки государственнаго дѣятеля и правителя“—а много ли было такихъ, которые замѣчали эти недостатки! Для большинства обывателей Англіи Георгъ III былъ великимъ, проницательнымъ государственнымъ дѣятелемъ и могущественнымъ государемъ. Существуетъ знаменитая въ свое время гравюра (Жильрея), на которой Георгъ III изображенъ въ старомъ парикѣ и въ туго затянутомъ, поношенномъ, безобразномъ виндзорскомъ мундирѣ королемъ Бробдингнага: онъ держалъ въ одной рукѣ маленькаго Гюлливера, а въ другой—бинокль, и разсматриваетъ сквозь него маленькаго человѣка. Но какъ вы думаете: кто этотъ маленький Гюлливеръ? На немъ треугольная шляпа и сѣрый походный сюртукъ!

Датскіе читатели вспомнятъ при этомъ старую картину, которая въ фотографическихъ снимкахъ имѣла большой успѣхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. На ней была подпись: „Высокая возлюбленная семья“, и она изображала Фридриха VI на прогулкѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, отъ велика до мала. Маленькая

принцесса, которой только что исполнилось три года, шла впереди въ новомъ платьицѣ изъ тонкой кисеи, въ хорошенькой закрытой шляпѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ вѣеромъ въ рукахъ; она была въ восторгѣ отъ того, что ее выставляли напоказъ и постоянно поворачивала голову во всѣ стороны, чтобы видѣть всѣхъ, мимо кого ей приходилось проходить, потому что всѣ гуляющіе построились въ шеренги у стѣнъ домовъ въ ту минуту, когда появилась королевская семья, и очистили ей путь. Затѣмъ шествовали король и королева, радуясь удовольствію своей маленькой любимицы. Кронпринцъ велъ подъ руку леди Уэльдгрэвъ; за ними шли принцесса Августа подъ руку съ герцогиней Анкастеръ, генералъ Буде, герцогъ Ментагъ и майоръ Прайсъ, который, въ качествѣ шталмейстера, замыкалъ шествіе. Что за прелестная картина! восклицалъ Теккерей: между тѣмъ какъ это шествіе медленно подвигалось впередъ, хоръ музыкантовъ игралъ старинныя мелодіи, а солнечные лучи падали на старыя крѣпостныя укрѣпленія, освѣщая королевскій штандартъ, свѣтившійся съ большой башни, грандіозные виды и вѣрноподанныхъ зрителей, которыхъ прелестное дитя привѣтствовало своею невинною улыбкою.

Вотъ та домашняя идиллія, съ которой мало гармонировало съ внѣшней стороны стремленіе короля притѣснять сѣверо-американскія колоніи, бороться съ французскою революціею, уничтожать ирландскую церковь и отстаивать торговлю неграми со всѣми ея ужасами. Но даже домашней идилліи не суждено было продлиться до конца столѣтія. Въ 1788 г. съ королемъ сдѣлался первый припадокъ безумія, и уже тогда въ парламентѣ начали съ неслыханною страстностью возбуждать вопросъ о регентствѣ принца Уэльскаго,—вопросъ, окончательно рѣшенный въ 1810 г. Въ то время оппозиція думала, что ей удастся на долгое время ниспровергнуть правленіе тори, если принцъ будетъ назначенъ регентомъ. А между тѣмъ его характеръ и нравы пользовались у большинства народа такою дурною славою, что его вступленія на престолъ ожидали со страхомъ. Но именно въ то время, когда долженъ былъ быть внесенъ билль объ этомъ вопросѣ, Питтъ представилъ въ парламентъ бюллетень врачей о предстоящемъ въ непродолжительномъ времени выздоровленіи короля, и опасность на этотъ разъ миновала. Велико было разочарованіе принца, когда онъ узналъ объ этомъ,—тѣмъ болѣе, что во время болѣзни короля онъ выказывалъ далеко не сыновнія чувства. Онъ обладалъ замѣчательною способностью подражать чужимъ голосамъ и манерамъ, и одною изъ любимыхъ его забавъ во время болѣзни отца, которою онъ смѣшилъ своихъ окружающихъ, веселыхъ и распутныхъ мужичковъ, составляющихъ обычный кругъ его собесѣдниковъ, было передразнивать передъ ними внѣшность и поступки своего безумнаго отца. Этой черты достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о его характерѣ,—о характерѣ человѣка, котораго столь долгое время, благодаря извѣстному внѣшнему изяществу, называли „первымъ джентльменомъ Европы“.

Приходится удивляться искусству, съ какимъ этотъ человѣкъ умѣлъ, хотя бы на короткое время, располагать въ свою пользу лучшихъ людей своего вре-

мени. Его близкими пріятелями были, между прочимъ,—Боркъ, Фоксъ и Шериданъ. Правда, какъ замѣчаетъ Тэккерей, они не интересовались услышать его мнѣнія о конституціонныхъ вопросахъ или объ ирландскихъ отношеніяхъ—его мнѣнія о подобныхъ дѣлахъ! Но онъ болталъ съ Фоксомъ объ игрѣ въ кости, а съ Шериданомъ о винѣ,—это были пункты, на которыхъ интересы геніевъ и глупца сходились, и пріятель и соперникъ Брумеля былъ въ то время авторитетомъ моды въ вопросахъ о томъ, какія пуговицы больше всего подходятъ къ данному костюму, и какой соусъ слѣдуетъ приготовить къ такому-то паштету. Мало этого принцу удалось пріобрѣсть на короткое время даже расположеніе Мура. Изъ письма послѣдняго къ матери отъ іюня 1811 г. (*Memoirs*, I, стр. 225) ясно видно, что онъ былъ польщенъ „сердечнымъ задушевнымъ тономъ“ принца-регента. И то-же произошло на короткое время и съ Байрономъ: его примирительное письмо къ Вальтеру Скотту показываетъ, какъ онъ былъ тронутъ лестными замѣчаніями регента о Чайльдъ-Гарольдѣ. А затѣмъ Скоттъ! Какъ ни былъ Скоттъ благороденъ и честенъ, во все-же, въ качествѣ упорнаго тори, онъ оставался всегда вѣрнымъ приверженцемъ принца регента. Когда Георгъ IV, сдѣлавшись королемъ, прибылъ въ Шотландію, гдѣ онъ предсталъ передъ взорами публики въ костюмѣ вождя клана, съ обнаженными жерновыми икрами и въ шотландской юбочкѣ на своемъ необъятномъ животѣ,—Байронъ въ концѣ Мѣднаго Вѣка смѣется надъ этимъ,—Вальтеръ Скоттъ отправился на бортъ яхты, чтобы привѣтствовать его, взялъ стаканъ, изъ котораго его величество только что пилъ, попросилъ у короля, какъ милости, разрѣшенія взять съ собою этотъ стаканъ, увѣряя, что онъ будетъ всегда переходить по наслѣдству въ его семьѣ, отправился домой, засталъ неожиданнаго гостя, бросился въ кресло и сѣлъ на задній карманъ, получивъ слишкомъ скоро и слишкомъ болѣзненно напоминаніе о подаркѣ, сдѣланномъ ему королемъ. Скоттъ продолжалъ оставаться вѣрнымъ Георгу IV даже тогда, когда Муръ давнымъ-давно уже осыпалъ его стрѣлами своихъ насмѣшекъ, Байронъ осмѣивалъ въ своихъ язвительныхъ эпиграммахъ, а самъ Бруммель, во время прогулки въ Гайдъ-паркѣ, разсматривая его, какъ незнакомаго, сквозь лорнетъ, спросилъ у одного изъ спутниковъ принца: „кто вашъ толстый пріятель?“

Дѣло въ томъ, что изящный наслѣдникъ престола сдѣлался съ теченіемъ времени очень объемистымъ. Жизнь, которую онъ велъ, постоянные кутежи и оргіи, придали ему такую тучность, что онъ насилу ходилъ. Когда ему случалось выѣзжать, приставляли къ окву бочку, и спускали его по ней внизъ прямо въ экипажъ. Между тѣмъ какъ ткачи въ Глазговѣ и Ланкаширѣ зывали къ небу въ страданіяхъ голода, онъ устраивалъ грандіозныя празднества съ поражающею роскошью обстановкою и принималъ изгнаннаго изъ Франціи Бурбона, какъ Людовика XVIII. Мальчикъ, отецъ взрослого, говоритъ Вордсвортъ, Георгъ IV ознаменовалъ свое первое вступленіе въ придворную жизнь великимъ дѣяніемъ, достойнымъ его послѣдующей дѣятельности: онъ избрѣлъ новую пряжку для баш-

маковъ въ дюймъ длины и пять дюймовъ ширины. „Она покрывала“—разсказываетъ современникъ:—„весь подъемъ, и наспала по обѣимъ сторонамъ ноги“. Мы читаемъ, что при первомъ его появленіи на придворномъ балу онъ былъ одѣтъ въ жилетъ изъ розоваго шелка съ бѣлыми отворотами и въ кафтанъ изъ бѣлаго шелка, вышитый разноцвѣтными блестящими матеріями и украшенный множествомъ поддѣльныхъ драгоценныхъ камней. Его шляпа была отдѣлана двумя рядами стальныхъ бисеринокъ, числомъ въ пять тысячъ, съ пуговкой изъ того-же металла, и скроена на военный ладъ.

Военный крой! Онъ хорошо шелъ къ головѣ, носившей его. Эта голова, въ то время, какъ ея обладатель переселялся въ свой новый великолѣпный дворецъ Карльтонъ-гаузъ, была полна смутными планами поощрять литературу, науку и искусства, и можно было одно время думать, что все это задумано серьезно, слушая, какъ за столомъ принца-регента Вальтеръ-Скоттъ, лучший рассказчикъ того времени, сообщалъ съ вѣроподобническою преданностью и крайней любезностью, забавныя, фантастичныя исторіи изъ своего неистощимаго запаса, или какъ Муръ въ этомъ кружкѣ пѣлъ нѣкоторыя изъ своихъ благозвучныхъ анакреонтическихъ пѣсенъ, или какъ Граттанъ, гордый вождь ирландцевъ, способствовалъ оживленію застольнаго разговора своимъ фантастичнымъ, прочувствованнымъ краснорѣчіемъ. Но вскорѣ эти лица уступили мѣсто обществу, совершенно иначе подходившему къ принцу: это были французскіе повара, французскіе танцовщики, жокеи, придворные шуты, сводники, портные, боксеры, ювелиры и фехтмейстеры. Съ этими то людьми проводилъ онъ время, остававшееся у него свободнымъ отъ любовницъ и кутежей. Свой художественный вкусъ и пониманіе онъ выразилъ въ покупкѣ по дорогимъ цѣнамъ цѣлаго вороха китайскихъ бездѣлушекъ. Какъ только этотъ *bel esprit* сдѣлался регентомъ, онъ немедленно порвалъ всякую связь съ выдающимися дѣятелями партіи виговъ, общества которыхъ онъ прежде искалъ, и сдѣлался внезапно тори.

Въ первой половинѣ XIX вѣка существовало четыре европейскихъ правителя, обнаруживавшихъ удивительное сходство другъ съ другомъ: Людвигъ I баварскій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV прусскій, Христіанъ VIII датскій и этотъ англійскій принцъ-регентъ. То были четыре реакціонныхъ *bel-esprits*, возсѣдавшіе на престолѣ. Въ Англіи, какъ и въ Даніи, литературный дилетантизмъ выступалъ въ королевской семьѣ рядомъ съ патріархальною простотою. Правда, въ Англіи къ этому присоединялись возмутительные нравы и почти непостижимая лѣнь. Въ 1816 г. въ Ньюгэтѣ содержалось 58 приговоренныхъ къ смерти, въ ожиданіи, что принцъ-регентъ среди своихъ безчисленныхъ удовольствій и развлеченій найдетъ время, чтобы подписать имъ смертный приговоръ или помилованіе, и многимъ изъ нихъ пришлось такимъ образомъ ждать отъ декабря до марта. Напрасно въ парламентѣ раздавались громовыя нападенія Брума противъ „того, кто въ то время, когда тюрьмы переполнены несчастными, не можетъ и на минуту отказаться отъ своихъ безсмысленныхъ удовольствій, чтобы положить

конецъ этому жалкому витанію между жизнью и смертью“. Слѣдуетъ прочесть сатиры на этотъ счетъ Мура въ *Two penny Post-bag*: изъ нихъ ясно видно, что милая пѣвчая птичка обладала когтями и клювомъ. Изъ біографіи Скотта (III, 342) видно, съ какою спокойною улыбкою регентъ въ 1815 г. шутилъ по поводу стиховъ Мура, описывающихъ его столъ наполненнымъ съ одной стороны модными журналами, съ другой—неподписанными смертными приговорами! Эти стихи были вполнѣ заслужены, но они принесли мало пользы. Уже въ парламентской рѣчи, произнесенной въ апрѣлѣ 1812 г., Кэстлри сказалъ: „Его королевскому высочеству совершенно невозможно справиться съ громадною кучею бумагъ, нагроможденныхъ на его столъ“. Въ сатиру Мура: *The insurrection of the papers* (возстаніе бумагъ) сказано:

On one side lay unread Petitions,
On th'other hints from fire Physicians,
Here tradesmen's bills,—official papers,
Notes from my Lady, drams for vapours,
There plans of saddles, tea and toast,
Death-warrants and the Morning Post.

(Съ одной стороны лежатъ печатанныя петиціи, съ другой—врачебные софты пяти медиковъ. здѣсь счета торговцевъ,—официальныя бумаги, записки отъ дамы сердца, проекты яхтъ, тамъ—планы сѣделъ, черновики тостовъ, смертные приговоры и Утренняя почта).

А четыре года спустя на этомъ-же столѣ лежитъ уже кипа изъ 58 смертныхъ приговоровъ.

Мы видѣли, что едва принцъ успѣлъ вступить въ званіе регента, какъ онъ порвалъ со своими бывшими друзьями и сдѣлался торі. Основано было великое, столь долго существовавшее торійское министерство съ Ливерпулемъ во главѣ, упрямымъ, но добродушно-вялымъ реакціонеромъ, на котораго никогда не обращалось раздраженіе его противниковъ, изливавшееся всецѣло на его товарищей. Онъ, въ качествѣ перваго министра, былъ чѣмъ-то въ родѣ короля съ ограниченной властью, честными намѣреніями и скромными способностями. Подобно своему сотоварищу по должности, лорду Сидмуту, онъ обладалъ привилегіей не внушать опасеній, основывающихся на силѣ его характера, и не внушать также и зависти, возбуждаемой большими способностями. Наиболѣе выдающимся и наиболѣе виднымъ изъ членовъ министерства былъ лордъ Кэстлри, человѣкъ среднихъ способностей, но энергичный, котораго Уильберфорсъ охарактеризовалъ однажды словами: „рыба по хладнокровію“. У него было красивое лицо и повелительный голосъ, и его внѣшность была болѣе внушительная, чѣмъ у кого-либо изъ членовъ нижней палаты со времени Роберта Уэльполя. Это былъ настоящій „благородный лордъ въ голубой лентѣ“. Съ юности онъ питалъ пристрастіе къ единодержавію, и его сношенія съ абсолютными монархами материка не мало способствовали развитію въ немъ убѣжденій, совершенно неподходящихъ для кон-

ституціоннаго министра. Сознаніе узкости его ума и недостатковъ его образованія никогда не выказывалось въ немъ, препятствуя ему выступать впередъ съ цѣлымъ потокомъ безобразно составленныхъ фразъ и смутныхъ аргументовъ. Его образованіе было такъ ничтожно, что онъ не умѣлъ составить двухъ связанныхъ предложеній и своею болтовнею возбуждалъ всегда смѣхъ въ палатѣ; а все-же онъ съ непоколебимымъ упорствомъ продолжалъ противиться всякимъ нападеніямъ, и никакія выраженія подозрѣній или ожесточенія не могли заставить его и на волосъ сдвинуться съ пути, намѣченнаго имъ, и передъ парламентомъ онъ сплошь и рядомъ прибѣгалъ къ старинной формулѣ самодержавія: „намъ однимъ извѣстно“. Байронъ, Шелли и Муръ дружно бичевали его въ своихъ стихотвореніяхъ. Остается еще назвать канцлера лорда Эльдена,—воплощеніе въ образѣ чловѣка ученія торіевъ, мысли котораго были денно и нощно заняты тѣмъ, что онъ называлъ поддержаніемъ конституціи. Тотъ, кто хотѣлъ отмѣнить ту или иную старинную монополію, то или иное стѣсненіе или ограниченіе свободы, и тотъ въ особенности, кто желалъ отмѣнить какой-либо старинный, жестокой уголовный законъ, накладывали, по его мнѣнію, руку на конституцію. И въ то-же время онъ самъ первый старался непрестанно поколебать свой оплотъ, законъ, какъ только онъ становился ему на пути. Приостановленіе на время дѣйствій *Habeas corpus*, стѣсненіе прессы, и т. п. „благодѣтельные“ ампутаціи придавали, по его мнѣнію, жизни конституціи; вливать же въ нее новую кровь было-бы равносильно смерти.

Это именно министерство въ 1814 г. приводило въ изумленіе Александра I-го рвеніемъ, съ какимъ оно трудилось надъ возстановленіемъ принциповъ, поколебленныхъ революціею. Русскій императоръ смѣялся надъ англійскимъ министерствомъ, сожалѣя о его реакціонныхъ стремленіяхъ, и вступалъ въ сношенія съ вождями оппозиціи въ Лондонѣ. Первые сообщенія о французской революціи возбудили сочувствіе у правительства и народа Англіи. Противники Питтъ и Фоксъ дружно привѣтствовали ее, какъ одно изъ величайшихъ и прекраснѣйшихъ событій въ исторіи чловѣчества. Но едва была пролита кровь за каналомъ, какъ вся масса населенія, и даже большинство оппозиціи увидѣли въ этомъ опасность для своихъ унаслѣдованныхъ принциповъ: королевской власти, религіи, права собственности,—и образовали грандіозную партію порядка. Боркъ былъ изъ числа тѣхъ выговъ, которые сначала съ необузданной рѣзкостью осуждалъ революцію, и, въ особенности, своего пріятеля и товарища по партіи Фокса за то, что онъ защищалъ духъ революціи. Старые виги присоединились къ Борку. Питтъ, замыслившій рядъ необходимыхъ реформъ, не смѣлъ даже выступить противъ пагубной избирательной системы, господствовавшей въ Англіи и на сдѣланный ему запросъ, отвѣтилъ признаніемъ, что какъ ни убѣжденъ онъ въ необходимости парламентской реформы, но настоящее время неблагоприятно для такого рискованнаго предпріятія. Въ каждомъ либеральномъ движеніи, даже самомъ невинномъ и глубоко справедливымъ—видѣли зачатки приводившаго всѣхъ въ ужасъ якобинизма. Когда Уильберфорсъ началъ свою агитацію противъ тор-

говли рабами, онъ находилъ поддержку одновременно въ правительствѣ и оппозиціи. Ему оказали въ то время сопротивленіе только король, строители кораблей и члены верхней палаты. Но когда онъ въ 1791 году захотѣлъ вновь испытать настроеніе, оно оказалось совершенно измѣнившимся: на лицъ, требовавшихъ отмены торговли рабами, смотрѣли почти какъ на якобинцевъ, и 163 голосами противъ 88—законъ о прекращеніи торговли рабами былъ отвергнутъ.

Къ этому присоединилось въ Англіи внушающее ужасъ впечатлѣніе, произведенное революціею на Ирландіи. Вѣсть о ней привѣтствовали въ Ирландіи такъ, какъ крѣпостные и рабы привѣтствовали вѣсть о свободѣ. Хотя ирландскому народу, предводительствуемому благороднымъ, столь восторженно воспріимымъ Байрономъ, Генри Граттаномъ, и удалось въ 1782 году добиться признанія равноправія своего парламента съ англійскимъ, тѣмъ не менѣе, какъ его религія, такъ и его торговля подвергались притѣсненіямъ. Даже умѣренный Томасъ Муръ употребляетъ выраженіе, что онъ, какъ сынъ католическихъ родителей, явился на свѣтъ съ ярмомъ раба вокругъ шеи. Онъ рассказываетъ, какъ онъ мальчикомъ въ 1792 году былъ взятъ отцомъ на празднество, устраиваемое въ Дублинѣ въ честь революціи, и какъ предсѣдатель этого торжества произнесъ слѣдующій тостъ: „Дай Богъ, чтобы свѣжій вѣтерокъ изъ Франціи заставилъ зазелѣть ирландскій дубъ!“ Онъ описываетъ движеніе, охватившее въ то время ирландскую молодежь. Онъ зналъ ея предводителя, Роберта Эммета, и восхищался имъ. Когда Эмметъ въ дублинскомъ „клубѣ преній“, руководителемъ и украшеніемъ котораго онъ былъ, въ краснорѣчивыхъ словахъ описывалъ подвиги французской республики, когда онъ, намекая на Цезаря, который, переплывая Рубиконъ, держалъ надъ водою въ одной рукѣ свой мечъ, а въ другой—свою исторію войны, воскликнулъ: „Такимъ то образомъ плыветъ Франція по морю крови въ бурю, но между тѣмъ, какъ она одной рукою потрясаетъ мечемъ противъ своихъ притѣснителей, въ другой—она держитъ сокровище знанія и литературы незапятнанными въ кровавомъ потокѣ, среди котораго она пробивается“,—тогда молодой его соотечественникъ прислушивался не только къ прямому содержанію рѣчи, но и ко всякому отступленію отъ дѣла, ко всякому побочному замѣчанію, въ которомъ можно было бы уловить намекъ на Ирландію. Въ подобныхъ замѣчаніяхъ не было, впрочемъ, недостатка. „Когда народъ“,—восклицаетъ онъ однажды:—„быстро идущій впередъ по пути знаній и власти, замѣчаетъ въ концѣ концовъ, какъ сильно его правительство отстало отъ него, ему остается сдѣлать одно: поднять это правительство вверхъ, чтобы оно стало на одну высоту съ народомъ!“

Недалеко было то время, когда Роберту Эммету пришлось дорого заплатить за эти смѣлые слова. Въ 1798 г. собранный взрывчатый матеріалъ вспыхнулъ, и Кэстлри (по словамъ Байрона) омылъ свои молодые руки въ крови Эрина. Бѣшенство, съ какимъ правительство подавляло возстаніе, отличилось такою необузданностью, такимъ звѣрствомъ, что врядъ ли подавленіе какого-либо другого мятежа въ Европѣ сопровождалось такими ужасами.

Ненависть къ революціи продолжала существовать въ видѣ ненависти къ Наполеону. Последняя переходила за всѣ разумныя границы. Тэккерей рассказываетъ анекдотъ, дающій понятіе о ея размѣрахъ. Я прибылъ, говоритъ онъ, изъ Индіи ребенкомъ, и нашъ корабль, по пути на родину, присталъ къ одному острову; здѣсь мой черный слуга повелъ меня на длинную прогулку по скаламъ и горамъ, пока мы не приблизились къ саду, гдѣ увидѣли человѣка, расхаживающаго взадъ и впередъ. „Это онъ“, сказалъ негръ:—„это Бонапартъ. Онъ поѣдаетъ каждый день трехъ барановъ и всѣхъ маленькихъ дѣтей, которыхъ онъ можетъ заполучить въ придачу“, и Тэккерей прибавляетъ: въ Британской имперіи было много другихъ людей, кромѣ этого бѣдняги слуги изъ Калькутты, которые питали такой же страхъ къ корсиканскому людоеду. Онъ проявляется одинаково сильно въ стихахъ Вордсворта, въ стихотвореніяхъ Соути и въ пользующейся такою дурною славою біографіи Наполеона, написанной Вальтеромъ Скоттомъ.—Войны противъ Франціи положили начало великой британской реакціи: повторное приостановленіе Habeas Corpus'a, усиленіе старыхъ законовъ о государственной измѣнѣ Эдуарда III, ограниченіе права собраній и права петицій, быстрое превращеніе свободы печати въ пустое слово. Въ Шотландіи въ особенности возстановлены были законы прошлаго времени, и высокообразованные люди были отправлены въ австралійскія карательныя колоніи въ качествѣ простыхъ преступниковъ. Въ противоположность англійскимъ республиканцамъ и приверженцамъ равенства, они позволяли себѣ говорить о неограниченной власти короны, о парламентахъ и судѣ присяжныхъ, какъ о подчиненныхъ коронѣ второстепенныхъ властяхъ. Образовалась всемогущая партія съ воинственнымъ кличемъ: король и церковь!

Самъ король былъ сумасшедшимъ, принцъ-регентъ былъ хуже, чѣмъ сумасшедшій, и церковь была проникнута насквозь лицемѣріемъ. Неурожай, наводненіе и голодъ постигли страну въ 1816 г. Страданія голода гнали народъ изъ дому, заставляли его шататься безцѣльно по странѣ. Господствовавшее среди обывателей Англіи настроеніе прекрасно описано въ Маскѣ анархіи, Шелли. Въ Лейгентерширѣ доведенные до отчаянія рабочіе разрушили кружевные фабрики и разбили на куски ткацкіе станки. Въ защиту ихъ Байронъ произнесъ свою первую прекрасную парламентскую рѣчь.

Изъ дневника Ромильи видно, какъ невозможно было въ то время для либеральнаго человѣка произвести самую ничтожную реформу. Ромильи, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, какъ реформаторъ жестокихъ уголовныхъ законовъ Англіи, въ настоящее время болѣе извѣстный, какъ юридическій совѣтникъ принцессы Уэльской и адвокатъ лэди Байронъ, говоритъ слѣдующее въ своемъ дневникѣ отъ 1808 г.: „Если кто желаетъ получить полное представленіе о злосчастномъ дѣйстви, произведенномъ на нашу страну французскою революціею и сопровождавшими ее ужасами, тотъ пусть попробуетъ провести то или другое измѣненіе въ законодательствѣ, согласное съ либеральными или гуман-

ными воззрѣніями. Тогда онъ узнаетъ не только то, насколько тупой ужасъ передъ переменами господствуетъ среди слишкомъ большого числа его соотечественниковъ, но и до какой степени жестокосердія они доходятъ. На предложеніе Ромилы отмѣнить законъ Вильгельма III, наказывающій повѣшеніемъ воровство въ лавкѣ, лордъ Елленбори, поддерживаемый лордомъ Эльтономъ, отвѣтилъ жалобою на то, что современная философія осмѣливается затрогивать „мудрыя постановленія, существовавшія столько вѣковъ“; и не одно правительство, но и множество членовъ парламента оказались воодушевленными такого же рода стремленіями сдѣлаться палачами. Самъ Ромилы рассказываетъ, какимъ образомъ одинъ изъ его младшихъ товарищей по парламенту на каждое возраженіе или предложеніе отвѣчалъ неизмѣнно: „Я за то, чтобы ихъ всѣхъ повѣсить!“ (I am for hanging all). А между тѣмъ можно было надѣяться, что въ XIX в. пора было положить въ Англіи конецъ страсти къ повѣшенію, свидѣтельствовавшей слишкомъ неблагоприятно о значительной долѣ грубости, коренящейся въ англійскомъ народѣ. При Генрихѣ VIII было повѣшено 72,000 воровъ, и еще при Георгѣ III ихъ вѣшали тысячами. Въ 1814 г. преслѣдованіе свободы мысли и печати было буквально возведено въ систему во время процессовъ противъ стараго любителя книгъ Гона, который на судѣ съ рѣдкимъ соединеніемъ любви къ истинѣ и осторожности сумѣлъ уничтожить всѣ попытки подвергнуть его осужденію за богохульство. За этимъ послѣдовали въ 1818 г. волненія среди бѣднаго населенія Манчестера, когда кавалерія рубила направо и налево, а солдаты были безоружныя народныя толпы. Производимое этими событіями впечатлѣніе сохранилось въ стихотвореніяхъ Шелли отъ 1819 года.

Несомнѣнно, что политическая основа умственной жизни этого періода времени мрачна,—мрачна, благодаря страху перепугавшейся буржуазіи въ виду излишествъ, къ которымъ привело во Франціи либеральное движеніе; мрачна, благодаря тиранническимъ стремленіямъ гордыхъ торіевъ и гнету высокой церкви, мрачна, благодаря пролитой крови ирландскихъ католиковъ и англійскихъ рабочихъ,—и, къ довершенію всего, корона увѣчивала собою безуміе въ лицѣ Георга III, а скипетръ былъ вложенъ въ руки разврата, который въ лицѣ принца-регента возсѣдалъ на королевскомъ престолѣ въ качествѣ замѣстителя тупоумія, взошедшаго на тронъ вмѣстѣ съ его отцомъ. И именно этотъ престолъ лордъ Эльтонъ поддерживаетъ своими шестью притѣснительными законами, измѣнившими старинную англійскую конституцію, и онъ же прославляется и возвеличивается въ столь же неправильныхъ въ грамматическомъ отношеніи, какъ и враждебныхъ свободѣ парламентскихъ рѣчахъ Кэстльри, и въ столь же немелодичныхъ, какъ и хорошо оплаченныхъ льстивыхъ гимнахъ Соутея,—пока процессъ о разводѣ между Георгомъ IV и Каролиною, съ сопровождающими его грандіозными, превосходящими всякое вѣроятіе, скандалами, изливъ потокъ, точно изъ клоака, съ кафедры верхней палаты, не потопилъ блескъ короны и достоинство двора въ цѣломъ морѣ грязи. Затѣмъ, слѣдующія другъ за другомъ, революціи въ Испаніи, Греціи и юж-

ной Америкѣ очистили атмосферу. Кэстльри перерѣзалъ себѣ горло, а Англія при Каннингѣ признала южно-американскія республики и стала подготавливаться къ наваринской битвѣ.

Поэтическія произведенія Шелли, Ландора, Байрона и Кэмпбелля составляютъ политическіе pendants къ этимъ правительственнымъ дѣйствіямъ Каннинга, а рѣчи послѣдняго служатъ дополненіями къ произведеніямъ этихъ поэтовъ. Безформенныя рѣчи Кэстльри и его тощія государственныя письма,—вдвойнѣ тощія, потому что онъ, какъ истый дѣятель меттерниховской школы, предпочиталъ словесныя сообщенія,—смѣнились непосредственно смѣлымъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ Каннинга. Между тѣмъ какъ Кэстльри, подобно пережившимъ его сотоварищамъ на вѣнскомъ конгрессѣ, преслѣдовалъ только одну цѣль—подъ личиною евангельскаго мира поддерживать въ Европѣ молчаніе и тьму,—рѣчи Каннинга сіяли точно лѣсной пожаръ среди глубокой ночи Священнаго союза. Основною мыслью его политики было право народовъ руководить своею судьбою. 8 августа 1827 г. онъ умеръ; но 10 октября того же года дана была Наваринская битва, которая представляла какъ бы послѣднюю волю покойнаго, и которая для насъ въ настоящее время служитъ политическимъ символомъ пробужденія новаго духа въ Европѣ¹⁾.

IV.

Лѣтомъ 1797 г. жители одного маленькаго городка у береговъ Соммерсетшира часто бесѣдовали о двухъ молодыхъ людяхъ, которые недавно поселились въ ихъ городѣ и ежедневно прогуливались вдвоемъ, погруженные въ оживленную и безконечную бесѣду, изъ которой доносились временами до проходящихъ чужія слова и чужія имена, непонятныя для нихъ, но произносимыя при самомъ оживленномъ обмѣнѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Одному изъ этихъ молодыхъ людей было 27 лѣтъ. Выраженіе его лица было глубоко серьезное, и все обращеніе его проникнуто непоколебимымъ сознаніемъ достоинства, даже нѣкоторою торжественностью, что придавало ему сходство съ молодымъ методистскимъ пасторомъ; голосъ у него былъ монотонный, утомляющій слушателя. У него, года на два моложе спутника, говорившаго съ непрерывнымъ потокомъ словъ, сопровождая ихъ безпокойнымъ и частымъ движеніемъ рукъ, была большая, круглая голова, форма которой свидѣтельствовала о выдающихся способностяхъ, гладко выбритое лицо, свѣтло-каріе глаза съ полнымъ умомъ и смутно-печальнымъ взоромъ и со страстнымъ выраженіемъ вялой нерѣшительности и слабости харак-

¹⁾ Miss Martineau: The history of England during the thirty years peace; I. II. Massey: History of England during the reign of George the Third, I—IV. Thackeray: The four Georges. Reinhold Pauli: Geschichte Englandszeit den Friedensschlüssen 1814 und 1815. Emerson: English traits.

тера, но такого рода, которая не отвергала возможности внезапно вспыхивающей энергии. Голосъ у него былъ очень музыкальный; его краснорѣчіе производило, повидимому, чарующее дѣйствіе даже на его сдержаннаго слушателя и пріятеля. Кто были эти молодые люди, не искавшіе другого общества въ этой мѣстности? Вотъ вопросъ, который обыватели задавали себѣ. О чемъ другомъ могли они говорить съ такимъ воодушевленіемъ, какъ не о политикѣ, а если такъ, чѣмъ же другимъ могли они быть, какъ не заговорщиками, какъ не якобинцами, съ возмутительными планами въ душѣ.

Вскорѣ распространился слухъ, что старшій изъ двухъ друзей, Вордсвортъ, долгое время проживалъ во Франціи въ началѣ революціи и съ горячимъ участіемъ бросился къ господствовавшему въ то время увлеченію общественными реформами, а младшій, Кольриджъ, также пользовался извѣстностью какъ ревностный демократъ и унитарій, написалъ драму: Паденіе Робеспьера, издалъ двѣ политическія брошюры: *Conspiones ad populum* и даже составилъ планъ основать вмѣстѣ съ нѣсколькими единомышленниками социалистическую коммуны въ отдаленной Америкѣ. Развѣ можно было послѣ этого сомнѣваться? Одна добрая душа, живущая по соседству, донесла на пріятелей лондонскому правительству и послѣднее командировало шпіона, который долженъ былъ узнать цѣль ихъ прогулокъ и предметъ ихъ бесѣдъ. Вскорѣ появился въ этомъ мирномъ уголкѣ красноносый, похожій на Бардольфа, полицейскій шпіонтъ; онъ слѣдовалъ неотступно за обоими пріятелями, и когда увидѣлъ ихъ съ бумагами въ рукахъ, пришелъ къ убѣжденію, что они „снимаютъ планы“ данной мѣстности. Онъ нѣсколько разъ заговаривалъ съ ними, и избралъ себѣ потайное убѣжище въ кустахъ за скамьею у берега, — ихъ любимомъ мѣстопробываніи. Здѣсь онъ цѣлые часы проводилъ въ засадѣ. Согласно разсказу Кольриджа, на котораго, впрочемъ, нельзя вполне полагаться, шпіонтъ подумалъ сначала, что оба заговорщика узнали объ угрожающей имъ опасности, потому что въ ихъ рѣчахъ часто упоминалось слово, которое онъ сначала понялъ, какъ *Spy-posy* (шпіонтъ съ носомъ) и которое могло быть примѣнено къ нему; но вскорѣ онъ убѣдился, что то было имя человека, написавшаго какую-то книгу и давнымъ давно умершаго. Разговоръ касался почти исключительно книгъ, при чемъ одинъ изъ собесѣдниковъ либо рекомендовалъ другому поскорѣ прочесть данную книгу, либо обращалъ на нее вниманіе пріятеля. Но полицейскій не могъ схватить ни единого слова о политикѣ, и вскорѣ, разочаровавшись, повернулъ свои стопы въ другую сторону.

Въ дѣйствительности ничего угрожающаго нельзя было и найти; оба пріятеля давнымъ давно выспались отъ политически-революціоннаго хмѣля, и даже съ тѣмъ Спинозою, который игралъ такую большую роль въ ихъ бесѣдахъ, они познакомились изъ вторыхъ рукъ и разсуждали о немъ, не только не усвоивъ его, но даже не понимая его. Первымъ узналъ о Спинозѣ Кольриджъ, прочитавшій о немъ въ первыхъ произведеніяхъ Шеллинга, и теперь онъ посвящалъ своего невѣжественнаго въ философію пріятеля въ новопріобрѣтенную мудрость. Но Спи-

ноза являлся въ этихъ бесѣдахъ только символомъ мистическаго поклоненія природѣ; имя Икоба Вема звучало мирно рядомъ съ его именемъ. Здѣсь вопросъ шелъ не о наукѣ, а о поэзіи, и если во время этихъ пространныхъ бесѣдъ разговоръ заходилъ о революціи, то это была революція чисто книжная и художественная, относительно которой два одиноко живущіе мыслителя поразительно сходились, хотя ихъ исходныя точки зрѣнія были совершенно различныя.

Эти бесѣды вели ни къ чему другому, какъ къ сознательному литературному разрыву съ духомъ XVIII вѣка, который одновременно въ различныхъ формахъ происходилъ во всей Европѣ.

Кольриджъ любилъ проверять все, что видѣлъ, въ силу своего характера; кромѣ того, его отвращеніе къ французской классической напыщенности было возбуждено въ немъ еще въ школѣ, гдѣ одинъ своеобразный и самостоятельно мыслящій учитель предостерегъ своего внимательнаго ученика отъ употребленія въ прозѣ словъ: арфа, лютя и лира, — советуя замѣнять ихъ словами: „перо и чернило“, а также противъ словъ: Муза, Пегасъ, Парнасъ и Иппокрена въ лирикѣ, — называя подобный способъ писанія парикмахерскимъ и условнымъ. Кольриджъ отрицалъ право Попа и его преемниковъ именовать себя поэтомъ и клялся сонетами Бодена; онъ возставалъ противъ Попа совершенно такъ же, какъ молодые друзья Эленшлегера въ Даніи возставали позже противъ поэзіи Баггезена. Въ виду германскихъ основныхъ чертъ его характера, онъ былъ врожденнымъ врагомъ остроумія, эпиграммъ, колкихъ замѣчаній и т. д.; ему казалось, что особенностями происшедшей изъ Франціи школы были не поэтическаго свойства; онъ состояли, по его мнѣнію, изъ вѣрныхъ и проникательныхъ наблюденій людей и нравовъ въ искусственно утонченномъ обществѣ, и въ утонченной формѣ, въ которой эти наблюденія высказывались; эта форма представляла нѣчто въ родѣ остроумнаго логическаго разсужденія, изложеннаго въ гладкихъ стихахъ въ родѣ эпиграммъ; даже когда сюжетъ былъ почерпнутъ не изъ дѣйствительной природы, поэтъ обращался къ разуму; даже въ связанномъ поэтическомъ повѣствованіи старались черезъ каждыя двѣ строки придумать какое-нибудь остроумное или мѣткое выраженіе, такъ что изложеніе въ цѣломъ представлялось какою-то „цѣпью эпиграммъ“. Здѣсь, по мнѣнію Кольриджа, находили не поэтическія мысли, а непозетическія, выраженныя на языкѣ, который принято называть поэтическимъ, въ самомъ содержаніи поэтическихъ произведеній не было ничего фантастическаго; поэту даже до такой степени не хватало воображенія, что отъ большой или маленькой начальной буквы зависѣло, считать ли данныя слова олицетвореніями или простыми повятіями: но между тѣмъ какъ великіе старые поэты Англіи, напр., Спенсеръ, умѣли выразить самые фантастическія понятія на чистѣйшемъ и простѣйшемъ англійскомъ языкѣ, новые писатели не могли выражать самыя будничныя понятія иначе какъ на удивительно натянутомъ, фантастичномъ англійскомъ языкѣ, такъ что получался такой результатъ, какъ будто эхо и сфинксъ разбили свои головы до крови, чтобы произвесть его. Кольриджъ съ негодова-

ніемъ отворачивался отъ этихъ попытокъ прикрыть отсутствіе фантазіи искусственностью выражений. Онъ не выносилъ словъ: ревность, надежда, забвеніе и т. д. Они напоминали ему оксфордскую оду къ оспопрививанію, начинающуюся слѣдующими словами: „Оспопрививаніе! небесная дѣва, спустись!“ *) Даже у позднѣйшихъ лучшихъ представителей англійской поэзіи слишкомъ долго проявляется этотъ дурной приемъ принимать понятія за личности. (У Шелли, напр. „Близнецы, Заблужденіе и Истина“, *The twins Error and Truth* играютъ роль дѣйствующихъ лицъ.) Вся эта искусственная фразировка происходила, по мнѣнію Кольриджа, отъ обычая писать въ школахъ латинскіе стихи. Въ противоположность этому онъ считалъ образцовымъ выражать естественныя мысли естественнымъ слогомъ, который не былъ бы ни книжнымъ, ни плоскимъ, не отдавалъ бы ни лампою, ни сточною трубою; превосходными образцами казались ему древне-англійскія баллады въ сборникѣ Перси, съ ихъ неподдѣльною народностью, съ ихъ естественнымъ тономъ. И ему также хотѣлось заставить зазвучать такой же естественный тонъ.

Въ этомъ именно настроеніи онъ встрѣтился съ Вордсвортомъ, подходившимъ къ нему по своимъ размышленіямъ и планамъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ, которые находятъ удовольствіе въ рѣзкихъ и рѣшительныхъ сужденіяхъ и черпаютъ въ нихъ успокоеніе. Его мнѣніе о всей англійской поэзіи послѣ Милтона было слѣдующее: народъ съ произведеніемъ на свѣтъ этого великаго человека утратилъ свою поэтическую силу и сохранилъ только форму литературнаго творчества, такъ что поэзія начала состоять лишь въ умѣніи владѣть языкомъ и въ игрѣ словами, и поэтовъ судятъ сообразно съ ихъ умѣніемъ владѣть лингвистическимъ орудіемъ. Поэтому метрическій слогъ все болѣе и болѣе удалялся отъ поэтическаго. Теперь предстояла задача вернуть его обратно къ прозѣ, такъ, чтобы стихи только своимъ ритмомъ различались отъ обыкновеннаго способа выражений. Между тѣмъ какъ Кольриджъ мечталъ о естественной мелодичности, Вордсвортъ зашелъ такъ далеко, что его ученіе требовало ни больше, ни меньше, какъ рифмованной естественной прозаической рѣчи.

Къ этому натурализму во взглядѣ на форму присоединился подобный же натурализмъ во взглядѣ на поэтическое содержаніе. Однимъ изъ любимыхъ утвержденій Вордсворта и однимъ изъ его наиболѣе вѣскихъ обвиненій противъ господствующей литературной школы было то, что въ періодъ времени отъ Милтона до Томсона она не дала ни одной оригинальной картины явленій внѣшней природы и ни одного новаго ея описанія. Самъ онъ былъ одаренъ большою степенью воспримчивости къ явленіямъ и особенностямъ внѣшней природы и избралъ себѣ лозунгомъ восклицаніе: природа! природа!—а подъ словомъ природа онъ подразумѣвалъ село въ противоположность городу: среди городской жизни человекъ забывалъ землю, на которой обиталъ; онъ не зналъ ея больше, онъ

припоминалъ, правда, кое-какія рѣзко выдающіяся особенности поля или лѣса, но ни мелкія подробности жизни природы, ни ея вѣчно мѣняющіяся картины съ ихъ безчисленными то смѣющимися, то сияющими, то серьезными, то ужасными явленіями. Кто позналъ названіе различныхъ деревьевъ и дикихъ цвѣтовъ, кто могъ различить признаки хорошей погоды или вѣтра, или зналъ, что означаетъ, если облака плывутъ именно такъ по небу, почему стадо собирается въ кучу, или почему облака спускаются внизъ съ высотъ! Вордсвортъ еще съ того времени умѣлъ читать эти руническія надписи природы, когда мальчикомъ игралъ между Кумберлендскими горами. Онъ былъ посвященъ во все таинства англійской природы какъ весною, такъ и лѣтомъ; онъ былъ созданъ, чтобы передавать другимъ то, что видѣлъ и чувствовалъ, и чтобы размышлять надъ этимъ раньше, чѣмъ передавать; онъ былъ созданъ, чтобы съ полнымъ сознаніемъ того, что онъ предпринималъ, проводить реформу поэтическаго искусства, начатую бѣдняго Чаттертономъ, „бессоннымъ юношею“, и крестьянскимъ сыномъ, значительно превосходившимъ Вордсворта по дарованію — Бернсомъ. Онъ былъ, правда, лишь однимъ изъ многочисленныхъ органовъ любви къ внѣшней природѣ, которая вмѣстѣ со смѣною столѣтій распространилась по Европѣ; но у него сильно было глубокое пониманіе того факта, что надъ Англіею носится новое поэтическое дуновеніе, — оно было у него сильнѣе, чѣмъ у кого либо изъ другихъ обывателей соединенныхъ королевствъ.

Пріятели пришли оба къ соглашенію, что можно раздѣлить всю англійскую поэзію на 3 группы: эпоху поэтической силы и юности отъ Чоусера до Драйдена, эпоху поэтическаго затишья отъ Драйдена включительно до конца XVIII в., и эпоху возрожденія, начинавшуюся съ тѣхъ самыхъ поръ послѣ того, какъ она была возвѣщена ихъ предшественниками. Совершенно подобно дѣятелямъ новаго времени въ Германіи и Даніи, эти юноши искали рѣзкихъ, мѣткихъ выражений, которыя могли бы высказать ихъ отличія отъ тѣхъ, съ кѣмъ они собирались вступить въ борьбу, и они имѣли въ этомъ отношеніи такой же успѣхъ, какъ и дѣятели Германіи и Даніи. Они приписывали себѣ фантазію и тѣмъ самымъ настоящую творческую способность; они писали одну страницу за другою, смутно прославляя *imagination* въ противоположность *fancy*, подобно тому, какъ Эленшлегеръ и его школа прославляли фантазію и, въ крайнемъ случаѣ, признавали за Багтезеномъ юморъ. У тѣхъ былъ разумъ, у предшественниковъ, только разсудокъ; у нихъ былъ геній, у тѣхъ только талантъ; они были созидающею силою, тѣ же обладали только даромъ критика. Даже Аристотель, какъ не поэтъ, не могъ притязать на болѣе высокое наименованіе, какъ человекъ съ талантомъ. И въ Англіи также начали нападать на Нуреддина и чувствовали себя безконечно выше его „лишеннаго естественности“ духа изслѣдованія.

V.

Собственно исходная точка зрѣнія Вордсворта заключалась въ томъ, что люди, живя среди шума и разсѣянности городской жизни, забываютъ о природѣ:

*) *Jnoculation! heavenly maid! descend!*

за это они наказываются тѣмъ, что общественная жизнь истрачиваетъ ихъ силы и способности, и ослабляетъ воспримчивость ихъ сердца къ простымъ и чистымъ впечатлѣніямъ. Среди сотенъ сонетовъ Вордсворта есть одинъ, представляющій особенное значеніе по отношенію къ этой основной мысли (*Miscellaneous Sonnets*, ч. I, № 35). Онъ начинается жалобой на то, что человѣческій міръ представляетъ для насъ слишкомъ большое значеніе и что мы вслѣдствіе этого слишкомъ мало видимъ общаго съ собою среди окружающей насъ природы. Затѣмъ онъ продолжаетъ:

This sea that bares her bosom to the moon,
The Winds that will be howling at all hours,
And are up-gathered now like sleeping flowers;
For this, for every thing, we are out of tune;
It moves us not.—Great God! J'd rather be
A Pagun suckled in a creed outworn;
So might I, standing on this pleasant lea,
Have glimpses that would make me less forlorn;
Have sight of Proteus rising from the sea,
Or hear old Triton blow his wreathed horn.

(Это море, раскрывающее свою грудь передъ луною, эти вѣтры, которые должны вскорѣ заревѣть, а теперь покоятся, точно сонные цвѣты,—все это оставляетъ насъ равнодушными, это насъ не трогаетъ.—О, великій Боже! Я предпочелъ бы быть язычникомъ, погруженнымъ въ давно отжившую вѣру; тогда, стоя на этой прекрасной равнинѣ, я получалъ бы впечатлѣнія, заставляющія меня чувствовать себя менѣе одинокимъ; тогда я видѣлъ бы Протея, поднимающагося на поверхности моря, и слышалъ бы, какъ Тритонъ трубить въ свой рогъ).

Но это замѣчательныя слова въ устахъ Вордсворта,—замѣчательныя потому, что они показываютъ, что такое въ сущности истинный натурализмъ, какою теплическою оболочкою онъ покрытъ: онъ находится въ глубокомъ сродствѣ съ воззрѣніемъ на природу древней Греціи и относится враждебно ко всѣмъ официальнымъ вѣроисповѣданіямъ новаго времени; въ тайникахъ своихъ онъ запечатлѣнъ тѣмъ пантеизмомъ, который въ XIX вѣкѣ царитъ надъ поэтическимъ чувствомъ къ природѣ во всей литературѣ. Мы уже познакомились съ этимъ пантеизмомъ, который скрывался подъ романтическимъ воззрѣніемъ на природу Тика. Здѣсь мы встрѣчаемъ его въ видѣ полного самозабвенія и полусознательнаго слиянія человѣка съ природою, въ видѣ единичнаго звука, теряющагося въ ея великой гармоніи. Онъ нашелъ себѣ выраженіе въ слѣдующемъ небольшомъ оригинальномъ стихотвореніи:

A slumber did my spirit seal;
I had no human fears;
She seemed a thing that could not feel
The touch of earthly years.

No motion has she non, no force;
She neither hears nor sees;
Rolled round in earth's diurnal course,
With rocks, and stones, and trees.

(Сонъ охватилъ мою душу... всѣ человѣческія заботы исчезли для меня: она казалась мнѣ не чувствующею прикосновенія земныхъ годовъ. У нея нѣтъ ни движенія, ни силы; она не слышитъ и не видитъ; вовлеченная въ суточное движеніе земли, она кружится вмѣстѣ съ скалами, камнями и деревьями).

Углубившись въ настроеніе, давшее начало подобному стихотворенію, получаешь симптомы чисто пантеистическаго склада идей: бессознательная жизнь разсматривается, какъ основа и источникъ сознательной, а всѣ земныя существа считаются выросшими вмѣстѣ на лонѣ природы до времени возникновенія сознанія. Однимъ изъ зародышей поэзіи новаго столѣтія является небольшое стихотвореніе, въ которомъ цивилизованному человѣку, какимъ его воспитало и прославило прошлое столѣтіе, новое время противопоставило человѣка, какъ созданіе природы въ кругу родственныхъ ему существъ—птицъ и дикихъ звѣрей, растений и цвѣтовъ. Христіанство повелѣвало любить всѣхъ людей; пантеизмъ повелѣвалъ любить самаго ничтожнаго звѣря. *Hart-leap-well* стоитъ несомнѣнно выше всего, написаннаго Вордсвортомъ. Это простое стихотвореніе—какъ бы двойной романсъ—представляетъ поразительно краснорѣчивую рѣчь въ защиту бѣднаго, преслѣдуемаго и гонимаго звѣрка—зайца, т. е. такого существа, которое могло возбудить въ классическихъ писателяхъ развѣ только гастрономическій и кулинарный интересъ и которое поклонники рыцарской эпохи, даже самъ Скоттъ, разрѣшали своимъ героямъ убивать сотнями. Стихотвореніе это трогательно, не смотря на незначительность своего содержанія, возвышенно и въ то-же время просто по своему слогу,—оно служитъ благороднымъ свидѣтельствомъ глубокаго пietetа къ природѣ, которое служитъ Вордсворту дворянскою грамотою.

Этотъ пietetъ представляется у него прежде всего и главнымъ образомъ въ видѣ уваженія ко всему дѣтскому и къ самымъ дѣтямъ, и это уваженіе къ человѣческому существу, которое, въ виду своей бессознательности, ближе всего стоитъ къ природѣ, составляетъ также оригинальную черту новаго столѣтія. Въ небольшомъ стихотвореніи, которое Вордсвортъ поставилъ въ началѣ всѣхъ другихъ, говорится:

My heart leaps up when I behold
A rainbow in the sky:
So was it when my life began;
So is it now I am a man;
So be it when I shall grow old,
Or let me die!
The Child is father to the Man;

And I could wish my days to be.
Bound each to each by natural piety.

(Мое сердце дрожить отъ радости, когда я замѣчаю на небѣ радугу; такъ оно было, когда начиналась моя жизнь; такъ оно есть теперь, когда я сталъ взрослымъ; такъ оно будетъ, когда я сдѣлаюсь старикомъ,—иначе лучше умереть! Ребенокъ отецъ мужа; и я хотѣлъ-бы, чтобы мои дни были связаны другъ съ другомъ благоговѣніемъ передъ природою).

Здѣсь уваженіе къ ребенку заходитъ такъ далеко и такъ сильно выставляется впередъ, что замѣняетъ собою пietetъ передъ старостью. Но, какъ учить опытъ вѣхъ странъ, восстановление ребенка въ его естественныхъ поэтическихъ правахъ является лишь однимъ изъ многихъ признаковъ реакціи противъ преклоненія XVIII вѣка передъ просвѣщеннымъ общественнымъ человѣкомъ и противъ удаленія ребенка въ дѣтскую. Въ обществѣ XIX вѣка наступаетъ реакція. Мы находимъ ее здѣсь въ ея крайнихъ проявленіяхъ. Въ одномъ изъ своихъ сонетовъ (Poetical Works, II, стр. 165). Вордсвортъ описываетъ, прогулку, которую онъ совершилъ въ одинъ чудный вечеръ съ маленькой дѣвочкой, рисуетъ мягкое вечернее настроеніе, называетъ его „тихимъ, какъ монахиня, которая, молясь, задерживаетъ дыханіе“, и обращается къ ребенку съ слѣдующими словами:

Dear Child! dear Girl! that walkest with me here,
If thou appear untouched by solemn thought,
Thy nature is not therefore less divine:
Thou liest in Abraham's bosom all the years;
And worship'st at the Temple's inner shrine,
God being with thee when we know it not.

(Дорогое дитя! дорогая дѣвочка, гуляющая здѣсь со мною! если ты не кажешься проникнутою возвышенными мыслями, но твоя природа отъ этого не менѣе божественна! ты покоишься все время на лонѣ Авраама, и молишься во внутреннемъ отдѣленіи храма; Богъ съ тобою и тогда, когда мы этого не замѣчаемъ).

Теистическое заключеніе неизбежно у Вордсворта, но, какъ замѣтитъ всякій внимательный читатель, оно основывается на увѣренности въ божественной природѣ ребенка. Въ своей знаменитой Одѣ къ Безсмертію онъ развиваетъ эту мысль съ такой восторженностью, что даже такой ретивый поклонникъ наивности, какъ Кольриджъ, находитъ ее преувеличенною. Онъ восклицаетъ, обращаясь къ шестилѣтнему ребенку:

Thou, whose exterior semblance doth belie
The Soul's immensity;
Thou best Philosopher, who yet dost keep
Thy heritage, thou Eye among the blind,
That, deaf and silent, read'st the eternal deep,
Haunted for ever by the eternal mind,—

Mighty Prophet! Seer blest!
On whom these truths do rest,
Which we are toiling all our lives to find.

(Ты, вѣщность котораго противорѣчитъ безпредѣльности души! ты, лучший философъ, еще не утратившій своего наслѣдства! ты, видящій среди слѣпцовъ, который, безмолвно и ничего не слыша, читаетъ вѣчную глубину, освѣщаемый всегда вѣчнымъ духомъ,—могущественный пророкъ, для котораго несомнѣны тѣ истины, которыя мы ищемъ съ такимъ трудомъ всю нашу жизнь).

Правда, всѣ эти выраженія получаютъ нѣчто въ родѣ поэтически-философскаго разъясненія въ томъ обстоятельствѣ, что величіе ребенка сводится къ тому, что онъ стоитъ ближе насъ къ жизни до рожденія, а, слѣдовательно, и къ предвкусенію безсмертія; но это, по объясненію Кольриджа, почти подтвержденному самимъ авторомъ, и это предположеніе не можетъ быть принято за буквальное мнѣніе Вордсворта. Ребенокъ почитается, какъ питомецъ природы, и юноша, который долженъ постоянно все болѣе и болѣе отдаляться отъ Востока, (восхода солнца), все еще „жрецъ природы“ *).

Въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ упоминаетъ Вордсвортъ о восприимчивости, съ которою онъ въ юности относился ко всѣмъ явленіямъ природы. Въ одномъ изъ нихъ, имѣющихъ, какъ и всѣ его произведенія, длинное и нескладное названіе, (Influence of natural objects, in calling forth and strengthening the imagination in boyhood and early youth) онъ благодаритъ мировой духъ за то, что онъ съ дѣтства даровалъ ему тѣ страсти, на которыхъ построена наша душевная жизнь, и поставилъ ему цѣлью не человѣческія низменныя и пошлыя дѣла, а возвышенные предметы, незыблемые предметы,—жизнь и природу. Такимъ-то образомъ, говоритъ онъ, очистились элементы его чувствъ и мыслей, пока онъ не почувствовалъ нѣкоторое величіе (grandeur) въ біеніи своего сердца.

Обратите вниманіе на утонченное и задушевное пониманіе природы, развившееся въ слѣдующемъ описаніи:

Nor was this fellowship vouchsafed to me
With stinted kindness. In November days,
When vapours rolling down the valleys mare
A lonely scene more lonesome, among woods
A noon: and mid the calm of summer nights,
When, by the margin of the trembling lake,
Beneath the gloomy hills, homeward I went
In solitude, such intercourse was mine,

*) The Youth, who daily farther from the East
Must travel, still is Nature's Priest.

Mine was it in the fields both dug and night,
 And by the waters, all the summer long,
 And in the frosty season, when the sun
 Was set, and, visible for many a mile,
 The cottage—windows through the twilight blazed,
 J haded not the summons: happy time
 It was indeed for all us; for me
 It was a time of rapture! Clear and loud
 The village—clock tolled six—J wheeled about,
 Proud and exulting like an untired horse
 That cares not for his home.—All shod with steel
 We hissed along the polished in, in games
 Confederate, imitative of the chase
 And woodland pleasures,—the resounding horn,
 The pack loud—chinning and the hunted hare.
 So through the darkness and the cold we flew,
 And not a vorie was idle, with the din
 Smitten, the precipices rang aloud;
 The leafless trees and every icy crag
 Tinkled like iron; while far—distant hills
 Into the tumult sent an alien sound
 Of melancholy, not unnoticed while the stars,—
 Eastward, were sparkling clear, and in the wist
 The orange sky of evening died away.

Not seldom from the uproar J retired
 Int a silent bay, or sportively
 Glanced sideways, leaving the tumultuous throng,
 To cut across the reflex of a star;
 Image, that, flying still before me, gleamed
 Upon the glassy plain; and oftentimes,
 When we had given our bodies to the wind,
 And all the shadowy banks on either side
 Came sweeping through the darkness, spinning still
 The rapid line of motion, then at once
 Have, J reclining back upon my heels,
 Stopped short; yet still the solitary cliffs
 Wheeled by me—even as if the earth had rolled
 With visible motion her diurnal round!
 Behind me did they stretch in solemn train,
 Feebler and feebler, and J stood and watched
 Till all was tranquil as a summer sea.

(И это общеніе съ природою даровалось мнѣ не съ скупой любезностью. Въ ноябрьскіе дни, когда туманъ, носившійся надъ долиною, дѣлалъ пустынную сцену еще болѣе пустынною; среди лѣсовъ въ полдень; среди тиши лѣтнихъ ночей, когда я въ одиночествѣ возвращался домой по берегу волнующагося озера, у подножья мрачныхъ высотъ я ощущалъ это общеніе. Я ощущалъ его и среди полей днемъ и ночью, и глядя на воду; и въ теченіе всего лѣта, и морозную погоду, когда солнце садилось, а на разстояніи многихъ миль видѣлся коттеджъ, окна котораго блестѣли сквозь сумерки, я не слушалъ никакихъ увѣщаній; счастливое время было это для насъ всѣхъ; для меня это было время восторга! Ясно и громко били деревенскіе часы шесть,—а я шелъ впередъ гордо и радостно, какъ не уставшій еще конь, не стремящійся поскорѣе вернуться домой.—Вооруженные коньками, мы скользили по гладкому льду, предаваясь дружно общимъ играмъ, подражая охотѣ и разнымъ лѣснымъ развлечениямъ,—звукамъ охотничьего рога, лаю гончихъ и раненому зайцу. Такимъ образомъ мы мчались впередъ сквозь мракъ и холодъ, и ни одинъ голосъ не молчалъ; отражая наши голоса, громко раздавалось эхо въ пропасть; лишенные листьевъ деревья и каждая льдина на нихъ скрипѣла, какъ желѣзо, между тѣмъ, какъ отдаленные холмы посылали среди этого шума трудно различимые меланхолическіе звуки, звѣзды на востокѣ ярко блистали, а на западѣ оранжевый цвѣтъ вечерней зари замиралъ вдали.

Нерѣдко я удалялся отъ толпы въ тихую бухту или незамѣтно уклонялся въ сторону, покидая шумную ватагу, чтобы перестѣть отраженіе звѣздъ,—образъ, который, убѣгая передо мною, продолжалъ сіять на гладкой равнинѣ; а часто, когда мы отдавались на волю вѣтра, тинистые берега съ обѣихъ сторонъ мелькали передъ нами сквозь мракъ, слѣдуя нашему быстрому движенію, я внезапно оставался, отклонившись назадъ на своихъ каблукахъ; но уединенныя скалы продолжали двигаться передо мною,—точно земля на моихъ глазахъ совершала свое суточное вращеніе! Онѣ подвигались за мною впередъ, все слабѣе и слабѣе, а я стоялъ и смотрѣлъ, пока все не успокаивалось, точно лѣтнее озеро).

Это описаніе природы, равное которому по красотѣ трудно встрѣтить даже въ позднѣйшей англійской поэзіи. Впрочемъ, въ одномъ изъ своихъ прекраснѣйшихъ и важнѣйшихъ стихотвореній Tintern Abbey Вордсвортъ самъ описалъ свои чувства къ природѣ въ выраженіяхъ, относительно которыхъ онъ въ послѣдствіи не безъ основанія утверждаетъ, что они перефразируются Байрономъ въ наиболѣе знаменитыхъ и поэтическихъ мѣстахъ его Чайльдъ-Гарольда;—во всякомъ случаѣ это описаніе образуетъ, несомнѣнно, эпоху въ англійской поэзіи. Вотъ что говоритъ Вордсвортъ:

For nature then
 (The coarser pleasures of my boyish days
 And their glad animal movements all gone by)
 To me was all in all.—J cannot paint

What then Jwas. The sounding cataract
 Haunted me like a passion; the tall rock,
 The mountain, and the deep and gloomy wood,
 Their colours and their forms, were then to me
 An appetite; a feeling and a love,
 That had no need of a remoter charm,
 By thought supplied, nor any interest
 Unborrowed from the eye.—

(Потому что природа (послѣ того, какъ прошло время болѣе грубыхъ удовольствій моего мальчишескаго возраста, время веселыхъ животныхъ движеній) была для меня все.—Я не могу описать, какимъ я былъ тогда. Гремящій водопадъ носился передъ моимъ воображеніемъ, возбуждая страстный восторгъ; высокая скала, гора, и густой и мрачный лѣсъ, ихъ цвѣта и формы вызывали во мнѣ восхищеніе: то были чувства и любовь, которыя для того, чтобы возбуждаться во мнѣ, не нуждались въ очарованіи, поддерживаемомъ размышленіемъ, или въ какомъ либо интересѣ, внутреннемъ чѣмъ-либо другимъ, кромѣ созерцанія).

Намъ можетъ показаться комичнымъ, когда Вордсвортъ въ 1820 г. жалуется Муру на плагиаты Байрона и рассказываетъ, что вся третья пѣснь Чайльдъ-Гарольда построена на его чувствахъ и написана его слогомъ, и лордъ Россель, можетъ быть, и правъ, когда замѣчаетъ сухо по этому поводу, что, если Вордсвортъ виновникъ выхода въ свѣтъ Чайльдъ-Гарольда, то это лучшее его произведеніе,—тѣмъ не менѣе легко понять, что Вордсворту могло показаться, что главные мѣста въ упомянутой третьей пѣснѣ и прекрасныя мѣста объ уединеніи, въ болѣе равныхъ пѣсняхъ повторяютъ въ искусственной формѣ и въ формѣ антитезы то, что было сказано у него просто и естественно¹⁾. Не трудно увидѣть оскорбленное тщеславіе ограниченнаго ума, затѣваемаго умомъ болѣе геніальнаго соперника, въ этой вспышкѣ, но не надо забывать, что Вордсвортъ дѣйствительно первый взялъ тотъ аккордъ, который Байронъ варьировалъ впоследствии съ такимъ успѣхомъ, и что нѣкоторые особенно оригинальные и живучіе стихи Вордсворта, очевидно, сохранились въ памяти Байрона. Нельзя, напр., читая эти строки въ Чайльдъ-Гарольдѣ, (3 пѣснь, 72 строфа):

And to me high mountains are a feeling
 (А для меня высокія горы — чувство)

не вспоминать только что приведенныя слова Вордсворта, нельзя отрицать, что Байронъ воспринимаетъ и обогащаетъ настроеніе Вордсворта, когда онъ поетъ (Чайльдъ-Гарольдъ, III, 75):

¹⁾ См. Томасъ Муръ: Memoirs, III, 161...

Are not the mountains, waves, and skies, a part
 Of me and of my soul, as I of them?
 Is not the love of these deep in my heart
 With a pure passion...

(Развѣ горы, волны и небеса не составляютъ часть меня и моей души, какъ я составляю часть ихъ? Развѣ любовь къ нимъ не наполняетъ чистою страстью мое сердце...).

Но между тѣмъ какъ Вордсвортъ въ Tintern Abbey описываетъ эту свою страсть къ природѣ, какъ нѣчто прошедшее, существовавшее только мимолетно, въ переходномъ возрастѣ, и затѣмъ подвергнутое анализу и сдержанное размышленіемъ, у Байрона она образовала прочное чувство, выражающее все его существо. У него „я“ въ его отношеніи къ природѣ не стѣснено никакими узами богобоязни; между природою и имъ не воздвигнуто преграды въ видѣ вѣроученій; въ своемъ мистическомъ обоготвореніи природы онъ чувствуетъ себя единымъ съ нею, не нуждаясь въ deus ex machina, чтобы связать ее съ нимъ.

Также точно можно сказать, что непосредственная страсть не можетъ служить характеристикой отношенія Вордсворта къ природѣ. Его воззрѣнія и впечатлѣнія природы и его передача ихъ отличается болѣе утонченнымъ и сложнымъ характеромъ. Хотя впечатлѣніе воспринимается съ свѣжими чувствами, но оно сдерживается и смягчается размышленіемъ. Оно не настраиваетъ поэта непосредственно на пѣснопѣнія. Если онъ вмѣстѣ съ Гете можетъ сказать:

Jeh singe, wie der Vogel singt,
 Der in den Zweigen wohnt.

(Я пою, какъ поетъ птичка, живущая въ вѣтвяхъ).

то во всякомъ случаѣ онъ поетъ не какъ соловей, онъ не издаетъ богато льющейся пѣсни любви, свидѣтельствующей объ опьяненіи души любовью и насмѣхающейся надъ ночною тишиною, которую она нарушаетъ и разсѣваетъ. Вордсвортъ самъ въ словахъ, подобныхъ приведеннымъ выше, описалъ пѣснь соловья (Poems of imagination, № X), и затѣмъ прибавляетъ:

I heard a Stock—dove sing or say
 His homely tale, this very day,
 His voice was buried among trees,
 Yet to be come—at by the breeze:
 He did not cease; but loved and cosed;
 And somewhat pensively he wooed:
 He sang of love, with quiet blending,
 Slow to begin, and never ending;
 Of serious faith, and inward glee;
 That was the song—the song for me!

(Я слышалъ въ тотъ же день, какъ дикій голубъ произносилъ или пѣлъ свою простую пѣсню; его голосъ таился среди деревьевъ, но вѣтеръ доносилъ его ко мнѣ; онъ, не останавливаясь, все ворковалъ и ворковалъ; а иногда задумчиво молилъ: онъ пѣлъ о любви, любви спокойно сіяющей, которая медленно зарождается, но никогда не кончается; о серьезной вѣрѣ, о внутренней радости... Это была пѣснь въ моемъ вкусѣ!)

Вордсвортъ хотѣлъ описать самого себя въ этихъ строкахъ о меланхолично размышляющемъ поклонникѣ. По обычаю многихъ поэтовъ, онъ постарался создать ученіе изъ своего образа дѣйствій и доказать, что всякая хорошая поэзія должна обладать особенностями его собственнаго поэтическаго творчества. Всякая хорошая поэзія, говоритъ онъ, является произвольнымъ изліяніемъ могущественныхъ чувствъ, но ни одно достойное упоминаніе произведенія не было произведено человѣкомъ, который, рядомъ съ выдающеюся надъ общимъ уровнемъ воспримчивостью, не обладалъ умѣніемъ размышлять долго и глубоко. Причина этого заключается, по его мнѣнію, прежде всего въ томъ, что теченіе нашихъ чувствъ постоянно опредѣляется и подкрѣпляется нашими мыслями; во вторыхъ, въ томъ, что сами наши мысли являются не чѣмъ инымъ, какъ „представителями всѣхъ нашихъ прежнихъ чувствъ“, — глубоки и удачно сказанныя, хотя, быть можетъ, не всегда удовлетворяющія въ научномъ отношеніи слова, которыя весьма мѣтко характеризуютъ собственные поэтическія размышленія и разсужденія Вордсворта.

Послѣднія состоятъ, выражаясь точно, въ томъ, что впечатлѣнія природы сберегаются и прячутся, для того, чтобы такъ сказать, пережевать ихъ, переработать, усвоить, и затѣмъ вновь вынуть изъ душевной житницы для новаго пересмотра и наслажденія ими. Тотъ, кто ясно понималъ эту особенность Вордсворта, обладаетъ ключемъ для пониманія его оригинальности. Въ Tintern Abbey онъ объясняетъ, какимъ образомъ это тихое усвоеніе настроеній природы, соответствующихъ настроеніямъ человѣческой души, слѣдуетъ за непосредственною и необузданною радостью юношескаго возраста при видѣ красоты природы

That time is past,
And all its aching joys are now no more,
And all its dizzy raptures. Nor for this
Faint J, nor mourn nor murmur; other gifts
Have followed; for such loss, J would believe,
Abundant recompense. For J have learned
To look on nature, nor as in the hour
Of thoughtless but hearing oftentimes
The stile, sad music of humanity,
Nor harsh nor grating, though of ample power
To hasten and subdue. And J have felt
A presence that disturbs me with the joy

Of elevated thoughts...

A motion and a spirit, that impels

All thinking things, all objects of all thought,

And rolls through all things.

(Это время прошло, и всѣ его сильныя радости больше не существуютъ, а также его бурные восторги. Я на это не жалею, не горюю, не ропщу; за этимъ послѣдовали другіе дары, достаточно, какъ мнѣ кажется, вознаграждающіе за испытанныя потери. Потому что я научился смотрѣть на природу не такъ, какъ во времена не размышляющей юности. Я началъ часто прислушиваться къ тихой, печальной музыкѣ челоѣчества, не грубой и рѣзкой, но обладающей достаточной силою, чтобы очищать и покорять. И я чувствовалъ присутствіе чего-то, что наполняло меня наслажденіемъ, доставляемымъ возвышенными мыслями... я чувствовалъ движеніе, духъ, увлекающій за собою всѣ думающія существа, всѣ предметы мыслей и проникающій собою все).

Въ этихъ словахъ Вордсвортъ описалъ свои владѣнія, ясно и опредѣленно обозначилъ ихъ границы. Какая противоположность съ Байрономъ, который рѣдко или никогда не слышалъ челоѣческаго голоса въ природѣ, а если и слышалъ, то не безъ диссонанса, — онъ еще въ Чайльдъ-Гарольдѣ называетъ всю жизнь челоѣчества „фальшивымъ тономъ“ въ великомъ аккордѣ вселенной.

Но мы еще не дошли до самыхъ оригинальныхъ выраженій въ Tintern Abbey. Въ нихъ Вордсвортъ описываетъ спокойное дѣйствіе на умы сбереженныхъ и накопленныхъ впечатлѣній природы. Онъ говоритъ:

These beauteous form

Through a long absence, have not been to me

As is a landscape to a blind man's eye:

But oft, in lonely rooms, and' mid' the din

Of towns and cities, J have owed to them,

In hours of weariness, sensations sweet.

. Feelings too

Of unremembered pleasure: such, perhaps,

As have not slight or trivial influence

On that best portion of a good man's life,

His little, nameless, unremembered, acts

Of kindness and love.

(Эти прекрасныя картины, не смотря на долгое отсутствіе, не были для меня тѣмъ, чѣмъ является ландшафтъ для глазъ слѣпца: но часто, въ минуты уединенія, среди городского и столичнаго шума, я обязанъ былъ имъ, въ часы утомленія, сладкими ощущеніями... а также чувствами давно забытыхъ удовольствій, — такихъ, быть можетъ, которыя оказываютъ не малое и не мимолетное волненіе на лучшую часть жизни хорошаго челоѣка, на его мелкія, безыменныя, давно позабытыя дѣла доброты и любви).

И онъ развиваетъ дальше мысль, что обязанъ этими впечатлѣніями природы еще другому, болѣе возвышенному дару—счастливому и ясному уму, ослабляющему гнетъ жизненныхъ тягостей, и кончаетъ свои разсужденія замѣчаніемъ, что въ тѣ полныя наслажденія минуты, когда онъ видитъ вновь знакомыя мѣста, онъ не только ощущаетъ мимолетное удовольствіе, но и черпаетъ въ нихъ жизнь и пищу для будущаго года.

Это выраженіе вновь и вновь употребляется имъ. Особенный интересъ представляетъ стихотвореніе № XV въ Poems of imagination, въ которомъ поэтъ разсказываетъ, какъ онъ во время одинокой прогулки около озера открылъ внезапно цѣлую массу золотистыхъ нарциссовъ, которые колебались и плясали подъ дуновеніемъ вѣтра, сидя такъ близко другъ отъ друга, какъ звѣзды, млечнаго пути, и двигаясь съ еще болѣе веселымъ оживленіемъ, чѣмъ плескающія волны, около которыхъ они росли:

J gazed—and gazed—but little thought
What wealth the show to me had brought:
For oft, when on my couch I lie
In vacant or in pensive mood,
They flash upon that inward eye
Which is the bliss of solitude;
And then my heart with pleasure fills,
And dances with the daffodils.

(Я смотрѣлъ и смотрѣлъ, но и не думалъ о томъ, какую пользу принесло мнѣ это зрѣлище, потому что часто потомъ, когда мнѣ приходилось лежать на постели погруженнымъ въ размышленія, они возстаютъ передъ моимъ внутреннимъ взоромъ, который есть счастье одиночества; и тогда мое сердце наполняется радостью и танцуетъ вмѣстѣ съ нарциссами).

Ничто не можетъ быть болѣе противоположно обычной жизни лирическаго поэта въ настоящее время, какъ это заготовленіе лирикомъ впечатлѣній настоящаго для будущаго употребленія. Вордсвортъ самъ называетъ себя собирателемъ натуры; онъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова копилъ зимніе запасы изъ свѣтлыхъ лѣтнихъ моментовъ, и есть что-то искреннее, что-то общечеловѣческое въ этомъ,—нѣчто такое, чѣмъ большинство людей пренебрегаетъ или на что они не обращаютъ должнаго вниманія; но прежде всего въ этомъ есть нѣчто національное; никто не удивляется при видѣ того, что именно англійскій натурализмъ началъ съ бережливаго и экономнаго заготовленія капитала и склада изъ впечатлѣній природы.

Мы знаемъ всѣ, какія настроенія могутъ привести къ подобнымъ результатамъ. Многіе изъ насъ, при видѣ безпредѣльнаго горизонта, открывающагося у берега голубого моря, въ волнахъ котораго сверкаютъ солнечные лучи, сознавали, что ежедневное созерцаніе подобнаго зрѣлища должно расширять душу и

изгонять мелочныя побужденія изъ всѣхъ ея закоулковъ; покидая это мѣсто, они сожалѣли о немъ и хватились за всякое впечатлѣніе, которое могло возобновить производимое этимъ мѣстомъ дѣйствіе. Или же, созерцая чудные ландшафты, особенно во время путешествій, когда мы знаемъ, что намъ не скоро придется вновь насладиться ихъ красотою, мы старались держаться возможно болѣе пассивно, чтобы запечатлѣть его образъ въ нашемъ воспоминаніи. Мы также возвращались инстинктивно къ прекраснымъ воспоминаніямъ, потому что душа наша вообще невольно ищетъ въ прошедшемъ свѣтлыхъ воспоминаній, чтобы черпать въ нихъ силу и жизненное мужество. Но новыя, болѣе сильныя ощущенія заглушили у насъ прежнія. Мы не были въ состояніи препарировать ихъ на будущее время или вновь и вновь пережевывать ихъ. Общественная жизнь, свѣтскій шумъ и жизнь страстей обусловили для насъ невозможность испытывать глубокую и одухотворенную радость при воспоминаніи о сіяніи солнечнаго луча на цвѣтахъ или о сросшихся гигантскихъ деревьяхъ. Совершенно иное происходило въ душѣ англійскаго поэта, ставящаго себѣ цѣлью жизни возбуждать интересъ ко всѣмъ этимъ элементарнымъ настроеніямъ и впечатлѣніямъ и истолковывать ихъ. Его въ практическомъ отношеніи бездѣятельная душа прозябала среди этихъ мечтаній о природѣ, и нельзя отрицать, что это постоянное обращеніе къ простѣйшимъ впечатлѣніямъ природы сохранило его душу такою чистою и свободною, что дѣлало ее способною чувствовать красоту въ ея простѣйшихъ земныхъ формахъ безъ приѣма къ нимъ чего-либо фантастичнаго и преувеличеннаго.

Какъ рѣдко встрѣчается подобная способность, какъ часто чувствуется недостатокъ ея у самыхъ великихъ и лучшихъ умовъ! Какъ быстро утрачена она была въ англійской поэзіи! Она обнаруживается въ наиболѣе прекрасномъ и полномъ видѣ у немногихъ поэтическихъ женскихъ образовъ, очертанія которыхъ обрисованы намъ Вордсвортомъ въ его мелкихъ стихотвореніяхъ. Герои его повѣствовательныхъ стихотвореній представляютъ далеко меньше значенія: они выводились отчасти, чтобы возбуждать участіе къ сельскому населенію и низшимъ классамъ, отчасти съ цѣлью морализировать. Но немногія слегка набросанныя женскія фигуры, созерцаемыя Вордсвортомъ тѣмъ же спокойнымъ и влюбленнымъ взоромъ, какимъ онъ смотрѣлъ на деревья и птицъ,—воплощенная природа. Это—типичныя англійскія женщины, и никто не обрисовалъ съ такою увѣренною рукою, какъ онъ, ихъ характеристическія черты. Прочтите слѣдующее небольшое стихотвореніе ¹⁾:

She was an Phantom of delight
When first she gleamed upon my sight;
A lovely Apparition, sent
To be a moment's ornament;

¹⁾ Poet. W., II, стр. 13.

Her eyes as stars of Twilight fair,
 Like Twilight, too, her dusky hair;
 But all things else about her drawn
 From May-time and the cheerful Dawn;
 A dancing Shape, an Image gay,
 To haunt, to startle, and way-lay.
 I saw her upon nearer view,
 A Spirit, yet a Woman too.
 Her household motions light and free,
 And steps of virgin-liberty;
 A countenance in which did meet
 Sweet records, promises as sweet;
 A Creature not too bright or good
 For human nature's daily food;
 For transient sorrows, simple wiles,
 Praise, blame, love kisses, tears and smiles
 And now I see with eye serene
 The very pulse of the machine;
 A Being breathing thoughtful breath,
 A traveller between life and death;
 The reason firm, the temperate will,
 Endurance, foresight strength and skill,
 A perfect Woman, nobly planned,
 To warn, to comfort and command;
 A yet a Spirit still, and bright
 With something of angelic light.

(Она показалась мнѣ чуднымъ видѣніемъ, когда впервые появилась передъ моими взорами,—восхитительнымъ видѣніемъ, ниспосланнымъ свыше для минутнаго очарованія; ея глаза сіяли, какъ звѣзды въ сумерки; на сумерки походили и ея темные волосы; но остальная ея наружность напоминала о майскихъ дняхъ и радостной зарѣ; это былъ танцующій веселый образъ, который очаровывалъ, поражалъ и внезапно исчезалъ. Вскорѣ я ближе познакомился съ нею,—это былъ духъ, но также и женщина. Ея движенія дома были легки, вольны, ея походка—дѣвственно-свободна; на лицѣ ея выражались сладкія воспоминанія и столь же сладкія обѣщанія; это было созданіе не слишкомъ свѣтлое и не слишкомъ прекрасное для ежедневной будничной жизни,—для переходящихъ печалей, простыхъ хитростей, похвалы, порицанія, любви, поцѣлуевъ, слезъ и улыбокъ. А теперь я ясными глазами вижу ее всю насквозь. Это—существо, одаренное глубокою мыслью, путникъ на дорогѣ между жизнью и смертью, съ твердымъ разсудкомъ, здравую волю, упорствомъ, проницательностью, силою и искусствомъ,—настоящая жен-

щина, созданная по благородному плану, способная предостерегать, утѣшать и повелѣвать... и все же духъ, сіяющій какъ бы англійскимъ сіяніемъ).

Мы, несомнѣнно, имѣемъ здѣсь передъ собою настоящій вѣрный природѣ образецъ англійской женщины, и невольно даемъ пальму первенства Вордсворту, если сравнимъ это здравое и правдивое описаніе съ женскими идеалами, нарисованными величайшими поэтами Англіи въ ближайшее слѣдующее за тѣмъ время. Возьмемъ, напр., описаніе Шелли эфирной покровительницы цвѣтовъ и растений въ его стихотвореніи: Мимоза. Картина фееричной красоты восхитительна, какъ вообще все, выходящее изъ-подъ пера Шелли; ея нѣжность къ растеніямъ, ея трогательное сочувствіе ко всѣмъ маленькимъ безобразнымъ и преслѣдуемымъ животнымъ, „которые невинны, не смотря на приносимый ими вредъ“, придаютъ этой сальфидѣ человѣческія черты,—но все же она не человѣкъ, равно какъ и Фея Атласа Шелли или непонятная героиня въ Эпипсихидіонѣ. Шелли, также точно, какъ и воспѣтый имъ жаворонокъ, презираетъ землю (scorner of the ground).—Или возьмемъ страстныхъ восточныхъ героинь въ первыхъ поэтическихъ разсказахъ Байрона: Медору, Гульниру, Каледу. Онѣ не достигаютъ простой красоты героини Вордсворта; ихъ любовь, преданность и рѣшительность превосходятъ всякія границы. Онѣ сочинены для міра читателей, которымъ одуряющая городская жизнь среди лондонской массы и постоянное занятіе міровыми событіями сообщали какъ бы нервную потребность къ сильнѣйшимъ умственнымъ возбуждательнымъ средствамъ. Но Вордсвортъ считалъ для себя пріятною и благодарною задачею доставить доказательство того, какъ сильно можно волновать, трогать и потрясать человѣческую природу, не прибѣгая къ грубымъ и насильственнымъ возбуждательнымъ средствамъ. Онъ, правда, понималъ, что людямъ, привыкшимъ къ кричащимъ краскамъ, трудно находить удовольствіе въ чтеніи произведеній, особенность которыхъ состоитъ въ мягкомъ и вѣрномъ природѣ колоритѣ, но онъ рѣшилъ принудить читателей вернуться къ естественности и перестать искать возбуждательныхъ средствъ въ поэзіи.

VI.

Нельзя понять въ полной мѣрѣ силу и размѣры поэтическихъ способностей Вордсворта, не познакоившись съ его біографіею. Жизнь его была необыкновенно идилична и ограждена отъ вѣшнихъ тревоженій. Онъ родился въ достаточной семьѣ среднего сословія (отецъ его былъ адвокатомъ), учился въ Кембриджѣ, путешествовалъ, вернулся домой и унаслѣдовалъ уже въ 1795 г. отъ одного поклонника его генія 900 ф. стерл., которые вмѣстѣ съ суммою 8500 ф., исключенною семьѣ однимъ англійскимъ лордомъ, должникомъ покойнаго отца, доставила поэту возможность жить, не избирая себѣ никакой профессіи. Въ 1803 г. онъ женился, въ 1813 г. поселился въ Ридаль Моунтъ „у озеръ“. Въ качествѣ завѣдующаго штемпельнымъ сборомъ онъ пользовался синекурою въ 500 ф. ежегодно съ 1813 по 1842 г., когда онъ отказался отъ нея въ поль-

зу одного изъ своихъ сыновей. Въ 1843 г. онъ сдѣлался poet-laureate вмѣсто Соути и пользовался въ качествѣ такового правительственною пенсіею въ 300 ф. ежегодно до самой смерти. Онъ умеръ лишь въ 1850 г. въ возрастѣ 80 лѣтъ. Обезпеченный со всѣхъ сторонъ отъ житейскихъ невзгодъ, онъ смотрѣлъ на жизнь съ протестантско-философской точки зрѣнія.

Такого рода среда и такая жизнь не могли воспламенить страстей; онъ и не играютъ никакой роли ни въ его жизни, ни въ его поэзіи. Въ біографіяхъ другихъ выдающихся писателей встрѣчается одно или нѣсколько сильно повліявшихъ на нихъ обстоятельствъ, тотъ или другой источникъ для печали или для укрѣпленія характера, или для плодovitости; у Вордсворта мы ничего подобнаго не встрѣчаемъ. У него не было враждебнаго недостатка, искалѣчившаго его, не было рѣзкихъ нападокъ на него, которыя болѣзненно отразились бы на немъ и наложили бы отпечатокъ на его настроеніе. Конечно, критика осмѣивала и преслѣдовала его, и притомъ долгое время: отъ 1800 по 1820 г. его поэзію попирали ногами, отъ 1820 по 1830 съ нею боролись, съ 1830 г. она пользовалась общимъ признаніемъ. Но оппозиція не отличалась никогда особенно нелѣпостію или яростію, борьба не бывала никогда особенно горячею, а побѣда—достаточно блестящею, чтобы придать его біографіи колоритъ и блескъ, или чтобы сдѣлать его жизнь предметомъ пѣснопѣній. При этомъ и его внутренняя, личная жизнь не была никогда настолько богатою впечатлѣніями, чтобы сосредоточивать на себѣ его поэзію или доставлять ей необходимые сюжеты. Напротивъ того, она заставляла его оглядываться и искать впечатлѣній во внѣшнемъ мірѣ. Борьба, разыгрывавшаяся за границею, окружающая природа и маленкій незамѣтный міръ людей, среди которыхъ онъ жилъ, наполняли и поглощали его. Онъ не былъ, подобно Байрону, слишкомъ занятъ собою, чтобы не находить душевнаго спокойствія, занимаясь жалкими и ничтожными предметами, которые онъ изображалъ и описывалъ съ нѣжностію и состраданіемъ.

Конечно, онъ чувствовалъ себя центромъ въ своемъ мірѣ. Изъ его идиллическаго и уединеннаго дома выходили отъ времени до времени въ свѣтъ сборники стихотвореній или болѣе крупныя поэтическія произведенія, сопровождаемыя пояснительными предисловіями, въ которыхъ читателя поучали помощью цѣлаго ряда примѣровъ, что всѣ великіе поэты не признавались и пренебрегались своими современниками; что каждый великій и самобытный писатель вынуждалъ прежде всего создавать то направленіе вкуса, которое можетъ наслаждаться его произведеніями, и что если онъ и засталъ дорогу проложенною и протоптанною своими предшественниками относительно всего, что у него есть общаго съ ними, за то относительно всего оригинальнаго, самобытнаго въ немъ онъ очутился въ положеніи Ганибалла среди Альпъ. (Предисловіе 1815 г.).

Вордсвортъ зналъ прекрасно, что прокладывающій новые пути человекъ можетъ ждать сочувствія только отъ тѣхъ своихъ современниковъ, которые мо-
ложе его. Но критика, не бывшая никогда настолько рѣзкою, чтобы сдѣлать его

такимъ же воинственнымъ и безпощаднымъ, какъ Байронъ, сдѣлала его высоко-мѣрнымъ и заставила его прибавить себѣ слишкомъ большую цѣну. Единственное развлеченіе его заключалось въ томъ, чтобы на лонѣ восхищающейся имъ семьи принимать случайныя посѣщенія лицъ, пришедшихъ въ эту мѣстность пѣшкомъ, съ рекомендательными письмами къ нему. Онъ съ ними бесѣдовалъ холодно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, и нерѣдко отталкивалъ ихъ отъ себя тою влюбленностію въ себя, съ какою онъ постоянно восхвалялъ, приводилъ и декламировалъ свои собственныя произведенія,—тѣмъ равнодушіемъ, какое онъ выказывалъ относительно всего другого, тою щепетильною строгостію, съ какою онъ требовалъ отъ своихъ окружающихъ видимыхъ знаковъ почтенія, и, наконецъ, серьезностію, съ какою онъ повторялъ малѣйшее слово, сказанное въ похвалу ему.

Много существуетъ мѣткихъ анекдотовъ о его высокомъ мнѣніи о себѣ. Томасъ Муръ сообщаетъ (Memoirs, III, 163), какимъ образомъ Вордсвортъ, обѣдая однажды у лорда Дэви, внезапно, безъ малѣйшаго повода къ бесѣдѣ подобнаго рода, закричалъ съ одного конца стола на другой: „Дэви! знаете ли вы, почему я заставилъ напечатать „Бѣлую Рильстенскую серну“ въ четвертую долю листа?“—„Нѣтъ, а почему?“—„Чтобы показать свѣту мое собственное мнѣніе о ней.“—Вордсвортъ никогда не читалъ громко чужихъ произведеній, а только свои. Когда вышелъ Робъ Рой Вальтеръ-Скотта, съ лозунгомъ изъ стихотвореній Вордсворта, послѣдній находился въ гостяхъ у одной семьи, которая только что получила эту книгу и очень заинтересовалась ея содержаніемъ. Вордсвортъ схватилъ ее, всѣ ожидали, что онъ прочитаетъ вслухъ что-нибудь изъ первыхъ главъ; но вмѣсто этого онъ подошелъ къ книжному шкафу, взялъ одинъ изъ своихъ собственныхъ томовъ и прочелъ собравшемуся обществу громко свое стихотвореніе. Эмерсонъ сохранилъ намъ замѣтки, составленныя имъ немедленно послѣ двухъ посѣщеній Вордсворта съ нѣсколькими годами промежутка между ними. Послѣ послѣдняго онъ пишетъ: „Онъ питалъ чисто національное ожесточеніе къ французамъ и не менѣе сильное относительно шотландцевъ; ни одинъ шотландецъ, по его мнѣнію, не умѣлъ писать по англійски... Его мнѣнія о французахъ, англичанахъ, ирландцахъ и шотландцахъ были, повидимому, составлены поспѣшнымъ образомъ на основаніи анекдотовъ, приключившихся съ нимъ или съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ его семьи по дорогѣ въ почтовыхъ каретахъ.“—Послѣ своего перваго посѣщенія (въ 1833 г.) Эмерсонъ пишетъ: „Вордсвортъ повелъ разговоръ на свою любимую тему, что общество, благодаря поверхностной культурѣ, просвѣщается безъ всякаго вниманія къ нравственному воспитанію. Школы не могутъ оказать въ этомъ отношеніи никакой пользы. Учитель не можетъ быть воспитателемъ... Онъ хотѣлъ заставить меня и всѣхъ добрыхъ американцевъ признать, что мораль, поддерживающая общество и т. д. и т. д., должна пользоваться почетомъ... Онъ всячески бранилъ и поносилъ Вильгельма Мейстера. Это произведеніе наполнено вся-

кою развращенностью. Читая его, кажется, какъ будто мухи совокупаются въ воздухѣ. Онъ не могъ никакъ пойти дальше первой части и отбросилъ отъ себя книгу,—такъ сильно было его возмущеніе... Онъ привелъ свой сонетъ: Чувства великодушнаго испанца, который признавалъ самымъ лучшимъ, затѣмъ Два голоса, и декламировалъ свои стихи къ жаворонку. Въ этихъ словахъ весь выражается Вордсвортъ, какимъ онъ являлся въ своей будничной обстановкѣ; саркастическія сужденія о всѣхъ чуждыхъ національностяхъ, возраженія противъ современной культуры—тѣ самыя, которыя и въ настоящее время всегда имѣются наготовѣ у магометанъ въ Азіи,—именно утвержденіе, что все это соединяется съ величайшею безнравственностью, прославленіе условной морали, какъ охранительнаго для общества элемента (истинная мораль—самый радикальный изъ всѣхъ существующихъ элементовъ), напоминающія Новалиса раздраженія противъ Гете, и, въ концѣ концовъ, цитаты изъ собственныхъ произведеній на закуску!

Эмерсонъ даетъ сводъ своихъ впечатлѣній въ слѣдующихъ словахъ: „Его лицо нѣсколько разъ просвѣтлялось, но, вообще, его разговоръ не отличался ни особенною силою ума, ни особымъ полетомъ воображенія. В. приносить себѣ честь своею простою вѣрою въ истину, но въ то же время поражаетъ ограниченностью своихъ мыслей. Если судить о немъ по одной только бесѣдѣ съ нимъ, онъ производилъ впечатлѣніе ограниченного и истинно англійскаго ума, который искупалъ рѣдкіе часы вдохновенія самою сухою прозою въ другіе часы.

Въ 1843 г. Вордсвортъ встрѣтился однажды впервые съ Диккенсомъ. Вордсвортъ питалъ большое презрѣніе ко всѣмъ молодымъ людямъ, и общій пріятель, у котораго произошло это свиданіе, очень интересовался узнать, какое впечатлѣніе произвелъ на него великій юмористъ. Поднявъ вверхъ свои губы привычнымъ ему способомъ и заложивъ одну ногу за другую, такъ что его ноги обнажались выше носка, онъ отвѣтилъ медленно: „Ахъ! я, право, вовсе не склоненъ критически относиться къ встрѣчаемымъ мною людямъ, но разъ вы меня спрашиваете, я признаюсь вамъ откровенно, что нашелъ его очень болтливымъ и очень обыкновеннымъ молодымъ человекомъ... но въ общемъ онъ можетъ быть и очень хорошимъ малымъ. Поймите меня хорошенько,—я вовсе не намѣренъ говорить противъ (него, потому что я не прочелъ и единой строчки изъ того, что онъ написалъ“. Нѣсколько времени спустя общій знакомый обратился осторожно къ Диккенсу съ вопросомъ: какъ ему понравился поэтъ-лауреатъ? „Понравился?“ отвѣтилъ Диккенсъ: „Это отвратительный старый оселъ!“ *).

Читатель, конечно, не согласится подписаться подъ этимъ приговоромъ. Но одно ясно, что должно было существовать нѣчто раздражающее собесѣдника въ манерѣ Вордсворта держать себя. Когда онъ говорилъ, рассказываетъ оидя изъ его современниковъ, онъ работалъ какъ китъ, и провозглашалъ вѣчныя

*) „Like him! Not at all. He is a dreadful old ass“ R. S. Mackenzie; Life of Dickens.

истины (триизмы) тономъ оракула. Слово триизмъ (истина настолько ясная, что ее излишне высказывать) можетъ быть примѣнено ко многимъ его устнымъ изреченіямъ. Оно охватываетъ всю умозрительную и дидактическую сторону его поэзіи. Въ ней не замѣчается особенной духовной силы или страсти, а гамлетовское стремленіе разбирать со всѣхъ сторонъ великій вопросъ быть или не быть. Рожденіе, смерть и будущее, страсти и грѣхи людей въ этой жизни и надежда на будущую жизнь, незначительный объемъ всего круга нашихъ знаній и внушающее ужасъ отношеніе, въ какомъ мы находимся къ сверхестественному міру—это, говоритъ Массонъ, постоянные и неизбежные предметы общечеловѣческихъ и, въ особенности, вордсвортовскихъ разсужденій и заботъ. *) Но такъ какъ эти мысли составляютъ, къ несчастью, не средоточіе, а самую внѣшнюю периферію нашихъ знаній, то онѣ подвигаются по дорогамъ, которыя никуда не ведутъ, по старымъ протоптаннымъ и изрытымъ глубокими колеями путямъ, которые образуютъ кругъ, и по которымъ можно ѣздить съ спокойною, полною достоинства печалью, но безъ пользы или прибыли для себя и другихъ. То обстоятельство, что Вордсвортъ постоянно вращался въ этой периферіи нашихъ знаній, которую приверженцы такъ называемыхъ откровенныхъ религій считают естественнымъ средоточіемъ нашихъ мыслей, виновно больше чегъ либо другого въ томъ, что, какъ ни велика его слава въ Англіи, онъ не получилъ особеннаго распространенія за предѣлами своей родины.

Когда Кольриджъ познакомился съ Вордсвортомъ, послѣдній успѣлъ уже достаточно написать, чтобы можно было составить себѣ понятіе о томъ, въ чемъ заключалась оригинальность его таланта. Что особенно трогало Кольриджа въ поэзіи Вордсворта,—это соединеніе глубины чувства съ тѣмъ, что ему казалось глубиною мысли, изящное равновѣсіе между истиною въ наблюденіи и способностью воображенія преобразовывать данныя наблюденія, а, главнымъ образомъ, способность окружать особою атмосферою высшаго, идеальнаго міра тѣ существа, состоянія, отношенія и случаи, которыхъ привычка лишаетъ интереса въ глазахъ обыкновеннаго наблюдателя.

Первыя бесѣды Вордсворта и Кольриджа вращались вокругъ того, что казалось имъ двумя главными пунктами поэзіи; вокругъ способности возбуждать участіе читателя вѣрнымъ природѣ описаніемъ и способности сообщать интересъ новизны, силою воображенія видоизмѣняя краски. Очарованіе, которое испытывается нами при видѣ игры свѣта и тѣни въ природѣ, новый и привлекательный видъ, сообщаемый луннымъ свѣтомъ или заходомъ солнца извѣстной раньше мѣстности, указывали, по ихъ мнѣнію, на возможность соединить въ одно оба эти элемента. Здѣсь они видѣли передъ собою настоящую поэзію природы; вопросъ заключался только въ томъ, чтобы свести все это въ одно. Они хотѣли подражать не природѣ, а поэзіи природы.

*) См. Masson: Wordsworth, Shelley, Keats and other essays.

И вотъ, они рѣшили написать рядъ произведеній, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ видамъ искусства. Въ первыхъ дѣйствіи и дѣйствующія лица должны были быть сверхъестественными и ихъ особенность должна была заключаться въ драматической правдѣ описаній такого рода душевныхъ движеній, которыя сопутствовали бы данному положенію, разъ бы оно получилось въ дѣйствительности. Но въ дѣйствительности въ такое положеніе попадалъ каждый человѣкъ, который, въ силу какихъ бы то ни было иллюзій, вообразилъ бы себя находящимся подъ вліяніемъ сверхъестественныхъ чаръ. Выполненіе этой задачи вышло на долю Кольриджа и нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что онъ самъ и поставилъ эту задачу. Каждый читатель, знакомый съ европейскою литературою, сразу замѣтитъ, въ какомъ близкомъ родствѣ она находится съ задачами, которыя ставились и разрѣшались германскимъ романтизмомъ. Чисто англійская особенность въ этомъ случаѣ заключалась въ томъ, что здѣсь обращали вниманіе главнымъ образомъ не на сверхъестественное и фантастичное, а на вѣрность природѣ, такъ что романтизмъ здѣсь обращался въ одну изъ формъ натурализма.

Въ стихотвореніяхъ второго типа сюжеты должны были черпаться изъ будничной жизни. Но Вордсвортъ, на долю котораго досталась именно эта вторая группа, предполагалъ сообщить самымъ простымъ и естественнымъ событіямъ ореолъ необыкновеннаго, новаго, даже сверхъестественнаго, пробуждая людскія души изъ состоянія спячки, въ которомъ они обыкновенно обрѣтаются, и вынуждая ихъ открывать глаза и видѣть ту красоту и тѣ чудеса, которыя дѣйствительный міръ постоянно выставляетъ на видъ передъ человѣческими взорами. Онъ сдѣлалъ подобную попытку впервые въ Лирическихъ балладахъ, о которыхъ онъ въ предисловіи говорить, что это опытъ, помощью котораго онъ хочетъ узнать, нельзя ли тѣ предметы, которые не годятся для такъ сказать „изощреннаго“ изложенія, сдѣлать занимательными и привлекательными, не смотря на то, что они будутъ изложены на обыкновенномъ языкѣ, и онъ позже повторилъ этотъ опытъ въ нѣсколькихъ сотняхъ стихотвореній въ высшей степени различнаго достоинства, въ которыхъ герои и героини принадлежатъ всѣ къ самымъ низкимъ классамъ общества, выросли среди сельскихъ занятій и изображены въ рамкахъ сельской жизни.

Въ датской литературѣ не существуетъ группы писателей этого рода. Напротивъ, тотъ, кто будетъ внимательно изучать Вордсворта, встрѣтитъ въ немъ отъ времени до времени нѣчто, имѣющее сходство по формѣ съ поэтическимъ анекдотомъ, съ тономъ изложенія, напоминающимъ *Fänrek Stal* Рутберга. Сходство существуетъ по временамъ даже въ ритмѣ и размѣрѣ; интересно было бы знать: знакомъ ли былъ съ Рутбертомъ англійскій поэтъ? Можетъ быть, слабое сходство между ними происходитъ отъ того, что описываемыя обоими событія протекаютъ постоянно въ одной и той же узко ограниченной мѣстности: у одного—у англійскихъ озеръ, у другого—у финскихъ. Во всякомъ случаѣ различіе

между ними очень велико. У Рутберга—воинственный фонтъ и настроеніе, пылкій лирический стиль, восторженная любовь къ родинѣ; у Вордсворта—спокойная жизнь среди мирной деревенской обстановки, чисто эпическое отношеніе и чисто мѣстный патріотизмъ,—любовь къ жизни и нравамъ нѣсколькихъ приходоу. У Рутберга—любовь солдата къ войску, у Вордсворта—участіе сельскаго священника къ своему приходу.

Есть, впрочемъ, одно датское стихотвореніе, которое просто поразительнымъ образомъ напоминаетъ стиль и тонъ Вордсворта, хотя отличается гораздо меньшею драматичностью, чѣмъ что бы то ни было, созданное послѣднимъ,—это *Торговецъ фруктами* (*Frugthandleren*) Генриха Герца. Это стихотвореніе стоитъ совершенно одиноко среди поэтическихъ произведеній Герца, какъ много разнообразныхъ струй ни затрагиваются ими. Его герой какъ бы созданъ для того, чтобы быть воспѣтымъ Вордсвортомъ, но способность трогать не прославляя составляетъ именно особенность главы озерной школы. Само собою разумѣется, что въ немъ недостаетъ той особенности, по которой можно узнать Вордсворта,—его умѣнія придавать самымъ будничнымъ явленіямъ почти сверхъестественный отпечатокъ.

Примѣръ того, какъ онъ достигаетъ этихъ результатовъ, даетъ одно его стихотвореніе, которое принадлежитъ къ самымъ его характеристичнымъ, если не къ самымъ лучшимъ произведеніямъ, именно: *Рѣшительность и независимость* (*Resolution and Independance*). Поэтъ описываетъ свою прогулку въ лѣтнее утро, сіяніе росы, пѣвіе птичекъ, бѣгство зайца по полямъ; онъ вспоминаетъ, что и ему случалось жить такъ же безопасно, какъ и полевымъ звѣркамъ и лѣснымъ птичкамъ, что такая жизнь можетъ отомстить за себя. Ему приходитъ въ голову, что многіе значительные поэты умирали въ горѣ и нуждѣ, и въ высшей степени прозаическія думы о будущемъ занимаютъ его умъ. Вдругъ онъ видитъ въ нѣкоторомъ отдаленіи въ уединенномъ мѣстѣ старика:

The oldest man he seemed that ever wore grey hairs.
As a huge stone is sometimes seen to lie
Couched on the bald top of an eminence;
Wonder to all who do the same espy,
By what means it could thither come, and whence:
So that it seems a thing endued with sense:
Like a sea-beast crawled forth, that on a shelf
Of rock or sand reposes, there to sun itself;
Such seemed this Man, not all alive, nor dead,
Nor all asleep—in his extreme old age:
His body was bent double, feet and head
Coming together in life's pilgrimage;
As if some dii constraint of pain, or rage

Of sickness felt by him in times long past,
A more than human weight upon his frame had cast.

.....
Motionless as a cloud the old Man stood,
That heareth not the loud winds when they call
And moveth all together, if it move at all.

(Это былъ, казалось, самый старый изъ всѣхъ людей, носившихъ когда либо сѣдые волосы. Подобно тому, какъ громадный камень виднѣется иногда на верху горы и возбуждаетъ всеобщее удивленіе при мысли о томъ, какимъ образомъ онъ туда попалъ и откуда, и представляется существомъ, одареннымъ смысломъ,—морскимъ чудовищемъ, вынырнувшимъ изъ нѣдръ моря, чтобы отдохнуть на скалѣ или пескѣ и погрѣться на солнышкѣ,—такъ и этотъ человѣкъ казался не живымъ, и не мертвымъ, и не спящимъ въ своей глубокой старости; его тѣло было совершенно сгорблено, ноги и голова почти сошлись подъ вліяніемъ долгаго жизненнаго странствованія, какъ будто тяжкія страданія или ярость бо-
лѣзни, испытанныя имъ въ давно прошедшія времена, взвалили на его тѣло сверхчеловѣческую тяжесть... Старикъ стоялъ безъ движенія, какъ облако, которое не слышитъ призыва бурныхъ вѣтровъ, а если двигается, то не иначе, какъ со всѣмъ окружающимъ).

Какъ гениально это двойное сравненіе и какъ таинственно дѣйствуетъ оно! Старецъ походить на громадный камень, лежащій на верхушкѣ горы, а камень имѣетъ настолько величественный видъ, что намъ кажется, будто морское чудовище всползло на верхъ. Съ рѣдкою силою воспроизводится такимъ образомъ впечатлѣніе, оказываемое на насъ старостью. Старецъ кажется самымъ старымъ человѣкомъ, когда-либо жившимъ на свѣтѣ. Если бы мы были въ Германіи, или на почвѣ романтизма, мы бы не удивились, узнавъ, что имѣемъ передъ собою іерусалимскаго башмачника. Но мы въ Англіи, и нами руководитъ Вордсвортъ. Оказывается, что старикъ—въ высшей степени обыденное человѣческое существо, собиратель пивовъ по положенію, занятіе какъ нельзя болѣе подходящее для старыхъ и больныхъ людей въ богатой водою мѣстности. Полныя утѣшенія, богобоязненныя рѣчи старика, его душевное спокойствіе даже среди величайшаго уединенія и бѣдности успокаиваютъ молодого поэта въ его страхъ за будущее, и онъ рѣшается всякій разъ, когда такого рода страхъ овладѣетъ имъ, вспоминать стараго собирателя пивовъ. „Это не пареніе въ высь оды“, какъ сказалъ гдѣ-то Эвальдъ, а прекрасный образчикъ способности Вордсворта придавать самому будничному, самому близкому природѣ матеріалу нѣкоторый фантастическій и величественный отпечатокъ, благодаря искусству изложенія.

Это стремленіе приняло въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Вордсворта карикатурный характеръ,—именно повсюду, гдѣ мистически-религіозное или наводящее ужасъ впечатлѣніе достигается помощью того или иного страннаго или необычно-

веннаго событія, которому авторъ придаетъ сверхъестественную силу. Получается въ высшей степени нелѣпое дѣйствіе, когда въ стихотвореніи *The Thorn* (Терновый кустъ) рассказчикъ (положеніе котораго въ жизни авторъ не указываетъ, но, судя по тому, что Вордсвортъ говорилъ Кольриджу,—это старый, живущій на пенсіи и совершенно спятившій съ-ума капитанъ корабля) съ крайнимъ ужасомъ, точно вопросъ идетъ о привидѣніяхъ, повѣствуетъ о бѣдной сумасшедшей дѣвушкѣ, которая ночью, одѣтая въ ярко-красное платье, сидитъ и жалуется подъ терновымъ кустомъ. И совершенно похоже на пародію направленіе въ *Peter Bell*, стихотвореніи Вордсворта, предъявленномъ съ такимъ большимъ трескомъ публикѣ, хотя, не будь сатиры Шелли того же имени, оно, навѣрное, было бы уже совершенно забыто; въ немъ рассказывается объ ужасѣ одного трубаго и жестокаго парня по поводу сверхъестественнаго упорства, съ какимъ его несчастный оселъ выносилъ самые ужасные удары, отказываясь сдвинуться съ мѣста, что въ соединеніи съ дѣйствіемъ фантазіи, возбужденной темнотою, привело въ концѣ концовъ къ обращенію парня. Упорство осла, какъ оказывается, объясняется тѣмъ, что его господинъ упалъ въ воду на томъ мѣстѣ, на которомъ они стояли, и оселъ хотѣлъ обратить на это вниманіе окружающихъ. Прав-
ственное величіе осла представляетъ яркую противоположность ослиному тупо-
умію человѣка, и Вордсвортъ, у котораго совершенно отсутствовало чувство ко-
мизма, при всякомъ удобномъ случаѣ указываетъ на эту противоположность.

И это не случайность, а характеристическая черта. Новая школа со своею ненавистью къ блеску и со своею любовью къ простому и уравновѣшенному чувствованію настоящаго пристрастіе къ осламъ, этимъ стойкимъ, терпѣливымъ и столь мало понимаемымъ произведеніямъ природы, которыя всегда отступаютъ на задній планъ передъ другими менѣе полезными животными. Кольриджъ въ одномъ извѣстномъ стихотвореніи: „Молодому ослу, мать котораго привязана невдалекѣ отъ него“, доходитъ до того, что восклицаетъ съ увлеченіемъ: „привѣтствую тебя какъ брата!“—¹⁾ и выражаетъ животнoлюбивое желаніе, чтобы въ болѣе уравновѣшенномъ и лучше устроенномъ обществѣ ослу представлено было вольное пастбище,—тогда его радостное ржаніе звучало бы въ ушахъ поэта пріятнѣе самой сладкой музыки. Неудивительно, что насмѣшникъ Байронъ ухватился за приведенное выше братское привѣтствіе и посмѣялся надъ нимъ въ своей первой сатирѣ: Англійскіе поэты и шотландскіе критики. Впрочемъ, у Кольриджа этотъ крайній натурализмъ не вошелъ въ плоть и кровь: онъ самъ первый насмѣхался надъ своими крайностями. Напротивъ того, Вордсвортъ, склонный къ строгой послѣдовательности и при томъ воинственный по характеру, довель чисто-литературный натурализмъ до его послѣднихъ и крайнихъ послѣдствій.

¹⁾ Innocent fool! thou poor dispised forlorn!

I hail thee brother.

Онъ избиралъ себѣ почти всегда сюжеты изъ жизни деревенскихъ жителей и низшихъ классовъ общества, и при томъ не такъ, какъ это дѣлали французы предшествовавшего вѣка: пресыщенные культурою, они наслаждались некультурнымъ, какъ противоположностью себѣ, съ чувствомъ сознанія собственного превосходства. Напротивъ того, Вордсвортъ находилъ, что наиболѣе важныя движенія сердца находятъ въ этихъ классахъ общества наилучшую почву и достигаютъ большей зрѣлости, чѣмъ у образованныхъ людей; при этомъ некультурные люди, какъ подверженные меньшимъ стѣсненіямъ говорятъ болѣе простымъ языкомъ. Онъ думалъ, что основныя черты человѣческаго сердца выступаютъ у деревенскихъ жителей въ болѣе простомъ и элементарномъ видѣ, чѣмъ у городскихъ обывателей и потому легче поддаются наблюденію. Онъ былъ, наконецъ, убѣжденъ, что жизнь среди прекрасныхъ и неизмѣнныхъ формъ природы въ соединеніи съ необходимыми и постоянными сельскими занятіями должна придать всѣмъ чувствамъ большую устойчивость и силу. Мы находимъ здѣсь въ началѣ столѣтія зачатки того эстетическаго возрѣнія, которое просуществовало въ теченіе болѣе полустолѣтія и пользовалось широкимъ распространеніемъ, будучи пересаживаемо изъ одной страны въ другую: въ Германіи, Франціи и въ Скандинавіи оно привело къ крестьянской поэзіи и къ повѣстямъ изъ крестьянской жизни, а въ другихъ странахъ—къ прославленію простонароднаго языка. Разлагая ботанически эти зачатки на ихъ составныя части, можно основательно познакомиться съ естественною исторіей растенія.

Исходная точка Вордсворта—чисто топографическая. Описанія мѣстности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова еще болѣе свойственны ему, чѣмъ Скотту. Онъ постановилъ себѣ задачею жизни списывать англійскую природу и англійскіе характеры такъ, какъ они представлялись ему. И такъ какъ онъ хотѣлъ описывать только то, съ чѣмъ онъ успѣлъ основательно познакомиться, то онъ вывелъ отсюда заключеніе, что для каждого поэта необходимо связать себя навсегда съ какою нибудь мѣстностью, и самъ связалъ свое имя, какъ поэта, съ озерами сѣверной Англій, окрестности которыхъ служатъ постояннымъ мѣстомъ дѣйствія его произведеній. Онъ заходилъ такъ далеко въ этомъ отношеніи, что называлъ мѣсторожденіе даннаго лица наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для всей его дальнѣйшей дѣятельности.

Такимъ то образомъ онъ сдѣлался специалистомъ по изображенію англійской природы, и его описанія получили чисто мѣстный интересъ. Знаменитый англійскій художественный критикъ, Джонъ Рескинъ, вполне справедливо называлъ Вордсворта великимъ поэтическимъ живописцемъ своего времени. Между тѣмъ какъ Байронъ покидаетъ родину, чтобы яркими и чуждыми красками описывать природу Греціи и Востока; между тѣмъ какъ Шелли дрожитъ отъ климата Авліи, какъ отъ приносящаго смерть, и прославляетъ постоянно берега и рѣки Италіи; между тѣмъ какъ Скоттъ воспѣваетъ Шотландію, а Муръ неустанно восхваляетъ красоту зеленого Эрина, Вордсвортъ одинъ является чистокровнымъ

англичаниномъ, глубоко пустившимъ корни въ странѣ и сросшимся съ ея почвою, подобно старому дубу съ его сотнями корней. Его честолюбіе заключалось въ томъ, чтобы быть истинно англійскимъ описательнымъ поэтомъ. Когда онъ углублялся въ мѣстность, въ которой чувствовалъ себя дома, когда онъ гулялъ, плавалъ на лодкѣ, ходилъ въ церковь и принималъ посѣщеніе своихъ знакомыхъ, онъ дѣлалъ это всегда съ самымъ подробнымъ знаніемъ жизни низшихъ классовъ въ данной мѣстности и сельской жизни вообще. Онъ обнаруживаетъ такой же вѣрный взглядъ въ этомъ отношеніи, какъ и тотъ добрый и почтенный сельскій священникъ, который былъ описанъ имъ въ Экскурсіи (The Excursion). Его специальность составляли всѣ тѣ обычныя событія и несчастія, которыя встрѣчаются въ сельскихъ мѣстностяхъ Англій: возвращеніе на родину давно забытаго обывателя, который застаётъ домъ свой разрушеннымъ и находить имена своихъ близкихъ на кладбищѣ (The brothers, Братья); судьба несчастной соблазненной и покинутой молодой дѣвушки (Ruth), ночное странствование ребенка-идіота за поисками врача, его блужданія въ пути (The idiot boy); удивительныя приключенія, испытанныя маленькимъ слѣпымъ мальчикомъ безъ всякихъ вредныхъ для него послѣдствій (The blind highland boy); печаль почтеннаго отца по поводу дурного поведенія сына (Michael); печальный разговоръ о томъ, какъ одинъ любимый во всей мѣстности кучеръ дилижанса напивается и какъ его лишаютъ должности (воспѣтъ въ четырехъ пѣсняхъ подъ заглавіемъ: The waggoner).

Единственное не англійское въ способѣ изложенія этихъ событій, даже самыхъ мелкихъ и веселыхъ,—это полное отсутствіе въ немъ юмора. Въмѣсто юмора, у Вордсворта, по мѣткому выраженію Массона,—„открытая добродушная улыбка“. Но за то трогательностью и глубиной отличается пафосъ, съ какимъ разсказываются болѣе трагическія или серьезныя изъ этихъ событій. Если это воодушевленіе во всей своей чистотѣ и непосредственности не напоминаетъ экзальтаціи Пивей или современный пылъ, то оно тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на большинство людей, которые любятъ, чтобы поэтъ не возвышался слишкомъ сильно надъ ихъ уровнемъ и чувствуютъ, какъ много цѣлительнаго и оздоравливающаго въ сочувствіи, порождаемомъ воодушевленіемъ. Это сочувствіе, похоже на сочувствіе священника или врача, который имѣетъ своимъ источникомъ не кротость сердца, а профессію, и поражаетъ насъ именно полнотою своего выраженія.

Нигдѣ это выраженіе не передано лучше, какъ въ стихотвореніяхъ въ родѣ Simon Lee или Старый Кумберландскій нищій. Первое стихотвореніе—анекдотъ объ охотникѣ, который въ молодости былъ очень дѣятеленъ, вѣчно бродилъ то пѣшкомъ, то верхомъ, съ своимъ рогомъ и съ своею собакою, а на старости лѣтъ сдѣлался такимъ старымъ, что поэтъ однажды увидѣлъ его съ трудомъ вырывающимъ изъ земли гнилыя корни стараго дерева:

You're owertasked; good Simon Lee,
Give me your tool, to him J said;

And at the word right gladly he
 Received my proffered aid.
 J struck and with a single blow
 The tangled root J severed,
 At which the poor old Man so long
 And wainly had endeavoured.
 The tears into his eyes were brought,
 And thanks and praises seemed to run
 So fast out of his heart, J thought
 They never would have done.
 — J've heard of hearts unkind, kind deeds.
 With coldness still returning;
 Alas! the gratitude of men
 Hath oftener left me mourning.

(„Это вамъ слишкомъ трудно, мой добрый Симонъ Ли!.. Дайте мнѣ вашъ заступъ“, сказалъ я ему; услышавъ эти слова, онъ съ величайшею радостью принялъ предложенную мною помощь. Я ударилъ, и отъ одного удара отдѣлился гнилой корень, надъ которымъ бѣдный старикъ такъ долго и напрасно трудился. Слезы показались у него на глазахъ, и слова благодарности и похвалы полились изъ его груди съ такою силою, что мнѣ казалось, онъ никогда не кончитъ. Я слыхалъ про недобрый сердца, про добрый дѣла, за которыя отплачено было холодною. Увы! меня же благодарность людей часто заставляла печалиться!)

Мало поэтовъ высказывали столько сочувствія къ людямъ, сдѣлавшимся бесполезными не по собственной винѣ, къ смиреннымъ *Venerabilia* человѣческаго рода. Лучшимъ примѣромъ этого отношенія является Старый нищій. Вордсвортъ описываетъ, какъ этотъ человѣкъ, извѣстный всѣмъ, ходитъ въ той мѣстности изъ одного дома въ другой:

Hein from my childhood have J known; and then
 He was so old, he seems not older now;
 He travels on, a solitary Man,
 Go helpless in appearance that for him
 The sauntering Horseman throws not with a slack
 And careless hand his alms upon the ground,
 But stops,—that he may slight lodge the coin
 Within the old Man's hat; nor quits him so,
 But still, when he has given his horse the rein,
 Watcher the aged Beggar with a look
 Sidelong, and half—reverted. She who tend
 The toll-gate, when in summer at her door

She turns her wheel, if on the road she sees
 The aged Beggar coming, quits her work,
 And lifts the latch for him that he may pass.
 The post-boy, when his rattling wheels' o'er take
 The aged Beggar in the woody lane,
 Shouts to him from-behind; and if thus warned
 The old man does not change his course, the boy
 Turns with less noisy wheels to the roadside,
 And passes gently, without a curse...

(Я его зналъ съ дѣтства; и тогда уже онъ былъ такъ старъ, что казался не старше и теперь; онъ страивуетъ, этотъ одинокій человѣкъ, столь безпомощный по виду, что, замѣтивъ его, всадникъ не бросаетъ безпечно рукою деньги на землю, а останавливается, чтобы осторожно опустить монету въ шляпу старика; а затѣмъ не уѣзжаетъ отъ него, не размышляя, а, опустивши поводья своей лошади, оглядывается и бросаетъ прощальный взоръ на стараго нищаго. Женщина, стоящая у шлагбаума лѣтомъ, увидѣвъ съ порога дома, гдѣ она сидитъ за прялкою, нищаго старца, бросаетъ свою работу и подымаетъ шлагбаумъ для него, чтобы онъ могъ пройти. Почтарь, нагоняя своими быстрыми колесами нищаго старика, когда онъ проходитъ вдоль изгороди, издали кричитъ ему, и если, не смотря на это предостереженіе, старикъ не мѣняетъ своего направленія, почтарь медленно сворачиваетъ въ сторону отъ дороги и кротко проѣзжаетъ мимо, безъ единого проклятія...)

Но не считайте бесполезнымъ этого человѣка, вы, государственные люди, которые, неумоимо напрягая свой умъ, всегда потрясаете метлою, чтобы вымести за дверь все зловредное! Вы, гордецы, которые въ счастья такъ гордитесь своими способностями, силою и знаніемъ! Онъ не беременитъ собою земли. Въ природѣ существуетъ законъ, въ силу котораго ни одно существо, будь оно самое ничтожное или низменное, будь оно самое виновное, не можетъ жить, не дѣлая добра,—душевное добро, душевная и жизненная силы неразрывно связаны съ всякою единичною формою существованія.

Повсюду, гдѣ показывается старый нищій, обычай и нравы вызываютъ по неволѣ дѣла любви, и привычка приводитъ къ тому, что предписанное умомъ совершается, и привычка подготавливаетъ радости, пріятныя уму. Такимъ образомъ душа, благодаря этому великому предвкушенію радости, дѣлается незамѣтною, непринужденно доброю и любящею.

Богатый человѣкъ, который сидитъ у порога своего дома, и, подобно, ви-сящей надъ нимъ грушѣ, блаженствуетъ на солнцѣ, сильные и молодые, счастливые, безпечные, всѣ тѣ многіе, которые имѣютъ свой пріютъ, свой очагъ и процвѣтаютъ среди родной семьи, всѣ они видятъ въ немъ предостереженіе, молчаливо заставляющее ихъ обратиться къ самимъ себѣ съ радостнымъ по-здравленіемъ).

Надо признаться, что если это и проповѣдь, то проповѣдь въ наилучшей формѣ. Именно въ этомъ самомъ натурализмѣ, который въ позднѣйшемъ своемъ развитіи естественно перешелъ въ чисто человѣческое просвѣщеніе и въ возмущеніе противъ всякаго рода условностей, замѣчалось съ самаго начала стремленіе къ увѣщанію, къ евангельской религіозности. Онъ отыскивалъ людей бѣдныхъ, простыхъ сердцемъ, ничтожныхъ въ глазахъ міра, — что вполне соответствовало евангельской морали. Онъ относился съ презрѣніемъ къ утонченной цивилизаціи и обращался къ ней спиной, выбирая себѣ героевъ среди рыбаковъ и крестьянъ, — опять-таки согласно съ образцами, данными намъ евангелиемъ. Такимъ образомъ у Вордсворта почитаніе природы соединилось вполне логично съ элементомъ увѣщательнымъ и протестантски-проповѣдническимъ, пользовавшимся въ Англіи громадною популярностью. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и его морализирующихъ поучительныхъ стихотвореній. Своеобразное величіе замѣчается иногда въ способѣ изложенія простого ученія. Нѣтъ недостатка въ истинномъ величіи въ словахъ, съ какими въ Лаодамии горюющей женѣ сообщается, что она, вмѣсто того, чтобы требовать обратно своего мужа, должна отказаться отъ него, чтобы помощью любви очиститься для болѣе благородной духовной жизни.

„Научайся помощью земныхъ страданій возвыситься къ небесной цѣли. Любовь была дана, она всячески поощрялась и прославлялась для того, чтобы предъявлять къ тебѣ и женѣ это требованіе; она стала тою способностью, которая управляетъ жизнью, дабы убивать свое я“.

Даже отвлеченная Ода къ обязанности, написанная съ чисто кантовскимъ воодушевленіемъ, заключаетъ въ себѣ гениальныя, противорѣчащія разуму, строчки, напоминающія парадоксы святыхъ отцовъ. — Поэтъ восклицаетъ, обращаясь къ долгу: „Ты удерживаешь звѣзды отъ зла, и самыя древнія небеса благодаря тебѣ свѣжи и здоровы“. *) Но изъ всѣхъ видовъ поэзіи читатель охотнее вернется къ собственной области Вордсворта, къ его идилліямъ.

Бросимъ еще взглядъ на эти стихотворенія, и на поученія, которыя Вордсвортъ старается высказать помощью ихъ. Несомнѣнно, что Вордсвортъ приписывалъ описанію сельской жизни гораздо больше значенія для поэзіи, чѣмъ сколько она заслуживаетъ. Окружающая его обстановка была, дѣйствительно, какъ бы создана для того, чтобы вызвать такое теоретическое преувеличеніе съ его стороны. Если онъ образцами для своихъ героевъ избиралъ арендаторовъ овецъ (shepherd—farmers) Кумберленда и Уестморленда, то это обуславливалось слѣдующею причиною: эти люди, съ одной стороны, достаточно независимые, чтобы не работать для другихъ, съ другой — не возвышавшіеся надъ необходимостью трудиться для поддержанія жизни, представляли общія имъ всѣмъ поэтическія

*) Thou dosth preserve the stars from wrong.

And the most ancient Heavens, through thei, are fresh and strong.

качества. Что деревенская жизнь можетъ сама по себѣ улучшить людей — предразсудокъ; она столько же способна притуплять. Кольриджъ, напр., доказалъ, что если мы въ Англіи сравнимъ способъ, какимъ въ Ливерпульѣ, Манчестерѣ и Бристолѣ проводятъ законы о бѣдныхъ, съ тѣмъ, какимъ въ деревняхъ распределяютъ вспомошествованіе бѣднымъ, то преимущество окажется всецѣло на сторонѣ городовъ.

Дальше Вордсвортъ преувеличилъ значеніе, какое описаніе сельскихъ занятій имѣло для его собственной поэзіи. Не только главные лица во многихъ изъ его лучшихъ стихотвореній (какъ Ruth, Michael, the brothers) не вполне похожи на крестьянъ или сельскихъ обывателей, но много разъ, въ силу своего пристрастія и своего стремленія поучать и улучшать помощью прославленія низшихъ классовъ общества, онъ придавалъ тому или другому незавидному или ничтожному общественному положенію способности и качества, которыя врядъ ли въ дѣйствительности связаны съ ними. Есть парадоксъ, котораго Вордсвортъ съ особенною любовью проповѣдуетъ въ своемъ стихотвореніи Экскурсія, и именно, что много великихъ поэтовъ скрывается въ научныхъ слояхъ общества; его евангелическія стремленія удовлетворяются при мысли о независимости таланта отъ состоянія и хорошихъ внѣшнихъ житейскихъ условий. Признаемъ даже, что талантъ можетъ существовать и развиваться независимо отъ нихъ; но развѣ не верхъ нелѣпости придавать въ стихотвореніи поэту профессію трубочиста и затѣмъ въ тщательно придуманномъ описаніи его жизни объяснять, какимъ образомъ случилось, что онъ сдѣлался одновременно поэтомъ, философомъ и трубочистомъ? Подобныя явленія могутъ быть объясняемы и оправдываемы только фактами изъ дѣйствительной жизни. Въ поэзіи же, доведенный до такихъ крайнихъ предѣловъ, натурализмъ дѣйствуетъ отталкивающимъ образомъ, такъ какъ изображаемые явленія далеко не типичны. И какое же различіе представляетъ этотъ случай и многіе другіе, когда Вордсвортъ вкладываетъ въ уста разнощика, ловца пиявокъ, крестьянина такія мысли, которыя поражаютъ насъ, когда мы слышимъ ихъ произнесенными подобными людьми. Чтобы оправдать и объяснить своихъ дѣйствующихъ лицъ, Вордсвортъ вынужденъ бываетъ вводить множество случайныхъ, побочныхъ обстоятельствъ такого рода, которыя необходимы, чтобы обосновать правдоподобность подобнаго факта въ дѣйствительной жизни, но мы были бы рады, если бы поэтъ обошелъ молчаніемъ эти обстоятельства. Мелочная заботливость о правдоподобности, мелочныя старанія обосновать приводимые факты весьма утомительно дѣйствуютъ на читателя, особенно въ длинныхъ переходахъ и описаніяхъ въ Экспедиціи, которые Байронъ очень остроумно охарактеризовалъ какъ вѣчное: „Здѣсь мы поднимаемся, и здѣсь мы опускаемся, а здѣсь мы дѣлаемъ кругъ“. *)

*) Or. Wordsworth with his eternal: Here we go up, up and up, and here we go down, down, and here round about: Look at the nerveless laxity of the Excursion. What interminable prosing! Byron.

Выборъ Вордсвортомъ сюжетовъ доводитъ его до оригинальности въ лингвистическомъ отношеніи, которое можетъ быть признано крайнимъ литературнымъ результатомъ этого натурализма. Вордсвордтъ утверждалъ, что языкъ, на которомъ выражается описываемый имъ классъ общества, самый лучший, какой существуетъ на свѣтѣ, — если только очистить его отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, — потому что мужчины и женщины крестьянскаго класса находятся въ постоянномъ общеніи съ предметами, давшими начало лучшей части нашего языка, и потому что въ силу однообразія и узкости своихъ воззрѣній они меньше подвергаются искушеніямъ тщеславія, заставляющимъ изыскивать и вырабатывать свои выраженія. Такъ какъ языкъ ихъ наилучшій, то, по мнѣнію Вордсворта, поэтъ не можетъ придумать лучшихъ способовъ выраженія, чѣмъ какія существуютъ на немъ, при чемъ совершенно безразлично, какъ онъ пишетъ, — прозою или стихами. Такимъ-то образомъ Вордсвордъ пришелъ къ своему извѣстному и интересному парадоксу, что нѣтъ и не можетъ существовать какого либо существеннаго различія между прозаическимъ языкомъ и метрическимъ слогомъ. Если бы онъ этими словами хотѣлъ выразить протестъ противъ всѣхъ скучныхъ и жалкихъ искаженій языка, къ которымъ потребность найти рифму и недостатокъ ритмическихъ способностей привели столько-же даже выдающихся поэтовъ, то мы охотно выразили бы ему одобрение. Теодоръ Банвиль вполне справедливо, хотя и со строгостью, требующею невозможнаго, далъ въ одной главѣ въ своей поэтикѣ заглавіе *Licentia poetica*; содержаніе ея слѣдующее: поэтическихъ вольностей не существуетъ.¹⁾ Но Вордсвордъ придаетъ своему положенію совершенно иной смыслъ. Онъ утверждаетъ, что языкъ не только въ большихъ частяхъ каждаго хорошаго стихотворенія долженъ обязательно во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ метрическаго, совпадать съ прозою, но что и въ наилучшихъ частяхъ всѣхъ лучшихъ стихотвореній онъ долженъ согласоваться съ прозаическимъ слогомъ. Потому что, говоритъ Вордсвордъ, какъ ни правдивъ и живучъ языкъ поэта, онъ никогда не можетъ быть такъ правдивъ и живучъ, какъ языкъ того, кто находится въ описанномъ авторомъ положеніи; другими словами: онъ никогда не можетъ превосходить прозаическое выраженіе дѣйствительности, а лишь въ крайнемъ случаѣ можетъ приближаться къ нему. Съ чисто англійскимъ упорствомъ Вордсвордъ провозглашаетъ свое ученіе вопреки всѣмъ нападкамъ, которыя сыпались на него съ различныхъ сторонъ. Въ качествѣ образцоваго произведенія, составленнаго по всѣмъ правиламъ новой поэтики, приводимъ слѣдующія строфы Джонса, очень забавныя и довольно тривиальныя, но, конечно, не отступающія отъ прозаическаго языка: „Я взялъ свою шляпу и надѣлъ ее, вышелъ погулять на теплый воздухъ, и встрѣтилъ на улицѣ другого человѣка, который держалъ шляпу подъ мышкой“. Говорятъ, что это не поэзія. Положимъ такъ, отвѣчаетъ Вордсвордъ, но и, какъ проза, такого

¹⁾ Petit traité de poésie française. Стр. 56.

рода строфа не представляетъ ничего привлекательнаго и не ведетъ ни къ чему привлекательному, и поэтому не въ состояніи возбудить какія либо чувства и мысли: „Зачѣмъ доказывать, что обезьяна — не Ньютонъ, когда она даже не человѣкъ“? И общепринятому мнѣнію, которое онъ выражаетъ словами, будто писатель, сочиняя стихи, беретъ на себя обязательство удовлетворять извѣстныя умственные привычки, дать извѣстнымъ классамъ идей мѣсто въ своей книгѣ и старательно исключить изъ нея другія, — онъ противопоставляетъ свое убѣжденіе, въ однородности хорошей поэзіи и хорошей прозы — убѣжденіе, которое, будучи основою на отвращеніи къ поэтической аффектаціи, побудило его въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ то сильно сдерживать свой во многихъ отношеніяхъ образцовый и мастерской стиль, то совершенно обезличивать его.

На прославленіе языка сельскихъ обывателей, составляющее исходную точку Вордсворта и представляющее нѣкоторое сходство съ поклоненіемъ крестьянскому языку, которому въ Даніи положилъ основаніе Грудтвигъ, а въ Норвегіи сторонники нарѣчій, можно прежде всего отвѣтить, что крестьянскій языкъ, очищенный, согласно требованію поэта, отъ всѣхъ провинціализмовъ и переработанный согласно правиламъ грамматики, не будетъ отличаться отъ языка всякаго другого образованнаго человѣка; между ними будетъ существовать одно только различіе: потери крестьянина болѣе скудны и менѣе ясны. Затѣмъ онъ въ силу своего болѣе слабого дѣйствительнаго развитія будетъ останавливаться, главнымъ образомъ, на отдѣльно стоящихъ фактахъ, взятыхъ изъ его скуднаго опыта или переданныхъ ему по традиціи, между тѣмъ какъ развитой человѣкъ видитъ связь между предметами и ищетъ общихъ законовъ. Вордсвордъ думаетъ, что лучшая часть языка порождена предметами, окружающими крестьянина и доставляющими ему занятія. Но представленія, вращающіяся вокругъ пищи, крова, безопасности, благосостоянія, не могутъ быть названы лучшею частью языка. Ни къ чему не поведетъ также, если мы будемъ вмѣстѣ съ Вордсвордомъ требовать отъ этого языка только извѣстной степени страстности, чтобы наградить его почетнымъ названіемъ „поэтическаго“; потому что страстность не порождаетъ ни новыхъ идей, ни новыхъ запасовъ словъ; она только придаетъ больше жизни имѣющемуся уже на лицо содержанію, и никакъ не можетъ придать поэзію разговорному языку; ей едва ли удастся обратить его въ прозу.

Стремленіе Вордсворта подражать природѣ приводитъ къ странному смѣшенію: онъ употребляетъ безразлично выраженіе „разговорная рѣчь“ и „проза“. Хорошая проза бываетъ всегда очищена отъ пустыхъ и бессмысленныхъ повтореній, отъ неувѣренныхъ и запутанныхъ фразъ, которыя всегда встрѣчаются въ рѣчи полубразованныхъ людей, смутно разбирающихся въ своихъ мысляхъ; и, къ сожалѣнію, Вордсвордъ не разъ подражалъ имъ въ этомъ отношеніи въ своихъ произведеніяхъ, всякій разъ, когда онъ вводилъ въ нихъ драматическій элементъ. Именно это злосчастное пристрастіе къ самому плоскому подражанію природѣ и привело къ тѣмъ внезапнымъ и непріятнымъ переходамъ отъ высокаго

и благороднаго стиля къ полному отсутствію стиля, которыя мы встрѣчаемъ напр., въ *The blind highland boy*.

Поэзія, по мнѣнію Вордсворта, имѣетъ свое начало въ душевномъ движеніи, о которомъ мы вспоминаемъ въ минуту покоя. Она старается подражать языку природы съ тою особенностью, что когда поэтъ ставитъ себѣ задачей доставлять удовольствіе, а не говорить прямо правду, онъ употребляетъ стихотворную форму, которая своимъ ритмомъ и рифмами подготавливаетъ читателю рядъ маленькихъ пріятныхъ сюрпризовъ. Стихотворный размѣръ постоянно пробуждаетъ и удовлетворяетъ любопытство, но такимъ простымъ способомъ, что самъ по себѣ онъ не привлекаетъ вниманія. Онъ дѣйствуетъ на наше сознаніе могущественно, но незамѣтно, почти такъ, какъ искусно устроенная атмосфера или какъ вино, которое пьется во время оживленной бесѣды. Своею постоянно возвращающейся правильностью онъ смягчаетъ страстное, или трогательное содержаніе разсказа, а присущую ему способностью лишить рѣчь отпечатка дѣйствительности придаетъ всему повѣствованію какъ бы полусознаніе своего противорѣчія съ дѣйствительностью. Но въ остальномъ, говоритъ Вордсвортъ, даже лучшая поэзія не отличается ни въ какомъ отношеніи отъ прозы. Онъ забываетъ ставить себѣ вопросъ: не существуетъ ли множество способовъ выраженія, оборотовъ и общеупотребительныхъ фразъ, которыя у мѣста въ прозаическомъ повѣствованіи, но дѣйствовали бы крайне отгаликивающимъ образомъ въ поэзіи, и не находимъ ли мы въ каждомъ написанномъ въ торжественномъ тонѣ стихотвореніи употребленными совершенно безыскусственно такіе способы построенія и расположенія фразъ, или такого рода выраженія, которыя въ прозаическомъ стилѣ оказывались бы совершенно невозможными.

Языкъ лучшихъ поэтическихъ произведеній можетъ согласоваться съ ежедневною рѣчью только въ одномъ смыслѣ, а именно въ томъ, что его выраженія таковы, что немногіе изъ высокообразованныхъ людей могутъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ употреблять ихъ. Въ объясняемомъ разговорѣ рѣчь беспорядочно блуждаетъ изъ стороны въ сторону; въ публичной лекціи или рефератѣ она сосредоточивается вокругъ какого-нибудь точно опредѣленнаго теченія мысли; въ печатной книгѣ высказываемыя положенія выясняются помощью разныхъ окольных путей. Наконецъ, въ стихотвореніи форма не можетъ быть никогда слишкомъ изысканной или слишкомъ простой. Здѣсь господствуетъ ученіе, провозглашенное Теофилемъ Готье въ его великолѣпномъ стихотвореніи *Искусство*:

Oui, l'oeuvre sort plus belle
D'une forme au travail
Rebelle,
Vers, marbre, onyx, email!
Point de contraintes fausses!
Mais que pour marcher droit

Tu chausses,
Muse, un cothurne étroit!

(Да, твореніе выходитъ болѣе прекраснымъ, если форма съ трудомъ поддается обработкѣ, если это стихи, мраморъ, ониксъ, эмаль! Никакого ложнаго принужденія! Но, чтобы идти прямо, надѣнь, о, муза, тѣсную котурну!)

Но какъ ни много можно возразить противъ этой поэтики или „прозаики“ Вордсворта,—названіе, болѣе подходящее къ ней,—противъ его ученія, которое было вначалѣ понято его современниками, какъ однозначущее съ старою пѣснью вѣдьмы въ *Макбетѣ*: „Прекрасное безобразно, а безобразное прекрасно“ (*Fair is foul and foul is fair*), но для насъ она представляетъ большой интересъ, какъ точное и недвусмысленное выраженіе первой литературной крайности, къ какой привелъ англійскій натурализмъ.

VII.

Мы на время совсѣмъ потеряли изъ виду Кольриджа. Когда Вордсвортъ и онъ распредѣлили между собою новые виды поэтического творчества, оказалось, какъ мы говорили выше, что на его долю выпала противоположная Вордсворту задача обрабатывать сверхъестественные сюжеты естественнымъ образомъ. Онъ рѣшилъ ее въ добавленіяхъ къ *Лирическимъ балладамъ* и, главнымъ образомъ, въ рядѣ небольшихъ стихотвореній, которымъ онъ обязанъ своею громкою репутаціею поэта.

Самуэль Тэйлоръ Кольриджъ былъ сынъ пастора и родился въ 1772 г. въ деревнѣ въ Девонширѣ. Съ 1782 по 1790 г. онъ посѣщалъ школу госпиталя Іисуса въ Лондонѣ, и отъ этого школьнаго времени ведетъ начало его дружба съ другимъ англійскимъ романтикомъ, его горячимъ поклонникомъ, Чарльзомъ Лэмбомъ. Съ 1791—93 г. онъ учился въ Кембриджѣ безъ всякихъ средствъ существованія и безъ всякихъ перспективъ лучшаго въ будущемъ, пока, наконецъ, въ припадкѣ отчаянія, вынужденный къ тому либо долгами, либо несчастною любовью, онъ не покинулъ внезапно университетскаго города и не записался въ 15 кавалерійскій драгунскій полкъ подъ именемъ Силаса Титуса Кумбербака¹⁾. Не честолобіе заставило его, какъ нѣсколько позже Іоганна Эвальда, искать счастья въ карьерѣ солдата, а исключительно недостатокъ средствъ. Кольриджъ всего четыре мѣсяца про служилъ солдатомъ. Однажды онъ на боковой сторонѣ своего сѣдла написалъ слѣдующее латинское жалобное восклицаніе:

Eheu, quam infortuni miserrimum est fuisse felicem!

(Ахъ, какъ ужасно думать въ несчастіи, что ты былъ нѣкогда счастливъ!)

¹⁾ „....being at a loss, when suddenly asked my name, I answered Cumberback and verily my habit were so little equestrian, that my horse, I dobt not, was of that opinion...“

Благодаря этой случайности, начальник его, капитанъ, узналъ о степени его образованія и обратился къ его семьѣ съ просьбой доставить ему возможность вернуться въ Кембриджъ. Спустя нѣкоторое время, онъ выступилъ въ роль демократа, борющагося съ правотѣріемъ,—вслѣдствіе этого ему пришлось бросить всякую мысль объ университетской карьерѣ. Мы уже говорили объ общемъ увлеченіи его и Соути Робеспьеромъ (первый актъ Паденія этого революціонера былъ написанъ Кольриджемъ, второй и третій Соути), мы также упоминали о сумасбродныхъ планахъ друзей относительно устройства коммуны и переселенія. Членами небольшого эмиграціоннаго клуба, основаннаго ими, были только Кольриджъ, Соути, молодой квакеръ по фамиліи Ловель и одинъ юноша по имени Джорджъ Вернетъ, бывший школьный товарищъ Соути. Но богъ Гименей избралъ 1795 г., чтобы разрушить всѣ эти угрожающіе обществу проекты. Кольриджъ отправился въ Бристоль, чтобы прочесть тамъ нѣсколько публичныхъ лекцій, и проявилъ при этомъ блестящее краснорѣчіе; оно, повидимому, поглощало у него, какъ и у одареннаго такимъ же удивительнымъ даромъ слова Вельгавена, всѣ силы, которыя иначе могли бы пойти на пользу его поэтическимъ произведеніямъ. Одна молодая дѣвушка, жительница Бристоля, покорила его сердце, и въ томъ же году Кольриджъ женился на Сарѣ Фрикеръ, между тѣмъ какъ ея сестры Эдифъ и Мари Фрикеръ перемѣнили свою фамилію на фамилію Ловель и Соути и—поездка въ Америку кончилась тѣмъ, чѣмъ кончается обыкновенно поездка дѣтей у Христіана Винтера. Какъ могъ бы Кольриджъ, всю свою жизнь отличавшійся отсутствіемъ воли, выполнить столь давно задуманный планъ! Онъ, который всегда исполнялъ только то, что не было рѣшено имъ, или что, въ силу своихъ особенностей, не могло быть рѣшено!

Въ 1796 г. нѣсколько другихъ филантроповъ „убѣдили“ (его всегда въ чемъ нибудь убѣждали!) его, страстнаго унитарія (приверженца ученія о единствѣ Бога) издавать еженедѣльную газету подъ заглавіемъ *The watchman* (Стражъ), которая должна была выходить въ количествѣ 32 страницъ въ восьмую долю листа за умѣренную цѣну въ 4 пенса; на ея воззваніе къ подписчикамъ красовался девизъ: „Знаніе—сила“. Съ цѣлью набрать подписчиковъ Кольриджъ рѣшилъ, молодой и горячій, какимъ онъ былъ тогда, предпринять агитаціонную поездку на сѣверъ изъ Бристоля въ Шеффилдъ и по окрестностямъ, проповѣдуя по пути во всѣхъ большихъ городахъ въ качествѣ свѣтскаго проповѣдника, въ синемъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ; онъ отказался надѣть болѣе подходящій для проповѣдника костюмъ, боясь имѣть на себѣ что-либо, напоминающее о вавилонской блудницѣ! Описаніе, оставленное имъ этой Одиссеи, рисуетъ намъ молодого англійскаго романтика такимъ, какимъ онъ былъ и оставался въ то время: неблагоразумнымъ во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, то восторгающимся разнаго рода философскими и религіозными теоріями, но расхолаживающимъ свой юморъ по поводу того, что было комичнаго въ немъ самомъ и въ другихъ.

Онъ началъ свой походъ съ Бирмингэма и направилъ свое первое нападеніе на строгаго кальвиниста, свѣчника по профессіи. Это былъ высокій, худой человѣкъ, ростъ котораго въ высоту въ такой сильной степени превосходилъ его толщину, что онъ могъ-бы служить кочергой на собственной фабрикѣ. „Ахъ, это лицо!“—восклицаетъ Кольриджъ:—„оно у меня и теперь стоитъ передъ глазами. У него были гладкіе, черные, похожіе на нитки, волосы, блестящіе отъ жира, подрѣзанные по прямой линіи съ его торчащими черными бровями, которыя имѣли видъ поросли, оставшейся послѣ работы цирюльника наканунѣ; воротникъ его фрака, вполне соотвѣтствовавшій толстымъ липкимъ канатамъ, которые онъ называлъ волосами, образовывалъ извилину у затылка (единственный изгибъ на его головѣ) и ниспадалъ на его жилетъ, между тѣмъ какъ его лицо, худое, мрачное, суровое, глубоко изрытое морщинами, давало мнѣ смутное представленіе о человѣкѣ, который смотрѣлъ на меня изъ-за реппера, наполненнаго сажеемъ, жиромъ и желѣзомъ. Но онъ былъ однимъ изъ чистокровныхъ—искренній любитель свободы, который, какъ мнѣ сообщали, къ удовольствію многихъ доказалъ, что мистеръ Питтъ былъ однимъ изъ отростковъ второго звѣря изъ Откровенія, того, который говорилъ голосомъ дракона...“ Цѣлые полчаса развивалъ передъ нимъ Кольриджъ свое краснорѣчіе, доказывалъ, описывалъ, восхвалялъ и проповѣдывалъ, начиная съ провозглашенія независимости народовъ и кончая заявленіемъ о близости наступленія тысячелѣтняго царствованія. Свѣчникъ слушалъ съ упорнымъ и похвальнымъ терпѣніемъ, хотя нѣкоторый запахъ, не имѣющій ничего общаго съ небеснымъ благоуханіемъ, долженъ былъ сообщить его гостю, что онъ явился какъ разъ въ тотъ день, когда свѣчи отливаются. Наконецъ, онъ заговорилъ: „Что же это будетъ стоить, сэръ?“—„Всего четыре пенса, сэръ, за каждый номеръ, выходящій каждую недѣлю по одному разу“.—„Это составитъ не малую сумму къ концу года. И сколько вы дадите за эти деньги?“—„32 страницы въ восьмую долю, густо отпечатанныя“.—„32 страницы! Боже меня сохрани! за исключеніемъ того, что я прочитываю каждую субботу въ назиданіе моей семьи, это болѣе, чѣмъ сколько я читаю за весь годъ, сэръ! Я такъ-же горячо, какъ всѣ здѣшніе жители, сочувствую, сэръ, свободѣ, истинѣ и т. под., но въ этомъ случаѣ—не сердитесь на меня, сэръ!—я долженъ просить извинить меня“.

Такимъ образомъ окончилась первая попытка Кольриджа набрать рекрутъ для борьбы противъ св. Троицы. Вторая его попытка въ Манчестерѣ у одного величественнаго и зажиточнаго хлопчато-бумажнаго торговца привела только къ тому, что онъ смѣрилъ его съ головы до ногъ и спросилъ, имѣетъ-ли онъ фактуру этого товара? Кольриджъ протянулъ ему подписной листъ, и коммерсантъ, бормоча, сталъ читать сначала одну страницу, и затѣмъ еще быстрѣе скользнулъ глазами по второй и послѣдней, послѣ чего скомкалъ листъ между пальцами, затѣмъ задумчиво и осторожно разгладилъ одну страницу за другою, положилъ листъ въ карманъ и со словами: „Надобно статьи!“—вернулъ Кольриджу спину

и вернулся за свою конторку.—Послѣ этой неудачной попытки молодой человекъ отказался отъ мысли добывать себѣ подписчиковъ въ одиночку, хотя все же вернулся домой изъ этого достославнаго путешествія почти съ 1000 именами на своемъ подписномъ листѣ. Но уже первый номеръ вышелъ—на всегдашній Кольриджскій ладъ—слишкомъ поздно; второй, заключавшій въ себѣ статью противъ праздничныхъ дней, обратилъ въ бѣгство 500 консервативныхъ подписчиковъ, а слѣдующіе номера, наполненные нападеніями противъ философіи и морали и противъ тѣхъ, которые обращаются со своими рѣчами къ бѣднымъ и невѣжественнымъ людямъ, заставили отказаться отъ газеты и остальныхъ якобинскихъ и демократическихъ подписчиковъ ея. Сообщая объ этомъ обстоятельстве, Кольриджъ, повидимому, не подозревалъ самъ, какое это естественное наказаніе за его двойственность,—двойственность, заключающуюся въ томъ, что онъ никогда не соглашался выносить послѣдствій своихъ собственныхъ идей. Онъ былъ двойственнымъ и въ вопросахъ политики, и въ вопросахъ религіи. Вспоминая уже старикомъ объ этой эпохѣ своей жизни, онъ самъ говоритъ: „Мой мозгъ было со Спинозою, хотя все мое сердце было на сторонѣ Павла и Іоанна“, и онъ спѣшитъ изложить читателю доказательства существованія Бога и св. Троицы, которыя онъ не умѣлъ отыскать въ молодости. Когда еженедѣльная газета прекратилась, выпустивъ съ десятокъ номеровъ, Кольриджъ сдѣлался журналистомъ, писалъ сначала противъ министерства Питта, а затѣмъ, когда его взгляды стали принимать все болѣе и болѣе консервативное направленіе, онъ рѣшительно перешелъ на сторону министерства, а послѣ занятія Швейцаріи французами началъ выказывать пылкую ненависть къ французамъ. Его статьи въ *Morning Post* приняли такой враждебный характеръ, что привлекли вниманіе Наполеона, и Кольриджъ, какъ авторъ ихъ, возбудилъ въ сильной степени гнѣвъ перваго консула. Его личная свобода во время пребыванія его въ Италіи подверглась бы опасности, если бы онъ во время не былъ предупрежденъ, съ одной стороны, прусскимъ министромъ, Вильгельмомъ ф.-Гумбольдтомъ, а, съ другой, дядею Наполеона, кардиналомъ Фешомъ, черезъ посредство одного второстепеннаго должностнаго лица.

1797 г., тотъ самый, въ которомъ онъ познакомился съ Вордсвортомъ, сдѣлался въ поэтическомъ отношеніи рѣшительнымъ годомъ въ его жизни. Въ это именно время онъ сочинилъ свою, получившую столь широкую извѣстность, балладу „Старый морякъ“ и поэтический отрывокъ *Christabel*, составившій эпоху въ англійской поэзіи.

Christabel представляетъ введеніе въ циклъ романовъ,—введеніе, оставшееся безъ продолженія. Это, несомнѣнно, самое раннее англійское стихотвореніе, которое, будучи проникнуто глубокимъ пониманіемъ романтическаго духа, производило поэтому глубокое впечатлѣніе на сердца современныхъ поэтовъ новизною тона, содержанія, основнаго характера и стихосложенія. Его неправильный и благозвучный стихотворный размѣръ такъ сильно подѣйствовалъ на Скотта, что

онъ усвоилъ его себѣ въ своемъ первомъ романтическомъ стихотвореніи *Пѣснь послѣдняго минестрели* (*The lay of the last minstrel*). Онъ откровенно признается, какъ много обязанъ „прекрасному очерку Христабель“, съ которымъ онъ, какъ и другіе поэты его времени, познакомился въ рукописи, такъ какъ Кольриджъ читалъ свое произведеніе вслухъ въ теченіе двадцати лѣтъ во всѣхъ салонахъ, прежде чѣмъ оно увидѣло свѣтъ въ качествѣ общаго достоянія. Байронъ познакомился съ этимъ стихотвореніемъ такимъ же образомъ, какъ и Скоттъ. И такъ какъ онъ, прослушавъ его, написалъ въ одномъ изъ своихъ произведеній (*Осада Коринфа*, отд. XIX) нѣсколько строчекъ, представляющихъ сходство съ нѣсколькими стихами въ *Christabel*, то онъ позже воспользовался возможностью сказать въ примѣчаніи нѣсколько словъ въ честь этого „причудливаго, но въ высшей степени оригинальнаго и прекраснаго стихотворенія“. Но что не всѣ раздѣляли восхищеніе этихъ поэтовъ и особенно крайняго восторга Вордсворта, видно изъ біографіи Мура и его писемъ. Какъ онъ, такъ и Джефрей непріятно поражены были аффектаціею, проникающею стихотвореніе (см. *Memoirs* Мура, II, 101, IV, 48). Для датчанъ, которыхъ Тикъ и Шлегель,—а позже главнымъ образомъ Ингеманнъ,—познакомили основательно съ таинствами этого вида поэзіи, очеркъ Кольриджа не можетъ никоимъ образомъ представлять такого большого интереса. Безграничная наивность способа изложенія, все преднамѣренно ребяческое въ построеніи и тонѣ является для насъ тѣмъ, чѣмъ кажется пшеничный хлѣбъ для дѣтей булочника. Главнымъ достоинствомъ стихотворенія, независимо отъ его мелодичности, отъ его гладкости и полноты, является та своеобразная привлекательность, съ какою изображается характеръ злой феи, тотъ своеобразный демоническій характеръ, который нигдѣ въ англійской поэзіи не выступалъ еще съ такою силою. Надо при этомъ помнить, что если первая часть стихотворенія написана въ 1797 г., то не только вторая часть была написана, но и все, несомнѣнно, переработано въ 1800 г., т. е. послѣ того, какъ Кольриджъ во время совмѣстнаго путешествія съ Вордсвортомъ по Германіи познакомился съ германскою поэзіею того времени, съ ея отношеніемъ къ среднимъ вѣкамъ и съ ея новѣйшими стремленіями.

Его второе главное произведеніе, баллада *Старый морякъ*, которое еще болѣе изысканно-наивно по своему изложенію и снабжено, подобно средневѣковымъ балладамъ, продающимся въ одиночкѣ въ лавочкахъ закоулковъ, прозаическимъ изложеніемъ содержанія на поляхъ, сдѣлалось наиболѣе популярнымъ изъ стихотвореній Кольриджа, хотя вызвало при своемъ появленіи самыя ожесточенныя нападенія. За крайне аффектированнымъ введеніемъ (три приглашенныхъ на свадьбу гостя забываютъ о приглашеніи, слушая рассказъ стараго моряка,—до такой степени онъ краснорѣчивъ,—и притомъ на улицѣ, какъ говоритъ Фольстафъ) слѣдуетъ страшная исторія съ привидѣніемъ, происшедшая на кораблѣ, ужасы которой объясняются тѣмъ, что одинъ морякъ легкомысленно убилъ альбатроса, искавшаго убѣжища на суднѣ. Весь экипажъ, за исключеніемъ „ста-

раго моряка", погибаетъ въ наказаніе за нарушеніе законовъ гостепріимства. При появленіи этого стихотворенія англійская критика, по словамъ Свинберна, обсуждала очень горячо вопросъ, не получила-ли въ немъ въ слишкомъ большой степени преобладаніе мораль (заключающаяся въ томъ, что не слѣдуетъ убивать альбатросовъ) во вредъ фантастической ссоры стихотворенія, между тѣмъ какъ другіе находили, что недостатокъ произведенія заключается въ отсутствіи морали, соответствующей дѣйствительной жизни; долгое время этотъ вопросъ давалъ матеріалъ для спора между Фрейлигратомъ и Юліаномъ Шмидтомъ. Современный критикъ охотно простилъ-бы балладѣ и ея автору „мораль“, лишь бы онъ могъ найти подъ ея оболочкою поэтическое зерно.

Слѣдующій примѣръ покажетъ намъ, въ чемъ заключается главный недостатокъ. Въ собраніи стихотвореній *Zeitlosen* одного австрійскаго лирика Морица Гартманна есть одно довольно длинное стихотвореніе, которое съ перваго взгляда убѣждаетъ насъ, что оно составляетъ подражаніе Старому моряку Кольриджа, хотя авторъ ни слова не говоритъ о томъ, что онъ вдохновился имъ. Оно написано въ той-же метрической формѣ, и по содержанію очень схоже. Заглавіе его—*Der Camao*. Птица камао, соответствующая здѣсь альбатросу Кольриджа, воспитывалась въ средніе вѣка въ каждомъ домѣ на Пиринейскомъ полуостровѣ и пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, благодаря связанному съ нею повѣрью. Преданіе гласило, что эта птица не могла процвѣтать въ домѣ, честь котораго была запятана поведеніемъ его хозяйки: она умирала, какъ только благодаря невѣрности жены малѣйшее пятно ложилось на честь мужа. Обыкновенно ея великолѣпная клѣтка висѣла въ передней дома. Въ стихотвореніи Гартманна старый, безумный человѣкъ, соответствующій здѣсь безумному моряку у Кольриджа, рассказываетъ, какимъ образомъ онъ, будучи пажемъ, воспыпалъ дикую страстью къ женѣ своего господина и какъ онъ, всякій разъ, когда выбѣгалъ изъ ея комнатъ, отвергнутый и приведенный въ отчаяніе ея холодностью, испытывалъ страданія, слушая пѣснь птички въ честь ея скромности, которой птица обязана была жизнью. Его господинъ возвращается домой съ Крестоваго похода и привозитъ съ собою пріятеля, молодого, красиваго пѣвца и героя, которому хозяйка замка выказываетъ самую сердечную дружбу, между тѣмъ какъ ея пажъ начинаетъ вскорѣ пылать къ нему страстнѣйшею ненавистью, возбужденною чувствомъ ревности. Бѣдѣ себя онъ доноситъ на обоихъ своему господину, но послѣдній спокойно возражаетъ ему на это, что камао живъ и какъ разъ въ настоящую минуту поетъ пѣснь въ честь Эстреллы. Тогда пажъ въ порывѣ кровожаднаго и ревниваго бѣшенства рѣшается отомстить за себя и убить птицу; Васко умерщвляетъ свою жену—и съ этихъ поръ преступникъ, впавшій въ безуміе, безъ отдыха блуждаетъ изъ одной страны въ другую, не находя себѣ нигдѣ покоя.

Der Camao относительно оригинальности рѣчи и ея виртуозности не можетъ никомъ образомъ быть поставленнымъ на-ряду съ *The ancient*

maginer, но что касается поэтического содержанія, то это стихотвореніе не только стоитъ гораздо выше своего англійскаго образца, но представляетъ въ то же время полную, превосходную критику на балладу Кольриджа и на весь аффектированный романтический кругъ представленій, обозначаемый ею. Здѣсь убійство птицы является вполне человѣческимъ дѣйствіемъ, вызваннымъ вполне человѣческою побудительною причиною; здѣсь наказаніе убійцы—не фантазія, а справедливое и естественное послѣдствіе его проступка. Здѣсь несчастье, которое убійство птицы навлекаетъ на жену Васко и на его семью, связано съ этою смертью цѣлою цѣпью причинъ, между тѣмъ какъ гибель моряковъ въ силу негостепріимства къ альбатросу кажется какою-то нелѣпостью. Здѣсь выказывается ясно, наконецъ, различіе между истинно поэтическимъ восприниманіемъ суевѣрнаго представленія и романтической его обработкою. Въ обоихъ стихотвореніяхъ все основано на суевѣріи, и Гартманнъ далекъ отъ того, чтобы подвергать его рационалистической критикѣ; но онъ никому не навязываетъ своего суевѣрія; красота его произведенія совершенно независима отъ того, повѣритъ ли читатель въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова въ чудотворную силу Камао или нѣтъ, между тѣмъ какъ романтическая нелѣпость именно проповѣдуетъ почтительное отношеніе къ чудесному и необъяснимому, какъ къ суммѣ всей житейской мудрости и всей поэзіи. Но если Старый морякъ не стоитъ высоко по сравненію съ поэзіею позднѣйшаго времени, развившейся изъ лона романтизма,—во всякомъ случаѣ это стихотвореніе стоитъ далеко выше большинства сходныхъ произведеній германскаго романтизма. Не смотря на свой романтический призрачный характеръ, оно внушено моремъ, дѣйствительнымъ, настоящимъ моремъ, измѣнявшаго настроенія и грозное, внушающее страхъ, величіе котораго онъ описываетъ. Свѣжій морской вѣтерокъ, пѣна волнъ, непріятно дѣйствующіе туманы и горячее, свѣтло-красное вечернее небо со своимъ кровавымъ солнцемъ,—всѣ эти элементы принадлежатъ природѣ, и жалкія, горестныя явленія на морѣ, страданія голода, мученія жажды, заставляющія людей сосать кровь изъ собственной руки, блѣдныя лица, ужасное предсмертное хрипѣніе, отвратительное гнѣніе, всѣ эти элементы принадлежатъ дѣйствительности и описаны со всею вѣрностью природѣ, присущую англичанину.

Чисто англійскою является у Кольриджа одна черта,—именно то, что онъ самъ умѣлъ удивительнымъ образомъ различать недостатки такого произведенія, какъ его знаменитая баллада. Основная черта его націи,—юморъ,—придаетъ ему въ этомъ отношеніи необыкновенную свободу духа. Послушайте, что онъ самъ сообщаетъ о своей способности къ самокритикѣ. Одинъ поэтический дилетантъ выразилъ одному изъ пріятелей Кольриджа желаніе быть представленнымъ поэту, но въ послѣднюю минуту передъ представленіемъ одумался, говоря, то онъ „долженъ признаться, что онъ былъ авторомъ злостной эпиграммы на Старого моряка, которая, какъ онъ зналъ, сильно раздражила Кольриджа“. Поэтъ увѣрилъ пріятеля, что если эпиграмма хороша, ему доставитъ только удоволь-

ствіе познакомиться съ ея авторомъ, и попросилъ, чтобы ему прочли ее. Оказалось, къ его величайшему удивленію и забавѣ, что то было нѣсколько насмѣшекъ, которыя онъ самъ сочинилъ и напечаталъ въ *Morning Post*. Если же прибавимъ къ этому, что Кольриджъ самъ написалъ три сонета, дабы, какъ онъ говорилъ, посмѣяться надъ искусственною простотою и плаксивымъ эгоизмомъ новаго направленія,—сонеты, эксцентричныя фразы которыхъ были взяты исключительно изъ его собственныхъ стихотвореній,—то нельзя будетъ отрицать, что онъ съ рѣдкимъ умственнымъ превосходствомъ старался не поддаваться тому углубленію въ извѣстныя доктрины и увлеченію ими, которыя составляютъ самую слабую сторону германскаго романтизма.

Но все же наиболѣе сильную и существенную пищу его умъ получалъ изъ Германіи. Онъ былъ первый англичанинъ, проникшій въ лѣса германской литературы, до сихъ поръ не посѣщавшіеся чужеземцами, и сдѣлавшій это одновременно съ г-жею Сталь, которая проложила путь къ нимъ для романскихъ народностей. Издавая свои, вышеупомянутыя нами, наиболѣе знаменитыя стихотворенія, онъ приступилъ къ изученію нѣмецкаго языка, и почувствовалъ особенно сильное влеченіе къ Шиллеру и Канту. Въ 1798 г. онъ вмѣстѣ съ Вордсвортомъ предпринялъ путешествіе въ Германію, сопровождавшееся литературными открытіями. Въ Гамбургѣ молодые люди посѣтили патріарха Клопштокъ, который хвалилъ имъ Бюргера, но выражался холодно и непохвально о молодой школѣ въ литературѣ, и именно о божкахъ Кольриджа,—Кантѣ и Шиллерѣ; онъ объявилъ, что не въ силахъ былъ читать *Разбойниковъ* послѣдняго, но за то очень много разговаривалъ о Мессіадѣ и выражалъ свое негодованіе на плохихъ англійскихъ переводчиковъ этого стихотворенія. Кольриджъ занялся въ Германіи изученіемъ готскаго языка, читалъ миннезингеровъ и Ганса Сакса, и издалъ по возвращеніи домой *Валленштейна* Шиллера, котораго Бенжаменъ Констанъ нѣсколько времени спустя переработалъ для французской сцены. Затѣмъ онъ поселился у тѣхъ „озеръ“ въ сѣверной Англіи, гдѣ Вордсвортъ и Соути нѣсколько раньше раскинули свои шатры, и отъ которыхъ литературная школа, созданная, по мнѣнію современниковъ, этими писателями, получила свое наименованіе. Въ дѣйствительности же это было равносильно тому, какъ если бы мы въ Даніи въ 1830 г. назвали Гауха, Ингеманна, Вильстера и Педера Гюрта „соранцами“. Англійскіе писатели озерной школы представляли такія же глубокія различія по отношенію другъ къ другу, какъ и вышеупомянутые лекторы въ Соро. Но публика постоянно соединяла имя Кольриджа съ именемъ Вордсворта и Соути, потому что оказалось, что онъ находился въ дружескихъ и душевныхъ отношеніяхъ съ этими писателями, потому что онъ никогда не упускалъ случая хвалить ихъ подобно тому, какъ они не упускали случая хвалить его, и потому что его и другихъ писателей озерной школы разъ въ четыре мѣсяца *Quarterly Review* увѣнчивала свѣжими лаврами, между тѣмъ какъ грѣховодника Байрона она бичевала свѣжими скорпіонами. Въ виду этого всякій

разъ, когда Вордсвортъ и Соути подвергались нападеніямъ со стороны критики, та же участь постигала и Кольриджа, хотя онъ весьма рѣдко возвышалъ свой голосъ. То обстоятельство, что озерная школа, совершенно подобно прерафаэлитамъ и назареянамъ въ живописи, стремилась къ полному поэтическому самоуглубленію, къ чисто дѣтскимъ понятіямъ и къ чисто дѣтской вѣрѣ, къ чисто священнической кротости и святости, доставляло рѣзкой и язвительной критикѣ поводъ къ постояннымъ насмѣшкамъ и язвительнымъ выходкамъ противъ того, кто въ глазахъ всѣхъ считался главнымъ учителемъ школы. Еще въ юности Кольриджъ въ стихотвореніи „Пожаръ, голодъ и бойня“ заставилъ каждаго изъ этихъ страшилищъ, одного за другимъ, отвѣчать на вопросъ: кто приказалъ имъ свирѣпствовать?—слѣдующимъ ужаснымъ призывомъ по адресу Питта.

The same! the same!
Letters four do form his name;
He let me loose, and cried: Halloo!
To him alone the praise is due.

(Тотъ же самый! Тотъ же самый! Четыре буквы составляютъ его имя. Онъ выпустилъ меня на свободу и закричалъ: ура! Ему одному надлежитъ хвала!).

Теперь Кольриджъ сдѣлался вѣрнымъ журналистомъ Питта и вмѣстѣ со всѣми другими членами озерной школы обратился въ строгаго тори, во врага либеральныхъ мнѣній какъ въ государственной, такъ и въ церковной области. Что же удивительнаго, если онъ на-ряду съ другими подвергался пристрастнымъ и постояннымъ нападеніямъ со стороны либеральной партіи! А между тѣмъ было бы такъ легко и естественно отдѣлить его, какъ поэта, отъ всѣхъ остальныхъ и воздать ему честь, на которую онъ имѣлъ право въ силу своей оригинальности. Немногія стихотворенія, написанныя имъ въ теченіе его довольно продолжительной жизни отличаются изысканною мелодичностью языка; гармонія ихъ не только изящна и пріятна для слуха, какъ у Шелли, но очень сложна и богата въ отношеніи контрапункта и отличается своеобразною тягучею сладостью; каждая строчка у него напоминаетъ по вкусу и вѣсу каплю меда. Въ стихотвореніяхъ, какъ *Low e* или *Lew t*,—несомнѣнно, самыя чарующія изъ его произведеній,—въ восточной фантазій, какъ *Kubla Khan*, имѣющей источникомъ своимъ сновидѣніе, мы слышимъ, какъ соловьиный голосъ Шелли переливается и разсыпается трелью, свиститъ и поетъ со всѣми измѣнчивыми переходами тоновъ голоса лучшей изъ пѣвчихъ птичекъ.

Какъ очень мѣтко замѣтилъ Свинбуртъ, если мы начнемъ сравнивать въ отношеніи гармоніи языка Кольриджа съ Шелли, то послѣдній покажется намъ жаворонкомъ, а первый—соловьемъ. Но за то поэзія Кольриджа настолько же непластична, насколько она мелодична, и настолько же безстрастна, насколько

благозвучна. Она—чисто романтически-фантастичная, т. е. она не изображаетъ живущей во всю личной душевной жизни и не передаетъ впечатлѣній, производимыхъ на данное лицо окружающимъ его міромъ. Въ этомъ отношеніи интересно то обстоятельство, что большое путешествіе Кольриджа на югъ оказалось совершенно безплоднымъ для его поэзіи; единственное, что онъ вынесъ изъ него, это гимнъ Передъ восходомъ солнца въ долину Шамуни, куда онъ никогда не заглядывалъ, переработавъ его изъ описанія долины, составленного извѣстной въ датской литературѣ поэтессою Фридерикою Брунъ. Его историческое пониманіе было такъ же ничтожно, какъ и его пониманіе мѣстности. Онъ самъ говоритъ: „Дорогой сэръ Вальтеръ Скоттъ и я представляли полныя противоположности въ томъ отношеніи, что каждая старая развалина, каждая возвышенность, рѣка или пенъ вызвали въ его умѣ цѣлый рядъ историческихъ и біографическихъ сочетаній идей... Мы же, напротивъ того, кажется, что я могъ бы прогуляться по Марафонской равнинѣ, чувствуя не больше интереса, чѣмъ сколько могла бы мы внушить всякая другая равнина подобнаго же рода... Чарльзъ Лэмбъ написалъ очеркъ о чловѣкѣ, жившемъ въ глубокой древности,—и я задумалъ было прибавить къ нему очеркъ чловѣка, который никогда не жилъ во времени, но всегда внѣ его или рядомъ съ нимъ“¹⁾. Его поэзія представляетъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова рядъ сновидѣній; то изъ его стихотвореній, которому знатоки литературы придаютъ наибольшее цѣны, было сочинено имъ во снѣ во время сновидѣній.

Его собственная жизнь отличалась такимъ же отсутствіемъ воли и плана, какъ и жизнь чловѣка, видящаго сонъ. Лѣнивый отъ природы, онъ съ лѣтами началъ обнаруживать все больше и больше склонности къ откладыванію, а эта его страсть къ откладыванію (которую англичане называютъ *procrastination*) нагромождала на его пути много затрудненій, которыхъ онъ не въ состояніи былъ преодолѣть, не обладая достаточно большою рабочею силою. Чтобы облегчить свои физическія страданія, онъ сталъ прибѣгать къ опиуму, но вскорѣ впалъ въ крайность въ этомъ отношеніи, что въ сильной степени увеличило его недостатокъ способности приводить въ исполненіе задуманные имъ планы. Переходя изъ дома одного изъ своихъ друзей въ домъ другого, онъ велъ скитальческую жизнь, при чемъ попеременно то читалъ литературно-историческія лекціи, то писалъ статьи въ журналѣ. Но затѣмъ онъ призналъ себя неспособнымъ вести самостоятельную жизнь и съ 1816 г. поселился въ домѣ одного врача, по фамиліи Гильманъ, и жилъ въ Гайгетѣ у этого чловѣка, въ подчиненіи ему и въ добровольной разлукѣ со своею семьею, которую онъ поручилъ попеченіямъ своего друга и свояка Роберта Соути. За опьяненіемъ опиумомъ слѣдовали часы угрызненія совѣсти и самобичеванія; имъ овладѣла религіозность, принимавшая все болѣе и болѣе ортодоксальный характеръ. Все, что онъ писалъ въ этотъ періодъ

¹⁾ Specimens of the table talk of the late Sam. T. Coleridge, vol. II, 225.

времени, имѣло всегда цѣлю опровергать еретическія заблужденія его юности и защищать въ догматикѣ ученіе о Св. Троицѣ, а въ политикѣ англійскую государственную церковь противъ всѣхъ нападеній критики¹⁾. Эмерсонъ послѣ сдѣланнаго ему визита описалъ его намъ, какъ „старого чловѣка, полного предразсудковъ“, который возмущался безсовѣстностью кучки пристлеянцевъ, осмѣливавшихся отвергать ученіе Павла о Св. Троицѣ, сохранившееся неприкосновеннымъ въ теченіе столькихъ столѣтій, и испещрялъ рѣчь свою всевозможными старческими избитыми разсужденіями. Восемнадцать лѣтъ провелъ онъ въ мечтаніяхъ, бесѣдахъ и сочиненіи назидательныхъ брошюръ, оказывая постоянно меньше вліянія какъ авторъ, чѣмъ какъ проповѣдникъ. Онъ подстрекалъ и другихъ высказывать открыто свои мысли. Такъ какъ онъ жилъ недалеко отъ Лондона и отличался необыкновеннымъ умѣніемъ разговаривать и искрящимся остроуміемъ, то лучшіе писатели его времени постоянно посѣщали его и онъ проводилъ время въ созерцаніи жизни и въ бесѣдахъ съ такими людьми, какъ Чарльзъ Лэмбъ, Вордсвортъ, Соути, Лейбъ Гентъ, Газлиттъ, Карлейль, именно въ тѣ самые годы, когда дѣятели противоположнаго направленія, Шелли и Байронъ, со страстностью возставали противъ существующаго строя общества и государства, въ превосходствѣ котораго онъ былъ убѣжденъ. Между тѣмъ какъ онъ, живя безъ собственной воли и подчиняясь чужому вліянію, предоставлялъ другимъ заботиться о немъ, превращаясь все болѣе и болѣе въ консерватора, тѣ два великихъ либеральныхъ поэта, изгнанные изъ родины и предоставленные собственной личной энергіи, развивали самое высокое чувство самостоятельности, какое когда-либо высказывалось въ исторіи поэзіи, и начали,—такъ какъ ни они сами и никто другой не дѣлали ничего для сохраненія ихъ жизни,—страшно преждевременно страстную борьбу, которая привела ихъ къ ранней смерти. Свобода изслѣдованія и личная свобода представляли для нихъ такое же драгоценное сокровище, какъ англиканская церковь (Church of England) для Кольриджа.

VIII.

Несомнѣнно, что Кольриджъ и остальные члены озерной школы считали себя всегда горячими приверженцами свободы; прошло то время, когда реакціонеры называли себя другими именами. Кольриджъ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній, оду Франціи, предполагая, что онъ пишетъ гимнъ къ свободѣ и призывая небеса, волны и лѣса въ свидѣтели, что онъ всегда любилъ ее, а Вордсвортъ, посвятившій ей двѣ большія группы своихъ стихотвореній, считалъ себя ея призваннымъ защитникомъ. При поверхностномъ чтеніи можно принять этихъ поэтовъ за такихъ же свободолюбивыхъ писателей, какъ Муръ, Шелли

¹⁾ On the constitution of Church and State according to the idea of each.—Lay Sermons.

или Байронъ. Но даже слово „свобода“ означаетъ въ ихъ устахъ почти совершенно другое, чѣмъ у послѣднихъ. Чтобы понять хорошенько это различіе, надо изслѣдовать и объяснить его при помощи слѣдующихъ двухъ простыхъ вопросовъ: свобода—отъ чего? свобода—къ чему?

Свобода представлялась этимъ консервативнымъ поэтамъ определеннымъ конечнымъ благомъ, которымъ обладаетъ Англія и котораго недостаетъ Европѣ, правомъ страны управлять собою безъ самодержавнаго властителя чуждаго происхождения. Страна, обладающая этою привилегіею, свободна. Подъ свободою, слѣдовательно, этотъ лагерь писателей подразумѣвалъ свободу отъ чужеземнаго политическаго деспотизма; о свободѣ къ чему-нибудь не было и рѣчи. Бросимъ взглядъ на сонеты Вордсворта, посвященные свободѣ, и посмотримъ, что они воспѣваютъ. Воспѣваютъ они борьбу европейскихъ народностей противъ Наполеона, который рисуется чѣмъ-то въ родѣ антихриста („Діаволъ на престолѣ изъ пламени,“—какъ называлъ его Скоттъ).

Поэтъ горюетъ о покореніи французами Испаніи, Швейцаріи, Венеціи, Тироля. Онъ воспѣваетъ храбраго Гофера, мужественнаго Шилля, дерзновеннаго Гуссена Лувртура, осмѣлившихся оказать сопротивление деспоту, а также Густава IV Адольфа шведскаго, который съ романтически-рыцарскою бездарностью бросилъ Наполеону перчатку и открыто провозгласилъ свою мечту возстановить на престолѣ Бурбоновъ. Вскорѣ послѣ этого Викторъ Гюго и Ламартинъ, какъ приверженцы реставрированной монархіи, стали также воспѣвать его вмѣстѣ съ его сыномъ принцемъ Густавомъ Ваза. Отъ Наполеона ненависть и отвращеніе перенесены были на Францію. Въ одномъ изъ сонетовъ (*Inland within a hollow vale I stood*) Вордсвортъ рассказываетъ, какимъ образомъ каналъ между Англіею и Франціею показался ему на минуту такимъ маленькимъ, какъ озеро, и его охватилъ страхъ, что Англія современемъ сольется въ одинъ материкъ съ этою погибшею страной; но тутъ его успокоила мысль о томъ, насколько велика англійская народная душа, и насколько ничтожна французская. Въ другомъ сонетѣ онъ радуется, вспоминая, какъ много выдающихся людей и представляющихъ важное значеніе книгъ произвела Англія, и поражается тѣмъ, что Франція, въ противоположность Англіи, не произвела „ни единой значительной книги, ни единого выдающагося ума... и обнаруживаетъ одинаково большой недостатокъ какъ въ книгахъ, такъ и въ людяхъ“.

Поэтому онъ вновь и вновь возвращается къ Англіи; его сонеты представляютъ длинное любовное объясненіе этой странѣ, къ которой онъ относится съ чувствами „любownika и сына“, къ этой странѣ, единственной, на которой въ настоящее время „сосредоточиваются надежды всей земли“¹⁾. Онъ въ своихъ стихотвореніяхъ слѣдитъ за борьбою этой страны, воспѣваетъ, какъ Соути, каждую изъ ея побѣдъ, и его сонеты къ свободѣ заканчиваются весьма многозначи-

¹⁾ Sonnets dedicated to Liberty, I, XVII и XXI.

тельнымъ образомъ напыщенною Благодарственною одою за побѣду при Ватерлоо. Мы спрашиваемъ себя теперь, какого рода свободу принесло съ собою Ватерлоо? но мы отлично понимаемъ, что группа поэтовъ, героями которой были національные герои Питтъ, Нельсонъ и Веллингтонъ, хвалебныя пѣсни которой относились къ англійской конституціи, воплощавшей, по ихъ мнѣнію, въ себѣ свободу, и къ Англіи, какъ къ странѣ, могущей служить образцомъ для всѣхъ государствъ, приобрѣла у значительнаго большинства народа такую популярность, какой не пользовался до настоящаго времени ни одинъ изъ ихъ великихъ поэтическихъ противниковъ. Для первыхъ народъ былъ идеаломъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ то время; послѣдніе старались заставить народъ обратить свои взоры на еще не достигнутый и даже еще не признанный идеалъ; первые льстили народу и вознаграждались за то лавровыми вѣнками, послѣдніе воспитывали и карали народъ и за то изгонялись изъ его среды. Между тѣмъ, какъ почетное мѣсто поэта-лауреата было обѣщано Скотту и затѣмъ занято какъ Соути, такъ и Вордсвортомъ, англійскій народъ до настоящаго времени не выказалъ ничѣмъ своей признательности Шелли и Байрону¹⁾. Причина та, что ихъ понятія о свободѣ представляли большое различіе сравнительно съ возрѣвными озерной школы. Для нихъ идея свободы не олицетворялась въ какой-либо странѣ или какой-либо конституціи, не являлась готовою вещью; для нихъ борьба за свободу не олицетворялась въ глубоко эгоистичной борьбѣ противъ революціоннаго завоевателя. Они сознавали глубоко, какая грандіозная неволя, какъ политическая, такъ и умственная, какъ въ церковной, такъ и въ общественной области, могла преуспѣвать при такъ называемой свободной конституціи. Нерасположенные пѣть хвалебныя пѣсни по поводу того, какого преуспѣянна достигло человѣчество вообще и главнымъ образомъ ихъ соотечественники, они при такъ называемомъ свободномъ режимѣ чувствовали глубокую и пылкую потребность въ свободѣ, сознавали недостатокъ свободы во многомъ,—въ томъ, чтобы мыслить, не обращая вниманія на догматы вѣры, въ томъ, чтобы писать, не сгибая спины подъ игомъ общественнаго мнѣнія, въ томъ, чтобы дѣйствовать соответственно внутреннимъ требованіямъ своего „я“, не подчиняясь контролю тѣхъ, кто, не имѣя собственной самостоятельности, являются наиболѣе грозными и безжалостными судьями слабостей, связанныхъ съ самостоятельностью, оригинальностью и гениемъ. Они видѣли, что господствующій классъ при существованіи „свободы“ лицебрилъ и лгалъ, высасывалъ кровь и грабилъ, угнеталъ и давилъ, билъ и сковывалъ цѣпями совершенно такъ же, какъ единичные властители дѣлали это при господствѣ абсолютизма, не имѣя при томъ извинительныхъ условій въ видѣ генія и превосходства великаго ума. Для поэтовъ

¹⁾ Только въ 1795 г. Дизраэли въ качествѣ председателя Byron Memorial Committee, сталъ во главѣ подписки для сбора пожертвованій на памятникъ Байрону, который предполагали воздвигнуть на одной изъ площадей города.

озерной школы гнетъ былъ не гнетомъ, разъ онъ былъ англійскій, насиліе — не насиліе, разъ оно было конституціонно-монархическое, боязнъ свѣта не боязнъ свѣта, разъ она исходила отъ протестантской церкви. Радикальные поэты называли гнетъ гнетомъ, даже когда онъ развивалъ англійское знамя и украшалъ полицейскую бляху англійской кокардою; они распространяли свою нелюбовь къ неограниченнымъ королямъ на королей вообще; они желали освободить міръ не только отъ владычества католическихъ священниковъ, но вообще отъ пасторской опеки. Когда они увидали, какъ поэты противоположной имъ школы, въ пылу молодости заходившіе такъ же далеко, какъ и они сами, начали теперь прославлять торійское правительство Англіи со всею ревностью группы ренегатовъ, они не могли смотрѣть на нихъ иначе, какъ на враговъ свободы. Поэтому Шелли въ своемъ сонетѣ къ Вордсворту жалуется на то, что онъ „измѣнилъ истинѣ и свободѣ“; поэтому Байронъ не разъ пытается „сокрушить“ Соути, и поэтому, вообще, въ страсти этихъ поэтовъ къ свободѣ замѣчается священный гвѣтъ, благородный пылъ, между тѣмъ какъ въ платонической любви къ свободѣ озерной школы не замѣчается и слѣда его. Когда Шелли поетъ, обращаясь къ свободѣ: „Твой взоръ ярче блеска молніи, а твой голосъ громче грохота землетрясенія. Ты заглушаешь морскую бурю. Какъ яркое видѣніе, ты затмѣваешь огонь изверженія, дикій вулканъ. Пламенное сіяніе солнечнаго ядра,—мерцаніе фонаря сравнительно съ твоими сіяющими звѣздами“, — тогда чувствуешь, что эта свобода не такая вещь, которую можно схватить руками или передать, какъ даръ, въ видѣ конституціи, или вписать въ уставъ государственной церкви, но что это вѣчное требованіе человѣческаго ума, его никогда не уничтожающаяся потребность, небесный огонь, вложенный Прометеемъ въ видѣ искры въ человѣческое сердце, когда онъ создавалъ его, и что этотъ огонь былъ раздуть великими людьми въ пламя, служащее источникомъ всякаго свѣта и тепла для тѣхъ, которые чувствуютъ, какимъ могильнымъ мракомъ и холодомъ камня вѣяло бы отъ жизни безъ него. Это та самая свобода, которая въ каждое новое столѣтіе всплываетъ на поверхность подъ новымъ заглавіемъ, которая въ средніе вѣка преслѣдовалась и искоренялась подъ именемъ ереси, въ XVI вѣкѣ провозглашалась и подавлялась подъ именемъ реформаціи, въ XVII вѣкѣ осуждалась на костеръ и сожженіе подъ именемъ чародѣйства и атеизма, въ XVIII вѣкѣ обратилась въ евангеліе подъ формою философіи, чтобы при революціи обратиться въ силу въ образъ политики, и которая, наконецъ, въ XIX вѣкѣ запечатлѣна была защитниками прошлаго новымъ ругательнымъ именемъ: „радикализмъ“.

Свобода, которую восхваляли поэты озерной школы, была опредѣленнымъ, яснымъ понятіемъ о вольностяхъ, но не свободою въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Напротивъ того: революціонные поэты прославляли то, что было дѣйствительно само по себѣ истинною свободою, но они воспринимали эту свободу такимъ отвлеченнымъ образомъ, что слишкомъ часто не попадали въ цѣль. Въ

ослабленіи всякаго существующаго правительства, они видѣли только ослабленіе дурного правительства, въ полуварварскомъ возстаніи угнетаемыхъ народностей имъ мерещилась утренняя заря вѣчной свободы. Шелли такъ мало понималъ человѣческую природу, что считалъ бы битву выигранною, если бы удалось однимъ ударомъ искоренить всѣхъ королей и священниковъ, а Байронъ слишкомъ поздно узналъ путемъ опыта, какимъ малымъ количествомъ республиканскихъ добродѣтелей обладали европейскіе революціонеры, сплотившіеся во имя свободы. Дѣятели озерной школы были обезпечены отъ благородныхъ заблужденій и крайнихъ увлеченій радикальныхъ поэтовъ, но потомство получило больше пользы и наслажденія отъ крайностей любви къ свободѣ послѣднихъ, чѣмъ отъ свободомыслія первыхъ, стѣсненнаго и ограниченнаго со всѣхъ сторонъ.

IX.

Здѣсь время удѣлить мѣсто человѣку, который былъ злѣйшимъ врагомъ Байрона и Шелли и лучшимъ другомъ Кольриджа, и вообще въ цѣломъ близко подходилъ къ Кольриджу, какъ выдающійся англійскій романтикъ, хотя его произведенія по своему содержанію далеко уступаютъ произведеніямъ его пріятеля.

Робертъ Соути, родившійся въ 1774 г. въ Бристолѣ, былъ сыномъ торговца холстомъ, и до конца жизни носилъ отпечатокъ тѣхъ узкихъ жизненныхъ условій и тѣхъ узкихъ міровоззрѣній, среди которыхъ ему пришлось увидѣть свѣтъ. Послѣ недолговременныхъ занятій въ Оксфордѣ, онъ, какъ и другіе поэты озерной школы, поддался вліянію революціоннаго духа и написалъ въ 1794 г. крайне яacobинскую поэму Wat Tyler. Въ это же время онъ сочинилъ, въ видѣ надписи надъ темницею, въ которой сидѣлъ въ заключеніи королевскій убійца Мартинъ, слѣдующіе стихи: „Тридцать лѣтъ въ одиночномъ заключеніи томился здѣсь Мартинъ. Часто эти стѣны отражали звукъ его шаговъ, когда онъ прохаживался по своей темницѣ изъ одного угла въ другой. Не для него была прекрасная перемѣна временъ года; никогда лучи солнца не радовали его, исключая того времени, когда смутный, печальный свѣтъ падалъ сверху сквозь рѣшетку его окна. Ты спросишь, какое преступленіе онъ совершилъ? Онъ возсталъ съ оружіемъ въ рукахъ и произнесъ приговоръ надъ королемъ. Въ своемъ пылу онъ строилъ прекрасные планы счастья, мира и свободы. Дикіе планы! Но такіе, какіе любилъ Платонъ...“

Каппингъ написалъ на это стихотвореніе слѣдующую забавную пародію: надпись надъ темницей въ Ньюгэтѣ, гдѣ сидѣла запертою г-жа Броунриггъ, убійца своихъ ученицъ:

„Цѣлую сессію, пока разбиралось ея дѣло, томилась здѣсь Броунриггъ. Часто эта темница оглашалась звуками ея голоса, когда она проклинала, визжала или кричала, требуя джина. Не для нея были прекрасныя перемѣны въ жизни предмѣстій, пока, наконецъ, ее не повезли шагомъ вонъ изъ города, чтобы по-

вѣситъ. Ты спрашиваешь, какое преступленіе она совершила? Она засѣкла до смерти двухъ своихъ ученицъ и спрятала ихъ среди мѣшковъ съ угольями въ погребѣ своего дома. Въ своемъ пылу она строила строгіе планы поученія и дисциплины. Энергичные планы будущаго! но такого рода, какимъ она научилась отъ Ликурга“.

Соути также отказался отъ своихъ плановъ переселенія и, женившись на одной изъ Фрикеръ, поселился въ Лондонѣ въ 1797 г. Съ 1807 г. онъ получалъ отъ государства ежегодную пенсію въ 150 фунтовъ стерлинговъ. Послѣ смерти поэта Пи онъ былъ возведенъ въ званіе poeta-laureatus съ жалованіемъ въ 300 ф. ст. ежегодно. Это званіе, которое вмѣняло въ обязанность воспѣвать всѣ событія изъ жизни королевскаго дома, было предложено принцемъ-регентомъ сначала Вальтеру Скотту, обратившемуся за совѣтомъ относительно этого вопроса къ благоволившему къ нему герцогу Бекклену. Вотъ отвѣтъ послѣдняго: „Въ силахъ ли вы будете выдержать, когда въ день рожденія короля цѣлая куча охрипшихъ и пискливыхъ хористовъ начнетъ речитативомъ скандировать ваши стихи въ назиданіе епископовъ, пажей, придворныхъ дамъ и лейбъ-гвардейцевъ! О, ужасно! трижды ужасно!“ Скоттъ отказался отъ предложенной ему чести и указалъ на Соути, какъ на вполнѣ преданнаго королю и нуждающагося поэта. Послѣднему большую часть жизни пришлось жить доходами со своего пера, вслѣдствіе чего онъ по необходимости писалъ очень много. При его трудолюбіи, бережливости, онъ былъ одаренъ всѣми семейными добродѣтелями, и оставилъ по себѣ капиталъ въ 12,000 ф. ст. Романтизмъ у него, какъ и у нѣмцевъ, не только не исключалъ мѣщанскихъ, буржуазныхъ добродѣтелей, но и самымъ благополучнымъ образомъ уживался съ ними. Вѣдь онъ, дѣйствительно, имѣлъ такъ мало общаго съ жизнью. За то его почтенное филистерство нисколько не препятствовало его фантазіи совершать самыя дикія экскурсіи въ восточныя области.

Въ первый періодъ жизни Соути, въ либеральный, его талантъ обнаруживалъ много теплоты и прелести. Онъ обладалъ воодушевленіемъ, обладалъ мужествомъ. Его эпопея Іоанна д'Аркъ, написанная въ 1797 г.—произведеніе, проникнутое такимъ же задуховнымъ чувствомъ къ героинѣ Франціи, какъ и то, которое было обнаружено пять лѣтъ спустя Шиллеромъ въ его драмѣ *Die Jungfrau von Orleans*. Подобно произведенію Шиллера, поэма Соути составляетъ полную противоположность *Rucelle* Вольтера; почтенный англійскій поэтъ даже говоритъ въ своемъ предисловіи, что „никогда не заглядывалъ“ въ это стихотвореніе. Въ Іоаннѣ д'Аркѣ Соути еще не выказывается романтикомъ. Онъ все еще отъ времени до времени обращаетъ взоръ на свое время. Въ третьей пѣснѣ онъ прославляетъ г-жу Роланъ, какъ героиню, умершую мученицею своей любви къ родинѣ, въ десятой—Лафайетта, имя котораго „свобода будетъ всегда любить“, а въ изображеніи Іоанны д'Аркъ Соути, въ противоположность Шиллеру, избѣгаетъ всякаго намека на чародѣйство. Въ

одномъ рѣшительномъ мѣстѣ стихотворенія, гдѣ дѣвственницу затрагиваютъ относительно ея вѣры, она и черезъ ея посредство поэтъ самымъ откровеннымъ образомъ исповѣдуютъ свою вѣру въ природу, такъ что чувствуешь, читая это мѣсто, въ какой сильной степени господствующій въ англійской поэзіи того времени натурализмъ является главною основою творчества Соути.

„Женщина! говорить одинъ изъ священниковъ Іоаннѣ д'Аркѣ: ты, повидимому, насмѣхалась надъ священными предписаніями нашей церкви, и, если я хорошо понялъ твои слова, ты сказала, что уединеніе и природа научили тебя религіознымъ чувствамъ, и что мессы и отпущеніе грѣховъ, и употребленіе священной воды не признаются больше тобой. Какимъ образомъ природа могла научить тебя истинной религіи? Природа можетъ научить только грѣшить; одинъ только священникъ въ состояніи преподавать раскаяніе и повелѣтъ св. Петру открыть врата небесъ и освободить душу изъ чистилища...“

Дѣвушка отвѣчаетъ: „Отцы святой церкви! Если такая простая дѣвушка, какъ я, заблуждается относительно этихъ трудныхъ вопросовъ, то не приписывайте этого преступленія дерзновенному ея разуму, воображающему себя сильнѣе небесной мудрости. Правда, я уже давно не слушала звуковъ торжественной мессы и не подносила къ дрожащимъ губамъ священной воды; но птичка, посылающая свою радостную пѣснь въ видѣ привѣтствія утреннимъ лучамъ солнца, какъ мнѣ казалось, щебечетъ болѣе сладкую благодарность небу, изливая въ простой мелодіи свое счастье, чѣмъ люди, наполняя церковные своды звуками своихъ пѣсней; и все же я никогда не срывала гроздей зрѣлаго винограда, не думая о Богѣ, даровавшемъ мнѣ эту безкровную пищу. Вы сказали мнѣ, благородные господа, что природа только научаетъ человѣка грѣшить. Если грѣшно подходить къ раненому ягненку, чтобы перевязывать его раны, орошать его своими слезами, то этому грѣху меня научила природа. Нѣтъ, отцы! Нѣтъ! Не природа можетъ научить грѣшить: природа—вся доброта, вся любовь, вся красота! Подъ спокойною тѣнью зеленыхъ лѣсовъ нѣтъ порока, который заставлялъ бы краску стыда приливать къ щекамъ, нѣтъ страданій, нѣтъ несчастныхъ матерей, которыя блѣдныя, голодныя, наклоняются надъ своими изголодавшимися дѣтьми, бросая на нихъ такой жалобный, такой измученный взоръ, что онъ со временемъ съ блестящимъ краснорѣчіемъ будетъ вопіять противъ сильныхъ міра сего!..“¹⁾

Внимательный читатель въ этой небольшой напыщенной рѣчи замѣтитъ не только отголосокъ революціонныхъ страстей, бушевавшихъ за каналомъ и воплотившихся здѣсь въ преклоненіе передъ природою, но и недостатокъ у молодого поэта способности придать своему сюжету колоритъ описываемыхъ имъ времени и мѣста. Франція и средніе вѣка играютъ у него ту же роль, какую позже играли востокъ и міръ легендъ,—роль костюма, подъ которымъ онъ выводилъ на сцену свои англійскія и протестантскія идеи. Но все же требовалась извѣстная доля

¹⁾ Southey: *Joan of Arc*, кн. III.

мужества, чтобы въ то время, когда національная ненависть къ Франціи была такъ сильна, прославлять національную героиню врага, и поэма, не смотря на свою сухость, дѣлаетъ честь молодому автору, какъ по выражавшемуся въ ней чувству, такъ и по своимъ краскамъ; но духу, поддерживавшему въ этомъ произведеніи полетъ его таланта, суждено было вскорѣ заглухнуть въ его поэзіи.

Чѣмъ болѣе безкорыстное воодушевленіе молодости великими задачами и мечтами человечества ослабѣвало въ его душѣ, тѣмъ больше чувствовалъ онъ потребность искупить образовывавшуюся отсюда бесплодность оплодотвореніемъ безсодержательной почвы чисто-внѣшнимъ романтизмомъ. Онъ достигъ мало по малу извѣстнаго умѣнія владѣть рѣчью, умѣлъ писать малосодержательныя, но благозвучныя и, не смотря на всю ихъ неопредѣленность и монотонность, задушевные строфы. Въ этой мягкой и гибкой формѣ онъ передавалъ какъ суетвѣрія Арабіи, такъ и наиболѣе фантастичные сны востока, и изъ смѣшенія ихъ создалъ два своихъ наиболѣе крупныя произведенія: Проклятіе Когама и Талаба-разрушитель. Страсть къ востоку—общая у всѣхъ романтиковъ; она встрѣчается одновременно у Эленшлегера и у Виктора Гюго, когда движеніе въ сторону этого направленія достигло Франціи (Aly og Gulhyndi—Les Orientales). Но что особенно влекло къ востоку англійскаго поэта—это безцвѣтная протестантская жизнь дома съ ея строгою и холодною благопристойностью. Впрочемъ, потребовался ирландецъ, Томасъ Муръ, съ кельтическою кровью въ жилахъ, чтобы, хотя-бы приблизительно, понять персидскій народъ и міръ легендъ старой Персіи и представить удовлетворительнымъ образомъ на англійскомъ языкѣ природу востока такимъ слогомъ, который какъ-бы пересыпанъ драгоценностями и восточными украшеніями. Лалла-Рукъ не мастерское произведеніе: его дѣйствующія лица и идеи слишкомъ европейскія, слишкомъ мало въ нихъ непосредственности; но Талаба крайне скудна сравнительно съ Лалла-Рукъ и такъ же благопристойна, какъ англійская проповѣдь. Это стихотвореніе, которое въ свое время пользовалось нѣкоторою извѣстностью, страдаетъ отъ кричащей противоположности между пестрыми красками сценической обстановки и разсудительною сдержанностью чувства: мы, съ одной стороны, находимся въ мірѣ, не менѣе причудливомъ, чѣмъ тотъ міръ, среди котораго происходитъ дѣйствіе Тысячи и одной ночи, съ другой—въ мірѣ, гдѣ насъ вѣчно научаютъ любви къ ближнему и вѣрѣ въ Бога. Жизнью героя руководитъ самымъ тщательнымъ образомъ Провидѣніе. Передъ тѣмъ, какъ онъ покидаетъ домъ своего пріемнаго отца, происходитъ слѣдующее: рой сирійской саранчи, преслѣдуемый стаею птицъ, пролетаетъ, посланный невидимою силою, надъ его домомъ; одна изъ птицъ выпускаетъ изъ клюва саранчу, которая падаетъ къ ногамъ Талабы и на ея лбу онъ читаетъ слѣдующую надпись, сдѣланную тонкимъ почеркомъ: „Когда солнце днемъ омрачается тучами, поѣзжай, сынъ Годейра!“ (3-я пѣснь, стр. 32). Но въ то самое время, когда авторъ прибѣгаетъ къ такимъ причудливымъ средствамъ, онъ старается не упускать

случая въ Іоаннѣ d'Аркѣ предостеречь читателя противъ религіозныхъ заблужденій данной страны и даннаго времени. Всѣ его дѣйствующія лица—раціоналисты относительно своей восточной религіи и имъ мало чего недостаетъ, чтобы сдѣлаться хорошими протестантами. Когда прилетаетъ саранча, пріемный отецъ Талабы говоритъ: „Можетъ быть ты думаешь, что чаша воды, которая, благодаря фокусническимъ продѣлкамъ жрецовъ, была выставлена въ той или иной сирійской мечети, привлекла ее сюда изъ далекаго Харасава? Нѣтъ, это сдѣлалъ одинъ Аллахъ, который осудилъ этихъ насѣкомыхъ служить людямъ наказаніемъ и мученіемъ...“ Природный арабъ не можетъ выражать болѣе рѣзкой критики. То же самое происходитъ и дальше. Соути нагромождаетъ кучу фантастическихъ мотивовъ, чтобы, когда они ему надобятся или ему кажется, что читателю пора преподнестъ поученіе, можно было разбить ихъ разомъ какимъ нибудь евангельскимъ текстомъ.

У Талабы на пальцѣ талисманъ, защищающій его отъ злыхъ духовъ. Поэтому злой духъ Лобаба употребляетъ всѣ усилія, чтобы выманить у него кольцо. Однажды, напр., онъ старается снять его съ пальца Талабы во время сна. Но одинъ добрый геній посылаетъ пчелу, которая жалитъ Талабу въ палецъ повыше кольца, такъ что опухоль препятствуетъ снятію послѣдняго. Всѣ планы злого духа такимъ образомъ рушатся. Наконецъ, страшному чародѣю Могаребу удается одурачить юношу. Потерпѣвъ нѣсколько разъ пораженіе, чародѣй начинаетъ насмѣхаться надъ молодымъ человѣкомъ, говоря, что онъ не можетъ побѣдить своихъ противниковъ въ открытой борьбѣ, а только помощью талисмановъ, и такъ ловко и умѣло это дѣлаетъ, что Талаба бросаетъ кольцо въ бездну. Борьба вновь возгорается. Ожидаешь, что Талаба теперь преклонитъ колѣни, стоя беззащитнымъ противъ сверхъестественной силы. Но ничуть не бывало! Талаба опять побѣждаетъ. Какимъ образомъ и почему? Голосъ съ неба возвѣщаетъ это: потому, что кольцо не было истиннымъ талисманомъ. Настоящій талисманъ—„вѣра“. (5-ая пѣснь, стр. 41). Къ чему-же было въ такомъ случаѣ огородъ городить?

Поэтъ ведетъ насъ черезъ подземелья, гдѣ отрубленные человѣческія головы бросаются въ пасть змѣямъ, стерегущимъ входы; гдѣ свѣча можетъ горѣть только въ томъ случаѣ, если ее приносить въ рукѣ казненнаго убійцы и т. д. Однимъ словомъ, авторъ вводитъ читателя въ міръ, гдѣ все совершается не такъ, какъ въ британскомъ государствѣ. Но все это лишь балетъ; внезапно происходитъ перемѣна декорацій; восточная обстановка исчезаетъ и суфлеръ читаетъ громко догматъ вѣры. Затѣмъ балетъ возобновляется. Сцена представляетъ пиръ съ превосходными блюдами, чудными винами, изъ которыхъ одни розоватыя, „точно утрення заря“ и окрашены въ шафрановый цвѣтъ, „точно вечерніе туманы“, а другія напоминаютъ рубины и амбру. Но что за польза отъ всѣхъ этихъ искусственныхъ прелестей? Талаба слишкомъ хорошій мусульманинъ, чтобы поддаться искушенію. „Но Талаба не принялъ чаши съ виномъ,

потому что онъ зналъ прекрасно, что пророкъ воспретилъ этотъ напитокъ, — мать грѣховъ. И пирующіе также перестали убѣждать его вкусить отъ оживляющаго питья, воспаляющаго кровь, потому что въ глазахъ юноши выражалась непреклонная рѣшимость. Если хорошенько присмотрѣться, то окажется, что „искуситель“—членъ англійскаго общества воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ, и, какъ истинный teetotaler, соглашается пить только воду источниковъ и закусывать „арбузами“. (6-я пѣснь, стр. 24).

Затѣмъ сцена наполняется фигурантками. „Тогда толпа женщинъ приговорила танцовать. На ноги у нихъ были надѣты обручи съ колокольчиками, которые звучали въ тактъ пляскѣ. Прозрачныя одежды открывали сладострастнымъ взорамъ скрытыя прелести, которыя они старались выказать нескромными тѣлодвиженіями. Образъ Онеизы носился передъ его взорами, образъ дорогой ему арабской дѣвы. Но пугаться нечего: Талаба—ревностный противникъ многоженства; совершенно подобно молодому странствующему англичанину, онъ вооружается мыслью объ оставленной имъ дома невѣстѣ. „Талаба смотрѣлъ, но въ душѣ хранилъ талисманъ, чудотворное дѣйствіе котораго обращало нездоровое впечатлѣніе соблазнительнаго зрѣлища въ добродѣтельныя мысли“.—Талаба родился въ Англіи почти одновременно съ тѣмъ, какъ въ Даніи вышелъ въ свѣтъ Аладдинъ. (Кохата написана въ 1801 г., Аладдинъ въ 1804, а Талаба въ 1810). Но какимъ холоднымъ, скучнымъ является онъ по сравненію со своимъ датскимъ собратомъ!

Талаба достигаетъ цѣли: онъ женится на „дорогой ему арабской дѣвѣ“. Чтобы все могло совершиться достаточно назидательно, его невѣста умираетъ въ ту же ночь. Но чтобы все опять получило восточный оттѣнокъ, Талаба оказывается вынужденнымъ въ силу арабскаго фатализма убить молодую невинную дѣвушку по имени Лаила. Чтобы, наконецъ, все могло окончиться въ евангельскомъ духѣ, Талаба произноситъ высоко-торжественную рѣчь, въ которой прощаетъ чародѣя, виновника всѣхъ его несчастій, того самаго, котораго онъ всю жизнь искалъ, чтобы отомстить ему за умерщвленіе его отца и который теперь не въ состояніи уклониться отъ наказанія. „Старикъ! я тебя не убью, сказалъ Талаба: Зло, которое ты нанесъ, само принесетъ тебѣ горькое возмездіе“. О, Талаба, ты говоришь какъ книга, но какъ одна изъ тѣхъ книгъ, которыя закрываютъ, не читая ее до конца!

Закроемъ и мы ее, бросивъ прощальный взглядъ на ея автора. Даже Таккерей, всхвалиющій до небесъ Соути, какъ честнаго человѣка, вынужденъ, говоря о главномъ его произведеніи, допустить возможность, что въ случаѣ борьбы между Талабою и временемъ, „разрушителемъ“, побѣдителемъ, за которымъ останется поле сраженія, будетъ время. Поучительно было-бы узнать, сколько современныхъ англичанъ читало это стихотвореніе. Для потомства имя Соути остается извѣстнымъ только благодаря его истерическимъ нападеніямъ на Байрона и замѣчательно мѣткимъ ударамъ, наносимымъ ему въ отвѣтъ послѣднимъ. Сновидѣніемъ

дѣніемъ Соути мы обязаны Сновидѣніями Байрона, и ради послѣднихъ мы охотно прощаемъ ему и его Кохата, и его Thalaba. А все-же, какъ ни много пустого фантастичнаго элемента заключается въ этихъ стихотвореніяхъ, онъ не распространяется на описанія природы, какъ у романтиковъ Германіи. Даже среди всѣхъ этихъ романтическихъ бредней авторъ не теряетъ здраваго, рационалистическаго ума англичанина. Прекрасна первая строфа стихотворенія, описывающая ночь въ пустынѣ; мягкимъ тонамъ ея юноша Шелли подражалъ въ своей Королевѣ-Мабъ:

„Какъ прекрасна ночь! Влажная свѣжесть наполняетъ безмолвный воздухъ. Ни туманныя покрывала, ни облака, ни пылинки, ни пятнышки не прерываютъ прозрачной ясности неба. Въ полномъ великолѣпіи выплываетъ луна изъ темно-синей глубины. Въ свѣтѣ ея лучей простирается пустыня, окруженная, точно океаномъ, небеснымъ сводомъ. Какъ прекрасна ночь!“

Пѣснь каравана въ пятомъ дѣйствіи Аладдина врядъ-ли даетъ лучшее изображеніе картины луннаго свѣта среди песковъ пустыни. А такихъ картинъ у Соути не мало. Когда онъ описываетъ пугливую антилопу, услышавшую шаги путника и стоящую въ недоумѣніи, не зная куда направить среди полу-сумрачнаго свѣта свой путь, или когда онъ рисуетъ намъ страуса, въ своей слѣпой поспѣшности бѣгущаго прямо навстрѣчу страннику, между тѣмъ какъ неподвижные туманы обволакиваютъ ночью пустыню (IV пѣсня, стр. 19), то получается не сцена въ германско-романтическомъ вкусѣ, а вѣрная природѣ картина Востока, нарисованная на основаніи наблюденій истинно англійскаго ума.

Много имѣется теплыхъ свидѣтельствъ въ пользу личнаго характера Роберта Соути со стороны его современниковъ и друзей, больше, чѣмъ сколько можно было-бы предположить относительно человѣка съ такою сомнительною политическою и литературною репутаціею. Онъ былъ для Вордсворта испытаннымъ другомъ, для Кольриджа—лучшею и наиболѣе надежною опорою, и—что такъ-же сильно наклоняетъ вѣсы въ его сторону—Вальтеръ Сэваджъ Лэндоръ, не смотря на полную противоположность политическихъ взглядовъ, почтилъ его дружбою, прекратившейся только съ его смертію и оставившей много слѣдовъ въ Imaginary Conversations Лэндора. Послѣ обѣда у Лэндора 15 мая 1833 года Эмерсонъ пишетъ: „Я обѣдалъ у Лэндора,—онъ все время надобѣдалъ мнѣ бесѣдою о Соути—но кто такой Соути?“ Видно, что Лэндоръ старался увеличить число приверженцевъ своего друга. Наконецъ, Таккерей, стараясь изобразить типъ англійскаго джентельмена, не задумался взять за образецъ таковаго бѣднаго, трудолюбиваго и готоваго помочь всякому Роберта Соути.

Но никакое свидѣтельство, говорящее въ пользу его личнаго характера, не можетъ снять пятна, наложеннаго на его литературную дѣятельность. Она заклеена его хвалебными пѣснями въ честь англійскаго королевскаго дома и его предательствомъ по отношенію къ Байрону. Если-бы онъ, какъ остальные члены озерной школы, холодно и враждебно относился къ новому радикальному лите-

ратурному направленію, то оно было-бы вполне естественно съ его стороны. Но онъ, будучи самъ поэтомъ—возбуждалъ образованную чернь противъ другого значительно превосходившаго его по таланту поэта, позволяя себѣ пошлыя, низменные обвиненія противъ него въ безбожіи и безнравственности,—а это преступленіе, которое исторія не прощаетъ и которое она наказала, сохранивъ имя Соути только въ примѣчаніяхъ къ дѣятельности Байрона. Когда началъ издаваться *Донъ-Жуанъ*, Соути писалъ:

„Я отлично понимаю, что публика особенно нетерпимо бросится къ попыткамъ реформъ въ области литературы... Но я желалъ-бы, чтобы нетерпимое отношеніе къ книгамъ исходило изъ болѣе здраваго критеріума и касалось-бы болѣе нравственного достоинства произведенія, чѣмъ его композиціи, его духа болѣе, чѣмъ его формы. Я желалъ-бы, чтобы оно было направлено противъ чудовищныхъ смѣшеній ужасовъ и насмѣшекъ, безнравственного и безбожнаго, которыми запятана въ наши дни англійская поэзія. Въ теченіе болѣе чѣмъ 50 лѣтъ англійская литература отличалась своей нравственною чистотою, являющейся слѣдствіемъ, а также и причиною улучшенія въ нравахъ народа. Отецъ могъ безъ опасности давать своимъ дѣтямъ всякую нововыходящую книгу, если только она на заглавномъ листѣ не носила яснаго указанія, что она предназначена для чтенія въ непотребныхъ домахъ. Достаточно было, если сочиненіе носило имя почтеннаго издателя или было прислано почтеннымъ книгопродавцемъ. Особенно вѣрно это было относительно поэтическихъ произведеній. Теперь совсѣмъ не то, и горе тому, отъ кого исходитъ все зло! Чѣмъ большими способностями обладаетъ соблазнитель, тѣмъ тягче его преступленіе и тѣмъ дольше будетъ длиться его позоръ. Если законъ самъ по себѣ не въ состояніи обезопасить отъ зла, иди приводится въ исполненіе такъ вяло и такъ несправедливо, что репутація виновника обезпечиваетъ ему безнаказанность, то каждый долженъ помнить, что подобнаго рода зловерныя произведенія никогда не были-бы обнародованы или написаны, если-бы они встрѣтили заслуженное ими неодобреніе въ общественномъ мнѣніи. Каждый, кто покупаетъ подобныя книги или переноситъ ихъ за порогъ своего дома,—увеличиваетъ зло и является до нѣкоторой степени соучастникомъ въ преступленіи. Обнародованіе безнравственной книги составляетъ одно изъ худшихъ оскорбленій, какое можетъ быть нанесено общественному благосостоянію. Это грѣхъ, послѣдствія котораго невозможно предвидѣть, и который не можетъ быть искупленъ послѣдующимъ раскаяніемъ. Потому что какъ-бы велики ни были угрызенія совѣсти автора на смертномъ одрѣ, они не иокоуютъ злу. Самое ужасное раскаяніе въ этотъ часъ не можетъ уничтожить ни одного экземпляра книги... Люди съ больнымъ сердцемъ и испорченнымъ воображеніемъ, составившіе себѣ извѣстный сводъ взглядовъ, подходящий къ ихъ жалкой жизни, люди, возмущившіеся противъ священнѣйшихъ предписаній человѣческаго общества и ненавидящіе преподанную намъ свыше религію, къ которой они все-же, не смотря на всѣ свои усилія и хвастовство, не въ состояніи относиться съ полнымъ

невѣріемъ, стараются сдѣлать и другихъ такими-же жалкими, какъ они, и заразить ихъ души своимъ духовнымъ льдомъ. Къ созданной ими школѣ больше всего подходитъ названіе сатанинской, потому что хотя ихъ произведенія дышатъ демонскимъ духомъ въ своихъ соблазнительныхъ частяхъ и духомъ Молоха въ возмутительныхъ изображеніяхъ жестокостей и ужасовъ, которые они рисуютъ намъ съ такою радостью, они больше всего отличаются сатанинскимъ духомъ высокомерія и дерзкаго безбожія, сквозь который тѣмъ не менѣе пробивается горькое чувство безнадежности“...

Мы привели этотъ длинный образчикъ библейскаго краснорѣчія, потому что онъ прекрасно характеризуетъ писателей этого рода. Кромѣ того, всякое рѣзкое выраженіе партійнаго духа представляетъ культурно-историческое значеніе. Развѣ не рука Немезиды тяготѣла надъ Соути, когда одинъ книгопродавецъ въ 1821 г., въ самый годъ напечатанія этой страстной филиппики, придумалъ издать втайнѣ, наживы ради, мятежное произведеніе юности Соути *Wat-Tyler*, такъ что поэтъ долженъ былъ обратиться къ суду, чтобы конфисковать изданіе и наказать издателя,—и развѣ не та-же рука Немезиды съ двойною силою ударила по немъ, когда лордъ Эльтонъ отвергъ его прошеніе, считая несправедливымъ поддерживать автора въ его правѣ на такое зловерное и безнравственное произведеніе! Въ тотъ-же годъ Соути написалъ гекзаметрами въ честь стараго сумасшедшаго короля Георга III свое длинное стихотвореніе *The vision of judgment* (Видѣніе суда), стихотвореніе, которое, не только благодаря однородности темы, но также въ силу сходства въ манерѣ пользоваться сверхъестественнымъ элементомъ, интересно сравнить съ такимъ-же вѣроподобническимъ стихотвореніемъ Виктора Гюго *Видѣніемъ суда*. Знаменательно то обстоятельство, что Соути восхваляетъ бѣднаго стараго Георга III за единственныя добродѣтели, которыя Соути умѣлъ цѣнить по достоинству, и за единственныя также, которыми обладалъ король, за домашнія семейныя добродѣтели: за то, что онъ былъ вѣренъ женѣ, добръ къ своимъ дѣтямъ, и т. д.,—качества, которыя создаютъ такъ-же мало хорошихъ королей, какъ и хорошихъ поэтовъ. Это переполнило чашу терпѣнія Байрона. Обиженный Аполлонъ возсталъ въ своемъ гнѣвѣ, съ невыразимымъ юморомъ схватилъ бѣднаго Марсіа за уши и содралъ съ него живьемъ кожу въ своемъ Видѣніи суда.

X.

Теперь отъ Соути обратимся къ человѣку, гораздо лучшему, чѣмъ онъ,—къ поэту, создавшему чисто британскій романтизмъ на основѣ исторіи народа и его характера. Ему не было надобности, подобно дѣятелямъ озерной школы, дѣлаться ренегатомъ, чтобы пристать къ консервативному направленію въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ, но онъ былъ консерваторомъ безъ ненависти или раздраженія противъ дѣятелей противоположнаго направленія онъ былъ чистъ и спокоенъ

отъ природы, съ благороднымъ и твердымъ характеромъ, съ такимъ богатымъ, бьющимъ ключемъ, поэтическимъ талантомъ, что онъ въ теченіе болѣе, чѣмъ двадцати лѣтъ снабжалъ всѣ европейскія страны полезнымъ и занимательнымъ чтеніемъ, и настолько глубоко оригинальнымъ въ своемъ воззрѣніи на человѣческій родъ и міровую исторію, что его вліяніе на способъ изложенія исторіи Европы оказалось столь же сильнымъ, какъ и его вліяніе на романтическую поэзію во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

Вальтеръ Скоттъ родился въ Эдинбургѣ 15 августа 1771 г. девятымъ сыномъ въ старинной дворянской семьѣ. Отецъ его былъ юристомъ и по своей любви къ строгому порядку представлялъ, повидимому, нѣкоторое сходство съ отцемъ Гете. Говорятъ, что сынъ описалъ его въ образѣ престарѣлаго купца въ Робъ-Роѣ. Вѣрноподданническія чувства существовали издревле въ семьѣ и передавались изъ рода въ родъ—въ видѣ преданности сначала къ Стюартамъ, затѣмъ къ Ганноверскому дому,—равно какъ и строгое подчиненіе церкви. Маленькій Вальтеръ-Скоттъ росъ сильнымъ и здоровымъ ребенкомъ, но на второмъ году внезапно охромѣлъ на правую ногу. Спокойное душевное равновѣсіе, съ какимъ онъ всю свою жизнь выносилъ этотъ тѣлесный недостатокъ, представляетъ рѣзкую противоположность съ тою страстностью, съ какою его великій англійскій соперникъ относился къ такому же физическому несчастью. Онъ выросъ въ самыхъ нѣжныхъ чувствахъ къ изгнанной королевской семьѣ, увлекаясь въ то же время народными пѣснями, прославляющими старыхъ борцовъ горъ и Шотландіи. Уже въ самомъ юномъ возрастѣ онъ зналъ наизусть балладу о Гардикнутѣ, которою вызвалъ слезы на глаза у Байрона въ 1815 г. Все, что носило анекдотическій характеръ, въ особенности если оно облекалось въ форму рифмъ или балладъ, заучивалось имъ легко; напротивъ того, хронологія и общіе принципы плохо укладывались въ его памяти, что уже указывало на характеръ его будущихъ работъ. Маленькій хромоу мальчикъ, постоянно развѣзжавшій верхомъ на своемъ пони, величиною не больше обыкновенной собаки, былъ знаткомъ сборника старинныхъ шотландскихъ пѣсенъ и разсказовъ Перси; что было замѣчательнѣе всего,—онъ собиралъ старинныя стихотворенія подобно тому, какъ другія дѣти собираютъ монеты или печати, и къ десяти годамъ обладалъ уже нѣсколькими томами ихъ. Всю свою жизнь онъ также со страстью собиралъ баллады. Его умъ также рано сдѣлался чуткимъ и къ красотамъ природы, а не только къ поэзіи. Онъ останавливался возлѣ каждой развалины, каждаго памятника, каждаго стараго камня, съ интересомъ разсматривая ихъ; но онъ не глядѣлъ на природу съ тою особенною задумчивостію, съ какою Вордсвортъ относился къ ней, любясь только природою; она представляла въ его глазахъ интересъ главнымъ образомъ съ исторической и поэтической точки зрѣнія. Группа старыхъ сросшихся деревьевъ поэтому не могла возбуждать въ немъ такого чувства благоговѣнія, какъ у Вордсворта; но если ему говорили: подъ этимъ деревомъ отдыхалъ Карлъ II, или: съ этимъ деревомъ связано воспоми-

наніе о Маріи Стюартъ,—тогда онъ отрѣзывалъ вѣтку отъ дерева на память о посѣщеніи имъ этого мѣста и никогда не забывалъ его.

Пятнадцати лѣтъ отъ роду онъ познакомился съ живописными шотландскими горами, которыя должны были получить такое большое значеніе для его поэзіи, снабдить его поэтическія повѣствованія новою, еще незнакомою Европѣ сценическою обстановкою. Съ той минуты, какъ Скоттъ созналъ въ себѣ поэтическія способности, онъ сталъ изучать природу такъ, какъ живописецъ дѣлаетъ этюды. Желая описать какую нибудь мѣстность, онъ отправлялся туда специально съ этою цѣлью, намѣчалъ самымъ точнымъ образомъ внѣшность горъ, расположеніе и форму лѣсовъ, характеръ и контуры облаковъ въ то время, даже отдѣльные цвѣты и кустарники, растущіе по дорогѣ или у входа въ пещеру. Поэтический взглядъ на природу, общій у него съ романтиками Германіи и Даніи, не исключалъ самой большой точности и вѣрности дѣйствительности въ описаніяхъ. Между тѣмъ какъ Эленшлегеръ долгое время удовлетворялся „незабудками“ и розами, Скоттъ зналъ каждую гору, каждую долину, каждый ручей, каждую скалу, каждую тропинку описываемой имъ Шотландіи и былъ знакомъ почти со всюю шотландскою флорою.¹⁾

Прежде чѣмъ Скоттъ умѣлъ уяснить себѣ свое поэтическое призваніе, онъ выработалъ изъ себя искуснаго и трудолюбиваго юриста, писавшаго свои акты съ юридическими прикрасами, искусною рукою, которая впоследствии воспроизвела на бумагѣ поэтическія порожденія его фантазіи. Не смотря на свой физическій недостатокъ, онъ обладалъ здоровымъ, гибкимъ и сильнымъ тѣломъ и отличался такою ловкостью въ физическихъ упражненіяхъ, что однажды цѣлый часъ при помощи одной только палки защищался отъ нападеній трехъ мошенниковъ на уединенной тропинкѣ. Но что въ высшей степени знаменательно для характеристики его склада ума,—это здоровье не соединялось у него съ соответствующею тонкостью чувственныхъ органовъ. Онъ былъ почти совсѣмъ лишенъ обонянія, а его гомерическій аппетитъ не имѣлъ ничего общаго съ гастрономическимъ чутьемъ; онъ всю свою жизнь не могъ отличать хорошаго вина отъ дурного и не понималъ различія между хорошо и дурно приготовленнымъ обѣдомъ,—чѣмъ онъ обнаруживаетъ полную противоположность со своимъ младшимъ современникомъ Китсомъ. Въ отношеніи къ прекрасному полу, онъ обнаруживалъ также всегда большую холодность, вслѣдствіе чего навлекалъ на себя постоянно насмѣшки со стороны товарищей. Тѣмъ не менѣе онъ однажды въ молодые годы питалъ романтическую страсть къ одной молодой дѣвушкѣ, вышедшей замужъ за другого. Но онъ такъ хорошо владѣлъ собою, что никто и не подозрѣвалъ этого. Быстро справившись съ этимъ горемъ, онъ послѣ скромно и спокойно проведенной юности женился въ 26 лѣтъ на французской протестантской дѣвушкѣ (Карпентеръ), отецъ которой умеръ во время революціи. Зимѣ 1796—1797 г.

¹⁾ См. *Marmion Canto*, IV, стр. XXIII, гдѣ онъ самъ употребляетъ эти выраженія.

онъ провелъ, какъ и всѣ англичане, въ страхѣ передъ наступленіемъ французъ и занимался организаціею полковъ добровольцевъ, и такъ какъ душою и тѣломъ былъ преданъ этому дѣлу, то его назначили квартирмейстеромъ и секретаремъ одного изъ этихъ полковъ. Мы уже говорили о первомъ его переводѣ съ нѣмецкаго. Скоттъ, который столько лѣтъ являлся живымъ складочнымъ магазиномъ пѣсень, балладъ и разсказовъ, издалъ въ 1803 г. сборникъ шотландскихъ народныхъ пѣсень (*Minstrelsy of the Scottish Border*), посвященный имъ своей родинѣ, лучшей части Альбіона; третья часть Новѣйшихъ подражаній заключаетъ въ себѣ стихи самого издателя. ¹⁾ Одинъ изъ критиковъ этой книги сдѣлалъ пророческое замѣчаніе, что она заключаетъ въ себѣ матеріалъ для сотни романовъ.

Не смотря на всю свою преданность королевскому дому, Скоттъ чувствовалъ себя постоянно шотландцемъ, и нельзя сомнѣваться, что отпечатокъ шотландской расы составляетъ основу его оригинальности. Уже тотъ поэтически-историческій интересъ, который обнаруживается въ его произведеніяхъ,—чисто шотландскій. Ни одна черта не проявляется у шотландцевъ во всѣ времена съ такою замѣчательною силою, какъ страстное національное чувство. Слова *perfervidum ingenium Scotorum*, которыя со времени среднихъ вѣковъ нѣсколько столѣтій сряду были постоянно въ употребленіи у обывателей Шотландіи, не имѣли и первоначально другого значенія. Если мы на время отвлечемъ свои взоры отъ внутреннихъ дѣленій на партіи въ странѣ, не нарушающихъ, впрочемъ, чувства солидарности, господствующаго въ Шотландіи, то мы увидимъ, что ни въ какой другой странѣ нельзя найти такого сознанія сплоченности, какъ у этого маленькаго народа, государство котораго слито съ другимъ, значительно болѣе широкимъ, говорящимъ на одномъ съ нимъ языкѣ и господствующимъ надъ нимъ. И у англичанъ также замѣчается очень живое національное чувство, но оно выступаетъ у нихъ далеко не съ такою силою и рѣзкостью: оно у нихъ чисто положительнаго характера и заключаетъ въ себѣ какъ бы провозглашеніе всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя, по мнѣнію англичанъ, отличаютъ ихъ отъ другихъ народовъ. Национальное чувство шотландцевъ, напротивъ того, непрерывно-бдительно, постоянно на своемъ посту, потому что, въ сущности, оно отрицательнаго свойства. Когда англичанинъ говоритъ: я англичанинъ,—онъ думаетъ именно то, что говорить, но когда шотландецъ говоритъ или думаетъ: я шотландецъ,—то эти слова означаютъ въ его устахъ: я не англичанинъ. ²⁾

Чтобы хорошенько понять это чувство, надо вспомнить малочисленность шотландцевъ сравнительно съ численностью ихъ могущественнаго сосѣда. Узнавъ, что еще въ 1707 г. все населеніе Шотландіи едва превышало одинъ миллионъ

¹⁾ Именно въ томъ же году Эленшлегеръ издалъ впервые сборникъ подобныхъ же передѣлокъ изъ старинныхъ народныхъ пѣсень (*Digte*, 1803).

²⁾ Masson, *Scottish Influence in British Literature*.

людей, мы поймемъ, какъ необходима была сильная сплоченность, глубокое упорство и воинственность, всегда готовая выступить для защиты родного края, чтобы эта менѣе численная раса не утратила своей оригинальности или не была вытѣснена пришельцами съ юга. Такимъ образомъ обыватели дошли до того, что стали особеннымъ пылкимъ образомъ любить суровую и мрачную Шотландію и восхищаться ею въ противоположность съ зеленою и плодоносною Англіею, и начали относиться съ почти воинственною патріотическою любовью къ ея горамъ, лугамъ, болотамъ и туманамъ. Поэтому не удивительно, что въ этой именно странѣ родился поэтъ съ великимъ повѣствовательнымъ талантомъ и что именно въ такое время, когда во всей Европѣ національное чувство стало проникать собою поэзію, Шотландія дала первыя и наиболѣе мощныя произведенія историческаго романтизма, посвященнаго изученію народной души. Что могло быть ближе сердцу поэта этой страны, чѣмъ изслѣдованіе оригинальныхъ нравовъ горныхъ мѣстностей и описанія ея наиболѣе эффектныхъ костюмовъ! Что могло быть естественнѣе для человѣка, самая фамилія котораго была какъ бы воплощеніемъ его родины, чѣмъ обращеніе къ прошлому страны, къ ея преданіямъ и памятникамъ, чтобы какъ бы искупить ничтожное число ея обывателей и ихъ незначительность вѣрнымъ описаніемъ ихъ славной жизни въ прошломъ и ихъ историческихъ подвиговъ!

Что составляло отличительную черту шотландскаго національнаго чувства, это прежде всего чувство общности, солидарности: провинціальная нація больше слилась во едино, не представляла такихъ рѣзкихъ индивидуальныхъ противоположностей, какъ господствующая. Скоттъ во многихъ мѣстахъ описалъ это сильно проявляющееся чувство родственной связи у его соотечественниковъ, но выйдѣ такъ хорошо, какъ въ третьей части Единбургской тюрьмы, когда это чувство, здоровое и прекрасное, даетъ бѣдной крестьянской дѣвушкѣ смѣлость обратиться за помощью къ герцогу Арджилю, точно близкому ей человѣку. Но шотландское національное чувство заключаетъ въ себѣ еще одну основную черту, именно, оно проникнуто партикуляризмомъ отдѣльнаго государства, и, какъ таковое, является наслѣдственнымъ, и находится въ родственной связи со всѣми старыми традиціями. Отсюда происходитъ у Скотта преувеличенное благоговѣніе передъ королевскою властью, передъ ея символами и атрибутами. Когда онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи для изслѣдованія старыхъ шотландскихъ королевскихъ регалій, находка ихъ произвела на него такое сильное и благоговѣйное впечатлѣніе, что когда одинъ изъ чиновниковъ пожелалъ для пробы надѣть діадему на голову одной молодой дамы, Скоттъ не могъ удержать восклицанія: „нѣтъ! ради Бога, нѣтъ!“

Сознаніе принадлежности отдѣльному государству, проникнутому духомъ партикуляризма, влечетъ за собою массу другихъ проявленій партикуляризма. Въ то самое время, какъ лишь немногіе народы обладаютъ сплоченностью шотландцевъ, немногіе обнаруживаютъ и такую раздробленность на партіи или лагеря. Созна-

ніе у отдѣльнаго индивидуума обязанности сливаться во-едино со своимъ народомъ зародилось не въ государствѣ, а въ племени, класѣ, даже семьѣ.

Поэтому мы находимъ у Скотта, какъ поэта балладъ, особое пристрастіе къ тѣмъ балладамъ, въ которыхъ повѣствуется о подвигахъ единоплеменниковъ поэта или его предковъ. И поэтому-то онъ, въ качествѣ шотландца, обнаруживаетъ самыя выдающіяся семейныя чувства. Онъ былъ примѣрнымъ сыномъ и супругомъ, онъ былъ, — какъ доказываютъ его письма къ старшему сыну, — самымъ любящимъ отцомъ; онъ былъ хорошимъ воспитателемъ своихъ дѣтей въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, предъявлявшимъ къ нимъ древне-персидское требованіе: хорошо ѣздить верхомъ и всегда говорить правду; но даже въ этихъ чувствахъ онъ не выказывалъ себя современнымъ человекомъ. Какъ въ частной жизни, такъ и въ поэзіи, родъ стоялъ у него всегда выше отдѣльнаго индивидуума. У него былъ братъ, Давидъ Скоттъ, который прокутился и, не сдѣлавъ собственно ничего безчестнаго, навлекъ все же позоръ на семью. Вальтеръ Скоттъ доставилъ этому неудачнику — брату путемъ переписки небольшую должность въ Вестъ-Индіи, но въ письмахъ къ его начальству называлъ его постоянно только своимъ „родственникомъ“, требовалъ и отъ него, чтобы онъ не выдавалъ никому близость этого родства, ни за что не соглашался повидаться съ нимъ, когда онъ вернулся въ Шотландію, не упоминалъ никогда его имени, не присутствовалъ на его похоронахъ, когда онъ скончался, и не носилъ по немъ траура. Это тѣ недостатки, которые являются послѣдствіями консервативныхъ добродѣтелей. Послѣ этого никто не удивится, что тотъ человекъ, который, будучи въ высшей степени добрымъ отъ природы, приносилъ такъ много жертвъ на алтарь рода, не могъ сдѣлаться поэтомъ индивидуальности, и сразу былъ отброшенъ въ область прошлаго, какъ только на сцену появился Байронъ.

Въ 1802 г. основано было Единбургское Обзорѣніе (Edinburgh Review), и Скоттъ сталъ съ самаго начала доставлять статьи въ этотъ органъ, редакторомъ котораго былъ его соотечественникъ Джеффри, занимавшій, какъ критикъ, весьма выдающееся мѣсто въ жизни поэтовъ того времени, хотя единственною его критическою способностью была смѣлость ума, лишенная гибкости и школы. Сотрудничество, впрочемъ, длилось только 7 лѣтъ, такъ какъ Скоттъ въ 1809 г., недовольный слишкомъ либеральнымъ направленіемъ Единбургскаго Обзорѣнія въ католическомъ вопросѣ и раздраженный враждебною ему критикою Джеффри на его *Marmion*, основалъ *Quarterly Review* (трехмѣсячное обзорѣніе).

Въ 1805 г. появилось въ свѣтъ первое эпическое произведеніе Скотта Пѣснь послѣдняго Минстреля (*Lay of the last minstrel*). Она имѣла необыкновенный успѣхъ; всѣ радовались этому возвращенію къ народной поэзіи и къ природѣ; особенно восхищались описаніями природы. Питтъ сказалъ по этому поводу, что Скоттъ, по его мнѣнію, во многихъ мѣстахъ достигъ эф-

фектовъ живописи, а его противникъ Фоксъ, въ видѣ исключенія, сошелся съ нимъ во взглядѣ на Скотта. Если послѣдній, въ качествѣ чиновника, благодаря своей любезности, пользовался такою популярностью, что, какъ говорилъ Вордсвортъ, одного его имени было достаточно, чтобы всѣ двери въ его участіи открывались, то теперь онъ сталъ пользоваться такою же популярностью въ качествѣ поэта. Въ короткое время распродано было 30,000 экземпляровъ его сочиненія. Въ немъ изображалось съ поразительною историческою точностью положеніе страны въ XVI вѣкѣ. Описанія жизни героевъ читались съ живымъ интересомъ, и вызванное ими одобреніе навели Скотта на мысль попробовать написать что-нибудь подходящее прозою, — мысль, осуществленная имъ впоследствии въ *Ваверлѣй*. Интересъ публики къ среднимъ вѣкамъ, рыцарству, королевской власти, ленной вѣрности и шотландскимъ національнымъ особенностямъ пробудился. Путешествующіе пѣшкомъ англичане стали совершать романтическія пилигримства къ развалинамъ старыхъ замковъ и къ полю сраженія Киллиокрани, на которомъ ихъ соотечественники въ XVII в. потерпѣли пораженіе отъ чудовищъ съ голыми икрами.

До сихъ поръ Скоттъ писалъ по вечерамъ, до глубокой ночи; но теперь, когда началась для него настоящая дѣятельность, онъ перенесъ свое время работы на раннее утро. Онъ вставалъ раньше пяти, спускался сначала въ конюшню, здоровался со своими лошадьми и любимыми собаками, а затѣмъ съ остальными домашними животными; затѣмъ садился писать, и работалъ такъ быстро и легко, что когда онъ сходилъ завтракать въ 9—10 часовъ, „гвоздь работы“ былъ уже сдѣланъ. Въ 12 часовъ онъ выходилъ изъ кабинета и проводилъ остальную часть дня со своею семьей и своими гостями. Въ свѣжіе утренніе часы сочинялъ онъ всѣ послѣдовавшія затѣмъ произведенія, между тѣмъ какъ Байронъ писалъ свои стихотворенія обыкновенно ночью. Даже тогда, когда оба поэта ближе всего сходятся, кажется, какъ будто чувствуешь различное настроеніе ночного или дневного времени зарожденія мысли, которымъ проникнуты ихъ произведенія.

Ближе всего подходитъ Скоттъ къ Байрону въ стихотвореніи, начатомъ въ ноябрѣ 1806 г: *Марміонъ* или битва на Флодденскомъ полѣ. По отношенію къ фабулѣ, это сочиненіе обнаруживаетъ близкое сродство съ остальными произведеніями Скотта: онъ описываетъ XVI вѣкъ, Шотландію, горную жизнь и придворную. Но герой стихотворенія такого рода, что образуетъ непосредственный переходъ къ байроновскимъ героямъ, а все сочиненіе написано тѣми легкими, плавными, но нѣсколько монотонными четырехстопными ямбами, которыми чаще всего пользовался Байронъ въ своихъ поэтическихъ повѣствованіяхъ. *Марміонъ* — гордый и безстрашный рыцарь, но преступникъ по природѣ. Онъ увлекъ молодую восхитительную монахиню, Констанцію Боверлей, которая слѣдуетъ за нимъ всюду, переодѣтая пажемъ; но вскорѣ она надобѣдаетъ ему и онъ хочетъ силою принудить одну молодую дворянку выйти за него замужъ,

зная, что она любитъ другого. Возбуждаемая отчаяніемъ ревности, Констанція дѣлаетъ покушеніе на жизнь Марміона; тогда онъ съ холодною жестокостью выдаетъ ее, бѣглую монахиню, монастырю для наказанія. Игуменья присуждаетъ ее къ смерти, и въ романтической ужасной сценѣ такого рода, какіе рисуетъ часто Байронъ, безпощадно терзая нервы своихъ читателей, она живая замуровывается въ сводчатомъ подземельи. Здѣсь у Скотта не замѣчается никакой попытки выяснитъ душевное состояніе своихъ героев; роскошь вооруженія, мракъ монастыря и точно описанная архитектура стараго замка важнѣе для него различныхъ утонченныхъ движеній души; но все же онъ въ Марміонѣ далъ нѣчто, что до сихъ представляется намъ прототипомъ Гяура и въ особенности Лары. И любовница Гяура умираетъ страшною смертью, и Лару сопровождаетъ повсюду преданная женщина въ пажескомъ костюмѣ, и въ Марміонѣ есть сцена, въ которой герой поэмы публично подвергается посрамленію; она представляетъ нѣкоторое сходство съ тою сценою, въ которой прошлое Лары внезапно напоминаетъ ему съ презрѣніемъ. Развѣ не байроновская лира звучитъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Марміонъ, сердце и взоръ котораго оставались несокрушимыми въ минуту величайшей опасности, который не выносилъ даже отъ короля высокомернаго взгляда, голосъ котораго громко раздавался въ лагерь, повелѣвая надъ самыми мужественными, утратилъ внезапно способность мыслить и говорить. Смущенно потупилъ онъ глаза; краска вспыхнула на его лбу, открывъ страданія челоуѣка, который стоялъ, пораженный въ самое сердце, безмолвный, лишившись присутствія духа подъ бременемъ стыда“.

Мученія его совѣсти изображены въ слѣдующихъ словахъ:

„Раскаяніе! ты глубоко проникаешь въ тайники нашего мужества, въ гордый нашъ умъ. Бичъ и ужасъ негодяя, ты въ то-же время и палачъ храбреца!“

Эти слова являются какъ будто предвѣстниками знаменитаго мѣста въ Гяурѣ, когда духъ, мучимый горемъ и сознаніемъ вины, сравнивается съ окруженнымъ пламенемъ скорпіономъ, который въ отчаяніи направляетъ свое ядовитое жало на собственное сердце.

Подобно тому, какъ существуетъ нѣкоторое сходство между положеніемъ и характеристическими особенностями Марміона и Лары, они умираютъ однимъ и тѣмъ же образомъ, непреклонные и въ смерти, невѣрующіе въ Бога и въ послѣднюю минуту жизни.

Но на этомъ оканчивается сходство; оно все же достаточно велико, чтобы выяснитъ вполне оригинальность Байрона. Для Скотта личность Марміона—не главное дѣло; онъ пользуется ею только для того, чтобы группировать вокругъ нея дѣйствующія лица и положенія изъ прошлаго его родины; пороки героя ему нужны только для того, что пустить въ ходъ дѣйствіе; но они не занимаютъ его сами по себѣ и онъ изображаетъ ихъ совершенно безлично. На-

противъ того, когда Байронъ изображаетъ своихъ преступныхъ героевъ, онъ прежде всего желаетъ возбудить интересъ къ нимъ. Уже одна ихъ вѣѣшность возбуждаетъ вниманіе и участіе у всякаго, встрѣчающаго ихъ, и вызываетъ представленіе о гордости, винѣ, ненависти и упорствѣ; они никогда не опускаютъ глазъ передъ обвинителями, какъ это дѣлаетъ Марміонъ; они живутъ, какъ скорпіоны легенды: окруженные пламенемъ съ сознаніемъ смерти въ душѣ. Не находя утѣшенія ни на небѣ, ни на землѣ, сердца ихъ сжимаются въ гордости и мученіи, пока, наконецъ, не перестаютъ биться. Хотя Марміонъ былъ жестокимъ, эгоистичнымъ рыцаремъ, но все же послѣднею его мыслью и послѣднимъ словомъ была „Англія“; онъ связанъ съ болѣе великимъ дѣломъ, чѣмъ его личная жизнь. Совершенно иное представляютъ первые герои Байрона: они живутъ всецѣло въ своемъ внутреннемъ „я“, образуя цѣлый замкнутый міръ, и поэтъ позаботился о томъ, чтобы мимоходомъ заставить читателей заподозрить и въ собственной душѣ автора подобный же мрачный, замкнутый міръ. Его „я“ проглядываетъ наружу изъ за сочиненнаго „я“; чувствуешь позади произведенія сердце, которое страдаетъ и ищетъ смягченія своего страданія въ полу-признаніяхъ и въ смутныхъ вспыхахъ: представленіе является, однимъ словомъ, въ полномъ смыслѣ слова личнымъ, и этимъ начинается цѣлый переворотъ въ англійской поэзіи.

Въ чисто эпическомъ стихотвореніи Скотта интересъ возбуждали не главное дѣйствующее лицо, а изображаемая имъ событія, въ особенности описаніе сраженій въ послѣдней войнѣ, которая восторженная критика объявила наилучшими со времени Гомера. И если стихотвореніе было написано такъ, что могло возбудить восхищеніе у уравновѣшенныхъ соотечественниковъ Скотта, то оно возбуждало не меньшее восхищеніе и при дворѣ. Байронъ былъ правъ, говоря принцу и регенту, что Скоттъ кажется ему какъ бы созданнымъ для того, чтобы быть поэтомъ королей; ихъ никогда не изображали болѣе блестящими красками, чѣмъ въ Марміонѣ или въ Дѣвѣ озера. И въ самомъ дѣлѣ, въ Марміонѣ находятся даже прямые указанія на принца-регента и его жену. Первый врядъ ли могъ безъ душевнаго волненія читать описаніе выхода короля Джена въ великолѣпной парадной одеждѣ.

„Онъ, великій государь, выступалъ впередъ въ королевскомъ нарядѣ. Его бархатная одежда, красная, великолѣпная, была окаймлена богато горностаемъ. Его атласный кафтанъ, отливаясь разными оттѣнками красокъ, очаровывалъ, ослѣплялъ взоры. (Марміонъ, V, 8)“.

А изгнанная изъ двора принцесса Уэльская, съ которою Скоттъ познакомился лично, когда, прибывъ въ 1806 г. въ Лондонъ, игралъ въ лондонскомъ обществѣ роль льва, и къ партіи которой онъ, какъ тори, примкнулъ, могла примѣнить къ себѣ описаніе уединенной жизни, которую вела покинутая королева Маргарита, между тѣмъ какъ рыцарскій и легкомысленный монархъ проводилъ время со своими любовницами.

Начатый въ 1806 г., Марміонъ вышелъ въ 1808 г., и когда Скоттъ черезъ годъ послѣ этого пріѣхалъ въ другой разъ въ Лондонъ, онъ получилъ такой пріемъ, который вскружилъ бы голову всякому другому. Но онъ игралъ свою роль льва съ добродушіемъ и юморомъ, рѣдко встрѣчающимися у людей, которыхъ принимаютъ какъ героевъ въ міровой столицѣ. Говорятъ, что однажды, послѣ того какъ Скоттъ цѣлый вечеръ занималъ все общество своими разсказами и остроумными выходками, и поздно ночью послѣ ухода гостей остался одинъ съ нѣсколькими задушевными друзьями, онъ со смѣхомъ продекламировалъ цитату изъ Шекспира: „Я знаю, что я только портной Шнугъ, а не дикій левъ“. Онъ вообще былъ такъ скромнъ, что когда разъ сопоставили съ нимъ поэта Бернса, онъ съ негодованіемъ воскликнулъ, что не заслуживаетъ, чтобы о немъ упоминали рядомъ съ Бернсомъ.

Но если Скоттъ былъ ручнымъ и кроткимъ въ качествѣ льва, онъ былъ тѣмъ болѣе жестокимъ въ качествѣ тори. Свое путешествіе въ Лондонъ онъ совершалъ главнымъ образомъ съ цѣлью добыть сотрудниковъ для *Quarterly Review*; онъ хотѣлъ вести ее въ строго консервативномъ духѣ, и больше всего волновался по вопросу объ эмансипаціи католиковъ. Онъ рассуждалъ слѣдующимъ образомъ: если религіозная секта по самому существу своему тѣсно связана съ политическими стремленіями иностранной державы и подчинена духовному вліянію духовенства, не имѣющаго равнаго себѣ по уму и энергіи, то нельзя обвинять государство, если оно не желаетъ поручить государственныхъ должностей приверженцамъ этой секты: „Если кто хочетъ расхаживать съ 2 фунтами пороха въ карманѣ“, говорилъ Скоттъ, „а я слишкомъ добродушенъ, чтобы изгнать его изъ своего дома, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что я долженъ очистить ему мѣсто у своего огня“. Онъ всю свою жизнь держался этихъ воззрѣній, потому что еще за нѣсколько дней до смерти сказалъ своему зятю: „я считаю папизмъ такимъ низменнымъ и опаснымъ предразсудкомъ, что врядъ ли далъ бы согласіе на отмѣну мучительныхъ наказаній, употреблявшихся до 1780 г. Но теперь, когда у вавилонской блудницы сняли со рта псвязку, я не знаю, почему такъ церемонятся съ вопросомъ о допущеніи ея въ парламентъ!“ Понятно, что англійское общество нуждалось въ такихъ поэтахъ, какъ Муръ, какъ Байронъ и Шелли, когда человѣкъ съ благородствомъ ума и образованіемъ Скотта выражается съ такою постыдною и жестокою ограниченностью.

Въ 1810 г. издана была *Дѣва озера* (*The Lady of the lake*). Стихотвореніе это имѣло такой блестящій успѣхъ, какъ еще ни одно изъ произведеній Скотта. Чудная лѣсная и горная свѣжесть, проникавшая это прекрасное сочиненіе, мягкая теплота, разлитая въ немъ, искренность чувствъ, доходившихъ иногда до бурной страстности, вся картина природы, никогда не затемнявшаяся, какъ у Вордсворта, выраженіями симпатій къ домамъ призрѣнія бѣдныхъ и проповѣдничествомъ, дѣйствовали чарующимъ образомъ на міръ читателей. Популярность, которою пользовался поэтъ, такъ широко распространилась, что почти

товые доходы станцій, расположенныхъ по сосѣдству съ смѣтностью, въ которой происходитъ дѣйствіе, удвоились. Чтобы доставить *pendant* къ подобному факту, надо обратиться къ событіямъ изъ собственной жизни Скотта. Когда вышелъ его романъ *Антикварій*, 6000 экземпляровъ котораго разошлись въ два дня, распространился слухъ, что Скоттъ назвалъ двухъ собакъ Дэнди Динмонта „Перецъ“ и „Горчица“ по имени собакъ одного арендатора въ Лидльсдиль, давшего своимъ собакамъ эти странные имена. Этотъ человѣкъ, называвшійся Дэвидсонъ и вообще совсѣмъ не изображенный въ романѣ, получилъ, благодаря этому, такую извѣстность, что многіе отправились къ нему специально за тѣмъ, чтобы увидѣть его, а одна знатная дама, желавшая получить пару щенковъ отъ его знаменитыхъ собакъ и не зная его фамиліи, адресовала свое письмо Дэнди Динмону,—и письмо дошло.

Дѣва озера врядъ-ли встрѣтила менѣе горячій пріемъ. Письмо шотландскаго капитана, Адама Фергюссона, сообщаетъ, напр., что капитанъ въ Португаліи на аванпостахъ читалъ вслухъ это стихотвореніе подъ непріятельскими пулями, на колѣняхъ, между тѣмъ какъ его отрядъ лежалъ плашмя на землѣ, и что когда онъ читалъ описаніе битвы въ седьмой пѣснѣ, среди его солдатъ царило безмолвное вниманіе, прерываемое только отъ времени до времени громкимъ ура, когда французскія пули падали въ землю по сосѣдству отъ нихъ.

Современный иностранный читатель найдетъ въ настоящее время въ этомъ стихотвореніи прежде всего въ ясныхъ, живыхъ пѣсняхъ національный отпечатокъ, прославленіе народныхъ памятниковъ и нравовъ феодальной эпохи, королевской власти и вѣрности плану, затѣмъ описанія природы, окропленныя свѣжею росой, какъ сказки Христіана Винтера, но безъ углубленія въ душевную жизнь изображаемыхъ лицъ. Тамъ есть старый бардъ по имени Алланъ, романтический старецъ, полу-друидъ, полу-пророкъ, по имени Бріандъ, романтическіе сны, которые приводятся въ исполненіе, предсказанія, которыя осуществляются. Но все это описывается какъ дорогія сердцу поэта, національныя явленія, а не какъ нѣчто таинственное. Въ романахъ Скотта нѣтъ и слѣда романтики ужасовъ, въ которую Скоттъ самъ совершенно не вѣрилъ. Какое большое удовольствіе ни находилъ онъ имъ самъ въ своихъ разсказахъ о духахъ и привидѣніяхъ, но, въ противоположность нѣмецкимъ романтикамъ, онъ далекъ былъ отъ того, чтобы поддаваться впечатлѣніямъ ужаса и необъяснимаго. Онъ разсказываетъ въ одномъ мѣстѣ, что ему пришлось однажды вечеромъ, придя въ сельскую гостиницу, получить отвѣтъ, что въ ней нѣтъ ни одной незанятой кровати.—Неужели у васъ нѣтъ и мѣстечка, гдѣ я могъ-бы переночевать?—Нѣтъ, есть одна единственная свободная кровать, но она стоитъ въ комнатѣ, гдѣ лежитъ трупъ.—Этотъ господинъ умеръ отъ заразной болѣзни?—Нѣтъ.—Хорошо, такъ дайте мнѣ свободную кровать въ его комнатѣ.—Я легъ, разсказываетъ Скоттъ, и никогда не проводилъ болѣе спокойной ночи.—Представимъ себѣ Новалиса или Гофмана въ подобномъ положеніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ духъ романтизма въ „Дѣвѣ озеръ“ далекъ отъ того, чтобы отзываться затхлостью. Но это дѣлаетъ стихотвореніе мало привлекательнымъ для насъ теперь, а театральнымъ—аффектацію въ описаніяхъ нравовъ и обычаевъ. Въ то же время Скоттъ также не сумѣлъ совсѣмъ обойтись безъ главнаго подводнаго камня романтической эпопеи, балета, о который споткнулся Соути. Такъ наприимѣръ, балетъ появляется на сцену въ воззваніи къ войнѣ; послѣ подробнаго описанія воззванія изображается юноша, который съ горящимъ факеломъ оббѣгаетъ страну. Здѣсь ради театральнаго эффекта все доводится до крайности: молодой человѣкъ встрѣчаетъ сначала похоронную процессію и уговариваетъ способнаго носить сына покинуть трупъ отца, затѣмъ встрѣчаетъ свадебную процессію и отымаешь у невѣсты жениха. Намъ кажется, что мы видимъ передъ собою на сценѣ процессію и наблюдаемъ впечатлѣніе, производимое на толпу, когда посольство поспѣшно выбѣгаетъ изъ за кулисъ. Все происходитъ точно на сценѣ: свистокъ—и пустыя долины и горы наполняются сотнями вооруженныхъ людей; взмахъ руки—и они опять исчезаютъ; это все массовыя воздѣйствія и мы чувствуемъ, что для поэта главная суть заключается именно въ этихъ массахъ, а не въ отдѣльныхъ лицахъ. Онъ хочетъ прежде всего и главнымъ образомъ изобразить возможно болѣе яснымъ образомъ прекрасныя нравы своей страны: иностранца принимаютъ въ хижину, не задавая ему никакихъ разспросовъ; одинъ изъ враговъ, побуждаемый чувствомъ рыцарской вѣжливости, дѣлится своимъ плащомъ съ другимъ, когда послѣдній изнемогаетъ отъ усталости,—затѣмъ поэтъ желаетъ поразить читателя невинными эффектами, сценою превращенія и т. п.; горный проводникъ, провожающій Фицъ-Джемса, оказывается внезапно внушающимъ страхъ начальникомъ клана Родрикомъ Ду, а Фицъ-Джемсъ оказывается, въ концѣ концовъ не кѣмъ инымъ, какъ королемъ. Но какимъ здоровымъ, мягкимъ, радостнымъ и широкимъ потокомъ течетъ эта хвалебная пѣснь въ честь Шотландіи и шотландцевъ! Король, честолюбивый, какъ любой король у Кальдерона, одерживаетъ верхъ надъ своею собственною страстью, а жители горъ и долинъ, мужчины и женщины, имѣютъ всѣ сердца на настоящемъ мѣстѣ. Наслаждаешься зрѣлищемъ этого міра гармоніи и не чувствуешь недостатка въ карающей и увѣщательной психологіи Вордсворта.

Кто желаетъ познакомиться съ поучительнымъ pendant къ Дѣвѣ озеръ, тотъ пусть прочтетъ эпопею Вордсворта, основанную на одной балладѣ въ сборникѣ Перси: Бѣлый голубъ изъ Рильстона. Она также начата была въ 1809 г. Въ этомъ стихотвореніи поэтъ изъ Ридаль-Моунта, побуждаемый духомъ соперничества, вторгается въ область Вальтера Скотта. Врядъ ли кто будетъ отрицать, что чувство гораздо глубже у Вордсворта. При своей ненависти ко всѣмъ блестящимъ добродѣтелямъ и поражающимъ порокамъ онъ избралъ себѣ героя, который, будучи покорнымъ сыномъ и мужественнымъ рыцаремъ, изъ чувства долга отказывается слѣдовать за своимъ отцомъ и братьями, когда они

поднимаютъ знамя возстанія противъ королевы Елисаветы англійской; непонятый и отвергнутый своими, лишенный возможности раздѣлить ихъ опасности, онъ долженъ пережить ихъ пораженіе и позорную казнь. Вордсвортъ снабдилъ своего героя самоотверженіемъ, твердостью, сердечною добротою и глубокою религіозностью, но въ стихотвореніи слишкомъ много фальшиваго глубокомыслія, аффектированной сверхъестественности, сентиментальности и благолѣпія. Скоттъ смотрѣлъ на природу и древніе нравы глазами охотника, а Вордсвортъ—глазами моралиста, Тяжело нагруженный фрагтовый корабль Вордсворта двигался медленно, останавливаясь и медля на пути; поэтическая же лодка Скотта плыла полнымъ ходомъ на легкихъ парусахъ, оставляя только въ фантазіи читателя легкіе пузырьки, и, какъ говорится о лодкѣ въ третьей пѣснѣ стихотворенія—она бѣжала быстро, и когда приблизилась къ противоположному берегу, „ни одинъ изъ пузырьковъ, образовавшихся на пути ея прохода, не успѣлъ еще лопнуть, и они еще колысались на поверхности волнъ“.

Не трудно понять, что поэтическія произведенія Скотта съ ихъ пристрастіемъ къ рыцарскимъ добродѣтелямъ, къ смѣлости и мужеству даже у мятежныхъ предводителей клановъ, морскихъ разбойниковъ и т. д.—однимъ словомъ, со всѣми симпатіями, образующими переходъ къ пристрастію Байрона къ смѣлому и необузданному, имѣли одну сторону, дѣлающую ихъ въ высшей степени непріятными для нравственныхъ и религіозныхъ поэтовъ озерной школы. Такъ, Кольриджъ весьма характеристично обвиняетъ Вальтера-Скотта въ томъ, что онъ „поощряетъ пагубную страсть къ возбудительнымъ средствамъ, изображая съ сочувствіемъ порочныхъ и дурныхъ людей, если только эти люди смѣлы“, и заканчиваетъ свою критику слѣдующими злостными словами: „И двадцати строчекъ Скотта не перейдетъ къ потомству: онѣ не находятся въ связи ни съ чѣмъ“¹⁾. Предсказаніе не исполнилось.

1812 г. принесъ съ собою двѣ первыя пѣсни Чайльдъ-Гарольда, а вскорѣ послѣ того душевное письмо къ Скотту отъ Байрона съ искренними извиненіями за безобразныя нападенія на него въ сатирѣ: „Англійскіе поэты и шотландскіе рецензенты“. Въ ней молодой пылкій поэтъ осыпалъ своего старшаго собрата насмѣшками не только за то, что его любимый герой представлялъ смѣсь „браковъ, разбойника и обыкновеннаго негодя“, но и за то, что Скоттъ принималъ гонораръ за свои произведенія, писалъ за деньги и „работалъ на своихъ хозяевъ“. Байронъ въ ранней юности изъ гордости отказывался принимать за свои труды деньги, какъ ни нуждался въ нихъ, пока, послѣ своего втораго отъѣзда изъ Англіи, не научился выручать значительный доходъ изъ продажи своихъ сочиненій. Но затѣмъ Байронъ такъ же горячо сожалѣлъ о своемъ необдуманномъ поступкѣ относительно Вальтера Скотта, какъ и о многихъ другихъ своихъ поступкахъ подобнаго же рода, и кратковременный разладъ между

¹⁾ Letters, conversations and recollections, I, 193.

обими великими людьми закончили самыми сердечными отношеніями между ними. Но на творческую дѣятельность Вальтера Скотта, Чайльдъ-Гарольдъ произвелъ сильное, глубоко захватывающее впечатлѣніе. Онъ ясно видѣлъ, что въ поэтическомъ разсказѣ ему невозможно соперничать съ Байрономъ, и поэтому рѣшилъ заняться другою формою искусства, въ которой онъ вскорѣ превзошелъ всѣхъ своихъ собратьевъ по перу въ Европѣ.

Его объясненія причинъ, побудившихъ его къ подобному образу дѣйствій, равно какъ замѣчанія его о Байронѣ, разсѣяны въ описаніи его жизни, свидѣтельствуя о благородной гуманности и привлекательной кротости его характера. Въ 1821 г. онъ говорилъ одному пріятелю: „Я давно уже отказался отъ писанія стиховъ. Я былъ побѣдителемъ въ этой области и не хотѣлъ дожидаться необходимости уступить дорогу другому. Благоразуміе указывало мнѣ, что я долженъ опустить паруса передъ болѣе могущественнымъ геніемъ Байрона. Если-бы я жаждалъ пріобрѣсти репутацію поэта или ревниво оберегалъ ее,—я, быть можетъ, съ тѣмъ же мужествомъ, какое выказалъ Байронъ при первомъ своемъ появленіи, бросился-бы въ единоборство, или же поразилъ-бы публику удивленіемъ и ужасомъ, исполнивъ самолично роль умирающаго борца; но я предпочитаю признаться съ тою откровенностью, которую вы въ теченіе 20 лѣтъ привыкли видѣть во мнѣ, что я не чувствую себя достаточно сильнымъ для этого“. И когда его за годъ до смерти спросили, почему онъ отказался писать стихи, онъ откровенно отвѣтилъ: „потому что Байронъ побѣдилъ меня“, а на возраженіе собесѣдника, что онъ знаетъ наизусть столько-же стиховъ изъ поэзіи Скотта, сколько и изъ поэзіи Байрона, онъ сказалъ: „очень можетъ быть; но онъ заставилъ меня удалиться съ арены своимъ описаніемъ страстныхъ чувствъ и своимъ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца“. Если это сознаніе въ первую минуту и могло вызвать горькое чувство въ душѣ Скотта, то онъ могъ вполне справедливо искать себѣ утѣшенія въ мысли, высказанной имъ при другомъ случаѣ: „если я и имѣлъ причины принимать близко къ сердцу то обстоятельство, что развитіе его генія заставило меня отступить на задній планъ, то я утѣшалъ себя всегда мыслью, что природа за то одарила меня гораздо большею способностью къ истинному счастью“.

Съ Ваверлея, вышедшаго безъ имени автора въ февралѣ 1814 г., начинается длинный рядъ анонимныхъ романовъ, прославившихъ Скотта и его отечество во всемъ образованномъ мірѣ. Ихъ появленіе совпадаетъ съ апогеемъ развитія національной гордости, благодаря заключенію мира съ Франціею и полнымъ надеждъ перспективамъ будущаго. Произведенія эти не были, подобно произведеніямъ болѣе великихъ поэтовъ, Гете и Шиллера, продуктами различныхъ ступеней развитія или различныхъ стадій образованія; они не были также и послѣдствіями глубоко захватывающихъ, лично пережитыхъ событій; это были вполне выношенные продукты неистощимаго повѣствовательнаго дара и необычайной способности къ характеристикамъ. Они указываютъ на необыкновенный прогрессъ въ

двухъ направленіяхъ: въ дѣлѣ восприниманія историческихъ явленій и въ дѣлѣ изображенія жизни средняго сословія.

Между тѣмъ какъ историки XVIII в., идеалъ которыхъ совпадалъ съ идеаломъ ихъ собственнаго времени, думали, что ихъ развитіе принадлежит скорѣе къ области ораторскаго искусства, чѣмъ къ области поэтическаго, и вполне разсудительно занимались описаніемъ положенія государства и просвѣщенія, не обращая вниманія на климатическія условія, на вліяніе географическихъ отношеній и на этнографическія причины, такъ какъ народъ, какъ племя, нисколько не интересовалъ ихъ,—Вальтеръ-Скоттъ, какъ историческій романистъ, стремился прежде всего дать яркое изображеніе опредѣленной эпохи и особенностей опредѣленной страны, и тѣмъ менѣе испытывалъ искушеніе наряжать своихъ героев въ современныя одежды, не смотря на то, что въ глубинѣ души предпочиталъ все гда пеструю жизнь прошлаго времени безцвѣтному характеру и гладкой разсудительности собственной эпохи.

Шатобрианъ за нѣсколько лѣтъ до того въ Мученикахъ сдѣлалъ первую попытку мѣрить каждую эпоху ея собственною мѣркою и описывать характеръ стараго времени въ яркихъ живыхъ образахъ. Но все же Вальтеръ-Скоттъ является первымъ изобрѣтателемъ и воспроизводителемъ тѣхъ мѣстныхъ красокъ въ поэзіи, которыя послужили основаніемъ всей романтической поэзіи во Франціи и съ перваго же знакомства произвелъ чарующее впечатлѣніе на Мериэ, Гюго и Гюлье. Онъ не только, благодаря своему пониманію исторіи, сдѣлался руководителемъ цѣлой поэтической школы, но своими безпритязательными романами оказалъ величайшее вліяніе на историографію XIX вѣка. Не слѣдуетъ забывать, что именно романъ Вальтера-Скотта Айвенго своимъ описаніемъ разлада между норманнами и саксами навелъ Огюстена Тьерри на мысль, что позади подвиговъ Хлодвигъ, Карла Великаго и Гуго Капета скрывается, какъ истинная причина всѣхъ этихъ событій, расовая борьба между галлами и франками. Этотъ поэтъ, взоръ котораго не проникалъ въ глубь отдѣльной современной человѣческой души и который въ эпоху освобожденія личности былъ во многихъ отношеніяхъ связанъ и стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ любовью къ родинѣ, преданностью королю и глубокою религіозностью, обладалъ, въ силу своего мощнаго натурализма, громадною наблюдательностью и умѣніемъ открывать основную причину жизненныхъ явленій, какъ только становился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, какъ къ клану, народу, племени или расѣ. Привыкшій постоянно размышлять о противоположностяхъ между шотландцами и англичанами, онъ опредѣлялъ легко, какъ-бы по наитію свыше, значеніе расовыхъ противоположностей между англо-саксами и норманнами, вслѣдствіе чего его описанія представляютъ такое же большое значеніе для знанія психологіи народа, какое описанія Байрона представляютъ для изслѣдователя психологіи индивидуума.

Къ этому присоединяется еще важное значеніе этихъ книгъ, какъ описаній всѣхъ различныхъ слоевъ гражданскаго общества въ лицѣ выдающихся и

типическихъ представителей ихъ. Между тѣмъ какъ въ романахъ предыдущаго столѣтія одна трагичная сцена смѣняетъ другую, частная жизнь гражданъ у Скотта изображается во всей своей простодушной широтѣ. А значеніе его произведенія еще увеличивается, благодаря необыкновенной силѣ реализма, съ какою изображено каждое лицо. Англичане всегда придавали особенное значеніе способности поэта описывать при помощи яркихъ мелочныхъ подробностей, такъ, чтобы образъ явственно выступалъ передъ глазами читателя. Ихъ здравому разсудку нравятся рѣзкія, наглядныя выраженія. Они любятъ, чтобы поэтическіе образы были нарисованы яркими красками и бросались въ глаза, точно гербы, нарисованные на щитахъ. Этому пристрастію ихъ удовлетворялъ вполне Скоттъ, какъ романистъ. Ему охотно прощали безобразную растянутость его описаній и его диалоговъ, такъ какъ, благодаря накопленію одной черты за другою, или безконечному повторенію однихъ и тѣхъ же характеристикъ, получалась большая рельефность образовъ. Если способъ изложенія Скотта и утомителенъ, то все же онъ одинъ изъ величайшихъ художниковъ, жившихъ когда-либо на свѣтѣ. Такой женскій образъ, какъ Діана Вернонъ въ Робъ-Роя или Джени Динсъ въ Единбургской тюрьмѣ, такая историческая личность, какъ Людовикъ XI въ Квентинъ Дюрвардъ стоятъ на высотѣ всего, достигнутаго до сихъ поръ въ области романовъ.

Но въ способѣ изложенія этихъ романовъ замѣчался съ самаго начала недостатокъ, который позже перешелъ по наслѣдству цѣлому классу талантливыхъ романистовъ: нехудожественная быстрота работы, при которой поэтическое творчество, имѣя въ виду громадныя гонорары, обращалась какъ-бы въ фабричное производство. Уже въ 1809 г. Вальтеръ Скоттъ вступилъ въ сношеніе съ издательскою формою Баллантайна, которая печатала и издавала для него *Quarterly Review*; въ качествѣ романиста онъ вступилъ въ формальную компанію съ этою типографскою и издательскою фирмою, которая, къ несчастью, была болѣе предпримчива, чѣмъ осторожна. Съ этого времени онъ сталъ писать съ сказочною быстротою. Гюи Маннерингъ былъ написанъ и напечатанъ въ 25 дней; вскорѣ Скоттъ принялъ на себя обязательство доставлять ежегодно среднимъ числомъ по 12 томовъ; окончить до обѣда 40 страницъ было для него обычною предъ-обѣденною работою. Сбытъ соответствовалъ грандіозному производству: 10,000 экземпляровъ Робъ-Роя были распроданы въ шесть недѣль, а продажа послѣдующихъ романовъ еще больше возросла. Въ одномъ 1822 г. издатель Скотта выпустилъ въ свѣтъ 145,000 прежнихъ и новыхъ его романовъ. Гонорары возросли вмѣстѣ со сбытомъ: за первыя два изданія Біографіи Наполеона Скоттъ получилъ 18,000 ф. ст., а его годовой доходъ гонорарами равнялся до 1826 г. по меньшей мѣрѣ 200,000 датскихъ кронъ. Онъ употреблялъ эти деньги на расширеніе своего помѣстья Абботсфорда и на возведеніе настоящаго замка, гдѣ онъ съ княжескимъ гостепріимствомъ принималъ толпу посѣтителей, наполнявшихъ его домъ и посе-

лавшихся у него иногда на долгое время. Его слава и популярность все возрастали.

Во время своей триумфальной поѣздки въ Лондонъ въ 1815 г., когда ему выказывали поклоненіе не только какъ поэту, но и какъ патриоту, какъ почетному гражданину Единбурга, прославившемуся своею пламенною ненавистью къ Наполеону, онъ былъ представленъ принцу-регенту, осыпавшему его своими милостями. Объ этомъ посѣщеніи сохранился анекдотъ, дающій нѣкоторое представленіе о томъ, какимъ родомъ остроумія наслѣдникъ престола могъ на короткое время располагать въ свою пользу сердца и увлекать ихъ. Однажды принцъ-регентъ давалъ вечеръ, на которомъ Скоттъ, какъ почетный гость, долженъ былъ безостановочно рассказывать, между тѣмъ какъ принцъ постоянно старался шутя вывести его на чистую воду и заставить сознаться, что онъ авторъ романа Ваверлея. Скоттъ ловко уклонялся въ сторону и, наконецъ, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ, сталъ рассказывать дѣйствительное событіе, случившееся съ его старымъ знакомымъ, верховнымъ судьей Браксфильдомъ, который во время своихъ окружныхъ поѣздокъ останавливался всегда ночевать у одного богатаго землевладѣльца, бывшаго, подобно судѣ, страстнымъ шахматистомъ и откладывавшаго иногда недоконченную партію отъ одного года до другого. Землевладѣлецъ совершилъ крупное преступленіе и на долю Браксфильда выпала обязанность произнести смертный приговоръ надъ своимъ пріятелемъ и партнеромъ. Онъ надѣлъ на голову черную шапочку и прочелъ смертный приговоръ, заканчивающійся словами: „и будешь повѣшенъ за голову и будешь висѣть, пока не умрешь“. Онъ произнесъ эти печальныя слова со всею подобающею торжественностью, затѣмъ снялъ съ головы роковую шапочку и прибавилъ съ лукавою улыбкою, кивая головой своему партнеру: „А теперь, Дональдъ, мой другъ, я, кажется, на вѣки вѣковъ сдѣлалъ тебѣ шахъ и матъ!“ Въ ту же минуту принцъ-регентъ воскликнулъ: „Да здравствуетъ и еще да здравствуетъ и въ третій разъ да здравствуетъ авторъ Ваверлея! Выпьемъ еще стаканъ за здоровье автора Марміона“. Затѣмъ, бросивъ взглядъ на смущенное лицо и отрицательныя жесты Скотта, онъ прибавилъ: „А теперь, Вальтеръ, мой другъ, я, кажется, на вѣки вѣковъ сдѣлалъ тебѣ шахъ и матъ!“

Единбургская темница,—перлъ среди произведеній Вальтера Скотта,—вышла въ свѣтъ въ 1818 г.; эта книга довела его до апогея. Затѣмъ въ декабрѣ появился Айвенго, вызвавшій цѣлую бурю похвалъ. Какъ мало требовалось для Скотта данныхъ изъ міра дѣйствительности, чтобы на основаніи ихъ создавать свои поэтическія произведенія, видно лучше всего изъ этого мастерскаго романа. Нѣкто Скенъ, вернувшійся на родину изъ путешествія по Германіи, рассказалъ Скотту кое-что о положеніи въ ней евреевъ, объ ихъ оригинальныхъ костюмахъ и нравахъ, о жестокости обращенія съ ними. Этого было для Скотта достаточно, чтобы создать яркое описаніе Исаака и Ребекки. Если онъ въ частной жизни выказывалъ крайнюю ограниченность, какъ только

вопросъ заходилъ о политическихъ правахъ вѣроисповѣданій, отступающихъ отъ господствующей церкви, за то большую честь приносить ему, какъ поэту, то обстоятельство, что онъ сдѣлалъ еврейку героинею своего романа и надѣлилъ ее такою недостижимо идеальною и все же вѣрною природѣ красотою.

Въ 1823 г. онъ написалъ Квентина Дюрварда, которымъ впервые вступилъ на чужеземную почву. Этотъ романъ увеличилъ пріобрѣтенную имъ уже въ Англіи и Америкѣ славу, распространивъ ее на Францію, Германію и Италію. Дневника Скена изъ Франціи было для Скотта достаточно, чтобы придать роману его достойныя удивленія краски.

Имя Скотта было теперь на устахъ у всѣхъ: онъ былъ извѣстенъ даже среди самыхъ невѣжественныхъ изъ его соотечественниковъ. Во время ужасной давки, происходившей на улицахъ Лондона по случаю коронаціонныхъ празднествъ, жизнь Вальтера Скотта подвергалась нѣсколько разъ опасности, въ особенности благодаря его хромотѣ. Попадъ на площадь, гдѣ стоялъ кордонъ изъ шотландскихъ гвардейскихъ драгунъ, Скоттъ обратился къ одному изъ унтеръ-офицеровъ съ просьбою пропустить его на свободное мѣсто позади кордона. Унтеръ-офицеръ сухо отвѣтилъ, что ему даны строгіе приказы и что это невозможно. Въ ту-же минуту одинъ изъ спутниковъ поэта, замѣтивъ приближеніе новой толпы зрителей, закричалъ: Сэръ Вальтеръ Скоттъ, берегитесь! Едва драгунъ услышалъ это имя, какъ воскликнулъ: „Какъ? Сэръ Вальтеръ Скоттъ! Онъ можетъ свободно проходить всюду!“—и, обернувшись къ товарищамъ, сказалъ: „дайте дорогу, братцы, для сэра Вальтера Скотта, нашего великаго соотечественника“. Солдаты отвѣтили: „Сэръ Вальтеръ Скоттъ! да благословитъ его Богъ!“—Такимъ-же точно образомъ французское войско въ Африкѣ принимало съ барабаннымъ боемъ, музыкою и военными почестями, оказываемыми обыкновенно главнокомандующему, Ораса Верне. Трудно себѣ представить болѣе великое для художника торжество, чѣмъ такое поклоненіе простыхъ людей.

Въ 1826 г. произошелъ переворотъ въ жизни поэта. Издательская фирма Баллантина, въ которой онъ былъ участникомъ, обанкротилась и къ ужасу Скотта, отличавшагося всегда большою аккуратностью въ хозяйственныхъ и частныхъ дѣлахъ, оказалось, что его долгъ простирается до грандіозной суммы 117,000 ф. ст. Онъ мужественно перенесъ свое разореніе. Королевскій банкъ прислалъ ему депутацію съ заявленіемъ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ отдаетъ себя въ его распоряженіе. Скоттъ не принялъ предложенія. Ему поднесенъ былъ анонимный даръ въ 30,000 ф. ст.,—онъ отказался отъ всякой помощи. Съ геройскимъ мужествомъ рѣшилъ онъ сдѣлать отчаянную попытку—уплатить перомъ грандіозный долгъ и не давать себѣ ни отдыха, ни покоя до тѣхъ поръ, пока ему не удастся выполнить всѣ обязательства, которыя легкомысліе и безпорядочность другихъ людей нагромодили на его плечи. Что-же удивительнаго послѣ этого, если достоинство его произведеній начало съ этихъ поръ все болѣе

и болѣе понижаться! Несчастный писатель заключалъ контракты на книги—столько-то и столько романовъ въ годъ—ни содержаніе, ни даже заглавіе которыхъ не были ему извѣстны.

Именно въ это несчастное время, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ банкротства, умерла его горячо любимая жена; его дѣла не позволили ему даже сидѣть у ея смертнаго одра. Онъ писалъ и писалъ,—полъ тома романа Вудстокъ былъ оконченъ въ четыре дня!—между тѣмъ какъ кредиторы штурмовали его со всѣхъ сторонъ. Вальтеръ Скоттъ, домъ котораго прежде былъ полонъ гостей съ утра до вечера, проводилъ теперь время въ полномъ одиночествѣ. Капитанъ Базиль Голль описываетъ тяжелое впечатлѣніе, испытанное имъ во время посѣщенія бѣднаго писателя, когда онъ увидалъ, какъ тотъ самый человѣкъ, который еще недавно сидѣлъ за столомъ съ своею женою *vis-à-vis* окруженный цѣлымъ обществомъ родныхъ и знакомыхъ, садился теперь за свой одинокій кувертъ.

Онъ предпринялъ еще нѣсколько путешествій, между прочимъ, одно въ Парижъ, для работы въ архивахъ. Здѣсь депутація отъ парижскихъ торговекъ (*dames de la Halle*) поднесла ему громадный букетъ.—Онъ издалъ собраніе своихъ сочиненій, при чемъ первые девять томовъ были распроданы въ количествѣ 135,000 экземпляровъ. Онъ уплатилъ полученными деньгами часть своего долга. Горько было ему видѣть, что Англія вступаетъ на путь реформъ. Въ 1830 г. онъ воскликнулъ: „Англія не можетъ больше служить мѣстожительствомъ честныхъ людей, если только эти новыя реформы пустятъ корни“. Больной, слабый, съ парализованною половиною лица, предпринялъ Скоттъ свое послѣднее заграничное путешествіе, во время котораго онъ въ Неаполѣ собралъ всѣ древне-итальянскія баллады и пѣсни, которыя могъ найти. Оттуда онъ поспѣшилъ домой, чтобы умереть на родинѣ, и въ сентябрѣ 1832 г. испустилъ дыханіе, черезъ полъ-года послѣ Гете. Всю свою жизнь онъ былъ искреннимъ, терпимымъ, вѣрующимъ раціоналистомъ, оставшимся совершенно нетронутымъ смѣлою и опытною наукою своего столѣтія. Въ 1825 г. онъ сказалъ однажды: „надѣюсь, что мало есть людей, отрицающихъ существованіе Бога,—думаю въ сущности, что нѣтъ ни одного человѣка, который придерживался-бы такихъ отъвратительныхъ взглядовъ!“ Въ то-же время онъ допускалъ, что огонь ада и музыка небесныхъ сферъ могутъ быть лишь образными выраженіями, и также точно безъ неудовольствія, а даже съ радостью принялъ отъ Байрона посвященіе ему *Каина*. Какъ въ религіозномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ, и поэтическомъ онъ не достигъ освобожденія личности отъ случайныхъ традицій, съ которыми она отъ рожденія бываетъ связана. И въ этомъ случаѣ онъ оставилъ новому поколѣнію поэтовъ задачу, еще не разрѣшенную, но ясно намѣченную ходомъ исторіи.

Если мы съ высоты нашего времени оглянемся на второй періодъ художественной дѣятельности Вальтера Скотта, на прозаическій и на весь длинный рядъ написанныхъ имъ романовъ, мы не будемъ въ состояніи видѣть ихъ въ томъ

свѣтъ, въ какомъ они представлялись взорамъ ихъ современниковъ. Мы понимаемъ, что они должны были удовлетворять ихъ, такъ какъ мы знаемъ, что они не возбуждали ни въ комъ непріятныхъ чувствъ, а всегда привѣтствовались съ радостью, не только какъ поэтическія, но и какъ нравственные произведенія. Но именно въ этомъ и заключается причина ихъ меньшей привлекательности для насъ. Относительно современной литературы можно признать безъ преувеличенія законъ, что писатель долженъ считаться безнравственнымъ и возбуждать непріязненное чувство, по крайней мѣрѣ, въ одномъ поколѣніи своихъ современниковъ, иначе онъ покажется скучнымъ и ограниченнымъ въ глазахъ послѣдующаго поколѣнія. Недостатки романовъ Скотта бросаются намъ теперь въ глаза. Они нравятся читателю добросовѣстностью характеристикъ, живостью діалоговъ, но не удовлетворяютъ разсудка, не приводятъ въ сильной степени въ движеніе чувствъ, не напрягаютъ даже любопытства. Они задушевы, но безыдейны. Чувствуешь, что Скоттъ, какъ патріотическій поэтъ, задался мыслью поддержать интересъ къ своей странѣ послѣ того, какъ Макферсонъ и Бёрнсъ обратили на нее вниманіе публики. Поэтому онъ пишетъ такъ, чтобы не отталкивать ни одного читателя даже самаго ограниченнаго. Въ виду отсутствія у него художественныхъ влеченій, онъ такимъ осторожнымъ образомъ касается половыхъ отношеній, что эротическія описанія почти совершенно отсутствуютъ у него. И такъ какъ мораль для него была важнѣе любви къ искусству, то, изображая доброе старое время, онъ такъ сильно смягчалъ суровые, грубые его элементы, что заставлялъ не мало страдать историческую достовѣрность. Художественный жанръ, введенный имъ и обозначающій такой значительный прогрессъ сравнительно съ прежними романами, въ наши дни, съ своей стороны, сильно устарѣлъ; во всей Европѣ преобладаетъ мнѣніе, что историческій романъ, не смотря на всѣ свои достоинства, выродокъ, потому что онъ то сильно отягощенъ историческимъ матеріаломъ, то, напротивъ того, такъ свободно обращается съ историческими данными, что смѣшеніе реалистическихъ и вымышленныхъ элементовъ производитъ впечатлѣніе въ высшей степени негармоничнаго цѣлаго. Такъ же точно непріятно дѣйствуетъ, напр., тотъ способъ, какимъ въ десятой главѣ третьей части Эдинбургской темницы склеены въ одно историческія и сфантазированные реплики герцога Аргайлскаго. Прибавимъ къ этому, что намъ становится все болѣе и болѣе ясно, какъ сильно отстываетъ изображаемая Скоттомъ картина отъ дѣйствительнаго характера этой отдаленной эпохи, который остался бы непонятымъ нами или не вызвалъ бы сочувствія, если бы изображался въ неприкрашенномъ видѣ. Та-лисманъ и Крестоносцы Скотта представляютъ цѣлую библіотеку для чтенія романовъ о сказочныхъ странахъ и чудныхъ приключеніяхъ Крестовыхъ походовъ, — романовъ, которые такъ же мало соотвѣтствуютъ дѣйствительности, какъ и Освобожденный Іерусалимъ Тассо, но написаны съ гораздо меньшимъ поэтическимъ талантомъ и безъ добросовѣстной художественности въ изложеніи и стилѣ, характеризующей собою Тассо.

Какъ могло быть иначе съ поэтомъ, который, какъ Скоттъ, никогда не перечитывалъ и не исправлялъ написанныхъ имъ листовъ, не умѣлъ ничего излагать въ сжатомъ видѣ и ставить себѣ серьезныя требованія относительно краткости и композиціи! Онъ ставитъ еще меньшія требованія къ своему читателю относительно вниманія и тонкости восприниманія. Онъ постоянно повторяется и заставляетъ повторяться и своихъ дѣйствующихъ лицъ, останавливается, чтобы самому поболтать, въ самой срединѣ разсказа, указываетъ пальцами и объясняетъ, и не довольствуется тѣмъ, чтобы придать данной личности опредѣленный отпечатокъ, но заставляетъ ее самое въ случаѣ надобности объяснять себя, напр., такого рода восклицаніями: „я говорю теперь спокойно, хотя это противорѣчитъ моему характеру“, или такого рода репликами, въ которыхъ говорящій самъ выводитъ мораль изъ своихъ дурныхъ дѣйствій изъ страха, что читатель пропуститъ ее или извратитъ (Прочитайте, напр., всю исповѣдь Джорджа Стоунтона Джени Динсъ, — образецъ дурного стиля и фальшивой психологіи). Въ виду подобныхъ крупныхъ недостатковъ въ подробностяхъ, никакой пользы не получается отъ того, что основныя черты композиціи въ лучшихъ романахъ превосходны и легко группируются вокругъ одного, или нѣсколькихъ крупныхъ драматическихъ дѣйствій. Для того, чтобы книга сохранила свою славу въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, необходимо, чтобы она была не только поэтически задумана, но и художественно выполнена въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ, на что у Скотта никогда не хватало времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ писать прозою. Даже наиболѣе драматическія сцены, сочиненныя Скоттомъ, чудная, хватающая за душу сцена суда въ Эдинбургской темницѣ когда Джени съ обливающимся кровью сердцемъ, но изъ благороднаго чувства правды отказывается свидѣтельствовать въ пользу своей собственной сестры, утрачиваетъ на половину свою эффектность, благодаря растянутости и небрежности, съ какою она излагается. Изъ Воспоминаній Томаса Мура видно, что главное содержаніе книги — дѣйствительно случившееся событіе, сообщенное Скотту въ анонимномъ письмѣ: одна молодая дѣвушка отказалась свидѣтельствовать на судѣ въ пользу своей сестры, а затѣмъ предприняла длинное путешествіе, чтобы вымолить ей прощеніе. Скоттъ понялъ всю нравственную красоту этого поступка, но не понялъ его драматическаго характера. Обладая Скоттъ менѣе крупнымъ талантомъ, но имѣй онъ вдвое больше образованія и способности критически относиться къ себѣ, — онъ, правда, не произвелъ бы столько шума своимъ появленіемъ, но зато создалъ бы произведеніе болѣе высокаго и прочнаго достоинства¹⁾. Онъ самъ чувствовалъ, что именно недостатки образованія препятствуютъ ему достигать вы-

¹⁾ О живописи онъ, повидимому, не имѣлъ никакого понятія. Чтобы дать намъ представленіе о старомъ пуританинѣ въ Эдинбургской темницѣ, онъ говоритъ слѣдующую невозможную чепуху: „Это была картина, въ которой Рембрандтъ выполнялъ, повидимому, свѣтлыя части, между тѣмъ, какъ рѣзкіе контуры принадлежали полной жизни, мощной кисти Микель Анджело“.

соты въ области поэтического творчества. Въ одномъ мѣстѣ его дневника находится слѣдующее поразительное замѣчаніе о немъ самомъ: „Какъ удивительно сложилась моя жизнь! Мое образованіе отличалось отсутствіемъ полноты, мои научныя знанія были въ пренебреженіи и пріобрѣтеніе ихъ предоставлялось мнѣ самому. И вотъ, я набилъ себѣ голову разнымъ вздоромъ и долго оставался непризнаннымъ со стороны своихъ сверстниковъ. Но все же я выбился на поверхность и сталъ считаться умнымъ и дѣльнымъ малымъ къ стыду тѣхъ, которые называли меня мечтателемъ... А теперь я долженъ съ прострѣленными крыльями броситься внизъ головою съ высоты своей гордости, просто потому, что лондонской биржѣ вздумалось обезумѣть, и я, бѣдный честный левъ, подвергаюсь изъ-за этого притѣсненіямъ со стороны медвѣдей и волковъ“.

Современный поэтъ не можетъ безнаказанно оставаться внѣ теченія современной науки. Разъ онъ не могъ, какъ Байронъ, съ вдохновенною проникательностью предвидѣть все то, что ищетъ и утверждаетъ наука, его сочиненія должны были обязательно выпасть изъ рукъ образованныхъ людей и попасть въ руки тѣхъ, которые ищутъ въ чтеніи только развлеченія,—или же сохраняться и переплетаться образованными людьми,—чтобы быть подносимыми въ даръ въ день рожденія или конфирмаціи ихъ сыновьямъ или дочерямъ, или племянникамъ и племянницамъ. Это судьба, выпавшая на долю Скотта. Тотъ поэтъ, который во второе и третье десятилѣтіе XIX вѣка властвовалъ надъ книжнымъ рынкомъ, который во Франціи имѣлъ подражателей въ лицѣ Альфреда де-Виньи, Гюго, Мериме, Балзакъ и старшаго Дюма (*Les trois mousquetaires*), въ Италіи—такого ученика, какъ Манцони, въ Германіи—родственниковъ по духу писателей, какъ Фуке, въ Даніи—почитателей и учениковъ, какъ Поль Мэллеръ, Ингеманъ и Гаухъ, сдѣлался въ наши дни, благодаря нѣмой, но поучительной критикѣ времени, любимымъ писателемъ мальчиковъ и дѣвочекъ четырнадцатилѣтняго возраста,—поэтомъ, котораго всѣ взрослые уже читали, но котораго ни одинъ взрослый человѣкъ больше не читаетъ.

XI.

Въ замѣчательномъ стихотвореніи Китса *Гиперіонъ* есть сцена, во время которой весь низверженный родъ боговъ лежитъ побѣжденный въ глубокой скалистой пещерѣ подъ землей. Боги держатъ совѣтъ, и богъ ихъ, старый Сатурнъ, заканчиваетъ свою слабодушную рѣчь слѣдующими словами:

Yet ye are here,
Overwhelmed, and spurned, and battered, ye are here!
O Titans, shall I say: arise?—Ye groan
Shall I say „Crouch“!—Ye groan. What can I then?
O Heaven wide! O unseen parent dear!
What can I? Tell me, all ye brethren Gods,
How we can ware, how engin our great wrath!

(Итакъ, вы здѣсь, побѣжденные, осмѣянные, разбитые, вы здѣсь! О, титаны! когда я говорю: вставайте!—вы стонете. Когда я говорю: смиритесь!—вы стонете. Что же могу я сдѣлать? О, необъятные небеса! О, невидимый, дорогой мой родитель! Что могу я сдѣлать? Скажите мнѣ, вы всѣ, братья боги, какъ намъ воевать, какъ намъ удовлетворить свой великій гнѣвъ!).

Тогда прежде всего встаетъ океанъ, глубокомысленный, всегда размышляющій богъ, потрясаетъ своими высохшими теперь кудрями и начинаетъ говорить тѣмъ лепетомъ, который языкъ его заимствовалъ отъ плеска волнъ, бьющихся о песокъ, увѣщевая охваченныхъ страстнымъ гнѣвомъ товарищей искать покоя и утѣшенія въ мысли, что они пали въ силу закона природы, а не благодаря могуществу грома или власти Юпитера: ¹⁾

Great Saturn, thou
Hast sifted well the atom-universe,
But for this reason, that thou art the king,
And only blind from sheer supremacy,
One avenue was shaded from thine eyes,
Through which I wandered to eternal truth.
And first, as thou wast not the first of powers,
So art thou not the last; it cannot be:
Jou art not the beginning nor the end.
From chaos and parental darkness came
Light, the first-fruits of that intestine broil,
That sullen ferment, which for wondrous ends
Was ripening in itself. The ripe hour came,
And with it light, and light, engendering
Upon its own producer, forthwith touched,
The whole enormous matter into life.
Upon that very hour, our parentage,
The Heavens and the Earth, were manifest:
Then there first-born, and we the giant-race,
Found ourselves ruling new and beauteous realms.
Now comes the pain of truth, to whom 'tis pain;
O folly! for to bear all naked truths,
And to envisage circumstance all calm,
That is the top of sovereignty. Mark well!
As Heaven and Earth are fairer, fairer far
Than chaos and blank Darkness, though once chiefs:
And as we show beyond that Heaven and Earth
In form and shape compact and beautiful,

¹⁾ The poetical.

In will, in action free, companionship,
 And thousand other sings of purer life;
 So in our heels a fresh perfection treads,
 A power more strong in beauty, born of us
 And fated to excelus, as we pass
 In glory that old Darkness: nor are we
 Thereby more conquered, than by us the rule
 Of shapeless Chaos. Say, doth the dull soil
 Quarrel with the proud forests it hath fed,
 And feedeth still, more umely than itself?
 Can it deny the chieftdom of green groves?
 Or shall the tree be envious of the dove
 Because it cooeth, and hath snowy wings
 Jou wander wherewithal and find its joys?
 We are such forest trees, and our fair boughs
 Have bred forth, not pale solitary doves,
 But eagles golden—feathered, who do tower
 Ab ove us in their beauty, and must reign
 In right thereof; for'tis the eternal law
 That first in beauty should be first in might:
 Yea, by that law, another race may drive
 Our conquerors to mourn as we do now.
 Have ye beheld the young God of Seas,
 My dispossessor? Have ye seen his face?
 Have yon beheld his chariot, foamed along
 By noble winged creatures he hath made?
 I saw him on the calmed waters seud,
 With such a glow of beauty in his eyes,
 That it enforced me to bid sad farewell
 To all my empire.

(Великій Сатурнъ! ты управляешь всѣмъ міромъ атомовъ, но именно потому, что ты король, ты и ослабленъ своимъ превосходствомъ: одинъ путь остался сокрытъ отъ твоихъ взоровъ, а я по этому пути направился къ вѣчной истинѣ. Во первыхъ, такъ какъ ты не первая изъ властей, то ты и не послѣдняя, этого не можетъ быть: ты не начало и не конецъ. Изъ хаоса и первоначальной тьмы возникъ свѣтъ,—первый плодъ того внутренняго кипѣнія, того смутнаго броженія, который созрѣвалъ среди него для чудесныхъ цѣлей. Наступилъ часъ зрѣлости, а съ нимъ возникъ и свѣтъ, оказавшій возрождающее дѣйствіе на собственнаго производителя и вызвавшій къ жизни всю грандіозную массу вещества. Въ этотъ самый часъ наши родители, небеса и земля, обнаружили передъ нами: тогда ты, перворожденный, и мы, племя гигантовъ, оказались властвующими надъ

новыми и прекрасными царствами. Теперь открылся путь истины, по которому трудно идти, о безуміе!—потому что высшее величіе заключается въ томъ, чтобы выносить всѣ голыя истины и—прямо смотрѣть въ лицо грядущему. Замѣьте хорошенько! Подобно тому, какъ небо и земля прекрасны, гораздо прекраснѣе хаоса и мрачной тьмы, когда-то господствовавшихъ надъ вселенной; подобно тому, какъ мы за хаосомъ и тьмою созерцали землю и небо, сжатая и прекрасная по формѣ и очертаніямъ, вольная и свободная въ своихъ дѣйствіяхъ, тѣсно связанная другъ съ другомъ узами товарищества и носящая другіе признаки болѣе чистой жизни; такъ по нашимъ стопамъ грядетъ болѣе свѣжее совершенство, сила, болѣе могучая по своей красотѣ, рожденная нами и въ то же время присужденная превзойти насъ, подобно тому, какъ мы со славою одолѣли старую тьму: но мы не будемъ чувствовать себя отъ этого болѣе придавленными, чѣмъ было подавлено нами могущество безформеннаго хаоса. Скажи: неужели черная земля будетъ гнѣваться на гордые лѣса, рожденные ею и вскармливаемые ею и до сихъ поръ, хотя они прекраснѣе ея? Можетъ ли она отрицать мощь зеленой рощи? Или же можетъ ли дерево завидовать голубкѣ, потому что она воркуетъ или обладаетъ бѣлоснѣжными крыльями, на которыхъ летаетъ повсюду, радуясь и веселясь? Мы такія именно лѣсныя деревья, и наши прекрасныя вѣтви поддерживали не блѣдныхъ одинокихъ голубокъ, но золотоперыхъ орловъ, которые парятъ надъ ними, во всей своей красотѣ и должны царить въ силу ея, потому что вѣчный законъ гласитъ,—что кто первый по красотѣ—долженъ быть первымъ и по могуществу: да, на основаніи этого закона другая раса должна вытѣснить нашихъ побѣдителей и заставить ихъ горевать такъ, какъ горюемъ мы. Замѣтили вы молодого бога морей, завладѣвшаго моимъ престоломъ? Видѣли ли вы его лицо? Разсмотрѣли вы его колесницу, которую везли благородныя крылатыя существа, созданныя имъ? Я видѣлъ его на поверхности тихихъ водъ съ такимъ сіяніемъ красоты въ глазахъ, что долженъ былъ распроститься со всѣмъ своимъ царствомъ...)

Такъ говорить океанъ. И когда павшіе боги, либо убѣжденные его словами, либо приведенные ими въ негодованіе молчать, одно лицо, о которомъ никто не думалъ, прерываетъ продолжительное молчаніе: это богиня Климена; дрожащими устами и съ кроткимъ взоромъ она робко говоритъ среди гордой толпы:

„O Father, I am here the simplest voice,
 And all my knowledge is that joy is gone,
 And this thing woe crept in among our hearts,
 There to remain for ever, as I fear:
 I would not bode of coil, if I thought
 So weak a creature could turn off the help
 Which by just right should come of mighty Gods;
 Yet let me tell my sorrow, let me tell
 Of what I heard, and how it made me weep,

And know that we had parted from all hope.
 J stood upon a shore, a pleasant shore,
 Where a sweet clime was breathed from a land
 Of fragrance, quietness, and trees, and flowers.
 Full of calm joy it was, as J of grief;
 Too full of joy and soft delicious warmth;
 So that I felt a movement in my heart
 To chide, and to reproach that solitude
 With songs of misery, music of our woes:
 And sat me down, and took a month's shell
 And murmured into it, and made melody—
 O melody no more! for while J sang,
 And with poor skill let pass into the breeze
 The dull shells echo, from a bowery strand
 Just opposite; an island of the sea,
 There came enchantment with the shifting wind,
 That did both drown and keep alive my ears.
 J threw my shell away upon the sand,
 And a wave filled it, as my sense was filled,
 With that new blissful golden melody.
 A living death was in each gush of sounds,
 Each family of rapturous hurried notes,
 That fell, one after one, yet all at once,
 Like pearl-beads dropping sudden from their string;
 And then another, then another strain,
 Each like a dove leaving its olive perch,
 With music winged instead of silent plumes,
 To hover round my head, and make me sick
 Of joy and grief at once. Grief overcame,
 And J was stopping up my frantic ears,
 When, past all hindrance of my trembling hands,
 A voice came sweeter, sweeter than all tune,
 And still it cried, „Apollo! young Apollo!
 The morning—bright Apollo, young Apollo!“
 J led, it followed me and cried: „Apollo!“

(О, отецъ! мой голосъ здѣсь слабѣйшій, и все, что я знаю, это что радость исчезла, а горе, закрывшееся въ наши сердца, должно, какъ я опасаюсь, оставаться въ нихъ навсегда: я не предсказывала бы грядущихъ бѣдъ, если бы думала, что такое слабое созданіе, какъ я, можетъ отвратить отъ насъ помощь, которой мы съ полнымъ правомъ ожидаемъ отъ могущественныхъ боговъ; но позвольте мнѣ рассказать вамъ о своей печали, позвольте мнѣ расска-

зать, что я слышала, и какъ это заставило меня плакать и узнавать, что намъ суждено навсегда распрощаться съ надеждою. Я стояла на прекрасномъ берегу, къ которому доносилось изъ глубины страны сладкое вѣяніе тишины, мира, деревьевъ и цвѣтовъ. Оно было полно спокойной радости, какъ я была полна скорби; слишкомъ полно радости и вѣжной чудной теплоты; и я почувствовала въ сердцѣ желаніе пожаловаться, выразить упрекъ этой тишинѣ жалобными пѣснями, высказать въ музыкѣ наши страданія: я сѣла, взяла въ руки раковину съ отверстіемъ и стала дуть въ нее—но никакой мелодіи не вышло! Потому что, пока я пѣла и неискусно старалась распространить въ воздухѣ глухое эхо раковины, съ лежащаго напротивъ морского острова донеслись порывомъ вѣтра волшебные звуки, очаровавшіе и пробудившіе мой слухъ. Я бросила раковину на песокъ, и волна наполнила ее водою, подобно тому, какъ мое сознаніе было наполнено этою чудною новою мелодіею. Смерть для живыхъ заключалась въ каждомъ потокѣ звуковъ, въ каждомъ аккордѣ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ нотъ, которыя падали одна за другою и въ то же время всѣ разомъ, подобно жемчужинамъ, внезапно скатывающимся со своей нити; затѣмъ другой потокъ звука, затѣмъ еще одинъ, подобно голубю, окрыленному музыкою, а не нѣмыми перьями, летающему съ своего оливковаго шеста, чтобы крутиться надъ моею головою и заставлять меня страдать отъ радости и отъ печали въ одно и то же время. Печаль пересилила, и я заткнула свои ошеломленные уши, когда, не смотря на препятствіе, оказываемое моими слабыми руками, въ уши мои проникъ голосъ, нѣжнѣе всѣхъ мелодій и закричалъ: „Аполлонъ! молодой Аполлонъ! Радужный, какъ утро, Аполлонъ! молодой Аполлонъ!“ Я бросилась бѣжать, но голосъ слѣдовалъ за мною и кричалъ: „Аполлонъ!“

Китсъ не написалъ ничего столь прекраснаго, какъ это мѣсто, которое такъ-же глубокомысленно, какъ и восхитительно. Оно служитъ не только доказательствомъ величія и силы его поэзіи, но и введеніемъ къ выступленію на литературное поприще не только его, но и всего младшаго поколѣнія поэтовъ, послѣ того, какъ озерная школа и Скоттъ завоевали себѣ верховное владычество въ поэзіи. Во имя господствующихъ боговъ человѣческой духъ осужденъ на неподвижность и прозябаніе. Для прогресса необходима переменна боговъ. Вордсвортъ и Скоттъ были могущественными титанами, блескъ которыхъ блѣднѣлъ передъ блескомъ молодого поколѣнія, а Китсъ самъ былъ тою сіяющею птицею, которая поднялась высоко на воздухъ надъ старымъ широколиственнымъ окаменѣлымъ дубомъ Вордсворта. Развѣ Байронъ не былъ новымъ богомъ моря, который странствовалъ по водамъ страсти съ чудною красотою въ глазахъ, заставившею величайшаго поэтического генія его времени покинуть свое царство въ увѣренности, что соперничество съ нимъ не по силамъ ему? И развѣ мелодіи Шелли не звучали такимъ сладкимъ опьяняющимъ образомъ и съ такою невѣроятною смѣлостью по воздуху, что онѣ и въ настоящее время проникаютъ по-

всюду, хотя многіе, подобно Клименту, затыкаютъ себя уши и возможно дольше противятся, стараясь не прислушиваться къ этимъ новымъ звукамъ? Но всё ихъ усилія напрасны, потому что со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „Аполлонъ, ясный, какъ утро! Аполлонъ!“

Старые боги, какъ и въ стихотвореніи, ведутъ себя различнымъ образомъ. Скоттъ, самый старшій изъ нихъ, опустилъ, какъ мы видѣли, флагъ передъ Байрономъ съ благородствомъ и кротостью, прибавившими еще одинъ вѣнокъ къ тѣмъ, которыми онъ былъ уже увѣнчанъ. Вордсвортъ удался, ворча, къ своимъ озерамъ, съ обвиненіями въ плагиатахъ на устахъ, Соути изрыгалъ ядъ и желчь,—а между тѣмъ новые молодые боги веходили на свои престолы и посылали во всѣ стороны лучи своей славы.

Китсъ былъ самымъ младшимъ изъ молодой школы; онъ отличался оригинальными особенностями и обладалъ собственнымъ царствомъ, въ которое никто другой не попытался проникнуть. Онъ является однимъ изъ многихъ примѣровъ того, какимъ образомъ самые утонченные и рѣдкіе организмы могутъ возникать среди грубыхъ вѣншихъ условій и развиваться вопреки окружающимъ ихъ обстоятельствамъ. Этотъ юноша, который умеръ въ 26-ти-лѣтнемъ возрастѣ, оставивъ по себѣ такіа мастерскія произведенія, что никто, прочитавшій его сочиненія, не можетъ ихъ забыть, и имя котораго Шелли въ своемъ *Адонайсѣ* записалъ въ число своихъ звѣздъ, былъ сыномъ одного лондонскаго извозчика и работалъ въ аптекѣ, какъ ученикъ. Большинству старшаго поколѣнія онъ былъ неизвѣстенъ. Вордсвортъ—единственный изъ старшихъ, къ которому обращался постоянно его взоръ, и притомъ съ большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ у кого-либо другого изъ молодыхъ,—даже Вордсвортъ относился къ нему холодно. Когда однажды вечеромъ у живописца Гайдена, у котораго Китсъ былъ въ гостяхъ, его попросили въ присутствіи ветерана изъ Ридаль Моунта продекламировать свой прекрасный гимнъ къ Пану изъ первой книги *Эндиміона*, сѣдовласый поэтъ выслушалъ его до конца, не прерывая, и замѣтилъ только: „это прекрасный образецъ языческаго духа!“ Такъ оно и было въ дѣйствительности, къ чести Китса! Но Вордсвортъ врядъ-ли хотѣлъ сказать этимъ что-нибудь лестное. Такой приговоръ изрекъ самый вѣскій голосъ старой поэтической школы. Другой раздался изъ группы старыхъ критиковъ того времени. Онъ звучалъ ворчливо и хрипло. Какъ *Quarterly*, такъ и *Blackwood Review* осыпали *Endymion* самыми злостными насмѣшками. Автору говорили, что „онъ сдѣлалъ-бы лучше, если-бы вернулся къ своимъ аптекарскимъ стучкамъ“; ему напоминали, что „голодный аптекарь все-же лучше голоднаго поэта“. Стрѣла попала въ цѣль и несомнѣнно вызвала сильную боль, какъ ни спокойно говоритъ молодой поэтъ въ своихъ письмахъ о возмутительномъ обращеніи съ нимъ. Въ высшей степени неправдоподобно, чтобы легенда, которая тотчасъ распространилась между знакомыми Китса о пагубномъ дѣйствіи, оказанномъ этими статьями на его здоровье, была лишена всякихъ основаній, какъ это постоянно утверждаютъ теперь. Ко-

нечно, Китсъ не былъ убитъ журнальною статьею, какъ говоритъ Байронъ въ своемъ *Донъ Жуанѣ*, и изъ его собственныхъ выраженій ясно видно, съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ относился онъ къ вышеупомянутымъ оскорбительнымъ выходкамъ противъ его искусства и его личности; но онъ обладалъ громаднымъ честолюбіемъ, его душа была воспримчива ко всякимъ впечатлѣніямъ, а въ его тѣлѣ таились зародыши смерти; что-же удивительнаго, если злостныя нападенія извнѣ потрясли организмъ, который изнутри истощался изнурительною страстью и изнурительною болѣзью?

Джонъ Китсъ родился въ октябрѣ 1795 г., потерявъ 9-ти лѣтъ отца и былъ, отдавъ матерью въ хорошую школу; онъ лишился матери еще мальчикомъ къ своему горю, не поддающемуся описанію. Его внѣшность соответствовала впечатлѣнію, производимому его поэзіею. Между тѣмъ какъ эфирный и женственный Шелли былъ стройный, тонкій, съ узкими плечами и звонкимъ голосомъ, настоящій земнородный и неповоротливый Китсъ обладалъ нѣсколько короткимъ нижнимъ туловищемъ и широкою, сильною грудью, сильными плечами и глубокимъ низкимъ голосомъ. Его маленькая голова была окружена густыми вьющимися волосами, глаза были большіе, блестящіе, темно-синіе, ярко сіявшіе при всякомъ сильномъ душевномъ волненіи; ротъ красиво оформленъ, съ нижнею губою, настолько выдающеюся впередъ, что она придавала всему лицу вызывающее и воинственное выраженіе. Основною чертою его характера въ юности было упорство и рѣшительность маленькаго англійскаго барсука, и это заставляло думать, что онъ скорѣе отличится на военномъ, чѣмъ на литературномъ поприщѣ. Онъ рано выказалъ большое личное мужество и считался мастеромъ въ физическихъ упражненіяхъ; незадолго до заболѣванія чахоткою онъ отдулъ въ правильномъ кулачномъ бою одного мясника, позволявшаго себѣ невѣжливое обращеніе съ нимъ.

Онъ вышелъ изъ школы въ 15-ти-лѣтнемъ возрастѣ, а съ 15 лѣтъ до 20 занималъ полученное имъ при помощи родныхъ мѣсто въ аптекѣ *Эдмунтона*, въ качествѣ помощника очень искуснаго хирурга, который, согласно обычаю того времени, соединялъ въ своемъ лицѣ врача и аптекаря. Въ 1816 г. онъ началъ въ качествѣ студента посѣщать лондонскіе госпитали, но скорѣе отказался отъ медицины ради литературы. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ совместной жизни съ нѣсколькими молодыми людьми, интересы которыхъ сосредоточивались на искусствѣ и поэзіи, его постигла болѣзнь, унесшая въ могилу его мать и младшаго брата. Она развилась подъ вліяніемъ постоянныхъ заботъ о добываніи куска насущнаго хлѣба, и подъ вліяніемъ постоянной гнетущей нужды. Ускори-лась-же она благодаря глубокой и взаимной, но, въ силу бѣдности Китса, безнадежной страсти къ одной молодой англійско-остъиндской дамѣ. Болѣзнь обусловила необходимость разстаться съ возлюбленною, чтобы поѣхать на югъ. Въ Римѣ она его убила.

Окидывая взоромъ всю нелитературную часть Китса, мы находимъ въ ней три біографическія черты: полную безнадежность по отношенію къ средствамъ

существованія, (онъ мечталъ о Южной Америкѣ, куда думалъ попасть въ качествѣ врача какого-либо путешественника) глубокую и безнадежную страсть „къ ней“, къ той, безъ которой жизнь не представляла для него никакой цѣны и, наконецъ, изнурительную болѣзнь.

Миссъ Фанни (собственно Фрэнсисъ) Браунъ была на пять лѣтъ моложе Китса,—слѣдовательно, 18 лѣтъ, когда онъ въ 1818 г. познакомился съ нею. Онъ жилъ тогда въ Вентвортъ-Плэсъ у Гэмпштеда, въ помѣстьи, состоящемъ всего изъ двухъ домовъ съ садами спереди и сзади; въ одномъ изъ нихъ жила семья Браунъ (Brawne), мать и дочь, въ другомъ—Китсъ со своимъ другомъ Брауномъ (Brawn). Здѣсь провелъ Китсъ первое полугодіе своей любви въ юномъ счастьи. Въ декабрѣ 1818 г. онъ началъ писать *Hyperion*. Въ январѣ онъ написалъ *Isabella*. Въ февралѣ 1819 г., самый плодотворный мѣсяцъ его жизни, онъ сочинилъ свою Оду къ Психеѣ, Вечеръ св. Агнессы и часть *Гиперіона*. Ранней весною онъ, сидя подъ цвѣтущимъ деревомъ въ саду семьи Браунъ, писалъ свою Оду къ соловью. Другими словами, все самое прекрасное, написанное имъ, относится къ этому первому полугодію, въ теченіе котораго онъ совершалъ большіе прогулки съ Фанни и былъ еще здоровъ. Такъ какъ онъ имѣлъ ежедневно возможность видѣть свою возлюбленную, то отъ этого краткаго періода его счастья не сохранилось, къ сожалѣнію, ни одного любовнаго письма. Но въ іюлѣ 1819 г. онъ впервые написалъ ей, и всѣ письма, которыя онъ въ этотъ и въ послѣдній годъ до самой своей смерти посылалъ ей, были опубликованы въ 1878 году.

Первое изъ нихъ еще не меланхоличное. Въ одномъ изъ слѣдующихъ, болѣе раннихъ говорится: „я нуждаюсь въ болѣе радужномъ словѣ, чѣмъ радужное, въ болѣе прекрасномъ, чѣмъ прекрасное“, и отвѣчаетъ на возраженіе съ ея стороны слѣдующимъ образомъ: „Почему я не могу говорить о твоей красотѣ, когда безъ нея я никогда не полюбилъ-бы тебя? Можетъ быть, существуетъ другой видъ любви, къ которому я испытываю величайшее уваженіе и которымъ не могу не восхищаться у другихъ; но у него нѣтъ того богатства, той яркости, той полноты и того очарованія, которыми обладаетъ любовь въ моемъ сердцѣ“.

Но вскорѣ въ этихъ письмахъ начинается проглядывать ревность, оказавшая такое пагубное дѣйствіе на здоровье Китса. Вновь и вновь требуетъ онъ отъ нея обѣщанной преданности. Не будучи еще больнымъ, онъ уже испытываетъ неопредѣленное предчувствіе близости конца. „Существуетъ, говоритъ онъ, два неистощимыхъ сюжета, о которыхъ онъ размышлялъ во время своихъ одинокихъ прогулокъ: ея красота и прелесть, и его собственная смерть... дай Богъ, чтобы я обладалъ ими обоими разомъ“.

Ея письма дѣйствовали въ сущности на него лишь раздражающимъ образомъ. Онъ такъ часто перечитывалъ ихъ, что каждая фраза получала неестественный характеръ и письма казались ему либо холодными, либо полными упрековъ. Онъ мучилъ себя, а затѣмъ и ее своею мелочною подозрительностью, проѣзжалъ,

напр., безъ всякаго повода съ ея стороны не заѣзжая, мимо ея двери, отправляясь въ Гэмпстедъ и зная, что его поступокъ огорчитъ ее. Отъ октября 1819 г. существуютъ, впрочемъ, два счастливыхъ и вполне нѣжныхъ письма. Но въ февралѣ 1820 г. наступаетъ въ его душевной жизни состояніе крайняго возбужденія. Онъ начинаетъ харкать кровью и читаетъ „въ ея окраскѣ свой смертный приговоръ“. Слѣдующія затѣмъ письма кратки; одни еще полны надеждъ и шутилы, другія—рѣзки и въ своей ревливой любви полны подозрѣній. Всѣ они проникнуты неудержимою страстью.

Прочтите этотъ отрывокъ: „Ты знаешь наше положеніе,—ты знаешь, какъ мало надеждъ можно возлагать на будущее, даже если бы я вскорѣ нѣсколько пришелъ въ себя,—состояніе моего здоровья не позволило бы мнѣ дѣлать какихъ бы то ни было усилій. Мнѣ предписано не только не писать, но даже не читать поэтическихъ произведеній. О, Господи! если бы у меня сохранился хоть проблескъ надежды! Я не могу сказать: забудь меня,—но замѣчу, что въ свѣтѣ бываютъ невозможности. Но довольно объ этомъ! Я еще недостаточно силенъ, чтобы отвѣчать отъ.... но ни слова объ этомъ въ твоемъ вечернемъ письмѣ!“

Его силы, повидимому, возвращаются и онъ проситъ ее показаться на минуту у окна, чтобы онъ могъ посмотрѣть на нее, или прогуляться въ саду. Нѣсколько времени спустя онъ проситъ ее не приходить къ нему каждый день: онъ не всегда можетъ выносить ея присутствіе. Но если она не приходила, онъ становился ревнивымъ и беспокойнымъ.

Письма становятся все грустнѣе; ихъ все тяжелѣе и тяжелѣе читать по мѣрѣ приближенія къ неизбежному концу. Послѣднія письма разрываютъ сердце. Въ своихъ страстныхъ порывахъ онъ выказываетъ себя совершенно безпомощнымъ и впадаетъ въ необузданное отчаяніе, точно ребенокъ, воображающій себя забытымъ. Физической борьбѣ со смертью предшествуетъ душевная.

Его возлюбленная выказываетъ ему до послѣдней минуты неизмѣнную нѣжность. Само собою разумѣется, что эта молоденькая, немного кокетливая дѣвушка не имѣла понятія о томъ, какія силы и способности гнѣздились въ этомъ бѣдномъ, чахоточномъ юношѣ, который одновременно обожалъ и мучилъ ее, но она любила его ради него самого, и когда послѣднее его письмо открыло ей, какъ плохо ему приходится, она и ея мать не захотѣли больше предоставлять его заботливымъ попеченіямъ друга, а перенесли его въ ихъ собственную квартиру въ Вентвортъ-Плэсъ, гдѣ онъ и прожилъ послѣдній мѣсяцъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Италію. Эта поѣздка въ Италію была однимъ изъ средствъ спасенія, придуманнымъ врачами.

При другихъ обстоятельствахъ онъ считалъ бы величайшимъ для себя счастьемъ возможность увидѣть страну, природа которой всегда привлекала его и боговъ которой онъ воскресилъ изъ мертвыхъ, но теперь онъ пишетъ: „Мысли о поѣздкѣ въ Италію пробуждаютъ меня каждое утро на разсвѣтѣ. Я попробую предпринять ее, хотя сдѣлаю это съ такимъ чувствомъ, какъ будто мнѣ прихо-

дится маршировать противъ непріятельской батареи.“ На кораблѣ онъ пишетъ о своей любви: „Если бы мое тѣло и могло поправиться, любовь помѣшала бы этому; даже то, ради чего я больше всего желаю жить, сдѣлается главною причиною моей смерти. Я желаю себѣ смерти денно и ночью, чтобы избавиться отъ испытываемыхъ мною страданій, и въ то же время желаю удалить отъ себя смерть, такъ какъ она уничтожаетъ эти самыя страданія, которыя все-таки лучше, чѣмъ ничего. Земля и море, слабость и болѣзнь — великіе разлучники, но смерть разлучаетъ навсегда.... Я рѣдко думаю о моемъ братѣ и моей сестрѣ, которые живутъ въ Америкѣ; но мысль покинуть миссъ Браунъ — страшнѣе всего для меня; когда она появляется, чувство мрака овладѣваетъ мною; я постоянно вижу передъ собою ея образъ, скрывающійся отъ меня все дальше и дальше“. А въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Убѣжденіе, что я больше не увижу ея, убьетъ меня. Мой дорогой Браунъ! если бы она была моею, когда я былъ здоровъ, я никогда не заболѣлъ бы. Я не могу выносить мысли о смерти, — не могу выносить мысли покинуть ее! О Боже, Боже, Боже! Все, что есть у меня напоминающаго о ней, точно стрѣлою пронзаетъ мое сердце. Шелковая подкладка, которую она вшила въ мою дорожную шапку, жжетъ мнѣ голову. Мое воображеніе относительно ея отличается необыкновенною живостью: я вижу ее... я слышу ее. Нѣтъ ничего въ мірѣ, что привлекало бы меня настолько, чтобы хоть на минуту отвлечь мои мысли отъ нея... Я ни слова не могу сказать о Неаполѣ и насколько не тронуть тѣми тысячами новыхъ вещей, которыя окружаютъ меня. Боюсь писать ей. Но мнѣ было бы пріятно, если бы она знала, что я не забылъ ея. О, Браунъ! у меня въ груди горящія уголья. Меня удивляетъ, какъ это человеческое сердце въ состояніи терпѣть и выносить столько горя! Неужели я родился на свѣтъ только для того, чтобы умереть такимъ образомъ“.

Въ послѣдній день ноября 1820 г. онъ пишетъ свое послѣднее письмо. Одинъ знающій врачъ, близкій пріятель Китса въ юности, поддержалъ его жизнь еще въ теченіе всей зимы. Въ Неаполѣ онъ получилъ сердечное письмо отъ Шелли, приглашавшаго его переѣхать въ Пизу и обѣщавшаго ему уходъ и помощь. Но онъ не привялъ предложенія. Послѣ нѣсколькихъ недѣль мучительныхъ страданій наступило состояніе смиренія и покоя, сопровождаемое душевнымъ спокойствіемъ и сномъ. Онъ пожелалъ, чтобы письмо его возлюбленной, которое онъ не рѣшался прочесть, было положено въ его могилу вмѣстѣ съ кошелькомъ и письмомъ его сестры, и завѣщалъ вырѣзать у себя на могилѣ слѣдующія слова: „Здѣсь лежитъ тотъ, имя котораго написано на водѣ“. Прикосновеніе волшебнаго жезла Шелли превратило воду въ ледъ и сохранило на всѣ будущія времена это имя точно вырѣзаннымъ на кристаллѣ¹⁾.

¹⁾ „И потокъ времени обратился въ кристаллическую поверхность, на которой выдѣлялось имя Адонанса.“ — Шелли, Отрывокъ 77. О Китсѣ.

Поэзія Китса — самый благоухающій цвѣтокъ англійскаго натурализма. Когда Китсъ появился на сцену, натурализмъ уже давно существовалъ и успѣлъ пустить сильныя ростки. Лозунгъ его, какъ мы видѣли, былъ сначала оформленъ Вордсвортомъ и такъ планомерно выполненъ имъ, что его стихотворенія были раздѣлены на группы, соответствовавшія различнымъ возрастамъ жизни и различнымъ способностямъ души. Онъ получилъ у Кольриджа опору въ полу-шеллинговской натуръ-философіи; онъ выступилъ побѣдоносно у Скотта въ видѣ опирающагося на любовь къ родинѣ, изученіе людей и мѣстностей, въ видѣ воодушевленія родною исторіею и гениальнаго умѣнья распознавать сокровенное значеніе каждой расы. Онъ, наконецъ, проявляется у Мура и Китса въ качествѣ роскошнаго, богатаго сенсуализма, составляющаго особенность организмовъ, чувства которыхъ обладаютъ такой воспримчивостью къ впечатлѣніямъ красоты вѣшняго міра, что впечатлительность обыкновенныхъ людей кажется въ сравненіи съ ними вялою и слабою. Но у Мура чувственность, обнаруживающаяся въ художественномъ смыслѣ въ тепломъ и блестящемъ колоритѣ, направлена односторонне на эротику и отличается легкимъ, игривымъ характеромъ. У Китса же она всеобъемлюща, тяжеловѣсная, далеко не эротичнаго характера, но всесторонняя, и въ этой своей всесторонности образуетъ замѣчательное явленіе общаго англійскаго натурализма, который привелъ у Вордсворта къ одной, уже описанной нами крайности, а у Китса привелъ къ совершенно другой, представляющей въ поэтическомъ отношеніи гораздо большее значеніе.

Среди всѣхъ поэтовъ Англіи Китсъ обнаружилъ больше всего художественности. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые меньше всего интересуются догматами. Его поэзія не опирается на любви къ родинѣ, какъ поэзія Скотта и Мура; она не провозглашаетъ свободы, какъ поэзія Байрона и Шелли, — это чистое искусство, опирающееся только на фантазію. Одно изъ любимыхъ его выраженій было, что истинный поэтъ не можетъ имѣть никакихъ теорій или мнѣній, никакой морали, даже своего я. А почему? Потому что поэтъ въ равной степени радуется свѣту и тьмѣ, и испытываетъ такое же удовольствіе, создавая образъ Яго, какъ и образъ Имогены. О всѣхъ поэтахъ, забывавшихъ себя ради предметовъ своей фантазіи, можно сказать, что они въ часы творчества откладывали по возможности въ сторону свои частныя особенности и пристрастія; но къ Китсу эти слова могутъ быть примѣнены въ самой сильной степени. Если другіе и очищали свои кабинеты отъ части своихъ частныхъ надеждъ, мечтаній и принциповъ, то никто не дѣлалъ этого такъ добросовѣстно, какъ онъ. Его кабинетъ, какъ говорить одинъ изъ его поклонниковъ, походилъ на „мастерскую художника съ единственною мебелью — мольбертомъ“.

Между тѣмъ это поэтическое равнодушіе Китса къ возрѣніямъ и принципамъ представляло также своего рода міровоззрѣніе и принципъ, вытекающіе изъ поэтическаго обожествленія природы. Для строго послѣдовательнаго пантеиста въ поэтическомъ искусствѣ всѣ формы, всѣ существа, всѣ явленія жизни на

землѣ, въ которыя углубляется фантазія, дороги и притомъ въ одинаковой степени. Китсъ не признаетъ для поэта такой истины, которая стремится улучшить или что-либо исключить; но онъ питаетъ почти религіозную вѣру въ самую силу воображенія, какъ въ источникъ истины. Въ одномъ изъ его писемъ говорится: „Я ни въ чемъ не увѣренъ въ такой сильной степени, какъ въ томъ, что чувства сердца священны, а фантазія истинна. То, что она признаетъ красотою, должно быть истинно, все равно, признавалась-ли она раньше таковою или нѣтъ,—потому что я придерживаюсь такого-же мнѣнія о всѣхъ нашихъ страстяхъ, какъ и о любви: онѣ всѣ въ апогее своего развитія отличаются красотою. Фантазію можно сравнить со сномъ Адама: онъ проснулся и увидѣлъ, что это была правда“. Онъ развиваетъ дальше различіе между этимъ видомъ истины и тѣмъ, къ которому приближается путемъ размысленія, и произноситъ слѣдующія слова, дающія ключъ къ пониманію всей его поэзіи: „Ахъ, насколько лучше жизнь ощущеній, чѣмъ жизнь мыслей!“ (O for a life of sensations rather than of thoughts).

Онъ дѣйствительно провелъ большую часть жизни въ впечатлѣніяхъ чувствъ, въ удовольствіяхъ и страданіяхъ, причиняемыхъ чувствами. „Возьмите, говоритъ Массонъ, физиологію и просмотрите одинъ за другимъ такъ называемые разряды ощущеній,—ощущенія, связанные съ простыми мускульными состояніями, съ тѣми, которыя соединены съ жизненными процессами въ родѣ кровообращенія, питанія, дыханія и электрическаго соединенія съ окружающими тѣлами,—однимъ словомъ, ощущенія вкуса, обонянія, осязанія, слуха, зрѣнія, и окажется, что Китсъ былъ необыкновенно богато одаренъ ими.

Напр., онъ былъ чрезвычайно воспріимчивъ ко всякимъ пріятнымъ ощущеніямъ неба и старался утолить ихъ особенными возбуждающими средствами. Одинъ изъ его друзей рассказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ Китсъ клалъ на языкъ кайенскій перецъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, лучше наслаждаться пріятнымъ вкусомъ глотка холоднаго краснаго вина. „Разъ мы говоримъ объ удовольствіяхъ, говоритъ онъ самъ въ одномъ письмѣ, то я пишу въ эту минуту одною рукою, а другою подношу ко рту персикъ“; поэтому нельзя удивляться, что взятые изъ этой области образы часто встрѣчаются у него. Въ его по справедливости знаменитой „Одѣ къ меланхоліи“ говорится объ этомъ божествѣ, что алтарь его возвышается въ самомъ храмѣ радости, который видимъ только тѣмъ, кто умѣетъ „сильнымъ языкомъ раздавить виноградину радости о свое нѣжное гѣбо“, а въ одномъ изъ послѣднихъ сонетовъ Китса онъ описываетъ приближеніе смерти многозначущими словами,—что „нѣбо его души утратило способность ощущать вкусъ“.

Понятно, что зрѣніе и слухъ снабжали его еще болѣе разнообразными ощущеніями, чѣмъ второстепенныя и менѣе благородныя чувства. Онъ обладалъ любовью музыканта къ музыкѣ и умѣніемъ живописца распознавать оттѣнки свѣта и красокъ. Отсюда понятно, что онъ для всѣхъ видовъ звука, запаха,

вкуса и осязанія обладалъ такимъ громаднымъ запасомъ словъ, какой рѣдко встрѣчается и у болѣе великихъ поэтовъ, и отсюда видно, что онъ родился съ такими задатками, которые, будучи развиты и оформлены, образовали совмѣстно необыкновенную способность воспринимать и изображать всякую красоту въ природѣ.

Изображать ее было его мечтою съ раннихъ лѣтъ, и хотя онъ и говорилъ о себѣ, что у него нѣтъ никакихъ „мнѣній“, кромѣ мнѣній объ искусствѣ, тѣмъ не менѣе онъ страстно примкнулъ къ перевороту, созданному Вордсвортомъ и Кольриджемъ въ сужденіяхъ о поэтахъ предыдущаго столѣтія. Спенсеръ былъ его божествомъ, псевдо-классицизмъ внушалъ ему ужасъ, а въ стихотвореніи „Сонъ и поэзія“ онъ изложилъ свое художественное profession de foi, которое трудно было-бы выразить съ большею рѣзкостью. Описавъ прежніе поэтическіе триумфы Англіи, онъ восклицаетъ ¹⁾.

Could all this be forgotten, Yes, a schism,
Nurtured by foppery and barbarism,
Made great apollo blush for this his land.
Men were thought wise who could not understand
His glories: with a puling infant's force
They swayed about upon a rocking-horse,
And thought it Pegasus. Ah, dismal souled!
The winds of heaven blew, the ocean rolled
Its gathering waves—ye felt it not. The blue
Bured its eternal bosom, and the dew
Of summer nights collected still to make
The morning precious: beauty was awake!
Why were ye not awake? But ye were dead.
... ..
... .. they went about,
Holding a poor, decrepit standard out,
Marked with most flimsy, mottoes, and in large
The name of one Boileau!

(Можетъ ли это быть позабыто? Да, расколъ, порождаемый глупостью и варварствомъ, заставилъ великаго Аполлона покраснѣть за свою страну. Мудрыми считались люди, которые не могли понять его славу: съ дѣтскимъ увлеченіемъ они качались на конѣ-качалкѣ, принимая его за Пегаса. Ахъ, глупцы! Вѣтеръ небесный дулъ, океанъ катилъ свои вздымавшіяся волны,—вы этого не чувствовали. Синева небесъ красовалась надъ вами, а роса лѣтнихъ ночей падала на траву, чтобы украсить утро: красота пробуждалась! Почему-же вы не пробудились? Потому что вы были мертвы... Онъ шествовалъ впередъ, держа въ

¹⁾ Keat's Poems стр. 54.

рукахъ несчастное ветхое знамя, пестрѣвшее жалкими девизами, между тѣмъ какъ надъ девизами стояло имя одного только Буало!)

Еще за долго до того, какъ во Франціи поднялась буря противъ этого знаменитаго стараго имени, Китсъ выступилъ въ походъ противъ него; самъ Теофилъ Готье не упоминалъ съ большимъ негодованіемъ его имени.

Должно быть этотъ отрывокъ, энергическій стиль котораго напоминаетъ о картинѣ Каульбаха въ Мюнхенѣ, изображающей живописца стараго времени, спящаго съ манекеномъ въ рукахъ, далъ поводъ къ постояннымъ нападкамъ Байрона на Китса, какъ на противника Попа. Но Китсъ не напечаталъ никогда ни одной строки противъ Попа, и когда графиня Гвиччола въ своемъ наивномъ сочиненіи о Байронѣ возвращается къ этимъ нападкамъ, возмущившимъ ея возлюбленнаго, то это не болѣе, какъ милая женская болтовня. Но, по всей вѣроятности, Китсъ думалъ и о Попѣ, когда говорилъ о тѣхъ, уши которыхъ глухи для музыки моря и вѣтра, и которые спятъ, въ то время, какъ утро разворачивается во всей своей красѣ.

Онъ лично не принадлежалъ къ числу этихъ людей. Стараясь проникнуть въ глубину оригинальности Китса, мы видимъ, что въ основѣ ея лежитъ внутренній сенсуализмъ. Прочитайте въ „Одѣ къ соловью“ слѣдующую строфу. ¹⁾

O, for a draught of vintage! that hath been
Cooled a long age in the deep-delved earth,
Tasting of Flora and the country green,
Dance, and Provencal song, and sunburnt mirth.
O for a beaker of the warm South,
Full of the true, the blushful Hippocrene,
With beaded bubbles winking at the brim,
And purple-stained mouth;
That I might drink, and leave the world unseen,
And with thee fade away into the forest dim.

(Ахъ, если-бы мнѣ дали глотокъ вина, долгіе годы охлаждавшагося въ глубинѣ земли, отдавашаго запахомъ цвѣтовъ и зелени, танцами, провансальскими пѣснями, и весельемъ, развивавшимся подъ палящими лучами солнца! Ахъ, если-бы мнѣ дали кубокъ, наполненный напиткомъ горячаго юга, настоящаго, румянаго Иппокреаса, съ жемчужными пузырьками на поверхности и ярко-пурпуровыми устами,—чтобы я могъ пить, оставить невидимымъ міръ и исчезнуть съ тобою въ мгlistомъ лѣсу).

И сравните слѣдующія строчки изъ *Endymion*: ²⁾

. Taste these juicy pears
Sent me by sad Vertumnus

¹⁾ Keat's Poems, стр. 272.

²⁾ Keat's Poems, стр. 117.

. here is cream
Deepening to richness from a snowy gleam;
Sweeter than that nurse Amalthea skimmed
For the boy Jupiter: and here, undimmed
By any touch, a lunch, of blooming plums
Ready to melt between an infants' gums.

(Попробуйте этихъ сочныхъ грушъ, присланныхъ мнѣ грустнымъ Вертумномъ... а вотъ сливки, густѣющіе подъ снѣжнымъ покровомъ,—слаже, чѣмъ тѣ, которыя кормилица Амалтея снимала для маленькаго Юпитера; а вотъ пучекъ сливъ не испорченныхъ еще ничѣмъ прикосновениемъ, готовыхъ таять среди десея младенца).

Утонченнымъ и богатымъ вкусовымъ ощущеніямъ соотвѣтствуютъ и идеальная утонченность обонянія и осязанія. Въ *Isabella*, стихотвореніи, которое послѣ Боккачіо разрабатываетъ тотъ же сюжетъ, что и Андерсенъ въ сказкѣ Розовый эльфъ, говорится въ томъ мѣстѣ, гдѣ молодая дѣвушка беретъ отрубленную голову своего возлюбленнаго ¹⁾:

Then in a silken scarf—sweet with the dews
Of precious flowers, plucked in Araby,
.
She wrapped it up; and for its tomb did choose
A garden-pot, wherein she laid it by,
And covered it with mould, and o'er it set
Sweet Basil, which her tears kept ever wet.

(Она взяла шелковый шарфъ,—благоухающій драгоцѣнными цвѣтами, сорванными въ Аравіи, и завернула въ него голову; а могилою для нея она выбрала садовый горшокъ, куда она положила чудную жидкость, которая вытекала изъ холодной золоченой трубы, освѣжая трупъ; она покрыла ее сверху землею, а сверху положила голову ея возлюбленнаго Базиля, обливая ее слезами).

Въ *Lamia* говорится слѣдующее о приѣмѣ, оказанномъ гостямъ на свадьбѣ молодой пары: ²⁾

When in an ante-chamber every guest
Had felt the cold full sponge to pleasure pressed,
By minist'ring slaves, upon his hands and feet,
And fragrant oils with ceremony meet
Poured on his hair, they all mowed to the feast
In white robes, and themselves in order placed
Around the silken couches.

¹⁾ Keat's Poems, стр. 218—9.

²⁾ Keat's Poems, стр. 305—6.

(Послѣ того, какъ каждый гость въ передней съ наслажденіемъ почувствовалъ прикосновеніе къ рукамъ и ногамъ холодныхъ, полныхъ влаги губокъ, подносимыхъ услужливыми рабами, и облилъ себѣ волосы душистымъ масломъ, всѣ направились въ залу въ бѣлыхъ одеждахъ и расположились въ порядкѣ вокругъ шелковыхъ дивановъ.)

Въ одномъ изъ Посланій встрѣчается слѣдующая строка о лебедѣ, которая при своей чувственной образности отличается замѣчательной сжатостью: „Ты выцѣловывала свою ежедневную пищу изъ жемчужныхъ рукъ Наядъ“ (Kissing the daily food from Najad's pearly hands).

Излишне останавливать вниманіе читателя на отдѣльныхъ изящныхъ сторонахъ этихъ отрывковъ. Но переходя теперь къ области зрѣнія, мы вступаемъ въ настоящую сферу Китса, хотя зрѣніе никогда не дѣйствуетъ одно въ его поэзіи. Между тѣмъ какъ описаніе природы у Вордсворта вводитъ насъ въ настоящую флору, мы вмѣстѣ съ Китсомъ входимъ въ теплицу: мягкое, влажное тепло обвиваетъ насъ; пестрые цвѣты и сочные фрукты ласкаютъ нашъ взоръ, а стройныя пальмы, сквозь вѣтви которыхъ никогда не проникаетъ грозный вѣтеръ, двигаютъ, слегка кивая, своими длинными широкими вѣрообразными листьями. Онъ сочинилъ пѣснь къ осени, крайне типичную для его описаній природы. Онъ показываетъ, какимъ образомъ осень сговаривается съ старѣющимъ солнцемъ, чтобы оплодотворить виноградную лозу, обвивающую соломенную крышу, чтобы заставить покрытыя мхомъ вѣтви яблонь согнуться подъ тяжестью яблокъ, чтобы наполнить всѣ фрукты сокомъ до сердцевины, чтобы заставить тыкву налиться, а орѣхъ—вырастить сладкое зернышко. Затѣмъ онъ мастерски описываетъ осень, какъ живую личность: ¹⁾

Who hath not seen thee oft amid thy store?
Sometimes whoever seeks abroad may find
Thee sitting careless on a gramary floor,
Thy hair soft-lifted by the winnowing wind;
Or in a half-reaped furrow sound asleep,
Drowsed with the fume of poppies, while thy hook
Spares the next swath and all its twined flowers.

(Кто не видѣлъ тебя часто среди твоихъ запасовъ! Иногда тотъ, кто, подстерегалъ тебя, замѣчалъ, какъ ты сидѣла безпечно на полу амбара, между тѣмъ какъ вѣтеръ развѣвалъ слегка твои волосы; или же видѣлъ тебя отдыхающей на полускошенной полосѣ, опьяненной запахомъ маковъ, между тѣмъ какъ твой серпъ щадилъ сосѣднюю полосу съ ея роскошными цвѣтами).

Китсъ не можетъ упоминать о какомъ либо названіи или понятіи, не облакая его немедленно въ тѣлесную, пластическую форму. Его многочисленныя аллегоріи

¹⁾ Keat's Poems, стр. 284.

полны жизни и огня: онѣ точно выгравированы на камнѣ руками лучшихъ итальянскихъ художниковъ XVI вѣка. Онъ говоритъ о меланхоли: она сопутствуетъ красотѣ,—красотѣ, которой суждено умереть; и радости, рука которой постоянно находится у губъ, посылая прощальный привѣтъ (the dwells with Beauty—Beauty that must die, and Joy, whose hand is ever at his lips, bidding adieu ¹⁾) Онъ говоритъ о поэзіи: „это неистощимый источникъ свѣта; это высочайшая сила; это сама власть, полу-дремлющая на своей правой рукѣ“.

Такимъ образомъ мы видимъ, какъ поэтическія способности Китса все возрастаютъ въ объемѣ. Его исходною точкою и исходною точкою самыхъ прекрасныхъ изъ его меньшихъ стихотвореній (какъ, напр., „Оды къ соловью“) является описаніе чисто физическаго состоянія, какъ-то: томности, нервности, оупѣнія, слѣдующаго за пріемомъ опіума, жажды, истощенія; на этомъ фонѣ раздражительности, возбудимости, выдѣляются чувственные образы, отчетливые и округленные, точно рельефы на плитѣ. При видѣ образовъ, рисуемыхъ Китсомъ, невольно приходитъ на мысль слово: „выкованные“. Въ нихъ есть столько законченнаго и полновѣснаго, какъ будто они отточены.

Обратите вниманіе, какъ образы мало-по-малу выдѣляются въ первой и въ третьей строкахъ Ode to Indolence: „Недавно я увидѣлъ три фигуры въ профиль, съ опущенными головами, сложенными свободно руками. Онѣ шли мѣрнымъ шагомъ одна за другою, облаченные въ бѣлыя одѣянія. Подобно фигурамъ на мраморныхъ урнахъ, которыя исчезаютъ, когда вы поворачиваете урну на другую сторону, онѣ исчезли, и затѣмъ вновь появились, точно урну повернули обратно въ другую сторону, возвращаясь къ жизни избранныхъ, чуждыя мнѣ, точно ваза, никому не принадлежащая, существа, неизвѣстныя ни одному изслѣдователю.—Онѣ прошли мимо меня въ третій разъ и, проходя, окинули меня мимолетнымъ взоромъ. Затѣмъ онѣ исчезли. Я почувствовалъ неудержимое стремленіе послѣдовать за ними туда, гдѣ никто не могъ бы приблизиться ко мнѣ: первая изъ нихъ была любовь, прелестная дѣвушка, другая—честолюбіе, съ блѣдными щеками, усталыми глазами, не смыкавшимися ни днемъ, ни ночью. Последняя, которую я тѣмъ болѣе люблю, чѣмъ больше ее позорять, была гордая духомъ поэзія“.

Но только въ нѣсколькихъ воплѣтъ законченныхъ пѣсняхъ Hyperion'a Китсу удалось на столько овладѣть своими художественными средствами, чтобы осуществить идеалъ пластически чувственной опредѣленности, который носился передъ его глазами. Здѣсь рельефность пропадаетъ, а мѣсто рельефа заступаетъ статуя, но такого стили, что намъ кажется, будто рѣзецъ Микель Анджело помогаль при ея созданіи. Весьма можетъ быть, что, читая эти произведенія, чувствуешь вліяніе на автора Мильтона, но въ нихъ есть нѣчто большее, чѣмъ у Мильтона. Уже одинъ характеръ сюжета доводитъ образы до колоссальныхъ размѣровъ.

¹⁾ Keat's Poems, 286.

Прочитайте слѣдующія строки о богинѣ Теѣ ¹⁾.

By her in stature the tall Amazon
Had stood a pigmy's height: she would have tu'en
Achilles by the hair and bent his neck;
Or with a finger stayed Jxion's wheel.

(При ней высокая амазонка казалась бы пигмеемъ по росту; она могла-бы взять за волосы Ахиллеса, заставляя его склонить голову и однимъ пальцемъ остановить колесо Иксиона).

Или прочитайте это описаніе пещеры, въ которой собрались титаны послѣ своего паденія ²⁾.

It was a den where no insulting light
Could glimmer on their tears; where their own groans
They felt, but heard not for the solid roar
Of thunderous waterfalls and torrents hoarse,
Pouring a constant bulk, uncertain where.
Crag petting forth to crag, and weks that seemed
Ever as if just rising from a sleep,
Forehead to forehead held their monstrous horns;
And thus in thousand hugest fantasies
Made a fit roofing to this nest of woe.
Instead of thrones, hard flint they sat upon,
Couches of rugged stone and sloty ridge
Stubborned with iron. All were not assembled;
Some chained in torture, and some wandering;
Coeus, and Gyges, and Briareüs,
Euphen, and Dolor, and Porphyriön,
With many more, the brawniest in assault,
Were pent in regions of laborious breath;
Dungeoned in opaque element, to keep
Their clenched teeth still clenched, and all their limbs
Locked up like veins of metal, cramped and screwed;
Without a motion, save of their big hearts
Heaving in pain, and horribly convulsed
With sanguine, feverous, boiling gurge of pulse

(Это была пещера, гдѣ оскорбительный свѣтъ не могъ освѣщать ихъ слезъ, гдѣ они чувствовали свои собственные стоны, но не слышали ихъ, потому что они заглушались грохотомъ шумныхъ водопадовъ и хриплымъ звукомъ потоковъ,

¹⁾ Keats's Poems, 245.

²⁾ Keats's Poems, стр. 255—6.

мчащихся впередъ, неизвѣстно куда. Одна гора возвышалась надъ другою, громоздились скалы, какъ бы только что возставшія отъ сна, выдвигая одна за другою свои чудовищныя вершины, и образуя въ тысячахъ фантастическихъ облаковъ крышу надъ этимъ гнѣздомъ мученій, какъ нельзя болѣе подходящую для него. Въмѣсто троновъ, титаны возсѣдали на твердыхъ кремнистыхъ камняхъ и на обломкахъ сланца съ примѣсю желѣза. Не всѣ они были собраны здѣсь: нѣкоторые мучились въ оковахъ, другіе странствовали вдаль. Кей и Гигея и Бриарей, Тифонъ, Долоръ и Порфирій, съ многими другими, самые храбрые въ бою, были заперты въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они могли съ трудомъ дышать; сжатые въ тѣсномъ пространствѣ, такъ что они не могли раскрыть рта, а всѣ ихъ члены были скрючены и скорчены, подобно жиламъ металловъ; они сидѣли безъ движенія, — только ихъ мощныя сердца вздымались въ страданіяхъ, судорожно сжимаясь и пульсируя сильными, лихорадочными, горячечными ударами).

Байронъ, относившійся въ началѣ такъ строго къ Китсу, не преувеличилъ, когда сказалъ о поэмѣ Гиперіонъ, что она „дѣйствительно какъ-бы внушена титанами и такъ-же возвышенна, какъ и самъ Эсхиль. У насъ уже имѣется достаточно доказательствъ силы фантазіи молодого поэта; какъ ни сладки его мелодіи, но его оригинальную особенность среди другихъ англійскихъ поэтовъ составляетъ именно присущая ему сила фантазіи. Благодаря чисто художественному характеру своей поэзіи, онъ образуетъ переходъ отъ консервативныхъ поэтовъ къ поэтамъ либеральнымъ, но все же съ явственнымъ стремленіемъ къ прогрессу, — стремленіемъ, лучшимъ доказательствомъ котораго является его восторженная дружба съ Лейгомъ Гунтомъ, радикальнымъ редакторомъ Examiner.¹⁾ Онъ чувствовалъ то, что писалъ, когда въ припадкѣ негодованія на управленіе Ливерпуля — Кэстлри воскликнулъ въ своемъ стихотвореніи Къ надеждѣ: „О дайте мнѣ увидѣть мою страну сохранившею свою душу, свою гордость и свою свободу, а не одну только тѣнь свободы!“

Имена Вильгельмъ Телль, Вильямъ Уоллесъ, и главнымъ образомъ, Костюшко постоянно упоминаются въ его стихотвореніяхъ съ величайшимъ уваженіемъ и восхищеніемъ. Во что бы онъ развился, достигнувъ зрѣлаго возраста, нельзя сказать. Когда онъ писалъ свои послѣднія пѣсни, онъ все еще такъ-же мало зналъ свѣтъ, какъ ребенокъ.

Не слѣдуетъ забывать, что онъ писалъ ихъ среди тяжкихъ страданій, среди полного отсутствія душевнаго спокойствія во время работы. Поэтому-то

¹⁾ Замѣтите благозвучіе его пѣсни эльфовъ.

Shed no tear! o shed no tear!

The flower will blow another year.

Weep no more! weep no more!

Young buds sleep in the roots white core, и т. д.

(Не проливай слезъ! не проливай слезъ! Цвѣты зацвѣтаютъ на другой годъ! Не плачь! не плачь! Молодые бутоны спятъ въ бѣлой сердцевинѣ корней!)

онѣ, можетъ быть, такъ и хороши. Хотя-бы художникъ и не вносилъ ничего изъ своей частной жизни въ свои произведенія, хотя-бы онѣ, какъ Китсъ, едва упоминалъ-бы въ нихъ о своей глубокой страсти, но ни одна работа не получается той жизни, того колорита, того божественнаго огня на челѣ, какими бываетъ запечатлѣна та, которая выполняется въ то время, какъ творецъ ея не только пишетъ, но и живетъ и страдаетъ. Ни заботы о кускѣ насущаго хлѣба, ни чахотка, ни страсть къ остъ-индской дѣвушкѣ не наложили своего отпечатка на работу Китса; но изъ всего яда, который они вливали въ него, онѣ извлекалъ пищу для своихъ заботъ.

Такимъ-то образомъ, сошелъ Китсъ въ свою раннюю могилу, и едва успѣлъ онѣ быть похороненнымъ, какъ воскресъ изъ мертвыхъ въ надгробной пѣснѣ, которую Шелли пропѣлъ надъ его могилой. Онѣ пересталъ существовать, какъ Китсъ, а превратился въ мифа, въ Адониса, въ прекраснаго юношу, любимца всѣхъ музъ и стихій, и, сдѣлавшись мифомъ, сталъ вести съ тѣхъ поръ въ сознаніи потомства двойственное существованіе.

„Онѣ живетъ, онѣ бодрствуетъ — умерла смерть а не онѣ. Не горюйте-же объ Адонисѣ!.. теперь онѣ одно съ природою. Его голосъ слышится въ каждомъ ея звукѣ, начиная отъ раскатовъ солнца и кончая сладкою музыкою, исходящею изъ груди соловья... Онѣ часть того чуднаго міра, который онѣ расширилъ. Онѣ принималъ участіе въ творчествѣ той силы, помощью которой царство духа властно придаетъ толпѣ новыхъ существъ ту форму, которою ихъ снабжаетъ жизнь и душа... Всѣ, уступившіе ему по славѣ и гению, взволнованные встаютъ съ небесныхъ престоловъ при его приближеніи. Блѣдный Чаттертонъ, съ лицомъ, запечатлѣннымъ борьбою со смертію; Сидней... и много другихъ, едва извѣстныхъ на землѣ... Они восклицаютъ: „ты сдѣлался однимъ изъ нашихъ. Тебя такъ долго ждалъ нѣмой міръ безъ короля, такъ давно уже носящійся безъ кормила по вѣтру“. Онѣ одинъ молчалъ среди неба, полнаго пѣсней. Возсядь-же на свой звѣздный престолъ и направляй его движенія!“¹⁾

Врядъ-ли можно найти въ исторіи поэзіи pendant къ этой элегіи. Это непосредственное просвѣтленіе существа послѣ смерти, поэтическое просвѣтленіе чисто натуралистическаго и чисто человѣческаго рода. Для Шелли истинный апофеозъ Китса заключался въ представленіи; онѣ теперь одно съ природою (He is made one with nature).

ХП.

Въ ноябрѣ 1825 г. Вальтеръ Скоттъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „Томасъ Муръ здѣсь... Въ его характерѣ мужественная откровенность соединяется съ безукоризненнымъ приличіемъ и хорошимъ воспитаніемъ.—Въ немъ нѣтъ и при-

¹⁾ Schelley Adonais, строфа 41—43.

знака поэта или педанта... Его лицо не представляетъ ничего необычнаго, но его черты лица такъ оживлены,—особенно когда онѣ говоритъ или поетъ,—что онѣ кажется гораздо болѣе привлекательнымъ, чѣмъ какимъ могъ-бы быть при правильной красотѣ. Я помнилъ, что Байронъ и устно, и въ своемъ дневникѣ часто упоминалъ о Мурѣ и обо мнѣ одновременно, и притомъ съ одинаковымъ уваженіемъ, и мнѣ захотѣлось узнать, что есть между нами общаго, такъ какъ Муръ жилъ постоянно среди высшаго общества, я же постоянно проживалъ въ деревнѣ съ дѣловыми людьми, а также часто въ обществѣ государственныхъ дѣятелей;—такъ какъ Муръ былъ ученымъ, а я нѣтъ; онѣ былъ превосходнымъ музыкантомъ,—я же не зналъ ни одной ноты; онѣ былъ демократомъ, я—аристократомъ, не говоря уже о томъ, что онѣ—ирландецъ, а я—шотландецъ. Одно только было у насъ общее, нѣчто, представлявшее важный пунктъ сходства: мы оба были добродушными людьми, которые наслаждались данною минутою, не заботясь о поддержаніи своего достоинства, и оба знали достаточно свѣтъ, чтобы отъ всего сердца презирать тѣхъ чванливыхъ господъ, которые своимъ литературнымъ важничаніемъ напоминаютъ человѣка, встрѣченнаго Джонсономъ въ гостинницѣ; онѣ представился ему, какъ: „великій Туальми, изобрѣтатель утѣхи въ формѣ шлюзы“. Было-бы радостнымъ добавленіемъ къ моему счастью, если-бы Томасъ Муръ имѣлъ помѣстье въ двухъ миляхъ отъ моего.—Мы вмѣстѣ ходили въ театръ, и такъ какъ, къ счастью, въ этотъ вечеръ въ театрѣ оказалась хорошая публика, то она съ восхищеніемъ приняла Томаса Мура. Я готовъ былъ расцѣловать ее, потому что она этимъ какъ-бы уплатила мой долгъ за хорошей пріемъ, оказанный мнѣ въ Германіи“.

Въ этихъ сердечныхъ добродушно-веселыхъ словахъ великій дѣятель Шотландіи провелъ параллель между собою и національнымъ поэтомъ Ирландіи. Сходство въ ихъ положеніи, какъ признанныхъ и глубоко уважаемыхъ представителей двухъ связанныхъ съ Англіею и зависимыхъ отъ нея государствъ, заставляетъ выступать съ еще большею рѣзкостью различіе между ними. Оно основывается прежде всего на различіи въ положеніи Шотландіи и Ирландіи по отношенію къ господствующему племени. Положеніе Шотландіи было подчинено, но въ то же время и опредѣлено точно закономъ, и шотландцы посылали своихъ представителей въ англійскій парламентъ. Напротивъ того, ирландцы, которые, отчасти благодаря гораздо болѣе глубокому расовому различію, отчасти благодаря исповѣданію большинствомъ народа религіи, рѣзко отличающейся отъ англиканской, находились въ теченіе шестисотъ лѣтъ подъ властью правительства, надъ которымъ они обладали такимъ же правомъ контроля, какъ и индусы или сингалезы надъ своимъ. Протестантскій парламентъ страны засѣдалъ одно время въ католической Ирландіи, только въ качествѣ непріятельскаго гарнизона въ завоеванной странѣ. Это была толпа властителей, управлявшихъ отъ имени иностранной державы, съ полнымъ правомъ угнетать, но ихъ смирляли помощью подкуповъ или подавляли помощью насильственныхъ дѣйствій, какъ только они пробовали дѣ-

латъ малѣйшую попытку къ сопротивленію. Ирландскій противникъ находился въ дѣйствительности не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ его католическіе соотечественники; онъ могъ купить милость своего господина, только жертвуя выгодами своей страны и пользовался одною только печальною привилегіею—„быть одновременно рабомъ и господиномъ“.

Англійскому племени повезло въ томъ отношеніи, что какъ его недостатки, такъ и его добродѣтели обезпечили ему побѣду въ борьбѣ за политическую власть и самостоятельность; его эгоизмъ и его высокомеріе принесли ему почти столько-же пользы, какъ и его здравый смыслъ и его энергія. Напротивъ того, ирландское племя, подобно гальскому, столько-же своими добродѣтелями, сколько и своими недостатками было, повидимому, осуждено на политическую зависимость. Надо, конечно, принять во вниманіе, что характеръ побѣжденнаго племени всегда рисуется въ извращенномъ видѣ въ описаніяхъ побѣдителей, но все-же нельзя не согласиться, что легкомысліе, живость, привлекательность, пылкость ирландцевъ, ихъ безпокойное геройское мужество, ихъ мятежный рыцарскій характеръ, ихъ любовь къ свободѣ и нѣкоторая наклонность къ возстаніямъ, соединяющіеся у нихъ съ пристрастіемъ къ пышности и блеску королевской власти, доставляютъ далеко не прочную основу для спокойной и независимой государственной жизни. Имъ недостаетъ гражданскихъ добродѣтелей новѣйшаго времени, а тѣ, которыми они обладаютъ, принадлежатъ къ области прошлаго: ихъ набожность граничитъ съ самымъ слѣпымъ суевѣріемъ, ихъ лойяльность состоитъ, подобно лойяльности ихъ собратьевъ въ Бретани, въ вассальной преданности старинному дворянству своей страны, а ихъ блестящее мужество не дисциплинировано и выражается вспышками. Наконецъ, продолжительный гнетъ наложилъ свой отпечатокъ на ихъ душу. Имъ недостаетъ довѣрія къ своимъ силамъ, они легко впадаютъ въ притворство и не менѣе легко въ безпечность; они слишкомъ неосторожны въ виду опасности и слишкомъ легко пугаются въ минуту ея наступленія; они не умѣютъ пользоваться свободою, даже когда она на короткое время предоставляется имъ, потому что люди только путемъ продолжительнаго опыта научаются какъ слѣдуетъ обращаться съ нею.

Существуютъ неспытныя племена, подобно тому, какъ существуютъ неопытные люди. У ирландцевъ есть одна сторона, въ которой они сродни съ французами, возбуждавшими всегда ихъ живѣйшую симпатію; другою стороною они напоминаютъ поляковъ, третью обнаруживаютъ сходство съ восточными народностями. Среди послѣднихъ Ирландскихъ мелодій Мура находится стихотвореніе Параллель (The Parallel), въ которомъ Муръ отвѣчаетъ на направленную противъ ирландцевъ брошюру, доказывающую, что они происходятъ отъ евреевъ, и сопоставляетъ судьбу ирландцевъ съ судьбою еврейскаго народа:

Like thee doth our nation lie conquer'd and broken,
And fall'n from her head is the once royal crown;

In her streets, in her halls, Desolation hath spoken,
And while it is day yet, her sun hath gone down.

(Подобно тебѣ, наша нація побѣждена, разбита, спала съ ея головы королевская корона; на ея улицахъ, въ ея домахъ воцарилась скорбь, и хотя день еще не кончился, ея солнце закатилось).

Даже само племя носитъ восточный отпечатокъ. „Ирландцы“, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Байронъ по поводу Мура, „хвлятся своимъ восточнымъ происхожденіемъ, и, дѣйствительно, необузданность, нѣжность и яркія краски ихъ воображенія, пылкій и восторженный характеръ ихъ мужинъ, красота и азіатская прелесть ихъ молодыхъ дѣвушекъ говорятъ въ пользу этого мнѣнія“. Племя съ этими основными чертами характера должно было неизбежно сдѣлаться быстро добычею стойкаго и жестокаго англійскаго владычества.

Краткій очеркъ исторіи Ирландіи въ періодъ юности Томаса Мура полезенъ для того, чтобы выяснить, какимъ образомъ этотъ нѣжный, мягко настроенный поэтический умъ первый заставилъ англійскую поэзію, успокоившуюся на созерцаніи природы, перейти въ лагерь идей свободы и первый подаль сигналъ къ политической поэзіи. Онъ родился въ маѣ 1779 г. и въ первые годы юности пережилъ всѣ послѣдовавшіе за тѣмъ ужасы. Съ того времени, какъ англійское правительство назначеніемъ вице-короля Ирландіи Лорда Кэмдена указало на свое намѣреніе отказаться отъ человѣколюбивой политики 1782 г., распространенное по всей странѣ патріотическое общество „Соединенныхъ ирландцевъ“ (United Irishmen), которое до сихъ поръ добивалось освобожденія Ирландіи помощью законныхъ средствъ, получило новый характеръ: оно поставило себѣ цѣлью отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи и мечтало объ основаніи ирландской республики. Само ирландское население было между тѣмъ раздроблено на враждебныя другъ другу племена, и пылкая ненависть вооружила другъ противъ друга низшіе классы протестантовъ и католиковъ. Чтобы положить конецъ постояннымъ безпорядкамъ и стычкамъ, вызваннымъ этими внутренними раздорами, правительство учредило протестантскій корпусъ жандармовъ въ 37,000 человекъ, которымъ подъ предлогомъ разыскивать спрятанное оружіе дано было разрѣшеніе заключать въ тюрьмы, мучить, убивать всякаго, на кого какой-либо негодий или врагъ сдѣлаетъ доносъ. Сотни несчастныхъ, все преступленіе которыхъ заключалось только въ томъ, что они исповѣдывали вѣру своихъ отцовъ, подвергались наказанью плетью, пока не лишались сознанія; иногда же ихъ принуждали стоять на одной ногѣ на остромъ колѣ, или на половину вѣшали (т. е. вѣшали, и затѣмъ снимали съ петли вскорѣ послѣ повѣшенія), или скальпировали. Къ этому присоединились еще розыски по странѣ помощью войскъ съ полнымъ правомъ разбойничать, грабить, насильствовать, а въ случаѣ сопротивленія и убивать. Высшіе офицеры хвастались, что на большихъ пространствахъ не оставалось ни одного дома, въ которомъ женщины

не были-бы обезпечены, а на возраженія, что ирландцы не отличаются, должно быть, особенною цѣломудренностью, отвѣчали, что „штыкъ прогоняетъ цѣломудріе“. ¹⁾

Что-же удивительнаго послѣ этого, если отчаяніе побудило многихъ самыхъ спокойныхъ и благоразумныхъ ирландцевъ вступать въ ряды тайнаго общества, посоль котораго, Лордъ Эдуардъ Фицджеральдъ, (жизнь котораго Муръ описалъ съ такимъ горячимъ воодушевленіемъ) отправился во Францію, чтобы переговорить съ генераломъ Гошемъ о высадкѣ французовъ одновременно съ всеобщимъ ирландскимъ возстаніемъ. Старый, хладнокровный вождь Гнарода, Граттанъ, не желавшій имѣть никакихъ дѣлъ съ иностранцами, устранился въ полномъ отчаяніи отъ послѣднихъ плановъ какъ властителей, такъ и угнетенныхъ. Тогда въ Ирландіи образовалась настоящая тайная директорія по французскому образцу, которая вступила въ сношенія съ Франціею относительно займа денегъ и поддержки войсками. Но вдругъ всѣ планы внезапно рушились, благодаря предательству одного католика-ирландца. Его имя Рейнольдсъ; оно достойно того, чтобы о немъ помнили; Томасъ Муръ имѣлъ, несомнѣнно, его въ виду, описывая низкую измѣну, которая въ Огнепоклонникахъ передала вождя возстанія во власть магометанъ (см. Lalla Rookh: The firework shippers).

Эдуардъ Фицджеральдъ лежалъ въ постели, когда вторглись въ домъ, гдѣ онъ скрывался, чтобы арестовать его. Его голова была оцѣнена въ 1000 ф. ст. Хотя онъ находился въ лежачемъ положеніи и былъ вооруженъ всего одною шпагою, тѣмъ не менѣе онъ мужественно защищался отъ нападенія трехъ хорошо вооруженныхъ англійскихъ офицеровъ и нанесъ одному изъ нихъ двѣ-три раны, другому цѣлыхъ четырнадцать, пока третій выстрѣломъ изъ пистолета не обезоружилъ его, послѣ чего его увезли въ тюрьму. Фицджеральдъ былъ знакомъ съ лучшими дѣятелями революціи, находился въ дружбѣ съ Томасомъ Пэйномъ и былъ женатъ на прелестной дочери Филиппа Эгалитэ. Онъ поддерживалъ постоянныя письменныя сношенія съ Франціею и только смерть въ темницѣ избавила его отъ казни. Хотя Муръ жилъ среди того круга общества, въ которомъ на Фицджеральда смотрѣли, какъ на измѣнника родины и безумца, у ирландскаго поэта хватило мужества и самостоятельности воздать должную честь героизму ирландскаго патріота.

Этимъ ударомъ, нанесеннымъ главѣ возстанія, правительство избавилось отъ опасности быть настигнутымъ врасплохъ, но относительно отдѣльных мятежниковъ, разбѣянныхъ по странѣ оно обнаружило жестокость, доходящую до бѣшенства. Введено было осадное положеніе съ военными судами и члены названныхъ судовъ характеризуются самими англійскими историками, какъ „толпа невѣжественныхъ и кровожадныхъ негодяевъ, которые пытками и обѣщаніями помилованія вымогали у католическихъ свидѣтелей ложныя показанія противъ

обвиняемыхъ, чтобы затѣмъ позволять себѣ относительно ихъ всевозможныя крайности“. Первый знатный человѣкъ, павшій жертвою подобнаго судебного производства, былъ одинъ миролюбивый приверженецъ партіи легальной реформы (сэръ Эдуардъ Кросби); онъ былъ повѣшенъ, а затѣмъ изувѣченъ. Не различіе религій воспламеняло жестокость этихъ палачей, потому что выдающіеся вожди „соединенныхъ ирландцевъ“ были протестантами (Фицджеральдъ, О'Конноръ, Гарвей, Томасъ Эмметъ), безкорыстно выступившими въ защиту дѣла своихъ католическихъ соотечественниковъ; нѣтъ, тутъ дѣйствовала старая расовая вражда англо-саксовъ къ кельтическому племени.

Главнымъ своимъ орудіемъ правительство избрало человѣка, извѣстнаго какъ въ высшей степени невѣжественнаго и горячаго члена партіи, такъ что отъ него можно было ожидать всевозможныхъ насильственныхъ дѣйствій. Это былъ мелкій землевладѣлецъ, по имени Томасъ Джедкинъ Фицджеральдъ. Въ 1799 г. онъ былъ назначенъ старшимъ шерифомъ (high sheriff). Чтобы заслужить милость своего начальства, онъ составилъ себѣ планъ хватать каждаго, на кого падетъ подозрѣніе, какъ на участника въ возстаніи, и затѣмъ ударами плетью и обѣщаніями помилованія вынуждать у несчастнаго признанія или обвиненія противъ другихъ. Такой ужасъ охватилъ всѣхъ въ Ирландіи при извѣстіи о его прибытіи въ эту страну, что бѣдные крестьяне, зная, что они находятся всецѣло въ его власти, падали на колѣни, когда онъ проѣзжалъ мимо. Вотъ нѣсколько примѣровъ его образа дѣйствій, избранныхъ между многими, всплывшими на поверхность во время суда надъ нимъ по обвиненію въ злоупотребленіяхъ по должности—суда, во время котораго онъ былъ, конечно, блестящимъ образомъ оправданъ. Одного бѣднаго учителя языковъ, по имени Райтъ, пришедшаго къ судѣ вслѣдствіе полученія извѣстія, что его „подозрѣваютъ“, онъ встрѣтилъ словами: „становись на колѣни и выслушай свой приговоръ“. „Ты мятежникъ“, сказалъ онъ ему: „тебѣ дадутъ 500 плетей и затѣмъ повѣсятъ“. Бѣдный человѣкъ былъ настолько неостороженъ, что сталъ просить объ отсрочкѣ и произнесъ слово „разслѣдованіе“. Его немедленно передали палачамъ. Но прежде, чѣмъ послѣдніе успѣли схватить его, самъ судья набросился на него, схватилъ его за волосы, началъ бить и колоть шпагою. Когда Райтъ получалъ уже 50 ударовъ плетью, вошелъ одинъ англійскій майоръ и спросилъ, въ чемъ состоитъ его преступленіе. Въ отвѣтъ ему подали записку на французскомъ языкѣ, найденную въ карманѣ преступника и которую они никакъ не могли разобрать. Оказалось, что это было извиненіе въ томъ, что онъ не можетъ въ назначенный часъ явиться на урокъ. Майоръ увѣрилъ судью, что записка эта вполне невинна; тѣмъ не менѣе бичеваніе продолжалось, пока внутренности жертвы не начали показываться изъ за отвалившихся кусковъ тѣла. Тогда палачу дали приказъ напрасить удары на тѣ части тѣла, которыхъ плетъ еще не успѣла коснуться.

Этотъ случай возбудилъ наибольшее впечатлѣніе во время процесса противъ ирландскаго верховнаго судьи,—процесса, говорить Массей, который не былъ

¹⁾ Massey: History of England, IV, 302. Все изложеніе основано на описаніи одного англійскаго патріота.

бы полнымъ, если бы одинъ протестантскій священникъ, выступившій свидѣлемъ въ пользу обвиняемаго, не принесъ присяги, что этотъ получившій такую громкую извѣстность кровожадный палачъ, извѣстный во всей Ирландіи подъ именемъ Фицджеральда-бича, былъ кроткимъ, гуманнымъ человѣкомъ. Съ самаго начала, въ угоду ему и въ противность конституціи, издали законъ, вводящій вновь пытку. На основаніи этого ему не трудно было опровергнуть всѣ обвиненія. Съ невѣроятною грубостью хвастался онъ, что во многихъ случаяхъ прибѣгалъ къ гораздо болѣе мучительнымъ наказаніямъ плетми, чѣмъ тѣ, относительно которыхъ подымали теперь столько шума, и рассказалъ самъ, что одинъ человѣкъ зарѣзался, чтобы избѣжать ужасовъ пытки и связаннаго съ нею позора. Слѣдуетъ замѣтить, что ему въ награду за его заслуги дали значительную пенсію, а затѣмъ, когда Кэстльри удалось осуществить унію Ирландіи съ Англіею, его наградили титуломъ: „баронъ соединеннаго королевства“.

Приведу еще одинъ примѣръ образа дѣйствій англичанъ во время подавленія мятежа: онъ покажетъ намъ, подъ какими впечатлѣніями обратился въ взрослого человѣка Томасъ Муръ, достигшій въ то время 18 лѣтняго возраста. Осенью 1798 г. жандармы, предводительствуемые нѣкимъ Воллаганомъ, вошли въ селѣ Дельбари въ домъ, принадлежащій рабочему Догерти, заподозрѣнному начальствомъ, и спросили, не скрывается ли у него кто либо изъ кровожадныхъ мятежниковъ. Въ домѣ оказались только жена Догерти и больной мальчикъ, его сынъ. Воллаганъ спросилъ мальчика, сынъ ли онъ Догерти, и, получивъ въ отвѣтъ: „да!“ воскликнулъ: „такъ умри же, собака!“ Мальчикъ сталъ молить о пощадѣ. Испуская цѣлый громъ ругательствъ, унтеръ-офицеръ попробовалъ два раза выстрѣлить, но ружье его дало осѣчку. Тогда одинъ изъ товарищей подаль ему другое ружье, мать бросилась впередъ, закрывая собою свое дитя, но пуля прострѣлила мальчику руку. Онъ упалъ, и убійцы вышли изъ хижины. Но Воллаганъ вернулся обратно и, увидѣвъ мать наклоненною надъ сыномъ, воскликнулъ: „Какъ, развѣ собака еще не умерла?“—„Ахъ Боже, сударь“, отвѣтила бѣдная женщина:—„онъ уже достаточно мертвъ“.—„Боюсь, что еще недостаточно“, возразилъ Воллаганъ:—„вотъ ему еще!“ Онъ выстрѣлилъ въ четвертый разъ и мальчикъ упалъ мертвымъ въ объятія матери.—Когда Воллаганъ предсталъ передъ судомъ по обвиненію въ превышеніи власти и дѣло выяснилось, защита основывалась на томъ, что обвиняемый и его спутники „были посланы съ общимъ приказомъ стрѣлять, въ кого они пожелаютъ“. Судъ не нашелъ, чтобы въ подобномъ приказѣ заключалось что-либо безнравственное или неразумное. Онъ призывалъ, что „обвиняемый стрѣлялъ въ Томаса Догерти, мятежника, и убилъ его“, но оправдалъ подсудимаго въ томъ, что онъ „совершилъ гнусное и преднамѣренное убійство“.

Такими же средствами возстановлено было въ Ирландіи спокойствіе и народъ былъ подготовленъ къ тому государственному дѣйствію, въ которомъ Кэстльри съ холодною проникательностью дипломата видѣлъ единственный

исходъ для подавленія ирландскихъ смутъ, именно: полное уничтоженіе дублинскаго парламента и сліяніе его съ лондонскимъ. Приходилось преодолѣть одно только сопротивленіе—ирландскаго парламента; и такъ какъ послѣдній, хотя и былъ испорченъ до мозга костей, тѣмъ не менѣе не выказывалъ еще достаточно податливости, то Кэстльри, занимавшему въ то время постъ статсъ-секретаря Ирландіи и имѣвшему особенно высокое мнѣніе о своихъ соотечественникахъ-протестантахъ, пришла въ голову простая мысль: подкупить по одиночкѣ требуемое число членовъ оппозиціи. Въ каждой депешѣ, посылаемой имъ сначала 1799 г. до принятія уніи въ 1800 г., онъ безъ устали повторялъ свое предложеніе, и, наконецъ, получилъ отъ правительства въ отвѣтъ полтора милліона фунтовъ стерлинговъ, которые и были розданы съ самыми блестящими результатами. Тогда немногіе, оставшіеся въ парламентахъ, ирландскіе патріоты рѣшили испробовать единственное средство, которое могло, повидимому, представлять нѣкоторое значеніе, именно, они придумали, чтобы Граттанъ, который былъ по прежнему боготворимъ народомъ, не смотря на свое продолжительное отстраненіе отъ дѣлъ своей страны, а теперь лежалъ опасно больной, появился внезапно въ парламентахъ въ моментъ внесенія проекта уніи. Съ чисто ирландскою склонностью къ эффектамъ планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе. Такъ какъ за нѣсколько дней до того въ парламентахъ освободилось одно мѣсто, то Граттанъ былъ тихонько избранъ, а хозяинъ мѣстечка, гдѣ происходили выборы, нѣкто Тигъ, посѣтилъ въ Дублинѣ, чтобы сообщить о результатѣ. Граттанъ, истощенный тяжкою болѣзью, былъ поднятъ съ кровати, завернутъ въ одѣяло и понесенъ на креслѣ въ парламентахъ. Пренія длились уже 15 часовъ, цѣлую ночь напролетъ, когда палата въ 7 часовъ утра была пробуждена изъ свсей дремоты появленіемъ на порогѣ залы похожей на привидѣніе фигуры Граттана. Это былъ дѣятель 1782 г., это былъ тотъ человѣкъ, который создалъ изъ ирландцевъ народъ и который теперь, точно умирающая совѣсть его народа, возставалъ изъ гроба, чтобы сдѣлать послѣднее возраженіе въ защиту его независимости. Онъ закончилъ свою рѣчь словами, что если бы онъ даже лежалъ умирающимъ на землѣ, онъ употребилъ бы свой послѣдній вздохъ, чтобы протестовать противъ такого проекта, какой внесенъ теперь въ парламентахъ, и такъ какъ канцлеръ казначейства осмѣлился отвѣтить на эти слова обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ, то Граттанъ вызвалъ его на дуэль; она состоялась на пистолетахъ нѣсколько дней спустя, причемъ Корри, къ своему счастью, былъ раненъ въ руку; если бы онъ побѣдилъ, народъ навѣрное разорвалъ бы его на части. Но и самъ Граттанъ не въ силахъ былъ справиться съ оружіемъ, пущеннымъ въ ходъ правительствомъ. Краснорѣчіе, блескъ и твердость котораго Муръ сравнивалъ съ брилліантомъ и въ которомъ Байронъ находилъ нерѣдко всѣ достоинства, присущія Демосфену, но и всѣ тѣ, которыхъ не хватало у послѣдняго, не нашло отголоска въ сердцахъ слушателей. Въ день принятія проекта уніи, галереи и трибуны были наполнены толпою зрителей, съ напряженнымъ вын-

маніемъ прислушивавшейся къ преніямъ. Но Кэстльри, увѣренный въ исходъ борьбы,—неподвижно сидя на своемъ креслѣ, съ улыбкою на устахъ ожидалъ голосованія. Когда спикеръ дрожащимъ голосомъ заявилъ: „пусть тѣ, кто за унію, подымутъ руки!“—и одна рука за другою начали медленно и стыдливо подыматься, онъ сначала простоялъ минуту какъ бы окаменѣлый, точно статуя, а затѣмъ воскликнулъ: „унія принята!“—и съ выраженіемъ отвращенія и негодованія опустился на свое кресло. Но во время этихъ бурныхъ преній, когда лучшіе люди Ирландіи заявляли, что сопротивление и возстаніе обращаются теперь въ обязанность, хотя никто не думалъ приводить свои слова въ исполненіе, на трибунѣ среди зрителей садѣлъ юноша съ блѣднымъ лицомъ и блестящими глазами, въ сердцѣ котораго праздныя слова, произносимыя другими, становились полны жизни, и который поклялся въ душѣ сдѣлаться освободителемъ своей родины. Этотъ молодой человѣкъ былъ благороднѣйшій и величайшій сынъ Ирландіи, сэръ Робертъ Эмметъ, которому мы въ дѣйствительности обязаны большинствомъ того, что есть огненного и мощнаго въ увлекательныхъ Ирландскихъ мелодіяхъ Томаса Мура.

Великій ирландскій поэтъ, появившійся на свѣтъ въ томъ же году, что и Эленшлегеръ, былъ сыномъ мелкаго виннаго торговца въ Дублинѣ; у него былъ славный отецъ, любящая и дѣльная мать (ревностная католичка), и онъ провелъ счастливое дѣтство въ средѣ своей семьи. Съ самаго ранняго возраста онъ былъ необыкновенно способнымъ и талантливымъ мальчикомъ. Онъ игралъ на сценѣ, писалъ и декламировалъ стихи и пѣлъ замѣчательно красивымъ голосомъ, который сохранился у него въ теченіе всей жизни. Изъ его собственнаго описанія его дѣтства видно, какъ рано обнаружилось его своеобразное поэтическое призваніе, въ которомъ импровизаторъ и пѣвецъ-лирикъ сливались въ одно. Онъ обладалъ тою же способностью, на которой основывается величіе Бельмана,—способностью сливать въ своихъ произведеніяхъ въ одно цѣлое пѣсни и музыку; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ и способностью мастерскаго исполненія ролей актера и пѣвца. Это былъ небольшого роста, ниже-средняго, человѣкъ съ русыми кудрями, обрамлявшими его голову; ребенкомъ онъ походилъ на маленькаго купидона. Его лобъ былъ большой, блестящій и такой интересный, что могъ бы привести въ восторгъ френолога. Глаза у него были красивые, темные,—такіе, какіе, по словамъ Лейга Гунта, прекрасно выглядѣли бы изъ-подъ вѣяка изъ виноградныхъ листьевъ; ротъ изящно очерченъ, веселый, съ ямочками на щекахъ; носъ—нѣсколько вздернутый, чувственный, съ такимъ оригинальнымъ отпечаткомъ, точно онъ вдыхалъ въ себя запахи праздничнаго пира или фруктоваго сада. Но въ цѣломъ этотъ маленькій человѣкъ производилъ впечатлѣніе жизни и дѣятельности; казалось, что онъ какъ нельзя больше годится для того, чтобы на старый ирландскій ладъ участвовать въ быстрыхъ скачкахъ верхомъ;—онъ отличался всегда большимъ честолюбіемъ, а въ молодости и большою горячностью, такъ что вызвалъ на дуэль Джеффри за первую критику на него, а

затѣмъ вызвалъ и Байрона за его насмѣшки (въ English bards) по поводу безкровнаго исхода дуэли, къ которой привелъ первый вызовъ.

Но, не смотря на этотъ воинственный элементъ въ крови Мура, весьма правдоподобно, что если бы обстоятельства, при которыхъ онъ развивался, были менѣе серьезныя и потрясающія, если бы онъ не созерцалъ собственными глазами всей тяжести гнета и тиранніи, онъ никогда не возвысился бы въ поэзіи надъ ролью симпатичнаго анакреонтическаго поэта. Всѣ его наклонности влекли его въ этомъ направленіи. Но ему суждено было сдѣлать больше для своей страны, чѣмъ какой-либо другой человѣкъ сдѣлалъ до него, больше даже чѣмъ Бернсъ сдѣлалъ для Шотландіи, именно, онъ сумѣлъ облечь въ безсмертную поэзію и музыку ея имя, ея преданія, ея страданія, кровавое злодѣяніе, совершенное надъ нею, и прекраснѣйшія качества ея сыновей и дочерей.

Муру исполнилось лишь 15 лѣтъ, когда онъ поступилъ въ Дублинскій университетъ. Въ это время и въ стѣнахъ университета обнаружилось политическое броженіе, начинавшее проникать собою всю Ирландію и юноша, которому предстояла такая великая и печальная будущность, вскорѣ привлекъ къ себѣ въ сильной степени вниманіе какъ сотоварищей, такъ и профессоровъ: это былъ упомянутый нами выше Робертъ Эмметъ; блестящіе труды его въ области математики и физики, въ соединеніи съ выдающимся политическимъ краснорѣчіемъ и рѣдкою душевною чистотою, уже въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ доставили ему славу. Мы уже говорили о его рѣчахъ въ клубѣ преній, въ Историческомъ Обществѣ, и о глубокомъ впечатлѣніи, которое онъ произвели на равнаго ему по возрасту, но гораздо болѣе мягкаго и менѣе развитога Мура. Хотя послѣдняго предупреждали, чтобы онъ былъ остороженъ и не показывался на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ рядомъ съ Эмметомъ, но Муръ почувствовалъ вскорѣ сильное влеченіе къ нему, сердечное восхищеніе, соединявшееся съ самою задушевною дружбою. Что-же тутъ удивительнаго! Это былъ молодой національный герой Ирландіи, котораго молодой поэтъ Ирландіи встрѣтилъ на своемъ пути въ годы первой юности. Въ то время ни одинъ изъ нихъ не подозрѣвалъ будущаго величія другого, но инстинктъ, который взаимно влечетъ соответствующіе другъ другу умы, соединилъ ихъ раньше, чѣмъ пѣвецъ получилъ посвященіе отъ героя. „Если-бы меня спросили“, говоритъ Муръ:—„кто изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей обладаетъ, по моему мнѣнію, величайшими способностями вмѣстѣ съ величайшимъ нравственнымъ величіемъ, я, не задумываясь, назвалъ-бы Роберта Эммета“¹⁾.

Робертъ Эмметъ родился въ 1780 г.; его старшій братъ Томасъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей революціи 1798 г. и послѣ ея неудачи подвергся сначала заключенію въ тюрьмѣ, а затѣмъ изгнанію. Самыми ранними чувствами, возбужденными въ молодомъ Робертѣ, были ненависть къ англійскому

¹⁾ Th. Moore: Memoirs of Lord Edward Fitzgerald.

владечеству и любовь къ мученикамъ Ирландіи. Еще мальчикомъ онъ выказывалъ силу характера, предвѣщавшую то душевное величіе, которымъ онъ отличался юношею. Уже въ двѣнадцать лѣтъ онъ со страстью предавался изученію математики и химіи ¹⁾. Однажды, непосредственно послѣ произведеннаго имъ химическаго опыта, онъ взялся за рѣшеніе очень трудной математической задачи и, поднесши въ разсѣянности руку ко рту, отравился сублиматомъ ртути, которую держалъ въ рукахъ за нѣсколько минутъ до того. Страшные боли, почувствованныя имъ, заставили его понять грозившую ему опасность. Но изъ боязни, чтобы ему въ будущемъ не воспретили такихъ опасныхъ опытовъ, онъ не испустилъ ни одного крика и спустился внизъ въ библіотеку своего отца, взявъ энциклопедію, открылъ ее на статьѣ о ядахъ, прочиталъ, что разведенный въ водѣ мѣлъ рекомендуется, какъ противоядіе въ настоящемъ случаѣ, вспомнилъ, что видѣлъ кусокъ мѣла въ каретномъ сараѣ, пошелъ въ сарай, нашелъ его запертымъ, взломалъ дверь, взялъ мѣлъ, выпилъ растворъ его и спокойно принялся вновь за рѣшеніе своей математической задачи. Когда его учитель на другое утро увидѣлъ его за завтракомъ съ такимъ измѣнившимся лицомъ, что его трудно было узнать, Эмметъ признался ему, что провелъ ночь въ страшныхъ мученіяхъ, но прибавилъ, что его безсонница принесла ему пользу въ одномъ отношеніи: онъ разрѣшилъ интересовавшую его задачу.

Ребенокъ, обладающій такимъ мужествомъ и самообладаніемъ, предназначенъ для того, чтобы, сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, служить образцомъ для многихъ.

Онъ сдѣлался имъ прежде всего и главнымъ образомъ для Томаса Мура. Простота и спокойствіе, разлитое по всему его существу и соединявшіяся у него съ самою утонченною деликатностью по отношенію къ другимъ, исчезали въ ту минуту, когда затрагивалась струна, приводившая въ движеніе его чувства, уступая мѣсто выраженію умственнаго превосходства, которое оказывало чарующее дѣйствіе на будущаго поэта. „Два человѣка“, говоритъ Муръ:—„не могутъ быть болѣе различны, чѣмъ какимъ былъ этотъ молодой человѣкъ до и послѣ того, какъ онъ начиналъ говорить. Взоръ, еще за нѣсколько минутъ до того усталый и почти безжизненный, сіялъ внезапно всею силою его дарованій. Его лицо, его жесты и вся его осанка казались одухотворенными. О его краснорѣчьи я могу судить только по моимъ воспоминаніямъ юности, но я никогда съ тѣхъ поръ не слышалъ ничего, что показалось-бы мнѣ болѣе возвышеннымъ или провикнутымъ болѣею чистотою“. Муръ говоритъ дальше, что Эмметъ властвовалъ надъ окружающими столько же безупречною чистотою своей жизни, кротостью и привлекательностью своей личности, сколько своими знаніями и своимъ краснорѣчіемъ.

Когда въ 1797 г. основана была газета *The Press* ирландскими вождями О'Конноромъ, братьями Эмметъ и многими другими, Муръ страстно желалъ

¹⁾ Madden: *United Irishman, their lives and petims.*

напечатать на страницахъ этого патріотическаго и широко распространеннаго изданія что-нибудь изъ плодовъ своей фантазіи. Но постоянный страхъ за него его матери, въ тѣ времена далеко не лишенный основанія, внушилъ ему, съ другой стороны, опасеніе, что подобный шагъ сильно огорчитъ ее. Поэтому онъ рѣшилъ выступить впервые анонимно. Онъ послалъ въ газету подражаніе *Ossianu*, которое проскользнуло благополучно, не обративъ на себя ничего вниманія, затѣмъ дрожащею рукою довѣрилъ почтовому ящику письмо *To Trinity College's Students*, сильно уснащенное, какъ онъ самъ говоритъ, „государственной измѣною“,—остроумную сатиру на Кэстлери, который до конца своей жизни служилъ всегда мишенью для остротъ Мура. „Я почти не ожидалъ“, говоритъ Муръ:—„что письмо будетъ напечатано, какъ вдругъ, на слѣдующій вечеръ, когда я, сидя по обыкновенію у камина, развернулъ газету, чтобы читать ее громко родителямъ, мнѣ на первой же страницѣ бросилось въ глаза мое собственное письмо, которое какъ бы глядѣло мнѣ въ лицо; конечно, мои слушатели пожелали услышать его первымъ“. Подавивъ свое душевное волненіе, онъ громко прочиталъ письмо и съ удовольствіемъ выслушалъ похвалы ему со стороны отца и матери, хотя оба нашли его „слишкомъ смѣлымъ“. Но когда на другой день утромъ Эдуардъ Гудсонъ, единственный изъ друзей Мура, посвященный въ тайну, пришелъ къ нему и спросилъ, бросивъ на него многозначительный взглядъ: „а что, видѣлъ?“—мать воскликнула: „это ты написалъ письмо, Томъ?“ И новыя просьбы объ осторожности послѣдовали за признаніемъ.

„Черезъ нѣсколько дней послѣ того“,—говоритъ Муръ:—„во время одной изъ длинныхъ прогулокъ по окрестностямъ города, которыя мы совершали обыкновенно вдвоемъ съ Эмметомъ, разговоръ зашелъ о письмѣ и я далъ ему понять, что оно сочинено мною. Тогда онъ признался мнѣ съ тою почти женскою мягкостью, которою онъ обладалъ и которая такъ часто встрѣчается у подобныхъ рѣшительныхъ и энергичныхъ людей, что во время чтенія письма, какъ онъ вообще ни одобрялъ его содержаніе, онъ не могъ не пожалѣть, что общественное вниманіе привлекалось имъ на политику университета, а это, въ случаѣ возбужденія тревоги со стороны властей, могло бы только служить препятствіемъ для распространенія того, что мы оба считали „хорошимъ направленіемъ“ и что теперь втихомолку прокладывало себѣ путь. Какимъ мальчишкой я ни былъ въ то время, меня все же поразила зрѣлость его взглядовъ, ясность его представлений о томъ, что слѣдовало дѣлать при данныхъ обстоятельствахъ и въ такое время, а именно—не говорить и не писать ничего о своихъ намѣреніяхъ, а дѣйствовать. Никогда еще раньше, насколько я помню, онъ не упоминалъ о существованіи тайнаго общества *United Irishman*, равнымъ образомъ не дѣлалъ мнѣ ни теперь, ни когда-либо предложенія вступить въ ряды его членовъ,—деликатность, которую я въ значительной степени приписываю тому, что онъ звалъ, какою нѣжною заботливостью меня окружаютъ дома... Онъ былъ во

всѣхъ отношеніяхъ благороднѣйшимъ въ мірѣ существомъ, столь же богатымъ силою воображенія и сердечною нѣжностью, какъ и мужественною храбростью“.

Ясно, что Робертъ Эмметъ, не смотря на свое сердечное расположеніе къ Муру, чувствовалъ, что онъ не былъ созданъ изъ того матеріала, изъ котораго создаются люди, могущіе рисковать своимъ будущимъ и своею жизнью въ революціи. Но онъ любилъ молодого поэта и часто посѣщалъ его; онъ замѣтилъ, навѣрное, какой чудный отголосокъ его идеи и мечты находили въ арфѣ, которую Томасъ Муръ носилъ въ душѣ. Онъ любилъ сидѣть за фортепіано рядомъ съ Муромъ, слушая, какъ послѣдній игралъ мелодіи изъ ирландскаго сборника Бувтинга, и Муръ даже старикомъ вспоминалъ, какъ Робертъ Эмметъ однажды, когда онъ игралъ мелодію „Let Erin remember the day“ воскликнулъ съ страстнымъ увлеченіемъ: „Ахъ, если бы я стоялъ во главѣ двадцати тысячъ чело-вѣкъ, которые маршировали бы подъ звуки этой мелодіи!“

Это было въ 1797 г., незадолго передъ открытіемъ великаго ирландскаго заговора. Заговоръ былъ обнаруженъ и вслѣдъ за этимъ началась эпоха террора. Однимъ изъ первыхъ послѣдствій открытія было учрежденіе въ стѣнахъ университета настоящей инквизиціи. Студентовъ вызывали поочередно и поименно на допросъ. Большинство знало очень мало или даже совсѣмъ ничего не знало о планахъ вождей; только внезапное исчезновеніе немногихъ изъ нихъ, между прочимъ Роберта Эммета, показало товарищамъ, какъ глубоко были эти немногіе посвящены въ измѣнническіе планы. Глубокое молчаніе, сопровождавшее ежедневно произнесеніе ихъ именъ, производило потрясающее впечатлѣніе на Мура. Самъ онъ во время допроса выказалъ себя тѣмъ именно мужественнымъ маленькимъ студентомъ, какимъ онъ въ дѣйствительности былъ; онъ объявилъ прямо въ лицо страшному лорду Фицгиббону, что ни за что не принесетъ требуемой отъ него присяги, если ему не разрѣшатъ сдѣлать слѣдующую оговорку: онъ не будетъ отвѣчать на тѣ вопросы, которые могутъ навлечь несчастье на кого-либо изъ товарищей, и мужественно выдержалъ послѣдовавшій взрывъ гнѣва со стороны начальства. Такъ какъ онъ не состоялъ членомъ United Irishman и дѣйствительно не имѣлъ понятія о планахъ этого общества, то его скоро выпустили.

Въ послѣдовавшіе затѣмъ годы произошло первое выступленіе Мура въ роли поэта. Ужасы, сопровождавшіе подавленіе возстанія, не доставили ему матеріала для поэзіи: онъ самъ былъ слишкомъ близокъ къ нимъ. Эмметъ уѣхалъ, производимое имъ дѣйствіе прекратилось на время, и вообще политическая поэзія оказывалась невозможною въ Ирландіи. Молодой поэтъ, отъ природы склонный къ легкой и веселой поэзіи, послѣдовалъ по пути, указываемому ему его способностями и его возрастомъ и, принявшись прежде всего за обработку анакреонтическихъ пѣсней, издалъ ихъ въ возрастѣ около 20 лѣтъ, предпославъ имъ посвященіе принцу-регенту, на которомъ сосредоточивались надежды либераловъ, и выступилъ въ 1801 г. съ томомъ Poems of Thomas Little, главнымъ

образомъ эротическихъ стихотвореній, юношески чувственныхъ и нѣсколько легкомысленныхъ. Ирландское легкомысліе напоминаетъ сильно о томъ, которое нерѣдко встрѣчается въ шведскихъ эротическихъ стихотвореніяхъ и носить тотъ же отпечатокъ національной оригинальности.

Послѣ того, какъ Муръ нѣсколько лѣтъ вращался въ лучшихъ кругахъ лондонскаго общества, заискиваемый всѣми и прославляемый за свои салонные таланты и ирландскую общительность, недостатокъ средствъ принудилъ его въ 1803 г. отправиться на Бермудскіе острова въ Америкѣ, чтобы служить тамъ въ качествѣ регистратора адмиралтейства. Можно себя представить, какъ мало подходилъ онъ къ этой должности. Прошло нѣкоторое время и онъ отыскалъ себя замѣстителя, который обокралъ казну на значительную сумму, такъ что Муръ совершенно безъ вины съ своей стороны подвергся такому же несчастью, какъ и Скоттъ. Ему также предложена была со многихъ сторонъ помощь и онъ уплатилъ свой долгъ частью при помощи своихъ состоятельныхъ друзей, частью благодаря нѣсколькимъ годамъ бережливости и добросовѣстнаго труда. Его американское путешествіе продолжалось отъ октября 1803 г. до ноября 1804 г. Онъ привезъ домой изъ Америки собранныя во второй части его произведеній американскія пѣсни и стихотворенія, въ которыхъ описанія природы поражаютъ яркостью красокъ и образностью. Какъ истый англійскій натуралистъ, Муръ придавалъ гораздо больше значенія сходству, чѣмъ колориту и не мало гордился тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ мѣстные жители, такъ и путешественники удостоверяли вѣрность природѣ этихъ описаній по отношенію къ странѣ и ея обитателямъ. Извѣстный англійскій путешественникъ капитанъ Базиль Голлъ (тотъ самый, который посѣтилъ Вальтера Скотта въ Абботсфордѣ и за которымъ ухаживалъ во время болѣзни Байронъ въ Венеціи) утверждаетъ, что оды и посланія Мура даютъ самое прекрасное и самое точное описаніе Бермуды, и показываетъ, какимъ образомъ самая красивая изъ всѣхъ пѣсней Canadian Boat Song, какъ въ отношеніи мелодіи, такъ и въ отношеніи текста, основана на пѣсняхъ, дѣйствительно распѣваемыхъ на судахъ, только такъ, что Муръ выбросилъ все, что было некрасиво и неоригинально въ этихъ пѣсняхъ. Самъ Муръ рассказываетъ, до какой степени точности и вѣрности дѣйствительности доходили его описанія ландшафтовъ и деревьевъ. По поводу слѣдующихъ строкъ:

'Twas there, in the shade of the Calubash tree,
With a few, who could feel and remember like me,

(Это было тамъ, подъ тѣнью Калабадскаго дерева, съ немногими людьми, могущими чувствовать и запоминать подобно мнѣ).

Онъ по истеченіи приблизительно 25 лѣтъ получилъ изъ Бермуды кубокъ, выдѣланный изъ скорлупы плодовъ съ Калабадскаго дерева, на которомъ нашли вырѣзаннымъ его имя. Чуждая природа этихъ странъ дѣйствовала оплодотворяющимъ образомъ на его поэтическій умъ, склонный именно воспринимать рос-

кошныя и праздничныя впечатлѣнія природы; напротивъ того, демократическія и республиканскія государственныя учрежденія, которыя онъ могъ наблюдать, гораздо менѣе удовлетворяли изнѣженнаго поэта, на котораго начинающаяся мировая реакція противъ идей XVIII вѣка стала оказывать свое дѣйствіе. Его посланія объ американскихъ общественныхъ порядкахъ упоминаютъ только о тѣневыхъ сторонахъ республики. Онъ получилъ аудіенцію у президента, но небрежный костюмъ Джефферсона—голубые чулки и туфли—исказили, какъ видно изъ его писемъ, въ его глазахъ образъ человѣка, составившаго проектъ объявленія американской независимости. Но что больше всего отталкивало его—это сильное распространеніе въ молодой республикѣ идей французской философіи, которыя ему, какъ истинному сыну его времени, казались настоящимъ ядомъ и грѣхомъ¹⁾. „Это былъ, писалъ Муръ много лѣтъ спустя:—единственный періодъ въ моей жизни, когда я почувствовалъ сомнѣніе въ разумности той либеральной политической вѣры, исповѣдникомъ и защитникомъ которой я былъ, такъ сказать, съ начала моей жизни и, по всей вѣроятности, останусь до конца ея“. Одно время казалось, что впечатлѣнія дѣтства и юности, воспоминанія объ угнетенномъ родномъ островѣ вытѣснены анакреонтическими настроеніями, воспоминаніемъ о путешествіяхъ и веселой салонной жизни въ высшихъ легкомысленныхъ сферахъ Лондона.

Но вдругъ въ 1807 г. вышелъ первый томъ Ирландскихъ мелодій Мура—его грамота на безсмертіе. Все, что его бѣдная страва перечувствовала и перестрадала въ долгіе годы униженія, ея мученія и вздохи, ея восторженные порывы, ея воинственная смѣлость и ея улыбка сквозь слезы,—все высказано здѣсь, въ этихъ пѣсняхъ, написанныхъ съ искрящейся, полугрустною легкостью, съ эротическою восторженностью. Это былъ вѣнокъ, сплетенный изъ печали, воодушевленія и нѣжности, благоухающій, траурный вѣнокъ, предназначенный для поднесенія въ даръ умершему,—теперь онъ обвивалъ имъ чело своей родины. Нельзя сказать, чтобы имя Ирландіи упоминалось часто или охотно въ этихъ стихотвореніяхъ; вообще въ нихъ упоминается возможно меньше именъ,—было бы не безопасно называть ирландскія собственныя имена. Но то пѣвецъ

¹⁾ Already has the child of Gallia's school.
The foul Philosophy, who sins by rule,
With all her train of reasoning, damning arts,
Begot by brilliant heads an worthless hearts...
Already has she pour d her poison here
O'er every charm that makes existence dear.

Epistle to Lord Viscount Forbes.

(Уже дѣти галльской школы, гнилая философія, вѣчно грѣшащая, со всею своею свитою разсужденій, хитросплетеній, которыми блестящія головы морочатъ злыя сердца... уже она выпустила свой ядъ здѣсь, уничтожая все очарованіе, которое дѣлаетъ для насъ существованіе дорогимъ).

прославлялъ свою возлюбленную въ такихъ выраженіяхъ, что подъ ея образомъ всплывали черты Эрина; то любящая женщина говорила съ такимъ величіемъ, что читатель сразу чувствовалъ, что рѣчь идетъ здѣсь не о земной женщинѣ, и мистичность выраженій только усиливала поэтическое дѣйствіе, какъ въ старыхъ христіанскихъ аллегорическихъ хвалебныхъ пѣсняхъ.

Что же случилось въ промежуткѣ между появленіемъ въ свѣтъ легкомысленныхъ стихотвореній Мура и зарожденіемъ этихъ удивительныхъ поэтическихъ произведеній? Это длинная и печальная исторія. Сами произведенія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, уклоняясь отъ прямого объясненія. Уже четвертое стихотвореніе сборника начинается слѣдующими словами:

Oh, breathe not his name, let it sletp in the shade,
Wher cold and unhonour'd relies are laid.
Sad, silent, and dark, be the tears that we shed,
As the night—dew that falls on the grass o'er his tead.

(О, не произносите его имени! Пусть оно спитъ въ тѣни, гдѣ положены его холодные и обезчещенные останки. Печальными, молчаливыми и мрачными должны быть проливаемые нами слезы, подобно ночной росѣ, падающей на траву, растущую надъ его головою).

Слѣдовательно, былъ человѣкъ, имени котораго нельзя было упоминать, останки котораго лежали обезчещенными въ гробу, человѣкъ, котораго можно было оплакивать тяжелыми, молчаливыми слезами только среди ночного мрака.

Въ слѣдующемъ затѣмъ стихотвореніи говорится опять безъ упоминанія имени:

When he, who adores thee, has left but the name
Of his fault and his sorrows behind,
Oh! Say wilth thou weep, when they darken the fame
Of a life that for thee was resign'd?
Yes, weep, and however my foes may condemn,
Thy tears shall effuce their decree;
For Heaven can witness, though guilty to them,
J have been but too faithful to thee.

(Если тотъ, кто обожаетъ тебя, оставилъ по себѣ только названіе своей вины и своихъ печалей, о, скажи, будешь ли ты плакать, когда они начнутъ пятнать славу жизни, посвященной одной тебѣ? Да, плачь, и какъ ни осуждали бы меня мои враги, твои слезы смоятъ ихъ приговоръ; ибо небо можетъ засвидѣтельствовать, что хотя я былъ виновенъ передъ ними, но тебѣ оставался всегда слишкомъ вѣренъ).

Что возлюбленная героя—Ирландія, это видно съ перваго взгляда; но точно траурное покрывало наброшено на него, на того, чья репутація очернена его

врагами и который, хотя и признается виновнымъ ими, былъ всегда слишкомъ вѣренъ своей возлюбленной.

Перелистывая дальше Сборникъ, мы дойдемъ до стихотворенія, тѣсно связаннаго съ двумя предыдущими, и мягкими красками рисующаго образъ невѣсты, оставленной невѣдомымъ героемъ:

She is far from the land where her young hero sleeps,
And lovers are round her sighing
But coldly she turns from their gaze, and weeps,
For her heart in his grave is lying!
She sings wild song of her dear native plains,
Every note which he lov'd awaking—
Ah! little they think, who delight in her strains,
How the heart of the Minstrel is breaking!
He had liv'd for his love, for his country he died,
They were all that to life entwin'd him,—
Nor soon shall the tears of his country be dried,
Nor long will his love stay behind him!
Oh! make her a grave, where the sunbeams rest,
When they promise a glorious memory;
They'll shine o'er her sleep, like a smile from the west,
From her own lov'd island of sorrow!

(Она далека отъ земли, гдѣ спитъ ея молодой герой, и ее окружаютъ влюбленные, вздыхая, но она холодно отвращаетъ отъ нихъ свои взоры и плачетъ, потому что ея сердце лежитъ похороненнымъ въ его могилѣ!—Она поетъ вольныя пѣсни дорогихъ ея сердцу родимыхъ равнинъ, каждую ноту которыхъ онъ такъ любилъ слушать. Ахъ! не знаютъ они—тѣ кто наслаждается звуками этихъ пѣсенъ, какъ разрывается на части сердце минестреля!—Онъ жилъ для своей любви, онъ умеръ за свою родину. Это было все, что связывало его съ жизнью. Не скоро осушатся слезы его родины, не долго придется ему ждать своей возлюбленной.—Ахъ! выройте ей могилу тамъ, гдѣ закатываются солнечные лучи, общая радужное утро. Они будутъ освѣщать ея сонъ, подобно улыбкѣ съ запада, изъ ея собственного возлюбленнаго острова печали!)

Читатель уже догадался, что молодой герой, надъ могилою котораго раздаются такіе трогательные, жалобные аккорды, никто иной, какъ бывшій университетскій пріятель Мура—Робертъ Эмметъ. Несомнѣнно, что его судьба вдохновила Мура на самые лучшіе изъ его гимновъ—къ свободѣ среди ирландскихъ мелодій. Между тѣмъ какъ вслѣдъ за революціею 1798 г. старшій Эмметъ былъ заключенъ въ фортъ Сентъ-Джорджъ и затѣмъ изгнанъ, Роберту удалось избѣжать заточенія, но онъ тотчасъ воспользовался своею свободою исключительно на пользу дѣла, которое навлекло несчастье на его брата и которому

онъ посвятилъ свою жизнь. Онъ отправился въ 1802 г. въ Парижъ и имѣлъ свиданіе съ первымъ консуломъ, который вообще произвелъ на него такое впечатлѣніе, „какъ будто онъ заботился такъ же мало объ Ирландіи, какъ о республикѣ и свободѣ“; кромѣ того, у него было нѣсколько свиданій съ Талейраномъ, который также мало понравился ему; онъ все надѣялся помощью этихъ бесѣдъ подготовить учрежденіе независимой ирландской республики, опирающейся на союзъ съ французскою. Въ эту самую минуту добрыя отношенія между Франціею и Англіею, только что наложенныя Амьенскимъ миромъ, готовы были порваться. Бонапартъ, повидимому, нѣкоторое время серьезно думалъ устроить высадку въ Ирландію,—на о. Св. Еленѣ онъ сожалѣлъ, что не отправился въ Ирландію вмѣсто Египта,—и Робертъ Эмметъ прибылъ въ ноябрѣ 1802 г. на родной островъ съ опредѣленнымъ обѣщаніемъ, что высадка французскаго войска произойдетъ въ августѣ 1803 г. Съ мужествомъ сталъ онъ вновь организовывать возстаніе во всей Ирландіи. По его убѣжденію, революція 1798 г. не удалась потому, что ей не доставало операціоннаго базиса въ самой столицѣ. Онъ считалъ необходимымъ прежде всего овладѣть Дублиномъ, особенно замкомъ, ворота котораго стояли открытыми настежь до вечера. День и ночь трудился онъ надъ приготовленіями къ возстанію: въ различныхъ кварталахъ Дублина нанято было множество домовъ, гдѣ стали неумоимо работать надъ фабрикаціею оружія, пуль и пороха; Эмметъ самъ былъ постоянно окруженъ небольшимъ штабомъ въ пятнадцать человѣкъ, главнымъ образомъ изъ простонародья, трудившимся подъ его надзоромъ, и позволялъ себѣ лишь кратковременный отдыхъ въ одномъ изъ пороховыхъ магазиновъ, лежа на матрацѣ. Хотя болѣе тысячи человѣкъ было посвящено въ заговоръ, между ними не оказалось ни одного измѣнника и кровожадное начальство не имѣло ни малѣйшаго понятія о готовящейся грозѣ. Все состояніе Эммета пошло на необходимыя покупки, но рабочіе, служившіе ему, не принимали вознагражденія за свой трудъ; „они работали“, говорилъ одинъ изъ нихъ, котораго авторъ United Irishmen встрѣтилъ старикомъ:—„не за деньги, а ради дѣла; они отвѣселись съ большимъ довѣріемъ къ Роберту Эммету и готовы были отдать за него жизнь“. Но въ іюлѣ произошло непредвидѣнное событіе: одинъ изъ пороховыхъ магазиновъ взлетѣлъ на воздухъ и убилъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ испустилъ дыханіе на рукахъ у Роберта Эммета. На слѣдующій день одна протестантская газета заявила правительству, что оно спитъ на минѣ. Пришлось совершенно неподготовленными, не ожидая высадки французовъ, начать возстаніе, чтобы только не быть уничтоженными безъ борьбы. 23-го іюля мужественная прокламація къ населенію Ирландіи, сочиненная самимъ Робертомъ Эмметомъ, была расклеена на улицахъ Дублина; но когда наступилъ вечеръ и ему пришлось во главѣ небольшой толпы людей идти на штурмъ замка, онъ долженъ былъ съ горечью сознаться, насколько ненадежны его соотечественники въ опасную и рѣшительную минуту. По мѣрѣ приближенія къ замку, толпа вокругъ него все рѣдѣла, а когда они

очутились у воротъ—осталась только кучка вѣрныхъ и всякая надежда на счастливый исходъ предпріятія рушилась въ виду бдительнаго и хорошо вооруженнаго врага. Въ первую минуту замѣшательства вождямъ удалось укрыться въ Викловскихъ горныхъ ущельяхъ, и здѣсь они уже на другой день собрались въ одной отдаленно-лежащей долинѣ на совѣщаніе. Большинство было убѣждено, что еще ничего не потеряно: одинъ сигналъ—и Ирландія возстанетъ какъ одинъ человѣкъ и т. д.; одинъ Робертъ Эмметъ утратилъ всю иллюзію и ясно доказалъ своимъ друзьямъ, что продолженіе борьбы въ настоящую минуту, съ тѣми борцами, какими являлись недисциплинированные мятежники, поведетъ только къ новымъ кровопролитіямъ и къ новымъ страданіямъ населенія, уже и такъ много испытавшаго. Прежде чѣмъ расходиться, всѣ стали убѣждать Эммета бѣжать, при чемъ это можно было сдѣлать только при помощи лодки, принадлежащей мятежникамъ. Но тутъ Робертъ Эмметъ заявилъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, что онъ долженъ обязательно еще разъ отправиться въ Дублинъ, чтобы проститься съ одною особою, которая такъ дорога ему, что онъ никакъ не можетъ покинуть Ирландію на многіе годы, не повидавшись съ нею. „Онъ долженъ увидѣть ее, хотя бы ему пришлось за это тысячу разъ поплатиться жизнью“.

Солдаты искали его повсюду, его вѣрная хозяйка, молодая мужественная дѣвушка, дала исколотъ себя штыками все тѣло и подвергнуть себя „полуповѣщенію“, но не выдала его мѣстопребыванія. Наконецъ, его нашли, отняли у него всякую возможность бѣгства, прострѣливъ ему плечо, и арестовали. Майоръ, обезоружившій его, сталъ извиняться за выстрѣлъ, но Эмметъ сухо отвѣтилъ, что все разрѣшается на войнѣ (all is fair in war).

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего заключенія Робертъ Эмметъ отправилъ письмо молодой дѣвушкѣ, ради которой онъ подвергъ опасности свою жизнь. Это была миссъ Сарра Курранъ, дочь одного знаменитаго адвоката, имя котораго часто упоминается въ стихотвореніяхъ Байрона; онъ былъ преданный и пылкій, краснорѣчивый защитникъ ирландскихъ мятежниковъ 1798 г., одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ и видныхъ дѣятелей своей страны. Въ его домѣ Робертъ Эмметъ часто бывалъ еще въ ранней юности; но, открывъ горячую симпатію, развившуюся между нимъ и его дочерью, и, опасаясь, что политическое направленіе Эммета испортитъ его будущность, онъ разлучилъ молодыхъ влюбленныхъ и они стали переписываться постоянно безъ его вѣдома. Тюремщикъ, получившій значительную сумму за доставленіе письма Эммета по адресу, передалъ его немедленно въ руки прокурора. Испугавшись, что онъ скомпрометировалъ свою возлюбленную, Эмметъ написалъ немедленно своимъ судьямъ: зная, что они питаютъ большой страхъ къ его краснорѣчію, онъ предложилъ объявить себя виновнымъ передъ судомъ и не произносить ни слова въ свое оправданіе, если только его письма къ миссъ Курранъ не будутъ включены въ процессъ. Напрасно. На другой же день домовый обыскъ у взбѣшеннаго Куррана открылъ ему интимныя отношенія, существовавшія между Эмметомъ и его дочерью. Исходъ

дѣла не допускалъ сомнѣній; обвиняемый зналъ, какая судьба ожидаетъ его. Однажды начальникъ тюрьмы вошелъ къ нему въ ту минуту, когда онъ плелъ локонъ, подаренный ему миссъ Курранъ; онъ поднялъ голову и сказалъ: „я плету его, чтобы взять съ собою на эшафотъ“. На его столѣ нашли очень удачно исполненный имъ перомъ рисунокъ: это былъ его собственный портретъ, поразительно похожій; голова была отдѣлена отъ туловища, а тѣло лежало распертымъ рядомъ съ нею.

Процессъ начался въ 10 ч. утра. Послѣ того, какъ прокуроръ въ своей рѣчи торжественно заявилъ, что единственнымъ дѣйствіемъ, произведеннымъ этимъ заговоромъ, былъ взрывъ вѣроподданническихъ чувствъ къ королю во всей Ирландіи, Робертъ Эмметъ попросилъ въ отвѣтъ прочесть громко только одинъ параграфъ изъ сочиненнаго имъ манифеста временнаго правительства: „съ этого времени употребленіе плетей и пытокъ воспрещается въ Ирландіи и ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть вновь введено.“ Затѣмъ послѣдовала рѣчь возмутительнаго ирландскаго ренегата, лорда Плункета, который въ качествѣ официального обвинителя осыпалъ Эммета насмѣшками и дерзостями. Наконецъ, послѣдній всталъ и, съ увѣренностью въ близости смерти, произнесъ защитительную рѣчь, которую и въ настоящее время знаетъ каждый ирландецъ. Онъ сказалъ, что если бы, послѣ произнесенія надъ нимъ обвинительнаго приговора, ему предстояла только смерть, онъ не сталъ бы утомлять вниманіе присутствующихъ; но приговоръ, передающій его тѣло палачу, передаетъ въ то же время его имя суду общественнаго мнѣнія, поэтому онъ рѣшился говорить. На гнѣвный перерывъ судьи онъ отвѣтилъ съ глубокимъ спокойствіемъ: „А мнѣ говорили, милордъ, что судьи иногда признаютъ своею обязанностью слушать терпѣливо и говорить гуманно“, и продолжалъ свою рѣчь такимъ громкимъ голосомъ, что его было легко слышно за внѣшнюю дверь зала, и все же въ его рѣчи не было и тѣни преувеличеній или декламации; напротивъ того,—говоритъ Мадденъ, слушавшій его,—онъ съ величайшимъ изяществомъ управлялъ своимъ голосомъ, и, то удаляясь отъ рѣшетки, то приближаясь къ ней, дѣлалъ обычные ему жесты, отличавшіеся какою-то особенною привлекательностью. Тридцать лѣтъ спустя, свидѣтели этого поразительнаго краснорѣчія все еще не могли безъ душевнаго волненія вспоминать о граціи и величіи, съ какими онъ возражалъ своимъ судьямъ. Одинъ корреспондентъ Та й м с а, безусловно осуждавшій самое возстаніе, написалъ въ письмѣ объ Эмметѣ: „Но я долженъ признать одно: онъ былъ великъ, не смотря на всѣ свои заблужденія. Когда онъ въ день процесса, въ ту минуту, когда могила разверзалась, чтобы принять его, потрясалъ стѣны суда энергіей и блескомъ своего краснорѣчія, я увидалъ, какъ змѣя, вскормленная на груди его отца (лордъ Плункетъ), задрожала подъ его взглядомъ и какъ отродье человѣческаго рода, осудившее его (лордъ Норбери) поблѣднѣлъ и затрепеталъ на своемъ креслѣ“.

Эмметъ закончилъ слѣдующими словами: „Милорды, вы ждете съ нетерпѣніемъ вашей жертвы. Всѣ ужасы, которыми вы окружили меня, не могли оледе-

нить крови въ моихъ жилахъ, чего вы такъ желали, и черезъ нѣсколько часовъ она будетъ вопіять къ небу о мести; но прошу еще немного терпѣнія. Мнѣ остается сказать только нѣсколько словъ: я иду въ свою холодную и вѣтную могилу; лампа моей жизни почти потухла. Я ради своей родины разстался со всѣмъ, что было у меня дорогого въ жизни, съ идоломъ моей души, съ предметомъ моихъ чувствъ. Мой путь пришелъ къ концу; могила открывается, чтобы принять меня и я погружаюсь въ ея объятія. Прощаясь съ этимъ міромъ, я предъявляю ему одно только желаніе: преподнести мнѣ нѣжный даръ молчанія. Пусть никто не дѣлаетъ надписи надъ моею могилою, потому что нѣтъ ни одного человѣка, знающаго мои побудительныя причины, который осмѣлился бы теперь защищать ихъ. Такъ пусть же предразсудки и невѣжество не чернятъ ихъ! Пусть они покоятся во мракѣ и мирѣ! Пусть моя память будетъ предана забвенію и пусть моя могила останется безъ надписи, пока другія времена и другіе люди не окажутъ мнѣ справедливости! Когда моя родина займетъ подобающее ей мѣсто между другими націями земли, тогда только, но не прежде, пусть напишутъ мою эпитафію. Я все сказалъ“.

Приговоръ былъ произнесенъ: Робертъ Эмметъ долженъ былъ быть сначала повѣшенъ, а затѣмъ обезглавленъ въ ту же ночь, въ 1 часъ. Было 11 часовъ, когда его отвели обратно въ темницу. Онъ остановился по пути передъ тюремной рѣшеткой, у которой сидѣлъ одинъ изъ его друзей, и сказалъ ему: „меня завтра повѣсятъ“.—Ему не дали покоя и въ послѣдніе часы его жизни, а отправили на 10 миль разстоянія вглубь страны, опасаясь, что толпа ворвется въ его тюрьму и освободитъ его силою. Только тогда одинъ челоуѣколюбивый тюремщикъ снялъ оковы, наложенные на него такъ грубо, что кровь сочилась изъ его изувѣченныхъ членовъ; тотъ же челоуѣкъ далъ ему кое-что поѣсть, потому что съ 10 ч. утра—времени начала процесса, онъ не получалъ пищи. Послѣ этого онъ погрузился на короткое время въ глубокой сонъ, а, проснувшись, воспользовался немногими оставшимися у него минутами, чтобы написать письма: одно брату въ Америкѣ, другое брату миссъ Курранъ, а третье ей самой. Но тутъ его прервалъ приходъ пріятеля, пожелавшаго еще разъ повидаться съ нимъ. Первые слова Роберта къ нему заключали въ себѣ вопросъ о здоровьи матери; пріятель съ глубокимъ огорченіемъ сообщилъ, что она умерла отъ горя два дня тому назадъ. Спокойно пережила она изгнаніе ради Ирландіи одного изъ своихъ сыновей, съ твердостью поддерживала она всегда Роберта на избранномъ имъ пути: но когда она узнала, что этотъ сынъ, гордость ея жизни, осуждается на такую ужасную смерть въ возрастѣ 23 лѣтъ, сердце ея разорвалось на части. Робертъ сдержанно перенесъ это извѣстіе и отвѣтилъ: „такъ лучше“. Въ письмѣ къ молодому Куррану онъ пишетъ: „Я никогда не желалъ для себя ни высокихъ должностей, ни почестей; я не интересовался никогда похвалами; но я желалъ читать на сіяющемъ лицѣ Сарры, что ея мужъ пользуется уваженіемъ“. Его почеркъ въ этомъ письмѣ былъ такъ же твердъ и пра-

виленъ, какъ и всегда. Въ часъ его возвели на эшафотъ. Такъ велико было обаяніе, которое онъ, въ силу своей кротости и привлекательности, оказывалъ на всѣ грубыя натуры, что одинъ изъ тюремщиковъ, прощаясь съ нимъ, когда онъ проходилъ мимо него въ сопровожденіи шерифовъ и палача изъ тюрьмы, залился слезами; осужденный, руки котораго были связаны, наклонился и поцѣловалъ сторожа въ щеку, и этотъ челоуѣкъ, закаленный двадцатилѣтней службой и привыкшій къ тюремнымъ сценамъ, палъ безъ сознанія къ его ногамъ. У подножія эшафота Робертъ Эмметъ передалъ одному изъ своихъ друзей письмо, написанное имъ къ миссъ Курранъ, но пріятель былъ арестованъ и письмо такъ и не дошло къ ней. Эмметъ самъ снялъ съ себя галстухъ и помогъ палачу надѣсть ему на шею петлю. Палачъ показалъ отрубленную голову народу и закричалъ громкимъ голосомъ: „Вотъ голова Роберта Эммета, измѣнника!“—Ни одинъ звукъ не раздался въ отвѣтъ.

На другой день въ правительственной газетѣ *London Chronicle* было напечатано: „онъ оставался до послѣдней минуты тѣмъ, какимъ показалъ себя во время процесса, выказывая ту-же смѣсь аристократической безпечности и смѣлости и какъ-бы насмѣхаясь надъ ужасными обстоятельствами, среди которыхъ находился. Ничто въ его поведеніи не напоминало спокойствія истиннаго христіанина. Храни насъ, Боже, отъ людей съ подобными принципами! Тѣмъ не менѣе мы никогда не видѣли челоуѣка, умирающаго такъ, какъ онъ: онъ былъ воплощеннымъ невѣріемъ, и сказалъ сопровождающему его священнику: „Благодарю васъ за принятый вами на себя трудъ, но онъ совершенно безполезенъ; мои идеи на этотъ счетъ давнымъ ужъ давно сложились, и теперь не тотъ моментъ, когда я могъ-бы перемѣнить ихъ“. Такъ говорила официальная пресса; подавленная Ирландія молчала объ эшафотѣ своего двадцати трехлѣтняго героя и, вѣрная его приказу, не сдѣлала никакой надписи на его могилѣ.

Но когда появились Ирландскія мелодіи Мура, всѣ вдругъ услышали, какъ въ этихъ пѣсняхъ страданіе и негодованіе цѣлаго народа возвышалось и замирало безсильно, шептало и громко вопіяло къ небесамъ, жаловалось и роптало подобно волнамъ морскимъ, со всю неудержимою силою стихійнаго элемента. Вскорѣ не оказалось—да и теперь нѣтъ—ни одного крестьянина въ Ирландіи, который не зналъ-бы пѣсни: „When he who adores Thee“ (когда онъ, обожающій тебя). Въ Америкѣ послѣдняя рѣчь Роберта Эммета читается и до сихъ поръ въ школахъ. Это евангеліе стремленія къ свободѣ Ирландіи. Но, странно сказать: не столько геройская смерть Роберта Эммета сдѣлала его столь знаменитымъ среди его соотечественниковъ, сколько его трогательная любовная исторія. Его невѣста представлялась ирландскому народу вдовою героя и являлась предметомъ безмолвнаго поклоненія. Ея несчастье увеличивалось еще тѣмъ, что она жила среди англійски-настроеннаго круга общества, гдѣ сожалѣли, правда, о судьбѣ Эммета, но считали ее заслуженною. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Эммета она познакомилась съ однимъ англійскимъ офицеромъ,

капитаномъ Стурджономъ, который, тронувшись ея одинокимъ положеніемъ среди чужихъ и увлекшись ея прелестною наружностью, предложилъ ей свою руку. Послѣ продолжительнаго сопротивленія она приняла его предложеніе. Онъ повезъ ее въ Италію, такъ какъ здоровье ея было совершенно разрушено. По вѣншности, говорилъ адмиралъ Напиръ, видѣвшій ее въ Неаполѣ, она походила „на двигавшуюся статую“. Она умерла нѣсколько лѣтъ спустя въ Сициліи далеко отъ страны, въ которой почивалъ вѣчнымъ сномъ ея молодой герой. Вашингтонъ Ирвингъ описалъ ее въ своемъ прекрасномъ очеркѣ: Разбитое сердце въ *The Sketch book*. Но лучшимъ памятникомъ воздвигнутымъ въ ея честь была пѣсня: *She is far from the land where her young hero sleeps* (она далека отъ страны, гдѣ почиваетъ ея молодой герой) ¹⁾.

Но несчастье отдѣльнаго лица въ Ирландскихъ мелодіяхъ является только символомъ несчастій цѣлаго народа и олицетвореніемъ всеобщаго страданія. Теперь мы перейдемъ къ пѣснямъ, въ которыхъ, кажется, будто всѣ сыны и дочери Ирландіи скорбятъ о печальномъ исходѣ великой французской революціи и надеждъ, которыя всѣ народы, но ирландскій въ болѣе степени, чѣмъ остальные, возлагали на прочность и побѣду республики. Такою пѣсней является трогательная: „*Tis gone and for ever the light we saw breaking*“ (исчезъ, и навсегда, свѣтъ, зарожденіе котораго мы видѣли), съ ея горькою жалобою на то, что этотъ первый лучъ свободы, который былъ благословленъ чело-вѣчествомъ, опять исчезъ и своимъ исчезновеніемъ сдѣлалъ ночь рабства и печали еще болѣе глубокою и мрачною, но глубже и мрачнѣе всего для Эрина. Муръ достигаетъ наиболѣе высокаго и благороднаго полета въ слѣдующей строфѣ:

For high was thy hope, when those glories were darting
Around thee, thró all the gross clouds of the world;
When Truth, from her fetters indignantly starting,
At once, like a sunburst, her banner unfurled.
Oh, never shall earth see a moment so splendid!
Then, had that one hymn of deliverance blended
The tongues of all nations, how sweet had ascended
The first note of Liberty, Erin! from thee.

(Потому что блестящими были надежды, когда лучи этой славы впервые зарождались вокругъ тебя, сіяя сквозь густыя тучи міра; когда истина, съ негодованіемъ сбросивъ съ себя свои оковы, внезапно, точно солнечный лучъ, развернула свое знамя. О, никогда больше міръ не увидитъ такого чуднаго зрѣлища! Тогда, если-бы голоса всѣхъ народовъ соединились въ одинъ гимнъ свободы, какъ сладко понесся-бы вверхъ твой первый звукъ свободы, о, Эринъ!)

¹⁾ Madden: *United Irishmen*.—Robert Emmet (анонимное произведение г-жи д'Оссонвилъ).

И поэтъ заканчиваетъ проклятiями по адресу легкомысленнаго поколѣнія, которое оказалось недостойнымъ получить благословеніе истины, а „подобно фуріямъ ласкало юную надежду свободы и крестило ее въ крови“. Другія стихотворенія еще болѣе грозныя, хотя угроза носить повсюду поэтической характеръ, прикрывающій ее. Прочитайте, напр., пѣсню: *Lay his sword by his side* „положите рядомъ съ нимъ его храбрый мечъ! онъ покоится теперь у его изголовья! Онъ такъ хорошо служилъ ему, никогда не измѣняя ему. Теперь онъ долженъ оставаться вблизи его... Но мнѣ кажется, какъ будто я слышу голосъ изъ его могилы, отголосокъ того, который однажды испустилъ воинственный кличъ: „разорвите [ваши] цѣпи!“ Послушайте, теперь онъ шепчетъ изъ тѣсной могилы: „хотя солнце вашего вождя навѣки закатилось, не дайте его мечу заснуть безславнымъ сномъ! Его клинокъ блестящъ, въ немъ еще живетъ надежда побѣды!—Если чужая рука, недостойная потрясать такимъ сокровищемъ, дерзнетъ коснуться твоего гордаго желѣза, тогда оставайся скованнымъ, точно очарованіемъ, во мракѣ твоихъ ноженъ или вернись къ своему мертвому господину для охраны его! Но если тебя схватитъ рука, научившаяся свободно и грозно владѣть тобою, то, точно молнія, выскочи изъ своихъ ноженъ, когда тебя призоветъ на помощь все, что дорого намъ“.

Стихотвореніе, направленное противъ принца-регента, самое строгое и возвышенное изъ всѣхъ. Онъ въ немъ не упоминается, но стихотвореніе дѣлается понятнымъ только тогда, когда узнаешь, что оно посвящено ему. Это пѣснь: *When first I met thee, warm and young* (когда я впервые встрѣтилъ тебя горячимъ и молодымъ). Эринъ говоритъ здѣсь, какъ женщина; она описываетъ, какъ много ждала отъ молодого королевскаго сына, какъ вѣрила въ обѣщанія, которыя онъ давалъ, когда былъ молодымъ и горячимъ, какъ продолжала упорствовать въ своей вѣрѣ даже тогда, когда онъ измѣнился; даже тогда, когда она услышала о его ошибкахъ, ей мерещились въ нихъ проблески будущей славы; но теперь, когда привлекательность юности исчезла, а ни одно изъ преимуществъ зрѣлаго возраста не явилось на смѣну ей, тѣ, кто раньше любилъ его, теперь избѣгаютъ; теперь, когда даже его льстецы презираютъ его, теперь Эринъ не дала-бы ни одной изъ своихъ чистыхъ слезъ за его отягченную пороками пышность. Но наступитъ время, когда даже послѣдніе друзья покинутъ его и когда онъ напрасно будетъ простирать свои руки къ ней, которую онъ потерялъ навсегда; тогда она скажетъ:

Go—go—'tis vain to curse,
'Tis weakness to upbraid thee;
Hate cannot wish thee worse
Than guilt and stame hath made thee.

(Ступай, ступай! Напрасно было-бы проклинать тебя, малодушно было-бы упрекать; ненависть не могла-бы пожелать тебѣ ничего худшаго, чѣмъ то, что изъ тебя сдѣлали порокъ и позоръ).

Вордсвортъ писалъ любовныя объясненія Англіи, когда она была въ апогеѣ своихъ побѣдъ и своего величія, Скоттъ воспѣвалъ Шотландію въ то время, когда эта страна начала процвѣтать и притязать на мѣсто рядомъ со старшею сестрою; но Муръ пѣлъ свои пылкія, горячія пѣсни въ честь страны, которая лежала униженною, обливаемой кровью у ногъ своихъ палачей. Онъ говорить въ письмѣ Remember thee:

Remember thee! yes, while there's life in this heart,
I shall never forget thee, all lorn as thou art;
More dear in thy sorrow, thy gloom and thy showers,
Than the rest of the world in their sunniest hours.
Wert thou all that I wish thee,—great, glorious and free
First flower of the earth, and first gen of the sea,—
I might hail thee prouder, with happier brow,
But, oh! could I love thee more deeply than now.

(Помнить тебя! пока въ этомъ сердцѣ есть жизнь, я никогда не забуду тебя, хотя ты и погибая; ты болѣе дорога мнѣ въ своей печали, своей скорби и своихъ страданіяхъ, чѣмъ остальной міръ въ самые радужные свои часы.— Если бы ты была такою, какою я желалъ бы тебя видѣть, великою, славною и свободною, первымъ цвѣткомъ земли, первою жемчужиною моря,—я привѣтствовалъ-бы тебя съ болѣею гордостью, съ болѣе яснымъ челомъ, но, ах! развѣ я могъ бы любить тебя больше, чѣмъ теперь?)

Во всемъ, что онъ производилъ, Муръ вспоминаетъ объ Ирландіи. Его большая восточная поэма Лалла - Рукъ, вышедшая въ 1817 г., написана на основаніи продолжительныхъ, добросовѣстныхъ занятій; здѣсь нѣтъ ни одного уподобленія, описанія, имени, исторической черты или указанія, которыя касались бы чего-либо, находящагося въ предѣлахъ европейскаго міровоззрѣнія. Все безъ исключенія указываетъ на знаніе поэтомъ жизни и природы востока. Но тѣмъ не менѣе сюжетъ началъ тогда только получать интересъ въ глазахъ Мура, когда онъ увидѣлъ возможность воспользоваться борьбою между огнепоклонниками и магометанами, какъ предлогомъ для проповѣдыванія вѣротерпимости въ согласіи съ ученіемъ, преподаванномъ имъ соотечественникамъ въ стихотвореніи: Come, send round the wine въ ирландскихъ мелодіяхъ. Интересъ читателя также возбуждается только тогда, когда онъ начинаетъ под-разумѣвать Ирландію и ирландцевъ позади этихъ гебровъ съ ихъ чужестранною оболочкою. Поэтому огнепоклонники (The fire worshippers) наиболѣе удачная часть всей поэмы. Даже имена Эринъ и Иранъ сливаются въ одно въ ушахъ читателя. Муръ самъ говорить, что духъ, проникающій собою Ирландскія мелодіи, почувствовалъ себя какъ дома на Востокъ только тогда, когда онъ дошелъ до огнепоклонниковъ. И дѣйствительно это прекрасное стихотвореніе, герой котораго благородный и несчастный мятежникъ, а героиня

живетъ въ томъ кругу, гдѣ о ея возлюбленномъ выражаются постоянно съ отвращеніемъ, какъ бы внушены воспоминаніями о Робертѣ Эмметѣ и Сэррѣ Курранѣ. Сходство существуетъ во многихъ подробностяхъ: Гафедъ, передъ тѣмъ какъ сталъ возбуждать возстаніе среди гебровъ, жилъ въ изгнаніи за-границею; Гинда, терзаясь страхомъ за Гафеду, должна ежедневно выслушивать рассказы о томъ, какую кровавую баню задаютъ мятежникамъ. А когда Гинда убиваетъ себя отъ горя, что Гафедъ погибъ на кострѣ, поэтъ поетъ пѣсню надъ ея трупомъ, изъ которой цѣлыя строфы (замѣнивъ только слово Иранъ словомъ Эринъ) можно прибавить къ пѣснѣ: She is far from the land, не чувствуя прибавки посторонняго элемента. Прочитайте, напр., слѣдующее мѣсто:

Nor shall Iran, beloved of her hero, forget thee,—
Though tyrants watch over her tears as they start,
Close, close by the side of that hero she'll set thee,
Embalm'd in the innermost shrine of her heart.

(И Иранъ также, о возлюбленная его героя, не забудетъ тебя,—хотя тираны подстерегаютъ его слезы по мѣрѣ того, какъ онѣ текутъ; близко, близко возлѣ этого героя помѣститъ онъ тебя въ самыхъ глубокихъ тайникахъ его сердца).

Сходство между настроеніемъ въ ирландскихъ мелодіяхъ и тѣмъ, которое царитъ въ этой азіатской эпопее, такъ велико, что нѣсколько строчекъ изъ этой поэмы могли безъ всякихъ измѣненій быть употреблены для эпиграфа къ сборнику всѣхъ документовъ, касавшихся ирландскаго возстанія, вышедшаго въ тридцатыхъ годахъ подъ заглавіемъ: Rebellion book and black History

Вотъ онѣ:

Rebellion! foul dishonoring word,
Whose wrongful blight so oft has stain'd
The holiest cause that tongue or sword
Of mortal ever lost or gain'd.
How many a spirit, born to bless
Hath sunk benaath that with'ring name
Whom but a day's, an hour's success
Had wafted to eternal fame!

(Мятежъ! безобразное, позорное названіе, ложное примѣненіе котораго такъ часто пятнало самое священное дѣло, которое языкъ или мечъ смертный заставляли восторжествовать или погибать. Сколько великихъ умовъ, созданныхъ, чтобы благодѣтельствовать человечество, пали подъ бременемъ этого позорящаго названія, между тѣмъ одинъ день, одинъ часъ удачи могли бы доставить имъ вѣчную славу!)

Политическое положеніе Мура, какъ ирландца, не позволяло ему смотрѣть на высшую политику съ той точки зрѣнія, съ какой глядѣли на нее озерная

школа и Скоттъ. Онъ осыпалъ цѣлымъ градомъ насмѣшекъ священный союзъ. Въ басняхъ, посвященныхъ лорду Байрону и повѣствующихъ о набожномъ союзѣ князей міра, онъ съ большою и задорною смѣлостью осмѣиваетъ европейскую реакцію. Ему снится, напр., что въ ледяномъ дворцѣ дается роскошный балъ, и всѣ „священные особы“, выказавшія столько заботливости о благѣ Европы на великихъ конгрессахъ, приглашены, чтобы изслѣдовать, какими способами можно остановить и оледенить потокъ человѣческаго сознанія, такъ чтобы онъ сталъ походить на замерзшую рѣку. Г-жа Крюднеръ ручается словомъ пророчицы, что никакой опасности не предстоитъ, и что морозъ будетъ существовать вѣчно. Какъ вдругъ со всѣхъ потолоковъ и стѣнъ начинаютъ падать предвѣщающія бѣдствіе капли. Еще танцуютъ полонезъ, но танцующіе съ трудомъ держатся на ногахъ; Пруссія, хотя и привыкла ходить по скользкимъ дорожкамъ, близка къ тому, чтобы спотыкнуться; но едва начали играть испанское фанданго, какъ блестящіе пламенные лучи восходящаго солнца проникли въ дворецъ, гости бѣгутъ къ выходу съ криками: спасайся, кто можетъ! Но всѣ ледяныя украшенія, королевскіе гербы, германскія хищныя птицы и французскія лиліи, таютъ и превращаются въ воду.—Почему, спрашиваетъ Муръ, князья затѣваютъ такіе балы въ дворцахъ безъ фундаментовъ?—Какъ видно, онъ возлагалъ сангвиничныя надежды на только что вспыхнувшую испанскую революцію.

Въ другой баснѣ онъ рассказываетъ о странѣ, въ которой существуетъ комичный законъ, воспреещающій ввозъ зеркалъ. По какой причинѣ? А потому, что королевская семья царитъ здѣсь въ силу своей необычайной красоты, а у народа считается догматомъ вѣры, что онъ, народъ, некрасивъ. Не находить красивымъ носъ его величества считается государственною измѣною; находить своего сосѣда болѣе красивымъ, чѣмъ лица, занимающія извѣстныя высшія должности, признается тяжкимъ преступленіемъ, а такъ какъ зеркалъ не существуетъ, то „никто себя не знаетъ“. Но тутъ нѣсколько возмутительныхъ радикаловъ устраиваютъ такъ, что нагруженный зеркалами корабль терпитъ кораблекрушеніе у берега беззеркальной страны, — читатель догадывается о послѣдствіяхъ. Въ третьей сказкѣ Муръ возвращается къ своему старому символу—Огнелюбамъ; но здѣсь онъ выказываетъ меньше терпимости, чѣмъ въ Лалла Рукъ: противъ нихъ посылаютъ отрядъ огнегасителей, чтобы воспрепятствовать мирному выполненію ими своихъ религіозныхъ обрядовъ; но огнелюбы быстро расправляются со своими врагами: они бросаютъ огнегасителей головою внизъ въ тотъ самый огонь, которому они хотѣли помѣшать спокойно горѣть.

Наиболѣе блестящее произведеніе юмора и сатиры Мура—*The Fudge family in Paris*. Оно полно насмѣшекъ надъ только что возстановленнымъ, хилымъ правленіемъ Бурбоновъ и обращается съ серьезными упреками къ Англіи. Вотъ что онъ говоритъ о ней: Между тѣмъ какъ мужественныя сердца и здравые умы падаютъ повсюду жертвами презрѣнныхъ людей, образующихъ меньшинство, Англія является всеобщимъ врагомъ истины и свободы вездѣ, гдѣ онѣ

начинаютъ зарождаться, и первую помощницею всякаго насилія, гдѣ оно только на проявляется“; и онъ напоминаетъ Англіи, что проклятія раздаются со всѣхъ сторонъ противъ властолюбія и эгоистическаго высокомерія державы, которая добивается всегда только собственной выгоды и попираетъ ногами чужія права. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на четвертое и седьмое письма съ ихъ насмѣшками надъ лѣнностью и тучностью принца-регента и съ его ужасающими нападками на Кэстлри, который называется „воплощеніемъ грязи и заразы гніенія, которое Англія поднесла въ даръ Ирландіи, подобно тому, какъ трущобы убитого посылаютъ своему убійцѣ моровую язву“.

Все это звучитъ очень смѣло и грозно для произносящаго подобныя рѣчи; разстояніе между старшимъ поколѣніемъ поэтовъ и Муромъ, очевидно, очень велико и переходъ къ Шелли и Байрону, кажется, отсюда ничтожнымъ. Но въ дѣйствительности онъ очень великъ и всѣ эти выходки задуманы не такъ серьезно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Здѣсь въ защиту дѣла Ирландіи выступаетъ вовсе не защитникъ ирландскаго самоуправленія: потому что Муръ все не хотѣлъ отдѣлать свой родной островъ отъ Англіи, а только желалъ водворить въ немъ лучшее и болѣе справедливое управленіе. Въ его стихотвореніяхъ выражался столь рѣзко противъ королей не республиканецъ, а искренній приверженецъ королевской власти, желавшій замѣнить дурныхъ королей хорошими. Это былъ, наконецъ, не свободный мыслитель, выступавшій рѣзко противъ лицемѣрія священнаго союза, а католикъ, хотя и просвѣщенный, но искренно вѣрующій, который одновременно, съ одной стороны, воспитывалъ своихъ дѣтей въ протестантской религіи, а, съ другой, написалъ толстую книгу: *Travels of an Irish Gentleman in search of a Religion* (путешествіе одного ирландскаго джентльмена въ поискахъ за религіею) въ защиту главнѣйшихъ догматовъ католицизма. Не смотря на всю свою видимую необузданность, Муръ держался всегда въ извѣстныхъ границахъ и всегда принималъ во вниманіе требованія того круга общества, среди котораго ему приходилось жить. Какъ только онъ прибылъ въ Лондонъ, вожди виговъ встрѣтили его съ распростертыми объятіями и Муръ былъ и оставался признаннымъ поэтомъ виговъ, который въ длинномъ рядѣ остроумныхъ и юмористическихъ писемъ въ рифмованныхъ фельетонахъ обсуждалъ вопросъ дня и парламентскія событія съ блестящимъ остроуміемъ и замѣчательнымъ салоннымъ юморомъ въ духѣ партіи виговъ.

XIII.

Муръ былъ по природѣ склоненъ къ веселости и удовольствіямъ, а не къ одинокой борьбѣ. Онъ былъ созданъ, чтобы, подобно древнимъ ирландскимъ бардамъ, возсѣдать на почетномъ мѣстѣ за столомъ знатнаго властелина, помогая ему коротать время своими пѣснями. Онъ до такой степени носитъ на себѣ

отпечатокъ баловня счастья, и даже тогда, когда онъ бываетъ совершенно серьезенъ, намъ кажется, будто онъ шутитъ, составляя въ этомъ отношеніи полную противоположность Байрону, который даже когда шутитъ остается серьезнымъ и мрачнымъ. Муръ играетъ со своимъ сюжетомъ и ласкаетъ его. Байронъ расчленяетъ его и отворачивается отъ него съ отвращеніемъ. Оба друзья живутъ созерцаніемъ и изображеніемъ внѣшней природы, но когда Байронъ смотритъ на нее, намъ кажется, будто само солнце омрачается отъ этого созерцанія, между тѣмъ какъ Муръ своимъ пристрастіемъ къ радужному и свѣтлому, освѣщенному яркимъ сіяніемъ, какъ бы создаетъ „утреннее солнце, встающее въ полдень“.

Поэтому-то мы получили бы одностороннее понятіе о Мурѣ, если бы, согласно первоначально намѣченному плану, стали бы изучать его преимущественно какъ политическаго писателя. Онъ въ то же время и эротическій писатель, притомъ одинъ изъ величайшихъ и самыхъ музыкальныхъ, когда либо жившихъ на свѣтѣ. Музыка въ его стихахъ отличается большею полнотою, чѣмъ утонченностью, но въ его способѣ обращенія съ языкомъ замѣчается особая прелесть. Привлекательная, яркая чувственность и пылкая нѣжность высказываются въ его эротическихъ стихотвореніяхъ, въ выраженіяхъ, благозвучіе которыхъ плѣняетъ насъ, точно звуки музыки Россини. Пусть англійскіе поклонники Шелли, привыкшіе къ болѣе утонченнымъ и для непосвященныхъ менѣе легко воспринимаемымъ гармоніямъ, называютъ эти пѣсни слишкомъ сладкими (*oversweet*); эротическая лирика не можетъ быть слишкомъ эротической; французы говорятъ: въ любви и слишкомъ многого недостаточно (*dans l'amour trop n'est pas assez*). Муръ—не Моцартъ, но въ его стихотвореніяхъ иногда слышишь почти Моцартовскую мелодію, точно арію героя или Церлины въ *Don Juan*’ѣ.

Пѣсни Россини и Мура сохраняютъ свое значеніе, даже если одновременно съ ними появляются на свѣтъ Шелли и Шуберты. Нигдѣ оригинальность англійскихъ поэтовъ этого періода не высказывается такъ рѣзко, какъ въ ихъ эротикѣ, и въ то же время натурализмъ всей этой эпохи проявляется въ этой же области самую рѣзкую противоположность съ описаніями любви у поэтовъ германской и французской реакціи,—описаніями, которыя поражаютъ своею неестественностью. То, что Байронъ говоритъ о прекраснѣйшемъ своемъ женскомъ образѣ: „она была невѣстою природы, не зная того, и дочерью страсти“ (*Haidée was Nature's bride, und knew not this; Haidée was Passion's child*)¹⁾ и что онъ высказываетъ о любви Гайде: „у другихъ это искусственное состояніе, опьяненіе опіумомъ, вызванное слишкомъ большою молодостью или чтеніемъ, а у нихъ это была ихъ природа или ихъ судьба (*This is in others a factitious state, an opinion dream of too much youth and reading; but was in them their nature or their fate*)²⁾, можетъ быть сказано объ эротическихъ описаніяхъ всего этого пе-

1) *Don Juan*, II, 202.

2) *Don Juan*, IV, 19.

ріода времени. Но только въ *Don Juan*’ѣ Байронъ далъ намъ картину счастливой любви. Его эротическія стихотворенія выражаютъ собою безконечную скорбь и жалобы. Самое замѣчательное изъ нихъ *When we two parted* (когда мы разстались) выражаетъ рыданія въ самомъ своемъ ритмѣ и высказываетъ все горе разлуки даже въ способѣ измѣненія ритма въ послѣдней строфѣ. Въ первыхъ строчкахъ еще чувствуется нѣкоторое спокойствіе страсти:

When we two parted
In silence and tears
Half broken hearted,
To sever for years,
Pale grew thy cheek and cold,
Colder thy kiss;
Truly that hour foretold
Sorrow to this.

(Когда мы разстались въ молчаніи и слезахъ, съ разбитыми сердцами, на долгіе годы, твои щеки поблѣднѣли и похолодѣли; еще холоднѣй сдѣлался твой поцѣлуй, этотъ часъ предвѣщалъ, несомнѣнно, будущее горе.

Но все горе любви высказывается въ краткомъ и отрывистомъ размѣрѣ этихъ заключительныхъ строчекъ:

In silence we met
In silence I grieve,
That thy heart could forget,
Thy spirit deceive,
If I should meet thee
After long years,
How should I greet thee?
With silence and tears.

(Молча мы встрѣтились, молча я скорблю, что твое сердце можетъ позабыть, твой умъ обмануть. Если я встрѣчу тебя черезъ многіе годы, какъ буду я привѣтствовать тебя?—молчаніемъ и слезами).

Томасъ Кэмпбелль написалъ лишь немного чисто-эротическихъ стихотвореній,—онъ предпочитаетъ болѣе короткое или болѣе длинное любовное повѣствованіе въ стихахъ личнымъ изліяніямъ,—но нѣкоторыя изъ нихъ такъ же нѣжны по тону, какъ и стихотворенія Мура или Китса. И, странно сказать, онъ становится все горячѣе, нѣжнѣе, свободнѣе въ своихъ выраженіяхъ, чѣмъ дальше идутъ годы. Свои наиболѣе пылкія лирическія стихотворенія онъ пишетъ уже старикомъ. Онъ опровергаетъ возраженіе, что для него наступили годы платонической любви; онъ стѣбаетъ на него, обращаясь съ вызовомъ къ самому Платону на небѣ, приглашая его взглянуть въ глаза его возлюбленной и попробовать отнести къ ней платонически.

Онъ воспѣваетъ мимолетный, преходящій характеръ любви, страданія, причиненны отсутствіемъ возлюбленной; онъ описываетъ муки молодой дѣвушки, которая надѣется и ждетъ, что любимый ею человѣкъ рѣшится просить ея руки. Но оригинальнѣе всего выступаетъ онъ какъ эротическій писатель, когда съ полугрустною улыбкою сознается, что его сердце моложе его лѣтъ, какъ, напр., въ слѣдующихъ строфахъ:

„Богъ, находившій нѣкогда препятствіе въ моемъ возрастѣ, вернулся ко мнѣ подъ вліяніемъ сладкихъ воспоминаній и заставилъ меня позабыть то, что мнѣ самому хотѣлось не помнить, именно, что бутоны мая не цвѣтутъ въ ноябрѣ. Ахъ, Томъ! Исчезли флейты и свирѣли! Пиши псалмы, а не пѣсни для молодыхъ дѣвушекъ“.

„Но возрастъ настолько мало внушаетъ мнѣ благоразуміа, что красота съ годами только все болѣе и болѣе чаруетъ меня, и единственный даръ, поднесенный мнѣ опытомъ,—это способность испытывать самое радостное веселье при видѣ молодыхъ дѣвушекъ и молодыхъ вдовъ. Какъ безобразно благоразуміе, какъ возмутительно оно, когда испытываешь страсть, сладкую, радостную!“

У Китса эротика, какъ и слѣдовало ожидать, тяжеловѣсна, горяча, чувственна и расплывается въ звукахъ и парахъ. Прочтите слѣдующую мастерскую строфу:

Lift the latch, ah gently! ah tenderly—sweet!
We are dead if that lateet give one little clink.
Well done—now these lips, and a flowery seal—
The old man may sleep, and the planets may wink;
The shut rose shall dream of our loves and awake
Full-blown, and, such warmth for the morning take,
The stock dove shall hatch his soft twin-eggs and coo,
While J kiss to the melody, aching all through.

(Подыми щеколду! ахъ, тихонько! ахъ, нѣжно-нѣжно! Мы умремъ, если щеколда издастъ хоть слабый звукъ! Хорошо! А теперь эти губы и цвѣтущее сидѣніе—пусть старикъ спитъ, а мѣсяцъ прячется; бутонъ розы будетъ видѣть во снѣ нашу любовь и проснется пышною розою, и утренній покровъ доставитъ такое тепло, что лѣсная голубка, сидя на своихъ яйцахъ—близнецахъ, заворкуетъ, между тѣмъ какъ я буду цѣловать подъ эту мелодію, содрогаюсь весь отъ боли).

У Шелли эротика одновременно и очень безплотна, и очень чувственна. Она напоминаетъ Корреджіо. У Шелли, какъ у Корреджіо, выраженіе самой высокой любви сливается съ выраженіемъ сильнѣйшаго чувственного опьяненія; онъ описываетъ какъ бы эротическую борьбу со смертью. Прочитайте, напр., его индійскую серенаду. ¹⁾

¹⁾ Shelley's Poems, стр. 180.

Oh, lift me from the grass;
J die, J faint, J fail!
Let thy leove in kisses rain
On my lips and eyelids pale.
My cheek is cold and white, alas!
My heart beats loud and fast:
Oh! press it close to thine again,
Where it will break at last.

(О, подыми меня съ травы! Я умираю! я лишаюсь сознанія! я падаю! Пусть твоя любовь дождемъ поцѣлуевъ окропитъ мои губы и блѣдныя вѣки! Мои щеки холодны и блѣдны... увы! мое сердце бьется быстро и громко! Ахъ, прижми его покрѣпче къ твоему, такъ, чтобы оно замерло, наконецъ, навсегда!)

Теперь сравните съ нею пылкій, восторженный конецъ *Eripsyichidion*¹⁾:

Our breath, shall intermix, our bosoms bound,
And our veins beat together; and our lips,
With other eloquence thou words, eclipse
The soul that burns between them; and the wells
Which boil under our being's inmost cells,
The fountains of our deepest life, shall be
Confused in passion's golden purity,
As mountain—springs under the morning sun.
We shall become the same, we shall be one
Spirit within two frames, oh, wherefore two?
One passion in twin hearts, which grows and grew
Till, liketwo meteors of expanding flame,
Those spheres instinct with it become the same,
Touch, mingle, are transfigured; over still
Burning, yet ever inconsumable.

Which point to heaven and cannot pass away:
One hope withen two wills, one will beneath
Two overshadowing winds, one life, one death,
One heaven, one bell, one immortality,
And one annihilation!

Woe is me!

The winged words on which my soul would pierce
Into the height of Loves rare universe
Are chains of lead around its flight of fire—
J pant, J sink, J tremble, J expire!

¹⁾ Shelley's Poems, стр. 200—1.

(Наше дыханіе будетъ смѣшиваться, наши груди соединяться, нашъ пульсъ биться совмѣстно; а наши уста, болѣе краснорѣчивыя, чѣмъ наши слова, будутъ затмевать душу, пылающую между ними; а волны, бурлящія въ тайникахъ нашего существа, источники нашей жизни, сольются въ золотой чистотѣ нашей страсти, подобно тому, какъ сливаются горные ручьи подъ лучами утренняго солнца. Мы сдѣлаемся однимъ существомъ, однимъ духомъ въ двухъ оболочкахъ, о, зачѣмъ въ двухъ? мы сдѣлаемся одною страстью въ двухъ сердцахъ, которая все растетъ и разростается, пока, подобно двумъ метеорамъ распространяющагося пламени, воодушевляющая эти оболочки жизнь не соединится съ нами, соприкасаясь, смѣшиваясь, преобразуясь, продолжая горѣть, но никогда не сгорая до тла;—получится одна надежда въ двухъ воляхъ, одна воля, подчиняющаяся двумъ умамъ, одна жизнь, одна смерть, одно небо, одинъ адъ, одно безсмертіе, и одно уничтоженіе! Горе мнѣ! Тѣ крылатыя слова, на которыхъ моя душа хотѣла проникнуть въ высоты чуднаго міра любви, обратились въ свинцовыя цѣпи, задерживающія ея огненный полетъ!.. Я задыхаюсь, я падаю, я дрожу и издыхаю!)

Если сферою Байрона является мученіе несчастья или одинокаго влюбленнаго, то сферою Шелли, какъ мы видѣли, являются страданія любви счастливой, самоуничтоженіе въ упоеніи счастливой любви. Но именно потому, что эротическая область обоихъ великихъ поэтовъ такъ узко ограничена, ни одинъ изъ нихъ не написалъ много эротическихъ стихотвореній или не сосредоточилъ своей производительности на этой области поэзіи.

Напротивъ того, Муръ—врожденный эротикъ, подобно Христіану Винтеру. Онъ обладаетъ эротическою фантазією, подобно тому, какъ другіе поэты обладаютъ эротическою страстью. Онъ любитъ все, что прекрасно, изящно, изысканно, нѣжно и свѣтло, ради собственной красоты этого всего и не нуждается въ какомъ либо фонѣ, выставляющемъ на видъ прелесть цѣлаго. Его повѣствованія никогда не отличаются богатствомъ событій; въ нихъ никогда не выставляются могучіе контрасты, они никогда не поражаютъ глубиною размышленій. Онъ любить цвѣты дерева, но не его корни. Чарующіе Мура предметы поражаютъ его съ перваго взгляда, они красивы и блестящи, они ослѣпляютъ чувства, восхищаютъ зрѣніе и слухъ болѣе, чѣмъ сердце, и замѣняются другими, обладающими тѣми же качествами; это—вѣчное сіяніе и мельканіе. Но всѣ выдающіеся поэты-эротики отличаются особенностями мотылька. Въ этомъ отношеніи трудно представить себѣ болѣе рѣзкую противоположность, чѣмъ Вордсвортъ и Муръ. Первый нарочно избираетъ ничтожныя и отталкивающія, даже въ сущности безобразныя сюжеты, чтобы затѣмъ надѣлать ихъ нравственною или духовною красотой; второй презираетъ грязныя мелочи человѣческой жизни, отворачивается отъ всѣхъ ея пошлыхъ сторонъ и обходитъ мораль съ улыбкою и поклономъ à la Виландъ. Если ему предстоитъ необходимость обратить вниманіе на какое либо некрасивое явленіе, онъ охотно набрасываетъ на него поскорѣе мягкое и блестящее по-

покрывало. Упрекали его лишь въ излишествѣ напыщенныхъ добавочныхъ эпитетовъ, въ склонности обращать всякую страсть въ уподобленіе, въ безпокойномъ мельканіи и сверканіи,—его называли искусственнымъ по сравненію со слогомъ Вордсворта. „Искусственный!“—воскликаетъ одинъ изъ его ирландскихъ поклонниковъ, когда каждый человѣкъ можетъ наслаждаться стихотвореніями Мура, между тѣмъ какъ надо создать новый вкусъ, чтобы наслаждаться произведеніями Вордсворта!“ Спрашивается: неужели необходимы подготовка и развитый вкусъ, чтобы восхищаться естественнымъ, и только обыкновенное чувство, чтобы радоваться искусственной красотѣ? Вордсвортъ и Кольриджъ были поэтами для читателей книжнаго міра, Муръ же былъ поэтомъ народнымъ. То, что можно возразить противъ Мура, является послѣдствіемъ тѣхъ предѣловъ, которые положены были для него самою природою, а именно: онъ музыкантъ и колористъ, но не живописецъ; онъ не въ состояніи реновать или описывать цѣлый предметъ; онъ изображаетъ только отдѣльныя особенности прекрасныхъ предметовъ. Онъ прославляетъ вспыхнувшій внезапно румянецъ, улыбку, благозвучіе голоса на пространствѣ цѣлыхъ строфъ; онъ даетъ скорѣе перечень красотъ, чѣмъ красивый абрисъ, и если взять въ основаніе сужденія о Мурѣ старое остроумное вольтеровское опредѣленіе любви: „натуральная ткань, расшитая воображеніемъ“ то можно сказать, что въ эротическихъ стихотвореніяхъ Мура встрѣчаются часто такія роскошныя и густыя вымѣтки, что ткань едва проглядываетъ изъ за нихъ. Но тѣмъ не менѣе она все же остается натуральною.

И справедливо прибавить, что въ лучшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ стихотвореніяхъ Мура это изобиліе образовъ совершенно отсутствуетъ. Когда истинно ирландская скорбь властвуетъ надъ его душою, она прогоняла прочь всю мишуру и достигала неумирающей красоты выраженія. Take back the virgin page и въ особенности The last rose of summer такъ же просты по стилю, какъ закончены въ метрическомъ отношеніи. Въ этихъ стихотвореніяхъ не встрѣчается никакихъ уподобленій. И нѣтъ также ни одного уподобленія въ прекрасной маленькой пѣснѣ, которая, не смотря на свою краткость, получила для Ирландіи значеніе національной эпопеи: это простое стихотвореніе о молодой восхитительной дѣвушкѣ, которая, украшенная рѣдкими драгоценными камнями и еще болѣе обольстительная своею выдающеюся красотой, проходитъ одна всю Ирландію съ одного ея конца до другого, глубоко увѣренная въ томъ, что сыны Ирландіи больше любятъ честь, чѣмъ женщинъ и золотыя сокровища (Rich and rare и т. д.). О томъ, кто написалъ подобную пѣсню, Байронъ вполне справедливо сказалъ слѣдующія слова, въ которыхъ выражается глубокое уваженіе его къ поэту: Ирландскія мелодіи Мура перейдутъ къ потомству вмѣстѣ съ ихъ музыкою; и онъ и онѣ будутъ жить все время, пока будетъ существовать Ирландія, и пока жить будутъ музыка и поэзія.

Жизнь Мура была счастлива. Онъ женился 31 года на хорошенькой и милой дѣвушкѣ (миссъ Дейкъ) и жилъ въ счастливомъ бракѣ съ своею вѣр-

ною „Бесси“. Правда, его денежные обстоятельства были не всегда хороши, но съ той минуты, какъ его слава сдѣлалась обще-признанною, онъ сталъ получать большой доходъ со своихъ произведеній. Хотя въ своемъ юмористическомъ очеркѣ *Grand dinner of Ture and Co.* Муръ и заставилъ богатыхъ книгопродавцевъ, — подобно воинамъ легендъ, которые послѣ смерти пили медь изъ череповъ своихъ враговъ — пить вино изъ череповъ бѣдныхъ писателей, лично онъ не имѣлъ повода жаловаться на своего издателя. Послѣдній предложилъ ему, напр. 3000 ф. ст. за *Lalla Rookh*, прежде чѣмъ увидалъ хотя бы одну строчку этого произведенія, и далъ ему 4200 ф. ст. за его превосходную біографію Байрона. Муръ пользовался одинаковымъ почетомъ у ирландцевъ и у англичанъ. Въ 1818 г. Муру устроили банкетъ въ Дублинѣ, куда явились отдать ему честь всѣ выдающіеся дѣятели литературы и политики, а когда онъ въ 1822 г. прибылъ въ Парижъ, британская знать устроила и тамъ банкетъ въ честь его. Только старость принесла ему непріятности, упадокъ здоровья и горе отъ его дѣтей. Онъ умеръ въ 1852 году.

XIV.

Есть одинъ поэтъ, который родился въ Шотландіи и, будучи ревностнымъ шотландскимъ патріотомъ, чувствовалъ всегда самую горячую симпатію къ Ирландіи и воспѣвалъ ирландскія преданія и ирландскую народную скорбь, какъ Томасъ Муръ, но въ то же время сливалъ въ одно любовь къ двумъ подчиненнымъ королевствамъ съ пламеннымъ и воинственнымъ національнымъ чувствомъ, — это, происшедшій отъ старинной семьи горцевъ, Томасъ Кэмпбелль.

Онъ былъ не только національнымъ поэтомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Вордсвортъ былъ имъ, но съ юности до смерти оставался пламеннымъ поклонникомъ свободы. Его эпическія стихотворенія и его баллады возвышаются значительно надъ соотвѣтствующими произведеніями Вордсворта, но онъ обладалъ истинно-лирическимъ гениемъ; это Цирцей или Цетѣфи натуралистической группы. Въ его глазахъ дѣло родины и дѣло свободы составляли одно цѣлое, и лучшія его стихотворенія отличаются такою свѣжестью, такимъ полетомъ и такимъ огнемъ, что написанное имъ небольшое количество избранныхъ пѣсней ставитъ его на-ряду съ величайшими поэтами.

Его стихотворенія о битвѣ на рейдѣ не производятъ, само собою разумѣется, на датчанъ особенно хорошаго впечатлѣнія. Гордость по поводу побѣды, одержанной Нельсономъ надъ гораздо болѣе слабымъ врагомъ, силу которого раздували, признавая ее равною англійской, является образчикомъ крайности патріотическаго увлеченія. Но рядомъ съ этимъ стоитъ написанное одновременно стихотвореніе *Ye Mariners of England*, мастерское произведеніе, въ каждомъ стихѣ котораго слышишь, какъ свѣжій морской вѣтеръ бьетъ о британскія паруса. Здѣсь истинный сынъ царицы морей прославляетъ свою мать, воспѣвая британскихъ моряковъ.

Обратите вниманіе на бурную силу и радость, выражающіяся въ слѣдующей строфѣ

„Эй вы, веселые молодцы Англій! наша береговая стража подъ флагомъ, отвагою которой любовались всѣ тысячу лѣтъ какъ во время бури, такъ и въ бою! Подымите вновь свое гордое знамя для борьбы противъ враговъ Англій и быстро впередъ летите скорѣй, между тѣмъ, какъ свѣжіе вѣтры дуютъ, между тѣмъ, какъ битва разгорается и кипитъ, а буря бушуетъ“.

Видно изъ слѣдующихъ строкъ, какъ поэтъ гордится мировымъ могуществомъ Англій на морѣ:

„Британія не чувствуетъ недостатка въ укрѣпленіяхъ и въ башняхъ на своихъ крѣпостяхъ. Легко мчится она по верхушкамъ волнъ морскихъ; тамъ ея домъ, гдѣ натянуты паруса. Громоу съ своей дубовой палубы пугаетъ она и смиряетъ грозныя моря, между тѣмъ, какъ свѣжіе вѣтры дуютъ, между тѣмъ, какъ битва разгорается и кипитъ, а буря бушуетъ“.

Жизнь Кэмпбелля протекла правильно и спокойно. Онъ получилъ въ Глазго превосходное образованіе, учился дальше въ Единбургѣ, издалъ 21 года свою поэму „Радости надежды“, которая теперь, правда, устарѣла, но въ свое время произвела сильное впечатлѣніе за полученный гонораръ. Кэмпбелль отправился путешествовать по Германіи. Во время этой поѣздки, воспламенившись перспективою войны съ Данією, онъ написалъ нѣсколько стихотвореній, — между прочимъ, и приведенное нами выше. Въ 1803 году онъ женился въ Лондонѣ на своей кузинѣ и затѣмъ преданъ дѣятельности писателя, лектора, а съ 1820 года. и издателя газеты. Въ 1830 году его здоровье и жизненные силы сильно поддались, такъ что отъ этого времени до 1844 г. онъ представлялъ только тѣнь самого себя.

Основною чертою его поэтическихъ способностей — какъ и у всѣхъ другихъ поэтовъ этой группы — является свѣжесть его восприниманія природы. Онъ написалъ одно стихотвореніе къ радугѣ, которое, не смотря на нѣсколько прозаическое и резонирующее вступленіе, представляетъ мастерское произведеніе по своей простотѣ и фантазіи. Кэмпбелль переноситъ мыслью къ тому времени, когда первые люди увидѣли радугу и старается представить себѣ, что они тогда почувствовали. Когда это небесное чудо показалось впервые, каждая мать подняла вверхъ свое дитя, благословляя Божью радугу. Ее воспѣвали первые гимны, въ честь ея складывали пѣсни древнѣйшіе поэты. И теперь они возбуждаютъ тѣ-же чувства: „Какъ сіяетъ твой поясъ, наброшенный надъ горами, башнями и городами, или отражающійся въ необъятномъ морѣ тысячами красокъ! Выдѣляясь на мрачномъ фонѣ, твоя красота кажется такою-же юною, какъ тогда, когда орелъ взлетѣлъ впервые вверхъ на встрѣчу твоему лучистому вѣнку“.

О такомъ-же глубокомъ пониманіи природы, какое выражается въ этомъ стихотвореніи, свидѣтельствуетъ и послѣднее изданное имъ произведеніе, *Мертвый орелъ*, написанное въ Оранѣ, въ Африкѣ. Въ немъ выражается

чисто англійская радость при видѣ силы и могущества одного изъ дѣтисъ природы. Конечно, говоритъ авторъ, аэронавтъ можетъ подняться такъ-же высоко, какъ и орелъ, но его лодка безъ руля, она служить добычею вѣтровъ и непогоды; нѣтъ воли въ его полетѣ. Иное совершенно представляетъ собою эта гордая птица; она борется съ бурей; она останавливается въ своемъ полетѣ съ тою-же легкостью, съ какою арабъ останавливаетъ своего коня и какъ только ей этого хочется, неподвижно парить въ небесной воли, точно лампа, свѣшивающаяся съ голубого свода. Подъ нею видѣются горы, и скалы, и серебристыя нити рѣкъ. Затѣмъ она вдругъ спускается быстрѣ падающей звѣзды, пока не бросаетъ своей тѣни на землю и не распространяетъ ужаса среди птицъ и животныхъ шумомъ своихъ крыльевъ. Потомъ она опять летитъ вверхъ. Выраженіемъ презрѣнія запечатлѣны всѣ ея движенія, поворачиваетъ-ли она свою увѣчанную гребнемъ голову, чтобы посмотреть позади себя, или выказываетъ внутреннюю бѣлизну своихъ крыльевъ, совершая въ воздухѣ правильные круги.—И Кэмпбелль видитъ ее передъ собою, какъ она парила въ небесномъ пространствѣ во время бѣшеннаго боя между маврами и христіанами, равнодушная къ тому, кто изъ нихъ одержитъ побѣду, полная презрѣнія къ людямъ, вынужденнымъ коршиться на землѣ, между тѣмъ какъ ея крылья съ легкостью переносятъ ее въ Алжиръ или къ Коралловымъ островамъ, выступающимъ на поверхности зеленыхъ волнъ; она въ часъ пробѣгаетъ большее пространство, чѣмъ какое можетъ пройти самое лучшее судно въ день. Она живетъ вдали отъ всего земного и человѣческаго; даже землетрясеніе, которое въ 1790 г. разразилось въ Оранѣ, опустошая его и при жалобныхъ вопляхъ тысячъ людей, обращающа въ развалины церкви, крѣпости и дворцы, не произвело на орла никакого впечатлѣнія.

Тутъ насъ поражаетъ не только богатство наблюдательности, но и масса фантазій.

Но наиболѣе великимъ выказываетъ себя Кэмпбелль въ своихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ свободамъ, напр. Дѣятели Англіи, Стансы въ честь Наваринской битвы и т. д. Въ такого рода произведеніяхъ выказывается явнымъ образомъ умственное превосходство Кэмпбелля надъ поэтами озерной школы, которые также умѣли прославлять борьбу народовъ за независимость. Но они дѣлали это только тогда, когда борьба велась противъ врага Англіи,—Наполеона; Кэмпбелль, напротивъ, дѣйствуетъ совершенно иначе: онъ часто увѣщаетъ (а иногда и стыдитъ) Англію во имя свободы, между тѣмъ какъ въ глазахъ этихъ поэтовъ Англія была всегда и оставалась очагомъ свободы.

Обратите вниманіе въ Дѣятеляхъ Англіи на горячность, съ какою Кэмпбелль утверждаетъ, что памятники храбрости на войнѣ—ничто сравнительно со свободомысліемъ въ груди человѣка. Мученичество за свободу приноситъ больше чести, чѣмъ сотни выигранныхъ сраженій.

Стихотвореніе Освященная земля въ своей смѣлой простотѣ представляетъ прямой и открытый протестъ противъ всякаго предразсудка, подъ какимъ-бы видомъ онъ не являлся, и мужественное исповѣданіе заповѣдей свободы, выработанныхъ XIX вѣкомъ. Что такое освященная земля?—спрашиваетъ Кэмпбелль. Есть-ли на землѣ хоть одно мѣсто, въ которомъ, по мысли Бога, чело-вѣчество не должно стоять выпрямившись во весь ростъ и свободно, а обязано непременно преклонять колѣни подъ бичемъ суевѣрія? Нѣтъ, освященная земля та, гдѣ покоятся губы, которыя мы цѣловали въ своей любви,—но не на кладбищѣ, а тамъ, гдѣ образъ любимаго существа остался нетронутымъ смертью: въ насъ самихъ. Поцѣлуй освящаетъ мѣсто, гдѣ два любящія сердца нашли другъ друга. И борьба за свободу героя и его смерть за свободу живутъ въ сердцахъ, хотя бы его прахъ былъ разсѣянъ по воздуху, живутъ въ сердцахъ какъ въ освященной землѣ, пока, наконецъ, все царство земли не обратится—въ освященную землю.

Конечно, Кэмпбелль не принадлежитъ къ величайшимъ поэтамъ натуралистической группы; но въ его простомъ, сильномъ пафосѣ звучитъ струна такой полнозвучной лирики, что она напоминаетъ о древнихъ греческихъ эллинистахъ. Будучи шотландцемъ по происхожденію, онъ тѣмъ не менѣ стоялъ всѣмъ сердцемъ за Ирландію, а по духу былъ британецъ. Будучи страстнымъ націоналистомъ, какъ и поэты озерной школы, онъ тѣмъ не менѣ былъ безусловно только любителемъ и защитникомъ свободы, притомъ—свободы, какъ божества, а не какъ идола. Онъ образуетъ переходъ отъ національных поэтовъ Шотландіи и Ирландіи къ тремъ великимъ эмигрантамъ англійской поэзіи того времени.

XV.

Въ то время, когда Англія во внѣшней политикѣ поддерживала Священный Союзъ, а внутри страны угнетала католиковъ и ввергала низшіе классы въ нужду, оказывая всевозможныя льготы помѣстному дворянству, все большее и большее количество англичанъ уѣзжало изъ своей родины, чтобы въ качествѣ странствующихъ рыцарей свободы напоминать Европѣ, что Англія во всѣ времена считалась природною защитницею свободы народовъ. Такими англичанами были, напр., генералъ Вильсонъ, который подъ начальствомъ Боливара освободилъ южную Америку, и адмиралъ Кохренъ, который прославилъ свое имя сначала въ бразильской, а затѣмъ въ греческой освободительной войнѣ. Къ этому-же классу людей принадлежитъ и Вальтеръ-Сэвэдждъ-Лэндоръ самый оригинальный и гордый изъ представителей поэтической литературы того времени.

Лэндоръ родился 30 января 1774 г. въ Варвикѣ, въ знатной семьѣ, наследникомъ княжескаго богатства. Онъ учился въ Оксфордѣ, 1802 г. про-

жилъ въ Парижѣ, вернулся обратно, продалъ значительную часть своего родового имѣнія, чтобы купить помѣстіе въ другомъ графствѣ, гдѣ сталъ вводить по своему вкусу всевозможныя улучшения, стараясь обезпечить своимъ многочисленнымъ фермерамъ гораздо лучшее существованіе, чѣмъ какое доставалось на долю низшихъ классовъ въ Англіи или гдѣ-бы то ни было. На эти попытки къ реформамъ онъ изстратилъ 70,000 ф. ст., но производилъ ихъ съ гораздо большимъ воодушевленіемъ и желаніемъ принести людямъ пользу, чѣмъ со знаніемъ человѣческаго сердца. Его подчиненные самымъ безсовѣстнымъ образомъ употребляли во зло его увлеченіе филантропіей; пользовались его великодушіемъ и безкорыстіемъ, чтобы въ самыхъ большихъ размѣрахъ обманывать его. Возмущенный неблагодарностью и безобразнымъ образомъ дѣйствій своихъ арендаторовъ, онъ рѣшилъ продать свои помѣстія, даже тѣ изъ нихъ, которыя находились во владѣніи его семьи въ теченіе 700 лѣтъ, и занять вольнымъ всемирнымъ гражданиномъ. Въ 1806 г. онъ привелъ свой планъ въ исполненіе.

Въ Испаніи вспыхнуло возстаніе противъ наполеоновскаго деспотизма. Лэндоръ отправился въ Испанію, снарядилъ на собственные средства небольшой корпусъ и сталъ сражаться въ рядахъ возставшихъ. По этому поводу онъ получилъ официальную благодарность отъ верховной юнты и чинъ полковника въ испанской арміи. Послѣ возстановленія въ правахъ и вступленія на престолъ Фердинанда онъ отослалъ обратно королю свой патентъ съ письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что хотя онъ, Лэндоръ, и остается навсегда преданнымъ дѣлу Испаніи, но не можетъ имѣть ничего общаго съ „клятвопреступникомъ и измѣнникомъ“, какимъ является ея король. Въ этомъ поступкѣ высказывается вполне характеръ этого человѣка: бурный, необузданный, но вмѣстѣ съ тѣмъ гордый и благородный. Въ груди этого поэта билось сердце независимаго вождя.

Въ 1815 г. Лэндоръ переѣхалъ въ Италію и прожилъ въ ней затѣмъ болѣе 30 лѣтъ. Только въ 1857 г. онъ поселился навсегда въ Англіи (въ городѣ Батѣ). Онъ оставался въ теченіе всей своей жизни смертельнымъ врагомъ тираніи во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ и страстнымъ защитникомъ свободы и ея борцомъ во всѣхъ областяхъ жизни. До своей смерти онъ всегда всѣми силами поддерживалъ политическихъ бѣглецовъ и лицъ, преслѣдуемыхъ за политическія убѣжденія. Смерть постигла его на 90-мъ году жизни въ 1864 году.

Его долгая честная жизнь протекала среди обширной литературной дѣятельности. Онъ написалъ вдвое больше Байрона и ко многимъ изъ его произведеній нельзя относиться безъ чувства почтенія. Но во весь тотъ періодъ времени, о которомъ мы говоримъ, его поэзія оставалась непонятою и находилась въ пренебреженіи,—Лэндоръ писалъ совѣмъ не принимая въ расчетъ ту публику, которая его читала; критика не оказывала ему никогда никакой поддержки, а называла холоднымъ и натянутымъ и напоминала, что англійскій языкъ похожъ у него на переводъ иностраннаго языка; онъ не достигъ никогда и тѣни популярности и на его долю не досталось ни единого литературнаго триумфа.

За десять лѣтъ до его смерти имъ начали восхищаться, а около 1870 г. онъ сталъ дѣйствительно оказывать на публику вліяніе.

Переходя отъ Мура къ Лэндору, кажется, будто мы съ колеблющихся волнъ переходимъ на твердую землю. Главное достоинство Лэндора заключается въ мужественной твердости; онъ возвышается высоко надъ своимъ временемъ, какъ поэтъ, но онъ еще болѣе великъ, какъ человѣкъ. Его такъ мало читаютъ, что трудно представить себѣ, чтобы какое либо произведеніе его было знакомо публикѣ, и поэтому нельзя найти точки опоры для сужденія о немъ въ памяти или фантазіи читателя и описать его очень трудно. Его твердость выражалась главнымъ образомъ въ слишкомъ пугающемъ нѣкоторыхъ людей чувствѣ собственного достоинства. У него встрѣчаются, напр., такого рода фразы: „То, что я пишу, написано не на грифельной доскѣ; и ни одинъ палецъ, даже палецъ времени, погружаясь въ глубину вѣковъ, не въ силахъ будетъ уничтожить его“. ¹⁾ или отвѣтъ въ родѣ слѣдующаго отвѣта критикомъ его Воображаемыхъ бесѣдъ (*Imaginary Conversations*): „Я написалъ уже болѣе сотни этихъ бесѣдъ; пусть самый дѣльный изъ массы моихъ критиковъ возьметъ изъ нихъ десять самыхъ слабыхъ и если онъ въ десять лѣтъ напишетъ что-нибудь столь же хорошее, я дамъ ему позавтракать горячимъ французскимъ хлѣбомъ и полукружкою портера“. Менѣе значительнаго человѣка подобное высокомеріе сдѣлало бы комичнымъ, но Лэндора оно не дѣлаетъ смѣшнымъ, а временами даже идетъ ему. Онъ напоминаетъ о чувствѣ, хотя и основательномъ само по себѣ, но необузданномъ и требовательномъ чувствѣ собственного достоинства у Шопенгауэра; разница только въ томъ, что Лэндоръ былъ и оставался до конца знатнымъ, изящно воспитаннымъ джентльменомъ аристократическаго происхожденія, а Шопенгауэръ со своимъ полнымъ пренебреженіемъ къ правиламъ вѣжливости былъ и оставался всегда великимъ плебеємъ. Но мѣстами Лэндоръ своимъ оригинальнымъ складомъ ума, своею необузданностью и своими произведеніями напоминаетъ въ еще большей степени человѣка, имя котораго слишкомъ велико, чтобы упоминать о немъ все, но который, хотя и превосходя безконечно Лэндора по умственной силѣ, тѣмъ не менѣе можетъ быть согласился-бы самъ признать свое духовное сродство съ нимъ—одинокое и суровое Микель Анджело.

Было нѣчто строгое въ характерѣ Лэндора, строгость, которая является всегда послѣдствіемъ непоколебимой твердости и полной искренности по отношенію къ себѣ и другимъ. Въ его произведеніяхъ замѣчается нѣкоторая благотворно дѣйствующая суровость. Стихотвореніе *Hyperbion* въ *Hellenics* можетъ служить хорошимъ образчикомъ истинно лэндоровскаго стиля:

„Гипербіонъ былъ однимъ изъ избранныхъ Аполлона, и люди нѣкоторое время почитали его, а въ лицѣ его и Бога. Но другіе люди пѣли такъ-же

¹⁾ Landor: *Imaginary conversations*: Landor; *English Visitor* and *Florentine Visitor*.

громко, и вотъ толпа мальчишекъ стала съ одинаковою силою прославлять ихъ. Гипербіонъ, разсердившійся на это больше, чѣмъ приличествуетъ поэту, обратился къ Аполлону съ вопросомъ: „Фебъ! слышишь ты эти крики черни тамъ на полѣ, которая смѣетъ клясться, что знаетъ тебя съ тѣхъ поръ, какъ ты пасъ бѣлошерстныхъ воловъ Адмета?“—„Я слышу!“—отвѣтилъ богъ:—схвати изъ нихъ перваго попавшагося и подними его надъ головами людей. Тогда они отъ радости закричатъ въ твою честь“.

„Упоренъ былъ Гипербіонъ и гордъ; лавры на челѣ врядъ-ли охладили его, поэтому, когда онъ услышалъ чернь у своихъ воротъ, а нѣкоторые изъ толпы стали писать на стѣнѣ имя его соперника, онъ не выдержалъ и схватилъ негоднаго пѣвца, предводителя черни. Послѣдній и бился, и дрался,—все напрасно. Гипербіонъ обнялъ его сильною рукою, а лѣвою обвилъ ему вокругъ шеи веревку, на которой уже была петля. Она служила обыкновенно, чтобы удерживать теленка въ то время, когда его мать доили, но теперь и теленокъ, и корова были на полѣ. Собравъ всѣ силы, Гипербіонъ потащилъ несчастнаго и вздернулъ его на кедровое дерево, гдѣ послѣдній, задущенный, замолкъ. Но немного времени спустя Гипербіонъ однажды ночью увидѣлъ негоднаго пѣвца.—Тогда онъ обратился къ богу съ просьбою объяснить ему, не скрывается-ли, чего добраго, преступленіе въ его проступкѣ“.

„Ты поступилъ правильно, Гипербіонъ!—раздалось въ отвѣтъ:—„какъ я поступилъ съ Марсіемъ еще до твоего рожденія. Но лучше было-бы, если-бы ты понималъ, какъ слѣдуетъ, мои слова; потому что теперь на тебя начнутъ нападать подъ тѣмъ предлогомъ, что ты яко-бы нарушилъ законъ. Мой совѣтъ заключался въ томъ, чтобы ты поднялъ его на высокое мѣсто въ своей душѣ, и выказалъ-бы свое душевное величіе, вынося его“.

„Въ смущеніи стоялъ пѣвецъ передъ богомъ. Но Фебъ сказалъ: „Соберись съ мужествомъ, Гипербіонъ! Если веревка не истерлась до того, что не могла удержатъ и теленка, то величайшая вина твоя та, что, вздергивая его, ты слишкомъ сильно придавливалъ веревкою старый кедръ, а кора кедра никогда не излѣчивается“.

Рѣдко Аполлонъ выражался менѣе кроткимъ образомъ о посредственности въ искусствѣ. Презрѣніе Лэндора къ ней коренится въ серьезныхъ художественныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ имъ къ самому себѣ. Онъ самый строгій стилистъ англійской прозы; стилистъ не въ томъ ствошеніи, что онъ обладалъ рѣдкою виртуозностью языка,—нѣтъ ни одного англійскаго поэта, который былъ бы менѣе гибокъ, чѣмъ онъ,—но въ томъ смыслѣ, что онъ всѣ свои сюжеты какъ самые будничные, такъ и самые возвышенные, облекалъ въ одинъ и тотъ же простой аттичскій стиль. При своемъ пристрастіи ко всему геройскому и великому, онъ придавалъ своимъ Бесѣдамъ—художественная форма, которую онъ предпочиталъ,—проникавшія ихъ всецѣло спокойствіе и величіе, и невольно сообщалъ своему изложенію особый отпечатокъ, греческій—по своей здоровой кра-

сотъ и римско-англійскій—по своей гордости и опредѣленности. Стиль его чистъ, правиленъ, сжатъ, и, благодаря своему античному складу, какъ нельзя болѣе подходитъ для изложенія сюжетовъ, взятыхъ изъ древней Эллады и древняго Рима. Аѳинскія народныя собранія на площади, римскій сенатъ и форумъ живутъ въ его Бесѣдахъ своеобразною жизнью своего времени. Напротивъ того, современный разговоръ не удастся перу Лэндора; бесѣды изъ новой исторіи выходятъ у него удачными только тогда, когда изображаемое положеніе такого рода, что скрытое негодованіе Лэндора придаетъ разговору жизнь и огонь. Кто же желаетъ увидѣть Лэндора во всей его свѣжести и всемъ его блескѣ, тотъ пусть прочтаетъ его романъ въ эпистолярной формѣ „Периклъ и Аспазія“, произведеніе такого же рода, какъ и Аристипъ Виланда, но написанное совершенно въ другомъ духѣ и стилѣ. Тамъ, гдѣ Виландъ сладострастенъ и кокетливъ, Лэндоръ поражаетъ мужественною привлекательностью; тамъ гдѣ Виландъ нѣженъ, Лэндоръ гордъ и благороденъ. Эта переписка скорѣе вычеканена рѣзцомъ, чѣмъ написана. Она прославляетъ Перикла, какъ республиканскій типъ благородной гуманности и политической мудрости; она изображаетъ Аспазію не какъ гетеру, а какъ олицетвореніе эллинской красоты и тонкости чувствъ, языческой женственности и свободомыслящаго античнаго ума и образованія. Само собою разумѣется, что въ перепискѣ нѣтъ и слѣда пошлаго кокетства; все, что мелко и недостойно, лежитъ внѣ кругозора книги и ея автора. Но Переписка утомляетъ своею устарѣлою и слишкомъ растянутою эпистолярною формою, и болѣе нетерпливому читателю совѣтую бросить ее и обратиться къ мастерскому произведенію Лэндора,—къ бесѣдѣ между Эпикуромъ, Леонтіоной и Терниссою.¹⁾

Если эта бесѣда и уступаетъ діалогамъ Платона, то развѣ только по глубинѣ содержанія, но никакъ не по привлекательности, по искусству характеристикъ и по естественности разговоровъ. Симпатичный философъ среднихъ лѣтъ прогуливается взадъ и впередъ съ двумя молоденькими греческими дѣвушками въ бесѣдахъ о мелкихъ событіяхъ дня и о серьезныхъ событіяхъ жизни; какой-то особый духъ аттицизма, благородная и сдержанная чувственность, скромная и увлекательная грація проникаютъ собою всю эту сцену, и больше всего мелкія черты, которыми описаны молодыя дѣвушки, особенно шестнадцатилѣтняя, съ отличающею ее смѣсью стыдливости и милаго чистосердечія. Здѣсь Лэндоръ создалъ женскій *pendant* къ платоновскому молодому человѣку; онъ открылъ молодую греческую дѣвушку, которую Платонъ оставилъ безъ вниманія и которую изображала только одна трагедія въ торжественной и величественной трагической обстановкѣ, и только витѣшныя контуры которой сохранились намъ въ прекрасныхъ рельефахъ. Кто пожелаетъ прослѣдить за ходомъ этой бесѣды, будетъ вознагражденъ за свой трудъ. Она начинается изящнымъ описаніемъ природы и прославленіемъ одиночества, необходимаго для того, кто хочетъ жить и

¹⁾ Landor, Works, т. I, стр. 499.

творить умственно, и уже здѣсь изъ-за фигуры Эпикура выступаютъ очертанія самого Лэндора, который питалъ такое же пристрастіе къ уединенной жизни, далекой отъ шума и суеты вѣшняго міра. (См. введеніе въ діалогъ Southey and Landor, Works, t. 57).

Эпикуръ разсуждаетъ въ шутиломъ тонѣ съ Терниссою, младшею изъ дѣвушекъ, о томъ, насколько слѣдуетъ понимать міозъ о Бореѣ, Зетѣ и Калеѣ въ буквальный смыслъ и на сколько нѣтъ, между тѣмъ, какъ старшая дѣвушка, Леонтіона, лукаво подсмѣивается надъ легковѣріемъ Терниссы. Затѣмъ разговоръ, вращавшійся одно время игриво на оливковыхъ деревьяхъ, только что привезенныхъ, и на свѣжей виноградной лозѣ, переходитъ въ трогательную и глубокомысленную бесѣду о страхѣ смерти, во время которой мужественное достоинство и спокойствіе Эпикура воодушевляють молодыхъ дѣвушекъ на сильнѣйшіе нападки противъ тѣхъ, кто преслѣдуетъ и позоритъ его, какъ атеиста. Оказывается дальше, что Леонтіона написала цѣлую тетрадь въ защиту Эпикура противъ нападеній на него Теофраста. Эпикуръ доказываетъ ей съ кроткимъ величіемъ, какъ бесполезна защита противъ такого рода нападеній и объясняетъ ей, почему онъ лично никогда не хотѣлъ ни вступать въ борьбу, ни соперничать съ кѣмъ-нибудь. „Я не хотѣлъ бы вступать въ борьбу даже съ людьми, способными вступать въ борьбу со мною... Съ кѣмъ мнѣ бороться? Съ слабыми? Это было бы безчестно. Съ болѣе сильными? Это было бы бесполезно“¹⁾. Опять въ этихъ словахъ проглядываетъ лицо самого Лэндора. Постоу что именно этотъ образъ мыслей заставилъ его за нѣсколько лѣтъ до смерти снабдить свою послѣднюю книгу слѣдующими четырьмя строчками въ видѣ эпиграфа.

I strove with none, for none was worth my strife;
Nature I loved, and after Nature,—Art;
I warnd both hands before the fire of life;
It sinks, and I am ready to depart

(Я не боролся ни съ кѣмъ, потому что никто не былъ достоинъ бороться со мною; я любилъ природу, а послѣ нея—искусство; я грѣлъ обѣ руки у огня жизни; онъ гаснетъ, и я готовъ къ отъѣзду).

Первая строчка заключаетъ въ себѣ одновременно признаніе и оправданіе рѣзко проявлявшагося въ Лэндорѣ высокомерія, которое мелкія души съ трудомъ прощали ему или выносили. Вторая строчка объясняетъ, каковъ былъ первоначальный предметъ его изслѣдованія и каковъ былъ второй предметъ, дополнявшій первый. Третья строчка выражаетъ ту благородную философію, которая поддерживала и питала его умъ во время столькихъ неудачъ и несправед-

¹⁾ I would not contend even with men, able to contend with me... Whom should I contend with? the less? it were inglorious. The greater? it were vain.

ливостей, а послѣдняя наглядно показываетъ намъ его вооруженнымъ тѣмъ спокойнымъ достоинствомъ, которое согласуется съ характеромъ челоуѣка, готоваго, какъ только часть пробьетъ, собрать свои пожитки и удалиться. Сходство между этими строками и выраженіями Эпикура поразительно.

Леонтіона продолжаетъ разговоръ. „Старики, говоритъ она, все противъ васъ, потому что самое слово: философія счастья—кажется имъ обращеннымъ къ нимъ вызовомъ. Они не знаютъ другихъ удовольствій, кромѣ тѣхъ, которыя дали уже цвѣты и сѣмена и поблекшіе стебли которыхъ имѣютъ печальный видъ. То, что мы называемъ сухимъ, они называютъ здоровымъ; ничто не должно сохранять въ себѣ сока; они получаютъ удовольствіе, пережевывая то, что жестко, а не наслаждаясь тѣмъ, что сочно и вкусно“. Лэндоръ, который еще отъ Байрона (см. предисловіе къ Видѣнію Суда) выслушивалъ упреки за легкомысліе своихъ стихотвореній, выводилъ достаточно явственно (какъ Стюартъ Милль дѣлалъ нѣсколько позже со своею моралью) философію счастья, которую онъ исповѣдуетъ отъ язычника Эпикура.

Между тѣмъ разговоръ переходитъ съ одного предмета на другой, оставивъ то на румянцѣ, вспыхнушемъ на щекахъ Терниссы при воспоминаніи о статуяхъ сатировъ и фавновъ въ купальнѣ, то на чисто женскихъ возраженіяхъ Леонтіоны противъ Аристотеля и Теофраста, пока, наконецъ, не заканчивается на чисто греческій, эротическій и эпикурейскій ладъ воспроизведеніемъ Эпикуромъ и Терниссою сцены между Пелеемъ и Оетидою и поцѣлуемъ, которымъ они обмѣниваются.

Въ этомъ діалогѣ Лэндоръ стоитъ на высотѣ своего искусства и своего спокойнаго гуманизма. Но если мы теперь обратимся къ разговорамъ изъ современной жизни, мы узнаемъ въ немъ солдата, борца, всегда вооруженнаго, всегда готоваго къ борьбѣ писателя, который въ тысячи различныхъ видахъ нападаетъ на всякую форму лжи и притѣсненія, возбуждающую въ немъ негодованіе въ его качествѣ язычника, республиканца и филантропа. Его 125 Вымышленныхъ Бесѣдъ которыя ведутся съ поразительною ученостію, обнимаютъ весь земной шаръ, отъ Лондона до Китая, отъ Парижа до острововъ южнаго моря, и проходятъ черезъ всю исторію отъ Цицерона до Боссуэта, отъ Кромвеля до Петрарки, отъ Тассо до Талейрана, чтобы въ каждой странѣ и въ каждомъ столѣтіи сдѣлать рѣзкое возраженіе противъ тираніи и произнести вѣское слово въ пользу свободы. Мы слышимъ, какъ Людовикъ XVIII разговариваетъ о политикѣ съ умнымъ, тонкимъ Талейраномъ и замѣчаемъ, какъ сквозь все политическіе планы его бурбонскаго величества проходитъ красною нитью его непреодолимаго страсть къ множеству фазановъ и фазаньихъ яицъ. Мы видимъ генерала Клебера среди его штаба офицеровъ въ Египтѣ и слышимъ, какъ раздраженіе противъ ненависти къ свободѣ Бонапарта звучитъ во всѣхъ ихъ рѣчахъ. Мы читаемъ объ убійствѣ Коцебу и слышимъ изъ устъ Заанда его

оправданіе, основывающееся на томъ, что онъ убѣждалъ Коцебу бросить путь, на который онъ вступилъ.¹⁾

Лэндоръ былъ друженъ съ великими европейскими революціонерами, которые съ Мадзини во главѣ поклялись вѣчною враждою къ притѣснителямъ народовъ. Но онъ заходилъ слишкомъ далеко не только какъ политикъ; большинство его историческихъ бесѣдъ мало художественны именно благодаря тому, что въ нихъ слишкомъ явственно высказывается цѣль: видишь каждую минуту, какъ поэтъ высовываетъ свою голову. Передавая, напр., бесѣду Людовика XVIII съ Талейраномъ, онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы сдѣлать сатиру настолько кровавою, глупости Людовика настолько пошлыми, отношеніе Талейрана къ своему господину настолько ироническимъ, что читатель никакъ не можетъ повѣрить въ историческую правду разсказа. Лэндоръ чувствуетъ непреодолимое желаніе слышать, какъ хвалятъ англичанъ и Веллингтона; онъ хочетъ непременно явственно показать непригодность Людовика XVIII, и онъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ настолько необдуманно, что вкладываетъ одновременно и похвалы Англіи и насмѣшки надъ Людовикомъ въ уста умнаго французскаго придворнаго.

Онъ могъ-бы поучиться нѣсколько умѣнью владѣть сатирическимъ мечемъ отъ ненавистныхъ ему французовъ. Но онъ въ одинаково сильной степени презиралъ какъ ихъ политику, такъ и ихъ поэзію, и питалъ столько же презрѣнія къ Вольтеру, какъ къ личности, сколько и какъ къ писателю. Его собственная бесѣда съ аббатомъ Делилемъ (Works, 90) показываетъ намъ его въ качествѣ критика французской трагедіи, говорящаго еще болѣе суровымъ языкомъ, чѣмъ Лессингъ, и, подобно Лессингу, обнаружившаго полное непониманіе великихъ стилистическихъ достоинствъ французскихъ писателей. Странное впечатлѣніе получаешь, слушая, какъ писатель съ величайшею грубостью упрекаетъ другого въ излишнемъ изяществѣ.

Понятно, что при такихъ взглядахъ на псевдо-классическую французскую поэзію онъ относился съ большимъ пренебреженіемъ къ Попу, былъ страстнымъ поклонникомъ Мильтона и открытымъ приверженцемъ реформы Вордсворта въ англійской поэзіи. Почти всѣ литературно историческія и критическія бесѣды, встрѣчающіяся въ діалогахъ, прославляютъ Вордсворта и Соути, какъ поэтовъ, и упрекаютъ міръ читателей за ихъ недостатокъ пониманія такой рѣдкой поэзіи.²⁾ Лэндоръ хвалитъ также въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ Китса и Шелли, и сожалѣетъ, что ему не удалось познакомиться съ ними лично: такъ ложный слухъ объ отношеніи Шелли къ его первой женѣ удержало отъ его посѣщенія англійскаго поэта въ Пизѣ. Онъ говоритъ о Шелли, что онъ соединялъ въ

¹⁾ См. Landor: Works, I, 515. II, 189. I, 43. II, 4.

²⁾ См. напр., Діалогъ Southey and Porson, I, 16, I, 68. Сравните I, 340 и взглядъ на англійскихъ поэтовъ въ Miscellaneous, CXVI.

себѣ огонь поэта съ терпѣніемъ и выносливостью философа и находить, что Шелли по великодушію и благотворительности превосходилъ всѣхъ современниковъ (I, 341). Но какъ только рѣчь заходитъ о Байронѣ, Лэндоръ выражается совершенно такъ, какъ поэтъ озерной школы. Человѣкъ, думавшій, что онъ „съ перомъ въ рукѣ обладаетъ большею силою въ своихъ двухъ пальцахъ, чѣмъ какою обладаютъ обѣ палаты парламента“,¹⁾ не могъ никогда забыть насмѣшекъ Байрона надъ Gebir. Такъ же точно онъ, несмотря на разницу въ политическихъ и религіозныхъ взглядахъ, относился всегда съ самою нѣжною дружбою къ Соути, и поэтому не могъ забыть ударовъ, нанесенныхъ Байрономъ его ревностному поклоннику, которымъ онъ самъ въ свою очередь восхищался. Конечно, эгоистическая и безпокойная сторона характера Байрона дѣйствовала на Лэндора отталкивающимъ образомъ, но больше всего повліяла на него дружба съ Соути; она сдѣлала его слѣпымъ къ лучшимъ качествамъ Байрона. Вообще можно сказать, что Соути портитъ жизнь Лэндора, и растянутое неудобочитаемое изложеніе его біографіи Форстеромъ вдвойнѣ неудобочитаемо, потому что письма отъ такой неинтересной личности, какъ Соути, и отвѣты на эти письма занимаютъ въ ней сравнительно непомѣрно большое мѣсто²⁾. Но у Соути была въ глазахъ Лэндора великая и во всякомъ случаѣ рѣдкая добродѣтель: быть однимъ изъ двухъ лицъ, которыя первые прочли и купили стихотвореніе Gebir, какъ только оно вышло. Де-Квинси, который былъ вторымъ, разсказываетъ, что въ юности на него показывали пальцами на улицахъ Оксфорда, какъ на единственнаго читателя этого стихотворенія. Понятно отсюда, что Соути, который не только купилъ и прочелъ его, но и хвалилъ, а позже въ Quarterly Review съ похвалою отзывался о далеко не забавномъ произведеніи Лэндора Графъ Юліанъ, долженъ былъ показаться поэту, мало, повидимому, склонному къ скромности, человѣкомъ съ необыкновенно выдающимися способностями.

Тѣмъ не мѣне Gebir со всѣмъ своимъ республиканизмомъ плохое, дурно написанное стихотвореніе, носящее явные слѣды своего первоначальнаго происхожденія, а именно: оригинальный и причудливый авторъ Gebir написалъ его сначала латинскими стихами. Стихи Лэндора всю жизнь его отдавали латинскимъ духомъ. Даже Госсѣ, восхищающійся ими, не можетъ не признать, что характеръ лэндоровскихъ стиховъ, подобно вкусу оливокъ, достаточно необыченъ, чтобы можно было находить его неприятнымъ безъ аффектаціи. Только въ прозѣ его талантъ появляется во всемъ блескѣ.

Но поэтъ, стихамъ котораго не доставало прелести выраженія и лирическаго полета, драмы котораго не читались и не исполнялись на сценѣ, поэтъ, который изъ всѣхъ областей литературы и исторіи нашелъ подходящую арену для своей дѣятельности только въ прозаическомъ діалогѣ, не связанномъ ни съ какимъ

¹⁾ См. окончаніе діалога между Лэндоромъ и маркизомъ Паллавечина.

²⁾ Джонъ Форстеръ: Life of W. J. Landor, 2 т.

драматическимъ произведеніемъ и не включенномъ въ него, не могъ, не смотря на всю рѣзкость своего радикализма и на все благородство своихъ взглядовъ, произвести либеральный переворотъ въ общественномъ мнѣніи Европы. Онъ отталкивалъ отъ себя своими причудами и странностями; такъ, напр., онъ выступилъ въ защиту сожженія Рима Нерономъ, оправдывая его, какъ гигиеническое мѣропріятіе (Works, I 41); онъ называлъ Питта посредственностью, а Фокса шарлатаномъ; но больше всего онъ оскандалил себя, совѣтуя грекамъ въ борьбѣ съ турками бросить огнестрѣльные снаряды и возвратиться къ употребленію древняго оружія—лука. Онъ былъ слишкомъ оригиналенъ и замкнуть въ себѣ, чтобы найти почитателей и подражателей; онъ былъ слишкомъ своеобразно созданъ, чтобы пріобрѣсть расположеніе толпы и проникнуть въ массы, поэтому онъ до конца своей жизни оставался недоступнымъ, столько же по своимъ добродѣтелямъ, сколько и по своимъ недостаткамъ, столько же по своей порывистой отвагѣ, сколько и по своему необузданному высокомѣрію. И если онъ никогда не могъ, подобно Муру, приладиться къ существующимъ обстоятельствамъ, никогда не могъ сдѣлаться поэтомъ виговъ, за то онъ въ то же время не въ силахъ было придать своему радикализму настолько поэтическую оболочку, чтобы увлечь имъ за собою міръ читателей. Своимъ глубокимъ пониманіемъ великихъ движеній новаго времени въ области религіи, государства и общества онъ принадлежитъ къ одной группѣ съ его двумя болѣе молодыми и болѣе великими современниками: Шелли и „Байрономъ. И онъ служилъ всегда идеѣ, какъ храбрый и гордый республиканскій солдатъ. Но онъ не былъ призванъ къ роли военачальника и не могъ никогда подчинить своему влиянію и наэлектризовать толпу родственныхъ себѣ умовъ ¹⁾).

Лэндоръ, самый старшій изъ трехъ либеральныхъ изгнанниковъ, пережилъ двухъ остальныхъ и прожилъ такъ долго, что сдѣлался современникомъ младшаго поколѣнія англійскихъ поэтовъ; Броунингъ былъ его другомъ, нѣжное поклоненіе Свинбурна уладило послѣдніе годы жизни старика, которому молодой поэтъ посвятилъ въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ свою *Atalanta*. Такимъ образомъ его великая тѣнь, держа за одну руку Вордсворта, а за другую Свинбурна, какъ бы обнимаетъ собою все поэтическое развитіе Англіи за періодъ не менѣе восьмидесяти лѣтъ.

Оглавленіе.

I. Общія черты вѣка	1
II. Общія черты народнаго характера	9
III. Политическая основа	16
IV. Зарожденіе натурализма	29
V. Глубина и искренность чувства природы	35
VI. Сельская жизнь и описаніе деревни	49
VII. Натуралистическій романтизмъ	65
VIII. Понятіе озерной школы о свободѣ	75
IX. Восточный романтизмъ озерной школы	79
X. Историческій и этнографическій натурализмъ	87
XI. Всесторонній сенсуализмъ	109
XII. Ирландское возстаніе и оппозиціонная поэзія	129
XIII. Эротическая лирика	155
XIV. Британское свободомысліе	163
XV. Гуманизмъ. Лэндоръ	165

¹⁾ Изданная имъ въ 1836 г. сатирическая брошюра: *Letters of a Conservative, in which are shown the only means of saving what is left of the English Church* (писма консерватора, показывающія, какія существуютъ единственные средства для спасенія того, что осталось отъ англійской церкви) не произвела впечатлѣнія.

1902.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ГЕОРГА БРАНДЕСА

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и вступительной статьей.

ПЕРЕВОДЪ съ ДАТСКАГО
подъ редакціей М. В. ЛУЧИЦКОЙ.

ТОМЪ VI.

Печатано на бумагѣ Акціонернаго Общества
писчебумажныхъ фабрикъ

Г. І. ПАЛЛИЗЕНЪ.

Складъ: Кіевъ, Б.-Владимірская, № 49.

Издание Б. К. ФУКСА.
КІЕВЪ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 8-го Августа 1902 года.

КІЕВЪ.

Типографія М. М. Фиха, Б.-Васильковская, № 10.
1902.

Натурализмъ въ Англіи.

XVI.

Если бы въ 1820 г. спросили какого-либо порядочнаго и начитаннаго англичанина: кто такой Шелли?—то или онъ оказался бы не въ состояніи дать отвѣтъ, или сказалъ бы, навѣрное, слѣдующее:

— Это должно быть какой-то плохой поэтъ съ возмутительными мнѣніями, чловѣкъ съ болѣе чѣмъ сомнительнымъ характеромъ.—Quarterly Review, журналъ, не занимающійся вообще сплетнями, говоритъ о немъ, что его жизнь представляетъ сліяніе во едино „низкаго высокоумія, холоднаго эгоизма и нечеловѣческой жестокости“, и что выдающеюся отличительною чертою его поэзіи является полное отсутствіе въ ней смысла. Онъ недавно издалъ драму, Prometheus, въ которой стихи, по словамъ журнала, представляютъ искаженную меланхолію прозу, и печать въ этомъ отношеніи является единоклупною; въ Literary Gazette говорится о книгѣ, что читатели могли бы всегда подумать, что авторъ настолько же безуменъ, насколько плохи до смѣшнаго его основные принципы, такъ какъ его поэзія представляетъ смѣсь болтовни, нелѣпостей, умственной нищеты и педантизма. Но газета на основаніи частныхъ свѣдѣній увѣряетъ въ противномъ. А дальше утверждается: „Это бессмысленная болтовня впаиваго въ бредъ мечтателя. Быть можетъ, критикъ охотно прибавилъ бы шепотомъ: „много дурныхъ слуховъ ходитъ о немъ“. Literary Gazette, которая всегда очень строго относилась къ врагамъ религіи, дѣлаетъ намеки на что-то вродѣ кровосмѣшенія: „Для такого чловѣка было бы совершенно обыкновеннымъ дѣломъ украсть у довѣрчиваго отца его дочь и жить въ кровосмѣсительной связи со всѣми членами семьи, нравственность которой рушилась благодаря низменной софистикѣ соблазнителя“. Если даже эти выраженія теперь нѣсколько рѣзки, то врядъ ли можно думать, чтобы они были незаслуженны, потому что Blackwood Magazine, единственный журналъ, обращающійся снисходительно съ этимъ писателемъ, говоритъ о его Прометѣѣ, что: „нельзя представить себѣ болѣе зачумленной смѣси богохульства, мятежнаго духа и чувственности“,—а вы, вѣ-

роятно, слышали, остроумное замѣчаніе Теодора Гука по поводу этой книги: „Раскованный Прометей—хорошее заглавіе: кто захотѣлъ бы его скопировать“! ¹⁾).

А если бы два года спустя, когда этотъ столь строго осуждаемый поэтъ умеръ, кто-нибудь обратился бы къ его издателю съ вопросомъ, находятъ ли, по крайней мѣрѣ, много покупателей его поэтическія произведенія, подвергавшіяся такимъ тяжелымъ нападеніямъ, издатель, навѣрное, сталъ бы жаловаться на плохой исходъ его предпріятія и отвѣтилъ бы своему собесѣднику, что при жизни Шелли не было продано и сотни экземпляровъ котораго-либо изъ его стихотвореній (за исключеніемъ Королевы Мэбъ и Ченчи), а что относительно Адонаиса и Эпипсихидіона можно сказать, что они не были проданы и въ количествѣ десяти экземпляровъ.

Какъ бы иначе звучалъ отвѣтъ, если бы кто-либо спросилъ сегодня, кто такой Шелли,—но въ настоящее время въ Англіи нѣтъ никого, задающаго такого рода вопросы.

4 августа 1792 г. родился величайшій лирикъ Англіи. Въ тотъ самый день, когда въ Парижѣ вожди революціи—Сантерръ, Камилль Демуленъ и другіе—собрались на совѣщаніе въ одинъ домъ на бульварѣ, чтобы принять рѣшенія, которыя нѣсколько дней спустя привели къ паденію во Франціи королевской власти, родился въ Фильдплэсѣ (Суссексъ, Англія) хорошенькій мальчикъ съ темно-синими глазами, жизнь котораго получила гораздо болѣе великое и устойчивое значеніе для освобожденія человѣчества, чѣмъ все, совершенное во Франціи въ августѣ 1792 г. Его имя было—около 30 лѣтъ спустя—выгравировано на могильномъ камнѣ протестантскаго кладбища въ Римѣ, гдѣ покоятся его останки: Перси Бишъ Шелли,—а къ этой надписи добавлены были слѣдующія слова: Cor cordium.

Cor cordium, сердце изъ сердецъ,—таково было простое и глубокое слово, въ которомъ молодая жена Шелли воплотила понятіе о его личности,—самое глубокое и правдивое слово, которое могло быть сказано о немъ.

Онъ родился въ старинной дворянской семьѣ, занимающей видное общественное положеніе. Его отецъ былъ баронетомъ, обладателемъ крупнаго состоянія, ограниченнымъ человѣкомъ, приверженцемъ всего существующаго только потому, что оно существовало. Но неправильность жизни была наслѣдственной въ семьѣ Шелли, подобно тому, какъ необузданность и страсть къ насилиямъ были наслѣдственными въ байроновскомъ роду. Дѣдъ Шелли, беспокойный и экзальтированный человѣкъ, увезъ трехъ женщинъ и двѣ изъ его дочерей были также увезены,—черты, о которыхъ вспоминаешь, читая въ біографіи внука о разныхъ событіяхъ въ его жизни, совершенно такъ же, какъ узнавъ о многихъ дѣйствіяхъ Байрона, припоминаешь, какая масса необузданной, неудержимой страстности

¹⁾ «Prometheus Unbound—it is well named; who would bind it! Непереводимая игра словъ: unbound—значить раскованный и переплетенный.

передана ему, несомнѣнно, по наслѣдству со стороны отца и матери. Но неправильности въ жизни представляютъ только вѣшнюю и многозначительную сторону природы и существованія Байрона. Онѣ составляютъ только признакъ той глубокой воспримчивости и чувствительности, которыя еще въ юномъ возрастѣ поражаютъ изслѣдователя его жизни. Подвергаясь самъ дурному обращенію въ школѣ, онъ возмущался дурному обращенію, которое претерпѣвали слабѣйшіе и младшіе ученики со стороны старшихъ и учителей. Никто, повидимому, не былъ болѣе его предназначенъ служить жертвою для этого рода грубыхъ выходовъ, какъ и вообще для всей той грубости, которая встрѣчала его въ послѣдствіи въ жизни; потому что все низменное, глупое и грязное чувствовало всегда врожденное отвращеніе къ нему, а онъ никогда не унижался до вступленія въ соглашеніе съ кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь подобнымъ.

Можно получить ясное представленіе о впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ первымъ вступленіемъ его въ жизнь, если прочесть отрывокъ, который былъ найденъ послѣ его смерти написаннымъ на клочкѣ бумаги:

Онъ вооружилъ, говорить онъ, свое сердце тройнымъ панциремъ спокойной твердости. Но пассивной силѣ сопротивленія предшествовало у него страстное ногодованіе. Это сердце, которое онъ старался вооружить упорствомъ, было слишкомъ мечтательно и пылко, чтобы не носиться, не смотря на панцирь, съ наступательными планами.

Въ введеніи къ Возстанію Ислама (Revolt of Islam) онъ вспоминаетъ о томъ времени, когда его умъ пробудился впервые отъ сна: ¹⁾

. A fresh May dawn it was,
When J walked forth upon the glittering grass,
And wept, J knew not why: until there rose
From the near schoolroom voices that, alas!
Were but one echo from a world of woes—
The barsh and grating strife of tyrants and of foes.

. And then J clasped my hands, and looked around;
But none was near to mock my streaming eyes,
Which poured their warm drops on the sunny ground.
So, without shame, J spoke:—„J will be wise,
And just, and free, and mild, if in me lies
Such power; for J grow weary to behold
The selfish and the strong stile tyrannise
Without reproach or check“. J then controlled
My tears, my heart grew calm, and J was meek and bold.

¹⁾ The poetical Works of P. B. Shelley, 63—4.

(Было свѣжее майское утро, когда я вышелъ прогуляться по росистой травѣ, и плакалъ, самъ не зная—почему, пока изъ ближайшей школы не раздались голоса, которые,—увы!—были только эхомъ цѣлаго міра страданій—грубой и тяжелой борьбы между тиранами и ихъ врагами.—Тогда я судорожно сжалъ руки и оглянулся вокругъ; но не было никого вблизи, чтобы насмѣхаться надъ моими глазами, льющими слезы, горькія капли которыхъ падали на освѣщенную солнцемъ землю. И вотъ я, не стыдясь, заговорилъ:—„я хочу быть мудрымъ, и справедливымъ, и свободнымъ, и кроткимъ, если только во мнѣ есть способность сдѣлаться таковымъ, потому что мнѣ надоѣло видѣть, какъ эгоисты и сильные тиранизируютъ ближнихъ, не встрѣчая ни упрековъ, ни сопротивленія“. Тогда я сдержалъ свои слезы, сердце мое успокоилось, и я сдѣлался довольнымъ и смѣлымъ).

Поколѣніе, родившееся одновременно съ первою французскою республикою и подъ одною съ нею звѣздою, рано созрѣло для критики надъ всѣми пережитками старины. Шелли, который еще въ школѣ замѣчалъ, какая тѣсная связь существуетъ между страстью къ притѣсненіямъ и лицемерною религіозностью, и въ руки котораго рано попали сочиненія французскихъ энциклопедистовъ, а также Юма, Годвина и другихъ англійскихъ либеральныхъ мыслителей, размышлялъ еще полу-мальчикомъ объ исторіи, цѣляхъ и заблужденіяхъ человѣчества, разсуждалъ, правда, по юношески, но свободно, въ духѣ XVIII вѣка.

Товарищи его помнили о немъ только одно, что онъ часто нарушалъ правила почтительности и лояльности, что „онъ дурно отзывался о своемъ отцѣ и о королѣ“. У мальчиковъ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ „безумнаго Шелли“ или „атеиста Шелли“. Такимъ-то образомъ это полное ненависти слово было впервые связано съ его именемъ,—слово, которому суждено было оставаться соединеннымъ съ нимъ на всю его жизнь, чтобы можно было удобнѣе нагромождать на него всякаго рода позорныя и пошлыя обвиненія.

Лишнее было бы останавливаться на тѣхъ событіяхъ изъ жизни Шелли, съ которыми знакомъ, хотя бы поверхностно, каждый, слышавшій его имя: какимъ образомъ онъ 18-лѣтнимъ студентомъ имѣлъ странное обыкновеніе излагать свои сомнѣнія относительно Бога, государства и общества въ эпистолярной формѣ, а затѣмъ посылать эти письма различнымъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ, но ему лично незнакомымъ лицамъ, которыхъ онъ просилъ опровергнуть ихъ и приводимыя имъ доказательства, противъ которыхъ онъ лично не въ силахъ найти возраженій; какимъ образомъ изъ этихъ писемъ, которыя въ значительной своей части составляли извлеченія изъ Юма и сочиненій французскихъ матеріалистовъ, образовалась небольшая, теперь исчезающая анонимная брошюра: Необходимость атеизма, подписанная Q. E. D., которую Шелли въ дѣтской надеждѣ повліять на преобразование сознанія въ обществѣ отправилъ въ верховный судъ епископства. Извѣстно также, что за этимъ послѣдовало. На Шелли указали, какъ на автора, его изгнали изъ университета, а затѣмъ онъ былъ прогнанъ и изъ родного дома. Мы въ настоящее время не думаемъ, чтобы какое-либо серьез-

ное научное убѣжденіе, каково оно ни было, могло навлечь позорное наказаніе на человѣка, исповѣдывавшаго его; но наказаніе, постигшее Шелли, было вдвойнѣ несправедливо, потому что, какъ видно изъ его брошюры, главное содержаніе которой излагается въ примѣчаніяхъ къ Королевѣ Мэбъ, онъ былъ въ дѣйствительности не болѣе атеистомъ, чѣмъ, напр., Эристеда въ своей извѣстной книгѣ: Духъ въ природѣ. Въ то время у него еще не успѣло выработаться послѣдовательное и связанное міровоззрѣніе; онъ уяснилъ себѣ пока только одно: что онъ не приверженецъ которой-либо изъ такъ называемыхъ положительныхъ религій, и никогда не сдѣлается имъ. Но въ общемъ матеріалистическіе взгляды, вынесенные имъ изъ его чтенія, соединялись у него съ мечтательнымъ пантеизмомъ, который всегда отличалъ его. Когда Трелауни въ годъ смерти Шелли спросилъ его: „почему вы сами называли себя атеистомъ“? Шелли отвѣтилъ: „я употребилъ это слово, чтобы выразить свое презрѣніе къ суевѣрію; я вооружился имъ, какъ рыцарь въ старые дни вооружался перчаткою, чтобы идти въ бой съ несправедливостью“.

Шелли былъ высокаго роста, стройный и тонкій, съ узкими плечами и неправильными чертами лица, но съ необыкновенно красивымъ ртомъ, привлекательнымъ и умнымъ; глаза у него были женственные, съ какъ бы ангельскимъ взоромъ и съ выраженіемъ безконечно измѣнчивымъ и мимолетнымъ, такъ что онъ казался то 19 лѣтъ, то старше 40. Въ послѣдніе 10 лѣтъ его жизни онъ приобрѣлъ болѣе мужественную наружность, но все же иногда производилъ полуребяческое, полу-женственное впечатлѣніе. Этимъ объясняется удивленіе Трелауни во время первой его встрѣчи съ Шелли. Возможно ли, чтобы этотъ кротко выглядѣвшій безбородый юноша могъ быть тѣмъ чудовищемъ, который находился въ воинственныхъ отношеніяхъ со всѣмъ міромъ и на котораго его соперники указывали, какъ на главу дѣвольской школы въ литературѣ? Въ то время выраженіе его лица, отличительною чертою котораго были прежде живость и рѣшительность, колебалось между серьезностью, радостью, трогательною грустью и равнодушнымъ утомленіемъ. Оно часто гармонировало съ слѣдующими словами въ его стихотвореніи къ Эдуарду Вильямсу:

Of hatred Jam proud,—with scorn content,
Indifference, which once hurt me, is now grown
Itself indifferent.

(Ненавистью ко мнѣ я горжусь,—презрѣніемъ доволенъ; равнодушіе, въ началѣ оскорблявшее меня, оставляетъ меня теперь совершенно равнодушнымъ).

Вообще, по выраженію одного изъ его друзей юности, онъ выглядѣлъ необыкновенно даровитымъ, и Мульреди, одинъ извѣстный въ то время портретистъ, заявлялъ, что невозможно написать портрета Шелли: онъ „слишкомъ восхитителенъ“.

Такимъ именно представлялся онъ въ юности друзьямъ, которыхъ онъ по-сѣщалъ: восторженнымъ, какъ поэтъ, мужественнымъ, какъ герой, нѣжнымъ, какъ

женщина, застѣнчивымъ и краснѣющимъ, какъ молодая дѣвушка, легкимъ и живымъ, какъ Аріель у Шекспира. Г-жа Вильямсъ говоритъ о немъ: „Онъ приходить и уходитъ какъ духъ. Никто не знаетъ куда и откуда“.

Его здоровье въ теченіе всей его жизни было чрезвычайно слабо и врядъ-ли онъ протянулъ бы такъ долго, если бы не придерживался строгой діеты; съ 20-ти лѣтняго возраста онъ, съ сомнительной, впрочемъ, для себя пользой, придерживался вегетаріанской пищи. У него была склонность къ чахоткѣ, онъ постоянно страдалъ нервными и судорожными припадками, настолько сильными, что онъ катался по полу отъ боли и постоянно употреблялъ опиумъ для смягченія своихъ страданій; въ тѣ времена, какъ онъ страдалъ болѣе обыкновеннаго, онъ не выпускалъ изъ рукъ стеклянки съ опиумомъ. Посѣщая въ 1816 г. госпитали въ Лондонѣ для изученія медицины съ цѣлью ухаживать за бѣдными, онъ серьезно заболѣлъ, и одинъ выдающійся врачъ предсказалъ ему смерть отъ чахотки. Тѣмъ не менѣе нѣсколько лѣтъ спустя его грудь поправилась. Во время посѣщенія имъ бѣдныхъ въ ихъ наполненныхъ всевозможными заразами селлахъ, онъ схватилъ опасное воспаленіе глазъ; оно вернулось къ нему въ 1817 г. и затѣмъ опять въ 1821 г., не давая ему возможности читать, пока онъ страдалъ ими.

Такъ дорого пришлось ему заплатить за его экзальтированное челоѣколюбіе, обратившееся у него въ религію. Оно никогда не покидало его. Живя въ Марловѣ въ Англіи, онъ на свои скромные доходы обратилъ всѣхъ бѣдныхъ въ окрестностяхъ въ своихъ пенсіонеровъ; они еженедѣльно приходили къ нему за полученіемъ пенсіи; онъ садился у ихъ кровати, когда они по болѣзни не могли придти. Однажды онъ явился босикомъ къ своимъ деревенскимъ сосѣдямъ. Оказалось, что онъ по дорогѣ подарилъ свои башмаки одной бѣдной женщинѣ. По собственному побужденію онъ отказался почти отъ всего доставшагося ему послѣ отца наслѣдства въ пользу своихъ сестеръ и это вскорѣ послѣ своего изгнанія изъ Оксфорда, а получивъ впоследствии состояніе въ 1000 ф. ст. дохода въ годъ, онъ сталъ отдавать почти все, что получалъ, другимъ, особенно бѣднымъ писателямъ, долги которыхъ онъ платилъ и средства существованія, которыхъ обезпечивалъ съ щедростью и великодушіемъ, превосходившими значительно его собственные средства.

Исторія его перваго брака слѣдующая: Изъ ложно понятаго и преувеличеннаго рыцарскаго чувства онъ 19 лѣтъ отъ роду увезъ маленькую школьницу 16 лѣтъ, страстно полюбившую его и жаловавшуюся на дурное обращеніе съ нею отца. Онъ хотѣлъ принудить ее посѣщать школу и не позволялъ любить Шелли. Послѣ нѣсколькихъ свиданій Шелли убѣждалъ съ Гарриэтъ Уестбрукъ въ Шотландію и женился на ней въ Единбургѣ. Многочисленнымъ суровымъ и рѣзкимъ нападеніямъ, предметомъ которыхъ послужилъ за этотъ свой поступокъ молодой поэтъ, умѣстно противопоставить замѣчаніе Россетти, что мало нашлось бы правовѣрныхъ молодыхъ богатыхъ баронетовъ, которые захотѣли бы жениться

на дочери бывшаго трактирщика, предлагавшей самой слѣдовать за ними въ качествѣ любовницы. Этотъ поспѣшный бракъ, заключенный безъ основательныхъ побудительныхъ причинъ, оказался очень несчастнымъ. Онъ былъ расторгнутъ послѣ того, какъ Шелли въ 1814 г. познакомился съ 17-ти лѣтнею Мэри Уолсонкрафтъ Годвинъ и почувствовалъ къ ней неудержимую страсть. Она была дочерью первой знаменитой поборницы женской эмансипаціи и радикальнаго автора сочиненій, оказавшихъ на юношу Шелли такое глубокое вліяніе и свободно предалась своей пылкой любви, отвѣтивъ ему на его предложеніе „да“, согласное съ принципами ихъ собственной морали. Взгляды обоихъ на бракъ, слишкомъ идеальныя, чтобы не быть опошленными чернью, оказались въ дѣйствительной жизни неосуществимыми и непрактичными. Хотя самыми священными брачными узами въ ихъ глазахъ была взаимная любовь, помимо всякихъ гражданскихъ формальностей, но годъ спустя они изъ практическихъ соображеній и ради пользы своихъ дѣтей дали себя обвѣнчать. Они вмѣстѣ уѣхали изъ Англіи и совершили сначала небольшое путешествіе по Франціи, почти все время пѣшкомъ, а затѣмъ отправились въ болѣе продолжительныя путешествія, во время которыхъ имя Шелли связывали съ именемъ Байрона, между тѣмъ какъ англійская печать съ яростью набросилась на обоихъ, и заходила даже такъ далеко, что пущенъ былъ слухъ, придававшій ихъ прекрасной и мужественной дружбѣ позорное толкованіе.

Поводомъ къ настоящему взрыву негодованія со стороны Соути послужило незначительное и невинное обстоятельство, именно: Шелли въ маленькомъ горномъ домикѣ въ Ментанверѣ, въ долинѣ Шамуни, подъ цѣлымъ рядомъ приторно-набожныхъ изліаній о природѣ и т. д., написалъ слѣдующій не совсѣмъ правильно составленный гекзаметръ:

Εἰμι φιλάνθρωπος δημοκράτης τ' ἄθεος τε.

Percy B. Shelley.

Т. е. я филантропъ, демократъ и атеистъ. Вышеупомянутый нами манифестъ Соути противъ Байрона беретъ отсюда свое начало.

Этимъ, однимъ словомъ, начинается увертюра къ жизни и поэзіи Шелли. *Cor cordium* былъ онъ названъ вполне справедливо. Я хочу сказать этимъ, что онъ умѣлъ понимать и чувствовать самую сущность, самую глубь вещей, ихъ духъ и душу, и что выражаемые имъ чувства были самыя задушевные, тѣ для которыхъ слова кажутся слишкомъ грубыми, такъ что они даютъ себѣ исходъ въ музыкѣ или, какъ у него, въ стихахъ, столь же музыкальныхъ, какъ и богатые гармоніею мелодіи.

Сдержанная грусть въ лирикѣ Шелли напоминаетъ о шекспировскихъ лирическихъ произведеніяхъ; маленькая пѣсенка у прялки въ *Beatrice Cenci* напр., походить на пѣсню шута съ *Что хотите или на пѣсни Дездемоны и Офеліи*.

Но въ тѣхъ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ Шелли является наиболѣе самобытнымъ, онъ оставляетъ далеко за собою Шекспира по тонкости анализа и вообще не поддается сравненію ни съ какимъ другимъ поэтомъ, потому что выше его никто не подымался. Мелкія стихотворенія отъ 1821 и 1822 г.—самыя выдающіяся изъ всѣхъ, появившихся когда-либо на англійскомъ языкѣ.

Приводимъ въ видѣ образчика слѣдующее небольшое стихотвореніе подъ заглавіемъ: A. Dirge.

Rough wind that moa nesst luod
Grief too sad for song;
Wild wind when sullen cloud
Knells all the' night long;
Sad storm whose tears are vain,
Bare woods whose branches stain,
Deep caves and dreary main,
Wail for the world's wrong!

(Суровый вѣтеръ, громко жалующійся на скорбь, слишкомъ печальную для пѣнія, дикій вѣтеръ, бушующій въ то время, когда мрачныя облака всю ночь напролетъ льютъ на землю потоки; печальная буря, слезы которой напрасны, оголенные лѣса, вѣтви которыхъ прикрываютъ глубокія пропасти и страшныя ущелья, плачутъ надъ тяжкою несправедливостью міра!)

Такъ же удивительно хороша по своей мелодіи и по сдержанности выраженія слѣдующая строфа: ¹⁾

One word is too often profaned
For me to profane it;
One feeling too falsely disdained
For thee to disdain it;
One hope is too like despair
For prudence do smother;
And pity from thee more dear
Than that from another.

(Есть слово, слишкомъ часто профанировавшееся, чтобы я его профанировалъ; есть чувство, слишкомъ часто должно презираемое, чтобы ты его презирала; есть надежда, слишкомъ похожая на отчаяніе, чтобы благоразуміе могло ее ослабить; а состраданіе съ твоей стороны болѣе дорого мнѣ, чѣмъ сочувствіе кого-либо другого).

¹⁾ Shelley, 502.

Словъ здѣсь немного и въ стихосложеніи не замѣчается ничего особеннаго, но ни одна строка въ немъ не могла бы быть написана другою рукою, кромѣ Шелли.

Въ этихъ мелкихъ стихотвореніяхъ рѣзко выступаетъ впередъ меланхолія, которая въ болѣе крупныхъ его произведеніяхъ заволакивается или же отодвигается на задній планъ свѣтлою вѣрою въ будущее и блестящими надеждами, возлагаемыми на преуспѣяніе человѣчества. Въ тайникахъ его души гнѣздилося всегда глубокое чувство грусти отъ сознанія измѣнчивости вѣи существующаго и отъ рано испытаннаго опыта, показавшаго ему, какимъ образомъ чувства вводятъ насъ въ заблужденія, любовь приноситъ разочарованіе, а жизнь обманывается. Это сознаніе онъ выразилъ въ превосходномъ стихотвореніи Mutability (измѣнчивость): ¹⁾

The flower that smiles to day
To-morrow dies:
All that we wish to stay
Tempt and then flies.
What is this world's delight?
Lightning that mocks the night,
Brief even as bright.
Virtue how frail it is!
Friendship how rare!
Love how it sells poor bliss
For proud despair!
But, we, though soon they fall,
Survive then joy, and all
Which ours we call.
Whilst skies are blue and bright,
Whilst flowers are gay,
Whilst eyes that change ere night
Make glad the day,
Whilst yet the calm hours creep,
Dream thou—and from thy sleep
Then wake to weep.

(Цвѣты, улыбающіеся намъ сегодня, умираютъ завтра: все, что мы желали бы долѣе видѣть, искушаетъ насъ и затѣмъ убѣгаетъ. Что такое наслажденіе въ этомъ мірѣ? Молнія, насмѣхающаяся надъ ночью, быстро потухающая, хотя и блестящая.—Какъ непрочна добродѣтель! Какъ рѣдка дружба! Какими бѣдными дарами платитъ любовь за тяжкое отчаяніе! Но когда они испарятся,

¹⁾ Shelley, 499.

мы продолжаемъ жить, переживая приносимую ими радость, переживая все, что называемъ своимъ. Пока небеса ясны и ярки, пока цвѣты веселы, пока глаза, мѣняющіяся ночью, дѣлаютъ радостнымъ день, пока спокойно течетъ время, ты дремлешь,—а просыпаешься отъ своего сна для того, чтобы плакать.)

Первая строфа показываетъ мимолетность всякой красоты и всякой радости на землѣ. Вторая указываетъ на страданіе, скрывающееся въ самой радости. Последняя строфа, наконецъ, убѣждаетъ наслаждаться возможно дольше сномъ, въ который погружаетъ насъ радость жизни.

Подобное же настроеніе выражается въ прелестномъ стихотвореніи,носящемъ простое заглавіе Lines. Шелли никогда не написалъ бы его, если бы въ его личной жизни одно увлеченіе не наступало и не испарялось, замѣняясь другимъ, если бы слѣдовавшая одна за другою страсть къ Гэрриетъ, страсть къ Мэри и страсть къ Эмили Вивіани не сопровождалась и у него болѣзненнымъ пробужденіемъ. Но тѣмъ не менѣе стихотвореніе не носитъ характера личнаго признанія. Это трогательное провозглашеніе всеобщаго закона жизни, сначала тихонько прочитанное, затѣмъ пропѣтое голосомъ, равнаго которому невозможно найти. Въ первой строфѣ говорится слѣдующее:

When the lamp is shattered
The light in the dust lies dead;
When the cloud is scattered,
The rainbow's glory is shed;
When the Lute is broken,
Sweet notes are remembered not,
When the lips have spoken,
Loved accents are soon forgot.

(Когда лампа потушена, свѣтъ лежитъ въ прахѣ мертвымъ; когда облака покрываютъ небо, блескъ радуги погасаетъ; когда лютня разбита, сладкіе звуки исчезаютъ изъ памяти; когда уста перестаютъ говорить, звуки любимой рѣчи быстро забываются).

Въ третьей строфѣ тѣ же мысли примѣняются къ человѣческому сердцу; онѣ излагаются въ сжатыхъ выраженіяхъ, точно фраза Попа, и по мелодичности напоминаютъ музыку Бетховена:

O, Love, who bewailest
The frailty of all things here,
Why chose you the frailest
For your cradle, your home and your bier?

(О, любовь, понимающая бренность всего въ этомъ мірѣ! какимъ образомъ могла ты выбрать самое слабое въ немъ своею колыбелью, своимъ очагомъ и своимъ гробомъ?)

И стихотвореніе кончается слѣдующимъ пророчествомъ, въ которомъ слышно, какъ страсти, покорившія себѣ сердце, властвуютъ надъ человѣкомъ:

Its passions will rock thee
As the storms rock the ravens on high:
Bright reason will mock thee,
Like the sun from a wintry sky.
From the nest everg rafter
Will rot, and their eagle home
Leave thee naked to laughteer
When leaves fall and cold winds come.

(Его страсти будутъ потрясать тебя, какъ потрясаетъ буря въ выси стаю вороновъ; ясный разумъ будетъ насмѣхаться надъ тобой, подобно солнцу съ зимняго неба. Всѣ соломенки твоего гнѣзда потгнутъ до основанія и твое орлиное гнѣздо выставитъ тебя голымъ на посмѣшище, когда листва спадетъ и холодные вѣтры начнутъ гулять на свободѣ.)

Въ сильнѣйшемъ противорѣчій съ этою крайнею задумчивостью представляется та особенность Шелли, которую замѣтитъ, несомнѣнно, каждый, знакомый хотя бы съ одними его мелкими стихотвореніями, а именно, что самыя знаменитыя изъ его лирическихъ стихотвореній написаны на темы, находящіяся внѣ предѣловъ жизни чувствъ, даже внѣ предѣловъ человѣческаго міра, и трактуютъ о вѣтрѣхъ и облакахъ, о подвижной жизни внѣшнихъ стихій, о неизмѣримой свободѣ и бурной силѣ водъ и вѣтровъ. Это все метеорологическія и космическія стихотворенія. Но нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что наиболѣе душевный лирикъ занимается въ то же время преимущественно внѣшними предметами. Объясненіе этого явленія мы находимъ въ небольшой статьѣ Шелли подъ заглавіемъ: О любви. Онъ утверждаетъ, что сущность любви заключается въ неудержимомъ стремленіи къ сочувствію:

„Когда мы мыслимъ, мы хотимъ быть понятыми; когда наша фантазія начинается творить, мы хотимъ, чтобы воздушное дитя нашего мозга возродилось въ другихъ мозгахъ; когда мы чувствуемъ, мы не хотимъ, чтобы оледенѣлыя неподвижныя уста отвѣчали на уста, дрожащія и пылающія лучшею кровью сердца. Это—любовь. Открыть умъ, умѣющій цѣнить нашъ умъ, открыть силу воображенія, которая въ состояніи схватить какъ рѣзкія, такъ и тонкія особенности, которыя мы развиваемъ и которыми мы наслаждаемся въ глубинѣ нашей души, это тотъ невидимый и недостижимый пунктъ, къ которому стремится всякая любовь. Поэтому, въ томъ одинокомъ состояніи, въ которомъ мы находимся, когда насъ не окружаютъ люди, мы любимъ цвѣты, траву, воды, небо, краснорѣчіе вѣтра и мелодію его, и съ такимъ же восхищеніемъ относимся къ нимъ, съ какимъ мы прислушиваемся къ голосу женщины, которую любимъ и которая поетъ для насъ однихъ“.

Въ одномъ замѣчаніи къ Феѣ Атласа г-жа Шелли говоритъ, что именно увѣренность въ невозможности найти сочувствіе или одобреніе у соотечественниковъ, въ соединеніи съ боязнью предаться очертя голову страстямъ и обнажать раны своего сердца, побудили его искать забвенія въ воздушномъ полетѣ фантазіи.

Но именно эта глубокая потребность въ сочувствіи, не встрѣчавшая отклика у окружающаго его человѣческаго міра и придавала его восприниманію природы ту никогда невиданную имъ до тѣхъ поръ страстность, на которой зиждется глубокая оригинальность его описаній. Подобное явленіе было неслыханное въ англійской поэзіи. Натянута художественная школа Попа смѣнилась озерною школою. Попъ насытилъ воздухъ аффектаціей, озерная школа открыла широко окно для свѣжаго воздуха горъ и озеръ. Но любовь Вордсворта къ природѣ отличалась безстрастіемъ, какъ бы онъ ни увѣрялъ въ противномъ въ своемъ Tintern Abbey. Природа служила для него средствомъ освѣжиться и матеріаломъ для разсужденій въ духѣ протестантизма. Тотъ самый ничтожный цвѣтокъ, внушающій ему мысли, которыя часто таятся слишкомъ глубоко, чтобы вызвать слезы, онъ срываетъ, вкладываетъ себѣ въ петличку и украшаетъ себя имъ, разсматривая его отъ времени до времени съ спокойнымъ достоинствомъ, размышляя надъ нимъ и сопоставляя его съ другими ¹⁾. Шелли бросается въ объятія природы, такъ какъ человѣческій міръ отвернулся отъ него. Поэтому природа не является ему такою, какъ другимъ,—холодною, равнодушною или жестокою. Ея окаменѣлое спокойствіе при видѣ людскаго горя и людскихъ радостей, ея безчувственность въ виду нашей жизни и нашей смерти, нашихъ короткихъ триумфовъ и долгихъ мученій, кажутся ему кротостью сравнительно съ глубиной и грубостью человѣческаго міра. Онъ насмѣхается въ Peter Bell the Third надъ Вордсвортомъ, потому что послѣдній, по его мнѣнію, любитъ природу, какъ духовный евнухъ, который не смѣетъ развязать ея поясъ; онъ же, Шелли, любитъ ее такъ, какъ любятъ любовницу,—онъ преслѣдуетъ ее въ самыхъ ея тайникахъ; точно тѣнь его пульсъ бьется въ таинственномъ сочувствіи съ пульсомъ природы. Онъ самъ, подобно своему Аластору, походитъ на духа вѣтра и воздуха своими блестящими глазами, свѣжимъ дыханіемъ и быстрою походкою.

Онъ называетъ животныхъ и растений своими возлюбленными братьями и сестрами и своею глубокою чувствительною и чуткою воспримчивостью походитъ между звѣрями на хамелеона, а между растениями—на мимозу. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ о хамелеонахъ, которые живутъ свѣтомъ и воздухомъ, подобно тому, какъ поэты живутъ любовью и славою, и которые по двадцать разъ въ день мѣняютъ краски, сообразно съ падающими на нихъ

¹⁾ To me the meanest flower that blows can give
Thoughts that so often lie too deep for tears.
Poet. W. III, 322.

лучами солнца; онъ сравниваетъ существованіе поэтовъ на этой холодной землѣ съ жизнью, которую хамелеоны вели бы, если бы ихъ съ рожденія заперли въ пещеру подъ землей. Въ другомъ знаменитомъ стихотвореніи онъ рассказываетъ, какимъ образомъ мимоза растетъ въ саду, какъ вѣтеръ питаетъ ее серебристою росой и какъ она закрывается подъ поцѣлуемъ ночи. Но вокругъ каждаго цвѣтка, говоритъ онъ дальше, носится свѣтъ и благоуханіе, издаваемые сосѣдними съ нимъ цвѣтами, подобно тому, какъ молодые влюбленные съ наслажденіемъ жадно вдыхаютъ дыханіе другъ друга. Только мимоза, не умѣющая высказывать то, что она ощущала отъ корня до верхушки, получала больше другихъ и дрожала отъ любви вся, до края своихъ листьевъ. Потому что у мимозы нѣтъ сладко благоухающаго цвѣтка; ни чудный запахъ, ни яркія краски не выпали на ея долю. Она любитъ любовью и привлекаетъ къ себѣ то, чего сама не можетъ дать—красоту.

Еще болѣе оригинально, еще болѣе лично выступаетъ сторона Шелли, его *soo cordium*, то, чѣмъ онъ сдѣлался и во что развился подъ вліяніемъ тяжелой судьбы, выпавшей на его долю, выступаетъ еще болѣе въ восхитительной элегіи къ Китеу, написанной подъ впечатлѣніемъ жгучаго негодованія, охватившаго его послѣ прочтенія низменныхъ и злобныхъ нападокъ въ *Quarterly Review*.

Шелли описываетъ, какъ всѣ современные поэты собрались для плача надъ покойникомъ ¹⁾:

31. 'Midst others of less note came one frail form,
A phantom among men, companionless.
As the last cloud of an expiring storm
Whose thunder is its knell. He, as I guess,
Had gazed on Nature's naked loveliness
Actaeon like; and now he fled astray
With feeble steps o'er the world's wilderness,
And his own thoughts along that rugged way
Pursued like raging hounds their father and their prey

32. A pard-like Spirit beautiful and swift—
A Love in desolation masked—a power
Gird round with weakness; it can scarcely uplift
The weight of the superincumbent hour.
It is a dying lamp, a falling shower,
A breaking billow;—even whilst we speak
Is it not broken? On the withering flower
The killing sun smiles brightly: on a cheek.
The life can burn in blood even while the heart may break.

¹⁾ Shelley, 392—3.

33. His head was bound with pansies overblown
 And faded violets, white and pied and blue;
 And a light spear topped with a cypress cone,
 Bound whose rade shaft dark ivy-tresses grew
 Yet dripping with the forest's noonday dew,
 Vibrated, as the ever-beating heart
 Shook the weak hand that grasped it. Of that crew
 He came the last, neglected and apart;
 A herd—abandoned deer struck by the hunter's dart.
34. All' stood aloof, and at his partial moan
 Smiled through their tears. Well knew that gentle band
 Who in another's fate now wept his own.
 As in the accents of an unknown land
 He sang new sorrow, sad Urania scanned
 The otranger's mien, and murmured: „Who art thou?“
 He answered not, but with a sudden hand
 Made bare bis branded und ensanguined brow,
 Which was like Cain's or Christ's—Oh! that it should be so!

(Среди другихъ, мнѣ выдающихся, появился одинъ съ разслабленною внѣшностью, привидѣніе среди другихъ людей, безъ спутниковъ, какъ послѣднее облако замирающей грозы, громъ котораго служить ему гибелью. Онъ, какъ я догадался, подобно Актеону, бросилъ взоръ на обнаженную красоту природы и теперь убѣгалъ отъ нея колеблющимися шагами по пустынь міра, между тѣмъ какъ его собственныя мысли преслѣдовали по тернистому пути, подобно стаѣ разсвирѣпѣвшихъ собакъ, своего отца и свою добычу.—Подобный барсу духъ прекрасный и быстрый—любовь, погруженная въ печаль,—сила, опоясанная слабостью,—онъ едва въ силахъ нести бремя гнетущаго его часа. Это потухающее пламя, падающій ливень, разбивающаяся волна,—не разбита ли она уже въ то время, какъ мы это говоримъ? Солнце, убивающее вянуцій цвѣтокъ, съ радужною улыбкою глядитъ на него; на щекъ жизнь можетъ горѣть яркимъ пламенемъ даже когда сердце готово разбиться. Его голова была обвита отцвѣвшими анютиными глазами, увявшими фіалками, бѣлыми, синими и фіолетовыми, а легкое копье съ кипарисовой верхушкой, вокругъ грубаго древка котораго обвивался темный плющъ, еще окропленный утреннею лѣсною росой, дрожалъ по мѣрѣ того, какъ вѣчно бьющееся сердце заставляло дрожать слабую руку, держащую его. Онъ пришелъ послѣднимъ изъ собравшейся толпы; она относилась къ нему съ пренебреженіемъ, онъ держалъ себя вдали отъ нея, —покинутый стадомъ олень, пораженный стрѣлою охотника.—Всѣ стояли вокругъ и улыбались сквозь слезы его личному горю. Прекрасно знала эта привѣтливая толпа, кто это въ судьбѣ другого оплакивалъ свою собственную судьбу. Когда онъ въ звукахъ невѣ-

домой страны сталъ выражать овладѣвшую имъ скорбь; Уравія, всматриваясь въ лицо чужестранца, прошептала: „кто ты?“. Онъ ничего не отвѣтилъ, но, поднявъ руку, обнажилъ свой заклеянный и окровавленный лобъ, подобный лбу Каина или Христа. О, какъ это могло случиться?!)

Онъ сравниваетъ себя съ Актеономъ, котораго погубило зрѣлище обнаженныхъ красотъ природы. Очевидно, что только благодаря его сильной воли, онъ могъ при такомъ нѣжномъ и слабомъ сложеніи не изнемогнуть подъ бременемъ видѣній и галлюцинацій, мерещившихся такъ часто ему. Много разъ казалось Шелли, что видѣнія, овладѣвавшія его фантазіею, разорвутъ его мозгъ и когда онъ въ подобномъ настроеніи, на чужой почвѣ, въ изгнаніи, искалъ въ уединеніи смягченія своихъ страданій, онъ переживалъ тѣ впечатлѣнія природы, которыя изложены въ чудныхъ Стансахъ, написанныхъ въ минуты унынія близъ Неаполя, признаваемыхъ квинтъ-эссенціей поэзіи Шелли. Онъ не описываетъ ландшафта, такъ какъ это вообще не въ обычаѣ у него. Онъ не описываетъ и внѣшнихъ формъ предметовъ и цвѣтовъ, но онъ воспринимаетъ съ крайнею впечатлительностью то, что мы называемъ духомъ и душою предметовъ.

Нѣсколькими штрихами онъ даетъ намъ картину залива: солнце горячо, небо синее, волны танцуютъ быстро и легко; голубые острова и покрытыя сѣнгомъ горы окрашиваются въ яркій пурпуръ дня. Волны плещутся о берегъ, точно разлагающійся свѣтъ въ дождѣ звѣздъ, а изъ открытой груди океана доносится ко мнѣ звукъ. Какъ пріятно было бы мнѣ, восклицаетъ Шелли, если бы хоть одно сердце раздѣлило мое волненіе! ¹⁾)

Alas! J have nor hope, nor health,
 Nor peace within, nor calm around;
 Not that content, surpassing wealth,
 The sage in meditation found
 And walked with inward glory crowned;
 Nor fame—nor power nor love nor leisure.
 Others J see whom these surround—
 Smiling they live, and call life pleasure;—
 To me that cup has been dealt in another measure.
 Yet now despair itself is mild,
 'Even as the winds and waters are;
 J could lie drow as a tired child,
 And weep away the life of care
 Which J have borne and yet must bear,—
 Tell death like sleep might steal on me,

¹⁾ Shelley, 450—1.

And J might feel in the warm air
My cheek grow cold, and hear the sea
Breathe o'er my dying brain its last monotony.

Some might lament that J were cold,
As J when this sweet day is gone,
Which my lost heart, too soon grown old,
Insults with this untimely moon.

They might lament—for J am one
Whom men love not, and yet regret;
Unlike this day, which, when the sun
Shall on its stain less glory set

Will lengir, though enjoyed, like joy in memory yet.

(Увы, у меня нѣтъ ни надеждъ, ни здоровья, нѣтъ мира внутри меня, нѣтъ спокойствія вокругъ, нѣтъ того довольства, болѣе драгоценнаго, чѣмъ богатство, которое мудрецъ находитъ въ размышленіи и съ которымъ онъ расхаживаетъ, увѣнчанный внутреннею славой; нѣтъ у меня ни славы, ни любви, ни досуга. Я вижу другихъ, надѣленныхъ всѣмъ этимъ,—они живутъ, улыбаясь, и называютъ жизнь удовольствіемъ. Мнѣ же дано было испытать чашу жизни иначе. Но теперь и отчаяніе принимаетъ болѣе кроткій обликъ, какъ вѣтры и воды; я могъ бы лечь на землѣ, точно утомленный ребенокъ, и проплакать жизнь заботъ, которую я несъ и долженъ и впредь нести,—пока смерть не снизойдетъ на меня, какъ сонъ, и пока я не почувствую, какъ въ тепломъ воздухѣ холодеетъ моя щека, и не услышу, какъ морской вѣтеръ, пронесаясь надъ моимъ умирающимъ челомъ, пропоетъ мнѣ свою послѣднюю монотонную пѣсню.—Можетъ быть иные будутъ жаловаться, что я былъ холоденъ, что я оскорблялъ несвоевременною скорбью своего погибшаго сердца, слишкомъ рано устарѣвшего послѣднія минуты этого свѣтлаго дня. Пусть себѣ жалуются,—вѣдь я одинъ изъ тѣхъ, кого люди не любятъ, и о комъ они только сожалеютъ; я не похожъ на этотъ день, который даже тогда, когда солнце перестанетъ освѣщать его не запятанную славу, останется въ память и послѣ своего исчезновенія, подобно испытанной радости).

Поэтъ, надъ умирающимъ мозгомъ котораго жестокія волны должны были такъ скоро сомкнуться, чувствовалъ съ кроткою грустью, какъ его существо разлагается въ благотѣльные стихіи природы и сравниваетъ свою смерть съ закатомъ чуждаго южнаго лѣтняго дня. Онъ любилъ природу не только въ ея возбужденномъ состояніи, какъ Байронъ, но, будучи простымъ въ душѣ, любилъ ея прекрасную простоту, ея священную наивность.

Но эта черта не наиболѣе выдающаяся у него. Къ ней присоединяется и другая: обладая самъ титаническими и гигантскими задатками, онъ любилъ и титаническую и гигантскую красоту природы, и опять совершенно инымъ обра-

зомъ, чѣмъ Байронъ. Онъ воспѣваетъ не явственную для всѣхъ и доступную всѣмъ поэзію природы,—напр., поэзію цвѣтовъ или лѣса. Нѣтъ, его возвышенный духъ осязается главнымъ образомъ великимъ и отдаленнымъ, грандіозными движеніями стихій и танцемъ міровъ въ небесномъ пространствѣ. Этимъ проникновеніемъ въ великія явленія природы и въ ея грандіозные перевороты онъ походитъ на Байрона, но такъ, какъ геній—блондинъ походитъ на генія—брюнета, какъ Аріель походитъ на приносящаго пламень ангела утренней звѣзды.

Для Байрона поэзія моря сосредоточивается въ поэзіи кораблекрушенія, въ борьбѣ и бушеваніи непогоды и урагана, въ ревѣ моря, требующаго все больше и больше добычи. Для Байрона поэзія неба олицетворяется въ завываніи бури, въ грохотѣ грома и въ сверканіи молніи. Онъ сливается съ уничтожающей природой и оживаетъ въ ней. Въ знаменитыхъ строфахъ въ четвертой пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда: „Бушуй, темно-синій океанъ, бушуй!“—онъ радуется тому, какъ море сметаетъ со своей груди флоты и поглощаетъ въ свою глубину имперіи, допуская подняться только одному пузырьку на своей поверхности, въ видѣ единственнаго указанія, что въ данномъ мѣстѣ погрузился человекъ. Эти строфы Байрона служатъ какъ бы прелюдией къ грандіозному и великолѣпному видѣнію всемірнаго потопа, которое называется Небо и Земля, и которое представляетъ дифирамбъ въ честь жажды уничтоженія ¹⁾.

Прочитайте затѣмъ знаменитое стихотвореніе Шелли The Cloud (облако). Читая его, слышишь, какъ всѣ стихійныя силы природы играютъ и шалютъ въ порывѣ необузданной веселости, съ титаническою радостью, съ могучею благотворительностью и щедростью относительно земли. Какая бурная свѣжесть ощущается въ пѣніи облака о томъ, какъ оно приноситъ жажущимъ цвѣтамъ освѣжающіе ливни изъ морей и потоковъ и какимъ образомъ оно набрасываетъ легкія тѣни на листья, погруженные въ свою полуденную дремоту. Оно шаловливо, когда посылаетъ на зеленныя равнины внизу потокъ хлещущаго града или когда сыплетъ снѣгъ на лежащія подъ нимъ горы, чтобы затѣмъ всю ночь спать на бѣлой снѣжной подушкѣ въ объятіяхъ бури,—или когда оно возбуждаетъ ураганы, заставляющіе вулканы меркнуть, а звѣзды дрожать; оно весело, когда съ хохотомъ грома пробѣгаетъ мимо; гордо, когда кровавый солнечный восходъ съ глазами метеора освѣщаетъ его плывущіе пары,—оно бываетъ и спокойнымъ, тихимъ, когда, съжившись въ своемъ воздушномъ гнѣздѣ, глядитъ, какъ ярко-красное покрывало вечера ниспадаетъ съ небеснаго свода, а ясное море внизу дышетъ пылкимъ желаніемъ любви и покоя. Оно сознаетъ свою силу, когда, точно громадный мостъ, нависаетъ надъ нами, простираясь отъ одной горы къ другой; оно наслаждается своею побѣдою, когда триумфальная арка, подъ кото-

¹⁾ Свинбурнъ въ своемъ небольшомъ мастерскомъ очеркѣ о Байронѣ указываетъ на область природы, общую у Байрона и Шелли, оставляя безъ упоминанія различія, встречающіяся у нихъ не смотря на сходство.

рою оно пролетаетъ съ бурей, огнемъ и снѣгомъ,—сотканная изъ миллионныхъ цвѣтовъ небесная радуга. Но оно постоянно играетъ какъ дитя: если солнечные лучи прогоняютъ его съ небеснаго свода, оно только смѣется надъ этимъ и съ хохотомъ вновь возникаетъ изъ ничего и срывается съ неба воздушный голубой куполъ.

Не одна только противоположность съ мрачною страстностью Байрона поражаетъ насъ въ грандіозной наивности, щедрости и любви ко всему этого облака; есть въ немъ еще одна черта, на которую мы указываемъ здѣсь, чтобы затѣмъ еще разъ вернуться къ ней: это непосредственный,—такъ сказать, первобытный характеръ этой поэзіи, напоминающій древне-арійскія гимны, пѣсни Ведъ и Гомера. Байронъ по сравненію съ Шелли—чисто современный поэтъ. Когда облако говоритъ о дѣвственницѣ въ бѣловатомъ сіяніи, которую смертные называютъ луною, которая, сіяя, скользитъ по небесному пространству и невидимые шаги которой съ ихъ легкою поступью, различаемою только ангелами, прорываютъ ткань легкой крыши ея палатки, или когда оно поетъ о кровавомъ солнечномъ восходѣ съ глазами метеора,—тогда поэтъ, силою первобытной свѣжести своей фантазіи, переноситъ читателя назадъ къ тому времени, когда явленія природы обращались въ миѳы, поражая зрителей своей новизной.

Но для Шелли эти явленія природы были также вѣчно новы. Онъ жилъ среди нихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ любой поэтъ до него или послѣ него. Его короткая 29-ти-лѣтняя жизнь была почти вся проведена на открытомъ воздухѣ. Море было его страстью; онъ постоянно катался по немъ и, лежа на днѣ своей лодки, сочинилъ наилучшія свои стихотворенія, между тѣмъ, какъ солнце жгло его одушевленное лицо и его нѣжныя руки, дѣлая ихъ смуглыми. Страсть къ морю была его жизнью и принесла ему смерть. Все, что относилось къ лодкѣ и плаванію, получало въ его глазахъ особую привлекательность. Онъ обращался тогда совсѣмъ въ ребенка. Онъ могъ забавляться до безконечности, дѣлая кораблики изъ бумаги и пуская ихъ плавать. Однажды, когда у него не было бумаги, онъ вынулъ бумажку въ 50 ф. ст. и пустилъ ее по каналу въ саду въ видѣ лодки.

Плавать онъ не умѣлъ. Когда однажды во время своихъ непрестанныхъ, продолжавшихся днемъ и ночью, катаній съ Байрономъ по Женевскому озеру Шелли чуть было не потерпѣлъ крушенія, онъ отказался отъ всякой помощи, а сидѣлъ совершенно спокойно въ ожиданіи смерти. „Мои чувства, пишетъ онъ, были бы менѣе мучительны, если бы я былъ одинъ, потому что я зналъ, что мой спутникъ употребитъ всѣ усилія, чтобы спасти меня, и я чувствовалъ глубокое униженіе при мысли, что его жизнь подвергнется опасности ради сохраненія моей“. Но нѣсколько лѣтъ спустя онъ съ мучительными чувствами думалъ о подобной смерти. Когда, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, онъ чуть было не утонувъ, но былъ спасенъ Трелауни, онъ сказалъ только: „Это большое искушеніе! если старуха права, то я въ настоящую минуту могъ бы уже быть на другой планетѣ“.

Въ Италіи онъ жилъ постоянно на открытомъ воздухѣ, проводя время то въ продолжительныхъ прогулкахъ верхомъ съ Байрономъ по Венеціи, Равеннѣ и Пизѣ, то въ катаніяхъ на гребной лодкѣ по Арно и Серкіо, или на парусной по Тосканскому морю. Замѣчательно также, что лодка—любимый имъ предметъ для сравненія. Если онъ сочинялъ не всегда на морѣ, то во всякомъ случаѣ всегда на воздухѣ. Прометей онъ написалъ въ Римѣ, лежа на верху гороподобныхъ развалинъ Каракалловскихъ купаленъ,—и именно на этихъ высокихъ до головокруженія и обросшихъ кустами цвѣтовъ сводахъ онъ почерпнулъ вдохновеніе для стихотворенія подъ яснымъ небомъ Рима и во время сильнаго, почти одуряющаго пробужденія весны въ чудномъ климатѣ Италіи. Торжество жизни написано имъ отчасти сидя на крышѣ дома въ Леричи, отчасти въ лодкѣ при страшномъ зноѣ и засухѣ. Но Шелли обладалъ натурою саламандры и чувствовалъ себя наилучше при знойныхъ лучахъ солнца.

Свою оду къ западному вѣтру,—самое мастерское его произведеніе,—онъ написалъ лежа въ рошѣ у берега Арно вблизи Флоренціи.

Первыя строфы вызываютъ воспоминанія объ осеннемъ дуновеніи вѣтра, сметающаго мертвые листья, желтые, черные, блѣдные, чахоточно-красные, точно зараженные моровою язвою, и о его весеннемъ дуновеніи, наполняющемъ горы и долины живыми красками и благоуханіемъ,—шелестъ его находитъ себѣ отголосокъ въ припѣвѣ стихотворенія: „слушай, о, слушай!“.

А развѣ не приходятъ намъ на память древнія сказанія изъ мифологіи, когда онъ поетъ о разсѣянныхъ по небу дождевыхъ облакахъ, которые стряхиваются порывами вѣтра съ сплетенныхъ вѣтвей неба и моря, о локонахъ бури, носящихся по воздушной поверхности точно распущенныя волосы, поднимающіеся дыбомъ на разгнѣванной головѣ Мэнады!

Но дуновеніе западнаго вѣтра и вся душа Шелли высказываются въ слѣдующей заключительной фразѣ ¹⁾.

Oh! lift me as a wave, a leaf, a cloud!

J fall upon the horns of life! J bleed!

A heavy weight of hours has chained and bowed

One too like thee—tameless, and swift, and proud.

Make me thy lyre, even as the forest is:

What if my leaves are falling like its own?

The tumult of thy mighty harmonies.

Will take from both a deep autumnal tone,

Sweet though in sadness. Be thou, Spirit furie,

My spirit! Be thou me, impetuous one!

Drive my dead thoughts over the universe,

¹⁾ Shelley, 459—60.

Like withered leaves, to quicken a new birth;
 And, by the incantation of this verse,
 Scatter, as from an unextinguished hearth
 Ashes and sparks, my words among mankind!
 Be through my lips to unawakened earth
 The trumpet of a prophecy! O Wind,
 If Winter comes, can Spring be far behind?

(О, подыми меня, какъ волну, какъ листь, какъ облако! Я падаю подъ тернѣями жизни! Я истекаю кровью! Тяжелое бремя времени оковало въ цѣпи и согнуло того, кто, подобно тебѣ, необузданъ, быстръ и гордъ.—Сдѣлай меня своей лирой, подобно лѣсу: что мнѣ съ того, если мои листья будутъ падать, какъ падаютъ листья лѣса? Звукъ твоихъ могучихъ гармоній будетъ у обоихъ насъ заимствовать глубоко осенній тонъ,—сладкій, не смотря на свою печаль. Будь, мощный духъ, моимъ духомъ! Будь мною, ты, неукротимый! Развѣй мои мертвыя мысли по вселенной, подобно поблекшимъ листьямъ, чтобы ускорить рожденіе новыхъ; заклинаю тебя другими стихами, развѣй, точно пепелъ и искры изъ непотухшаго очага, мои слова среди человѣчества! Будь черезъ посредство моихъ устъ трубою пророка для непробудившейся земли! О, вѣтеръ, разъ наступила зима, развѣ весна можетъ быть далека?)

Сравните эту оду съ чуднымъ мѣстомъ въ третьей пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда, когда Байронъ восклицаетъ:

Could I embody and unbosom now
 That which is most within me,—could I wreak
 My thoughts upon expression, and thus throw
 Soul, heart, mind, passions, feelings, strong or weak
 All that I would have sought, and all I seek,
 Bear, know, feel, and yet breathe,—into one word,
 And that one word were Lightning, I would speak.

(Если-бы я могъ воплотить и слить въ одно то, что преобладаетъ во мнѣ,—если-бы я могъ облечь въ одно выраженіе мои мысли и такимъ образомъ излить и свою душу, сердце, умъ, страсти, чувства, сильныя и слабыя,—все, что я искалъ и все, что я ищу, переношу, чувствую, все, чѣмъ дышу—въ одномъ словѣ, такъ, чтобы это слово было молніей, я-бы заговорилъ).

Или сравните съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ восклицаетъ, обращаясь къ ночи во время страшной бури на Женевскомъ озерѣ:

. let me be
 A sharer in thy fierce and far delight,—
 A portion of the tempest and of thee!

(Позволь мнѣ быть участникомъ въ твоемъ буйномъ и широкомъ весельи, частью бури и частью тебя!)

Получается поучительный примѣръ противоположности между любовью къ природѣ всеобъемлющаго поэтического ума и ума воинственнаго, вѣчно вызывающаго на бой. Шелли не хочетъ, подобно Байрону, отнять у природы ея громовыя стрѣлы. Онъ любитъ и не какъ свое оружіе, а какъ свой инструментъ, любитъ ее, не робѣя передъ ея грандіозными размѣрами, довѣряя ея мощному величію, чувствуя себя среди вселенной, какъ у себя дома. Его фантазія любитъ больше всего вращаться среди небесныхъ міровъ; ихъ красота и жизнь привлекаютъ его съ такою силою, съ какою другихъ привлекаютъ красота и жизнь незабудки и розы.

Какая могучая, властвующая надъ всѣмъ міромъ фантазія высказывается въ стихотвореніи, написанномъ Шелли послѣ полученія извѣстія о смерти Наполеона: ¹⁾

What! alive and so bold, O Earth?
 Art thou not over-bold?
 What! leapest thou forth as of old
 In the light of thy morning mirth
 The last of the flock of the starry fold?
 Ha! leapest thou forth as of old?
 Are not the limbs still when the ghost is fled,
 And canst thou move, Napoleon being dead?

How! is not thy quick heart cold?
 What spark is alive on thy hearth?
 How! is not his death-knell knolled,
 And livest thou still, Mother Earth?
 Thou wert marring thy fingers old
 O'er the embers coverd and cold

Of that most fiery spirit, when it fled—
 What, Mother, dost thou laugh now he is dead?

„Still alive and still bold“, shouted Earth,
 I grow bolder and still more bold
 The dead fill me ten thousands fold
 Fuller of speed and splendour and mirth.
 I was cloudy and sullen and cold
 Like a frozen chaos uprolled,
 Till by the spirit of the mighty dead
 My heart grew warm: I feed on whom I fed.

¹⁾ Shelley.

(Какъ! еще такая живая и отважная, о земля? Не слишкомъ ли ты смѣла? Какъ! по прежнему быстро скачешь впередъ въ синей утренней радости, послѣдней въ сонмѣ звѣздъ? Ахъ! неужели ты по прежнему движешься? Неужели члены не окоченѣли у тебя съ тѣхъ поръ, какъ твой духъ улетѣлъ и неужели ты можешь вращаться теперь, когда Наполеонъ умеръ?—Какъ! неужели твое быстро бьющееся сердце не охладѣло? Развѣ есть еще искра живая въ твоёмъ очагѣ? Какъ! его пѣсня пропѣта, а ты все еще живешь, мать-земля? Ты грѣла свои старые пальцы надъ потухающимъ пламенемъ этого самаго гордаго изъ духовъ, когда онъ отлеталъ,—неужели, мать, ты можешь смѣяться теперь, когда онъ уже умеръ?—„Я все еще жива и все еще отважна!“—возразила земля:—и съ лѣтами дѣлаюсь все смѣлѣе и смѣлѣе. Мертвые наполняютъ меня въ десять тысячъ разъ большимъ количествомъ быстроты, блеска и радости. Я была туманна и мрачна, и холодна, подобно свернувшемуся въ клубокъ замершему хаосу, пока духъ могущественнаго покойника не согрѣлъ моего сердца; я питаюсь тѣмъ, кого питала“).

Своимъ духовнымъ взоромъ Шелли видитъ, какъ міры въ небесномъ пространствѣ двигаются одушевленные, пылающіе внутри, свѣтящіеся внутреннимъ свѣтомъ среди ночи; его взоръ проникаетъ въ глубокія бездны, гдѣ проносятся одинъ мимо другого зеленые міры, блуждающія звѣзды съ блестящими локонами, холодные, ясные ледяные мѣсяцы. Онъ сравниваетъ ихъ съ каплями росы, наполняющими по утрамъ чашечки цвѣтовъ; онъ видитъ, какъ одинъ міръ катится за другимъ отъ начала созданія до его конца, точно пузырьки на поверхности рѣки; они то появляются, то лопаются, но все-же безсмертны; образуя постоянно новыя существа, создавая новые законы, новыя божества—свѣтлыя или мрачныя, будто одѣянія, набрасываемыя на обнаженные ребра смерти. Онъ видитъ ихъ такими, какими рисовалъ ихъ Рафаэль въ Римѣ въ Santa-Maria del Popolo; каждымъ управляетъ и руководитъ свой ангелъ, и силою поэтического всемогущества своего воображенія Шелли указываетъ бѣдному усопшему Китсу одинъ изъ такихъ вакантныхъ престоловъ—солнце безъ короля.

Его горная фея Атласа имѣетъ своимъ мѣстопробываніемъ эфиръ. Подобно тому, какъ Аріонъ ѣздилъ верхомъ на спинѣ дельфина, она съ пѣснью проносится по воздуху на облакѣхъ и смѣется, когда слышитъ за собой грозный шумъ пролетающихъ въ пространствѣ огненныхъ шаровъ. Здѣсь Шелли играетъ небесными тѣлами, какъ жонглеръ мячами,—въ Прометей же онъ раскрываетъ ихъ, какъ ботаникъ раскрываетъ цвѣтокъ. Въ четвертомъ дѣйствіи земля изображается прозрачной, какъ кристаллъ; описываются всѣ ея слои, лежащіе одинъ надъ другимъ, ея волны огня, ея грандіозные источники, которыми питается море, ея окаменѣлость, погребенные въ ней трофеи, ея развалины и города,—и геній Шелли паритъ надъ всѣмъ этимъ, вдыхаетъ сильный запахъ лѣсовъ и видитъ изумрудно-зеленый свѣтъ, отбрасываемый листьями, и слышитъ дику музыка небесныхъ тѣлъ. Но земля не представляется ему сложнымъ, составнымъ

тѣломъ; это живой духъ, въ неизвѣстныхъ нѣдрахъ котораго дремлетъ никогда неслышимый голосъ, молчаніе котораго прерывается только тогда, когда Прометей освобождается отъ своихъ узъ.

Когда Юпитеръ повергается въ бездну, земля и мѣсяцъ попеременно поютъ радостную пѣсню, гимнъ необыкновенной красоты. Земля ликуетъ по поводу своего освобожденія отъ тираніи Бога, мѣсяцъ поетъ пылкое, восторженное объясненіе въ любви землѣ; онъ описываетъ, какимъ неподвижнымъ и нѣмымъ дѣлается, когда тѣнь земли, падая на него, покрываетъ его и какую глубокую любовь чувствуетъ онъ тогда къ восхитительной землѣ. Его неплодородіе прекращается, живые цвѣты появляются на его поверхности, онъ слышитъ музыку въ морѣ и воздухѣ, между тѣмъ какъ крылатыя облака парятъ вокругъ него, тяжелыя отъ дождя, о которомъ мечтаютъ молодыя почки его цвѣтовъ, и онъ въ радости восклицаетъ: это—любовь, все любовь!

Его фантазія разлагаетъ всю жизнь природы и съ наивностью ребенка радуется каждому отдѣльному ея элементу. Фея радуется, напр. огню ¹⁾.

Men scarcely know how beautiful fire is,
Each flame of it is as a precious stone
Dissolved in ever-moving light, and this
Belongs to each and all who gaze thereon.

(Люди врядъ-ли знаютъ, какъ прекрасенъ огонь; каждое его пламя похоже на драгоценный камень, растворенный въ вѣчно-движущемся свѣтѣ, и принадлежитъ каждому и всѣмъ, кто смотритъ на него).

Фея любить также красоту сна: ²⁾.

A pleasure sweet doubtless it was to see
Mortals subdued in all the shapes of sleep.
Here lay two sisters twins in infancy;
There a lone youth who in his dreams did weep;
Within, two Covers linked innocently
In their loose locks which over both did creep
Like ivy from one stem; and there lay calm
Old age with snow—bright hard and folded palm.

(„Несомнѣнно, сладкое удовольствіе испытывала она при видѣ смертныхъ, погруженныхъ во всѣ виды сна. Вотъ лежатъ двѣ сестры-близнецы въ младенческомъ возрастѣ; тамъ одинокій юноша плачетъ во снѣ; тутъ двое влюбленныхъ связаны непорочно своими распушенными локонами, которые обвиваютъ

¹⁾ Shelley, The witch of Atlas, 364.

²⁾ „ „ 370.

обоихъ, какъ плоть обвиваетъ стволъ; а здѣсь лежитъ спокойно старость съ бѣлоснѣжными волосами и сложенными руками“).

Шелли чувствуетъ вмѣстѣ съ рѣками, которыя любимы морями и исчезаютъ въ ихъ нѣдрахъ; воспѣваетъ смерть природы и ея похороны осенью и зимою, вспоминаетъ о цвѣтахъ, брошенныхъ на Адониса, описываетъ богиню лѣта и красоты, которая, подобно Бальдеру, въ женскомъ образѣ ухаживаетъ за садовыми цвѣтами, и рисуетъ тѣду горъ по небу, (Arethusa, Apollo, Pan, Autumn, Sensitive Plants, Горы въ Prometheus unbound).

Каждый элементъ жизни онъ запечатлѣваетъ особымъ поэтическимъ словомъ—обширныя уединенныя равнины, гдѣ мы наслаждаемся радостною мыслью, что то, что мы видимъ, безгранично, безпредѣльно, таково, какою мы хотѣли-бы видѣть нашу жизнь (Julian and Maddalo),— время—необъятное море, волны котораго—года и по вкусу похожи на человѣческія слезы,—снѣгъ и всѣ виды сіяющаго мороза.

Прочтите стихотвореніе, въ которомъ находятся послѣднія слова. Оно является грустнымъ воплощеніемъ любви Шелли къ природѣ, (называется Song пѣснь) и обращено къ духу радости. Шелли жалуется, что послѣдній покинулъ его, что онъ любитъ только тѣхъ, кто не нуждается въ немъ, что человѣкъ, подобный ему, Шелли, никогда не можетъ заставить его вернуться обратно, что его пунктъ заботы и онъ бѣжитъ отъ печалей. „Вздохи печали упрекаютъ тебя за твое удаленіе, но ты не любишь упрековъ.“¹⁾

J love all that thou lovest
Spirit of Delight!
The fresh air in new leaves dressed,
And the sturly night,
Autumn evening, and the morn
When the golden mists are torn
J love snow, and all the forms
Of the radiant frost;
J love waves and winds and storms,—
Everything almost
Which is Nature's and may be
Untained by mans misery
J Love tranquil solitude
And such society
As is quiet, wise, and good.
Between thee and me

¹⁾ Shelley, 498.

What difference? But thou dost possess
The things J seek, not love them less.

(„Я люблю все, что ты любишь, духъ радости! Свѣжую землю въ уборѣ новыхъ листьевъ и звѣздную ночь; осенній вечеръ и разсвѣтъ, когда появляются золотистые пары.—Я люблю снѣгъ и всѣ виды сіяющаго мороза; я люблю волны, и вѣтры, и бури,—почти все, что составляетъ достояніе природы и не можетъ быть запятнано ничтожествомъ человѣка.—Я люблю тихое уединеніе и такое общество, которое спокойно, мудро и отличается добротой. Какая-же разница между тобою и мною? Ты обладаешь тѣми благами, которыхъ я ищу, но не любишь ихъ оттого меньше“).

Но изъ этихъ грустныхъ настроеній духъ Шелли, въ силу своего прекраснаго воодушевленія свободою, взлетаетъ высоко вверхъ съ быстротою полета жаворонка. Его ода къ жаворонку, обозначающая переходъ къ его пѣснямъ свободы, написана въ чадѣ беззаботнаго и радостнаго настроенія. Врядъ-ли превосходить ее по красотѣ въ болѣе старой англійской литературѣ нѣсколько сходная съ нею пѣснь къ жаворонку Вордсворта, столь типичная для духа и поэзіи озерной школы:

Leave to the nightingale her shady wood;
A privacy of glorious light is thine.

(Представь соловью его тѣнистые лѣса; чудное царство свѣта принадлежитъ тебѣ).

Въ этой пѣснѣ консервативный поэтъ восклицаетъ, обращаясь къ жаворонку съ слѣдующими многозначительными словами:

Type of the wise who soar but never roam:
True to the kindred points of Heaven and Home!

(Ты типъ мудреца, который паритъ наверху, но никогда не убѣгаетъ,—оставаясь вѣрнымъ сроднившимся между собою небу и родиной).

Вернемся теперь къ жаворонку Шелли, который съ пѣсней подымается все выше, и, подымаясь выше, все поетъ. Вамъ кажется, какъ будто со всѣхъ сторонъ звучатъ мелодіи, которыя переходятъ одна въ другую и кружатся въ морѣ вѣчно юныхъ, вѣчно свѣжихъ звуковъ. Это самая молодая и ясная триумфальная пѣснь радости и счастья. Она образуетъ переходъ къ длинному ряду пѣсней свободы, къ великой группѣ стихотвореній, въ которой гений Шелли играетъ роль буйнаго провозвѣстника будущихъ переворотовъ. Его пѣснь свободы представляетъ одно продолжительное воззваніе къ свободѣ, облеченное въ вѣчно мѣняющіяся мелодіи. Какъ въ его одахъ къ свободѣ и ея защитникамъ,—въ стихотвореніяхъ, столь-же великихъ и прекрасныхъ, какъ марсельеза,—такъ и въ его политическихъ сатирахъ противъ разнаго рода положеній и личностей, въ его аристофановскихъ комедіяхъ, осмѣивающихъ все безобразное и смѣшное

у него на родинѣ, въ его мистическихъ или историческихъ трагедіяхъ, его поэзія выражаетъ одинъ непрестанный, могучій жалобный вопль на несправедливость и лицемеріе, представляетъ одно мучительное воззваніе ко всѣмъ его современникамъ, которые находили что-либо недостойное въ существующемъ обществѣ.

Тотчасъ послѣ перваго своего брака Шелли выступилъ въ роли политическаго агитатора. Онъ отправился въ Дублинъ, чтобы помочь дѣлу эмансипаціи католиковъ, сочинилъ полное юношескаго пыла воззваніе къ ирландскому народу, умоляя его избѣгать насилій, запятнавшихъ французскую революцію, и былъ настолько наивенъ, что съ высоты своего балкона бросалъ его къ ногамъ тѣхъ изъ прохожихъ, которые, судя по выраженію ихъ лица, по ихъ наружности, должны были отнестись благопріятно къ выраженнымъ въ немъ идеямъ. Насколько по ребячески относились онъ и его молодая жена къ этому дѣлу, видно изъ того, что, гуляя однажды съ Гарріеттъ, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи положить воззваніе въ капюшонъ одной дамѣ, при чемъ его молодая жена, — по ее собственнымъ словамъ, — чуть не умерла отъ смѣха. Онъ присутствовалъ на многихъ собраніяхъ и однажды, въ присутствіи О'Коннелля и другихъ знаменитостей, произнесъ рѣчь, длившуюся цѣлый часъ. Слушая ее, присутствовавшая публика пришла въ неописанный восторгъ, такъ что надо думать, — если можно составлять себѣ сужденіе на основаніи этого факта, — что Шелли былъ еще болѣе великимъ ораторомъ, чѣмъ поэтомъ.

Когда Шелли пришлось въ другой разъ столкнуться съ господствующей партіей, столкновение это получило совершенно иной, трагическій характеръ. Гарріеттъ умерла, и по требованію ее отца возбуждено было канцлерскимъ судомъ слѣдствіе по вопросу о томъ, кто обладалъ большими умственными и нравственными задатками для воспитанія дѣтей Шелли: бывший ли трактирщикъ Вестбрукъ или авторъ *Queen Mab* и *Alastor*, котораго подозревали въ томъ, что, будучи атеистомъ, онъ захочетъ воспитывать и своихъ дѣтей въ духѣ невѣрія.

Приговоръ лорда Эльдона гласилъ слѣдующее: все предыдущее поведеніе Шелли было въ высшей степени безнравственно; вмѣсто того, чтобы стыдиться его, онъ, напротивъ того, открыто провозглашалъ самые ужасные принципы и рекомендовалъ ихъ другимъ; поэтому необходимо навсегда отнять у него дѣтей, но такъ, чтобы онъ обезпечивалъ имъ содержаніе пятою частью своего дохода. Дѣти были переданы одному священнику господствующей церкви. Горе Шелли было такъ ужасно, что ни одинъ изъ его самыхъ близкихъ людей не рѣшился въ слѣдствіи упоминать при немъ имени его дѣтей.

Въ стихотвореніи къ лорду Эльдону онъ восклицаетъ: „заклинаю тебя оскорбленною любовью отца, надеждами, которыя я такъ долго лелѣялъ и такъ рано утратилъ, благородными чувствами, которыхъ ты никогда не понималъ, — ложнымъ лицемеріемъ, которое будетъ теперь пятнать ихъ невинныя уста по-

добну яду, сочащемуся изъ открытаго цвѣтка, мрачною вѣрою, которая, затемняя передъ собою, будетъ омрачать ихъ путь отъ колыбели до могилы, моимъ отчаяніемъ, заставляющимъ отца плакать и жаловаться: мои дѣти больше не мои; кровь въ ихъ жилахъ — моя, но, тиранъ! ихъ запятнанная душа — твоя!“

Въ стихотвореніи къ Вильяму Шелли, его маленькому сыну отъ Мэри, говорится:

„Они отняли у тебя твоего маленькаго брата и сестру и затруднили сношенія твои съ нами. Они осушили ихъ слезы и уничтожили ихъ улыбки, которыя были для меня священны. Они съ младенческаго возраста отдали ихъ въ рабство убійственной вѣрѣ, преступному дѣлу, и малютки будутъ проклипать твое имя и мое, потому что мы мыслимъ свободно и безбоязненно“.

„Но наступитъ время, когда деспотизмъ исчезнетъ, какъ сонъ, а съ нимъ и мужество живыхъ жрецовъ. Они стоятъ на берегу потока времени, волны котораго они пятнаютъ кровью. Но потокъ, подымается вокругъ нихъ, растетъ и бурлитъ; онъ питается изъ глубины тысячь печалями. Я вижу, какъ ихъ мечи и жезлы уносятся, точно обломки кораблекрушенія водами вѣчности“.

Въ ужасѣ, что у него могутъ отнять и этого послѣдняго ребенка, Шелли покинулъ свое отечество, чтобы никогда болѣе въ него не возвращаться. Но въ то самое время, какъ лордъ канцлеръ заклеилъ Шелли, какъ человѣка, менѣе способнаго, чѣмъ какой-либо другой человѣкъ въ Англіи, выполнять самыя элементарныя общественныя обязанности и пользоваться правами гражданина, онъ готовился доказать, что ему, вмѣстѣ съ немногими его современниками, принадлежитъ право на безсмертіе.

Заклейменный, какъ преступникъ, онъ покинулъ Англію, и повсюду за границу, гдѣ ему случалось встрѣчаться съ соотечественниками, они боялись его и ненавидѣли, какъ человѣка, дѣйствительно способнаго на всякое преступленіе.

Какъ мы уже говорили выше, онъ еще гораздо раньше обработалъ брошюру о парламентской реформѣ, вышедшую въ 1817 г.; она была такъ хорошо и здраво написана, что реформа, которую торіи провели въ 1869 г., въ существенныхъ чертахъ вполнѣ согласовалась съ проектомъ „атеиста и республиканца“, составленнымъ за 50 лѣтъ до того. Онъ не желалъ ни вводить сразу всеобщую подачу голосовъ, ни отменить королевскую власть и аристократію и весьма часто высказывался противъ всякаго рода поспѣшныхъ перемѣнъ. Его радикализмъ заключался лишь въ томъ, что онъ на 50 лѣтъ опередилъ свое время.

Преслѣдуемый тупоуміемъ, онъ сталъ выпускать одно за другимъ свои стихотворенія свободы, направленные противъ Англіи. Его политическія стихотворенія написаны кровью его сердца. Онъ имѣлъ право называть Кэстлри и Сидмута „двумя волками, ревущими своими пересохшими глотками, двумя змѣями, свернувшимися въ одну“. Не слѣдуетъ забывать, что Кэстлри, Сидмутъ и

Судьба Розалинды служить главнымъ образомъ для изображенія горя, связаннаго съ несчастнымъ бракомъ, особенно для описанія женской зависимости отъ дурного мужа-тирана; чувствуешь въ то же время, какъ Шелли изливаетъ въ стихотвореніи свою скорбь по поводу потери имъ дѣтей. Судьба же Елены является прямымъ намекомъ на преслѣдованія, которымъ подвергался поэтъ за свои философскіе взгляды. Все изложеніе жизни и идей Лיוнеля—чисто автобіографическое описаніе самого поэта. Возможно ли лучше изобразить человѣколюбіе Шелли, чѣмъ въ слѣдующихъ словахъ ¹⁾.

For love and life in him wer twins,
Born at one birth. In every other,
First life, then love, its course begins,
Thought they be children of one mother.

(„Для него любовь и жизнь были два близнеца, родившіеся одновременно. Для всякаго же другого сначала начинается жизнь, затѣмъ любовь, хотя они дѣти одной матери“).

Молодой, богатый, знатнаго происхожденія, онъ съ горячимъ воодушевленіемъ вступаетъ въ ряды тѣхъ, которые во времена революціи хотѣли освободить человѣчскій родъ отъ владычества догматовъ. Его окружающіе напрасно стараются догадаться, какую цѣль онъ при этомъ преслѣдуетъ:

If he seeks Fame, Fame never crowned
The champion of a trampled creed:
If he seeks Power is enthroned
'Mid ancient rights and wrongs, to feed
Which hungry wolves with praise and spoil
Those who would sit near Power must toil.

(„Если онъ ищетъ славы, — слава никогда не увѣнчивала борцовъ за поправную вѣру; если онъ ищетъ власти, то власть возсѣдаетъ на престолѣ среди древнихъ правъ и несправедливостей, чтобы кормить ими голодныхъ волковъ, которымъ сидящіе у кормила власти должны всячески льстить и подслуживаться“).

Вскорѣ враги заключаютъ его въ темницу и онъ проводитъ долгое время въ одиночествѣ, въ разлукѣ со своей милой. Затѣмъ онъ опять встрѣчаетъ свою возлюбленную и они подъ звѣзднымъ небомъ празднуютъ свою свадьбу.

Розалинда и Елена—стихотвореніе, написанное, повидимому, подъ влияніемъ глубокаго отчаянія; ни въ одномъ Шелли не заходилъ такъ далеко въ своей борьбѣ съ пережитками старины. Мы уже видѣли раньше, что одною изъ любимыхъ темъ поэтическихъ произведеній начала столѣтія было утвержденіе, что отвращеніе къ кровосмѣшенію основано на предразсудкѣ. Какъ въ Розалиндѣ и Еленѣ, такъ и въ Возстаніи Ислама, герой и героиня

¹⁾ Shelley, 175.

котораго только по настоящему требованію издателя перестали быть братомъ и сестрою, Шелли съ большимъ краснорѣчіемъ разрабатываетъ этотъ злосчастный, сильно занимавшій и Байрона парадоксъ, который впоследствии послужилъ поводомъ для самыхъ нелѣпыхъ и возмутительныхъ нападокъ на память послѣдняго.

Въ 1820 г. начался грандіозный и скандальный процессъ о разводѣ, о которомъ мы упоминали выше. 8 апрѣля 1798 г. принцъ-регентъ, обязанный жениться въ качествѣ наслѣдника престола, вступилъ въ бракъ съ 28-лѣтней Каролиной Брауншвейгской. Но онъ такъ мало торжественно отнесся къ этому дѣлу, что уже при первомъ свиданіи въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ, когда принцесса стала передъ нимъ на колѣни, онъ закричалъ послу Мальмсбери: „Гаррисъ! Достаньте мнѣ стаканъ водки! я чувствую себя не совсѣмъ хорошо“! Когда Мальмсбери спросилъ, не предпочтительнѣе ли принести въ такомъ случаѣ стаканъ воды,—принцъ выбѣжалъ съ проклятіями изъ комнаты, не сказавши ни слова своей невѣстѣ. На свадьбѣ онъ былъ пьянъ, икалъ непрестанно все время вѣнчанія. Весьма скоро онъ сталъ показывать принцессѣ не только полное равнодушіе и пренебреженіе, вступая въ связь съ безчисленнымъ количествомъ женщинъ, но и самую безграничную грубость; онъ приказывалъ ее запираить, окружалъ ее шпионами и по ложному обвиненію отнял у нея ея дочь, что подало поводъ къ постояннымъ скандаламъ при дворѣ. Правда, и поведеніе принцессы не долго оставалось безупречнымъ. Сначала она была только неосторожна, но въ болѣе зрѣломъ возрастѣ стала искать себѣ утѣшенія, при чемъ не всегда достойнымъ образомъ; такъ, мы застаемъ ее въ 50 лѣтъ путешествующею по Европѣ со своимъ курьеромъ и камергеромъ, бывшимъ камердинеромъ Бергами, итальянскимъ Рюи-Блазомъ, котораго она возводитъ во всевозможныя званія, засыпаетъ орденами и нѣжно любитъ.

Когда принцесса послѣ вступленія принца-регента на престолъ вернулась обратно въ Англію, чтобы, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, занять мѣсто королевы, жалкій, достойный презрѣнія государь рѣшилъ воспользоваться тѣмъ, что онъ зналъ о поведеніи своей супруги черезъ посредство платныхъ шпионовъ, чтобы получить разводъ. Въ верхнюю палату внесено было обвиненіе противъ королевы въ супружеской невѣрности. И тогда-то началась, при крикахъ негодованія англійскаго народа, высадка на берегъ Англіи цѣлыхъ судовъ иностранныхъ кельнеровъ и слуганокъ, вызванныхъ для свидѣтельства противъ королевы. Трудно себѣ представить что нибудь неприличнѣе этого процесса ¹⁾. Цѣлый рядъ

¹⁾ The trial at large of her Majesty Caroline Amelia Elisabeth Queen of Great Britain in the house of Lords on charges of adulterous intercourse. London 1821, 2 m. „Въ Карльсруэ ея величество застали однажды въ комнатѣ Бергами; она сидѣла на его кровати, а онъ лежалъ въ постели, обвивъ руками шею ея величества. Ее увидѣла въ этомъ удивительномъ положеніи одна изъ *femmes de chambre*, проходившая случайно по комнатѣ... На кровати найдена была мантилія, которую видѣли затѣмъ на ея величествѣ; а на постели

разслѣдованій относительно того, гдѣ находилась спальня, гдѣ стояла постель, относительно того, въ какихъ костюмахъ заставляли совмѣстно королеву и ея камергера, наполняли ежедневно столбцы англійскихъ газетъ,—пока обвиненіе не было, наконецъ, взято назадъ, отчасти въ виду недостаточности уликъ, отчасти въ виду того, что презрѣніе къ королю, какъ къ виновнику этого скандала, достигло апогея.

По поводу этого процесса Шелли написалъ свою прелестную сатиру Эдипъ тиранъ или Тиранъ съ опухшею ногою, т. е. тиранъ-подагрикъ; это — попытка Шелли создать политическую комедію, которая удалась ему почти столько же, какъ Политическая дѣтская Пруца. Дѣйствіе происходитъ въ Беотіи. Народъ, называющій себя Bulls (т. е. Джонами Буллами), а также Туге, выступаетъ здѣсь въ образѣ свиней. Англійскій духъ, его сущность и сила обозначаются, какъ свинство и тонъ стихотворенія иллюстрируется слѣдующимъ отрывкомъ: ¹⁾

The taxes, that true source of piggishness
(How can I fend a more appropriate term
To include religion, moral, peace and plenty,
And all that fit Baeotia as a nation
To teach the other 'nations how to live?)
Increase with piggishness itself.

(„Налоги, этотъ истинный источникъ всякаго свинства (какъ мнѣ найти болѣе подходящее выраженіе для воплощенія въ одномъ словѣ религіи, морали, мира и изобилія, и всего, что дѣлаетъ изъ Беотіи націю, поучающую другихъ, какъ слѣдуетъ жить?), возрастаютъ вмѣстѣ съ самимъ свинствомъ“).

остались также нѣкоторые слѣды, замѣченные однимъ изъ слугъ. Не распространяясь дальше объ этомъ предметѣ, онъ надѣется, что ихъ лордства поймутъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать (т. I, 145, ср. II, 487).

— Въ какомъ состояніи находилось платье Бергами, когда вы увидѣли его проходящимъ черезъ спальню ея королевскаго высочества?

— Онъ былъ раздѣтъ.

— Когда вы говорите, что онъ былъ раздѣтъ, что вы хотите этимъ сказать? Что было на немъ?

— Онъ былъ совсѣмъ раздѣтъ (т. I, 484; сравн. т. II, 435).

12-го этого мѣсяца она пріѣхала въ Салону... Во внутренней комнатѣ, занимаемой ея величествомъ, поставлена была широкая кровать; внѣшняя, предназначенная для Бергами, была совсѣмъ безъ кровати. Не было возможности пройти къ кровати во внутренней комнатѣ иначе, какъ черезъ комнату Бергами. Было доказано, что послѣ ночи, проведенной ея величествомъ въ этой кровати, по состоянію постели было видно, что въ ней спало двое человѣкъ. Былъ только одинъ проходъ въ спальню ея величества: онъ велъ черезъ комнату Бергами, а въ его комнатѣ не было кровати (т. I, 136).

¹⁾ Shelley, 351.

Лицемѣріе коронованнаго супруга, нахальное выдвиганіе впередъ королевою своей невинности, лганье Кэстльри и Сидмота,—все подвергнуто остроумной сатирѣ, попадающей не въ бровь, а въ глазъ.

Но не для того былъ созданъ геній Шелли, чтобы надолго удовлетвориться насмѣшками надъ карикатурными явленіями своего времени. Его свободный, порывающійся въ высь умъ былъ болѣе всякаго другого пригоденъ для изображенія въ лучезарномъ сіяніи идеала свободы своего вѣка и для того, чтобы заставить его проникнуть въ сознаніе своихъ современниковъ.

Съ юношескихъ лѣтъ всѣ стремленія Шелли клонились въ сущности къ этому. Онъ писалъ сначала большія музыкальныя, но къ несчастью безформенныя стихотворенія, заключающія въ себѣ протесты противъ несправедливостей правителей и рабскаго духа судей, противъ возмутительнаго характера принудительныхъ браковъ, противъ безобразія, вытекающаго изъ лишенія женщинъ права пріобрѣтать личную собственность, противъ жестокости въ убіеніи животныхъ,—однимъ словомъ, протестъ противъ всѣхъ видовъ притѣсненій и нетерпимости; цѣлью этихъ произведеній было преобразовать человѣчество и научить его, какими средствами можетъ оно устранивать причины своихъ несчастій и достигнуть положенія, которое, по сравненію съ современнымъ, могло бы съ полнымъ правомъ быть названо золотымъ вѣкомъ.

Какъ онъ самъ наивно выражался, онъ пылалъ „страстью къ преобразованію міра“. Не смотря на свое отвращеніе къ дидактической поэзіи, его цѣлью, какъ писалъ онъ въ предисловіи къ Возстанію Ислама, было пробудить въ читателѣ благородныя чувства, возбудить въ немъ горячую жажду совершенствованія.

„Паническій ужасъ“, говоритъ Шелли, „охватившій, точно зараза, всѣ классы общества подъ вліяніемъ крайностей революціи, начинаетъ мало-по-малу уступать мѣсто здравому смыслу. Перестали уже вѣрить, что цѣлое поколѣніе человѣчества должно довольствоваться перешедшимъ къ нему по наслѣдію невѣжествомъ и злополучіемъ только потому, что одинъ народъ, жившій цѣлыя столѣтія въ состояніи обманываемаго, въ состояніи рабства, оказался не въ силахъ управлять собою съ мудростью и спокойствіемъ свободныхъ людей, какъ только нѣкоторыя изъ его оковъ были сняты. Если бы революція оказалась удачною во всѣхъ отношеніяхъ, тогда бурное управленіе и предрасудки утратили бы значительную часть своихъ правъ на наше отвращеніе къ нимъ. Тогда налагаемыя ими оковы могли бы быть сброшены самымъ слабымъ движеніемъ пальцевъ плѣнника, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они вонзаются въ самую нашу душу, отравляя ее своимъ ядомъ“.

И вотъ, Шелли задался мыслью выяснить въ яркихъ образахъ принципы революціи. Его пѣснь обратилась въ проповѣдь, его фантазія стала служить для изложенія не его наблюденій, а его желаній.

Между тѣмъ, согласно основному воззрѣнію Шелли, фантазія является въ дѣйствительности преобразовательною способностью. Тотъ человѣкъ, котораго

невѣжды ругали матеріалистомъ, не напрасно обучался въ школѣ Юма и Берклея: онъ воспринялъ у нихъ самыя крайнія ихъ идеалистическія ученія. Для него все было только идеєю; предметы представлялись ему слоями идей, вселенная—грандіозною соединенною массою старыхъ, загложшихъ идей, образовъ и представлений. Вотъ почему именно тотъ поэтъ, специальность и задача котораго заключаются въ томъ, чтобы создавать новые образы такого рода, которые производятъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на другихъ, реформируетъ міръ. Фантазія, говоритъ Шелли, есть та способность, отъ которой зависитъ всякій прогрессъ, даже самый ничтожный. Поэтъ выступаетъ истиннымъ реформаторомъ, либо пуская вновь съ кротостью въ ходъ загложшія были идеи, либо судорожною силою разрушая кору привычекъ, наросшую на традиціонныхъ представленіяхъ.

При философскихъ наклонностяхъ, лишенныхъ исторической основы, какія Шелли проявлялъ въ юношескомъ возрастѣ, онъ въ тотъ единственный періодъ своей жизни, который является у него дѣльнымъ—періодъ Ченчи—не обосновывалъ свои реформаторскія воззрѣнія ни временемъ, ни пространствомъ, потому что его желанія не имѣли ничего общаго съ историческою дѣйствительностью. Но если его дѣйствующія лица лишены такимъ образомъ реальности, если имъ недостаетъ нѣкоторыхъ существенныхъ качествъ, которыя могутъ быть приданы только историческими и мѣстными отношеніями, за то качества, которыми они обладаютъ, являются преимущественно коренными, основными чертами человѣчества. И при созданіи характеровъ Шелли обращается къ первобытной исторіи. Его дѣйствующія лица полу-мифическія личности, гигантскія и неопредѣленныя по объему, одухотворенныя существа; никакіе обыкновенные человѣческіе интересы не могутъ быть связаны съ ними, потому что „фабула“, на которой сосредоточивается при чтеніи интересъ болѣе низменныхъ умовъ, оставалась безъ вниманія Шелли, относившагося къ ней съ пренебреженіемъ. Этимъ объясняется его полная недоступность для толпы. Между тѣмъ какъ Вальтеръ Скоттъ будетъ во все времена находить себѣ читателей среди лицъ, умѣющихъ читать, Шелли будетъ всегда поэтомъ немногихъ избранныхъ.

Для того, чтобы достигнуть въ поэзіи наибольшей высоты, Шелли нуждался только въ одномъ—въ нахожденіи сюжетовъ, соответствующихъ способностямъ. Эта сторона его дарованія была чисто греческая; и вообще Шелли характеромъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, всемъ развитіемъ своей фантазіи и своего мышленія былъ грекомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. „Мы все греки“,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Эти слова относятся къ нему.

Но такое отношеніе, какое обнаруживалъ Шелли къ явленіямъ природы, къ богамъ и героямъ, замѣчается только въ самой ранней греческой поэзіи. Поэтому Шелли можно и должно сравнивать только съ древнѣйшими греческими поэтами. Подобно тому, какъ его лирика напоминаетъ гомеровскіе гимны, а его политическія комедіи,—какъ по своей безпощадной сатирѣ, такъ и по своему лирическому полету—могутъ быть поставлены наравнѣ съ аристофановскими комедіями,

которымъ онъ ни въ чемъ не уступаетъ,—въ серьезной драмѣ онъ долженъ быть признанъ соперникомъ Эсхилла. Его Раскованный Прометей составляетъ современное pendant къ Скованному Прометею Эсхилла, а его Эллада, предсказаніе будущей побѣды Греціи, современное pendant къ Персамъ Эсхилла.

Мы остановимся только на Прометее. Это грандіозное произведеніе представляетъ вѣнецъ поэзіи свободы Шелли. Въ немъ Шелли сдѣлалъ впервые удачную попытку—изобразить господствующій типъ своего времени. Много типовъ носилось у него въ головѣ—Юва, затѣмъ Тассо, которые одновременно занимали фантазію Байрона и Гете. Но онъ остановился на Прометее. Надъ современною имъ англійскою поэзіею озеръ и равнинъ возвышаются Байроновскія Альпы съ его Манфредомъ, и Шеллиевскій Кавказъ съ его Прометеемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началось въ дѣйствительности освобожденіе человѣческаго ума, этотъ типъ занималъ всехъ великихъ поэтовъ. Онъ въ началѣ XIX вѣка воскресъ въ умахъ Гете, Байрона и Шелли. Восхитительное стихотвореніе Гете изображаетъ оторванный отъ боговъ человѣческій умъ въ его трудахъ и его художественномъ творчествѣ, гордящимся хижинкою, которую построилъ онъ, а не богъ, создающимъ людей по своему подобию. Гетевскій Прометей—Прометей творящій, свободный. Байроновскіе суровые, краткіе, полные огня стихи описываютъ мученика, страдающаго съ сжатыми зубами,—мученика, у котораго никакія мученія не въ состояніи исторгнуть признанія и который считаетъ вышею для себя честью, чтобы никто не подозрѣвалъ его мученій; этотъ титанъ никогда не позволилъ бы, такъ, какъ древній Прометей, дочерямъ океана утѣшать себя, и никогда не жаловался бы имъ на свою судьбу. Байроновскій Прометей—Прометей борящійся, гордый и скованный.

Но Прометей Шелли не похожъ ни на одного изъ нихъ. Это—благотворящій человѣческій духъ, воюющій съ злымъ началомъ, долгое время притѣсняемый имъ, и не только имъ, но и всеми другими существами, даже добрыми, которые одурочены и воображаютъ, будто зло—необходимо и спасительно: это духъ, который только на время можетъ быть запертъ и скованъ, но который въ одинъ прекрасный день къ радости вселенной освободится,—побѣдоносный, раскованный Прометей, привѣтствованный единогласно радостнымъ гимномъ всехъ небесныхъ тѣлъ.

Онъ во время своихъ страданій совершенно спокоенъ, такъ какъ знаетъ, что господство Юпитера не болѣе и не менѣе, какъ извѣстный періодъ въ міровой жизни. Поэтому онъ не хочетъ мѣнять мрачную бездну, въ которой томится, на сладострастное веселіе при дворѣ Юпитера. Когда фурии хохочутъ, глядя въ его никогда не закрывающіе сна глаза, онъ отвѣчаетъ: „I weigh not what ye do, but what ye suffer, being evil“¹⁾ (я принимаю въ соображеніе не то, что вы

¹⁾ Shelley, 213.

дѣлаете, но то, какъ вы должны страдать, будучи такими злыми). На сколько иначе отвѣтилъ бы Байроновскій Прометей! Этотъ—воплощенная любовь,—любовь къ своимъ врагамъ, къ людямъ. Онъ вспоминаетъ въ мукахъ о своей невѣстѣ, „who, when my being overflowed, wert like a golden chalice to bright wine“ (которая, когда я не въ состояніи былъ сдерживать своихъ чувствъ, походила на золотую чашу для благороднаго вина¹⁾). Азія—любящая титанъ природы. Она—дети свѣта, живое воплощеніе пламени любви; уста ея, какъ пость Пактея, своею любовью воспламеняютъ проходящее черезъ нихъ дыханіе, между тѣмъ какъ ея улыбка обращаетъ въ огонь холодный воздухъ.

Когда наступаетъ конецъ эпохъ мученій и несправедливостей, трусливый, всѣми презираемый Юпитеръ низвергается въ бездну, жалобно умоляя Прометея помиловать его. Настаетъ вѣкъ Прометея, и воздухъ обращается въ океанъ вѣчныхъ, чудныхъ мелодій любви: тажловѣсная, глухая радость земли высказывается попеременно съ увлекательнымъ ликующимъ пѣніемъ мѣсяца, пока все не сливается въ общій радостный гимнъ, котораго и Бетховенъ не превзошелъ по красотѣ въ финалѣ своей девятой симфоніи.

Мы здѣсь можемъ только упомянуть о томъ, какимъ образомъ Шелли, соперничавъ съ Эсхилломъ, выступилъ по пути, проложенному Шекспиромъ, и, сдѣлавъ внезапно прыжокъ въ историческую дѣйствительность, далъ Англіи, даже по свидѣтельству Байрона, лучшую трагедію изъ всѣхъ, появившихся въ ней послѣ Шекспира. Ченчи напоминаетъ нѣсколько такіхъ пьесъ Шекспира какъ *Мѣра за мѣру*, хотя Шекспиръ не питалъ никогда той пылкой ненависти къ тираніи, которая вдохновила эту драму.

Имя Беатриче Ченчи служитъ для римлянъ и въ настоящее время великимъ символомъ свободы. Молодая дѣвушка, защищавшая свою честь противъ своего страшнаго отца, насилія котораго поддерживались косвеннымъ образомъ безправственностью папъ и всѣхъ властей, и теперь представляется римлянамъ окруженною двойнымъ ореоломъ: героини и мученицы. Какъ только среди гнета папства показывался на горизонтѣ хоть слабый лучъ свѣта, немедленно всплывали въ Римѣ ея имя и ея образъ. Шелли всецѣло погрузился въ исторію и забылъ всѣ теоріи. Но что особенно поражало его въ этомъ трагическомъ столкновеніи,—это глубокій разрывъ съ традиционнымъ нравственнымъ ученіемъ, сдѣлавшійся необходимымъ, благодаря преступленію отца. Беатриче говоритъ:²⁾

Thou great God,
Whose image upon earth the father is,
Dost thou indeed abandon me?

(„О, великій Боже, образомъ котораго на землѣ является отецъ! неужели ты покинулъ меня?“).

¹⁾ Shelley, 221.

²⁾ Shelley, 298.

А когда ее спрашиваютъ: „виновна ли ты въ смерти отца?“—она отвѣчаетъ:¹⁾

Or wilt thou rather tax high-judging God
That he permitted such an act as that
Which I have suffered, and which he beheld;
Made it unutterable, and took from it
All refuge, all revenge, all consequence,
But that which thou hast called my father's death?

(„Или ты скорѣе предпочтешь винить высшаго судью, Бога, за то, что онъ допустилъ такое дѣяніе, какъ то, которое я вынесла, и которое онъ созерцалъ? за то, что онъ сдѣлалъ это дѣяніе не выразимымъ на словахъ и не оставилъ мнѣ никакого другого отмщенія, ничего, кромѣ того, что ты называешь убійствомъ моего отца?“).

А передъ скамьею пытки она говоритъ:²⁾

My pangs are of the mind and of the heart
And of the soul: ay, of the inmost soul,
Which weeps within tears as of burning gall
To see, in this ill world where none are true,
My kindred false to their deserted selves;
Mend which considering all the wretched life
Which I have lived, and its now wretched end;
And the small justice shown by Heaven and Earth
To or mine; and what a tyrant thou art,
And what slaves these; and what a world me make,
The oppressor and the oppressed...

(„Мои страданія—страданія ума, сердца и души... Ахъ! это страданія святая святыхъ моей души, которая плачетъ горькими, какъ желчь, слезами при видѣ того, что въ этомъ зломъ свѣтѣ, гдѣ отсутствуетъ правда, мои родные измѣняютъ своимъ. И если принять во вниманіе всю мою жалкую жизнь и ея печальный теперь конецъ, и недостатокъ справедливости, выказанный Небомъ и Землею по отношенію ко мнѣ и моимъ, и то, какой ты тиранъ и какіе рабы всѣ остальные, и какой странный свѣтъ образуемъ мы, угнетатели и угнетаемые, то...“).

Очевидно, что именно соединеніе въ Беатриче энергіи и доброты и привлекло къ ней главнымъ образомъ вниманіе Шелли. Въ минуту смерти, когда ее охватываетъ ужасъ при мысли о возможности встрѣтить отца послѣ смерти подъ землею или на небѣ, Беатриче восклицаетъ:³⁾

¹⁾ Shelley, 316.

²⁾ Shelley, 316.

³⁾ Shelley, 319.

. If here should be
 No God, no heaven, no earth, in the vord world,
 The wide, grey, lampless, deep, unpeopled world!
 If all things then should be my father's spirit,
 His eye, his voice, his touch, surrounding me,
 The atmosphere and breath of my dead life!
 If sometimes, as a shape more like himself,
 Even the form which tortured me on earth,
 Masked in grey hairs and wrinkles, he should come,
 And wind me in his hellish arms, and fix
 His eyes on mine, and drag me down, down, down!
 For was he not alone omnipotent
 On earth, and ever present? Even though dead
 Does not his spirit live in all that breathe,
 And work for me and mine still the same ruin,
 Scorn, pain, despair? Who ever yeh returned
 It teach the laws of Death's untrodden realm?
 Unjust perhaps as those which drive us now,
 Oh whither, whither?

(Если нѣтъ ни Бога, ни неба, ни земли въ обширномъ мірѣ, пустомъ, сѣ-
 ромъ, безпривѣтномъ, глубокомъ, необитаемомъ мірѣ! Если всюду будетъ только
 одинъ духъ моего отца, если его глаза, его голосъ, его прикосновеніе будутъ
 всюду окружать меня, составляя атмосферу и дыханіе моей загробной жизни!
 Если онъ иногда, принявъ болѣе похожій на себя образъ, тотъ образъ, который
 мучилъ меня на землѣ и, замаскировавшись сѣдыми волосами и морщинами, бу-
 детъ приходить ко мнѣ, обвивать меня своими адскими объятіями, устремлять
 свои взоры въ мои, увлекать меня все внизъ, внизъ и внизъ! Потому что развѣ
 не онъ одинъ былъ всемогущъ на землѣ и вездѣсущъ? Развѣ даже теперь, когда
 онъ мертвъ, его духъ не живетъ во всемъ, что дышетъ, не создаетъ для меня
 и моихъ тѣ же бѣдствія, позоръ, страданіе, отчаяніе? Кто возвращался когда-
 либо, чтобы преподать намъ законы недоступнаго для живого царства смерти?
 Быть можетъ, они такъ же несправедливы, какъ и тѣ, которые влекутъ насъ
 теперь внизъ, внизъ и внизъ?).

Объ этомъ самомъ зрѣломъ и наилучше скомпонованномъ сочиненіи Шелли
Literary Gazette выражается слѣдующимъ образомъ: „Ченчи наиболѣе
 возмутительное произведеніе нашего времени и создано, повидимому, настоящимъ
 діаволомъ“. Критикъ надѣется дальше, что ему никогда больше не попадется въ
 руки книга, „до такой степени запечатлѣнная грязью, безбожіемъ и мерзостью“.

Эти нападки поразили Шелли въ самое сердце. Онъ думалъ, что создалъ
 на этотъ разъ самое лучшее свое произведеніе. Нельзя сказать, чтобы онъ палъ

духомъ, но онъ утратилъ всякое желаніе производить. Въ два послѣдніе года
 своей жизни онъ не выпустилъ ни одной крупной работы. Онъ пишетъ въ но-
 ябрѣ 1820 г.: „Несомнѣнно, что пріемъ, оказанный мнѣ читающею публикою,
 можетъ уничтожить воодушевленіе у любого человѣка“. Его послѣднія письма
 наполнены замѣчаніями о своихъ критикахъ:

Апрель 1819 г.: „Что касается рецензій, то я нахожу, что въ нихъ заклю-
 чается одна только брань, и что онѣ недостаточно прочувствованы и недоста-
 точно честны, чтобы заинтересовать меня“.

Мартъ 1820 г.: „Если въ которой либо изъ критикъ будетъ заключаться
 хорошая на меня брань,—пожалуйста, вырѣжь и пришли мнѣ. Если онѣ будутъ
 хвалить меня, можешь не затруднять себя. Стыжусь при мысли, что могу заслу-
 жить отъ нихъ хотя бы малѣйшую похвалу. Лъшу себя надеждою, что онѣ обя-
 заны приносить мнѣ только дань перваго рода...“

Въ 1821 г. онъ пишетъ посвященное Китсу стихотвореніе съ ужасными
 нападками на того критика, котораго винили въ смерти поэта ¹⁾:

Hot shame shall burn upon thy seiret brow,
 And like a beaten hound tremble thou shalt.

(Горячая краска стыда будетъ горѣть на твоємъ челѣ, и ты будешь дро-
 жать, какъ избитая собака).

Июнь 1821 г.: „Я слышалъ, что ругательства, которыя позволяютъ себѣ
 относительно меня, превосходить всякую мѣру. Прошу тебя, какъ только найдешь
 какую-либо оскорбительную статью, немедленно присылай мнѣ. До сихъ поръ я
 относился ко всему этому слегка. Но горе негодяямъ, если они меня выведутъ
 изъ состоянія равновѣсія! Я узналъ, что мой клеветникъ въ *Quarterly Review*
 достопочтенный г. Мильманъ. У пасторовъ свои привилегіи“.

Августъ 1821 г.: „Я ничего не пишу и, по всей вѣроятности, ничего боль-
 ше не напишу“.

Когда Байрона такимъ-же точно образомъ терзали его враги, онъ останавли-
 вался на одну минуту въ своей работѣ и показывалъ самъ львиныя когти. Но съ
 Шелли произошло иное. То, что онъ напечаталъ въ *Peter Bell the Third* про-
 тивъ своихъ критиковъ,—игривая шутка сравнительно съ кровавымъ издѣватель-
 ствомъ Байрона надъ Соути и другими. Всякій разъ, когда Шелли выступалъ, ли-
 тературные гады и пресмыкающіяся кишѣли у него подъ ногами. Они жалили
 его въ пятки. Онъ не могъ раздавить ихъ головъ, потому что у подобнаго рода
 существъ, по словамъ Свинбурна, головы слишкомъ маленькія, чтобы воз-
 можно было различить ихъ и раздавить. Кромѣ того, Байронъ своими поэтичес-
 кими произведеніями приобрѣлъ себѣ въ Европѣ тысячи друзей и почитателей;
 онъ дѣлилъ Парнасъ съ Гете и началъ накладывать отпечатокъ своего духа на

¹⁾ Shelley, 393.

произведенія материка. Шелли, напротивъ того, слишкомъ опередилъ свое время. Вождь, идущій на двадцать шаговъ впередъ, еще можетъ увлечь за собою толпу; но если онъ будетъ опережать другихъ на тысячу шаговъ, толпа не замѣтитъ его и не послѣдуетъ за нимъ, и первый попавшійся литературный стрѣлокъ можетъ безнаказанно застрѣлить его сзади.

Муръ былъ талантомъ и, въ качествѣ таланта, оказывалъ свое дѣйствіе. Но Шелли не былъ талантомъ, ни крупнымъ, ни малымъ: это былъ геній,—геній пѣснопѣнія, со всею силою генія, но съ слабымъ пониманіемъ дѣйствительности; ему суждено было въ теченіе XIX в. господствовать надъ младшимъ поколѣніемъ англійскихъ поэтовъ! Но онъ не достигъ и двадцатой доли того вліянія, какимъ пользовался надъ своими современниками Муръ, обладавшій только талантомъ. Байронъ былъ поэтомъ индивидуальности, какъ никто до него, и, въ качествѣ таковаго, въ высшей степени эгоистиченъ; онъ не могъ отрѣшиться отъ предразсудковъ и тщеславія такъ, чтобы они не затронули благородныхъ сторонъ его существа. Напротивъ того, Шелли, отличавшійся полнымъ отсутствіемъ себялюбія и тщеславія, всецѣло, безусловно предавался своимъ идеаламъ; онъ развивалъ свое „я“, пока оно не обняло вселенной; но то, что было у него, какъ чловѣка, чисто идеальной добродѣтели, обуславливало и влекло за собою роковой недостатокъ въ его поэзіи,—во всякомъ случаѣ въ группѣ поэтическихъ произведеній, созданныхъ имъ въ первый періодъ его короткой жизни. Этотъ совершенно неэгоистичный поэтъ не умѣлъ ограничивать себя извѣстными предѣлами. Долгіе годы въ немъ отсутствовало ясное пониманіе формы, необходимое для созданія крупныхъ цѣльныхъ произведеній. Поэтому при первомъ своемъ появленіи на поэтическую арену, онъ споткнулся на порогѣ, а нужно нѣчто болѣе, чѣмъ геній, чтобы читающій міръ забылъ о такомъ дебютѣ. Его Возстаніе Ислама, не смотря на нѣкоторыя прекрасныя сцены и подробности,—неопредѣленное, безформенное произведеніе, парящее въ воздухѣ. Кромѣ того, это стихотвореніе съ своими тѣне-подобными безкровными дѣйствующими лицами до такой степени растянута и длинна, что прочесть его до конца,—трудная задача, разрѣшенная лишь немногими читателями. Пока Шелли не написалъ Ченчи, онъ, повидимому, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о той безконечной привлекательности и о томъ громадномъ значеніи, какими обладаетъ все индивидуальное, своеобразное въ отдѣльномъ чловѣкѣ. Даже Прометей и Азія, въ качествѣ типовъ, обнаруживаютъ недостатокъ индивидуальныхъ особенностей; ихъ имена—только надписи надъ прекраснѣйшей лирикой, когда-либо появлявшейся въ Англіи. Ченчи показываютъ ясно, что Шелли могъ еще развить въ себѣ все, чего ему не доставало въ этомъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, онъ сошелъ со сцены раньше, чѣмъ успѣлъ выполнить внушенные имъ блестящія надежды и раньше, чѣмъ его современники успѣли замѣтить, насколько онъ дорогъ имъ. И хотя его мелкія лирическія стихотворенія превосходятъ по свѣжести, естественности и поэтической прелести все, созданное XIX в. въ лирической формѣ,

но и они не могли повліять на современный Шелли читающій міръ, такъ какъ лучшія изъ нихъ были напечатаны только послѣ его смерти.

Поэтому, онъ такъ же мало, какъ Муръ и Лэндоръ, способенъ былъ произвести тотъ переворотъ въ общественномъ сознаніи, въ какомъ Европа нуждалась и котораго она ожидала. Чтобы выполнить грубую и геркулесовскую работу—потрясти до основанія политическое и религіозное сознаніе Европы, пробудить спящихъ и низвергнуть торжествующихъ въ бездну осмѣянія,—требовался поэтъ, который былъ бы настолько индивидуальнымъ, насколько Шелли былъ всеобъемлющимъ, настолько рѣзкимъ въ своихъ сатирическихъ выходкахъ, насколько Шелли былъ гармониченъ и граціозенъ. Требовался умъ, который могъ-бы пробудить интересъ современниковъ въ равной степени какъ своими пороками, такъ и своими добродѣтелями, какъ своими прекрасными качествами, такъ и своими недостатками. Инструментомъ у Шелли была благородная скрипка; требовался рогъ, чтобы очистить воздухъ и подать сигналъ къ борьбѣ.

Теперь остается разсказать лишь немного о жизни Шелли: его послѣдняя поѣздка изъ Ливорно въ Леричи, когда его настигла непредвидѣнная буря и онъ больше не вернулся домой живымъ,—долгіе дни, которые его жена провела въ ужасномъ страхѣ, разыскивая его по итальянскому побережью,—наконецъ, находка неузнаваемого трупа. Издано было постановленіе,¹⁾ чтобы все, выбрасываемое съ моря на берегъ, предавалось сожженію. Байронъ воспользовался этимъ, чтобы устроить для Шелли греко-языческіе похороны, соответствующія его характеру. Костеръ полили благоуханіями, виномъ, оливковымъ масломъ и посыпали солью, какъ въ древней Элладѣ. Это былъ прекрасный день и великолѣпное зрѣлище—спокойное море и Аппенины въ глубинѣ. Маленькая птичка кружилась надъ костромъ, такъ что ее никакъ не могли отогнать. Пламя подымалась вверхъ съ золотистымъ отблескомъ. Тѣло было сожжено, но, къ удивленію всѣхъ, сердце осталось невредимымъ и Трелауни выхватилъ эту реликвию изъ пылающаго костра, при чемъ обжегъ себѣ руку. Пепелъ зарыли въ землю у подножія пирамиды Цесты въ Римѣ, гдѣ Шелли любилъ отдыхать.

Тотъ чловѣкъ, который предалъ огню тѣло Шелли, принялъ и его духовное наслѣдство. Мы встрѣчаемъ его имя на каждой страницѣ исторіи XIX в. Мы видѣли, какъ Вордсвортъ, Кольриджъ и Скоттъ готовили его, какъ Соути его ненавидѣлъ, а Лэндоръ не понималъ, какъ Муръ его любилъ, какъ Шелли восхищался имъ, подчиняясь его вліянію, и какъ онъ воспѣвалъ его. Онъ занимаетъ мѣсто въ жизни всѣхъ выдающихся поэтовъ своего времени. Въ дѣйствительности онъ именно придаетъ поэтической литературѣ XIX в. ея окончательный и рѣзкій отпечатокъ.

¹⁾ Изъ боязни чумы.

XVII.

Когда мы входимъ въ музей Торвальдсена, первое скульптурное произведение, бросающееся намъ въ глаза съ правой стороны,—мраморный бюстъ, изображающій красиваго молодого человѣка съ изящными и благородными чертами лица и съ вьющимися волосами—бюстъ лорда Байрона. Мы находимъ далѣе такой же бюстъ, только изъ гипса, въ залѣ XII, а статуя, для которой онъ послужилъ моделью послѣ смерти Байрона, помѣщается въ залѣ XIII. Если мы станемъ передъ бюстомъ, который безъ всякаго сравненія выразительнѣе другихъ статуй, мы прежде всего получимъ впечатлѣніе изящной и благородной красоты; въ слѣдующую затѣмъ минуту мы будемъ поражены выраженіемъ жизни, отличающимъ его, и выказывающимся главнымъ образомъ какъ бы въ безпокойномъ подергиваніи лба; намъ кажется, будто на этомъ лбу ложатся тучи, изъ которыхъ должна сейчасъ вылетѣть молнія; что-то грозное, повелительное видѣется на этомъ челѣ и въ этомъ взорѣ. Кажется, что этому человѣку невозможно противостоять.

Если принять во вниманіе глубокую разницу между характерами Торвальдсена и Байрона, если вспомнить, что Торвальдсенъ не читалъ, навѣрное, никогда и одной строчки, написанной англійскимъ поэтомъ, и если звать при этомъ, что Байронъ выказалъ себя передъ Торвальдсеномъ далеко не съ самой благопріятной своей стороны,—приходится крайне удивляться результатамъ этого сближенія между двумя великими людьми. Бюстъ даетъ, правда, по необходимости слабое и очень неполное, но все же правдивое и прекрасное представленіе объ одной изъ главныхъ сторонъ байроновскаго характера, безконечно чуждой Торвальдсену. Область, въ которой датскій скульпторъ высказываетъ наиболѣе величія, это область идилліи; когда онъ берется за изображеніе вѣзда Александра въ Вавилонѣ,—пастухи, овцы, рыбаки, женщины, дѣти, праздничная обстановка удаются ему гораздо лучше, чѣмъ самъ герой, потому, что героическое составляетъ далеко не въ такой сильной степени его сферу; насколько меньше можетъ быть его сферою воинственный характеръ въ той его сложной и современной формѣ, которую обозначаютъ словомъ „демоническая“! А все же онъ понималъ Байрона. Онъ въ бюстѣ (а не въ статуй) поставилъ ему памятникъ, который, хотя и не удовлетворилъ ни графиню Гвичіоли, ни Мура, достоинъ какъ поэта, такъ и скульптора. Если бы онъ зналъ лично Байрона, произведеніе его вышло бы, навѣрное, еще удачнѣе: въ немъ получились бы тѣ черты чистосердечія и привлекательности, которыя поражали всякаго, хорошо знавшаго Байрона. Теперь же эти черты отсутствовали. Но датскому художнику удалось за мрачнымъ выраженіемъ, которое онъ считалъ нужнымъ придать, проникнуть въ тотъ дѣйствительный, глубоко оригинальный отпечатокъ горя, тревоги, генія благородной и страшной силы, который характеризуетъ этого удивительнаго человѣка.

Это, конечно, тотъ самый Байронъ, извѣстный изъ музея, съ которымъ срослось молодое поколѣніе Даніи. Но относительно бюста рассказывали упорно

анекдотъ, будто Байронъ посѣтилъ мастерскую Торвальдсена и при видѣ своего бюста воскликнулъ: „я хотѣлъ бы быть такимъ несчастнымъ!“¹⁾—и всѣ невольно удивлялись, что такой великій человѣкъ могъ быть такимъ ненатуральнымъ. Такимъ образомъ датчане стали съ самаго начала смотрѣть нѣсколько невѣрно и неправильно на Байрона, а въ теченіе тѣхъ многихъ лѣтъ, которыя прошли со времени его смерти, молодое поколѣніе стало въ подобныя же холодныя къ нему отношенія. Онъ, вѣдь, такъ далекъ отъ того, чтобы сдѣлаться героемъ нашего времени. То, что еще больше его поэтическаго величія привлекало къ нему нашихъ дѣдовъ, бабушекъ и заставляло ихъ преклоняться передъ нимъ, отталкивало, наоборотъ, отъ него современное намъ поколѣніе, именно: образовавшаяся о немъ легенда, вся совокупность преданій, которыми переполнена исторія его жизни, и которыя препятствуютъ намъ видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ: и то, что онъ былъ театральнымъ героемъ, умѣвшимъ такимъ красивымъ, особеннымъ образомъ завязывать галстухъ, что всѣ старались перенимать это искусство, и то, что онъ былъ героемъ романовъ, не разстававшимся со своими пистолетами, героемъ, любовныя похождения котораго пользовались такою же извѣстностью, какъ и его стихи,—наконецъ, то, что онъ былъ аристократомъ, дорожившимъ своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ, между тѣмъ какъ его титулъ пересталъ дѣйствовать импонирующимъ образомъ на потомство, не признающее другой аристократіи, кромѣ аристократіи ума. Кромѣ того, наше практическое время относится съ пренебреженіемъ къ тому типу дѣятелей, къ которому Байронъ то ставилъ себя за честь принадлежать, то въ дѣйствительности принадлежалъ,—къ диллетантамъ.

Онъ считалъ для себя честью то обстоятельство, что онъ занимается искусствомъ не какъ спеціальностью. Его положенія и его стремленія—говорится въ предисловіи къ его первымъ стихотвореніямъ—возбуждали сомнѣніе, что онъ когда-нибудь возьмется за перо. Въ 1814 г. онъ рѣшилъ, будучи въ апогее славы, доставленной ему его первыми поэтическими произведеніями, никогда больше не писать стихотвореній и уничтожить все, что было имъ написано до сихъ поръ. Мѣсяцъ спустя онъ пишетъ Лара, и такъ какъ Джеффеи возражаетъ противъ характера героя, называя его слишкомъ тщательно обработаннымъ, онъ отвѣчаетъ ему (въ письмѣ отъ 1822 г.): „Что хочетъ сказать критикъ подъ словомъ „тщательно обработанный“? Лара была написана въ то время, когда я раздвѣлся въ чаду опьяненія по возвращеніи домой съ баловъ и маскарадовъ въ 1814 г.“ Чувствуешь, какъ онъ настоятельно указываетъ на небрежность въ изложеніи и на вытекающее отсюда отсутствіе плана, потому что онъ прежде всего хочетъ быть свѣтскимъ человѣкомъ, а не поэтомъ по профессіи; онъ хочетъ быть тѣмъ, чѣмъ его способности воспринимались дилетантомъ.

¹⁾ Thiete: Thorvaldsen въ Римѣ, I, 342.

Въ то самое время, какъ онъ старался всѣми силами выказать себя диллетантомъ въ той сферѣ дѣятельности, въ которой онъ никогда не могъ быть имъ, и своимъ образомъ дѣйствій въ этомъ отношеніи непріятно поражаетъ насъ, относясь съ недостаточнымъ уваженіемъ къ своему призванію, онъ, напротивъ того, оказывался, несомнѣнно, диллетантомъ въ той сферѣ дѣятельности, въ которой онъ ни за что не хотѣлъ быть имъ, именно въ качествѣ политика. Какъ много практическаго смысла ни выказывалъ онъ всегда какъ только требовалось какое-либо политическое дѣйствіе, но все же его политика была въ сущности политикою чувствъ и приключеній, принималъ ли онъ участіе въ заговорахъ карбонаріевъ въ Равеннѣ или становился въ качествѣ главнокомандующаго въ главѣ сулюотовъ Миссоленги. Первымъ дѣйствіемъ Байрона послѣ того, какъ онъ отправился въ Грецію, было заказать позолоченные шлемы для себя и своихъ друзей, со своимъ дворянскимъ девизомъ въ видѣ надписи на нихъ. Въ наши дни политикомъ считается тотъ, кто составляетъ себѣ опредѣленные планы дѣйствій, придерживается ихъ и развиваетъ изъ года въ годъ, и, наконецъ, выполняетъ ихъ упорно, безпоощадно, безъ внѣшняго геройскаго аппарата, но съ тонкостью героя.

Наконецъ, весь безконечный рядъ поклонниковъ и подражателей Байрона протиснулся между нимъ и нами, затемнилъ его образъ и извратилъ впечатлѣніе, производимое великимъ покойникомъ. Ему стали приписывать качества этихъ поклонниковъ и возлагать на него отвѣтственность за ихъ ошибки. Когда въ литературѣ наступила реакція противъ тѣхъ, которые плохо, лишь наполовину понимали его, противъ разочарованныхъ, изжитыхъ и таинственныхъ, то она привела къ тому, что и его великое имя было отодвинуто въ сторону вмѣстѣ съ другими, меньшими, вытѣсняемыми съ арены. Между тѣмъ онъ заслужилъ лучшей судьбы.

Джорджъ Гордонъ Байронъ родился 22 января 1788 г. отъ страстной и несчастной матери, которая незадолго до того убѣжала отъ своего грубаго и необузданнаго мужа. Этотъ мужъ, капитанъ Байронъ, служившій нѣкоторое время въ Америкѣ гвардейскимъ офицеромъ, уже въ юности, благодаря своей разнузданной жизни, получилъ большую извѣстность подъ именемъ Джэка Байрона; противъ него возбужденъ былъ процессъ, когда онъ увезъ жену маркиза Кармартена; процессъ кончился разводомъ; онъ женился на маркизѣ, растратилъ все ея состояніе и обращался съ нею такъ дурно, что она нѣсколько лѣтъ спустя умерла отъ горя. Тогда онъ со своею маленькою дочерью Августою вернулся въ Англію и женился, исключительно для исправленія своихъ финансовъ, на богатой шотландской наслѣдницѣ миссъ Катеринѣ Гордонъ, сдѣлавшейся матерью сына, слава котораго и въ настоящее время велика въ мірѣ. Потомъ послѣ свадьбы, капитанъ началъ распоряжаться состояніемъ второй жены совершенно такъ же, какъ и первой, и въ теченіе одного года уменьшилъ его съ 24,000 ф. ст. до 3,000 ф. ст. Тогда жена бросила его во Франціи и родила

въ Лондонѣ своего единственнаго ребенка. Во время родовъ ребенку вывихнули или повредили одну ногу.

Два года спустя мать перѣехала со своимъ сыномъ въ Эбердинъ въ Шотландію, куда послѣдовалъ за ними капитанъ Байронъ въ надеждѣ добыть у жены денегъ для кутежей. Г-жа Байронъ приняла его добродушно, а позже онъ нѣсколько разъ посѣщалъ ее, пока, наконецъ, чтобы избавиться отъ требованій своихъ кредиторовъ, онъ не вернулся во Францію, гдѣ вскорѣ послѣ того умеръ. Когда извѣстіе о его смерти получено было его женою, никогда не перестававшею любить его, она стала испускать такіе страшные вопли, что они слышны были по всей улицѣ.

Такимъ образомъ у обоихъ родителей Байрона, въ различныхъ формахъ и видахъ мы встрѣчаемъ общую характеристическую черту—сильную страстность, соединяющуюся съ большимъ недостаткомъ самообладанія. Если же мы будемъ изслѣдовать характеръ предковъ въ обоихъ родахъ, то мы найдемъ тѣ же черты, которыя въ роду матери проявлялись въ видѣ попытокъ къ самоубійству и самоотравленію, а въ роду отца—въ видѣ то геройской отваги, то необузданной грубости. Дѣдушка Байрона со стороны отца, адмиралъ Джонъ Байронъ, извѣстный подъ именемъ Hardy Byron (отважнаго), принималъ участіе въ морской войнѣ противъ испанцевъ и французовъ, совершалъ путешествія съ цѣлью открытія въ Южное море, совершилъ кругосвѣтное плаваніе и пережилъ множество опасностей и безчисленное количество кораблекрушеній и приключеній; то обстоятельство, что ни одно его путешествіе не обходилось безъ страшныхъ бурь, побудило матросовъ дать ему прозвище Foulweather Jack. Байронъ сравниваетъ свою судьбу съ его. У двоюроднаго дѣда поэта Вильяма родовыя черты выступаютъ въ наиболѣе непривлекательномъ свѣтѣ. Это былъ кутила-мученикъ, главнымъ событіемъ его жизни было убійство имъ послѣ ссоры своего сосѣда Чэворта въ дуэли безъ секундантовъ. Лишь въ качествѣ пэра Англіи онъ избѣжалъ осужденія на смертную казнь и жилъ съ тѣхъ поръ, точно зачумленный, въ своемъ помѣстіи Ньюстэдъ. Его окружающіе ненавидѣли его; его жена развелась съ нимъ; мѣстные жители приписывали ему цѣлый рядъ убійствъ.

Неспокойная кровь текла въ жилахъ поэта. Но эта кровь была въ то же время высоко-аристократическою кровью. Съ материнской стороны онъ былъ сродни Стюартамъ и могъ довести свою родословную до короля Іакова II; съ отцовской стороны онъ происходилъ—со включеніемъ только въ родословное дерево одного незаконнорожденнаго,—обстоятельство, о которомъ самъ Байронъ никогда не упоминалъ,—изъ стариннаго дворянскаго рода, самый древній извѣстный членъ котораго, Радульфъ де-Бурунъ, принималъ участіе въ завоеваніи Англіи норманнами. И такъ какъ вышеупомянутый двоюродный дѣдъ потерялъ своего единственнаго сына, а въ 1794 г. и своего единственнаго внука, то его помѣстье Ньюстэдъ, а вмѣстѣ съ нимъ титулъ и права пэра должны были, по всѣмъ видимостямъ, перейти къ ребенку, котораго дѣдъ никогда не видѣлъ, но котораго называлъ обыкновенно „хромой мальчикъ изъ Эбердина“.

Маленькій хромой мальчикъ выросталъ съ этою перспективою въ виду. Онъ былъ очень гордъ отъ природы и справиться съ нимъ было крайне трудно. Когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькимъ, его однажды побранили за то, что онъ запачкалъ свою блузу; онъ ни слова не отвѣтилъ, но поблѣднѣлъ, какъ смерть, схватился обѣими руками за передъ блузы и въ одномъ изъ своихъ (въ послѣдствіи довольно часто повторявшихся) припадковъ нѣмого бѣшенства разорвалъ блузу въ клочки съ верха до низу. Мать его очень дурно воспитывала: она осыпала ребенка то бранью, то ласками, а иногда упрекала его за зло, нанесенное ей его отцомъ, или за его физическій недостатокъ. Такимъ образомъ она отчасти виновна въ томъ, что этотъ тѣлесный недостатокъ набросилъ мрачную тѣнь на душу маленькаго Джорджа: онъ услышалъ впервые изъ устъ родной матери названіе калѣка. Разнаго рода ортопедическими машинами и бандажами болѣзнь только усиливалась; нога болѣла, и гордый ребенокъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы не выдать своихъ страданій и скрыть затрудненія, испытываемыя имъ при ходьбѣ. Иногда онъ не выносилъ никакихъ намековъ на свой недостатокъ, иногда же самъ называлъ себя хромоношкою.

Не выказывая особеннаго усердія въ школьныхъ занятіяхъ, мальчикъ, какъ только выучился читать, набросился со страстью на историческія книги, въ особенности на описанія путешествій; такимъ образомъ основаніе его влеченія къ востоку было положено еще въ самомъ раннемъ возрастѣ. Онъ самъ говоритъ, что ему не было еще десяти лѣтъ, какъ онъ успѣлъ уже прочесть болѣе шести крупныхъ произведеній о Турціи, кромѣ того—множество описаній путешествій и арабскихъ сказокъ. Въ дѣтствѣ любимымъ его романомъ былъ *Zeluco* Джона Мура, герой котораго, благодаря дурному воспитанію, данному ему матерью послѣ смерти отца, позволяетъ себѣ всевозможныя глупости и въ концѣ концовъ дѣлается „столь же быстро воспламеняющимся, какъ порохъ“. Ребенокъ видѣлъ себя точно въ зеркалѣ въ этомъ героѣ романа, напоминавшемъ Вильяма Ловеля. Въ числѣ особенностей, которымъ суждено было играть выдающуюся роль въ жизни поэта, страстное влеченіе къ другому полу рано проявилось у восприимчиваго ребенка. Ему было всего пять лѣтъ, когда онъ такъ сильно влюбился въ маленькую дѣвочку Мэри Деффъ, что, узнавъ 11 лѣтъ спустя о ея выходѣ замужъ, былъ какъ молніей пораженъ этимъ извѣстіемъ.

Къ гордости, страстности, меланхоліи и фантастическому стремленію къ путешествіямъ присоединилась, въ качествѣ характеристической черты, пламенная любовь къ свободѣ, наивное чистосердечіе, которое еще въ дѣтствѣ проявлялось у того, кому суждено было въ зрѣломъ возрастѣ предпринять борьбу противъ общественнаго лицемерія въ Европѣ. Его надменность была лишь однимъ изъ проявленій его любви къ правдѣ. Однажды няня взяла ребенка въ театръ, чтобы посмотреть на Укрощеніе строптивой, Шекспира. Дошли до того мѣста, когда Петруччіо утверждаетъ, что это лунный свѣтъ, а Катарина, сказавшая, что это солнечный свѣтъ, вынуждена отказаться отъ этого мнѣнія.

Когда затѣмъ Петруччіо, чтобы еще лучше укротить ее, начинаетъ ее бить, маленький Джорджи послѣ реплики: „Какъ ты лжешь! вѣдь это Божіе солнышко!“—приведенный въ негодованіе неправдою, вскочилъ и закричалъ актеру: „А я вамъ говорю, сэръ, что это луна“.

Когда Джорджу исполнилось десять лѣтъ, его двоюродный дядя умеръ. Первымъ движеніемъ ребенка было побѣжать къ матери и спросить, не замѣчаетъ ли она въ немъ какой-нибудь перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался лордомъ. Когда на слѣдующее утро вызывали учениковъ въ школъ и къ его имени при радостныхъ восклицаніяхъ его товарищей прибавили титулъ *Dominus*, это произвело на него такое глубокое впечатлѣніе, что онъ разразился слезами и не въ силахъ былъ произнести обычный отвѣтъ: *Adsum*. Съ раннихъ лѣтъ и очень долгое время величайшую радость доставляли ему триумфы тщеславія. Но чтобы повяты испытываемыя имъ душевныя волненія, надо принять во вниманіе, что означало и означаетъ еще и теперь въ Англіи званіе лорда. Дворянъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова считается въ этой странѣ приблизительно 400 человекъ,—слѣдовательно, приблизительно столько, сколько въ Германіи насчитывается князей, и лордъ, который пользуется въ округѣ почти неограниченнымъ политическимъ и общественнымъ вліяніемъ, врядъ ли можетъ признаваться ниже владѣтельнаго князя; въ большинствѣ случаевъ, притомъ, его званію соответствуетъ и его богатство; но тутъ этого не было, потому что у Байрона не было никакого состоянія, а Ньюстэдское аббатство находилось въ большомъ упадкѣ и было сильно отягощено долгами.

Осенью 1798 г. г-жа Байронъ отправилась посѣтить Ньюстэдъ вмѣстѣ со своимъ маленькимъ сыномъ. Когда они подѣхали къ караулнѣ передъ Ньюстэдомъ, мать сдѣлала видъ, будто ей эта мѣстность незнакома и спросила стоявшую у караулни женщину, кому принадлежитъ паркъ и замокъ. Женщина отвѣтила, что послѣдній владѣлецъ аббатства умеръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.—А кто его наслѣдники?—спросила счастливая мать.—Говорятъ, что наслѣдникъ—маленькій мальчикъ, живущій въ Эбердинѣ.—Тогда няня не въ силахъ была долѣе сдерживать своей радости. Она поцѣловала маленькаго Джорджа, котораго держала на колѣняхъ, и воскликнула съ торжествомъ: „А вотъ и онъ, да благословить его Богъ!“

Въ 1801 г. мальчика помѣстили въ Гарроускую школу, одну изъ большихъ національныхъ школъ Англіи, пользующуюся большою популярностью среди аристократіи. Преподаваніе (на греческомъ и латинскомъ языкахъ) отличалось сухимъ, педантическимъ характеромъ и не привлекло особеннымъ образомъ Байрона, который вообще находился въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ со своими учителями, вступая въ то же время въ самыя нѣжныя дружескія связи съ товарищами. „Мои дружескія школьныя отношенія,—говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ отъ 1821 г.,—были настоящими страстными привязанностями, потому что я всегда былъ экзальтированъ“. Онъ въ качествѣ друга былъ очень великоду-

шенъ и бралъ всегда подъ защиту своихъ друзей. Когда Пиль, будущій министръ, былъ однажды немилосердно побитъ однимъ изъ старшихъ мальчиковъ, Байронъ обратился къ его мучителю съ просьбою удѣлить ему половину ударовъ, предназначенныхъ товарищу. Когда маленькій лордъ Гортъ въ наказаніе за то, что онъ плохо поджарилъ одному изъ младшихъ наставниковъ хлѣбъ, получилъ ожегъ въ руку [раскаленнымъ желѣзомъ, и когда мальчикъ при излѣдованіи дѣла, упорно отказался назвать своего обидчика, Байронъ предложилъ ребенку сдѣлаться Фэгъ (фуксомъ) у него вмѣсто того, чтобы быть имъ у учителя, давая при этомъ обѣщанія, что ему никогда не придется опасаться дурного съ нимъ обращенія. „Я сдѣлался его фуксомъ, рассказываетъ лордъ Гортъ (смотри Воспоминанія графини Гвиччиоли) и былъ очень счастливъ, что получалъ такого добраго и великодушнаго повелителя, который постоянно угощалъ меня пирожными и сладостями и всегда терпѣливо сносилъ мои ошибки“. Своему любимому фуксу, лорду Дорсету, Байронъ въ своихъ Часахъ досуга посвятилъ прекрасные стихи въ воспоминаніе о школьной жизни.

Когда Байронъ возвращался на вакансіи домой, мать по прежнему вела себя съ нимъ крайне необузданнымъ образомъ, но вмѣсто того, чтобы бояться ея, онъ не могъ не смѣяться надъ страстными выходками маленькой толстой женщины. Недостаточно того, что она колотила вдребезги тарелки и чашки: иногда она обращала сына въ бѣгство помощью каминныхъ щипцовъ и ножа.¹⁾

¹⁾ Отношенія между матерью и сыномъ описаны Дизраели въ его романѣ *Venetia* такимъ живымъ и правдивымъ образомъ, что мы приведемъ здѣсь одну сцену изъ книгъ, замѣнивъ только вымышленныя имена (Кирдучи, Платангенетъ, Морнетъ и т. д.) настоящими. Представимъ себѣ утро въ помѣсть Аннесли вблизи Ньюстеда. Почтовая карета въѣзжаетъ во дворъ, и изъ нея выходитъ маленькая очень толстая дама съ краснымъ лицомъ и притомъ въ костюмѣ, представлявшемъ странную смѣсь изношеннаго съ бросающимся въ глаза. Ее сопровождаетъ мальчикъ 10—12 лѣтъ, наружность котораго является полною противоположностью наружности матери: онъ блѣденъ и строенъ съ длинными вьющимися волосами и большими ясными глазами, блескъ которыхъ пріятнымъ образомъ оживляетъ по временамъ лицо, отличающееся обыкновенно застѣнчивымъ и угрюмымъ выраженіемъ. Это первый визитъ. Гости входятъ въ домъ усталые и разгоряченные послѣ поѣздки.

Ужасная дорога!—восклицаетъ г-жа Байронъ, обмахиваясь вѣтромъ и садясь:—и притомъ такъ жарко! Джорджъ, сокровище мое, поклонись дамѣ; развѣ я тебѣ сто разъ не повторяла, что ты долженъ кланяться, входя въ комнату? Поклонись г-жѣ Чэвортъ!—Мальчикъ съ раздраженіемъ кивнулъ головою; но госпожа Чэвортъ такъ сердечно отнеслась къ нему, что его черты лица нѣсколько прояснились, хотя онъ продолжалъ сидѣть молча на кончикѣ стула, какъ воплощеніе упорнаго равнодушія.—Прелестная мѣстность, г-жа Чэвортъ!—сказала г-жа Байронъ.—Аннесли—восхитительное мѣсто, совершенно не похожее на аббатство, но здѣсь страшно уединенно. Большая это была перемѣна для насъ переѣхать сюда изъ небольшого города, гдѣ мы имѣли среди сосѣдей столько друзей. Большая разнища съ Дульвичемъ—не правда ли, Джорджъ?—Я ненавижу Дульвичъ!—отвѣтилъ мальчикъ.—Ненавидишь Дульвичъ?!—воскликнула г-жа Байронъ:—ну, вотъ это я называю неблагодарностью относительно всѣхъ нашихъ дорогихъ друзей. Кромѣ того, Джорджъ, вѣдь

Представьте себѣ, что во время одной изъ подобныхъ сценъ на порогѣ двери показывается молодая дѣвушка съ золотистыми волосами и однимъ взглядомъ смягчаетъ упрямаго мальчика—и мы имѣемъ передъ собою положеніе, которое часто получалось въ Аннесли въ семьѣ Чэвортъ (родственника того человека, который былъ убитъ на дуэли двоюроднымъ дядею Байрона), когда мать и сынъ пріѣзжали къ нимъ въ гости и молодая дочь хозяйки Мэри Эннъ Чэвортъ останавливала свой взоръ на Джорджѣ. Ей было 17 лѣтъ, Байрону—15 лѣтъ. Онъ любилъ ее страстно и ревниво. На балахъ, гдѣ она блистала, онъ съ тоскою глядѣлъ, какъ другіе держали ее въ своихъ объятіяхъ,—ему же его хромота мѣшала танцевать. Наконецъ, однажды вечеромъ онъ услышалъ, какъ она сказала горничной, заговорившей о Байронѣ и его надеждахъ: „Неужели ты думаешь, что я хоть немного интересуюсь этимъ хромымъ мальчикомъ?“—онъ подавилъ свое горе и отступилъ. Тринадцать лѣтъ позже онъ, заливаясь слезами, писалъ въ виллѣ Діодати у Женевского озера стихотвореніе *Сонъ*, въ ко-

я тебѣ говорила, что ты никого не долженъ ненавидѣть. Ахъ, вы не повѣрите, г-жа Чэвортъ, какъ трудно воспитывать ребенка, но когда онъ желаетъ, онъ можетъ быть такимъ любезнымъ, какъ никто. Неправда ли, Джорджъ?—Лордъ Байронъ язвительно улыбнулся, усѣлся поглубже въ своемъ большомъ креслѣ и сталъ размахивать ногами, которыя не доставали больше до полу.—Я увѣрена, что лордъ Байронъ всегда любезенъ!—сказала г-жа Чэвортъ.—Ну, Джорджъ,—обратилась къ сыну г-жа Байронъ:—послушай, что здѣсь только что было сказано. Послушай, что сказала г-жа Чэвортъ... Смотри, не дай же ей повода измѣнить хорошее о тебѣ мнѣніе.—Джорджъ сдѣлалъ презрительное движеніе губами и повернулся наполовину спиною къ собесѣдницамъ.—Джорджъ, сокровище мое! скажи что-нибудь! Развѣ я тебѣ сто разъ не говорила, что когда тебѣ случается быть въ гостяхъ, ты долженъ отъ времени до времени открывать ротъ. Я не люблю болтливыхъ дѣтей, но я люблю дѣтей, которыя отвѣчаютъ, когда съ ними разговариваютъ.—Никто со мною не разговаривалъ!—возразилъ сухо лордъ Байронъ.—Джорджъ, сокровище мое! вѣдь ты знаешь, ты общался мнѣ вести себя хорошо!—Да что же я такое сдѣлалъ?—Лордъ Байронъ!—прервала бесѣду г-жа Чэвортъ:—не любите ли вы смотрѣть картинки?—Нѣтъ, покорно благодарю!—отвѣтилъ маленький лордъ самымъ вѣжливымъ тономъ:—я люблю, чтобы меня оставили въ покоѣ.—Пожалуйста, дорогая г-жа Чэвортъ, не судите о немъ по тому, какимъ вы его видите теперь. Онъ можетъ быть такимъ милымъ, когда захочетъ.—Милымъ!—пробормоталъ маленький лордъ сквозь зубы.—Если бы вы видѣли его въ Дульвичѣ, на маленькихъ вечернихъ собраніяхъ,—онъ былъ настоящимъ украшеніемъ общества.—Нѣтъ, никогда я имъ не былъ!—возразилъ лордъ Байронъ.—Джорджъ!—сказала опять мать торжественнымъ тономъ:—развѣ я не говорила тебѣ всегда, что ты не долженъ противорѣчить?—Маленькій лордъ издалъ подавленный звукъ ропота.—Въ послѣднее Рождество у насъ ставили маленькую комедію, и онъ игралъ въ ней восхитительно! Вы не повѣрили бы этому теперь, глядя, какъ онъ сидитъ на своемъ стулѣ! Джорджъ, сокровище мое! я требую, чтобы ты велъ себя, какъ слѣдуетъ. Сиди же какъ мужчина!—Я не мужчина,—отвѣтилъ лордъ Байронъ!—я хотѣлъ бы быть имъ.—Джорджъ!—продолжала мать:—развѣ я не говорила тебѣ сто разъ, что ты не долженъ отвѣчать мнѣ? Дѣти не должны никогда отвѣчать... Джорджъ, ты слышишь, что я говорю?!—закричала г-жа Байронъ и ея лицо сдѣлалось пунцовымъ.—Всѣ люди слышать, что вы говорите, г-жа Байронъ!—отвѣтилъ маленький лордъ.—Не называй меня г-жею Байронъ. Мнѣ, право, страшно хочется встать, что-

торомъ описывалъ свое отношеніе къ ней: оно служить доказательствомъ того, какъ глубоко принялъ онъ къ сердцу это разочарованіе молодости. ¹⁾

Отношенія между матерью и сыномъ дѣлались все болѣе и болѣе неестественными, такъ какъ Байронъ все съ болѣе и болѣе спокойною ироніею принималъ припадки материнскаго гнѣва. Дѣло дошло до такихъ сценъ, что однажды и мать, и сынъ послали одновременно въ аптеку заявить, чтобы, если одинъ изъ нихъ потребуетъ яда, аптекарь далъ вмѣсто него какую-либо безвредную микстуру. Должно быть, они угрожали другъ другу самоубійствомъ. Молодой Байронъ въ письмахъ съ грустнымъ юморомъ рассказываетъ о поѣздкахъ, помощью которыхъ онъ отъ времени до времени освобождалъ себя отъ домашнихъ сценъ, поѣздкахъ, о которыхъ онъ никому не говорилъ заранее, изъ опасенія, — говорилъ онъ, — „обычныхъ материнскихъ воинственныхъ воплей.“

Въ 1805 г. Байронъ поступилъ въ Кембриджскій университетъ и занимался въ немъ не столько изученіемъ университетскихъ наукъ, сколько всевозможнаго рода физическими упражненіями, которымъ онъ еще съ дѣтства ревностно предавался, чтобы искупить ловкостью свой физическій недостатокъ. Бз-

бы дать тебѣ хорошаго шлепка. О, г-жа Чэвортъ!—со вздохомъ продолжала она, и слеза скатилась по ея щекамъ.—Если бы вы знали, что значить воспитывать этого ребенка!—Дорогая г-жа Байронъ!—сказала г-жа Чэвортъ:—я увѣрена, что у лорда Байрона нѣтъ другого желанія, какъ сдѣлать пріятное вамъ. Вы навѣрное не поняли его.—Она меня никогда не понимаетъ!—сказалъ маленькій лордъ болѣе кроткимъ тономъ и съ влажными глазами.—Ну вотъ, теперь онъ начинаетъ плакать,—сказала мать и начала сама страшно громко плакать; но вдругъ воспоминанія о его бывшихъ некрасивыхъ выходкахъ вновь всплыли въ ея сознаніи, и она вскочила, чтобы дать ему хорошаго шлепка. Ея ловкій сынъ, привыкшій къ такимъ бурнымъ выходкамъ, быстро отбѣжалъ, поставилъ стулъ къ ногамъ бѣгущей матери, такъ что она чуть не упала, и они стали кружиться по комнатѣ. Въ отчаяніи она схватила книгу и бросила ее ему въ голову, но онъ съ сатанинской улыбкой отклонилъ голову и книга пролетѣла мимо него прямо въ оконную раму, черезъ которую вылетѣла. Она сдѣлала еще новую отчаянную попытку къ нападенію, и маленькій лордъ въ испугѣ спасся только тѣмъ, что бросилъ ей подъ ноги рабочій столикъ г-жи Чэвортъ. Она, споткнувшись о ножку стола, упала на нее и сцена кончилась истерическимъ припадкомъ, между тѣмъ какъ лордъ Байронъ стоялъ въ углу комнаты блѣдный, съ надменнымъ видомъ.

¹⁾ Въ высшей степени характеристично для матери то обстоятельство, какимъ образомъ она черезъ два года послѣ того, какъ Байронъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ надеждъ, сообщила ему, что Мэри Чэвортъ вышла замужъ. Она узнала объ этомъ какъ разъ въ то время, когда у нея были гости.—Байронъ!—закричала она:—у меня есть для тебя новость!—Хорошо, въ чемъ дѣло?—Выйми сначала платокъ, онъ тебѣ понадобится.—Байронъ исполнилъ приказъ. Когда мать рассказала ему, что миссъ Чэвортъ вышла замужъ, онъ быстро вложилъ платокъ обратно въ карманъ и сказалъ съ вынужденнымъ равнодушіемъ и холодностью:—Такъ это все?—между тѣмъ какъ мертвенная блѣдность разлилась по его лицу. На материнское замѣчаніе, что она ожидала отъ него горестнаго взрыва онъ отвѣтилъ молчаніемъ и перевелъ разговоръ на другіе предметы. Чѣмъ менѣе могъ онъ надѣяться имѣть въ лицѣ матери повѣреннаго, тѣмъ больше чувствовалъ потребность довѣрить бумагѣ свои чувства и огорченіе.

дить верхомъ, плавать, нырять, стрѣлять, боксировать, играть въ крокетъ и пить—вотъ искусства, которыя онъ ставилъ себѣ за честь усвоить въ совершенствѣ. Въ немъ начали проявляться зачатки свѣтскаго повѣсы. Изъ юношеской шалости онъ во время своихъ поѣздокъ возилъ всегда съ собою хорошенькую молодую дѣвушку, которая слѣдовала за нимъ въ мужскомъ костюмѣ то въ качествѣ его пажа, то въ качествѣ его младшаго брата; онъ довелъ свою дерзость до того, что подъ послѣднимъ наименованіемъ представилъ ее въ Брайтонѣ одной знакомой дамѣ. Ньюстэдское аббатство находилось въ арендѣ. Какъ только срокъ аренды кончился, Байронъ переселился въ него. Это было дѣйствительно старое готическое аббатство, основанное еще въ 1170 г., съ обѣденною трапезою и кельями, съ паркомъ, озеромъ, съ окружною стѣною и готическимъ колодцемъ во дворѣ. Здѣсь онъ велъ со своими товарищами разгульную жизнь, попирая ногами съ юношескою заносчивостью всѣ обыкновенныя правила жизни; эта жизнь носила тотъ отпечатокъ и отличалась тою страстью къ оригинальности, которые представляютъ обычныя явленія у гениальныхъ юношей, не успѣвшихъ выяснитъ себѣ окончательно своихъ задачъ и цѣлей. Вставали въ 2 часа пополудни, фехтовали, играли въ волакъ, стрѣляли изъ пистолетовъ, а послѣ обѣда пили, къ ужасу окрестныхъ жителей, изъ черепа, наполненнаго бордосскимъ виномъ. Садовникъ Ньюстеда вырылъ случайно въ саду одинъ старый черепъ монаха, и вотъ Байронъ въ припадкѣ чудачества велѣлъ вдѣлать его въ серебро, и онъ и его друзья находили мальчишеское удовольствіе въ томъ, чтобы, переодѣвшись монахами съ тонзурою, крестомъ, четками и т. д. пользоваться этою чашею. ¹⁾ Но въ этой выходкѣ Байрона не слѣдуетъ видѣть юношескаго цинизма, который такъ часто, какъ, напр., у молодыхъ медиковъ, соединяется съ большою жизнерадостностью; человекъ съ такимъ характеромъ, какъ Байронъ, долженъ былъ, несомнѣнно, чувствовать горькое раздраженіе во время попойки при видѣ такого напояніи о смерти. Въ стихахъ, посвященныхъ Байрономъ этой чашѣ изъ черепа, говорится, что прикосновеніе человѣческихъ губъ должно быть всегда пріятнѣе покойному, чѣмъ укушеніе червя.

Вообще излишества не вытекали изъ слишкомъ большой веселости. Онъ чувствовалъ постоянно не только ту точку, которая у выдающихся людей является въ юности весьма часто слѣдствіемъ еще не испробованныхъ способностей и силъ, ставшихъ лицомъ къ лицу съ трудными вопросами жизни; онъ страдалъ меланхоліей, къ которой должны были неизбежно привести оригинальность его характера, его воспитаніе, его страстный темпераментъ. Изъ этого періода его жизни рассказываютъ нѣсколько анекдотовъ, приводящихъ обыкновенно въ удивленіе его біографовъ. Онъ сдѣлалъ въ 1808 г. надъ могилою своей любимой собаки въ высшей степени мизантропическую надпись, и въ то же время соста-

¹⁾ Теперешній владѣлецъ Ньюстеда изъ религіозныхъ основаній велѣлъ похоронить черепъ.

виль завѣщаніе (впослѣдствіи уничтоженное), въ которомъ требовалъ, чтобы его похоронили рядомъ съ этою собакою, его единственнымъ другомъ. Другимъ доказательствомъ чувства одиночества, испытываемаго имъ, является тотъ способъ, какимъ онъ праздновалъ свой день рожденія въ 1809 г. Въ этотъ день ему исполнился двадцать одинъ годъ, и онъ, по законамъ Англіи, дѣлался совершеннолѣтнимъ. Такой день считается англичанами самымъ большимъ праздникомъ; дворянское сословіе празднуетъ его танцами, иллюминаціями, фейерверками и угощеніемъ всѣхъ обитателей помѣстья. Байронъ былъ такъ бѣденъ, что только за большіе проценты могъ достать необходимыя деньги для того, чтобы устроить балъ для своей прислуги и согласно обычаю зажарить быка. Рядъ каретъ со знатными гостями не остановился 22 января 1809 г. передъ воротами парка; ни мать, ни сестра, ни опекуны, ни родственники не посѣтили его; онъ провелъ этотъ день въ одной лондонской гостиницѣ. Въ одномъ его письмѣ отъ 1822 г. говорится слѣдующее: „Говорилъ ли я вамъ когда-нибудь, что въ день своего совершеннолѣтія я обѣдалъ ветчиною и яйцами, запивая ихъ бутылкою пива. Это мое любимое кушанье и мой любимый напитокъ; но такъ какъ и то, и другое мнѣ вредитъ, то я позволялъ себѣ наслаждаться ими только каждые четыре—пять лѣтъ въ высоко-торжественные дни“. Само собою разумѣется, пріятнѣе быть богатымъ, чѣмъ бѣднымъ, и болѣе лестно для самолюбія принимать поздравленія отъ родныхъ и друзей, чѣмъ чувствовать себя бездомнымъ и одинокимъ, но въ сравненіи съ затрудненіями, лишеніями и униженіями, съ какими каждому молодому современному плебею приходится бороться при началѣ своей карьеры, испытанія, перенесенныя этимъ молодымъ патриціемъ, могутъ показаться совершенно ничтожными. Они получили значеніе только потому, что рано показали Байрону тѣ собственные источники помощи, которыми обладаетъ отдѣльная изолированная личность, и которые онъ, какъ аристократъ, оставилъ бы безъ вниманія, увлекаясь исключительно своими родовыми и сословными чувствами.

Ни великія политическія событія его времени, ни восторгъ или негодованіе по поводу современныхъ ему историческихъ переворотовъ, такъ часто случавшихся въ эти годы, не заставили Байрона покинуть безпечную и безцѣльную жизнь въ Ньюстэдѣ. Такого рода событія, какъ смерть Фокса, какъ мало почетное для Англіи бомбардированіе Копенгагена, оставляли равнодушнымъ въ юношескіе годы того, который, какъ взрослый человѣкъ, реагировалъ такъ сильно на всякаго рода политическія событія, на всякаго рода подвиги и позорныя дѣла. Первый поворотъ въ его жизни былъ созданъ частною литературною непріятностью. Съ лѣта 1806 г. по лѣто 1807 г. Байронъ жилъ въ маленькомъ городкѣ Соутвеллѣ, гдѣ сталъ сочинять свои первыя поэтическія произведенія и у младшихъ членовъ одной сосѣдней мѣщанской семьи, по фамиліи Пигго, встрѣтилъ самое живое къ нимъ сочувствіе. Между этими стихотвореніями вѣтъ ни одного особенно выдающагося. Въ мартѣ 1807 г. сборникъ ихъ вышелъ подъ заглавіемъ Часы досуга (Hours of idleness); тѣ изъ нихъ, которыя указы-

ваютъ на сильную жизнь чувствъ, теряются въ длинномъ рядѣ ученическихъ стихотвореній, частью переводовъ и подражаній недавно изученныхъ въ школѣ классическихъ поэтовъ и Оссиану, часто сентиментальныхъ и незрѣлыхъ въ стилистическомъ отношеніи любовныхъ стихотвореній и стихотвореній посвященныхъ дружбѣ.

Лишь немногія стихотворенія даютъ намъ, живущимъ теперь, которымъ легко судить однимъ умомъ, нѣкоторое представленіе о позднѣйшемъ развитіи личности и стиля Байрона; въ стихотвореніи Къ дамѣ, обращенномъ къ Мэри Чэвортъ, находятся нѣсколько чисто байроновскихъ строфъ:

If thou wert mine, had all been hush'd:
This cheek now pale from early riot
With passions hectic ne'er had flush'd,
But bloom'd in calm domestic quiet...
But now I seek for other joys:
To think would drive my soul to madness;
In thoughtless throngs and empty noise
I conquer half my bosom's sadness.

(Если бы ты была моя, все бы сложилось иначе: эти щеки, поблѣднѣвшія отъ кутежей, никогда не горѣли бы болѣзненнымъ румянцемъ страстей, но цвѣли бы въ покоѣ тихой домашней жизни... Но теперь я ищу другихъ радостей: размышленія могли бы довести меня до сумасшествія; въ бессмысленной суетѣ и пустомъ шумѣ я одолѣваю хоть отчасти грусть моей души).

Но въ дѣйствительности эти стихотворенія мало заслуживали вниманія; и такъ какъ они были снабжены чисто ребяческими безвкусными замѣчаніями и очень самонадѣяннымъ предисловіемъ, и такъ какъ на заглавномъ листѣ фамилія автора сопровождалась словомъ „несовершеннолѣтній“, то этотъ сборникъ стихотвореній доставлялъ достаточно матеріала для насмѣшекъ.

Въ январѣ 1808 г. Edinburgh Review, лучший критическій журналъ того времени, напечаталъ въ высшей степени извѣстную рецензію на это стихотвореніе (написанную, по всей вѣроятности, лордомъ Врумомъ). „Несовершеннолѣтіе“, говорится въ ней, „красуется на заглавномъ листѣ, и даже на переплетѣ... Если бы лорда Байрона присудили издать извѣстное количество стихотвореній, а онъ вмѣсто этого представилъ лежащій передъ нами томъ, то, по всей вѣроятности, судъ призналъ бы смягчающимъ обстоятельствомъ несовершеннолѣтіе. Но теперь и т. д.“ И критикъ продолжаетъ: „Можетъ быть смыслъ этого заявленія заключается въ слѣдующемъ: посмотрите, какъ можетъ писать несовершеннолѣтній! вотъ это стихотвореніе сочинено юношею 18 лѣтъ, а это молодымъ мальчикомъ, 16 лѣтъ! Но мы не только не удивляемся тому, что молодой человѣкъ пишетъ посредственные стихи, а думаемъ, что изъ десяти хорошо образованныхъ юношей въ Англіи, девять пишутъ такіе-же стихи, а десятый

пишетъ ихъ лучше, чѣмъ лордъ Байронъ... Пусть онъ поразмыслить хорошенько, что рифма послѣднихъ слоговъ и правильный счетъ по пальцамъ стопъ (да и это у него не всегда встрѣчается) еще не составляютъ всего того, что требуется отъ поэта: надо еще имѣть хоть немного фантазіи... и т. д., и т. д.

Поэтому критикъ обращается къ Байрону съ совѣтомъ отказаться отъ поэзіи и посвятить свой досугъ и свои способности на что-нибудь лучшее. Въ качествѣ обращенія къ самому знаменитому англійскому поэту того времени, отъ лица, специальность котораго заключалась въ томъ, чтобы испытывать умы и давать имъ оцѣнку, статья эта, не смотря на нѣкоторыя правильныя сужденія, представляется, несомнѣнно, грубою и глупою. Но для Байрона ничего лучшаго не могло случиться: она подѣйствовала на него, какъ вызовъ, она смертельно оскорбила его тщеславіе и пробудила въ немъ то, что должно было пережить тщеславіе—гордость. Одинъ пріятель, пришедшій къ Байрону тотчасъ послѣ того, какъ журналъ попалъ ему въ руки, рассказываетъ, что у него было въ глазахъ такое удивительно прекрасное выраженіе гордости и надменности, что если бы какой-либо художникъ захотѣлъ изобразить разгнѣванное божество, онъ не могъ бы найти себѣ модели, сіяющей болѣе внушающей страхъ красотой.

Онъ скрывалъ передъ окружающими, какъ глубоко былъ взволнованъ. Въ одномъ письмѣ отъ того времени, онъ жалуется, что мать его слишкомъ близко приняла къ сердцу эту статью, объявляетъ, что она не нарушила ни его покоя, ни его аппетита, и замѣчаетъ, что эти бумажныя пули научили его стоять подъ выстрѣлами; но болѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ онъ пишетъ: „я еще и теперь живо помню впечатлѣніе, произведенное на меня эдинбургской рецензіей: это было бѣшенство и намѣреніе идти впередъ вопреки всему и отомстить, а вовсе не упадокъ духа и не отчаяніе. Безжалостный критикъ—ядь для начинающаго писателя и онъ бросалъ меня на земь,—но я опять вскочилъ на ноги... съ твердой рѣшимостью обратить въ позоръ для критиковъ ихъ воронье карканье и заставить ихъ еще услышать о себѣ“. Такимъ-то образомъ доставленъ былъ внѣшнимъ міромъ тотъ импульсъ, который впервые сосредоточилъ страстную и разсѣянную душевную жизнь молодого человѣка на одномъ единственномъ чувствѣ и одной единственной цѣли. Съ твердою рѣшимостью и побѣдоноснымъ упорствомъ онъ принялся за работу, спалъ днемъ, вставалъ послѣ заката солнца, чтобы имѣть больше покоя, и писалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ цѣлыя ночи напролетъ до утра, работая надъ своею первою знаменитою сатирою: „Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели“. (English bards and scotch reviewers).

XVIII.

Она сдѣлалась знаменитою и съ полнымъ правомъ, но не по причинѣ своего остроумія и юмора, потому что въ ней нѣтъ ни того, ни другого, и не по

причинѣ мѣткости своихъ нападеній, потому что это были большей частью удары со-слѣпа, направо и налево,—но благодаря силѣ сознанія собственного достоинства, неслыханной смѣлости, скрывающейся въ ней и прорывающейся отъ времени до времени. Нападенія впервые пробудили въ Байронѣ сознаніе, которое должно было вскорѣ сдѣлаться у него постояннымъ и преобладающимъ,—чувство, заставившее его впервые понять себя самого, а именно: одинъ противъ вась всѣхъ! Это сознаніе было жизненнымъ элексиромъ какъ для него, такъ и для другихъ воинственныхъ натуръ въ исторіи: „Надо мною хотятъ безнаказанно издѣваться! Меня думаютъ раздавить! Меня, который сильнѣе ихъ всѣхъ!“—такая мелодія звучала въ его ушахъ, когда онъ писалъ. Критики „Эдинбургскаго Обозрѣнія“ привыкли къ тому, что всякій разъ, когда подобнаго рода рецензія заставляла падать на земь дюжиннаго поэта, или подстрѣленную маленькую бѣдную пѣвчую птичку, пораженные ими лица только или молча скорбѣли, или униженно сваливали всю вину на недостатокъ своихъ дарованій, такъ что критика сопровождалась всегда глубокимъ молчаніемъ. Но они натолкнулись на человѣка, громадная сила и слабость котораго заключались именно въ томъ, что онъ никогда не приписывалъ себѣ вины за испытанную имъ неудачу, но со страстностью набрасывался на другихъ. И на этотъ разъ рецензія сопровождалась полугодовымъ молчаніемъ. Но затѣмъ случилось нѣчто въ родѣ слѣдующаго описанія, даннаго Викторомъ Гюго (Les châtimens. La caravane):

Tout a coup au milieu de ce silence morne
Qui monte et qui s'accroît de moment en moment
S'élève un formidable et long rugissement,
C'est le lion.

(Вдругъ среди этой нѣмой тишины, которая растетъ и увеличивается съ минуты на минуту, раздается грозное и продолжительное рычаніе,—это левъ).

Этотъ образъ вполне вѣренъ, потому что эта некрасивая, неграціозная и неостроумная сатира похожа скорѣе на рычаніе, чѣмъ на пѣніе. Поэтъ, обладающій глоткою соловья, радуется, когда замѣчаетъ впервые, что его голосъ обладаетъ благозвучіемъ¹⁾; безобразный утенокъ сознаетъ свою лебединую натуру, когда попадаетъ въ свой элементъ; но рычаніе молодого львенка поражаетъ его самого и заставляетъ его понять, что онъ выросъ и сдѣлался взрослымъ львомъ. Не слѣдуетъ искать въ English bards and scotch reviewers ударовъ меча, данныхъ твердою и увѣренною рукою; эти раны не нанесены рукою, а лапою,—когтями льва! Здѣсь не слѣдуетъ искать ни критики, ни умѣренности, ни разсудительности; развѣ раненый хищный звѣрь умѣетъ падать и сдерживать себя, когда пуля, которая должна была убить его, только

¹⁾ Никогда не забуду я той минуты, когда впервые услышалъ, что мой голосъ поетъ. Ch. Winter, Til Een, № 139.

ранила его слегка? Нѣтъ, хищный звѣрь видитъ, какъ течетъ его собственная кровь, передъ его глазами стоитъ кровь, онъ хочетъ въ отмщеніе пролить чужую кровь. И тогда онъ ищетъ не одного только того, кто выстрѣлилъ въ него: если одинъ изъ толпы равилъ молодого льва, тогда горе всей толпѣ! Со всѣми великими поэтами Англіи, самыми знаменитыми, самыми прославленными,—со всѣми, встрѣченными благопріятно „Эдинбургскимъ Обзорніемъ“, этотъ двадцатилѣтній юноша, самъ недавно только вышедшій изъ школы, обращался въ своей сатирѣ, какъ со школьниками. Они получали шипицутены, одинъ за другимъ, какъ англійскіе поэты, такъ и шотландскіе рецензенты. Мѣстами встрѣчаются ѣдкія слова, попадающія прямо въ цѣль. Пустое фантазерство въ Thalaba Соути и неестественная производительность его автора, доказательства, доставляемые самими стихотвореніями Вордсворта въ подтвержденіе справедливости его ученія, что стихи то же, что и проза, ребяческая наивность Кольриджа и сладострастіе Мура бичуются здѣсь съ ѣдкою насмѣшкою и горячностью. На Magmion Скотта дѣлаются нападки, напоминающія насмѣшливыя выходки Аристофана противъ героевъ Еврипида. Но большая часть этихъ нападеній отличается такою безпощадностью и безразсудствомъ, что онѣ въ послѣдствіи доставили ихъ автору гораздо больше непріятностей, чѣмъ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ были направлены. Опекунъ Байрона, лордъ Карлейль, которому незадолго до того посвящены были Часы досуга, но который отказался ввести своего питомца въ парламентъ, такія лица какъ Скоттъ, Муръ, лордъ Голландъ, принадлежавшія въ послѣдствіи къ лучшимъ друзьямъ Байрона, были здѣсь осыпаны бранью безъ всякаго основанія, изъ-за совершенно невѣрныхъ предположеній, съ колоссальною безтактностью, которая можетъ сравниться только съ такою же удивительною готовностью Байрона, какъ только онъ одумался, принести извиненія и изгладить послѣдствія сдѣланныхъ имъ ошибокъ. Нѣсколько лѣтъ позже онъ напрасно старался истребить напечатанную имъ сатиру, уничтоживъ цѣликомъ все пятое изданіе ея.

Но покажется она произвела грандіозное впечатлѣніе и доставила ея автору желаемое удовлетвореніе.

Байронъ въ началѣ 1809 г. поселился въ Лондонѣ, отчасти чтобы напечатать свою сатиру, отчасти, чтобы занять мѣсто въ верхней палатѣ. Такъ какъ у него не было никого, къ кому онъ могъ бы обратиться, чтобы заставить ввести себя въ палату, то онъ, вопреки всѣмъ принятымъ правиламъ и обычаямъ, ввелъ себя самъ. Его другъ Далласъ оставилъ описаніе этой сцены. Когда Байронъ вступилъ въ залъ, онъ казался еще блѣднѣе обыкновеннаго, и его лицо выражало чувство оскорбленія и недовольство. Канцлеръ, лордъ Эльдонъ, улыбаясь, пошелъ на встрѣчу ему и сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ. Съ чопорнымъ поклономъ Байронъ въ отвѣтъ дотронулся кончиками пальцевъ до руки лорда Эльдона. Канцлеръ, увидѣвъ, что его предупредительность встрѣчаетъ такой холодный пріемъ, отошелъ въ сторону. Тогда Байронъ небрежно опустился

на одну изъ пустыхъ скамей оппозиціи, посидѣлъ на ней нѣсколько минутъ, всталъ и ушелъ. Онъ хотѣлъ только назначить свое мѣсто и показать, къ какой партіи примыкаетъ. „Теперь, когда я уже занялъ свое мѣсто“, говорилъ онъ Далласу: „я уѣду за границу“. Въ іюнѣ 1809 г. онъ выѣхалъ изъ Англіи.

Давно уже,—какъ онъ выражается въ письмѣ къ матери,—онъ сознавалъ, что тотъ, кто видѣлъ только свою собственную родину, никогда не можетъ судить о людяхъ съ болѣе свободной или общей точки зрѣнія; потому что, говорить онъ, учатся изъ опыта, а не изъ книгъ; нѣтъ ничего, столь поучительнаго, какъ осязательное, чувственное воспріятіе изучаемаго предмета“. Онъ уѣхалъ сначала въ Лиссабонъ (стихотвореніе Huzza, Hodgson!) и описаніе Цинтры въ первой пѣснѣ Чайльдъ Гарольда обязано своимъ происхожденіемъ этому краткому пребыванію въ Цинтрѣ; затѣмъ онъ со своимъ спутникомъ Гобгаузомъ проѣхалъ въ Сицилію, и посѣтилъ вслѣдъ за этимъ Кадиксъ и Гибралтаръ.

Ни одинъ изъ великолѣпныхъ и историческихъ памятниковъ Севильи не произвелъ на него впечатлѣнія; но и здѣсь, какъ и въ Кадиксѣ, женщины всецѣло завладѣваютъ имъ. Онъ по юношески чувствуетъ себя польщеннымъ вниманіемъ и оближеніемъ съ нимъ молодыхъ испанокъ, и вывозитъ изъ Севильи въ видѣ реликвіи, локопъ въ три фута длины. Гибралтаръ, само собою разумѣется, какъ англійскій городъ, кажется ему „проклятымъ мѣстомъ“.

Но какъ ни мало трогали его историческіе памятники, политическія отношенія страны начинаютъ сильно интересоваться его,—между прочимъ, отношенія Испаніи къ Англіи. Двѣ первыя пѣсни Чайльдъ Гарольда показываютъ, что онъ съ ѣлкою насмѣшкою относится къ внѣшней политикѣ Англіи; онъ издѣвается надъ ея такъ называемою побѣдою при Мадридѣ, гдѣ пало 5000 англичанъ, не причинивъ существеннаго вреда французамъ, и онъ настолько смѣлъ, что называетъ Наполеона своимъ героемъ. Изъ Испаніи Байронъ отправился на Мальту, гдѣ памятники прошлаго, поразившіе въ такой сильной степени Скотта, не произвели на него почти никакого впечатлѣнія. Ему недоставало исторически-романтическаго пониманія, равно какъ и романтическаго національнаго чувства. Его мысли и стремленія сосредоточивались либо на зеленыхъ лугахъ Англіи, либо на туманныхъ горахъ Шотландіи, но не на Женевскомъ озерѣ съ его вѣчно-праздничными красками и не на греческомъ Архипелагѣ. Его не занимали историческіе подвиги родного народа, не занимала борьба между Алою и Вѣлою Розами; онъ интересовался только современною политикою, и среди памятниковъ прошлаго его вниманіе возбуждали только воспоминанія о великой борьбѣ за свободу. Старыя статуи представляли для него не болѣе, какъ камни; онъ находилъ живыхъ женщинъ прекраснѣе всѣхъ античныхъ богинь (глупыми гончарными издѣліями называетъ онъ въ Донъ-Жуанѣ чудныя каменные изваянія). Посѣщая въ послѣдній годъ жизни Итаку, онъ отвергъ сдѣланное ему проводникомъ предложеніе посмотреть памятники острова, обратившись при этомъ къ Трелаунъ съ слѣдующими словами: „Ненавижу все это возвеличеніе памятниковъ

старины. Неужели эти люди думаютъ, что у меня нѣтъ свѣтлыхъ минутъ проясненія, и что я пріѣхалъ въ Грецію только для того, чтобы набить себѣ голову еще большими нелѣпостями!“ Увлеченіе осуществленіемъ на дѣлѣ идеала свободы погасило у него въ концѣ концовъ поэтическій пафосъ. Съ Байрономъ романтической сентиментальности наступаетъ конецъ; съ нимъ пробуждается въ поэзіи современный духъ; поэтому-то онъ оказалъ такое сильное вліяніе не только на родную страну, но и на Европу.

На Мальтѣ Байронъ сильно увлекся молодою красавицею, съ которою онъ тамъ познакомился, мистриссъ Спенсеръ Смитъ, которую Наполеонъ преслѣдовалъ изъ-за политическихъ причинъ. Между нимъ и ею развивалась нѣжная дружба, оставившая слѣды на цѣломъ рядѣ его стихотвореній (*Childe Harold, II, 30. To Florence, Lines written in an Album. Stansses composed during a thunderstorm. Stansses written in passing the Ambrasian Gulf.*) Изъ Мальты путешественники отправились черезъ западную Грецію въ Албанію, „надменной кормилицѣ необузданныхъ людей“, о которой онъ говоритъ въ Чайльдъ-Гарольдѣ, что это страна, „гдѣ рыскаютъ волки, гдѣ орелъ точитъ свои когти, и гдѣ живутъ хищныя птицы, хищныя звери и еще болѣе дикіе, чѣмъ они, люди“.

Here roams the wolf the eagle whets his beak,
Birds, beasts of prey, and wilder men appear.

Характеристично для Байрона, что первое свое путешествіе онъ совершилъ въ странахъ, лежащихъ за предѣлами цивилизаціи, въ странахъ, гдѣ личность не была еще скована условными приличіями. Духовное сродство влекло его къ этой природѣ съ ея грандіозными явленіями и къ этимъ людямъ. Съ нимъ произошло то же, что съ молодымъ человѣкомъ въ Ruth Вордсворта: „Все, что онъ находилъ въ этой мѣстности непосредственнаго, его сердце воспринимало какъ видѣніе, какъ звукъ. Оно возбуждало въ немъ сочувственный откликъ, и оправдывало стремленіе его собственнаго сердца“.

Байронъ, потомокъ по прямой линіи Руссо, чувствовалъ сильнѣйшее влеченіе ко всѣмъ этимъ народамъ, живущимъ въ естественномъ состояніи¹⁾. Ал-

¹⁾ Онъ описалъ Руссо въ слѣдующей строфѣ, какъ бы относящейся къ нему самому:

Here the self—torturing sophist, wild Rousseau,
The apostle of affliction, he who threw
Enchantment over passion, and from woe
Wrung overwhelming eloquence, first drew
The breath which made him wretched; yet he knew
How to make madness beautiful, and cast
O'er erring deeds and thoughts, a heavenly hue
Of words, like, sunbeams, dazzling as they past
The eyes, which o'er them shed tears fielingly and fast.

банцы того времени были почти такъ же дики, какъ и ихъ предки полезны, и единственнымъ закономъ у нихъ были кулачное право и кровавая месть. Когда онъ впервые увидалъ этихъ мужчинъ и женщинъ на берегу въ причудливыхъ красивыхъ одеждахъ, въ высокихъ войлочныхъ шляпахъ или тюрбанахъ, съ великолѣпно ослѣданными конями, когда услышалъ бой барабановъ и крики муэдзиновъ съ высоты минаретовъ, и когда все это озарилось лучами заходящаго солнца, ему показалось, что передъ его глазами возникаетъ видѣніе изъ тысячи и одной ночи.

Янина оказалась болѣе значительнымъ городомъ, чѣмъ Аены. Вблизи этого города путешественники въ одну ночь, воспѣтую Байрономъ, потеряли своего проводника, и, когда они бродили между горами съ перспективою умереть отъ жажды, Байронъ произвелъ на своихъ спутниковъ впечатлѣніе непоколебимаго мужества, которое составляло его отличительную особенность во всѣхъ большихъ опасностяхъ.

На другой день послѣ пріѣзда Байронъ получилъ аудіенцію у Али паши, „турецкаго Бонапарта“, которымъ онъ всегда восхищался, не смотря на его жестокость и необузданность. Али принялъ его стоя, отнесся къ нему съ величайшею любезностью, просилъ передать поклонъ его матери и сказалъ, — это особенно польстило Байрону, — что онъ сейчасъ же по его маленькимъ ушамъ, бѣлымъ рукамъ и вьющимся волосамъ могъ бы догадаться о его знатномъ происхожденіи. Посѣщеніе Али доставило Байрону сюжетъ для его 4-й пѣсни въ Донъ-Жуанѣ; Лембро и нѣсколько другихъ байроновскихъ дѣйствующихъ лицъ нарисованы съ него; тотъ же Али былъ описанъ позже Гюго въ его *Les orientales*. Али обращался съ Байрономъ совсѣмъ такъ, какъ обращаются съ избалованнымъ ребенкомъ и по двадцать разъ въ день посылалъ ему миндаль, фрукты, шербеть и сладости.

Обезпеченный противъ многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ вооруженнымъ конвоемъ, даннымъ ему Али, Байронъ отправился путешествовать по Албаніи, и его дикая свита до такой степени полюбила его, что когда онъ заболѣлъ лихорадкою и нѣсколько дней сряду лежалъ, его спутники стали грозить врачу, что они убьютъ его, если онъ не вылѣчитъ ихъ любимца. Вслѣдствіе этого перепуганный врачъ бѣжалъ, послѣ чего Байронъ пришелъ въ себя. Во время этого путешествія, между тѣмъ какъ путники остановились въ заливѣ Арта, чтобы провести около него ночь, Байронъ оказался свидѣтелемъ ночной сцены—

(Здѣсь самобичующій себя софистъ, необузданный Руссо, испыталъ печали, придавши особенное очарованіе страсти и почерпнувши изъ горя чарующее краснорѣчіе, первымъ своимъ вздохомъ при появленіи на свѣтъ сдѣлалъ себя несчастнымъ; но онъ умѣлъ придавать особую красоту и безумію, а на грѣховныя дѣла и мысли набрасывать небесное покрывало изъ словъ, которыя, подобно солнечнымъ лучамъ, ослѣпляютъ, когда падаютъ на наши глаза, и заставляютъ ихъ проливать горячія и обильныя слезы). *Childe Harold, III, 77.*

выполненія перрійскаго вооруженнаго танца подъ аккомпаниментъ пѣнія,—сцены, которая дала ему матеріалъ для описанія въ Ч айльдъ Гарольдъ II, 67, и для прекрасной пѣсни, Tamburgi, Tamburgi! Въ Аѳинахъ Байронъ пришелъ въ негодованіе по поводу ограбленія скульптурныхъ произведеній Парфенона, произведеннаго англичанами, и вдохновившаго его на стихотвореніе „Проклятіе Минервы“. Затѣмъ кратковременное увлеченіе его одною изъ дочерей консула вдохновило его на небольшое стихотвореніе: Дѣвушка изъ Аѳинъ, героиню котораго во всю свою послѣдующую жизнь, даже тогда, когда она уже была старою блѣдною дамою, посѣщали постоянно массы англійскихъ туристовъ. 3 мая Байронъ предпринялъ свое знаменитое плаваніе черезъ Дарданеллы отъ Сестосса до Абидоса въ теченіе часа десяти минутъ, чѣмъ онъ всю свою жизнь чрезвычайно гордился и о чемъ упоминаетъ и въ Донъ-Жуанъ.

Все, что онъ видѣлъ и переживалъ въ этихъ чуждыхъ странахъ, должно было затѣмъ много лѣтъ подрядъ доставлять ему матеріалъ для его поэтическихъ произведеній. Въ Константинополѣ онъ встрѣтилъ однажды собакъ, которыя ѣли трупъ, и эта имъ самимъ пережитая сцена дала ему основаніе для описанія ужасовъ въ Осадѣ Коринфа, а затѣмъ для описанія тѣхъ же ужасныхъ сценъ въ Донъ-Жуанъ, являвшихся послѣдствіями осады Изамаила. Когда онъ послѣ путешествія въ Моретъ вернулся обратно въ Аѳины, ему пришлось, повидимому, самому пережить любовную исторію, послужившую основаніемъ для Гяура. (Въ одномъ письмѣ маркиза Слиго къ Байрону упоминается объ этомъ). Во всякомъ случаѣ съ нимъ случилось, несомнѣнно, слѣдующее: однажды, возвращаясь домой послѣ купанья въ Пиретъ, онъ встрѣтилъ отрядъ турецкихъ солдатъ, которые несли зашитую въ мѣшкѣ, молодую дѣвушку, чтобы бросить ее въ море, въ наказаніе за то, что она находилась въ любовныхъ отношеніяхъ съ однимъ христіаниномъ. Съ пистолетами въ рукахъ Байронъ принудилъ дикую толпу вернуться обратно и частью помощью подкупа, частью угрозами, добился освобожденія дѣвушки.

Полная разнообразныхъ ощущеній странствующая жизнь никакъ не могла доставить ему того душевнаго и умственнаго равновѣсія, котораго ему недоставало. Его послѣднее письмо, написанное имъ во время путешествія, указываетъ на сильное развитіе въ немъ меланхоліи. Отсутствіе цѣли въ жизни и вытекающая отсюда тоска жизнью сильно, повидимому, угнетали его. Печаль по поводу большихъ долговъ, тяготѣвшихъ надъ нимъ, по поводу разстройства здоровья и истощеннаго лихорадкою организма, грусть, вызванная, отсутствіемъ друзей, проходить черною нитью черезъ всѣ его письма. Онъ думаетъ, что дома его ожидаютъ одни только должники. Въ дѣйствительности онъ получилъ по возвращеніи домой, извѣстіе о болѣзни матери. Онъ поспѣшилъ въ Ньюстэдъ, чтобы еще разъ повидаться съ нею и прибылъ на другой день послѣ ея смерти. Горничная нашла его вечеромъ сидящимъ возлѣ трупа и услышала сквозь дверь его рыданія. На ея увѣщаніе сдержать свое горе онъ отвѣтилъ со слезами: „Ахъ,

у меня былъ только одинъ единственный другъ, и она умерла!“ Тѣмъ не менѣе изъ преувеличеннаго страха показать другимъ, какъ онъ страдаетъ, онъ не могъ заставить себя на другой день слѣдовать за похоронами матери. Онъ стоялъ на порогѣ парадной двери, пока трупъ не исчезъ изъ виду. Затѣмъ онъ позвалъ своего пажа, велѣлъ принести свои фехтовальныя перчатки и съ судорожною энергіею принялся боксировать, по обыкновенію, въ теченіе часа. Но испытаніе оказалось ему не по силамъ; онъ бросилъ перчатки на полъ и поспѣшилъ въ свою комнату.—Непосредственно послѣ этого онъ впалъ въ сильнѣйшую меланхолію, во время которой вновь завѣщалъ похоронить тѣло лорда Байрона рядомъ съ тѣломъ его собаки.

Едва Байронъ успѣлъ высадиться, какъ его другъ Далласъ спросилъ его, не привезъ ли онъ домой изъ путешествія стиховъ. Отличавшійся полнымъ отсутствіемъ критическаго чутія, Байронъ показалъ ему не безъ гордости Hints from Hogase (новую сатиру во вкусѣ Попа) и когда другъ, приведенный не въ особенное восхищеніе чтеніемъ ея—и вполне основательно,—спросилъ, нѣтъ ли у него еще чего-нибудь другого, Байронъ показалъ ему то, что онъ называлъ „нѣсколько мелкихъ стихотвореній и массу Спенсеровскихъ стансовъ“,—это были двѣ первыя пѣсни Ч айльдъ-Гарольда. По настоятельной просьбѣ пріятеля первыми отданы были въ печать эти пѣсни.

Для насъ, живущихъ теперь, впечатлѣніе этихъ двухъ пѣсней сливается обыкновенно съ воспоминаніемъ о послѣднихъ двухъ (написанныхъ шестью—семью годами позже), но слѣдуетъ строго отдѣлять оба эти впечатлѣнія другъ отъ друга, если желаешь ясно представить себѣ ходъ развитія Байрона. Разстояніе между первою половиною Ч айльдъ-Гарольда и второю половиною такъ-же велико, какъ между Ч айльдъ-Гарольдомъ и Донъ-Жуаномъ.

Стансы, показанныя Байрономъ Далласу, благозвучны, прочувствованны и временами величественны. Здѣсь впервые пѣніе и музыка раздаются изъ тѣхъ устъ, которыя затѣмъ до послѣдняго своего вздоха будутъ издавать непрестанное благозвучіе. Но все же онѣ представляютъ лишь смутный абрисъ той фізіономіи поэта, которая десять лѣтъ спустя получила обще-европейскую извѣстность. Многочисленные и яркія описанія природы играютъ здѣсь главную роль; въ сравненіи съ ними лирическія части малы по объему, и для поверхностнаго взора эти стансы могли-бы показаться дорожными впечатлѣніями молодого знатнаго и пресыщеннаго жизнью англичанина, если-бы только высокій стиль, которымъ написано стихотвореніе, не наложилъ на него свой облагораживающій отпечатокъ; потому что Ч айльдъ-Гарольдъ настолько-же торжествененъ и мечтателенъ по тону, на сколько Донъ-Жуанъ реалистиченъ и причудливъ.

Здѣсь настроеніе проникнуто мрачною грустью,—слезы, обливающіяся—слезами. Байронъ не представляется намъ здѣсь еще тѣмъ человѣкомъ, который быстро переходитъ отъ одного чувства къ другому, большею частью совершенно противоположному, чтобы затѣмъ подавить ихъ всѣ и разрушить тѣмъ съ бѣль-

шею силою, чѣмъ сильнѣе было напряженіе этихъ чувствъ. Но если мы еще различаемъ фیزیомію поэта покаместъ только въ полуоборотъ, если мы еще не видимъ и проблеска причудливой фантазіи сатирика или его цинической, шутливой улыбки, то все-же изъ-за горячаго и торжественнаго пафоса юноши проглядываетъ наиболѣе рѣзко выраженная личность въ современной поэзіи. Есть въ этомъ стихотвореніи Я, которое господствуетъ надъ всѣми мелкими подробностями, Я, которое не сливается съ какимъ-либо чувствомъ и не переходитъ ни въ какой предметъ.

Между тѣмъ какъ другія поэтическія личности могли то принимать воздушныя, переливающиеся и кристаллизующіяся формы, то скрываться за какой-либо постороннею личностію, то превращаться въ космическія вещества, то всецѣло погружаться въ чувственные воспріятія, дѣйствующія на нихъ извнѣ,—здѣсь передъ нами стоитъ Я, которое постоянно обращается и возвращается назадъ къ себѣ; это въ высшей степени подвижное, страстное Я, о душевныхъ движеніяхъ котораго свидѣлствуетъ каждое самое ничтожное движеніе строфъ подобно тому, какъ шумъ каждой отдѣльной морской раковины напоминаетъ ропотъ моря.

Чайльдъ-Гарольдъ (въ первомъ наброскѣ Чайльдъ-Бурунгъ) покидаетъ послѣ буйно проведенной молодости съ сердцемъ, наполненнымъ сплинъ, свою родину, не оставляя въ ней за собою ни друзей, ни возлюбленныхъ. Онъ страдаетъ тоскою жизни, которая является слѣдствіемъ темперамента и организма, ведущаго къ меланхоліи, или-же ранняго пресыщенія наслажденіями. Въ немъ нѣтъ и слѣда радостной веселости юности или ея страсти къ удовольствіямъ и славѣ: онъ думаетъ, что покончилъ со всѣмъ, еще мало что успѣвъ испытать, и поэтъ до такой степени всецѣло сливается со своимъ героемъ, что и на минуту не можетъ возвыситься надъ нимъ, поднявшись на крыльяхъ ироніи.

Все это, производившее такое сильное впечатлѣніе на современниковъ, представляетъ мало привлекательнаго для современнаго читателя, склоннаго къ критическому отношенію къ прочитанному. Позированіе слишкомъ ясно выступаетъ впередъ, и то время, когда вялое пресыщеніе жизнью оказывало чарующее дѣйствіе, давно уже кануло въ вѣчность. Но всякій, обладающій опытнымъ глазомъ, замѣтитъ легко, что маска здѣсь — потому что это маска — если только удалить ее, открываетъ серьезное и страдающее лицо. Маска принадлежала отшельнику; снимите ее, и передъ вами останется склонная къ одиночеству натура. Маска представляла трагическую печаль, снимите ее,—и увидите за нею настоящую, неподдѣльную меланхолію. Странное одѣяніе пилигрима, выброшенное на плечи Гарольда—ничто иное, какъ маскарадное домино, но оно скрываетъ юношу съ горячими чувствами, пронизательнымъ умомъ, мрачными житейскими впечатлѣніями и рѣдкою любовью къ свободѣ. Въ лучшемъ Я Чайльдъ-Гарольда нѣтъ ничего неискренняго, потому что все, что онъ чувствуетъ и мыслить—чувствуетъ и мыслить самъ Байронъ. И если даже тотъ, кто знакомъ съ послѣдующею жизнью Байрона, найдетъ противорѣчіе между старческою меланхоліею вымышленной личности и юношескимъ, жаждущимъ наслажденій легкомысліемъ дѣй-

ствительной личности, то это несоотвѣтствіе происходитъ единственно отъ того, что Байронъ, который въ поэзіи еще слѣдовалъ направленію, отдалявшемуся отъ дѣйствительности, не могъ выразить всецѣло своей личности въ первыхъ пѣсняхъ Чайльдъ-Гарольда; конечно, онъ весь въ нихъ; но въ немъ существуетъ еще совсѣмъ другой міръ, который онъ оказывается въ состояніи воплотить вполне въ своей поэзіи только при созданіи имъ Донъ-Жуана. Но полноту въ изображеніи не слѣдуетъ смѣшивать съ притворствомъ и позированіемъ.

Въ февралѣ 1812 г. Байронъ выступилъ въ парламентъ съ своею дѣйствительною рѣчью въ защиту бѣднаго рабочаго населенія Ноттингэма, которое разбilo въдребезги ткацкіе станки, лишившіе его куска насущнаго хлѣба, и противъ котораго предложено было принять самыя строгія мѣры. Рѣчь носитъ юношескій, нѣсколько искусственный характеръ, но написана очень живо и горячо. Характеру Байрона вполне соотвѣтствовало говорить въ защиту голодной и пришедшей въ отчаяніе массы, и онъ весьма здраво доказалъ своимъ соотечественникамъ, что десятой доли той суммы, которую они съ готовностію предоставляли португальцамъ для продолженія начатой ими войны, было-бы достаточно и отвратило бы нужду, которую хотѣли заставить теперь замолкнуть помощью тюремъ и висѣлицъ. Горячая и упорная ненависть Байрона къ войнѣ составляетъ одинъ изъ тѣхъ грановъ здраваго человеческого смысла, которые являются всегда растворенными въ его поэзіи; она воодушевляетъ собою и первыя пѣсни Чайльдъ-Гарольда.

Вторая парламентская рѣчь Байрона касалась эмансипаціи католиковъ; она мало понравилась, хотя составлена была замѣчательно хорошо. Байронъ опровергаетъ съ большою логикою доводъ, приводимый противъ эмансипаціи католиковъ, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ эмансипировать и евреевъ. Въ его бумагахъ найдено было слѣдующее шутливое выраженіе по поводу этой рѣчи: „Когда оказалось, что обѣ противныя партіи по вопросу объ эмансипаціи католиковъ располагаютъ приблизительно равными силами, послали поспѣшно за мною и вызвали меня съ бала, откуда я очень неохотно ушелъ, чтобы даровать свободу пяти милліонамъ гражданъ“. Много есть шутливыхъ выраженій у Байрона, въ родѣ слѣдующаго замѣчанія о бракѣ: „Какъ должно быть пріятно жениться и поселиться въ деревнѣ: имѣешь хорошенькую жену и цѣлуешься съ ея горничной“. — Противорѣчіе ихъ съ чайльдъ-гарольдскою меланхоліею доставило многимъ людямъ поводъ утверждать, что Байронъ никогда не относился ни къ чему серьезно. Онъ былъ просто очень молодъ, любилъ шутить, считалъ стыдомъ выражаться сентиментально и избралъ себѣ безсознательно лозунгомъ слѣдующее изреченіе св. Бернарда: Старайся больше скрывать свои добродѣтели, чѣмъ свои пороки. (*Plus labora celare virtutes quam vitia*).

Дѣйственная рѣчь имѣла грандіозный успѣхъ и заставила обратить вниманіе на двѣ первыя пѣсни Чайльдъ-Гарольда, вышедшія черезъ два дня послѣ того, какъ она была произнесена. Поэма произвела громадное впечатлѣ-

ніе: Байронъ сразу сдѣлался знаменитостью, новымъ львомъ Лондона, законнымъ повелителемъ города на цѣлый 1812 годъ. Міровая столица, т. е. все, что было въ ней наиболѣе прекраснаго, изящнаго, образованнаго и блестящаго, лежала у ногъ 23-лѣтняго юноши. Если-бы первыя пѣсни Чайльдъ-Гарольда обладали достоинствами послѣднихъ пѣсенъ, ихъ глубокою искренностью и честною силою,—онѣ никогда не приобрѣли бы такой шумной популярности. Большая честность и большая искренность никогда не завоевываютъ сразу расположенія массы. Но именно таинственное, туманно—пресыщенное въ этомъ первомъ опытѣ произвело впечатлѣніе на толпу; сила, проглядывавшая изъ-за покрывала, дѣйствовала тѣмъ, что она выражалась нѣсколько театрално.

Это была цвѣтущая пора дэндизма, когда подъ руководствомъ Брумеля обособленная жизнь высшаго міра Лондона отличалась необыкновенною пышностью и легкомысліемъ, какъ еще ни разу со временъ Карла II. Собранія и балы, театры, игра и долги, любовныя исторіи, обольщенія и слѣдующія за ними дуэли—вотъ каково было содержаніе жизни аристократіи. А Байронъ былъ львомъ дня, и не только дня, а цѣлаго года. Онъ сдѣлался весьма быстро предметомъ поклоненія и восхищенія среди общества, скучавшаго и томившагося собственной пустотою. Такой молодой, такой красивый и такой уже порочный! Потому что никто не сомнѣвался, что онъ былъ такимъ-же опаснымъ и пресыщеннымъ существомъ, какъ и его герой. Байронъ не обладалъ хладнокровіемъ и равнодушіемъ передъ всякаго рода искушеніями, которыми отличался Вальтеръ Скоттъ. Онъ понесся внизъ по теченію, захватившему его. Художникъ, обрѣтавшійся въ глубинѣ его души, нуждался въ томъ, чтобы переживать всевозможныя настроенія, и не отстранялъ отъ себя ни одного изъ нихъ. Ему не трудно было поддержать свою славу поэта, потому что съ краткими промежутками времени появились вскорѣ одинъ за другимъ поэтическія повѣсти: *Гяуръ* (май 1813 г.), *Абидосская Невѣста* (декабрь того-же года), *Корсаръ* (оконченный на новый годъ 1814 г.), который распроданъ былъ въ одинъ день въ количествѣ 13,000 экземпляровъ. Язвительная ода къ Наполеону по случаю его отреченія отъ престола доказываетъ, что Байронъ въ своей поэзіи имѣлъ иногда въ виду и политику. Въ 1815 г. онъ написалъ *Паризину* и *Осаду Коринфа*. Новизна, оригинальность и страстность этихъ произведеній увлекли пресыщенное лондонское общество. Онъ былъ тѣмъ оригинальнымъ явленіемъ, на которомъ сосредоточивались всѣ взоры. Молодыя дамы въ общественныхъ собраніяхъ дрожали отъ радости при мысли о томъ, что онъ, можетъ быть, поведетъ ихъ къ столу, и въ то-же время не рѣшались, сидя рядомъ съ нимъ, ничего ѣсть, зная, что онъ не любитъ смотрѣть, какъ женщины ѣдятъ. Робко предавались онѣ надеждѣ, что онъ сооблаговолитъ написать нѣсколько строчекъ въ ихъ альбомъ. Имѣть что нибудь, написанное имъ,—было равносильно обладанію сокровищемъ. Спрашивали другъ друга, сколькимъ греческимъ и турецкимъ женщинамъ любовь къ нему принесла смерть и сколькихъ мужей онъ убилъ. На его лбу, въ его

взорѣ, выражалась, по ихъ мнѣнію, преступность. Онъ не носилъ пудры; его волосы находились въ таксмъ-же безпорядкѣ, какъ и его чувства. Отличаясь во всѣхъ отношеніяхъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ, онъ былъ такъ-же воздерженъ въ ѣдѣ, какъ и его Корсаръ. Приглашенный на обѣдъ къ такому-то и такому-то лорду, онъ пропустилъ мимо, не дотрогиваясь до нихъ, одиннадцать блюдъ, и потребовалъ бисквитовъ и содовой воды. Какое мучительное положеніе для хозяйки дома, гордящейся своимъ обѣдомъ, и какое неестественное поведеніе въ обществѣ, гдѣ хорошій аппетитъ—національная добродѣтель!

Такимъ образомъ мы видимъ, какъ Чайльдъ-Гарольдъ самъ лично превращается въ Донъ-Жуана. Одинокій пилигримъ обращается въ салоннаго льва. Высокое положеніе, занимаемое въ обществѣ Байрономъ, его молодость и рѣдкая красота производили на дамскій кружокъ такое же сильное впечатлѣніе, какъ и его поэзія. Въ біографіи Вальтеръ Скотта находится слѣдующее замѣчаніе относительно внѣшности Байрона: „Мнѣ кажется, я видѣлъ всѣхъ лучшихъ поэтовъ моего времени и моей страны, но хотя самые прекрасные глаза были у Бёрнса, ни одинъ не обладалъ такою наружностью, по которой можно было бы сейчасъ узнать, что передъ тобою поэтъ: такую именно наружностью обладалъ Байронъ. Его портреты не даютъ никакого представленія о немъ: огонь есть въ нихъ, это правда, но онъ не зажженъ. Лицо Байрона принадлежало къ числу тѣхъ, которыя грезятся во снѣ“.—А одна изъ англійскихъ красавицъ воскликнула, при первомъ взглядѣ на него: „Это блѣдное лицо—моя судьба“.

Женщины играли всегда большую роль въ жизни Байрона, но намеки въ Чайльдъ-Гарольдѣ подали поводъ къ распространенію слуховъ, будто онъ въ Ньюстэдѣ обзавелся настоящимъ гаремомъ, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности этотъ гаремъ состоялъ всего изъ одной единственной одалиски. О его любовныхъ связяхъ во время его путешествій ходило много самыхъ преувеличенныхъ, до смѣшнаго, разсказовъ. Вслѣдствіе этого женщины буквально штурмовали его; его столъ былъ ежедневно полонъ писемъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ ему дамъ. Одна явилась къ нему переодѣтою пажемъ, вѣроятно для того, чтобы походить на Каледъ въ Ларѣ, многія являлись безъ переодѣваній. О суматохѣ, среди которой онъ жилъ, можно составить себѣ понятіе изъ его собственного разсказа Медвину о томъ, какъ онъ послѣ своей свадьбы засталъ въ гостиную своей жены разомъ трехъ замужнихъ дамъ, которыхъ онъ—употребляя его собственное выраженіе—„зналъ за голубей изъ одной клѣтки“.

Это была жизнь, посвященная торжеству тщеславія, полная пустыхъ наслажденій: для Байрона это во всякомъ случаѣ было лучше спокойствія, потому что спокойствіе, какъ онъ говоритъ въ Чайльдъ-Гарольдѣ,—адъ для сильныхъ сердецъ. Было ли при этомъ затронуто его сердце? Врядъ ли! Любовныя отношенія, занимавшія въ эти годы Байрона и получившія значеніе для его дальнѣйшей судьбы, представляли, какъ видно изъ сохранившихся его писемъ,

только морское теченіе въ морскомъ теченіи, и увлекали его, оставляя его сердце совершенно холоднымъ. Лэди Каролина Лэмбъ, молодая женщина знатнаго происхождения, замужемъ за государственнымъ челоѣкомъ, прославившимся впоследствии поѣ именемъ лорда Мельбурна, воспыкала страстнымъ желаніемъ познакомиться съ авторомъ Чайльдъ-Гарольда. Это была порывистая, фантастичная, беспокойная натура, не выносившая никакого принужденія и въ этомъ отношеніи родственная по духу съ Байрономъ, который былъ на три года моложе ея; она была стройна и красиво сложена съ бѣлокурыми волосами и кроткимъ голосомъ; ея обращеніе и манеры, хотя и казались нѣсколько аффектированными и экзальтированными, производили чарующее дѣйствіе; однимъ словомъ, она принадлежала къ тому роду „вакханокъ, восторженныхъ женщинъ“, которыя въ Adam Notho Палудана-Мюллера поютъ: „Чтобы разбить ему сердце, мы примемъ участіе въ его страданіяхъ; чтобы проникнуть въ глубь его, мы найдемъ себѣ лазейку. Порывисто и страстно обнимая его, мы изъ его лавровъ и вѣнковъ устроимъ себѣ украшеніе, которое должно всѣхъ привести въ восторгъ“. Она сыграла въ жизни Байрона ту же роль, какую г-жа Кальбъ играла въ жизни Шиллера ¹⁾. Отношенія ихъ возбудили такъ много шума, что мать моло-

¹⁾ Въ воспоминаніяхъ лэди Морганъ записано нѣсколько весьма интересныхъ указаній лэди Лэмбъ относительно того, какимъ образомъ произошло ея знакомство съ Байрономъ: „Лэди Вестморлендъ познакомилась съ нимъ за границею. Она предложила представить его мнѣ. Женщины буквально терзали его. Я ничего не слыхала болѣе о немъ, пока однажды вечеромъ Роджерсъ (потому что онъ, Спенсеръ и Муръ были всѣ три моими поклонниками) сказалъ: вы должны познакомиться съ молодымъ поэтомъ, и протянулъ мнѣ рукопись Чайльдъ-Гарольда. Я прочитала ее и этого было достаточно. Роджерсъ сказалъ: Онъ хромаетъ на одну ногу и кусаетъ себѣ ногти. Я отвѣтила: Хотя бы онъ былъ такъ безобразенъ, какъ Эзонъ, я хочу непременно познакомиться съ нимъ.—Однажды вечеромъ я сидѣла у лэди Вестморлендъ, и дамы всѣ приходили въ восторгъ отъ него. Лэди В. подвела меня къ нему. Я посмотрѣла на него серьезно и отошла въ сторону. Я составила себѣ о немъ мнѣніе, которое записала въ своемъ дневникѣ: сумасброденъ—золъ—и опасенъ, какъ знакомый. Прошли одинъ-два дня; я сидѣла у лэди и лорда Голлендъ, когда о немъ доложили. Лэди Голлендъ сказала: Я должна представить лорда Байрона. Лордъ Байронъ замѣтилъ: Это предложеніе было уже сдѣлано вамъ раньше: почему вы отказались тогда отъ него? Онъ попросилъ позволенія навѣстить меня. Онъ сдѣлалъ это на слѣдующій-же день. Роджерсъ и Муръ стояли вблизи меня. Я сидѣла на диванѣ, только что вернувшись домой и послѣ катанья верхомъ, разгоряченная, съ растрепанными волосами. Когда доложили о лордѣ Байронѣ, я выбѣжала изъ комнаты, чтобы умыться. Когда я вернулась, Роджерсъ сказалъ: Лордъ Байронъ! вы счастливый челоѣкъ; лэди Каролина сидѣла въ забрызганномъ грязью платѣ, но когда доложили о васъ, она сейчасъ-же побѣжала охорашиваться... Съ этой минуты онъ почти девять мѣсяцевъ жилъ все время въ Мельбурнъ-Гоузѣ и былъ средоточіемъ всякаго веселья въ немъ, по крайней мѣрѣ, съ виду... Весь bon ton Лондона ежедневно собирался здѣсь. Болѣе феенебельное общество трудно было встрѣтить. Байронъ старался всѣхъ ихъ обратить въ бѣгство... Эти съ стенографическою точностью сохранившіяся выраженія даютъ превосходную картину жизни лондонской знати того времени.

дой женщины не успокоилась, пока они не были прерваны отъѣздомъ ея въ Ирландію. Байронъ написалъ тогда лэди Лэмбъ прощальное письмо, которое она дозволила впоследствии переписать лэди Морганъ,—письмо, типичное для стиля Байрона въ эти незрѣлые годы молодости: въ немъ психологъ врядъ ли найдетъ языка любви. Онъ напоминаетъ скорѣе всего напыщенное письмо Гамлета къ Офеліи:

„Если слезы, которыя, какъ ты видѣла и знаешь, я не легко проливаю; если душевное волненіе, съ какимъ я разстался съ тобою,—душевное волненіе, которое ты должна была замѣтить при всей той потрясающей нервы сценѣ, которая разыгралась между нами, хотя оно проявилось въ настоящемъ свѣтѣ только при приближеніи момента разлуки; если все, что я говорилъ и дѣлалъ, и еще готовъ говорить и дѣлать, недостаточно показали тебѣ характеръ моихъ настоящихъ чувствъ къ тебѣ, моя возлюбленная, и не увѣрили тебя въ томъ, что эти чувства никогда не измѣнятся, то я не могу представить никакихъ доказательствъ больше... Есть ли что-нибудь на небѣ или на землѣ, что могло бы сдѣлать меня болѣе счастливымъ, чѣмъ возможность назвать тебя своею женою? Ты знаешь, я съ радостью готовъ отказаться отъ всего въ этомъ мірѣ и въ будущемъ, лишь бы достигнуть этого счастья, и когда я вѣчно пою тебѣ одинъ и тотъ же припѣвъ, можно ли истолковывать въ другую сторону мои слова? Мнѣ нѣтъ дѣла до того, кто объ этомъ узнаетъ или какое употребленіе сдѣлаетъ: къ тебѣ, къ тебѣ одной обращены эти слова, къ самой тебѣ. Я былъ и остаюсь твоимъ, свободно и всецѣло, чтобы повиноваться тебѣ, почитать тебя, любить тебя и бѣжать съ тобою когда, куда и какъ ты захочешь или рѣшишь сама“.

Неудивительно, что Байронъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, самъ устроилъ разрывъ; его любовь никогда не была чѣмъ либо другимъ, какъ тѣмъ отраженіемъ любви, которое точно въ зеркалѣ повторяетъ всѣ движенія пламени, не обладая собственнымъ огнемъ. На балѣ, гдѣ лэди Лэмбъ вскорѣ послѣ того встрѣтилась съ Байрономъ, она въ своемъ отчаяніи на его равнодушіе схватила первое попавшееся въ ея руки острое орудіе—одни говорятъ, ножницы, другіе—разбитый стаканъ отъ мороженаго—и порѣзала себѣ имъ горло. Послѣ этой неудавшейся попытки къ самоубійству она (по словамъ графини Гвичіоли) надала „самыхъ невѣроятныхъ обѣщаній“ одному молодому лорду подъ условіемъ, что онъ вызоветъ на дуэль и убьетъ вѣроломнаго; а между тѣмъ, нѣсколько времени спустя, сама посѣтила Байрона „вовсе не съ намѣреніемъ перерѣзать горло ему или себѣ“. Слова, которыя она, не заставъ его дома, оставила ему въ запискѣ на столѣ, послужили для него матеріаломъ къ эпиграммѣ Remember thee, находящейся среди его стихотвореній. Сгорая жаждою мести, лэди Лэмбъ взялась за перо и сочинила романъ Гленарвонъ, вышедшій въ свѣтъ въ самое несчастное для Байрона время, именно сейчасъ послѣ того, какъ жена

оставила его; онъ подлил не мало масла въ огонь негодованія и вражды, раз-
роставшіяся противъ него. На книгѣ эпиграфъ изъ Корсара:

He left a Corsair's name to other times,
Link'd with one virtue, and a thousand crimes.

(„Онъ оставилъ потомству имя Корсара, украшенное одною добродѣтелью и тысячею преступленій“).

Въ этомъ романѣ лэди Лэмбъ описываетъ Байрона, какъ демона притвор-
ства и злобы, обладающаго всѣми дурными качествами своего героя. И все же—
можетъ быть, для того, чтобы оправдать себя—она не можетъ удержаться, чтобы
не придать рисуемому ею образу и привлекательныя черты. Въ одномъ мѣстѣ
говорится: „Если бы онъ въ своемъ обращеніи позволилъ себѣ что-нибудь, по-
хожее на вольность и навязчивость,—что часто бываетъ съ мужчинами—она,
можетъ быть, ислугалась бы и стала бы осторожною. Но отъ чего ей было бѣ-
жать? Конечно, не отъ грубой лести или легкомысленныхъ и пустыхъ увѣреній,
къ которымъ всѣ женщины такъ скоро привыкаютъ, не отъ вниманія, обнима-
вшаго всѣ ея самыя мелочныя желанія, не отъ почтительности, одновременно
изысканной и лестной, не отъ особенной прелести и нѣжности обращенія, дѣй-
ствующихъ удивительно чарующимъ образомъ. И все это соединялось съ грандіоз-
ными силами фантазіи, съ умомъ и остроуміемъ, которыми никто другой не об-
ладалъ въ такой сильной степени“.

Во время дальнѣйшаго пребыванія Байрона въ Венеціи Гленарвонъ
былъ переведенъ на итальянскій языкъ, и цензоръ спросилъ поэта: можетъ быть
онъ имѣетъ что-нибудь противъ выхода книги, потому что въ такомъ случаѣ
онъ не дастъ на нее разрѣшенія. Байронъ отвѣтилъ на это, издавъ книгу на
свой счетъ. Лэди Лэмбъ еще разъ встрѣчается въ біографіи Байрона и притомъ
весьма страннымъ образомъ. Когда тѣло Байрона было привезено въ Англію
изъ Греціи и похоронная процессія медленно двигалась, направляясь въ Нью-
стэдъ, посрединѣ пути съ нею повстрѣчалось двое всадниковъ: мужчина и дама;
дама спросила: кого хоронятъ? Услышавъ отвѣтъ, она безъ чувствъ упала съ
лошади. Это былъ авторъ Гленарвона.

Легкомысленная и необузданная лондонская жизнь Байрона временно пре-
кратилась, благодаря самому роковому событію въ его жизни,—его женитьбѣ.
Его образъ жизни не внушилъ ему большого уваженія къ женщинамъ; но онъ лю-
билъ въ женщинахъ именно тѣхъ преданныхъ, самоотверженныхъ созданій, ко-
торыхъ онъ предпочтительно рисуетъ въ своихъ произведеніяхъ. Между тѣмъ
судьбѣ было угодно, чтобы его невѣстою сдѣлалась женщина съ сильнымъ, энер-
гическимъ, чисто англійскимъ характеромъ. Миссъ Анна Изабелла Мильбанкъ,
единственная дочь одного богатаго баронета, понравилась Байрону своимъ про-
стымъ и скромнымъ характеромъ, увлекла его надеждою при помощи ея прида-

наго привести въ хорошее состояніе Ньюстэдъ, раздражила его отказомъ, когда
онъ въ первый разъ попросилъ ея руку, очаровала его, сдѣлавъ ему нѣсколько
времени спустя, по собственному почину, предложеніе начать съ нею дружескую
переписку, и дала ему утвердительный отвѣтъ на новое письменное предложеніе,
составленное съ самымъ возмутительнымъ легкомысліемъ и посланное потому,
что одинъ пріятель, кому письмо дано было для прочтенія, нашелъ, что оно
„хорошо написано“.

Изъ-за такихъ дурныхъ, частью тщеславныхъ, частью чисто мѣщанскихъ
соображеній, Байронъ очертя голову бросился въ бракъ, который кончился такъ
дурно, какъ можно было заранѣе предвидѣть. Во время помолвки онъ находился
сравнительно въ довольно веселомъ настроеніи: „Я очень влюбленъ, пишетъ
онъ одной пріятельницѣ, и такъ же неотвѣтственъ за свои дѣйствія, какъ всѣ
неженатые люди въ моемъ положеніи“. А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:
„Я теперь самый счастливый изъ смертныхъ, такъ какъ недѣлю тому назадъ
сдѣлался женихомъ. Вчера я встрѣтилъ Ф., также самаго счастливаго изъ
смертныхъ, потому что онъ также помолвленъ“. Настолько ребячески письма
Байрона отъ этого времени, что единственная его забота заключается въ томъ,
что онъ не можетъ выносить синяго фрака, а обычай требуетъ вѣнчаться въ
немъ. Но по мѣрѣ приближенія свадьбы, онъ приходилъ все въ худшее и худшее
расположеніе духа, такъ какъ отношенія между его родителями рано внушили
ему страхъ передъ бракомъ. Свои чувства во время вѣнчанія онъ описалъ
въ Снѣ, и въ разговорахъ съ Медвиномъ говорилъ, что дрожалъ и отвѣчалъ
невпопадъ.

„Сироповый мѣсяцъ“, какъ Байронъ называлъ его, прошелъ далеко не
безоблачно. „Я провожу время (въ деревнѣ у тестя), пишетъ онъ Муру, въ
страшномъ состояніи подавленности и однообразія и занимаюсь исключительно
тѣмъ, что ѣмъ компотъ, шатаюсь по окрестностямъ, играю въ скучныя карты,
читаю старые альманахи и газеты, ищу раковинъ на берегу моря и наблюдаю
ростъ нѣсколькихъ жалкихъ кустовъ крыжовника въ саду“.—А нѣсколько дней
спустя онъ говоритъ: „Я живу здѣсь очень комфортабельно и каждый вечеръ
выслушиваю скучныя монологи, которые старые господа называютъ разговоромъ,
и которые произносятся моимъ тестемъ каждый вечеръ, исключая тѣхъ вечеровъ,
когда онъ играетъ на скрипкѣ. Они въ то-же время чрезвычайно любезны и
гостепріимны. Белль очень весела; она отличается неизмѣнною любезностью и всегда
хорошимъ расположеніемъ духа“.

Пегасъ чувствовалъ себя не совсѣмъ удобно въ ярмѣ: Между тѣмъ моло-
дая парочка весьма скоро отправилась въ Лондонъ, устроилась блестящимъ об-
разомъ, держала экипажей и лошадей, давала вечера и т. д. пока не явились
на сцену кредиторы Байрона. 10,000 ф. ст. приданого испарились, какъ роса
подъ лучами солнца; 8000 ф. ст. полученныхъ въ наслѣдство Байрономъ, пошли

по тому-же пути. Ему пришлось даже продать свои книги. Муррей предложилъ ему 1500 ф. ст., гонорару, чтобы удержать ихъ, но Байронъ изъ ложной гордости отправилъ ему назадъ ассигновку разорванною. Затѣмъ послѣдовало восемь запрещеній; даже на брачную постель было наложено запрещеніе, такъ какъ мебель и экипажи были раньше увезены. Среди этихъ именно обстоятельство леди Байронъ въ декабрѣ 1815 г. родила дочь Аду.

Само собою разумѣется, что молодая избалованная наслѣдница никакъ не ожидала возможности такихъ событій. Тѣмъ не менѣе въ началѣ совмѣстная жизнь парочки сложилась довольно хорошо. Они выѣзжали вдвоемъ и молодая жена съ большимъ терпѣніемъ ждала въ экипажѣ, пока ея мужъ дѣлалъ визитъ. Она писала за него письма и переписала, напр., его произведение—*O s a d a K o r i n f a*. Но все-же въ маленькихъ несогласіяхъ не было недостатка. Молодая женщина, повидимому, имѣла обыкновеніе прерывать постоянно Байрона, въ то время какъ онъ писалъ, задавая ему разнаго рода вопросы и обращаясь къ нему съ разговорами, что вызывало съ его стороны вспышки злости, которыя она находила въ высшей степени неприличными. Вообще ей никогда еще не случилось видѣть такую вспышчивость и такія неправильности жизни, какъ у него. Однажды, напр., онъ въ бѣшенствѣ бросилъ свои часы въ каминъ и разбилъ ихъ вдребезги при помощи желѣзныхъ щипцовъ; въ другой разъ онъ изъ шутки или изъ желанія напугать ее выстрѣлилъ изъ пистолета въ ея комнатѣ. Къ этому присоединилась ревность. Она знала о его любовныхъ похожденияхъ и въ особенности о его отношеніяхъ къ леди Лэмбъ, ея близкой родственницѣ. Къ довершенію всего, Байрону пришла въ голову злосчастная идея баллотироваться въ члены комитета, управляющаго Дрюилэнскимъ театромъ, и его корректная жена съ безпокойствомъ взидала на его постоянныя дѣловыя сношенія съ актрисами, пѣвицами и танцовщицами. Одна служанка у леди Байронъ, горничная, описанная имъ въ *A s k e t c h*, начала шпионить за Байрономъ и вскрывать его письма и ящики. Кромѣ того, былъ еще одинъ черный пунктъ, къ которому мы въ послѣдствіи вернемся.

Черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія ребенка, молодая женщина съ общаго согласія выѣхала изъ шумнаго и некомфортабельнаго дома, чтобы провести нѣкоторое время у своихъ родныхъ; но тотчасъ по ея пріѣздѣ къ нимъ, отецъ ея далъ знать лорду Байрону, что она не вернется больше къ нему. А между тѣмъ еще дорогою она написала ему письмо (теперь напечатанное), съ обращеніемъ *De a r d u c k* (дорогой голубчикъ) и съ такою же ласковою подписью. Можно представить себѣ удивленіе Байрона. Онъ написалъ отцу, что въ этомъ дѣлѣ, само собою разумѣется, онъ не признаетъ компетентности отца, но долженъ имѣть собственноручное заявленіе своей жены; оно также было доставлено ему. Въ 1830 г. леди Байронъ открыто объявила, что она писала мужу такъ нѣжно въ полномъ убѣжденіи, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ человѣкомъ, и что если-бы ея предположеніе о состояніи его ума оправдалось, она никогда не

бросила-бы его; но разъ этого нѣтъ, она ни за что не хочетъ продолжать жить съ нимъ.

Въ одномъ отрывкѣ романа, сочиненномъ Байрономъ въ 1817 г., говорится совершенно согласно съ этимъ: „Нѣсколько дней спустя она уѣхала съ своимъ сыномъ въ Аррагонію, чтобы посѣтить своихъ родителей. Я не сейчасъ послѣдовалъ за нею, такъ какъ бывалъ раньше въ Аррагоніи... Во время пути я получилъ отъ донны Іозефы очень нѣжное письмо, сообщавшее мнѣ о здоровьи ея и моего сына. По прибытіи въ замокъ, она написала мнѣ другое, еще болѣе нѣжное письмо, въ которомъ въ самыхъ ласковыхъ и даже мѣстами игривыхъ выраженіяхъ убѣждала меня поскорѣ пріѣхать къ ней. Я уже готовился оставить Севилью, когда получилъ третье письмо, на этотъ разъ отъ ея отца, который въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ требовалъ отъ меня расторгенія моего брака. Я отвѣтилъ такъ-же вѣжливо, что ни за что не соглашусь на это. Прибыло четвертое письмо отъ донны Іозефы, въ которомъ она сообщала мнѣ, что письмо ея отца написано согласно съ ея непремѣннымъ желаніемъ. Я спросилъ съ первою почтою о причинѣ. Она отвѣтила мнѣ эстафетою, что такъ какъ причины не имѣютъ съ этимъ дѣломъ ничего общаго, то нѣтъ надобности и излагать ихъ,—но что она оскорбленная и превосходная женщина. Я спросилъ тогда, почему она написала мнѣ два предыдущія нѣжные письма, требовавшія моего пріѣзда въ Аррагонію. Она отвѣтила, что она писала ихъ, думая, что я сумасшедшій, и что если-бы я отправился въ путешествіе одинъ, я безъ затрудненія прибылъ-бы въ замокъ моего тестя и тамъ нашелъ-бы самую нѣжную изъ женъ—и узкую смиренную рубашку“.

Какъ только жена Байрона покинула его, онъ въ глазахъ свѣта сдѣлался сейчасъ-же другимъ. Подобно тому, какъ послѣ появленія Ч ай л ѣ д ѣ - Г а р о л ѣ да онъ проснулся утромъ и увидѣлъ себя знаменитымъ человѣкомъ, теперь онъ на другое утро проснулся опозореннымъ человѣкомъ, съ которымъ обращались, какъ съ опальнымъ.

Причиною была прежде всего и главнымъ образомъ зависть, не зависть боговъ, которую древніе считали источникомъ гибели всего великаго, но грязная и низменная зависть людей. Онъ стоялъ слишкомъ высоко, онъ былъ слишкомъ великъ. Не смотря на все свои ошибки, онъ ни разу не унился до уровня мѣщанской респектабельности; довѣряя своимъ способностямъ и своему счастью, онъ всегда пренебрегалъ возможностью приобрести друзей, которые въ случаѣ нужды могли-бы служить ему защитою, и оставался совершенно равнодушнымъ къ тому, сколько враговъ создавалъ на своемъ пути. А между тѣмъ считать ихъ теперь было уже невозможно. Завидовали ему прежде всего и главнымъ образомъ его пишущіе собратья, а изъ всехъ видовъ зависти—самая ядовитая зависть писателей. Онъ издѣвался надъ ними и называлъ ихъ авторами времени упадка, онъ лишилъ нѣкоторыхъ извѣстности, а у другихъ отнялъ воз-

можность добыть себѣ имя—почему-же его должны боготворить, ему должны поклоняться, а они осуждены вѣчно приводить въ порядокъ свои локоны въ напрасномъ ожиданіи вѣнка, которымъ они никакъ не могутъ украсить себя? Какая радость была-бы, если-бы возможно было стащить его съ золотого престола славы и окунуть его въ ту-же грязь, въ которой они сами стояли!

Къ нему давно уже относились подозрительно и его давно уже втайнѣ ненавидѣли въ обществѣ, правовѣрномъ въ религіозномъ и политическомъ отношеніи. Нѣсколько строфъ въ Чайльдъ-Гарольдѣ, которыя въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ высказывали сомнѣніе относительно возможности посмертныхъ свиданій, встрѣчены были обвиненіями въ ереси, и противъ нихъ написана была цѣлая книга Анти-Байронъ. Его четыре строчки къ принцессѣ Шарлоттѣ, съ надписью—Плачущей Принцессѣ, были напечатаны вмѣстѣ съ Корсаромъ. Въ нихъ поэтъ утѣшаетъ принцессу по поводу переворота въ политическихъ воззрѣніяхъ принца регента, и эти слова привели въ страшнѣйшее негодованіе всю могущественную торійскую партію. Но до сихъ поръ невидимымъ панциремъ, защищавшимъ Байрона, являлось чудесное вліяніе, которымъ онъ пользовался; теперь-же, когда открылась брешь въ его частной жизни, стали натравлять противъ него общественное мнѣніе.

Леди Байронъ и ея семья жили, само собою разумѣется, совершенно въ духѣ своего общества, и имъ не трудно было изобразить чудовищемъ того, кого оказалась вынужденною бросить даже подобная примѣрная жена. Начали возникать слухи; клевета родилась, образовалась, получила ноги, чтобы ходить, крылья, чтобы летать, и начала разрастаться во время своего полета. Ея голосъ становился все сильнѣе, какъ это описывается въ знаменитой аріи Базиля: она переходила отъ шепота къ свисту, отъ свиста къ оглушительному шуму, на подобіе грома въ горахъ. Кто не знаетъ этого концерта, во время постановки котораго низменность соединяется съ глупостью, и при исполненіи котораго невѣжество поетъ въ хорѣ съ сознательною подлостью, между тѣмъ какъ злорадность, ликуя, вставляетъ свои самыя пронзительныя трели въ гармонию.

Зависть къ Байрону поступила на службу къ лицемѣрію и получила отъ него плату. Цивилизованное лицемѣріе, въ вѣкъ религіозной реакціи, было общественною силою, авторитетъ котораго ни въ чемъ не уступалъ авторитету инквизиціи въ XVI в., съ разницею развѣ въ характерѣ средствъ, а никакъ не въ ихъ обширности и дѣйствительности. Такимъ-то образомъ, какъ говоритъ Байронъ въ Чайльдъ-Гарольдѣ, общественное мнѣніе сдѣлалось все-сильнымъ.

Opinion an omnipotence,—whose veil
Mantles the earth with darkness, until right
And wrong are accidents. and men grow pale

Lest their own judgments should become too bright,
And their free thoughts be crimes, and earth have too much light ¹⁾.

(Общественное мнѣніе—всемогущая сила, покрывало которой окутываетъ землю тьмою, пока правда и несправедливость не обращаются въ случайности, и пока люди не начинаютъ блѣднѣть при мысли, что ихъ собственныя сужденія могутъ показываться слишкомъ яркими, ихъ свободныя мысли могутъ быть сочтены за преступленія, а земля получить слишкомъ много свѣта).

Такимъ-то образомъ, какъ самъ Байронъ описываетъ въ Донъ Жуанѣ, лицемѣріе обратилось въ могущественную силу, достойную быть воспѣтою голосами 40 пасторовъ.

Маколей говоритъ въ своемъ опытѣ о Байронѣ по поводу этого слѣдующее: „Я не знаю болѣе комичнаго зрѣлища, какъ видъ англійскаго общества во время одного изъ приключающихся съ нимъ періодически припадковъ нравственности. Вообще, увозъ чужихъ женъ, разводы и семейныя ссоры происходятъ въ Англіи мирно, не обращая на себя ничьего вниманія. Мы читаемъ о случившихся скандалахъ, говоримъ о нихъ въ теченіе одного дня и сейчасъ же забываемъ. Но вдругъ на шестой или седьмой годъ наша добродѣтель дѣлается воинственною. Мы не можемъ выносить, чтобы законы религіи и нравственности попирались такимъ образомъ. Мы считаемъ себя обязанными создать оплотъ противъ порока. Мы должны показать легкомысленнымъ людямъ, что англійскій народъ понимаетъ все великое значеніе семейныхъ узъ. Въ виду этого тотъ или иной несчастный человѣкъ, который нисколько не менѣе испорченъ, чѣмъ сотни другихъ, къ проступкамъ которыхъ относятся самымъ снисходительнымъ образомъ, становится козломъ отпущенія. Если у него есть дѣти,—ихъ отымаютъ; если у него есть служебное мѣсто,—его прогоняютъ со службы; высшіе классы ему не кланяются, низшіе шикаютъ и свистятъ ему. Онъ дѣлается похожимъ на тѣхъ несчастныхъ мальчиковъ, наказанія и страданія которыхъ должны были служить примѣромъ для всѣхъ другихъ ихъ товарищей. Затѣмъ мы съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія думаемъ о нашей собственной строгости и съ величайшею гордостью сравниваемъ ту высокую ступень, на которой стоятъ нравственность Англіи, съ легкомысліемъ парижанъ. Въ концѣ концовъ, нашъ гнѣвъ удовлетворенъ. Наша жертва разорена или умерла съ отчаянія, а наша добродѣтель ложится спать на слѣдующіе семь лѣтъ“.

Если причины паденія Байрона были сложнаго характера, то средства для нападенія противъ него были самыя простыя, но и самыя дѣйствительныя въ такихъ случаяхъ—печать. Уже по поводу его стиховъ къ принцессѣ Шарлоттѣ газеты прибѣгли къ низкимъ клеветамъ противъ него, и во многихъ изъ нихъ завелись даже постоянныя рубрики для грязныхъ нападеній противъ Байрона. Эти нападенія на его частную жизнь имѣли полную свободу для дѣйствій въ

¹⁾ Чайльдъ-Гарольдъ. Пѣснь IV, строф., 93.

силу анонимности, которая, не смотря на всё вытекающія изъ нея безобразія и гадости, господствуетъ въ англійской печати. Значеніе анонима заключается въ дѣйствительности въ томъ, что самый бездарный невѣжда, едва умѣющій держать перо, помощью котораго онъ лжетъ, можетъ приложить къ своимъ устамъ нравственную трубу общественнаго мнѣнія и въ тысячахъ экземплярахъ дать услышать голосъ оскорбленной добродѣтели. И недостаточно того, что единственный анонимъ обращается въ массу благодаря множеству экземпляровъ, распространяющихся по бѣлу свѣту,—онъ можетъ писать подъ всевозможными наименованіями и въ дюжины различныхъ газетъ, и если одного пачкуна достаточно, чтобы снабдить цѣлую печать низкими нападками противъ безупречнаго въ глазахъ общества человека, то какимъ градомъ должны были сыпаться эти обвинения на Байрова, врагамъ котораго былъ легіонъ. Изъ бранныхъ словъ, которыми осыпала его печать, онъ впоследствии упоминалъ имена Нерона, Апиція, Калигулы, Геліогобала и Генриха VIII, т. е. его обвиняли во всѣхъ видахъ низкой жестокости, безумной грубости, звѣрскаго и противоестественнаго сладострастія. Его рисовали всѣми красками, которую пошлость могла найти на своей палитрѣ. Изъ этихъ обвиненій самымъ ужаснымъ было то, которое обошло всю печать и наложило клеймо на самое дорогое для него существо,—обвиненіе въ томъ, что онъ живетъ въ кровосмѣсительной связи съ родною сестрою. И на все это никакой возможности отвѣта. Онъ не могъ вызвать на дуэль уличную грязь, пачкавшую его!

Слухи переходили изъ устъ въ уста. Когда актриса мистриссъ Мардинъ выступила на Дрюилэнскомъ театрѣ непосредственно послѣ развода Байрона съ женою, ее ошкарки и выгнали вонъ со сцены, потому что среди зрителей распространилась взятая съ вѣтра сплетня, что эта дама, съ которою Байронъ едва обмѣнялся парюю словъ, находится въ любовной связи съ нимъ. Онъ самъ не могъ безъ опасности выходить изъ дому. На улицѣ и по пути въ парламентъ, члены котораго дѣлали видъ, будто не знаютъ его, образованная публика всячески издѣвалась надъ нимъ.

Такъ какъ всякая защита оказывалась невозможною, то ему пришлось, не смотря на свою гордость, преклонить голову и уступить мѣсто. Онъ чувствовалъ, по его собственнымъ словамъ, что „если клеветы, которыя шептались и громко высказывались, имѣютъ основаніе, онъ не подходитъ больше для Англіи, если же онъ лишены всякаго основанія, Англія не подходитъ больше для него“. 25 апрѣля 1816 г. онъ сѣлъ на корабль, чтобы никогда больше не возвращаться на родину живымъ.

Съ этого момента начинается истинное величіе Байрона. Единбургскій критикъ первый своею статьею пробудилъ въ немъ духовныя силы. Новый нанесенный ему ударъ возвелъ его въ званіе рыцаря. Нѣтъ мѣста для какого либо сравненія между тѣмъ, что Байронъ писалъ до того, что онъ называлъ великимъ несчастьемъ своей жизни, и тѣмъ, что онъ творилъ послѣ него. Это несчастье

было ниспослано ему гениемъ исторіи, чтобы вырвать его изъ состоянія отупляющаго обоготворенія и отторгнуть его всецѣло отъ разслабляющей связи съ обществомъ и общественнымъ духомъ, противъ которыхъ онъ долженъ былъ возбудить рѣшительную оппозицію въ силу своего историческаго призванія, дѣйствуя въ этомъ случаѣ съ большею силою и большимъ успѣхомъ, чѣмъ кто-либо другой.

XIX.

Сдѣлавшись во второй разъ бездомнымъ и одинокимъ, онъ вновь принялся за поэму путешествія своей юности. Онъ присочинилъ къ Чайльдъ-Гарольду третью и четвертую пѣсни, воскресивши въ себѣ вновь настроенія своей молодости. Но какую полноту получили они за этотъ промежутокъ времени! Аккорды, впервые прозвучавшіе въ Чайльдъ-Гарсльдѣ, были составлены изъ трехъ нотъ: одиночества, меланхолии и любви къ свободѣ. Теперь же каждая изъ этихъ трехъ нотъ звучала съ особенною ясностью и полнотою.

Черезъ всю первую часть произведенія проходитъ настроеніе одиночества, которое является обусловленнымъ любовью къ природѣ; уже здѣсь говорится, что сидѣть на скалахъ, мечтать на берегахъ рѣкъ, медленно прогуливаться по дѣвственнымъ лѣсамъ и глядѣть въ глубину безднъ и на водопады—не есть одиночество, а совмѣстная жизнь съ природою, и что, напротивъ того, вертѣться среди людской толпы и слышать непрестанный ея шумъ, не любя никого и не будучи никѣмъ любимымъ, значить—быть совершенно одинокимъ (Чайльдъ-Гарольдъ, 11, 25, 26). Но эти выходки либо были внушены воспоминаніями о впечатлѣніяхъ дѣтства при созерцаніи гористыхъ мѣстностей Шотландіи, либо это были мечты, вызванныя видомъ жилища отшельника на Аонской горѣ. Это была еще—какъ настроеніе одиночества у Вордсворта,—любовь къ природѣ, опирающаяся на робость передъ неизвѣстнымъ и чуждымъ міромъ людей. Различіе между чувствомъ у Вордсворта и чувствомъ у Байрона заключалось лишь въ томъ, что у Вордсворта оно носило характеръ нѣмого, безмолвнаго переживанія впечатлѣнія природы, какъ у сельскаго ребенка или пейзажиста, а у Байрона—характеръ порывистой, нервной любви къ ней городского обывателя; Вордсвортъ предпочиталъ природу въ моментъ ея покоя, между тѣмъ какъ Байронъ любилъ ее больше всего въ моментъ ея гнѣва.

Во второй половинѣ сочиненія настроеніе одиночества получаетъ совершенно другой характеръ. Существуетъ глубокое различіе между этимъ стремленіемъ къ одинокой совмѣстной жизни къ природѣ, которое Гарольдъ испытывалъ въ качествѣ неопытнаго юноши, и тѣмъ, которое онъ испытывалъ какъ взрослый человѣкъ, послѣ того, какъ его первое странствованіе среди людей и свѣта пришло къ концу. Не робость передъ людьми, а отвращеніе къ нимъ побуждало Байрона любить нѣмую природу. Большой свѣтъ, общество, пользующееся преобладаніемъ въ міровомъ, грандіозномъ городѣ, показалось ему съ обратной

стороны, и эта изнанка оказалась поучительною, но далеко не красивою. Онъ научился понимать, какого рода дружбу оказываютъ падшему,—убѣдился, что единственная дѣйствительная сила, на которую можетъ разсчитывать съ увѣренностью тотъ, кто строить планы будущаго, это—эгоизмъ своихъ ближнихъ и вытекающія изъ него послѣдствія. Такимъ образомъ онъ во второй разъ очутился одинокимъ, и поэтическія произведенія, написанныя имъ съ тѣхъ поръ, предназначались не для натуръ, любящихъ одиночество. Но кто, хотя бы на короткое время, научился поворачиваться къ людямъ спиною, кто испыталъ желаніе жить вдали отъ нихъ, почувствовалъ стремленіе покинуть свой домъ или уѣхать изъ своей страны, чтобы избѣжать зрѣлища постороннихъ лицъ и любоваться видомъ чужого неба и чужой земли—кто, шествуя одиноко на своемъ пути, испыталъ при видѣ приближающагося къ нему человѣческаго лица такое ощущеніе, какъ будто грязное пятно ложится на его свободный и чистый горизонтъ,—тотъ найдетъ всегда въ глубинѣ своей души отголосокъ для этихъ лирическихъ вспышекъ.

Чайльдъ-Гарольдъ одинокъ. Онъ понялъ, что онъ меньше всѣхъ другихъ людей способенъ идти въ ногу съ другими людьми, что онъ не въ силахъ подчинить свои мысли владычеству другихъ мыслей или предоставить власть надъ своею душою такимъ умамъ, противъ которыхъ онъ возстаетъ. Онъ чувствуетъ себя среди друзей тамъ, гдѣ возвышаются горы, его домъ тамъ, гдѣ море качитъ свои волны. Стихотвореніе, написанное природою солнечными лучами на морѣ, дороже ему книги, написанной на языкѣ его родины. Онъ чувствуетъ себя среди людей точно дикій соколъ, которому обрѣзали крылья. Но хотя онъ бѣжитъ отъ свѣта, онъ не ненавидитъ его; если его душа съеживается глубоко въ своемъ источникѣ, то это не изъ неудовольствія, не изъ надменности: она бопсится излиться среди людской тѣсноты, гдѣ счастье людей разрушается въ одинъ мигъ, такъ, что „вся ихъ кровь превращается въ слезы“.

Онъ чувствуетъ себя лучше всего, когда онъ одинъ и когда онъ такимъ образомъ дѣлается частью окружающаго его цѣлага, такъ какъ видъ высокихъ горъ пробуждаетъ въ немъ глубокое пріятное чувство, между тѣмъ какъ шумъ городовъ доставляетъ ему только мученіе; такъ какъ небо, горы и море составляютъ часть его души, подобно тому, какъ онъ составляетъ часть ихъ, и такъ какъ любить ихъ—самое чистое для него счастье. Среди самаго глубокого одиночества его душа ощущаетъ безконечную жизнь, истину, пылающую въ самой своей ясной чистотѣ. Гарольдъ никогда не любилъ свѣта, и свѣтъ никогда не любилъ его. Онъ гордится тѣмъ, что никогда не лѣстилъ его нечистому духу, никогда не преклонялъ колѣнъ передъ его кумирами, никогда не складывалъ своихъ губъ къ улыбкѣ, когда ему не хотѣлось смѣяться, и никогда не служилъ эхомъ для криковъ толпы. Онъ былъ одинъ среди нихъ, но не одинъ изъ нихъ. Но онъ хочетъ разстаться не изподтишка, а открытымъ врагомъ со свѣтомъ, котораго онъ не любилъ, и который заплатилъ ему за это сторицею. Онъ

думаетъ, говорить онъ—чему научилъ его и собственный опытъ,—что существуютъ слова, которыя имѣютъ такой-же вѣсъ, какъ дѣйствія, надежды, которыя не разочаровываютъ, милосердіе, которое вполнѣ искренно, и два или три чловѣка, которые кажутся тѣмъ, чѣмъ они есть (Чайльдъ-Гарольдъ, третья пѣснь).

Такимъ-то образомъ настроеніе одиночества переходитъ въ меланхолію. И эта струна также затрагивается въ первыхъ двухъ пѣсняхъ, но ихъ меланхолія носитъ характеръ чисто юношеской неудовлетворенности. Безполезно растратенная молодость,—вотъ о чемъ воспоминаетъ Чайльдъ-Гарольдъ въ прошломъ: онъ, точно Гамлетъ, стоитъ у гроба Ахиллеса и съ черепомъ въ рукѣ разсуждаетъ о томъ, чего стоятъ жизнь и наилучшая слава, даруемая ею, между тѣмъ въ дѣйствительности онъ самъ, еще не испытавшій сладости почестей, не желаетъ ничего такъ страстно, какъ славы, пренебрегаемой и презираемой имъ только при помощи натянутыхъ и резонирующихъ философскихъ разсужденій. Теперь-же онъ насладился ею и понялъ, какъ мало питательной пищи доставляетъ она.

Но сердце подобно разбитому зеркалу, которое вмѣсто того, чтобы воспринимать одинъ образъ, воспринимаетъ ихъ тысячи, и которое тѣмъ меньше можетъ забыть, чѣмъ больше оно разбито. Будучи само подавлено, оно ищетъ въ природѣ того, что въ качествѣ противоположности могло-бы смягчить его страданія,—свободное открытое море, пѣнистую гриву котораго онъ гладилъ еще ребенкомъ и которое знаетъ его, какъ лошадь знаетъ своего всадника и господинъ; онъ любитъ море, потому что его поверхность единственная, которая не можетъ быть разбита, не можетъ быть даже сморщена или сдавлена,—единственная, которая и сегодня имѣетъ такой-же видъ, какъ и въ зарю временъ. Но все въ природѣ напоминаетъ ему о страданіяхъ и борьбѣ. Отдаленный громъ кажется ему звукомъ колокола, извѣщающаго о бурѣ и пробуждающаго все, что успѣло успокоиться. Даже прелестный тихій морской вѣтерокъ не представляется ему похожимъ на что либо мирное и вѣжное; оно кажется ему спокойнымъ, какъ сдержанная ненависть (IV, 173).

Теперь его меланхолія чисто холерическаго характера. Если-бы онъ могъ сосредоточить всю свою страсть въ одномъ словѣ и если бы это слово, будучи высказаннымъ, напугало и сокрушило все на своемъ пути, точно молнія,—онъ не задумался-бы произнести его, какъ онъ самъ говоритъ. Все лучше спокойствія!—его лозунгъ; спокойствіе—адъ для сильныхъ сердецъ; въ душѣ существуетъ огонь, который, будучи разъ зажженъ, непрестанно старается разгорѣться въ дикое, бурное пламя. Это горячка, роковая для каждаго, когда-либо испытавшаго ее, (a fever at the core, fatal to him who bears, to all who ever bore) ¹⁾.

¹⁾ Childe Harold's Pilgrimage, Canto the third, XLII, XLIII, XLIV. (стр. 126—7).

This makes the madmen who have made men mad
By their contagion; Conquerors and Kings,
Founders of sects and systems, to whom add
Sophists, Bards, Statesmen, all unquiet things
Which stir too strongly the soul's secret springs,
And are themselves the fools to those they fool;
Envied, yet unenviable! what stings
Are theirs! One breast laid open were a school
Which would unteach mankind the lust to shine or rule:

Their breath is agitation, and their life
A storm wheron they ride, to sink at last,
And get so nursed and bigoted to strife,
That should their days, surviving perils past,
Melt to calm twilight, they feel overcast
With sorrow and supineness, and so die;
Even as a flame unfed, which runs to waste
With its own fliskering, or a sword lay by
Which eats into itself, and rusts ingloriously

(Она создаетъ безумцевъ, заражающихъ людей своимъ безуміемъ; завоевателей и королей, основателей новыхъ сектъ и системъ, къ которымъ слѣдуетъ прибавить софистовъ, бардовъ, государственныхъ дѣятелей, всѣ безпокойныя существа, которыя слишкомъ сильно волнуютъ тайныя родники души, и сами являются шутами въ рукахъ того, кого дурачатъ,—имъ завидуютъ, а между тѣмъ какъ мало доля ихъ достойна зависти! Сколько приходится имъ переносить! Одна только грудь обнажена, между тѣмъ какъ нуженъ былъ-бы цѣлый сонмъ, чтобы отучать людей отъ страсти къ выставкѣ и владычеству.—Ихъ дыханіе—волненіе, ихъ жизнь—буря, среди которой они проѣзжаютъ, чтобы, въ концѣ концовъ, погибнуть, а между тѣмъ они такъ воспитаны, такъ привыкли къ борьбѣ, что если-бы ихъ дни, переживъ всѣ опасности, перешли къ состоянію спокойныхъ сумерекъ, они пали-бы подъ бременемъ скуки и тоски и такъ-бы умерли, подобно пламени, лишенному пищи и готовому погаснуть отъ собственного мерцанія, или подобно мечу, который безславно ржавѣетъ, побѣдая самого себя).

Ахъ, восклицаетъ Гарольдъ, мы блекнемъ съ юности и со столами проходимъ черезъ всю нашу жизнь, больные,—больные, не получая ни откуда награды, не насыщая своей жажды; только на краю могилы передъ нами показывается видѣніе, за которымъ мы всю жизнь напрасно гонялись, но показывается слишкомъ поздно, ахъ, слишкомъ поздно! Любовь, слава, честолюбіе, жажда мести—все одно и то же, все одинаково тщетно и одинаково безумно, все одинаково скверно; потому что это метеоры подъ разными наименованіями, а вмѣстѣ

съ удушливымъ чадомъ смерти исчезаетъ и свѣтъ. Ахъ, наша жизнь—нелѣпость, она производитъ диссонансъ въ міровой гармоніи; это чудовищное гигантское дерево, корнями котораго является земля, а листвою и вѣтвями—небо, откуда непрестанно каплютъ зачумленные росовыя капли болѣзней, несчастій, рабства и смерти, все то горе, которое мы видимъ, и все то, которое остается для насъ невидимымъ.

Изъ этого гнетущаго недовольства, которое постоянно давитъ душу при мысли о всеобщемъ несчастіи (нѣмцы называютъ его Weltschmerz) уже въ первой пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда любовь къ свободѣ являлась третьимъ основнымъ настроеніемъ стихотворенія, какъ единственная спасительная сила, выставляющая практическую цѣль для жизни. Уже въ Португаліи Гарольдъ восклицалъ:

Oh, that such hills upheld a freeborn race!

(Ахъ, если бы эти холмы возвышались среди рожденнаго въ свободѣ народа!), а испанцамъ онъ пѣлъ:

Awake, ye sons of Spain! awake! advance!
Lo! Chivalry, your ancient goddess, cries.

(Пробудитесь, вы, сыны Испаніи, пробудитесь! впередъ! Рыцарская честь, ваша древняя богиня, призываетъ васъ!)

Уже тогда онъ обращался съ воззваніемъ къ угнетенной Греціи, постоянно оглядывавшейся за посторонней помощью: ¹⁾

Hereditary bondsmen! know ye not
Who would be free themselves must strike the blow?
By their right arms the conquest must be wrought?
Will Gaul or Moscovite redress ye? no!
True they may lay your proud despoilers low,
But not for you will Freedom's altars flame.

(Наслѣдственные рабы, развѣ вы не знаете, что кто хочетъ быть свободнымъ долженъ самъ наносить удары? Побѣда должна быть одержана собственною правою рукою. Неужели вы думаете, что Галлія или Московія могутъ васъ спасти? Правда, они могутъ побѣдить вашихъ гордыхъ притѣснителей, но не для васъ будетъ горѣть пламя алтаря свободы).

Нѣтъ, для этого нужно, чтобы герои Лакедемоніи возстали изъ своихъ могилъ, чтобы оиванецъ Эпаминондъ воспрянулъ, чтобы сыны Аѳинъ снова получили въ груди мужественныя сердца, а чтобы греческія матери рождали мужей, надо, чтобы время рабства миновало. Но любовь къ свободѣ Байрона въ то время была чисто политическаго характера: это было негодованіе свободорожденнаго

¹⁾ Childe Harold's pilgrimage, LXXVI (стр. 120).

англичанина при видѣ того, какъ чуждая ему народность оказывалась не въ состоянii сбросить съ себя чужеземное иго, которое его собственный народъ не въ силахъ былъ бы вынести.

Теперь же Байронъ понимаетъ слово „свобода“ въ широкомъ, полномъ, общечеловѣческомъ смыслѣ. Теперь онъ чувствуетъ, что свободная мысль служить исходнымъ пунктомъ для всей умственной жизни: ¹⁾

Yet let us ponder boldly—tis a base
Abandonment of reason to resign
Our right of thought—our last and only place
Of refuge; this, at least, shall still be mine:
Thought from our birth the faculty divine
Is chain'd and tortured—cabin'd, cribb'd,
And bred in darkness, lest the truth should shine
Too brightly on the unprepared mind,
The beam pours in, for time and skill will couch the blind.

(Будемъ же мыслить смѣло—постыднымъ отреченiемъ отъ разума было бы отказаться отъ права мысли—нашего послѣдняго и единственнаго прибѣжища; по крайней мѣрѣ, оно всегда будетъ моимъ: хотя отъ нашего рожденiя эта божественная способность оковывается цѣпями и подвергается пыткамъ,—хотя она подавляется, изгоняется, хотя ее держать во мракѣ, чтобы только истина не освѣтила слишкомъ ярко неподготовленный умъ, все-таки лучъ свѣта проникаетъ въ него, потому что время и искусство излѣчать слѣплого).

И онъ хочетъ не только размышлять, но и дѣйствовать. Онъ обращается съ воззванiемъ къ времени, этому великому мстителю; онъ напоминаетъ ему, съ какимъ спокойствiемъ и гордостью выносилъ онъ ненависть міра,—какъ онъ познакомился со всѣми видами ненависти.

From mighty wrongs to petty perfidy...
From the loud roar of foaming calumny
To the small whisper of the as paltry few,
And subtler venom of the reptile crew ²⁾.

(Отъ самой тяжелой неправды до мелочнаго вѣроломства... отъ громкаго крика злобной клеветы до тихаго шепота трусливыхъ негодяевъ и тонкаго яда пресмыкающихся).

И онъ заканчиваетъ мольбою: „О, пусть я не напрасно носилъ это желѣзо въ своей душѣ!“

Когда онъ затѣмъ странствуетъ изъ одной страны въ другую, его личная скорбь исчезаетъ при видѣ грандіозныхъ развалинъ Рима, и, подобно Сульпи-

¹⁾ Ch. H. P. Canto IV., CXXVII.

²⁾ С. Н. Р., Canto IV.

цію, чувства котораго Шатобрианъ приписалъ своему герою въ Мученикахъ, онъ сознаетъ ничтожество своихъ страданiй въ сравненiи съ тѣми, которыя смели съ лица земли города Греціи. Онъ говоритъ:

O Rome! my country! city of the soul!
The orphans of the heart must turn to thee
Lone mother of dead empires! an control
In their shut breasts their petty misery.
What are our woes and sufferance? ¹⁾.

(О Римъ! мое отечество! Городъ моей души! Осиротѣвшія сердца должны обращаться къ тебѣ, одинокой матери умершихъ имперiй! и скрыть въ глубинѣ своей души наше мелкое горе. Что такое наши скорби страданiя?).

Wandering in youth, I traced the path of him,
The Roman friend of Rome's least—mortal mind,
The friend of Tully...

(Я въ молодости плылъ по тому же пути, по которому шествовалъ римскій другъ Рима—другъ Туллія...)

И когда онъ, не довольствуясь простою идеею свободы, обращаетъ взоръ на внѣшнія событія и заинтересовывается великою политическою борьбою, тогда онъ не удовлетворяется тѣмъ, что повторяетъ, обращаясь къ падшимъ, старые возгласы, говоря, напр., Венеціи, что городъ потопилъ честь столѣтiй въ грязи рабства, и что лучше было бы самой Венеціи потонуть въ морѣ, чѣмъ переживать такой позоръ,—нѣтъ! онъ обращается смѣло къ могучимъ представителямъ власти, къ побѣдителямъ при Ватерлоо, которыхъ онъ съ насмѣшкою называетъ обезьянами Наполеона, и отъ внѣшней политической стороны борьбы переносится къ социальному ея началу.

Конечно, говоритъ онъ, Франція напрасно нагромождала однѣ развалины древнихъ предразсудковъ надъ другими,—предразсудковъ, жившихъ съ начала временъ, и совершенно вѣрно, что теперь на нашихъ глазахъ изъ всего этого стараго мусора вырастаютъ вновь тюрьмы и престолы. Но это не будетъ продолжаться долго. Потому что человѣчество создало, наконецъ, свою собственную силу. И если Франція и опьянила себя кровью, доходя до преступленiй,—но все же, свобода, иди впередъ со своимъ разорваннымъ знаменемъ, точно грозовая буря противъ вѣтра, и твои трубы, даже умирая, зазвучатъ такъ, какъ будто отголосокъ ихъ никогда не замиралъ! Если дерево свободы даже утратило теперь свои цвѣты, если его кора повреждена топоромъ, то все же новая весна, о свобода, принесетъ тебѣ менѣе горькіе плоды! Тогда и я не прожилъ напрасно. Потому что во мнѣ есть то, что переживаетъ всѣ времена и всѣ пытки, и будетъ продолжать жить и тогда, когда я испущу послѣднее ды-

¹⁾ С. Н. Р., Canto IV.

ханіе, нѣчто неземное, о чемъ другіе не имѣютъ никакого понятія, но что будетъ сохраняться, какъ тонъ замолкнувшей лиры, о которомъ продолжаешь вспоминать и тогда, когда онъ перестаетъ звучать. (Ч. Г. III, 82, IV, 97, 136).

Такимъ-то образомъ сливаются во-едино въ этомъ прекрасномъ стихотвореніи основныя настроенія одиночества, меланхоліи и любви къ свободѣ, и такимъ-то образомъ все болѣе и болѣе расширяется и углубляется душевная жизнь поэта, по мѣрѣ того, какъ поэма выдвигаетъ впередъ одну пѣснь за другою. Вордсвортъ обратилъ свое Я въ органъ Англіи; Скоттъ и Муръ доставили чувствамъ Шотландіи и Ирландіи возможность выразиться въ ихъ пѣсняхъ, но Я Байрона самое общечеловѣческое: его печали и надежды раздѣляются всѣмъ человечествомъ. Такъ какъ это Я съ мужественною силою сосредоточилось въ самомъ себѣ и углубилось въ свое одинокое горе, то его страданіе расширилось и стало выражать одновременно и скорбь по поводу страданій всего человечества; грубая и эгоистическая оболочка Я лопнула и глубокое чувство воодушевленія свободою открыло себѣ путь, чтобы обнять и соединить въ себѣ всю современную поэту эпоху. ¹⁾ Такимъ-то образомъ совершалъ онъ свое богослуженіе, между тѣмъ какъ благоговѣніе наполняло его душу. Онъ низвергаетъ всѣ „капища идоловъ“, какъ готическіе храмы, такъ и греческіе, и, подобно тому, какъ древніе персы строили свои алтари на высочайшихъ горахъ, съ высоты которыхъ можно было обвести взоромъ всю землю, онъ наклоняетъ свою голову въ великомъ храмѣ природы, состоящемъ изъ земли и воздуха.

XX.

Посѣтивши поле сраженія при Ватерлоо, Байронъ поѣхалъ вдоль Рейна въ Швейцарію и поселился у Женевского озера. Въ одномъ изъ пансіоновъ онъ встрѣтился съ Шелли, который былъ моложе его на четыре года. Послѣдній въ свое время послалъ Байрону экземпляръ своего сочиненія Королева Мэбъ, но сопровождавшее посылку письмо затерялось, такъ что между обоими поэтами не завязалось переписки. Онъ пріѣхалъ въ эту мѣстность на двѣ недѣли раньше

¹⁾ Въ книгѣ Мартенсена Христіанская этика говорится слѣдующее о Байронѣ, языкомъ котораго почтенный авторъ, приводящій англійскія слова по нѣмцки, по-видимому, не вполне хорошо владѣетъ: „Но если мы посмотримъ на него въ цѣломъ, то приходится, конечно, сказать, что его вѣра въ политическій идеалъ свободы была далеко не такъ сильна, какъ его презрѣніе къ свѣту, который такъ плохъ, что никакой идеалъ свободы не можетъ быть въ немъ осуществленъ, никакой истинный прогрессъ достигнуть“, — утверженіе, которое невозможно защищать, да и которое самъ авторъ не пытается защитить въ своемъ произведеніи. Оно подводитъ Байрона подъ понятіе „пессимизмъ“. Въ диссертациі Гримюра Томсена О лордѣ Байронѣ, — сочиненіи, написанномъ въ крайне умозрительномъ стилѣ, говорится гораздо болѣе здраво: молодые поэты (во Франціи) только познакомившись съ поэзіей Байрона поняли вполне основной принципъ революціи — свободную мысль. Стр. 233.

Байрона съ Мэри Годвинъ и ея сводною сестрою, миссъ Джэнь Клермонтъ, которая еще въ Лондонѣ страстно влюбилась въ Байрона. Незаконная дочь Байрона, Аллегра, была плодомъ кратковременной связи между нимъ и этою молодою дѣвушкою.

Во время совмѣстной жизни съ Шелли умъ Байрона воспринялъ самыя сильныя и глубокія изъ всѣхъ впечатлѣній, на которыя онъ былъ способенъ. Первое большое впечатлѣніе получилъ онъ отъ личности Шелли и его мировоззрѣнія. Впервые въ жизни пришлось Байрону очутиться лицомъ къ лицу съ совершенно современнымъ и совершенно эмансипированнымъ умомъ. Не смотря на свою гениальную способность усваивать быстро все, что соответствовало его природѣ, Байронъ получилъ далеко неполное литературное и философское образованіе и руководствовался постоянно въ гораздо болѣе степени своими симпатіями, чѣмъ убѣжденіями. Теперь онъ увидалъ передъ собою Шелли, — горѣвшаго воодушевленіемъ апостола, далеко поднявшагося надъ всѣми сомнѣніями, точно настоящій жрецъ гуманизма. Ни разсѣянная жизнь въ салонахъ Лондона, ни подавляющій гнетъ тяжелой судьбы не могли доставить Байрону достаточно душевнаго спокойствія, чтобы предаться основательнымъ размышленіямъ надъ основными вопросами существованія или надъ необходимыми для человечества реформами; для этого онъ былъ слишкомъ занятъ самимъ собою. Теперь же, какъ разъ въ томъ поворотномъ пунктѣ своего поэтического поприща, когда его собственное я начало заговаривать въ немъ, онъ встрѣтился съ умомъ, крестившимъ огнемъ. Его душа широко открылась для воспріятія новаго впечатлѣнія, и въ цѣломъ рядѣ написанныхъ имъ теперь сочиненій слѣды новаго вліянія высказываются ясно. Многія пантеистическія изліянія въ третьей пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда являются, несомнѣнно, послѣдствіями его бесѣдъ съ Шелли, особенно прекрасное мѣсто о всемогущей любви, какъ духа природы (III, 100), которое служитъ выраженіемъ ученія Шелли о красотѣ и любви, какъ о таинственныхъ силахъ, обнимающихъ міръ. Въ одной изъ замѣтокъ своего дневника Байронъ въ эти дни заходитъ такъ далеко въ своемъ воспріятіи пантеизма Шелли, что, говоря о настроеніи, внушаемомъ Кларансомъ и Мельери, мѣстомъ дѣйствія Элоизы Руссо, называетъ его „болѣе высокимъ и болѣе всеобъемлющимъ, чѣмъ участіе, внушаемое какою-либо единичною страстью“. „Это, — говоритъ онъ, — сознаніе присутствія любви въ самомъ широкомъ и обширномъ значеніи этого слова и сознаніе нашего собственнаго участія въ ея благахъ и почестяхъ; это — великій источникъ вселенной, который проявляется здѣсь въ болѣе сконцентрированномъ видѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Въ немъ мы теряемъ, — даже сознавая, что мы составляемъ часть его, — наше личное я, сливаясь съ красотой цѣлаго“. Болѣе внѣшнее вліяніе Шелли замѣчается въ сценахъ духовъ въ Манфредѣ, и въ особенности въ третьемъ дѣйствіи этой драмы, переработка которой была предпринята по совѣту Шелли. Наконецъ, Кайинъ, — даже если, какъ увѣряетъ Шелли, онъ не принялъ

никакого участія въ композиціи этой поэмы,—никогда не получилъ бы того отпечатка, какимъ онъ отличается, если бы Шелли не оказывалъ вліянія на Байрона.

Оба поэта посетили замокъ Шильонъ и всё его окрестности; такимъ образомъ Байронъ воспринялъ второе сильное впечатлѣніе, которое должно было оказать большое дѣйствіе на его произведенія,—впечатлѣніе Альпійской цѣпи. Для него, еще такъ недавно вдыхавшаго чадъ лондонскихъ салоновъ, было наслажденіемъ останавливать свой взоръ на вѣчныхъ снѣгахъ и, поднявшись высоко надъ людскимъ муравейникомъ, созерцать покрытыя снѣгомъ вершины Альпъ. Его поэтический предшественникъ, Шатобрианъ, ненавидѣлъ Альпы; ихъ величіе дѣйствовало подавляющимъ образомъ на его тщеславіе; но Байронъ чувствовалъ себя дома среди нихъ.

Манфредъ, истинное поэтическое значеніе котораго заключается, по словамъ знатоковъ, именно въ томъ, что это альпійскій ландшафтъ и ландшафтъ, не имѣющій себѣ равнаго, является непосредственнымъ результатомъ впечатлѣній природы. Тэнъ позволилъ себѣ сказать, что альпійскіе духи Байрона въ Манфредѣ, лишь—театральные боги, но когда Тэнъ писалъ эти слова, онъ не успѣлъ еще познакомиться съ Швейцаріей.

Нѣтъ мѣстности, которая возбуждала бы въ большей степени стремленіе олицетворять природу. Даже обыкновенный путешественникъ чувствуетъ желаніе дѣлать это. Я помню, какъ мнѣ однажды вечеромъ пришлось стоять на вершинѣ Риги-Кульмъ и какъ я разсматривалъ красивыя озера у подножія горы и небольшія облака, которыя неслись впередъ въ самомъ низу, надъ ихъ зеркальною поверхностью. Вдругъ я увидалъ вдали на горизонтѣ небольшой бѣлый шаръ. Когда онъ черезъ минуту приблизился къ Пилату, онъ представлялъ уже грандіозную массу тумана. Съ поразительною быстротою распростерся онъ по небу, бросая по обѣ стороны громадныя полы своей облачной мантии и обнимая громадное пространство. Онъ спустился надъ поверхностью озеръ, окуталъ вершущи скалъ, вползъ вверхъ по хребту горъ, углубился въ расщелины и пропасти, еще разъ расширилъ свои фланги, повнесъ съ быстротою дыма къ небу, свинцомъ спустился на города, погасилъ всѣ краски и обволокъ все сѣрымъ цвѣтомъ. Бѣлизна снѣга, зелень деревьевъ, тысячи оттѣнковъ и красокъ облаковъ, окрашенныхъ солнцемъ, были сразу затоплены имъ и въ мигъ исчезли. Взоръ, только что свободно созерцавшій неизмѣримое пространство, чувствовалъ себя прикованнымъ съ непреодолимою силою къ безформенной массѣ, которая, быстро скользя впередъ и могущественная, точно небесное тѣло въ его первобытномъ состояніи, двигалась впередъ на встрѣчу зрителю. Казалось, будто сонмъ небожителей, будто сотни тысячъ воздушныхъ всадниковъ сомкнутыми рядами летѣли, разсѣкая воздухъ, на своихъ крылатыхъ, безмолвныхъ коняхъ, болѣе непреодолимые, чѣмъ какое-либо земное войско, уничтожая все на своемъ пути, подобно ордамъ Азіи или гуннамъ Аттилы. Сѣверянинъ невольно подумалъ

ное лицо этой дамы", — исторія о преступныхъ отношеніяхъ Байрона къ его сестрѣ Августѣ Лейгъ. Эта исторія обратилась у лэди Байронъ съ теченіемъ времени въ настоящую *idée fixe*, такъ что, какъ видно изъ вышедшей въ 1869 г. книги Медора Лейгъ, она, не стѣсняясь, заявила дочери Августы, обратившейся къ ней въ нуждѣ, что она, Медора, не дочь полковника Лейга, а дочь Байрона и его сводной сестры. Она общалась въ то же время постоянно заботиться о Медорѣ и доставлять ей средства существованія, но затѣмъ обѣщанія своего не исполнила.

Объ этомъ обвиненіи Байронъ въ минуту отъѣзда изъ Англіи, очевидно, ничего или почти ничего не зналъ. Онъ врядъ-ли читалъ всѣ газетныя статьи, написанныя противъ него. Онъ самъ говоритъ: „Довольно долгое время спустя послѣ моего отъѣзда я узналъ объ образѣ дѣйствій моихъ враговъ и о распускаемыхъ ими клеветахъ. Мои друзья должны были бы рассказать мнѣ многое изъ того, о чемъ они молчали“. Только въ Швейцаріи одинъ пріятель сообщилъ ему всю правду. Отсюда понятенъ смыслъ стихотвореній, написанныхъ въ Швейцаріи и посвященныхъ Августѣ. Такъ въ Ч. Г. III, 55 говорится: „Одно нѣжное женское сердце было связано съ нимъ болѣе нѣжными узами, чѣмъ тѣ, которыя налагаются церковью. Любовь была чиста, хотя брака не было. Она выдержала испытаніе, наложенное на нее самою смертельною ненавистью; она еще болѣе окрѣпла во время опасности, ужасной въ глазахъ женщины. Ея сердце было твердо, подобно тому, какъ его сердце было тяжело, когда онъ послалъ ей этотъ привѣтъ съ чужого берега“. Стансы къ Августѣ заключаютъ въ себѣ подходящія выраженія, а строчка: „Хотя и оклеветанная, ты никогда не колебалась!“ (во второмъ изъ посвященныхъ ей стихотвореній) доказываетъ, что эти позорные слухи были извѣстны и ей.

Теперь только объясняется перемѣна, происшедшая въ Швейцаріи совершенно внезапно въ отношеніи Байрона къ его женѣ. Въ первое время послѣ развода онъ всегда говорилъ, что трудно встрѣтить „лучшее, болѣе веселое, любезное и привлекательное существо, чѣмъ она“, и виною всего случившагося съ нимъ несчастья признавалъ себя, свою собственную необузданность и свое безразсудство; теперь же онъ видитъ только тѣневые стороны ея характера, и подъ только что описаннымъ нами впечатлѣніемъ начинаетъ безобразную войну противъ женщины, — войну, которая при другихъ обстоятельствахъ показала бы недостойною его; въ то же время онъ набрасываетъ суровый портретъ лэди Байронъ въ лицѣ донны Инесы въ *Донъ-Жуанѣ*.

Рѣшительная и дѣйствительно подавляющая улика противъ лэди Байронъ была напечатана въ октябрѣ 1869 г. въ *Quarterly Review*. Въ журналѣ обнародованы были именно семь писемъ и записокъ, которыя лэди Байронъ послѣ разрыва съ мужемъ писала г-жѣ Лейгъ, и которыя полны изъясненіями нѣжности и увѣреніями въ любви. Для нея „большое утѣшеніе“, — говорится въ этихъ письмахъ, — что г-жа Лейгъ живетъ вмѣстѣ съ ея мужемъ; она, правда, должна от-

казаться теперь отъ права называть свою „драгоценнѣйшую Августу“ сестрою, но все же она надѣется, что это не произведетъ перемѣны въ добромъ расположеніи, которое г-жа Лейгъ всегда выказывала ей. „Въ одномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ“, пишетъ она, „я сама правда, а именно когда говорю, что въ какое бы положеніе я ни стала, нѣтъ ни одного существа на свѣтѣ, расположеніе котораго было бы мнѣ дороже или больше способствовало бы моему счастью. Эти чувства не могутъ измѣниться ни при какихъ обстоятельствахъ. Хотя бы ты и осуждала меня, я все-таки нисколько не меньше буду любить тебя“. Вотъ что писала лэди Байронъ той женщицѣ, которую она много лѣтъ спустя называла виновницею ея несчастья, — той женщицѣ, которая, по ея словамъ, выгнала ее изъ дома ея мужа. Но это еще не все: дружеская переписка между лэди Байронъ и г-жею Лейгъ продолжалась до самой смерти Байрона. Еще послѣднее неоконченное письмо Байрона начинается слѣдующими словами: „Моя дорогая Августа! Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ посланныя тобою и лэди Байронъ свѣдѣнія о здоровьи Ады“. А теперь мы должны повѣрить, что лэди Байронъ всю свою жизнь считала Августу, продолжавшую быть примирительною посредницею между супругами, противоестественною преступницею, виновною въ несчастіи ея жизни. Какой хаосъ лжи и безумія!

Безуміе — настоящее слово, потому что, какъ замѣчаетъ *Quarterly Review*, подобно тому, какъ лэди Байронъ съ самаго начала не могла придумать другого объясненія поведенія ея мужа, какъ безуміе, такъ и мы въ настоящее время не можемъ объяснить себѣ ея образъ дѣйствія иначе, какъ душевнымъ разстройствомъ. „Но существуетъ явственное различіе между ея болѣзнью и болѣзнью Байрона: онъ болѣзненнымъ образомъ преувеличивалъ свои недостатки, она — свои добродѣтели. Его безуміе заключалось въ томъ, что онъ хотѣлъ представить себя невозможнымъ грѣшникомъ; она же хотѣла изобразить себя невозможною святою. Онъ, въ припадкѣ безумія, дѣлалъ всевозможное, чтобы очернить свою репутацію, а она принимала совершенно въ серьезъ его самообвиненія, которыя нерѣдко были лишь остроумными выходками или попытками мистифицировать ее. Ея рассказы о своихъ галлюцинаціяхъ направлены были, напротивъ, къ тому, чтобы очернить имя и репутацію тѣхъ людей, которые ближе всего стояли къ ней и которые должны были быть дороже всего для нея. Которое изъ этихъ умственныхъ заблужденій оказывалось наиболѣе опаснымъ и наименѣе привлекательнымъ?“¹⁾

Слѣдовательно, послѣднее впечатлѣніе, вынесенное Байрономъ изъ Швейцаріи, было тяжкій гнетъ ужасной клеветы, подъ которымъ онъ совсѣмъ изнемогалъ. Его мысли постоянно и постоянно возвращались къ ней и онъ съ свойственною художникамъ особенностью началъ все сильнѣе углубляться въ заня-

¹⁾ *Quarterly Review*, Окт. 1869 г. Сравни превосходное сочиненіе Карла Ельца *Lord Byron*, стр. 179.

мавшую его идею. Жоржъ-Зандъ въ одномъ письмѣ къ Сентъ-Беву описываетъ свою натуру и натуру поэта нѣсколькими смѣлыми штрихами. Рѣчь идетъ о философѣ Жуффруа, пожелавшемъ представиться ей; она же питала къ нему страхъ, какъ къ слишкомъ строгому и слишкомъ тяжеловѣсному моралисту. Она пишетъ: „Я отъ времени до времени спрашивала себя: не можетъ ли быть разрѣшено ѣсть человѣческое мясо? Вы говорили себѣ: существуютъ, быть можетъ, люди, которые сомнѣваются, что нельзя ѣсть человѣческое мясо. Жуффруа же оворилъ себѣ: Ни одному человѣку не приходило никогда въ голову, что можно ѣсть и т. д.“—глубокія слова, которыя заключаютъ въ себѣ цѣлое опредѣленіе натуры поэта, въ противоположность натурамъ наблюдателя и моралиста.

Сильное стремленіе совершать всевозможные эксперименты при помощи своей фантазіи и своей рефлексіи, сильное влеченіе размышлять и фантазировать надъ тѣмъ, чего люди обыкновенно избѣгаютъ и чего боятся—составляли всегда характеристическія особенности Байрона. Никакого другого значенія не имѣетъ извѣстный анекдотъ, возбуждѣвшій нѣкогда такой ужасъ: Байронъ однажды, держа въ рукѣ маленький ножъ, воскликнулъ: „Хотѣлъ бы я знать, что испытываетъ человѣкъ, совершившій убійство!“ Ему нравилось углубляться въ сознаніе вины, слѣдовавшее за преступной любовью, нравилось столько же, какъ представлять себя въ положеніи человѣка совершившаго убійство. Его первые герои, какъ Гяуръ и Лара, совершали таинственные убійства, и извѣстно, что Байрону безъ дальнѣйшихъ разсужденій приписывали все эти преступления его героевъ, и что даже самъ старый Гете, наслушавшись людской болтовни, позволилъ себѣ въ рецензіи на *Манфреда* разсказать, какъ нѣчто „вполнѣ правдоподобное“, ребяческую сказку изъ дѣтской о томъ, какъ Байронъ во Флоренціи (гдѣ онъ, къ довершенію комизма, пробылъ всего полъ дня) вступилъ въ любовную связь съ молодою женщиною, которую мужъ убилъ, послѣ чего Байронъ отомстилъ за смерть своей любовницы убійствомъ ея убійцы. Совершенно подобно тому, какъ находили прежде доказательства совершенныхъ имъ убійствъ въ трагическихъ дѣйствіяхъ Лары, такъ въ наши дни хотятъ видѣть доказательства его преступной связи съ сестрою въ отчаяніи *Манфреда* и въ бракѣ между *Канинъ* и его сестрою. Послѣ этого не удивительно, что Байронъ и Муръ задумывали одно время сочинить фантастическую біографію Байрона, гдѣ повѣствовалося бы о томъ, сколько лицъ одного пола онъ соблазнилъ и сколько лицъ другого убилъ,—они думали заткнуть тѣмъ рты всѣмъ другимъ собирателямъ анекдотовъ о Байронѣ. Но этотъ планъ былъ отвергнутъ ими въ послѣдствіи изъ страха, что публика приметъ шутку за правду.

Понятно, что многіе разговоры между Байрономъ и Шелли вращались вокругъ любви между братомъ и сестрою, тѣмъ болѣе, что этотъ загадочный вопросъ сильно интересовалъ и младшаго поэта. Изъ всѣхъ указанныхъ нами психологическихъ элементовъ произошли *Манфредъ* и *Канинъ*. Первое изъ этихъ произведеній наименѣе значительное и, конечно, не выносить ни въ малѣйшей

степени сравненія съ *Фаустомъ* Гете, который онъ напоминаетъ и съ которыми часто сопоставляется. Самъ Гете говорить, что о двухъ этихъ произведеніяхъ можно бы прочесть прекрасную лекцію; теперь эти лекціи довольно часто читаются, врядъ ли, впрочемъ, кто-либо въ состояніи прочесть ихъ съ болѣею искренностью и талантомъ, чѣмъ Тэнъ.

Только въ одномъ отношеніи *Манфредъ* возвышается надъ *Фаустомъ*. Для лучшей оцѣнки различныхъ частей даннаго сочиненія, критику важно узнать, которая изъ нихъ по истеченіи извѣстнаго количества лѣтъ сохранилась въ его памяти, и вотъ, единственная сцена, которая осталась у меня въ воспоминаніи, черезъ годъ послѣ прочтенія *Манфреда*, это та, когда онъ, всегда такъ строго судившій себя, отвергнувъ въ минуту смерти утѣшенія аббата, съ твердою гордостью и глубокимъ презрѣніемъ прогоняетъ отъ себя злыхъ духовъ, съ которыми у него нѣтъ ничего общаго, и которымъ онъ не предоставлялъ никогда ни малѣйшей власти надъ собою. Противоположность *Манфреда* съ *Фаустомъ*, который продаетъ себя Мофистофелю и падаетъ на колѣни передъ духомъ земли, поразительна. Передъ мысленными взорами англійскаго поэта носился идеалъ самостоятельнаго мужественнаго человѣка, до котораго нѣмецкій поэтъ не возвысился, и его герой—такой же типическій мужчина, какъ герой Гете—человѣческій типъ. Какъ въ жизни, такъ и при смерти онъ не имѣетъ ничего общаго съ адомъ и не находится ни въ какихъ отношеніяхъ съ небомъ. Онъ собственный обвинитель и собственный судья. Вся мужественная мораль Байрона заключается въ этихъ словахъ. Его душѣ дышется легко только на одинокихъ высотахъ, по ту сторону снѣговой линіи, гдѣ человѣческая слабость и вялость не процвѣтаютъ, а альпійскій ландшафтъ дѣлается вполнѣ естественною рамкою для главнаго дѣйствующаго лица, родственнаго ему по своему суровому, дикому характеру.

Но въ *Манфредѣ* выступаетъ только эгоистическая сторона поэтической души Байрона. Его общечеловѣческая симпатія высказывается всецѣло впервые только въ *pendant* къ *Манфреду*, въ *Канинѣ*. *Канинъ*—*profession de foi* Байрона, т. е. исповѣданіе имъ своихъ сомнѣній и своихъ критическихъ взглядовъ. Надо помнить при этомъ, что онъ не могъ, подобно Шелли и великимъ поэтамъ Германіи, выработать въ себѣ, путемъ мышленія, свободное, гуманное міросозерцаніе, и не обладалъ, подобно писателямъ нашего времени, обширными научными знаніями, какъ орудіемъ для критики, какъ опорой для всѣхъ размышленій и мечтаній о міровоззрѣніяхъ прошлаго и будущаго,—поэтому мы не можемъ не поражаться тою силою и тѣмъ умѣніемъ, съ какими онъ разбирается во всѣхъ великихъ вопросахъ жизни.

Въ качествѣ частной личности Байронъ былъ, конечно, настолько же незрѣлымъ въ своемъ свободомысліи, насколько онъ былъ диллетантомъ въ политикѣ. Его ясный умъ возмущался вѣрою въ то, что противорѣчило разуму; но, подобно большинству великихъ людей начала столѣтія, онъ былъ одновременно и сомнѣ-

вающимся, и полнымъ предразсудковъ. Не смотря на всѣ свои остроумныя и рѣзкія выходки, онъ чувствовалъ всегда неувѣренность и не былъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Онъ никогда не рѣшался дѣлать окончательныхъ выводовъ изъ взглядовъ, вынесенныхъ имъ изъ бесѣдъ съ Шелли, и позволилъ воспитывать свою маленькую незаконнорожденную дочь въ монастырѣ изъ страха, что свободомыслящіе разговоры Шелли и его жены могутъ повліять на ребенка. Слѣдующее прекрасное и характеристическое письмо Шелли служитъ доказательствомъ этихъ постоянныхъ колебаній Байрона: „Лордъ Байронъ, пишетъ онъ, прочелъ одно или два письма Мура ко мнѣ, въ которыхъ Муръ очень дружески отзывается обо мнѣ, и я могу только гордиться одобреніемъ чловѣка, превосходство котораго надъ собою я съ гордостью признаю. (!) Но Муръ, повидимому, опасается моего вліянія на Байрона въ религіозномъ отношеніи и приписываетъ тонъ, въ какомъ написанъ Кайнъ, этому вліянію... Прошу васъ увѣрить Мура, что я не имѣлъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго вліянія на лорда Байрона; иначе я бы, конечно, постарался искоренить изъ его души всѣ религіозныя предразсудки, которые, не смотря на весь его умъ, постоянно воскресаютъ въ немъ и держатся имъ въ запасъ въ глубинѣ его души на случай болѣзней или несчастій. Кайнъ былъ задуманъ много лѣтъ тому назадъ и Байронъ началъ его писать раньше, чѣмъ я встрѣтился съ нимъ въ Равеннѣ. Какъ я былъ бы счастливъ, если бы могъ приписать себѣ хотя бы косвенное участіе въ этомъ безсмертномъ произведеніи! Такимъ образомъ мы видимъ, что Байронъ, какъ частный чловѣкъ, не успѣлъ выработать въ себѣ устойчиваго міровоззрѣнія. Большее впечатлѣніе производитъ на насъ наблюденіе того, какъ во время поэтическаго творчества его геній увлекаетъ его за собою, дѣлаетъ его великимъ и побѣдоноснымъ въ развитіи своихъ мыслей и заставляетъ его съ полною увѣренностью рубить гордіевъ узелъ въ трудныхъ вопросахъ. Произошелъ настоящій переворотъ въ европейской поэзіи, погрязшей въ предразсудкахъ, когда въ 1821 г. вышелъ Кайнъ, олицетворявшій собою воззваніе къ мятежу; произведенное имъ впечатлѣніе можно сравнить лишь съ впечатлѣніемъ, возбужденнымъ 14 лѣтъ позже въ научномъ мірѣ появленіемъ Жизни Иисуса Штрауса. Увлекаясь свободнымъ эллинизмомъ, великіе германскіе писатели оставили другіе религіозные вопросы нетронутыми. Но въ лицѣ Байрона выступилъ впередъ другой, менѣе эмансипированный поэтъ, запертый въ тѣсной клѣткѣ догматовъ, и сталъ ходить вокругъ, точно пойманный хищный звѣрь, потрясая рѣшетки своей клѣтки.

Кайнъ написанъ не съ поспѣшностью вдохновенія, мы не видимъ въ пьесѣ ни бурь, ни громовъ. Байронъ сумѣлъ здѣсь достигнуть того, что труднѣе всего для необузданныхъ душъ и что является воплощеніемъ морали: онъ канализировалъ свою страстность, т. е. оплодотворилъ ея слѣпое теченіе, катящее безцѣльно свои волны. Пьеса—плодъ работы мыслителя. Это результатъ медленнаго, глубоко проникающаго анализа, разлагающей проницательности и

разрушительной силы мышленія. Нигдѣ нельзя такъ хорошо, какъ здѣсь, примѣнить къ Байрону то, что Гете заставляетъ его говорить въ роли Эвфоріона во второй части Фауста, а именно: что легко достижимое противно ему, и что его радуетъ только добытое съ трудомъ:

Des leicht Errungene
Des widert mir;
Nur das Erzwungene
Ergösst mich schier

Но вся разрушительная, подавляющая сила ума, которая здѣсь дѣйствуетъ, повидимому, такъ сдержанно, пускается въ ходъ пламенною и горящею воодушевленіемъ силою воображенія, а въ глубинѣ таится душа, которая рыдаетъ. Вѣра Байрона пришла ему на помощь такъ же точно, какъ и его невѣріе. Съ полнымъ чистосердечіемъ поэтъ принимаетъ онъ на вѣру старинную ветхозавѣтную легенду, въ томъ видѣ, въ какомъ она излагается въ древнихъ книгахъ. Онъ разсматриваетъ дѣйствующія лица легенды не какъ символы, а какъ реальные явленія, и, поступая такъ, дѣйствуетъ вполне честно. Дѣлать такъ ему не трудно, потому что и въ поэтическомъ творествѣ его сомнѣнія постоянно опираются на традицію и изъ нея, какъ изъ посылки, выводятъ свои заключенія. Въ то же время онъ былъ вполне ветхозавѣтенъ и въ своемъ умственномъ направленіи, и въ своей душевной жизни. Внутри его звучали жалобныя вопли, какъ у Іова, когда онъ выслушивалъ утѣшенія и увѣщанія своихъ друзей; въ его сердцѣ днемъ и ночью раздавался глухо крикъ мщенія, какъ въ псалмахъ. Еврейскія мелодіи служатъ доказательствомъ того, какъ сильно подходили къ его настроенію жалобныя пѣсни евреевъ, какую подходящую форму доставляли онѣ для его чувствъ.

Между тѣмъ какъ Байронъ съ полнымъ чистосердечіемъ соглашается съ традиціею и, до поры до времени, подчиняетъ ей свой разумъ, мы видимъ какъ въ его поэмѣ чловѣческій разумъ страдаетъ подъ этимъ гнетомъ, возстаетъ противъ него. И,—что дѣлаетъ это зрѣлище еще болѣе привлекательнымъ,—этотъ чловѣческій разумъ юнъ, онъ только недавно появился на свѣтъ. На истиннаго поэта восходъ солнца производитъ всегда такое сильное впечатлѣніе, какъ будто онъ видитъ его восходящимъ въ первый день созданія міра; у Байрона всѣ сомнѣнія и всѣ вопросы дышатъ такою свѣжестью, что ихъ можно легко вложить въ уста перваго чловѣка, начавшаго сомнѣваться и вопрошать.

Та часть драмы, въ которой отчасти разъясняются внутреннія противорѣчія традиціи, отчасти разоблачаются противорѣчія ея съ разумомъ, и т. д., всѣ эти нападенія не представляютъ для насъ теперь интереса. Но надо сказать, что они только видимы и не должны быть поняты буквально. Байронъ, само собою разумѣется, не желаетъ въ своей книгѣ богохульствовать, не желаетъ критиковать существо, которое онъ самъ признаетъ высочайшимъ, всеобъемлю-

щимъ. Въ дѣйствительности, Каинъ борется только съ убѣжденіемъ, что поря-докъ природы нравственнаго характера, что добро вмѣсто того, чтобы быть цѣлью человѣчества, является его посылкою.

Каинъ былъ посвященъ Вальтеръ Скотту, который нашелъ, что байро-новская муза еще ни разу не взлетала такъ высоко и заранѣе общалъ поэту защищать его отъ возможныхъ въ будущемъ нападеній. Тѣмъ не менѣе изданіе въ Англіи Каина было принято за настоящее національное бѣдствіе и объяв-лено таковымъ. Тотчасъ по присылкѣ рукописи, Муррей обратился къ автору съ просьбою сдѣлать въ ней кое-какія измѣненія, но Байронъ отвѣтилъ: „Оба эти мѣста не могутъ быть измѣнены, такъ какъ я долженъ былъ бы въ этомъ случаѣ заставить Люцифера выражаться такъ, какъ епископъ Линкольскій, что не соотвѣтствовало бы характеру перваго“. Тотчасъ послѣ своего выхода въ свѣтъ книга была перепечатана, и Муррей обратился къ лорду Эльдону съ прось-бою возможно скорѣе приступить къ охранѣ его собственности. Ему было отка-зано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Судъ признаетъ, въ согласіи со всѣми дру-гими судами здѣсь въ странѣ, что протестантизмъ составляетъ основу всѣхъ англійскихъ законовъ. На этомъ основаніи опирается и охрана права собствен-ности книгопродавца. Но находящаяся передъ нами книга, поставившая себѣ за-дачею опровергнуть часть священнаго писанія, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, за перепечатаніе которой судъ могъ бы присудить издателю возмѣщеніе убытковъ“. Такимъ образомъ Каинъ былъ признанъ—какъ и „Wat Tyler“ Соути,—за такое преступное произведеніе, что право собственности не распространялось на него.

Между тѣмъ Муръ писалъ Байрону: „Каинъ удивителенъ, ужасенъ, никогда не будетъ забытъ. Если я не ошибаюсь, онъ глубоко западетъ въ сердце міра“. Исторія подтвердила справедливость этого сужденія.

XXI.

Когда потокъ странствующихъ англичанъ началъ вновь осенью 1816 г. наводнять Швейцарію, Байронъ не могъ больше выдержать въ ней и отправился со спутникомъ своей юности, Гобгоузомъ, въ Италію. Въ Миланѣ онъ встрѣтился съ однимъ изъ самыхъ тонкихъ и искусныхъ наблюдателей своего времени, съ Анри Бейлемъ, и яркимъ доказательствомъ необыкновеннаго впечатлѣнія, произ-водимаго личностью Байрона служить то обстоятельство, что онъ съ перваго взгляда обворожилъ этого челоѣка, который былъ всегда на чеку, стараясь не поддаваться внезапнымъ увлеченіямъ, и быстро открылъ, что было натянутого въ манерѣ держать себя Байрона. Онъ говоритъ: „Я встрѣтился съ Байрономъ въ театрѣ La Scala въ ложѣ министра де-Брема. Меня поразили его глаза въ то время, когда онъ слушалъ секстетъ Мейербера Елена. Никогда въ жизни не случалось мнѣ видѣть что-либо столь прекрасное, столь выразительное. Еще и

теперь эта голова внезапно появляется передо мною всякій разъ, когда я думаю, какое выраженіе великій художникъ долженъ былъ бы придавать генію. Я сразу пришелъ въ восторгъ... Никогда я не забуду божественнаго выраженія его лица; это было ясное сознаніе силы и генія“.

Изъ Милана Байронъ отправился въ Венецію, его любимый городъ, про-славленный имъ въ четвертой пѣсни Чайльдъ-Гарольда, въ Марино-Фалиери, въ двухъ Фоскари, въ одѣ къ Венеціи и, наконецъ, въ Беппо, написанномъ на мѣстѣ. Никогда еще онъ не былъ въ такомъ подав-ленномъ настроеніи, какъ въ эту минуту, и никогда еще онъ не нуждался въ такой сильной степени въ забвеніи. Восхитительный климатъ Италіи, ея чудный воздухъ впервые повѣялъ на него. Ему было 29 лѣтъ. Со своими красивыми женщинами, легкомысленными нравами, со всѣмъ своимъ южнымъ образомъ жизни Венеція представляла много простора для чувственныхъ наслажденій и для опы-ненія ими. Пламенная жажда счастья и наслажденій таилась у него въ крови, а его ненависть къ обществу и желаніе поступать наперекоръ ему достигли сво-его апогея. Его считали способнымъ на всякія излишества,—такъ надо же до-ставить странствующимъ соотечественникамъ матеріалъ для писемъ домой, кото-рыхъ заставили бы падать въ обморокъ старыхъ женщинъ; онѣ, вѣдь, и такъ кричали и лишались чувствъ, что бы онъ тамъ ни дѣлалъ!

Первое, что сдѣлалъ Байронъ по пріѣздѣ въ Венецію—это досталъ себѣ гондолу, гондольера, ложу въ театръ и любовницу. Последнюю онъ нашелъ очень быстро. Онъ поселился въ домѣ одного купца, молодую 22-лѣтнюю жену кото-раго, Маріанну Сегати, онъ описываетъ, какъ антилопу съ большими темными глазами. Она и Байронъ такъ сильно влюбились другъ въ друга, что онъ предо-ставилъ Гобгоузу одному ѣхать въ Римъ. „Я охотно бы поѣхалъ съ вами“, пишетъ онъ, „но я влюбленъ и долженъ ожидать, пока это чувство пройдетъ“. Молодая женщина посвятила его во всѣ удовольствія карнавала.

Онъ жилъ совершенно по венеціански, мечталъ цѣлыя ночи напролетъ, наблюдалъ—изъ страха, чтобы не потолстѣть,—свою всегдашнюю діету, жилъ исключительно растительною пищею и долженъ былъ пить свой любимый напи-токъ,—ромъ съ водою,—въ значительныхъ количествахъ, чтобы поддерживать въ себѣ бодрость духа, потому что въ это самое время онъ оканчивалъ Ман-фреда. Грустную картину тогдашней безцѣльности его жизни представляетъ то обстоятельство, что онъ лишь для того, чтобы составить противовѣсъ своимъ раз-влеченіямъ и создать центръ тяжести для своего препровожденія времени, сталъ каждый день проводить нѣсколько часовъ въ монастырѣ Санъ-Ладзаро, учась у монаховъ армянскому языку. Онъ перевезъ въ Венецію своихъ верховыхъ ло-шадей, и, подобно тому, какъ утра посвящались имъ армянскому языку, вечера посвящались физическимъ упражненіямъ, именно—верховой ѣздѣ. Онъ съ Шелли и другими друзьями заставлялъ перевозить себя въ гондолѣ въ Лидо, и тамъ они катались верхомъ взадъ и впередъ.

Воспоминаніе о разговорахъ съ Байрономъ во время этихъ катаній вер-
хомъ сохранились въ Julian and Maddalo Шелли. Байронъ и Шелли гля-
дѣли при солнечномъ закатѣ на безформенную башню, возвышавшуюся на одномъ
изъ острововъ, и мрачно вырисовывавшуюся на горѣвшемъ пламенемъ небѣ.
Вдругъ они услышали хриплый звукъ колокола. „То, что мы видимъ, сказалъ Бай-
ронъ,—домъ умалишенныхъ, и теперь наступилъ тотъ часъ, когда звукъ колокола
вызываетъ безумныхъ изъ келій для слуханія вечерни. Такова, воскликнулъ онъ,
наша человѣческая судьба. Подобно этому мрачному и страшному колоколу, наша
душа должна въ своей освѣщенной солнцемъ башнѣ призывать звуками колокола
наши мысли и стремленія, приглашая ихъ сплочиваться вокругъ разбитого сердца
и молиться, какъ дѣлаютъ это безумцы—о чемъ они сами не знаютъ“. Ни одно
сравненіе не описываетъ въ болѣе яркихъ краскахъ жизнь Байрона въ этотъ
періодъ времени. Несомнѣнно, что въ то время его стремленія и желанія были
похожи на сумасшедшихъ, которыхъ разъ въ день созываетъ колоколъ дома ума-
лишенныхъ.

Получивши въ нездоровомъ воздухѣ Венеціи лихорадку, онъ съ трудомъ
разстался съ Маріанною Сегати, чтобы совершить небольшое путешествіе въ
Феррару и Римъ. Но послѣ своего возвращенія исчезла его сильная страсть къ
ней, такъ какъ Байронъ открылъ, что она продавала украшенія, которыя онъ
дарилъ ей, и, кромѣ того, старалась получать прибыль отъ своей связи съ нимъ.
Во время своего перваго пребыванія въ Венеціи онъ преимущественно вращался
въ высшемъ обществѣ, собиравшемся главнымъ образомъ въ домѣ образованной
литературно графини Альбрицци; теперь же онъ совершенно отдалился отъ этого
такъ называемаго высшаго круга. Онъ нанялъ для себя и своего звѣрнца ве-
ликолѣпный дворецъ на большомъ каналѣ; этотъ дворецъ былъ вскорѣ обра-
щенъ имъ въ гаремъ, и любимую султаншею въ немъ сдѣлалась молодая жен-
щина изъ простонародья, Маргарита Коньи, бывшая замужемъ за хлѣбопекомъ и
получившая отъ Байрона, благодаря этому, названіе Форнарины на гравирован-
номъ портретѣ, который его издатель заказалъ по просьбѣ поэта. Ея лицо было
прекраснѣйшаго венеціанскаго типа, ея фигура, быть можетъ, нѣсколько велика,
но тѣмъ не менѣе прекрасна и какъ нельзя болѣе подходяща для національ-
наго костюма. Она обладала всею естественностью и веселостью венеціанки изъ
простонародья, и такъ какъ не умѣла ни читать, ни писать, то не могла на-
дѣвать Байрону своими письмами. Она была ревнива, срывала маски съ лицъ
знатныхъ дамъ, которыхъ заставляла вмѣстѣ съ Байрономъ, и приходила къ нему,
когда вздумается, не обращая вниманія ни на время, ни на мѣсто, ни на нахо-
дившіяся у него въ домѣ лица. Въ одномъ письмѣ Байронъ пишетъ объ этой
женщинѣ: „Когда я познакомился съ нею, я находился въ связи съ одною знат-
ною дамою, которая имѣла неблагоразуміе пригрозить ей. Маргарита, вызванная
на рѣзкость этою дамою, сбросила съ головы свой платокъ и отвѣтила съ свой-
ственною ей самоувѣренною венеціанскою манерою: „Вы не его жена, и я не его

жена. Вы его любовница и я его любовница. Вашъ мужъ дуракъ и мой мужъ
дуракъ. Какое же право имѣете вы оскорблять меня? Развѣ моя вина, если онъ
предпочелъ меня?“—Произнесши эту мастерскую по краснорѣчію рѣчь, она пошла
своею дорогою, предоставивъ дамѣ обдумать на-единѣ ея слова. Въ концѣ кон-
цовъ, она советѣмъ поселилась въ домѣ Байрона въ качествѣ его домоправитель-
ницы, ввела у него строгій порядокъ, болѣе чѣмъ на половину сократила расходы,
и прогуливалась въ платьѣ съ шлейфомъ и въ шляпѣ съ перомъ—предметы рос-
коши, давно уже составлявшіе предметъ ея желаній—по дворцу; она колотила
горничныхъ, распечатывала письма Байрона, старалась научиться азбукѣ, чтобы
узнать между ними дамскія письма. Не смотря на всю свою необузданность, она
любила его; ея радость, когда она увидала его возвращающимся домой послѣ
опаснаго катанія по морю, походила на радость тигрицы, нашедшей своего по-
теряннаго дѣтеныша, и когда ея все возрастающая раздражительность принудила
Байрона удалить ее, она явилась къ нему съ ножомъ въ рукахъ и попыталась
нанести ему рану; но это ей не удалось, и она въ своемъ горѣ и отчаяніи бро-
силась ночью въ каналъ. Ее во время вытащили и отправили домой, а Байронъ
описалъ подробно ея исторію Муррею, зная прекрасно, что его письма къ из-
дателю наравнѣ съ общественными документами ходятъ по рукамъ; удовольствіе,
доставляемое ему его похожденіями, было только половинчатое, если онъ не могъ
возбудить ими раздраженіе противъ себя въ Англіи.

Изъ приведеннаго нами выше письма видно, что онъ не всецѣло погру-
жался въ распущенную венеціанскую жизнь, а умѣлъ смотрѣть на нее съ коми-
ческой или веселой стороны. Она далеко не прошла даромъ для развитія его,
какъ умственной единицы и какъ поэта. Между тѣмъ какъ его друзья прихо-
дили дома въ отчаяніе по поводу того, что онъ своимъ образомъ жизни ставилъ
на карту свое достоинство и лишается общественнаго уваженія, въ его поэзіи
развился новый реалистическій характеръ благодаря необузданной веселой кар-
навальской жизни среди женщинъ простонародья и подъ влияніемъ смѣющагося
солнца Италіи. Въ поэтическихъ произведеніяхъ своей молодости онъ рисовалъ
печально, съ разрывающимся отъ горя сердцемъ отливъ жизни, въ Беппо на
сцену выступилъ внезапно бурный весенній приливъ. Это былъ реализмъ дѣйстви-
тельнаго существованія, растворенный въ смѣхѣ и шуткахъ. Въ его раннемъ па-
оосѣ замѣчалось нѣчто монотонное, въ значительной степени искусственное. Здѣсь
же его геній сбросилъ съ себя скорлупу, монотонность оказалась нарушенною
постоянно мѣняющимся сплетеніемъ темъ и тоновъ, и все искусственное было
какъ бы сметено честнымъ, искреннимъ смѣхомъ. Въ его раннихъ сатирахъ за-
мѣчались значительная доля желчности и большой недостатокъ въ граціи и ве-
селости. Теперь, когда его собственная жизнь приняла на время отпечатокъ кар-
навальскихъ празднествъ, граціи явились сами собою, танцуютъ и сплетаются въ
его стансахъ, между тѣмъ какъ бубенчики веселости звучали въ тактъ имъ.

Беппо—воплощеніе карнавала въ Венеціи; это старая тема, которую Байронъ, какъ второй Паганини, нашелъ на своемъ пути, поднялъ на концѣ своего божественнаго смычка, а теперь украшалъ безконечнымъ количествомъ смѣлыхъ и гениальныхъ варіацій, пышно вышивкою изъ жемчуга и золотыхъ арабескъ. Онъ какъ разъ въ это время познакомился съ англійскимъ юмористическимъ стихотвореніемъ о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ круглаго стола, сочиненнымъ дипломатомъ Джономъ Фреромъ, который въ этомъ случаѣ подражалъ переработкѣ итальянцемъ Берни Неистоваго Роланда Баярда, перваго стихотворенія, написаннаго октавами. Это возбудило у Байрона желаніе написать нѣчто подобное и изъ подражанія создано было вышеупомянутое художественное шутовое произведеніе, полная оригинальность котораго уничтожаетъ всякое воспоминаніе объ образцѣ. Здѣсь Байронъ нашелъ форму, которую могъ употребить, оружіе, пригодное для его рукъ: октаву съ тройнымъ рифмованнымъ секстетомъ, къ которой окончательная рифма прибавляетъ то комичную черту, то шутку, то поговорку, то мѣткую остроту.

О чемъ говорить стихотвореніе? О такихъ же пустякахъ, какъ и Намуна Альфреда де-Мюссе или Танцовщица Палудана-Мюллера, написанныя въ подходящемъ стилѣ 16 лѣтъ спустя (1833 г.). Дѣйствія нѣтъ никакого. Одинъ венеціанецъ уѣзжаетъ отъ своей жены и такъ долго находится въ отсутствіи, что она считаетъ его мертвымъ и успѣла уже давнымъ давно вступить въ связь, похожую на бракъ, когда онъ—проданный въ Турцію въ рабство—возвращается внезапно домой и, одѣтый туркомъ, встрѣчаетъ свою жену на маскарадѣ подъ руку со своимъ многолѣтнимъ преемникомъ. Онъ стоитъ по окончаніи бала у дверей своего дома, когда парочка выходитъ изъ гондолы. Какъ только всѣ три оправляются отъ первой минуты безграничнаго удивленія, они требуютъ три чашки кофе и между ними завязывается слѣдующій разговоръ: Лаура говоритъ: Беппо! О Боже, какъ твоя борода выросла. И какъ тебѣ могло придти въ голову быть такъ долго въ отсутствіи? Ты, дѣйствительно, сдѣлался туркомъ? И это правда, что ты ѣшь пальцами вмѣсто вилочекъ? Какая у тебя вокругъ головы восхитительная шаль! Я ее получу, это ясно. И ты дѣйствительно никогда не ѣшь свинины?—Это все объясненіе, которое ея мужъ получаетъ отъ нея; онъ имъ довольствуется и занимаетъ у Cavalier servant Лауры пару панталонъ, такъ какъ не можетъ выходить въ своемъ костюмѣ; исторія заканчивается самымъ полнымъ примиреніемъ. Само по себѣ это произведеніе представляетъ второстепенное значеніе; оно послужило для Байрона подготовительною школою къ его *Донъ-Жуану*—единственному изъ сочиненій Байрона, который заключаетъ въ себѣ и обнимаетъ цѣлый обширный океанъ жизни съ его бурями и солнечнымъ свѣтомъ, съ его приливами и отливами.

Друзья Байрона употребляли всѣ усилія, чтобы добиться возвращенія Байрона въ Англію и оторвать его отъ жизни, которую онъ велъ въ Италіи; но напрасны были всѣ убѣжденія; вмѣсто того, чтобы возвратиться, онъ продалъ

(за 94,000 ф. ст.) свое Ньюстэдское аббатство, о которомъ въ молодости говорилъ, что никогда не разстанется съ нимъ, и такъ твердо рѣшилъ никогда не возвращаться домой, что даже съ ужасомъ думалъ о возможности быть отвезеннымъ въ Англію послѣ смерти. Онъ пишетъ: „Я надѣюсь, никому не придетъ въ голову консервировать и бальзамировать меня, чтобы перевезти домой. Мои кости не успокоятся ни на одномъ англійскомъ кладбищѣ и мой прахъ никогда не могъ бы смѣшаться съ пылью этой страны. Мысль, что одинъ изъ моихъ друзей можетъ быть настолько безобразнымъ человѣкомъ, чтобы перевозить мое тѣло въ вашу страну, могло бы привести меня въ бѣшенство на смертномъ одрѣ. Я никогда не соглашусь питать даже вашихъ червей“.

Тутъ случилось событіе, положившее совершенно неопредѣленнымъ образомъ конецъ многоженству Байрона въ Венеціи и получившее громадное значеніе для всей его дальнѣйшей жизни. Въ апрѣлѣ 1819 г. Байронъ былъ въ обществѣ представленъ молодой шестнадцатилѣтней графинѣ Терезѣ Гвичіоли, урожденной графинѣ Гамба, которая недавно только вышла замужъ за болѣе чѣмъ шестидесятилѣтняго графа Гвичіоли, успѣвшаго уже два раза овдовѣть. Представленіе произошло противъ желанія обоихъ; молодая графиня чувствовала себя уставшею и хотѣла поскорѣе вернуться домой, а Байронъ не любилъ новыхъ знакомствъ; оба уступили просьбамъ хозяйки дома. Но съ первой минуты, какъ они вступили въ разговоръ, въ душу обоихъ запала искра, которая никогда больше не потухала. Графиня сказала: „Его удивительно красивыя и благородныя черты лица, звукъ его голоса, его обращеніе и невыразимое очарованіе, исходившее отъ него, дѣлали его оригинальнымъ явленіемъ, стоявшимъ выше всего, что мнѣ до тѣхъ поръ случалось видѣть. Съ этого вечера мы ежедневно видались во время моего пребыванія въ Венеціи“.

Черезъ нѣсколько недѣль Тереза должна была вернуться съ мужемъ въ Равенну. Эта разлука такъ сильно потрясла ее, что она въ первый день пять разъ падала въ обморокъ и затѣмъ заболѣла такъ сильно, что ее полумертвою отвезли домой. Въ это самое время она потеряла свою мать. Графъ владѣлъ цѣлымъ рядомъ замковъ и помѣстій между Венеціею и Равенною, и изъ каждаго изъ этихъ мѣстъ Тереза посылала страстные письма Байрону, въ которыхъ описывала ему свое отчаяніе по поводу разлуки и умоляла пріѣхать въ Равенну. Замѣчательно трогательно описаніе ею своей жизни и чувствъ, которое она дѣлаетъ послѣ прибытія въ Равенну. Между тѣмъ какъ прежде она мечтала только о празднествахъ и балахъ, теперь, говоритъ она, ея любовь произвела такой переворотъ во всемъ ея существѣ, что она, согласно желаніямъ Байрона, избѣгаетъ всякія собранія и живетъ въ глубокомъ одиночествѣ, занимаясь чтеніемъ, музыкою, верховою ѣздою и домашнимъ хозяйствомъ. Отъ тоски и горя она опасно заболѣла: изнурительная лихорадка грозила, повидимому, подкосить ея жизнь; открылись, кромѣ того, признаки начинающейся чахотки. Тогда Байронъ отправился въ путь. Онъ засталъ графиню лежащею въ постели съ кашлемъ и крово-

харканіемъ; казалось, дѣйствительно, что она близка къ смерти. Онъ пишетъ: „Боюсь ужасно, что она больна чахоткою. Такъ случается со всякимъ предметомъ, со всякою личностью, къ которой я начинаю чувствовать искреннюю привязанность. Но если съ нею приключится несчастье,—то прощай, мое сердце!—это моя послѣдняя любовь. Тѣ увлеченія, которымъ я раньше предавался и которыя мнѣ смертельно надоѣли, принесли, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что я могу почувствовать любовь въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова“. Обращеніе графа съ молодымъ иностранцемъ глубоко удивляло всѣхъ. Овъ былъ съ нимъ крайне вѣжливъ, заѣзжалъ за Байрономъ ежедневно въ экипажъ, запряженномъ шестеркою лошадей, и, по словамъ поэта, „обращался съ нимъ, какъ Виттингтонъ со своею кошкою“.

Байронъ чувствовалъ себя счастливымъ вблизи своей возлюбленной; чувства его ранней молодости воскресли въ немъ благодаря этой единственной полной и взаимной любви. Прелестное стихотвореніе Стансы на По, свидѣтельствующее о глубокомъ и рыцарскомъ чувствѣ и заканчивающееся приглашеніемъ умереть въ молодости, составляетъ первый плодъ этой новой страсти. Онъ любилъ серьезно любовью, отъ всего сердца, любилъ какъ юноша, не стараясь сдерживать своего чувства или возвыситься надъ нимъ. Когда въ августѣ графиня оказалась вынужденною уѣхать на время со своимъ мужемъ въ его имѣнія, онъ ежедневно посѣщалъ домъ своей возлюбленной, заставлялъ открывать ея комнаты, читалъ ея любимыя книги и писалъ на поляхъ ихъ замѣчанія. Въ одномъ экземплярѣ Коринны нашли написанными слѣдующія слова: „Моя возлюбленная Тереза! я прочиталъ эту книгу въ твоёмъ саду.—Моя дорогая! ты отсутствовала, иначе я не могъ-бы читать. Это одна изъ твоихъ любимыхъ книгъ, а авторъ ея—моя пріятельница. Ты не можешь понять этихъ англійскихъ словъ, и другіе также не поймутъ ихъ,—вотъ почему я не нацарапалъ ихъ по итальянски. Но ты узнаешь почеркъ того, кто страстно любить тебя, и догадаешься, что онъ, сидя съ одною изъ твоихъ книгъ, могъ думать только о любви. Въ этомъ словѣ, прекрасномъ на всѣхъ языкахъ, но наиболѣе прекрасномъ на твоёмъ,—*amor mio*, —сосредоточивается мое существованіе теперь и на будущее время... Думай иногда обо мнѣ, когда Альпы и море разлучатъ насъ, но этого никогда не случится, пока ты сама не пожелаешь“. Незачѣмъ сравнивать эти выраженія съ прощальнымъ письмомъ къ леди Лэмбъ, чтобы почувствовать, что на этотъ разъ мы слышимъ языкъ истинной любви.

Когда въ сентябрѣ графъ отправился по дѣламъ въ Равенну, онъ разрѣшилъ своей молодой женѣ и Байрону свободно наслаждаться обществомъ другъ друга въ Болоньѣ, а затѣмъ отправиться вмѣстѣ въ Венецію, гдѣ они стали жить подъ одною кровлею въ виллѣ Байрона La Miga. Вотъ что она пишетъ объ этихъ дняхъ въ письмѣ къ Муру послѣ смерти Байрона: „Но я не могу останавливаться на этихъ воспоминаніяхъ о счастіи—противоположность съ настоящимъ слишкомъ ужасна! Если-бы какого-нибудь блаженного духа среди пол-

наго наслажденія небеснымъ блаженствомъ спустили внизъ на землю и заставили испытать всѣ ея горести,—его страданіе не могло-бы быть больше того, какое я почувствовала въ ту минуту, когда эти страшныя слова раздались въ моихъ ушахъ и я навсегда утратила надежду увидѣть того, одинъ взоръ котораго больше значить для меня, чѣмъ все счастье земли“.

Молодая женщина, которой свѣтъ обязанъ тѣмъ, что Байронъ не погибъ окончательно въ недостойныхъ его развлеченіяхъ, скомпрометировала себя на всегда съ тѣхъ поръ, какъ поселилась въ его виллѣ. Тогдашній итальянскій нравственный кодексъ, прекрасно изображенный въ итальянскихъ разсказахъ Стендаля, разрывалъ молодой женщинѣ имѣть друга (*amico*) и даже относиться къ нему, какъ къ ея настоящему супругу, но только подъ однимъ условіемъ, чтобы внѣшняя форма была соблюдена,—а она ее нарушила.

Не легкомысліе побудило ее подвергнуться укорамъ общественнаго мнѣнія, а то, что она смотрѣла на свои отношенія къ Байрону въ поэтическомъ свѣтѣ. Она считала для себя жизненною задачею—силою своей любви освободить благороднаго и талантливаго поэта отъ недостойныхъ узъ, опутавшихъ его, и вернуть ему вѣру въ чистую, самоотверженную любовь. Она надѣялась вліять на него въ качествѣ его музы. Она была чрезвычайно молода и необыкновенно хороша. Это была свѣтлая блондинка съ темными глазами, небольшого роста, но восхитительно сложенная. Американскій живописецъ Вестъ, который на виллѣ Роза въ Пизѣ рисовалъ портретъ Байрона, оставилъ слѣдующее описаніе ея: „Въ то время, какъ я рисовалъ, снопъ, черезъ которое я получалъ свѣтъ, внезапно потемнѣло и я услышалъ голосъ, проговорившій: *E troppo bello* (онъ слишкомъ хорошъ)! Я обернулся и увидѣлъ восхитительную женщину, которая наклонилась въ окно, чтобы взглянуть на живописъ, такъ какъ земля была на уровнѣ съ окномъ. Ея длинныя золотистыя волосы ниспадали ей на лицо и плечи, фигура была хороша до совершенства, а ея улыбка придавала еще болѣешую красу наиболѣе романтической головкѣ, какую мнѣ случалось видѣть,—въ особенности въ ту минуту, когда она показалась мнѣ въ сіяніи солнечнаго свѣта, озарявшаго ее сзади“. Чѣмъ болѣе важно было и должно было быть для графини, чтобы ее не считали одною изъ многочисленныхъ любовницъ Байрона, тѣмъ болѣе желала она возвысить его поэзію, поднимая ее въ болѣе высокую и чистую атмосферу чѣмъ та, среди которой она до сихъ поръ вращалась.

Однажды вечеромъ, когда Байронъ, сидя, перелистывалъ рукопись Донъ-Жуана, первыя двѣ пѣсни котораго были написаны еще до знакомства его съ графиней, она подошла къ нему и, наклонившись сзади надъ его стуломъ, спросила, что означаетъ то мѣсто, до котораго онъ дошелъ въ чтеніи? Это была какъ разъ 137 строфа первой пѣсни, и Байронъ отвѣтилъ по итальянски: „Твой мужъ идетъ“. „О Боже, овъ идетъ!“ воскликнула графиня и въ испугѣ отступила: она думала, что онъ говоритъ о ея мужѣ. Впрочемъ, этотъ случай

возбудилъ въ ней желаніе познакомиться съ Донъ-Жуаномъ; но когда она прочтала во французскомъ переводѣ первыя двѣ пѣсни, она стала умолять Байрона не продолжать поэмы, приведенная въ ужасъ цинизмомъ содержанія. Онъ немедленно обѣщалъ своей dictatrice все, чего она требовала. Это было первое непосредственное вліяніе, оказанное графиней Гвичіоли на творчество Байрона—конечно, далеко не хорошее!—но она вскорѣ взяла свое запрещеніе назадъ, подѣ однимъ только непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ дальнѣйшихъ частяхъ поэмы не было ничего непристойнаго. Совмѣстная жизнь съ нею отразилась весьма скоро въ длинномъ рядѣ прекрасныхъ и прочныхъ памятниковъ, въ произведеніяхъ, выходящихъ съ этихъ поръ изъ-подъ пера Байрона. Тотъ способъ, при помощи котораго въ Донъ-Жуанѣ срывается покрывало со всѣхъ иллюзій, безпощадная насмѣшка, изгонявшая всякаго рода сентиментальность, оскорбляли графиню, какъ женщину, потому что женщины неохотно сбрасываютъ послѣднее покрывало съ иллюзій, которыя, пока существуютъ, украшаютъ жизнь.

Но если графиня стремилась всѣми силами отклонить Байрона отъ созданія такихъ произведеній, которыя разрушали бы вѣру въ людей и въ значеніе человѣческой жизни, за то она съ присущею ей романтической натурѣ склонностью ко всему возвышенному и какъ страстная итальянская патріотка побуждала своего возлюбленнаго избирать такіе сюжеты, которые могли-бы возвысить духъ ея соотечественниковъ и возбудить въ нихъ восторженное желаніе освободить свою родину отъ чужеземнаго ига. По ея желанію написалъ Байронъ Пророчество Данте и перевелъ знаменитые стихи Петрарки о любви Франчески Римини, и подѣ ея вліяніемъ сочинилъ онъ драму Марино Фальери и Фоскари. Хотя эти драмы написаны на англійскомъ языкѣ, но по стилю и содержанію онѣ въ дѣйствительности принадлежатъ скорѣе романской, чѣмъ англійской литературѣ, подобно тому, какъ онѣ фактически принадлежатъ скорѣе итальянской, чѣмъ англійской сценѣ. Это—страстные политическія тенденціозныя пьесы, написанныя въ высшей степени небрежными и иногда плохо звучащими ямбами и сочиненныя съ цѣлью воспламенить дремлющихъ патріотовъ Італіи и заставить ихъ возстать, какъ одинъ человѣкъ, противъ своихъ притѣснителей. Онѣ очень сценичны. Кромѣ того, подѣ первымъ впечатлѣніемъ своей любви къ графинѣ Байронъ написалъ Мазепу, любовница котораго носитъ ея имя; наконецъ, ея личность воплощена въ двухъ самыхъ прекрасныхъ и наилучшихъ женскихъ фигурахъ, изображенныхъ Байрономъ въ этотъ періодъ времени: Ады въ Каинѣ и Мирры въ Сардананалѣ.

Въ лицѣ графини Гвичіоли Байронъ видѣлъ осуществленнымъ тотъ женскій идеалъ, который всегда носился въ его воображеніи, но который ему никакъ не удавалось изобразить естественнымъ образомъ въ его первыхъ поэтическихъ разсказахъ. Онъ самъ однажды сдѣлалъ лэди Блессингтонъ наивное признаніе въ затрудненіяхъ, которыя онъ при этомъ испытывалъ, и изложилъ

ей способъ, при помощи котораго онъ создавалъ свои идеалы. „Я очень люблю, говорилъ онъ, полныхъ женщинъ, но послѣднія рѣдко обладаютъ такими прекрасными, гибкими пальцами, которые соответствовали-бы идеалу женщины; слѣдовательно, я долженъ былъ удовлетворять мою фантазію, создавая самъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, соединявшихъ въ себѣ то, что обыкновенно встрѣчается отдѣльно.—Далѣе, я люблю только простыхъ, естественныхъ женщинъ, но онѣ въ большинствѣ случаевъ необразованны и незнакомы съ формами изящнаго приличія, а изящныя и образованныя женщины—неестественны. Поэтому я рѣшился изображать греческихъ дѣвушекъ, которыя соединяютъ безсознательную грацію и чистосердечіе съ высшимъ врожденнымъ изяществомъ мыслей и чувствъ“. Получившаяся отсюда смѣсь была настолько-же невозможна, насколько красива; она почти не носила отпечатка дѣйствительности и въ этомъ отношеніи соответствовала вполне характеру тѣхъ героевъ, передъ которыми эти женщины преклонялись.

Всѣ повѣствовательныя поэтическія произведенія Байрона отъ Гяура до Осады Коринфа—чисто романическія сочиненія, но съ сильнымъ личнымъ отпечаткомъ. Страсть у обоихъ половъ обоготворяется. Эти герои, употребляя выраженіе изъ Гяура,—обломки кораблекрушенія, которые нагромождены страстями, но предпочитаютъ скорѣе носиться среди бурь, чѣмъ жить въ отупляющей тишинѣ. Они любятъ не холодною любовью, которая процвѣтаетъ въ холодныхъ климатахъ, но сердца ихъ посылаютъ „лаву и пламя“. Наиболѣе выдающійся изъ этихъ уже сильно устарѣвшихъ героевъ Байрона является благородный морской разбойникъ Корсаръ, который гордъ, капризенъ, полонъ презрѣнія къ человѣчеству, мстителенъ до жестокости, терзаемъ угрызеніями совѣсти, и въ то же время настолько благороденъ и великодушенъ, что предпочитаетъ подвергнуться самымъ варварскимъ мученіямъ, чѣмъ убить спящаго врага. Интересный бандитъ съ полными таинственности чертами лица, съ театральною манерою держать себя и безграничною рыцарскою любезностью по отношенію къ женщинамъ является байроновскимъ pendant къ шиллеровскому Карлу Мору. Для мужского идеала, созданнаго себѣ Байрономъ, мало соответствовалъ король въ странѣ, гдѣ царитъ законъ,—король, окруженный придворною дисциплиною; такому королю недоставало рыцарскихъ романтическихъ подвиговъ, свободного воздуха береговъ и моря. И вотъ, Байронъ взявъ морского короля, пирата, и къ качествамъ, обусловленнымъ его профессіею, присоединилъ самыя утонченныя качества своей собственной души. Корсаръ, привыкшій купаться въ крови, съ дрожью отступаетъ передъ молодою султаншею, которую любить, когда видитъ у нея на лбу маленькое пятно крови,—не потому, что можно представить себѣ Конрада дрожащимъ изъ-за такихъ пустяковъ, а потому, что самъ Байронъ почувствовалъ бы дрожь при такомъ зрѣлищѣ. Однимъ словомъ, всѣ эти герои и героини юности Байрона приобрѣли такую большую популярность у толпы, потому что—какъ было замѣчено относительно ихъ—они движутся постоянно въ такой

сферѣ, съ которою не имѣютъ ничего общаго. Публика столько же восхищается пылкостью страсти въ лирическихъ частяхъ и отдѣльными (почти всегда вставленными во время корректуръ) поэтическими перлами, сколько и неестественными дѣйствіями, противорѣчащими человѣческой природѣ. Это было восхищеніе въ родѣ того, которое выпадаетъ на долю смѣлаго акробата, дѣлающаго угрожающія ему смертью штуки и придающаго своему тѣлу самыя противоестественныя позы.

Но отдѣльныя черты въ этихъ герояхъ проникаютъ въ самую глубь байроновскаго идеала, который теперь выступаетъ наружу. Непреклонность Конрада во время страданій предвѣщаютъ намъ такую же непреклонность и со стороны Манфреда; онъ такъ же точно отказывается стать на колѣни, какъ Кайнъ отказывается преклоняться передъ Люциферомъ, или Донъ-Жуанъ—передъ Гульбеязомъ. Состраданіе къ людямъ болѣе низкаго происхожденія, которое никогда не исчезало изъ души Байрона, проявляется уже и у Лары, хотя болѣею частью въ видѣ „ненависти къ господамъ“, а стремленіе освободить Грецію высказывается какъ въ Гяурѣ, такъ и въ Осадѣ Коринфа. Замѣчательно, что и самъ Байронъ кончилъ жизнь въ качествѣ командующаго отрядомъ дикихъ людей, въ духѣ тѣхъ, которыхъ онъ воспѣвалъ. Кровь викинговъ, текшая въ его жилахъ не давала ему покоя, пока онъ самъ не сдѣлался королемъ викинговъ, какъ тѣ норманны, отъ которыхъ онъ происходилъ. И хотя всѣ эти desperados (и отступникъ Альпъ, который ведетъ турковъ противъ собственныхъ соотечественниковъ, и Лара, который живетъ на боевой ногѣ съ членами своего сословія)—образы, созданные воображеніемъ поэта, но во всѣхъ ихъ проходитъ одна основная реалистическая черта, которая господствуетъ и во всѣхъ тѣхъ, кто примыкаетъ къ нимъ: реализмъ грандіознаго страданія. Юморъ въ Беппо представляетъ ту форму, подъ которою вѣрность природѣ преодолеваетъ театральныя элементы и искусственность его болѣе раннихъ произведеній. Сочувствіе къ человѣческому страданію, которое въ трагической поэзіи Байрона поглощаетъ въ послѣдствіи участіе ко всему другому, есть та форма, въ которой сознаніе дѣйствительности жизни прорывается и уничтожаетъ у него все романтическое.

Это сознаніе послѣ разрыва съ Англіею сдѣлалось болѣе рѣзкимъ и искреннимъ, чѣмъ когда-либо раньше. Шильонскій узникъ описывалъ страданія, перенесенныя благороднымъ Бонниваромъ, который шесть лѣтъ прожилъ, привязанный къ столбу на такой короткой цѣпи, что онъ не могъ лечь на землю, между тѣмъ какъ его братья, привязанные такимъ же способомъ, какъ и онъ, къ ближайшимъ столбамъ, умирали, а онъ не въ силахъ былъ протянуть имъ руку помощи. Теперь появился Мазепа, написанный въ томъ же духѣ: юноша привязанъ къ спинѣ необъязаннаго коня, который съ развѣвающимися гривой и дымящимися отъ пару боками носится по лѣсамъ и степи, между тѣмъ какъ самъ онъ, съ мученіями въ прошломъ и ужасомъ въ будущемъ, оторванный отъ своей возлюбленной, терзается отъ жажды, ранъ и позора. До сихъ поръ Бай-

ронъ выбиралъ предпочтительно самыя ужасныя физическія страданія; даже тамъ, гдѣ страданіе, какъ у Боннивара, представляло и духовную сторону и сюжетъ давалъ поводъ для изображенія геройской личности,—онъ предпочтительно останавливался на описаніи чисто физическихъ мученій. Теперь же, когда въ немъ пробудилось состраданіе къ великимъ мученикамъ Италіи, его взглядъ на трагическое облагородился.

Въ Пророчествѣ Данте онъ описываетъ судьбу поэта въ слѣдующихъ словахъ:

Many are poets but without the name,
For what is poesy but to create
Frem overfeeling good or ill; and aim
At an external life beyond our fate,
And be the new Prometheus of new men
Bestowing fire from heaven, and then, too late,
Finding the pleasure given repaid with pain,
And vultures to the heart of the bestower
Who, having lavish'd his high gift in vain,
Lies chain'd to his lone rock by the sea shore

(Многіе бываютъ поэтами, не нося этого названія, ибо что же дѣлаетъ поэтъ, какъ не создаетъ изъ избытка чувствъ добро или зло, какъ не стремится къ вѣнечной жизни, находящейся за предѣлами нашей судьбы? Онъ является новымъ Прометеемъ среди новыхъ людей; онъ крадетъ съ неба огонь, даритъ его и затѣмъ узнаетъ слишкомъ поздно, что за удовольствіе отплачиваютъ мученіями, терзаніемъ сердца дарителя, который, потративъ напрасно свой драгоценный даръ, лежитъ прикованнымъ цѣпью къ одинокой скалѣ на берегу моря).

И Байронъ влагаетъ въ уста великаго поэта, несправедливо изгнаннаго, какъ и онъ, слѣдующія слова:

It is the doom
Of spirits of my order to be rack'd
Inlife, to wear their hearts out, and consume
Their dags in endless strife, and die alone.

(Судьба людей моего разряда—испытывать въ жизни однѣ только пытки, сердечныя терзанія, проводить свои дни въ безконечной борьбѣ, и умирать одинокими).

Онъ еще раньше останавливался на судьбѣ Тассо. Достаточно поверхностнаго сравненія между гетевскимъ Тассо и байроновскимъ Жалобы Тассо, чтобы увидѣть, съ какою страстью фантазія Байрона останавливалась на безнадежномъ страданіи. Гете беретъ Тассо совѣтъ молодымъ, изображаетъ его

влюбленнымъ юношею, занимающимся поэзіей, и ставитъ его при феррарскомъ дворѣ въ кругу красивыхъ женщинъ, гдѣ онъ попеременно чувствуетъ себя то счастливымъ, то несчастнымъ, гдѣ имъ то восхищаются, то оскорбляютъ его. Байронъ изображаетъ Тассо одинокимъ, оторваннымъ отъ свѣта, заключеннымъ среди сценъ безумія, не будучи сумасшедшимъ,—добычею жестокости своего бывшего благодѣтеля:

J loved all soltude—but little thought
To spend J know not what of life, remote
From all communion vith existense, save,
The manial and his tyrant; had J been
Their fellow, many years ere this lad seen
My mind like theirs corrupted to its grave.
But who hath see me writhe, or heard me rave?
Perchance in such a cell we suffer more
Than the wreck'd sailor on his desert shore;
The world is all before him,—mine is here,
Scarce twice the space they must accord my bier.
What thought he perish, he may lift his eye
And with a dying glance upbraid the sky—
J will not raise my own in such reprof,
Although 'tis clouded by my dungeon roof.

(Я любилъ одиночество, —но никогда не думалъ проводить то, что мнѣ еще осталось отъ жизни, вдали отъ всякаго общенія съ существующимъ міромъ, исключая сумасшедшихъ и ихъ мучителей;—если бы я былъ подобенъ имъ, мой умъ былъ бы много лѣтъ тому назадъ извращенъ, такъ же, какъ и ихъ, до самой глубины. Но кто-же видѣлъ мея когда-либо визжащимъ или безумствующимъ? Мы въ такой келіи больше страдаемъ, чѣмъ потерпѣвшій кораблекрушеніе морякъ на пустынномъ берегу; весь міръ открывается передъ нимъ,—мой же міръ сосредоточенъ здѣсь,—на пространствѣ врядъ ли вдвое больше того, которое будетъ предоставлено моему гробу. Если ему даже суждено погибнуть, онъ можетъ поднять свои глаза, и умирающимъ взоромъ окинуть небо,—я же не буду въ состояніи возвести съ упрекомъ моихъ глазъ къ небу, такъ какъ они скрыты подъ сводомъ моей тюрьмы).

Гете создалъ нѣчто въ родѣ маленькаго нѣмецкаго Веймара изъ двора, въ которомъ царила Лукреція Борджіа,—изъ двора, въ которомъ процвѣтали страсть и суровость эпохи Возрожденія: онъ снабдилъ его во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе тонко-чувствующею гуманностью XVIII вѣка. Байронъ, напротивъ того, чувствовалъ магнитическое влеченіе къ тому, что представлялось ему возмутительнымъ варварствомъ герцога Феррарскаго, и его стихотвореніе обращается въ обвиненіе противъ княжеской несправедливости и противъ тираніи властителя.

Еще болѣе рѣзко обвинительный, но въ то же время и слишкомъ экзальтированный характеръ принимаетъ описаніе трагическихъ страстей въ драмѣ Фоскари, гдѣ отецъ поставленъ въ необходимость осудить своего сына, котораго онъ любитъ, на всѣ мученія пытки, и гдѣ сынъ, герой драмы, покидаетъ скамью пытокъ, на которой лежитъ распростертымъ съ первой сцены пьесы до послѣдней только для того, чтобы умереть отъ горя и страданія въ изгнаніи, на чужбинѣ. Эта трагедія, подобно предыдущимъ трагедіямъ Байрона, написана какъ бы въ видѣ вызова англичанамъ, по правиламъ Аристотеля на манеръ французскихъ трагедій. Глубоко убѣжденный въ томъ, что этотъ путь единственно правильный, Байронъ позволяетъ себѣ комическій парадоксъ, будто у англичанъ не было еще ни одной настоящей драмы.

Не мало удивлялись тому, что Байронъ, который, подобно всѣмъ английскимъ поэтамъ того времени, былъ чистымъ натуралистомъ, т. е. предпочиталъ лѣсъ—саду, первобытнаго человѣка—человѣку свѣтскому, и естественное выраженіе страсти—ея искусственному языку, могъ такъ сильно увлекаться Попомъ и небольшою группою поэтовъ, оставшихся, какъ Самуель Роджерсъ или Краббе, вѣрными классической традиціи, и доводилъ свое увлеченіе ими до подражанія драматическому стилю прошлаго времени.

Первою причиною этого была страсть къ противорѣчію Байрона: того обстоятельства, что озерная школа, которую онъ презиралъ, всегда въ преувеличенныхъ выраженіяхъ нападала на Попа, было само по себѣ достаточнымъ, чтобы онъ превозносилъ Попа до небесъ, называлъ его первымъ поэтомъ Англіи, національнымъ поэтомъ человѣчества, которому онъ охотно на собственный счетъ возвелъ бы памятникъ въ уголку Вестминстерскаго аббатства, посвященномъ поэтамъ, но куда его не могли допустить, какъ католика. Къ этому присоединились школьныя впечатлѣнія изъ Гарроу, которыя не изглаживались у Байрона въ теченіе всей его жизни, а въ Гарроу Попа называли образцовымъ писателемъ,—затѣмъ отсутствіе у Байрона критическаго чутья, въ силу котораго онъ далъ понять лэди Блессингтонъ, что Шекспиръ обязанъ половиною доставшейся на его долю славы своему низкому происхожденію;—затѣмъ то обстоятельство, что Попъ былъ горбатъ и не смотря на свой горбъ имѣлъ красивую голову, что онъ не принадлежалъ къ господствующей церкви, что онъ былъ поэтомъ аристократическаго общества, и что его увѣче было для него источникомъ сатирическаго настроенія,—все данное, которымъ Байронъ симпатизировалъ,—наконецъ, вытекающее изъ норманнскаго происхожденія Байрона сильное влеченіе его къ риторикѣ во вкусѣ романскихъ народностей.

Защитою, оказанною Байрономъ художественнымъ правиламъ прошлаго времени въ то время, какъ онъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ принадлежалъ прогрессу, английскій поэтъ обнаруживаетъ нѣкоторое сходство съ Арманомъ Каррелемъ, который также былъ свободомыслящимъ во всѣхъ политическихъ и религиозныхъ вопросахъ, и въ то же время стоялъ на сторонѣ лже-классицизма

въ литературѣ. Такъ какъ они оба во всѣхъ почти духовныхъ областяхъ раздѣляли точку зрѣнія Франціи XVIII вѣка, то для нихъ было весьма важно слѣдовать за нею и въ той единственной области, на которой она застыла—въ литературной. Несомнѣнно между тѣмъ, что эти теоретическія фантазіи дѣйствовали неблагопріятно на итальянскія драмы Байрона. Онѣ состоятъ изъ монологовъ и декламации. Геній Байрона и патріотизмъ графини Гвичіоли въ соединеніи не въ состояніи были сообщить имъ что-либо болѣе, чѣмъ обыкновенную поэтическую окраску.

Но во время переработки Каина и Сарданапала молодая графиня сдѣлалась дѣйствительно, какъ она хотѣла, музою для Байрона.

Во всемъ Каинъ лучше всего Ада. Между тѣмъ какъ мужскіе типы Байрона, какъ было уже замѣчено многими, походятъ всѣ другъ на друга, его женскія фигуры рѣзко различаются другъ отъ друга, хотя объ этомъ упоминаютъ рѣже.—Ада—не Каинъ женскаго пола, хотя она та женщина, которая наиболѣе подходит къ нему. Женское *pendant* Каина мы видимъ въ гордой, надменной Аголибамѣ въ Небо и земля. Но, подобно тому, какъ Каинъ видитъ повсюду разрушеніе, Ада видитъ повсюду разсвѣтъ, любовь, зародышъ жизни и счастье. Кипарисъ, простирающій свои вѣтви надъ головою маленькаго Эноха, представляется Каину деревомъ горя; Ада же замѣчаетъ только то, что онъ затѣняетъ ея ребенка. Когда Каинъ выразилъ свое отчаяніе въ словахъ, что всѣ бѣдствія и все зло міра будутъ плодиться черезъ Эноха, Ада говоритъ:

Oh Cain! look on him; see how full of life,
Of strength, of bloom, of beauty and of joy,
How like to me—how like to thee, when gentle.

(О Каинъ! посмотри на него, посмотри, какъ онъ полонъ жизни, силы, здоровья, красоты и радости, какъ онъ похожъ на меня, какъ онъ похожъ и на тебя, когда ты добръ).

Но Ада такъ мало говоритъ, что всѣ ея слова, взятые вмѣстѣ, не составляютъ и восьмой доли листа. Когда Каинъ долженъ выбирать между знаніемъ и любовью, она говоритъ: „выбери любовь, Каинъ“. Когда Каинъ убиваетъ Авеля и остается одинокимъ, избѣгаемый всѣми, какъ убійца,—она отвѣчаетъ на его восклицаніе: „покинь меня!“—слѣдующими словами: „Тебя и такъ всѣ покинули“. И это существо Байронъ создалъ, почти не удаляясь отъ библейскихъ словъ, вкладывая просто слова, произнесенныя однимъ, въ уста другого. Въ первой книгѣ Моисея Каинъ говоритъ, послѣ того, какъ надъ нимъ разразилось Божье проклятіе: „Это наказаніе превышаетъ мои силы“ и т. д. У Байрона Каинъ, послѣ того, какъ ангелъ произнесъ свое ужасное проклятіе, стоитъ безмолвно, но Ада открываетъ уста и говоритъ:

This punishment is more than he can bear,
Behold, thou drivest him from the face of earth,

And from the face of God shall he be hid.
A fugitive and vagabond on earth,
'Twill come to pass, that whose findeth him
Shall slay him.

(Это наказаніе превышаетъ его силы. Подумай: ты изгоняешь его съ лица земли, онъ долженъ скрываться передъ лицомъ Бога, онъ долженъ бродить изгнанникомъ, странникомъ по землѣ, и всякій, нашедшій его, долженъ его убить!).

Все это слова, вложенныя Библіею въ уста Каина, но Байронъ съ пронаительностью генія различилъ въ этомъ одномъ выраженіи формы цѣлой человеческой фигуры, и простымъ давленіемъ руки создалъ статуетку первой любящей женщины.

Другой образъ, въ которомъ чувствуешь, въ еще болѣе сильной степени, вліяніе молодой графини, это греческая рабыня Мирра въ Сарданапалѣ. Изъ всѣхъ историческихъ трагедій Байрона эта самая лучшая. Гордый Сарданапалъ предается наслажденіямъ съ беззаботнымъ презрѣніемъ къ людямъ и свѣту. Онъ пренебрегаетъ военною славою, онъ не желаетъ покупать себѣ такъ называемое великое имя цѣною крови тысячъ ничего не значущихъ людей; онъ не желаетъ, чтобы ему поклонялись въ храмахъ, точно Богу, по примѣру того, что происходило съ его предками. Его равнодушное высокомеріе доходитъ до безразсудства. Когда у мятежнаго верховнаго жреца отымаютъ мечъ, онъ отдаетъ ему этотъ мечъ назадъ со словами: „Вери назадъ свой мечъ и знай, что я предпочитаю твой воинственный задоръ твоему жреческому званію и вообще не люблю ни того, ни другого“. Его мужественная сила кажется ослабѣвшею подъ вліяніемъ жизни, проводимой въ однихъ только наслажденіяхъ; когда Мирра, греческая дѣвушка, его любимая рабыня, рѣшается спасти его, она умоляетъ его отбросить въ сторону равнодушіе и вооружиться для защиты противъ враговъ. Она страдаетъ такъ же сильно отъ того, что любить его, какъ и отъ того, что судьба сдѣлала ее рабынею. „За что я люблю его? Дочери моей родины любить только героевъ. Но у меня нѣтъ родины. Рабыня потеряла все, кромѣ своихъ цѣпей. Но я люблю его,—самое тяжелое звено въ цѣпи—любовь моя къ нему, любовь къ тому, кого не можешь уважать... А я едва ли не люблю его больше съ тѣхъ поръ, какъ вижу, до какой степени его варвары ненавидятъ его“. Но когда, въ концѣ концовъ, враги приближаются къ царскому замку и Сарданапалъ, отказавшись отъ грубаго меча, слишкомъ неудобнаго для его изыщенной руки, и отъ тяжелаго шлема, слишкомъ тяготившаго его голову, бросается съ открытою головою и съ легкимъ оружіемъ въ рукахъ въ самый разгаръ битвы и сражается, какъ герой,—Мирра торжествуетъ, точно бремя позора спадаетъ съ ея груди: „Нѣтъ стыда, ахъ! нѣтъ больше стыда любить его!... Гераклъ опозорилъ себя, одѣвшись въ женское платье Омфалы,—но онъ, который сразу выступаетъ впередъ, точно Гераклъ,—онъ, который среди изнѣ-

женной роскоши созрѣлъ въ мужнину и съ пира бросился прямо въ бой, точно поле сраженія представляло ничто иное, какъ ложе любви, онъ заслуживаетъ, чтобы греческая дѣвушка сдѣлалась его любовницею, греческій скальдъ—его пѣвцомъ, а греческая гробница—его памятникомъ“,—пророческія слова для самого Байрона. А развѣ нельзя было сказать о поэтѣ то же, что и о его героѣ, что онъ зналъ тысячи женщинъ, но ни одного женскаго сердца до настоящаго дня?

Мирра. Ты спрашиваешь, чего ты не можешь знать?

Сарданапалъ. Чего же?

Мирра. Истинной цѣны сердца,—цѣны женскаго сердца.

Сарданапалъ. Я зналъ ихъ тысячи и еще тысячи.

Мирра. Сердце?

Сарданапалъ. Да.

Мирра. Ты не зналъ одного. Можетъ быть, ты когда-нибудь узнаешь это одно.

Подобно Миррѣ, молодая итальянская графиня указала своему любовнику болѣе мужественныя цѣли, чѣмъ простое наслажденіе жизнью; она, подобно Миррѣ, подняла его, заставивъ покинуть образъ жизни, не соотвѣтствовавшій величію его духа.

Мы оставили влюбленныхъ въ виллѣ La Mira въ Венеціи, гдѣ Байронъ, между прочимъ, сочинилъ воспоминанія о своей жизни, которыя передалъ въ наслѣдство маленькому сыну Томаса Мура, и которыя, по желанію родныхъ Байрона, были сожжены безъ какихъ бы то ни было основательныхъ причинъ. Но сложившейся, повидимому, мирно жизни молодой парочки не суждено было долго продолжиться. Графъ отказался внезапно долѣе выносить ее. Такъ какъ Тереза не соглашалась разстаться съ Байрономъ, то устроенъ былъ разводъ между супругами, въ силу котораго графиня съ одобренія своей семьи отказалась отъ состоянія и общественнаго положенія; ей былъ обезпеченъ небольшой годовой доходъ и по одному изъ условій развода она могла получать его только въ томъ случаѣ, если будетъ жить въ домѣ отца. Въ этомъ домѣ Байронъ аккуратно каждый вечеръ навѣщалъ ее; онъ любилъ слушать, какъ она играла и пѣла моцартовскія или rossиніевскія мелодіи для него. Его дневникъ за январь-февраль 1821 г. состоитъ почти исключительно изъ слѣдующихъ словъ: „ѣздилъ верхомъ—стрѣлялъ изъ пистолетовъ—обѣдалъ—выходилъ, слушалъ музыку и болталъ чепуху—вернулся домой—читалъ“.

Пока графъ Гвичіоли еще стоялъ передъ любовниками, точно грозное пугало, въ любовныхъ отношеніяхъ Байрона не ощущался недостатокъ въ элементѣ опасности и напряженія, составлявшемъ для Байрона важное условіе жизни. Единственное, что, по его мнѣнію, обезпечивало его отъ того, чтобы быть убитымъ во время одного изъ своихъ катаній верхомъ, заключалось въ томъ, что къ его сѣдлу были всегда привязаны пистолеты, а его искусство въ стрѣльбѣ пользовалось всеобщою извѣстностью и внушало къ нему страхъ; другая гарантія безопасности, не допускавшая возможности, что его убьютъ на дому,

состояла въ скупости графа, который, по словамъ Байрона, никогда не согласился бы выдать изъ кармана 20 скуди—цѣна найма надежнаго браво. Теперь новое и болѣе благородное возбужденіе заступило мѣсто перваго.

На итальянскомъ полуостровѣ господствовало втихомолку сильное броженіе. Послѣ испроверженія наполеоновскаго владычества, старые неограниченные властители въ Церковной Области и въ Неаполѣ выступили на сцену съ безграничнымъ высокомѣріемъ. Всѣ благодѣтельные слѣды французскаго вліянія должны были быть уничтожены, а на мѣсто ихъ водворены вновь старыя злоупотребленія. Невыносимый гнетъ общеевропейской реакціи, исходившій изъ Священнаго Союза, побуждалъ итальянцевъ устраивать широко охватывающіе заговоры, и, по примѣру массоновъ, они образовали большой тайный союзъ карбонаріевъ, который вскорѣ охватилъ всю страну.

При посредствѣ своей возлюбленной Байронъ былъ введенъ въ кругъ заговорщиковъ. Вся семья Гамба принадлежала къ тайному обществу, и братъ Терезы Піетро, горячій юноша 20 лѣтъ, воспылавшій восторженною дружбою къ Байрону и впослѣдствіи послѣдовавшій за нимъ въ Грецію, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и свѣдущихъ вождей. Карбонаризмъ представлялся Байрону окруженнымъ ореоломъ политической поэзіи. Онъ почувствовалъ отвращеніе къ скучной парламентской жизни дома, въ Англіи, но въ этой формѣ политика дѣйствовала возбуждающимъ образомъ на его фантазію. Онъ былъ возведенъ въ высокое званіе карбонаріями и сдѣлался вождемъ одного изъ отрядовъ, называемаго Американи. Онъ доставилъ заговорщикамъ оружіе и внесъ „конституціонному“ правительству въ Неаполѣ 1000 луйдоровъ для борьбы противъ Священнаго Союза. Его письма просто пылаютъ бѣшенствомъ противъ австрійскаго правительства. Повсюду, гдѣ онъ жилъ, онъ былъ бревномъ въ глазу австрійской полиціи, которая распечатывала его письма, воспретила продажу итальянскаго перевода Чайльдъ-Гарольда въ предѣлахъ итальянско-австрійскихъ владѣній, и даже, какъ ему было хорошо извѣстно, подстрекала противъ него убійцъ. Тѣмъ не менѣе онъ каждый день одинъ спокойно совершалъ свою верховую прогулку. Его чувства выражались въ этомъ случаѣ, какъ вообще и въ другихъ, либо въ стоическомъ героическомъ мужествѣ, либо въ мальчишеской шаловливости. Не ребяческая ли это выходка, когда онъ пишетъ въ заголовкѣ своихъ писемъ большими буквами: „Негодяи австрійскаго правительства! австрійскіе полицейскіе подлецы! Я знаю, что вы распечатываете мои письма и читаете ихъ; поэтому я пишу это“. Такъ какъ самыя строгія наказанія угрожали тѣмъ, кто будетъ держать у себя дома оружіе, то Байронъ пригласилъ всѣхъ заговорщиковъ въ Романью сложить свое оружіе въ его домѣ, который такимъ образомъ превратился въ цѣлый арсеналъ; его шкафы и ящики были наполнены прокламаціями и присяжными листами. Онъ думалъ вполне основательно, что австрійское правительство никогда не рѣшится сдѣлать обыскъ у члена англійской верхней палаты.

Но оказалось гораздо легче изгнать его, чѣмъ засадить въ тюрьму. И это произошло самымъ простымъ образомъ: графиня Гамба получила внезапно приказъ въ 24 часа покинуть страну. Такъ какъ въ актѣ развода было опредѣлено, что молодая графиня должна будетъ поступить въ монастырь, если покинетъ домъ отца, то полиція была увѣрена, что этимъ способомъ ей удастся избавиться отъ Байрона. Вотъ что написано въ концѣ письма Терезы къ своему возлюбленному, отправленнаго послѣ полученія вышеупомянутаго приказа: „Байронъ, я въ отчаяніи если должна буду покинуть тебя, не зная, когда мы опять увидимся съ тобою,—но если ты хочешь, чтобы я такъ страшно страдала, то я рѣшусь остаться. Меня хотятъ запереть въ монастырь, тогда ты уже не будешь въ силахъ мнѣ помочь... Я не понимаю, что мнѣ говорить. Мое возбужденіе слишкомъ велико... Но отчего? Не изъ-за опасности, которая угрожаетъ мнѣ, но,—привожу небо въ свидѣтели!—исключительно потому, что я должна покинуть тебя“¹⁾.

Большое состояніе, доставшееся Байрону благодаря его браку, и которое онъ—что довольно странно!—не посоветился удержать у себя; суммы, полученные имъ за продажу Ньюстэда, и 20,000 ф. ст., выплаченные ему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ качествѣ гонорара Мурреемъ, доставили ему возможность оказывать грандіозную благотворительность. Когда распространился слухъ, что Байронъ думаетъ выѣхать изъ Равенны, всѣ мѣстные бѣдники, поль-

¹⁾ Большое сочиненіе Lord Byron jugé par les témoins de sa vie, изданное графинею въ 1868 г., хотя не сообщаетъ намъ ничего интереснаго о душевной жизни или искусствѣ Байрона, но служитъ трогательнымъ свидѣтельствомъ силы и глубины ея любви. Разрѣшеніе загадки, которую свѣтъ называетъ Байрономъ, выражается для нея въ одномъ словѣ: онъ былъ ангелъ, ни больше, ни меньше, прекрасенъ, какъ ангелъ, добръ, какъ ангелъ,—ангелъ во всемъ и вся. 1100 страницъ книги раздѣлены на главы по его добродѣтелямъ: она посвящаетъ его человѣколюбію одну главу, его скромности—другую и т. д. Глава о его недостаткахъ служитъ яснымъ доказательствомъ, что никакихъ недостатковъ у него не было. Къ его духовному портрету присоединяется и физическій. Красота его носа, его голоса, его губъ разсматривается каждая въ отдѣльной рубричѣ. Непостижимо, какъ могла распространиться постыдная сплетня, будто лордъ Байронъ хромалъ или будто нога его была изувѣчена. Недостатокъ его походки былъ такъ незначителенъ, что невозможно было догадаться, на какую ногу онъ хромаетъ, и тутъ же прилагается свидѣтельство его башмачника, который до сихъ поръ хранитъ колодки, по которымъ онъ шилъ ему сапоги въ Ньюстэдѣ: изъ нихъ явствуетъ, что недостатокъ былъ самый незначительный. Непостижимо также, какимъ образомъ могли повѣрить возмутительной клеветѣ, будто лордъ Байронъ къ концу жизни немного облыселъ на вискахъ; правда, у него было мало волосъ, но именно потому, что онъ любилъ сбрасывать ихъ на лбу. Непонятно также, какъ могли утверждать нелѣпость, будто его ноги сдѣлались подлѣе нѣсколько тонкими. Совершенно вѣрно, онъ сдѣлались нѣсколько тоньше, чѣмъ были раньше, но развѣ это не естественно у человѣка, который все свое свободное время проводитъ верхомъ? Когда подумаешь, что эта книга была издана черезъ 44 года послѣ смерти Байрона, то приходится вѣрить, что страсть, внушенная имъ, была глубока и прочна.

зовавшіеся въ изобиліи его щедростью, обратились къ римскому легату съ прошеніемъ, чтобы онъ разрѣшилъ ему остаться въ городѣ. Но именно въ преданности къ нему населенія заключалась опасность для правительства. Тогда Байронъ переѣхалъ изъ Равенны въ Пизу. Но такъ какъ тосканское правительство опасалось Байрона и семьи Гамба столько же, сколько и папское, то за переѣздомъ послѣдовало новое изгнаніе, и Байронъ и Гамбы отправились въ Геную,—послѣднее мѣстопробываніе Байрона передъ отъѣздомъ въ Грецію.

XXII.

Въ періодъ времени отъ 1818 до 1823 г. Байронъ занимался обработкою своего *Донъ-Жуана*. Какъ только начало рукописи было получено въ Англіи, немедленно посыпались отъ друзей и критиковъ, имѣвшихъ возможность познакомиться съ нею, выраженія ужаса, сопровождаемыя мольбами объ урѣзкѣ или смягченіи тѣхъ или иныхъ мѣстъ и возгласами печали и негодованія по поводу безнравственности произведенія. Безнравственность!—вотъ то великое обвиненіе, которое Байрону приходилось выслушивать при каждомъ его шагѣ въ жизни и которое преслѣдовало его и послѣ смерти; подъ предлогомъ безнравственности его Воспоминанія были сожжены и подъ предлогомъ той же безнравственности отказались поставить въ Вестминстерскомъ аббатствѣ его статую. Байронъ отвѣтилъ въ письмѣ къ Муррею: „Если бы мнѣ сказали, что поэзія не выноситъ тѣхъ или иныхъ уклоненій въ моемъ произведеніи, я бы смирился; но вы мнѣ говорите совсѣмъ противоположное и болтаете какую-то ерунду о морали; я впервые слышу это слово изъ устъ людей, которые не негодны и не пользуются имъ, какъ средствомъ для какихъ-нибудь мощническихъ продѣлокъ. Я утверждаю, что моя поэма настолько нравственна, насколько можетъ быть нравственнымъ любое поэтическое произведеніе, и если добрые люди не хотятъ видѣть, въ чемъ заключается ея мораль, то это ихъ вина, а не моя. О ихъ проклятыхъ урѣзкахъ и сокращеніяхъ я не хочу и слышать. Если желаете,—можете издать поэму безъ имени автора,—быть можетъ, это будетъ въ концѣ концовъ и лучше всего; но я буду сражаться со всѣми и во всѣ стороны, пробивая себѣ дорогу, какъ дикобразъ“.

Эта поэма съ ядовитымъ посвященіемъ Соути на заглавномъ листѣ, которая должна была появиться анонимно, даже безъ поименованія ея издателя, и которая, по выраженію Байрона, съ большимъ трудомъ проникла въ англійскую гостиницу, чѣмъ верблюдъ въ игольное ушко,—единственное поэтическое произведеніе, которое можетъ быть въ XIX вѣкѣ поставлено на-ряду съ Фаустомъ Гете, потому что именно эта поэма, а не совершенно незначительный по сравненію съ нею Манфредъ, доставила Байрону всемірную славу. Вызывающимъ эпиграфомъ къ ней служить слѣдующая реплика изъ Шекспира: „Ты думаешь, что если ты добродѣтеленъ, то не должно уже быть ни

пирожныхъ, ни вина. Они должны быть, клянусь святою Анною, и у васъ будетъ горѣть во рту отъ имбиря"! Это былъ эпиграфъ, общающій много вызывающихъ и сатирическихъ шутокъ, но все же Байронъ съ вполне основательною и пророческою гордостью писалъ: „Если вы требуете современной эпопеи, то у васъ есть Донъ-Жуанъ; эта такая же прекрасная эпопея для нашего времени, какъ Иліада для гомеровскаго“. Байронъ даровалъ намъ то, что Шатобрианъ вообразилъ: ужъ созданнымъ въ своихъ Мученикахъ, — современную эпическую поэму, которая не можетъ быть возведена на христіанско-романтическую основѣ, какъ этого желалъ Шатобрианъ, и не можетъ быть обоснована и на жизни отдѣльной народности, какъ пробовалъ сдѣлать Скоттъ. Она удалась Байрону, потому что основою своею онъ избралъ ни болѣе и ни менѣе, какъ самую высокую культуру своего столѣтія.

Его Жуанъ — не романтическій герой; онъ ни по своему уму, ни по своему характеру не возвышается особенно сильно надъ общимъ уровнемъ, но онъ любимецъ счастья, необыкновенно красивый, гордый, смѣлый и въ высшей степени счастливый человѣкъ, руководимый въ гораздо большей степени своею судьбою, чѣмъ своими планами и цѣлями. Вслѣдствіе этого онъ годится въ герои поэмы, которая должна обнять всю человѣческую жизнь и герой которой не можетъ избрать себѣ опредѣленное поле дѣятельности, такъ какъ для арены дѣйствія поэмы и ея размѣровъ не было установлено сразу никакихъ границъ.

Поэма то подымается, то падаетъ, подобно кораблю, носящемуся на освѣщенныхъ солнцемъ и бурныхъ волнахъ, и бросается отъ одной крайности къ другой. За пылкою любовною связью между Жуаномъ и Юліею слѣдуетъ кораблекрушеніе съ его страданіями голода и мученіями смерти, за кораблекрушеніемъ — чудное гармоничное созвучіе юношеской любви между Жуаномъ и Гаиде, наиболѣе высокое, свободное и нѣжное проявленіе жизни въ образѣ земного блаженства, — обнаженная и восхитительная группа въ родѣ группы Амура и Психеи, но воодушевленная, а не безжизненная, — надъ ними [лунный свѣтъ греческихъ ночей, передъ ними — восхитительное море, мелодическій ропотъ котораго сопровождаетъ ихъ слова любви; въ видѣ рамки у нихъ чарующій климатъ Греціи, и, наконецъ, у ихъ ногъ — вся азіатская роскошь Востока: пурпуровый атласъ, золото, кристаллъ и мраморъ. И подобно тому, какъ все это слѣдуетъ за крайнею опасностью для жизни и за полнымъ обезсиліемъ, — за празднествомъ въ дворцѣ Гаиде слѣдуютъ: для Гаиде — такое мученіе, что ея сердце разбивается, а для Жуана — рана въ голову, тяжкія узы и продажа въ рабство. Но его продаютъ рабомъ въ сераль, и теперь мы видимъ слѣдующее: его комическое переодѣваніе въ молодую дѣвушку, его представленіе любимой султаншѣ и лукавая ночная сцена въ серали со всѣмъ ея пыломъ и ароматомъ, съ ея шаловливыми и чувственными шутками. Непосредственно за этимъ мы переносимся къ осадѣ Измаила, къ сценамъ грандіозной человѣческой бойни и ко всѣмъ жестокостямъ безыдейной войны и грубой солдатчины, описанныхъ въ такихъ раз-

мѣрахъ и съ такою силою, какихъ мы не встрѣчали еще въ поэзіи любой страны. Затѣмъ мы съ Жуаномъ отправляемся ко двору Екатерины Россійской, — въ страну полированныхъ варваровъ Восточной Европы, управляемыхъ гениальною женщиною, а оттуда въ Англію, въ обѣтованную страну грабежа на большой дорогѣ, морали, плутократіи и аристократіи, брака, добродѣтели и лицемерія.

Этотъ поверхностный очеркъ даетъ только голую схему объема поэмы. Она не только обнимаетъ съ поражающею насъ многосторонностью основныя противоположности жизни, но и замѣчательно подробно разсматриваетъ каждое изъ ея крайнихъ проявленій. Поэтъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ запускать глубоко зондъ своего воображенія, изслѣдуя всякое данное положеніе, какъ съ психологическою, такъ и съ внѣшней его стороны. Античный характеръ генія Гете побуждалъ его держаться повсюду, гдѣ это было возможно, середины, и даже въ Фаустѣ, гдѣ онъ съ страшною серьезностью разоблачаетъ человѣческую жизнь, онъ осторожною рукою подымаетъ покрывало, скрывающее ея. Вслѣдствіе этого его произведеніе утрачиваетъ нѣрѣдко высшее жизненное напряженіе. Гениі жизни и смерти рѣдко находятъ у него достаточно просторную воздушную сферу, чтобы развернуть въ ней въ полномъ объемѣ свои гигантскія крылья. Байронъ, напротивъ того, никогда не старается успокоить читателя, пощадить его. Онъ самъ никогда не бываетъ спокоенъ, пока не скажетъ всего, пока не произнесетъ послѣднее слово о данномъ дѣлѣ; онъ — смертельный врагъ всякаго идеализма, украшающаго предметъ; все его искусство указываетъ только на природу и на дѣйствительность, и онъ восклицаетъ, обращаясь къ читателю: познай ее!

Возьмемъ одинъ изъ лучшихъ типовъ, — напр., Юлію. Ей 23 года, она восхитительна, слегка и безсознательно влюблена въ Жуана, довольна своимъ пятидесятилѣтнимъ супругомъ, но все же — не сознавая этого — была бы довольна, если бы онъ далъ себя раздѣлить на двухъ 25 лѣтнихъ мужей. Сначала она всѣми силами борется за сохраненіе своей добродѣтели, затѣмъ утрачиваетъ ее: однако, до сихъ поръ она не сдѣлала еще ничего познменнаго или комическаго. Но тутъ Байронъ показываетъ намъ ее въ очень трудномъ положеніи: мужъ застаетъ парочку врасплохъ и мы открываемъ внезапно новыя стороны ея души: Она лжетъ, она обманываетъ, она играетъ комедію съ ловкостью, поражающею насъ. Значитъ, она была не такою доброю и симпатичною, какъ показалась намъ сначала. Мы, значитъ, ошиблись?.. Нисколько! Байронъ показываетъ намъ еще болѣе глубокую черту ея души, заставляя ее написать свое знаменитое прощальное письмо къ Жуану, прочувствованное, чисто женское письмо, одинъ изъ перловъ поэмы. Слѣдовательно, душевная борьба не исключаетъ преданности, любовь не исключаетъ лжи, ложь не исключаетъ проявленія въ извѣстные моменты высшей нѣжности души и высшей ея красоты. — А теперь это письмо, что случилось съ нимъ? Жуанъ читаетъ его съ влажными отъ слезъ глазами на кораблѣ — но тутъ трогательное сравненіе между различными способами проявленія

любви у мужчинъ и женщинъ прерывается морскою болѣзью: Жуану дѣлается дурно какъ разъ въ то время, когда онъ держитъ въ рукѣ письмо:—бѣдное письмо, бѣдная Юлія, бѣдный Жуанъ, бѣдное человѣчество! Потому что развѣ не такова человѣческая жизнь? И потомъ это несчастное письмо еще разъ всплываетъ наружу. Когда во время голода въ лодкѣ потерявшіе кораблекрушеніе матросы, жалкіе, истощенные, съѣли послѣднюю свою порцію и жадными глазами разсматриваютъ исхудавшія лица другъ друга, и когда они рѣшаютъ вытянуть жребій, чтобы опредѣлить, кто долженъ быть убитъ и съѣденъ остальными,—тогда на лодкѣ не оказывается никакой другой бумажки, кромѣ поэтическаго, полного любви письма Юліи, и его отымаютъ у Жуана, чтобы разрѣзать на кусочки и перенумеровать. Одинъ изъ этихъ нумерованныхъ четвероугольныхъ кусочковъ письма и приноситъ смерть Педрилло. Существуетъ ли на самомъ дѣлѣ такое мѣсто подъ небеснымъ сводомъ, гдѣ можно было бы встрѣтить рядомъ мечтательность любви и каннибальскія потребности,—гдѣ они могли бы встрѣтиться на одномъ и томъ же клочкѣ бумаги?.. Байронъ отвѣчаетъ, что онъ знаетъ такое мѣсто,—это земля.

Непосредственно послѣ этого насъ ведутъ къ Гаиде. Сравнительно съ нею, всѣ прежнія греческія дѣвушки Байрона только незрѣлые и неуверенные наброски. Никогда еще въ современной поэзіи не описывалась съ такимъ искусствомъ любовь непосредственной, дикой дочери природы. Самыя лучшія женскія фигуры Гете,—Гретхенъ и Клерхенъ,—мѣщанскія дѣвушки, и, не смотря на все ихъ благородство, на нихъ лежитъ отпечатокъ мѣщанства; чувствуешь, что ихъ авторъ—сынъ франкфуртскаго бюргера, для котораго природа открывается въ мѣщанскомъ званіи, подобно тому, какъ культура олицетворяется въ его глазахъ придворною жизнью маленькаго германскаго двора. Въ прекраснѣйшихъ женскихъ образахъ Байрона нѣтъ ничего мѣщанскаго, никакіе мѣщанскіе нравы и обычаи не извратили въ нихъ свободной естественности. Чувствуешь, читая о Жуанѣ и Гаиде, что Байронъ происходитъ по прямой линіи отъ Руссо, но въ то же время чувствуешь и то, что его высокое и независимое общественное положеніе въ соединеніи съ великою судьбою, выпавшею на его долю, доставили ему возможность глядѣть съ болѣе свободной точки зрѣнія на человѣческую природу, чѣмъ та, съ которой смотрѣлъ на нее Руссо.

And thus they wander'd forth, and hand in hand,
Over the shining pebbles and the shells,
Glided along the smooth and harden'd sand,
And in the worn and wild receptacles
Work'd by the storms, yet work'd as it were plann'd,
In hollow halls, with sparry roofs and cells,
They turn'd to rest; and, each clasp'd by an arm,
Yielded to the deep twilight's purple charm.

They look'd up to the sky, whose floating glow
Spread like a rosy ocean, vast and bright;
They gazed upon the glittering sea below,
Whence the broad moon rose circling into sight;
They heard the waves splash, and the wind so low,
And saw each other's dark eyes darting light
Into each other—and, beholding this,
Their lips drew near, and clung into a kiss;
A eong, long kiss, a kiss of youth, and love,
And beauty, all concentrating like rays
Into one focus, kiudled from above...
Haidée spoke not of scruples, ask'd no vows,
Nor offer'd any; she had never heard
Of plight and promises to be a spouse.

(Такимъ образомъ шли они впередъ рука объ руку по блестящимъ камнямъ и раковинамъ, скользили по твердому и гладкому песку. А въ старыхъ дикихъ гротахъ, вырытыхъ бурей, точно по заранѣ составленному плану, въ пустыхъ пещерахъ со сводчатыми потолками и келіями они отдыхали и, обнявшись, подавались очарованію пурпуроваго солнечнаго заката. Они глядѣли на небо, колеблющееся пламя котораго распространялось по небу, точно розовый океанъ, обширный и блестящій; они смотрѣли внизъ на сверкающее море, изъ-за котораго подымалась полушаріемъ свѣтлая луна; они прислушивались къ плеску волнъ и къ легкому вѣтерку, и видѣли, какъ глаза ихъ ярко сіяли, глядя другъ на друга; при видѣ этого ихъ губы сближались и сливались въ поцѣлуй, долгій, долгій поцѣлуй, поцѣлуй молодости, и любви, и красоты, сосредоточивающій все въ одномъ фокусѣ, зажженный сверху... Гаиде не говорила о сомнѣніяхъ, не требовала обѣщаній и не давала ихъ: она никогда не слышала объ обѣщаніяхъ быть женою и о брачныхъ договорахъ).

Какой читатель не почувствуетъ съ восторгомъ,—въ особенности если онъ только что познакомился съ эротическимъ лицемѣріемъ французской реакціонной литературы,—свѣжаго потока юношеской пылкой страсти, восторженнаго восхищенія поэта передъ благородствомъ естественной красоты и его глубокой, неисчерпаемой насмѣшки надъ филистерскою моралью такъ называемыхъ порядочныхъ людей. Но развѣ существуетъ міръ—правильно устроенный міръ,—въ которомъ $2 \times 2 = 4$, животный міръ, въ которомъ всѣ самыя низменныя и наиболѣе возмутительныя потребности могутъ каждую минуту дать знать о себѣ,—и въ которомъ въ то же время могутъ происходить подобныя проявленія красоты въ человѣческой жизни, то въ видѣ минутнаго проблеска, то въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, нѣсколькихъ дней, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ? Да, отвѣчаетъ Байронъ, такой міръ существуетъ: это именно тотъ, который ле-

жить открытымъ передъ нами всѣми. И онъ быстро переноситъ насъ на рынокъ невольниковъ, въ сераль, на поле битвы, гдѣ убійства и насилія совершаются систематически и гдѣ крошечныхъ дѣтей подымаютъ на штыки.

Вотъ какія грандіозныя противоположности заключаетъ въ себѣ поэма. Но это не чувственная, сатирически шутивая эпопея въ родѣ эпопеи Аріосто,—это страстная политическая тенденціозная поэма, полная негодованія, гнѣва, угрозъ и воинственныхъ возгласовъ, съ долгими, часто повторяемыми, рѣзкими звуками революціонной боевой трубы¹⁾. Байронъ не только описываетъ ужасы, но и истолковываетъ ихъ. Послѣ того, какъ онъ привелъ донесеніе о побѣдѣ „мясника“ Суворова Екатерины, онъ говоритъ: „онъ написалъ эту пѣсню, переложилъ ее на музыку и далъ ей подходящій аккомпаниментъ изъ хрипѣнія и стоновъ; немногіе будутъ пѣть ее, но ее никогда не забудутъ, потому что я буду проповѣдывать, пока камни не возопіютъ противъ тирановъ міра. Пусть никто не смѣетъ сказать, что мы все еще пресмыкаемся передъ нашими властителями, но пусть вы, наши правнуки, узнаете изъ нашего описанія, какъ жилось въ то время, когда міръ былъ еще не свободенъ“. Сравните въ этомъ пунктѣ Донъ Жуанъ съ Фаустомъ, великой поэмой рубежа двухъ столѣтій, и вы почувствуете, что широкое историческое дуновеніе въ Донъ-Жуанъ обладаетъ тою же силою, что и философскій духъ, одушевляющій Фауста. А если мы сравнимъ его по силѣ фантазіи съ его русскимъ отпрыскомъ, Евгениемъ Онегинымъ Пушкина или съ его датскимъ отпрыскомъ, Adam Номо, Палудана, Мюллера, мы въ англійской поэмѣ замѣтимъ вѣяніе природы и исторіи въ еще большей степени, благодаря сопоставленію ея съ свѣтскимъ тономъ и политическою незрѣлостью русской поэмы и узкой нравственной точки зрѣнія въ столь талантливо изложенной поэмѣ Дани. Въ Донъ-Жуанъ мы находимъ природу и исторію, подобно тому какъ мы находимъ въ Фаустѣ природу и глубокомысленную философію; въ первой поэмѣ человѣческая жизнь развертывается во всей своей широтѣ, между тѣмъ какъ въ Фаустѣ она суживается въ одно воплощеніе личности, и все произведеніе является продуктомъ негодованія, которое на глазахъ всѣхъ великихъ міра пишетъ свое: *Mene, Tekel, Ufarsin*.

Только въ этомъ произведеніи Байронъ является впервые самимъ собою. Основательный жизненный опытъ научилъ его настолько познать ходъ развитія міра, чтобы отбросить въ сторону незрѣлый идеализмъ. Онъ зналъ прекрасно, какой обликъ носить средній человѣкъ и чѣмъ онъ руководствуется въ своей жизни. Байрона называли человѣконенавистникомъ за его рѣзкія насмѣшки по поводу этого. Онъ далъ на эти упреки правильный отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ (IX, 21):

¹⁾ By and by I'll prattle, like Roland's horn in Roncevalles' battle. (Don Juan, X, 87). (Мало по малу и я затрублю, какъ рогъ Роланда во время Ронсевальской битвы).

Why do they call me misanthrope? Because
They hate me, not I them...

(Почему они называютъ меня мизантропомъ? Потому что они ненавидятъ меня, а не я ихъ...).

Конечно, онъ бывалъ иногда циниченъ, но вѣдь циничною бываетъ и сама природа.

Развѣ онъ не правъ, когда говоритъ (V, 49): Иные толкуютъ о воззваніи къ страсти, другіе о воззваніи къ чувству, третьи, наконецъ, обращаются къ разсудку... но ни одна жалоба не дѣйствуетъ сильнѣе на лучшія чувства чело-вѣчества, чѣмъ всемягчающій могущественный звукъ—звукъ обѣденнаго колокола:

Than that all-softening overpowering knell,
The tocsin of the soul,—the dinner bell.

Развѣ онъ не правъ, когда безжалостно доказываетъ тщеславіе и эгоизмъ любви (IX, 73), или развѣ онъ заходитъ слишкомъ далеко въ горечи и сатирѣ, когда при описаніи семейной жизни говоритъ (III, 60):

Yet a fine family is a fine thing
(Provided they don't come in after dumer);
'Tis beautiful to see a matron bring
Her children ^{up} (if nursing them don't thin her).

(Конечно, имѣть прекрасную семью пріятная вещь, подъ условіемъ, чтобы дѣти не входили послѣ обѣда; прекрасно видѣть мать, которая сама кормитъ своихъ дѣтей, подъ условіемъ, чтобы кормленіе не заставляло ее худѣть).

Ахъ, пока всѣ прекрасныя вещи имѣютъ свою обратную сторону, не зачѣмъ воспрещать поэту указывать на нее, какъ бы ни вздыхали при этомъ моралисты! Но эти мѣста, несомнѣнно самыя циническія въ поэмѣ, подобно ожесточеннымъ выходкамъ во вкусѣ Руссо противъ цивилизаціи, радости которой суммируются въ такихъ словахъ какъ война, чума, насилія и т. д., всегда сопровождаются пылкими объясненіями любви къ природѣ (см. въ особенности VIII, 61—68).

„Говорятъ въ анонимныхъ статьяхъ обо мнѣ, восклицаетъ Байронъ, (III, 104), что у меня нѣтъ никакой религіозности... мои алтари—горы и море, земля, воздухъ, звѣзды, все, что исходитъ изъ великаго блага, которое произвело на свѣтъ нашу душу и снова восприметъ ее въ себя“. Но, понятно, что такое благоговѣніе передъ природою не согласовалось съ теологическимъ ритуаломъ. Затѣмъ Байронъ переходитъ вновь къ прославленію свободы мысли, какъ бы повторяя припѣвъ изъ Чайльдъ-Гарольда:

....I may stand alone;
But would not change my free thoughts for a throne.

(Хотя бы мнѣ пришлось остаться одному, я не промѣняю свою свободу мыслей на престолъ).

Вскорѣ выступаютъ на сцену мѣстами самыя язвительныя нападенія на объясненіе происхожденія грѣха, даваемые теологіей, а мѣстами ѣдкая сатира на ортодоксію и общепринятое ученіе, будто неудачи и болѣзни дѣлаютъ людей набожными. О грѣхѣ онъ говоритъ (IX, 19):

„But heaven“ as Cassio says, „is above all—
No more of this, then, let us pray!“ We have
Souls to save, since Eve’s slip and Adam’s fall,
Which tumbled all mankind into the grave,
Besides fish, beasts and birds. „The sparrow’s fall
Is special providence“, though how it gave
Offence we know not; peobably it perch’d
Upon the tree which Eve so fondly search’d.

(„Но небо, какъ сказалъ Кассій, выше всего—ни слова больше, будемъ молиться“. Намъ надо спасать души съ тѣхъ поръ, какъ искушеніе Евы и паденіе Адама повергли въ могилу все человѣчество, и, кромѣ того, птицъ, животныхъ и рыбъ. „Паденіе воробья—дѣло Провидѣнія“, хотя въ чемъ состоитъ его преступленіе—мы не знаемъ: по всей вѣроятности, онъ сидѣлъ на томъ деревѣ, которое такъ любовно обыскивала Ева“).

Изъ этихъ фразъ видно, насколько смѣлѣе и рѣзче сдѣлался тонъ Байрона со времени Каина. Напр., такъ называемой госпитальной ортодоксіи, онъ говоритъ (XI, 5, 6): „Чѣмъ болѣе я страдаю отъ болѣзней, тѣмъ болѣе правдовернымъ дѣлаюсь: первый ударъ заставилъ меня увѣровать въ Бога, въ которомъ, я, впрочемъ, никогда не сомнѣвался“ и т. д.

Байронъ дошелъ до того пункта въ своей жизни поэта, когда онъ не зналъ, какимъ образомъ печатать свои произведенія. Его издатель испугался и мало-помалу совсѣмъ отказался отъ изданія его книгъ. Первые пѣсни Донъ Жуана съ трудомъ нашли въ Англіи книгопродавца, который согласился бы взять ихъ на комиссію. Байронъ самъ говоритъ, сравнивая свою судьбу съ Наполеоновскою (Донъ-Жуанъ, XI, 56): Жуанъ былъ моею Москвою, Фалеріо—моимъ Лейпцигомъ, а Каинъ представляется мнѣ моимъ Монъ-Сень Жуаномъ. Belle Alliance Досмерна можетъ теперь поднять голову, такъ какъ левъ палъ“.

Мы уже видѣли, что Соути осмѣлился сказать въ своемъ предисловіи къ низкольтивому стихотворенію: Видѣніе Суда. Онъ, какъ настоящий предатель, требовалъ отъ государства, чтобы оно наложило запретъ на продажу произведеній Байрона; а что это нападеніе направлено было противъ Байрона—Соути самъ не скрывалъ этого въ своей отвѣтной статьѣ на возраженіе Байрона. Въ

ней онъ съ торжествомъ восклицаетъ: „Я предалъ общественному презрѣнію членовъ этой школы, какъ враговъ религіи и ихъ родины, общественного порядка и нравственности. Я далъ имъ наименованіе сатанинской школы,—наименованіе, которому исполнѣ соответствуютъ какъ ихъ основныя правила, такъ и личность ихъ вождя. Я бросилъ изъ своей пращи камень, попавшій прямо въ лобъ Голиафу. Я пригвоздилъ его имя къ висѣлицѣ на вѣчный позоръ и осмѣяніе, пока будутъ о немъ помнить. Снимите его оттуда, кто можетъ!“

Такъ писалъ подкупной, состоящій на жалованьи писака, который, по выраженію Байрона, „долгался до званія поэта-лауреата“. Байронъ отвѣтилъ своей чудной сатирой *Vision of judgment* (видѣніе суда). Георгъ III-й и у него, какъ и у Соути, приходитъ къ вратамъ неба и требуетъ, чтобы его впустили. Но св. Петръ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія исполнить его требованіе. Ключи и запоры стража вратъ поржавѣли; врата рѣдко открываются: съ 1789 г. всѣ люди направляются прямо въ адъ. Херувимы хотѣтъ пропустить старика, потому что всѣ ангелы—тори. Но сатана выступаетъ въ роли обвинителя, и онъ и Михаилъ начинаютъ спорить о правѣ на покойника. Каждый изъ нихъ приводитъ свидѣтелей и между ними является и Соути, который начинаетъ читать громко свои произведенія и дѣлается благодаря этому столь невыносимымъ, что всѣ,—и ангелы, и діаволы,—обращаются въ бѣгство, а старый король пользуется поднявшимся беспорядкомъ и суматохою, чтобы проскользнуть въ дверь. Въ своемъ отчаяніи по поводу чтенія Соути св. Петръ бьетъ его по головѣ ключами; Соути падаетъ на земь, какъ и его произведенія, но затѣмъ опять вскакиваетъ на ноги, „потому что истлѣвшіе до дна предметы изъ-за одной своей гнили такъ же легки, какъ корзины“. Все это небольшое образцовое произведеніе слѣдуетъ же легки, какъ корзины“. Все это небольшое образцовое произведеніе слѣдуетъ пунктъ за пунктомъ за стихотвореніемъ Соути, которое оно пародируетъ.¹⁾ Съ трудомъ удалось его напечатать. Муррей не хотѣлъ браться за его изданіе, а также ни одинъ изъ лондонскихъ издателей не соглашался на это.

Во время всѣхъ этихъ затрудненій Байронъ сдѣлалъ самый свой неразумный шагъ въ литературѣ, который больше всего повредилъ ему въ глазахъ англійскихъ читателей. Однѣмъ талантливымъ, но не особенно выдающійся человѣкъ, радикальный поэтъ Лейгъ Гентъ,—котораго Байронъ (чтобы выказать свой образъ мыслей) еще въ юности посѣтилъ вмѣстѣ съ Муромъ, когда его заперли на два года въ тюрьму за оскорбленіе принца-регента, и который теперь находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Шелли,—вздумалъ основать радикальный журналъ въ соединеніи съ Шелли и Байрономъ. Шелли самъ изъ скромности отстранился, но какъ только онъ поставилъ Генту на видъ, что ему, можетъ быть, удастся завербовать Байрона въ сотрудники, Гентъ уѣхалъ изъ Англіи съ женою и дѣтьми, бросилъ всѣ занятія, доставлявшія ему средства существо-

¹⁾ Нападки противъ Соути встрѣчаются, кромѣ того, въ Донъ-Жуанѣ, I, 205, III, 80, 93, IX, 35, X, 18.

ванія, и очутился безъ денегъ, безъ всякой помощи, въ Италіи, гдѣ Байронъ далъ великодушно пріютъ ему и всей его семьѣ подъ своею кровлею. Между тѣмъ вскорѣ оказалось, что личное соглашеніе невозможно между этими двумя людьми, столь различными по таланту и характеру; Байрона оскорбляла слишкомъ большая фамильярность Гента, а послѣдняго отталкивало сознание превосходства, обнаруживаемое Байрономъ. Но главное несчастье заключалось въ томъ, что Байронъ совершенно уронилъ себя въ глазахъ англичанъ союзомъ съ такимъ ничтожнымъ, сравнительно съ нимъ, человекомъ.

Напрасно Томасъ Муръ предостерегалъ его, отказавшись самъ прислать статью въ предполагаемый журналъ, и писалъ ему: „Одни вы можете предпринять борьбу противъ цѣлаго міра, что уже много значить, такъ какъ міръ, подобно Бріару, многорукій джентльменъ, но чтобы быть въ состояніи сдѣлать это, вы должны быть одни. Вспомните, что безобразные дома вокругъ собора св. Петра лишаютъ возможности разсмотрѣть его какъ слѣдуетъ“. Но Байронъ, разъ давши слово помочь Генту, считалъ невозможнымъ брать его назадъ. Онъ не почувствовалъ въ то время, что первымъ дѣйствіемъ Гента послѣ его смерти будетъ изданіе трехъ-томнаго сочиненія для оклеветанія его памяти ¹⁾. Онъ отдалъ Генту Видѣніе суда и Небо и Земля,—прекрасное стихотвореніе, описывающее гибель міра, о которомъ напоминаетъ немного въ датской литературѣ Adam Høsto Палудана-Мюллера. Но журналъ, который долженъ былъ вначалѣ называться *The Carbonari*, но которому вполнѣдствіи изъ политическихъ соображеній дали названіе *The Liberal*, возбудилъ такое негодованіе и раздраженіе, что влачилъ жалкое существованіе и погубъ уже послѣ четвертаго выпуска. Такимъ образомъ Байронъ оказался совершенно выкинутымъ за бортъ на литературномъ поприщѣ, и одинъ только путь оставался въ дѣйствительности открытымъ для его идей—путь дѣйствія и настоящей, фактической борьбы.

Но сначала его революціонный пафосъ нашелъ себѣ исходъ въ *Донъ-Жуанъ* и *Бронзовомъ Вѣкѣ*. Шелли вѣрилъ, что Байронъ обладаетъ достаточнымъ честолюбіемъ и талантомъ, чтобы „сдѣлаться спасителемъ своего угнетеннаго отечества“. Но онъ былъ въ этомъ отношеніи неправъ, потому что вялая и медленная борьба за свободу англійской оппозиціи не годилась для Байрона. Кромѣ того, не только бѣдственное политическое положеніе Англіи занимало и возмущало его, но въ своемъ негодованіи на всякаго рода притѣсненія и въ своей ненависти ко всякаго рода лицемерію онъ сдѣлался бойцомъ за весь страдающій міръ. Его кровь кипѣла, когда онъ думалъ о рабствѣ въ Америкѣ, о дурномъ обращеніи съ бѣднымъ населеніемъ въ Ирландіи, о му-

¹⁾ Томасъ Муръ вполнѣ основательно сравниваетъ его съ собакою, получившею позволеніе жить въ клѣткѣ льва, и дающаго послѣ его смерти самое возмутительное свидѣтельство противъ него.

ченичества патріотовъ въ Италіи. Его симпатіи были всегда на сторонѣ французской революціи.

Байронъ сначала восхищался Наполеономъ; но когда онъ увидалъ, что герой его времени смелодушничалъ до того, что сдѣлался императоромъ, уничтожилъ всѣ „пробудившіяся человѣческія права“ и, наконецъ, въ Фонтенебло предпочелъ отказаться отъ престола вмѣсто того, чтобы покончить жизнь самоубійствомъ,—онъ со страшно язвительными словами напалъ на свой бывшій идеалъ. Много есть сходства между отношеніемъ Байрона и Гете къ Наполеону, потому что оба издѣваются надъ такъ называемою освободительною войною своего отечества противъ Наполеона; но различіе заключается въ томъ, что непреклонная гордость англійскаго поэта и его свободомысліе дѣлаютъ невозможнымъ для него то бабье восхищеніе, какимъ пылаетъ нѣмецкій поэтъ. Кровавая военная слава Наполеона не могла импонировать тому, кто въ прекрасныхъ словахъ выразилъ мысль, что гораздо почетнѣе осушить одну единственную слезу, чѣмъ пролить цѣлое море крови (*Донъ-Жуанъ*, VIII, 3), и который восхищался только тѣми воинами, которые, подобно Леониду и Вашингтону, боролись за свободу.

Онъ давно уже потрясалъ своимъ бичемъ надъ головою принца-регента и много разъ удары его сыпались на тучное тѣло принца. „Ирландія умираетъ отъ голоду, а Георгъ вѣситъ 14 пудовъ!“—говоритъ онъ,—а въ эпиграммѣ, въ которой онъ сравниваетъ его съ Карломъ I и Генрихомъ VIII, онъ восклицаетъ, „Карлъ (безъ головы) для своего народа и Генрихъ (безъ сердца) для своей жены“. Теперь же Байронъ обратилъ свои нападенія на свою родину. Онъ напалъ на все несправдливое, все недостойное въ ней, начиная съ легенды о дѣвственницѣ королевѣ („наша полуцѣломудренная Елисавета“, говорится о ней въ *Д.-Ж.* IX, 81) и кончая требованіями современнаго моднаго направленія мысли. „Я слишкомъ люблю родину, говоритъ онъ, такъ что предпочту скорѣе сказать десять неправдъ о французахъ, чѣмъ одно правдивое слово объ англичанахъ—такая правда была бы равносильна государственной измѣнѣ“. (VII, 22). Онъ осмѣливается приписывать пруссакамъ наибольшую честь за одержаніе побѣды при Ватерлоо, называетъ Веллингтона „Vilainton“ (подобно *Беранже*) и говоритъ, ему, что онъ со всѣми своими орденами и пенсіями имѣетъ одну только заслугу передъ міромъ—„онъ подчинилъ старый костыль легитимизма“. Наконецъ, онъ осмѣливается съ пафосомъ и серьезностью совершенно иными, чѣмъ у Томаса Мура въ его сатирическихъ письмахъ, доказывать Англіи, до какой степени ея торійская политика сдѣлала ее возмутительною и ненавистною для всѣхъ народовъ міра. У него нѣтъ много основаній, говоритъ онъ, любить этотъ клочокъ земли, принадлежащій націи, которая могла бы быть самою благородною изъ всѣхъ; но хотя онъ обязанъ ей только своимъ рожденіемъ, онъ чувствуетъ смѣсь почтенія и печали передъ ея падающей славою и ея бывшимъ величіемъ:

LXVII.

Alas! could she hut fully, truly, know
 How her great name is now throughout abhorr'd;
 How eager all the earth is for the blow
 Which shall lay bare her bosom to the sword;
 Hoow all the nations deem her their worst foe,
 That worse than worst of foes, the once adored
 False friend, who held out freedom to mankind,
 And now would chain them, to the very mind;—

LXVIII.

Would she be proud, or boast herself the free,
 Who is but first of slaves? The nations are
 In prison,—but the gaoler, what is he?
 No less a victim to the bolt and bar.
 Is the poor privilege to turn the key
 Upon the captive freedom? He's as far
 From the enjoyment of the earth and air
 Who watches o'er the chain, as they who wear.

(Ахъ, если бы она сознала вполне, какимъ ненавистнымъ стало теперь ей великое имя, какъ жаждетъ вся земля удара, который обнажить ей грудь; какъ всѣ народы считаютъ ее своимъ злѣйшимъ врагомъ, даже хуже, чѣмъ врагомъ,—своимъ нѣкогда обожаемымъ ложнымъ другомъ, который когда-то предлагалъ человечеству свободу, а теперь хотѣлъ бы сковать всѣхъ людей, а также и умы ихъ.

Можетъ ли она быть горда или хвалиться своею свободою, когда она первая изъ рабовъ? Нація въ тюрьмѣ, но тюремщикъ—кто онъ таковъ?—Такая же жертва оковъ и тюрьмы. Развѣ можно назвать свободою простую привиллегію вращать ключемъ въ замкѣ? Онъ также далекъ отъ наслажденія землею и воздухомъ, тотъ, кто охраняетъ цѣпь, какъ и тотъ, кто носить ее).

Байронъ стоялъ въ то время на такой высотѣ, что никакія тревоги по поводу требованій свѣта не могли стѣснять его; онъ преслѣдовалъ „министерство посредственностей“,—какъ онъ его называлъ,—и послѣ смерти его членовъ. Онъ не далъ Кэстлри покоя даже въ могилѣ, потому что, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ Донъ-Жуану, система притѣсненія и лицемѣрія, съ которою его имя было связано, продолжала существовать и послѣ его смерти. Онъ ненавидѣлъ легитимизмъ и повторяемая до отвращенія фразы о властвующей надъ морями Британіи, о ея трезубцѣ и ея чудной конституціи. На прекрасныхъ золотыхъ мѣшкахъ,—говоритъ онъ послѣ паденія Наполеона,—стоятъ опять „лица съ настоящими звѣриными чертами“.

Такимъ образомъ Байронъ открываетъ собою въ Европѣ ту радикальную оппозицію, которая въ срединѣ двадцатыхъ годовъ вспыхнула противъ полити-

ческаго романтизма и Священного Союза. Послѣдній былъ, по его мнѣнію, ничто иное, какъ политическое лицемѣріе Европы, возведенное въ систему. Онъ нападалъ на Священный Союзъ, на лицемѣрную политику конгрессовъ, и насмѣхался надъ тѣмъ, что двадцать оригиналовъ въ Лайбахѣ хотятъ рѣшить судьбы человечества. „О, Уильберфорсъ!—говоритъ онъ:—ты, благородный человекъ, освободившій негровъ,—ты, заслуги котораго нельзя достаточно восхвалить въ стихахъ или воспѣть въ пѣсняхъ,—ты, сразившій грандіознаго колосса,—ты, нравственный Вашингтонъ Африки! Но здѣсь остается еще одно маленькое дѣло для тебя, если-бы ты только захотѣлъ въ одинъ прекрасный и лѣтній день привести въ порядокъ и другую половину человечества! Ты освободилъ черныхъ—а теперь обрати въ невольниковъ бѣлыхъ! обрати въ раба и его, плѣшиваго побѣдителя, и отправь его съ двумя товарищами въ Сенегалъ, научи ихъ, что союзъ, годящійся для гуся, годится и для гусей; что то, что справедливо для одного, справедливо и для другихъ, и спроси ихъ тогда, какъ имъ нравится получать вмѣсто объѣда удары бича“?

Что за языкъ! Что за звуки, раздающіеся среди мертвой тишины въ угнетенной Европѣ! Эти звуки проносятся въ политическомъ воздухѣ и отражаются далеко вокругъ; ни одно слово лорда Байрона не падаетъ неслышаннымъ на землю, и многочисленные бѣглецы и преслѣдуемые, угнетаемые и заговорщики во всей Европѣ устремляютъ свои взоры на этого единичнаго человека, который, среди глубокого упадка интеллигенціи и характеровъ, царившаго повсюду, оставался одинъ выпрямившимся во весь ростъ, прекраснымъ какъ Аполлонъ, мужественнымъ какъ Ахиллесъ, болѣе гордымъ, чѣмъ всѣ власти Европы вмѣстѣ взятые. Байронъ, неприкосновенный повсюду перъ Англіи, сдѣлался органомъ глухого ожесточенія, терзавшаго всѣ наилучшіе и наиболѣе свободолюбивые умы Европы, между тѣмъ какъ онъ безпрепятственно и безнаказанно давалъ волю страшнымъ вспышкамъ своего революціоннаго гнѣва.

Онъ самъ опредѣлилъ поэзію какъ страсть. Его собственная поэзія сдѣлалась теперь настоящимъ олицетвореніемъ страсти. Послушайте, какъ онъ громитъ Европу: „Будущія поколѣнія, слушая повѣствованія историковъ о нашихъ властителяхъ, съ трудомъ повѣрятъ, что то, что мы переживаемъ теперь, дѣйствительно случилось; они будутъ выражать при этомъ такое-же удивленіе, съ какимъ мы въ настоящее время взираемъ на останки мамонтовъ, удивляясь тому, каковы были люди, созерцавшіе ихъ въ прошломъ.—Подумайте, что если выкопаютъ изъ земли Георга IV? Будущіе люди съ трудомъ повѣрятъ, что такое чудище могло существовать, и т. д. (VIII, 137, IX, 39. VIII, 50, 51, IX, 24).

XXIII

Байронъ предвидѣлъ революцію; онъ съ горестью увидѣлъ крушеніе плановъ карбонаріевъ. Наконецъ-то она вспыхнула, эта революція! Отъ верхушки

Андъ до скалистыхъ вершинъ Аона“ развѣвались одни и тѣ же знамена. Онъ былъ изгнанъ изъ литературы въ Англіи. Его гнали въ Италіи изъ одного города въ другой. Онъ всегда говорилъ, что человѣкъ обязанъ сдѣлать для чело-вѣчества больше, чѣмъ писать только стихи. Много разъ выражался онъ съ пренебреженіемъ объ искусствѣ, какъ о мишурѣ. Теперь все соединялось, побуждая его дѣйствовать. Единственное, что удерживало его, это—мысль о графини Гвиччіоли. Онъ намѣревался было принять участіе въ войнѣ за освобожденіе креоловъ, онъ ревностно справлялся о положеніи дѣлъ въ южной Америкѣ, и уже его ода къ Венеціи заканчивается словами, что лучше, гораздо лучше чѣмъ утопать въ болотѣ въ Италіи, отправиться къ свободнымъ еще Грекамъ въ ихъ Оермопилы или поплыть по морю и привезти въ Америку одного лишняго свободного чело-вѣка.

Но влеченіе къ странѣ, впервые вдохновившей его на пѣсни, оказалось наиболѣе сильнымъ. Онъ разстался со своею возлюбленною, такъ какъ не рѣшился подвергнуть ее опасностямъ и утомленіямъ похода. Англіійскій комитетъ эллинофиловъ избралъ его своимъ членомъ, и онъ повезъ съ собою большую сумму денегъ отъ комитета. Въ Ливорно получилъ онъ въ самый день отъѣзда первое и послѣднее привѣтствіе отъ Гете,—знаменитый советъ къ Байрону стараго мастера. Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ прожилъ онъ въ Кеалоніи, ревностно занимаясь изученіемъ греческихъ дѣлъ, штурмуемый со всѣхъ сторонъ греческими вождами, которые были всѣ въ ссорѣ другъ съ другомъ и тянули его каждый на свою сторону. Распределение военного матеріала, оружія и денегъ потребовало грандіозной переписки, которую онъ велъ съ желѣзнымъ усердіемъ. Наконецъ, Байронъ сдѣлалъ выборъ между греческими вождами и рѣшилъ отправиться къ Маврокордато въ Миссолонги. Во время пребыванія его въ Кеалоніи ему были сдѣланы самыя лестныя для его честолюбія предложенія. Греки, вообще, склонялись въ пользу монархическаго правленія, и по убѣжденію Трелауни, знавшаго хорошо взаимныя отношенія грековъ, между ними было рѣшено, если-бы Байронъ только дожилъ до конгресса въ Салонѣ,—предложить ему ни больше, ни меньше, какъ греческую корону.

Когда Байронъ высадился въ Миссолонги, ему оказали почти царственный пріемъ. Салюты изъ пушекъ и оглушительная музыка привѣтствовали его, между тѣмъ какъ все населеніе въ восторгѣ высыпало на берегъ, а въ приготовленномъ для него домѣ его ожидалъ Маврокордато съ блестящимъ собраніемъ греческихъ и иностранныхъ офицеровъ. 5000 человѣкъ находилось въ городѣ. Байронъ взялъ на свое содержаніе 500 суліотовъ (албанцевъ), которые послѣ смерти Марко Боццари остались безъ вожда. Самъ онъ избиралъ для себя самыя опасныя посты, какъ-бы желая смерти. Онъ хотѣлъ взять на себя командованіе войсками, которыя должны были отправиться въ Лепанто, и надѣялся мужествомъ и энергіею искупить недостатокъ военного опыта; собственно стратегическое руководство походомъ лежало на обязанности генеральнаго штаба. При

этихъ обстоятельствахъ ему представился случай убѣдиться, какое громадное дѣйствіе оказываютъ личная неустранимость и личные качества на полудикій народъ; ничѣмъ не импонировалъ онъ такъ сильно своимъ суліотамъ, которые сами были плохими стрѣлками, какъ своимъ умѣніемъ стрѣлять и своимъ равнодушіемъ передъ опасностью. Онъ самъ какъ будто сдѣлался болѣе великимъ чело-вѣкомъ. Правда, на него и теперь находили по временамъ припадки его старой меланхоліи, но свѣтлый путь почестей лежалъ открытымъ передъ нимъ. Его настроеніе высказывается лучше всего въ чудномъ стихотвореніи, быть можетъ, самомъ прекрасномъ изъ всѣхъ, когда либо написанныхъ имъ,—въ стихотвореніи, сочиненномъ имъ въ честь 35-годовщины его дня рожденія. Сравнивая его съ полными отчаянія строками, написанными имъ въ тотъ день, когда ему исполнилось 33 года, чувствуешь ярко разницу въ ихъ настроеніи. вмѣстѣ съ предчувствіемъ близости смерти, въ стихотвореніи высказываются самыя мужественныя намѣренія:

'Tis time this heart should be unmoved
Since others it hath cease to move:
Yet, though I cannot be beloved,
Still let me love!

My days are in the yeleow eaf;
The flowers and fruits of love are gone:
The orm, the canker, and the grief
Are mine alone!

But't is not thus—and't is not here
Such thoughts should shake my soul, nor now,
Where glory desks the hero's bier,
Or binds his brow.

The sword, the banner, and the field;
Glory and Greece, around me see!
The Spartan, borne upon his shield,
Was not more free.

Seek out—less often sought than found—
A soldier's grave, for thee the best;
Then look around, and chose thy ground,
And take thy rest.

(Пора этому сердцу перестать биться, разъ оно не заставляетъ больше биться другихъ. Но хотя я не могу быть больше любимымъ, позвольте мнѣ любить!—Мои дни похожи на пожелтѣвшую листву, цвѣты и плоды любви исчез-

ли: червь, упреки и горе—вотъ мой удѣлъ!—Но не такимъ образомъ, и не здѣсь подобныя мысли должны потрясать мою душу, а также не теперь, когда слава покрываетъ гробъ героя и увѣнчиваетъ его чело.—Мечъ, знамена, поле битвъ, слава и Греція видѣются вокругъ меня! Спартанецъ, котораго несли на щитѣ, былъ не болѣе свободенъ.—Иди, ищи то, что рѣже ищутъ, чѣмъ находятъ,—могилу воина; затѣмъ осмотришь, изъбери себѣ мѣсто и положи въ него свои останки).

Одною изъ первыхъ заботъ Байрона, какъ и можно было ожидать отъ него, было стараніе по мѣрѣ силъ смягчить варварство, съ какимъ вели до сихъ поръ войну. Онъ даровалъ свободу нѣсколькимъ турецкимъ офицерамъ и отослалъ ихъ къ Юсуфу-пашѣ съ письмомъ, написаннымъ въ выраженіяхъ прекрасныхъ и полныхъ достоинства: онъ просилъ въ немъ пашу относиться съ человѣколюбіемъ къ плѣннымъ грекамъ, такъ какъ бѣдствія войны и такъ ужасны. Затѣмъ онъ обратилъ все свое вниманіе на задачи, предстоявшія ему, и выказалъ при этомъ ясно всю практичность своихъ взглядовъ въ противоположность поэтическимъ мечтаніямъ своихъ окружающихъ.

Между тѣмъ какъ остальные англичане, члены комитета, въ своей любви къ отвлеченной идеѣ, хотѣли начать цивилизовать Грецію основаніемъ въ ней свободной печати, писаніемъ газетныхъ статей и т. д.,—у Байрона карбонарій совершенно исчезъ передъ политикомъ. Съ стойкимъ упорствомъ и энергіею онъ старался опираться всюду на дѣйствительно существующихъ отношеніяхъ, прежде всего и главнымъ образомъ на общей вѣсѣ грекамъ ненависти къ туркамъ. Онъ вѣрилъ, что на нее можно больше разсчитывать, чѣмъ на любовь ихъ къ свободѣ и республикѣ. Стэнгопъ хотѣлъ основывать школы. Байронъ требовалъ и распредѣлялъ пушки. Стэнгопъ стремился при помощи миссіонеровъ ввести протестантское христіанство. Байронъ, понимавшій, что подобный образъ дѣйствій можетъ заставить отвернуться отъ возстанія греческое духовенство, хотѣлъ ввозить въ Грецію только оружіе и деньги. Наконецъ, онъ прекратилъ всякаго рода враждебныя нападенія на европейскія правительства. Онъ, видѣвшій во очію, какимъ жалкимъ образомъ палъ карбонаризмъ въ борьбѣ съ организованною силою, хотѣлъ прежде всего добиться признанія независимости Греціи великими державами.

Къ несчастью, его здоровье не соотвѣтствовало его грандіознымъ планамъ. Онъ совершалъ въ Миссолонги свои обычные прогулки верхомъ на валу города и, чтобы подѣйствовать на фантазію обывателей, выѣзжалъ въ сопровожденіи отряда тѣлохранителей изъ 50 суліотовъ, которые слѣдовали за нимъ пѣшкомъ, и были такими превосходными скороходами, что бѣжали съ оружіемъ въ рукахъ рядомъ съ его лошадыю, даже тогда, когда онъ заставлялъ ее бѣжать самою быстрою рысью. На одной изъ этихъ верховыхъ прогулокъ онъ промокъ насквозь и отказался вернуться немедленно домой и лечь въ постель. „Если я буду брать подобныя предосторожности, какой изъ меня выйдетъ солдатъ“!—сказалъ

онъ. На слѣдующій день у него появился сильнѣйшій припадокъ судорогъ—три человѣка едва были въ состояніи удержать его—и страданія были такъ велики, что онъ сказалъ: „я не боюсь смерти, но этихъ болей я не въ силахъ выносить“. Во время послѣдовавшаго за нимъ полубоморочнаго состоянія, въ его комнату ворвался отрядъ возмущившихся суліотовъ, которые, потрясая саблями, требовали удовлетворенія за какую-то воображаемую обиду, нанесенную имъ. Байронъ привсталъ на своей кровати и, сдѣлавъ грандіозное усиліе воли и становясь все болѣе и болѣе спокойнымъ по мѣрѣ того, какъ они все громче кричали и приходили въ бѣшенство, силою своего взгляда и жестовъ успокоилъ ихъ и заставилъ уйти изъ комнаты.

Онъ еще раньше писалъ Муру: „Если что-нибудь въ родѣ лихорадки, переутомленія, голода и чего-либо подобнаго положить конецъ жизни вашего брата по Аполлону,—вспоминайте обо мнѣ за стаканомъ вина и въ вашихъ стихотвореніяхъ. Я надѣюсь, что доброе дѣло побѣдитъ: но одно я знаю, что правила чести будутъ соблюдаться мною такъ же строго, какъ и моя молочная дѣта“. 12 апрѣля Байронъ вынужденъ былъ опять лечь въ постель, и лихорадка уже больше не покидала его. 18 апрѣля былъ первый день Пасхи, который греки празднуютъ обыкновенно пушечными выстрѣлами и пальбою изъ ружей на улицахъ. Но изъ вниманія къ своему благодѣтелю населеніе соблюдало на этотъ разъ полную тишину. 19 апрѣля былъ послѣднимъ днемъ его жизни. Онъ лежалъ въ бреду, воображалъ себя командующимъ въ сраженіи, и восклицалъ: „Впередъ, впередъ, не робѣй!“ Когда онъ опять пришелъ въ себя, онъ попросилъ своего камердинера выслушать его послѣднюю волю: Онъ сказалъ: „Ступай къ моей сестрѣ и скажи ей... ступай къ леди Байронъ и скажи ей...“—но его голосъ ослабѣлъ и онъ могъ только вымолвить отдѣльныя имена: Августа-Ада.—„Теперь я все сказалъ тебѣ“, закончилъ онъ свою рѣчь. „Ахъ, милордъ, отвѣтилъ слуга, я не понялъ и слова изъ того, что ваша свѣтлость изволили говорить“. „Не понялъ меня!—воскликнулъ Байронъ со взоромъ, полнымъ отчаянія: какое несчастье,—теперь слишкомъ поздно.“—Слышны были еще нѣсколько отдѣльныхъ словъ изъ его устъ: „Бѣдная Греція! бѣдный городъ! мои бѣдные слуги!“ Затѣмъ его мысли обратились къ его возлюбленной, потому что онъ сказалъ по итальянски: „Jo lascio qualche cosa di caro nel mondo“ (Я оставляю въ мірѣ нѣчто дорогое для меня). Наконецъ, къ вечеру онъ сказалъ: „Теперь я засну“—и все было кончено.

Смерть Байрона поразила всю Грецію, точно ударъ грома. Народъ смотрѣлъ на эту потерю, какъ на грозное явленіе природы, послѣдствія котораго невозможно предвидѣть. Въ тотъ же день вышелъ слѣдующій декретъ:

Отъ временнаго правительства западной Греціи:

Пасха сегодня изъ праздничнаго дня обратилась въ день горя и печали: Лордъ Ноэль Байронъ въ 6 часовъ пополудни скончался послѣ десятидневной болѣзни... Поэтому я предписываю:

1) На разсвѣтъ завтра будутъ сдѣланы тридцать семь пушечныхъ выстрѣловъ съ большой батареи, соотвѣтственно количеству лѣтъ, прожитыхъ великимъ покойникомъ.

2) Всѣ общественныя зданія, а также и судебныя мѣста, будутъ закрыты на три дня.

3) Всѣ магазины, за исключеніемъ аптекъ, будутъ также закрыты, и предписывается строжайшимъ образомъ не допускать никакихъ увеселеній, которыми обыкновенно празднуется день Пасхи.

4) Всеобщій трауръ налагается на двадцать одинъ день.

5) Во всѣхъ церквяхъ отслужены будутъ панихиды.

Дано въ Миссолонги 19 апрѣля 1824 г.

А. Маврокордато.

Нѣтъ надобности въ другомъ доказательствѣ впечатлѣнія, произведеннаго смертью Байрона на всѣхъ стоявшихъ близко къ нему. Греческое населеніе бѣгало съ воплями по улицамъ, восклицая: „Онъ умеръ, великій человѣкъ умеръ!“ — Тѣло поэта было перевезено въ Англію, гдѣ духовенство отказалось похоронить его въ уголку Вестминстерскаго аббатства, отведенномъ для поэтовъ. Но, „высоко поднявшись надъ хулою Англіи и прославленіемъ Греціи“, его слава распространилась по всей землѣ.

Въ умственной жизни Россіи и Польши, Испаніи и Италіи, Франціи и Германіи зародыши, которые онъ сѣялъ щедрою рукою, дали плоды. Сѣмена обратились въ цвѣты, а ростки дали борющихся людей, готовыхъ идти въ бой. Славянскія націи, вздыхавшія подъ гнетомъ тираніи, по природѣ своей обнаруживали склонность къ меланхоліи, а тѣ изъ нихъ, у которыхъ исторія развила мятежные инстинкты, усвоили себѣ со страстью байроновскую поэзію, и Онѣгинъ Пушкина, Герой нашего времени Лермонтова, Марія Мицкевича, Конрадъ Валленродъ Мицкевича, Ламбро и Бенъовскій Словацкаго показываютъ, какъ глубоко запали въ душу этихъ поэтовъ идеи Байрона. Романскія народности, сладкія прегрѣшенія которыхъ онъ воспѣвалъ и которые теперь только готовились къ возстанію, переводили и со страстью изучали его произведенія. Эмигрировавшіе испанскіе и итальянскіе поэты переняли его боевой кличъ, въ Испаніи образовалось миртовое общество, въ Италіи раньше всѣхъ подчинился вліянію Байрона Джіованни Берше, и это вліяніе почти въ такой-же сильной степени замѣтно у Леопарди и Джіусти. Во Франціи впечатлѣніе, произведенное смертью Байрона, было еще болѣе значительнымъ. Прошло лишь нѣсколько недѣль между этимъ событіемъ и переходомъ Шатобріана въ лагерь оппозиціи, и первымъ дѣйствіемъ французскаго поэта послѣ своего паденія было поступленіе въ число членовъ греческаго комитета. Les Orientales Гюго не были чисто восточнымъ произведеніемъ, какъ восточныя поэмы германскихъ поэтовъ; Гюго, отправляясь на Востокъ, избралъ себѣ путь черезъ Грецію, и долго оставался среди героевъ войны за освобожденіе. Делавинъ

воспѣлъ Байрона въ чудномъ стихотвореніи. Ламартинъ присочинилъ послѣднюю пѣснь къ Чайльдъ-Гарольду; Мериме сильно подчинился необузданному духу Байрона; Альфредъ де-Мюссе сдѣлалъ попытку принять на себя наслѣдіе великаго поэта, и даже Ламеннэ заговорилъ вскорѣ такимъ языкомъ, въ которомъ многія слова и многіе обороты напоминали языкъ Байрона въ его сатирическихъ выходкахъ. Германія была все еще слишкомъ отставшею въ политическомъ отношеніи, чтобы имѣть эмигрантовъ и изгнанниковъ среди своихъ поэтовъ, но ея ученые съ тихимъ восторгомъ филологовъ смотрѣли на возстаніе Греціи: они видѣли въ немъ возрожденіе древней Эллады; такіе поэты какъ Вильгельмъ Мюллеръ и Альфредъ Мейснеръ писали прекрасныя стихотворенія въ честь Байрона, а въ предѣлахъ страны встрѣчались въ литературѣ умы, которые съ полнымъ основаніемъ чувствовали себя эмигрантами и изгнанниками и на которыхъ поэзія Байрона прозвела, благодаря этому, особенно могущественное дѣйствіе: то были писатели еврейскаго происхожденія, въ особенности Берне и Гейне. Лучшія поэтическія произведенія Гейне, въ особенности Германія, Зимняя сказка составляютъ продолженіе работы Байрона. Романтизмъ во Франціи и либерализмъ въ Германіи происходятъ оба по прямой линіи отъ натурализма въ поэзіи Байрона.

XXIV.

Натурализмъ въ умственной жизни Англіи начинается у Вордсворта въ видѣ любви, свойственной деревенскому жителю къ внѣшней природѣ, въ видѣ накопленія впечатлѣній природы и любовнаго отношенія къ животнымъ, дѣтямъ, крестьянамъ и всѣмъ людямъ, простымъ сердцемъ. Онъ иногда теряетъ дорогу и заворачиваетъ на тропинку, не имѣющую исхода, обращается въ плоское подражаніе природѣ. Онъ приближается у Кольриджа и еще болѣе у Соути къ современной германской романтикѣ, слѣдуетъ за нею въ міръ легендъ и предрасудковъ, но воздерживается отъ ея худшихъ преувеличеній, благодаря своему натуралистическому обращенію съ романтическимъ матеріаломъ, благодаря своему ясному пониманію деревни и моря и всѣхъ элементовъ дѣйствительной жизни. Натурализмъ углубляется въ душевную жизнь и исторію цѣлаго народа у Скотта и описываетъ живыми красками человѣка, какъ продуктъ одной расы и одного опредѣленнаго вѣка; онъ завоевываетъ въ лицѣ Китса весь чувственный міръ и занимаетъ одно время нейтральное положеніе между спокойнымъ отдыхомъ въ созерцаніи природы и проповѣдью велѣній природы и естественныхъ, врожденныхъ правъ. Онъ дѣлается эротическимъ и либерально-политическимъ у Мура, котораго зрѣлище страданій его родного острова заставляетъ перейти въ лагерь свободомыслящихъ. Онъ обращается у Кэмпбелля въ хвалебную пѣснь Англіи, какъ королевы морей, и въ выраженіе британскаго свободомыслія. Онъ выступаетъ у Лэндора въ качествѣ языческаго гуманизма, но принимаетъ у него (слишкомъ отталкивающій

и гордый видъ, чтобы привлечь на свою сторону Европу. Онъ превращается у Шелли въ патетическое увлеченіе природою и въ поэтическій радикализмъ, основывающійся на большихъ поэтическихъ дарованіяхъ; но его абстрактный, обнимающій весь міръ отпечатокъ въ соединеніи съ тѣмъ, что поэтъ слишкомъ опередилъ свое время и слишкомъ рано умеръ, приводитъ къ тому, что пѣснь Шелли теряется почти никѣмъ не услышанною, такъ что Европа и не подозреваетъ, какимъ поэтомъ она обладаетъ и какого поэта терять.

Но, подобно тому, какъ Ахиллъ поднялся послѣ сожженія трупъ Патрокла, Байронъ теперь, послѣ смерти Шелли, съ грандіозною силою подымаетъ свой голосъ. Европейская поэзія протекала соннымъ и спокойнымъ потокомъ, и тотъ, кто гулялъ по берегу ея, не находилъ на чемъ остановить свой взоръ. Какъ вдругъ продолженіемъ потока явилась эта байроновская поэзія, у которой почва такъ часто ускользала изъ-подъ ногъ, что она каскадами ниспадала съ одного ложа на другое,—и всѣ разсматривали потокъ съ того мѣста, гдѣ его волны образуютъ водопадъ. Здѣсь у Байрона видимъ мы, какъ рѣка пѣнится и бурлитъ, здѣсь мы слышимъ, какъ она журчитъ, точно музыка, и съ пѣснью посылаетъ свою оду къ небу. Здѣсь вода—ужасная и въ то же время прекрасная—показывается намъ во всемъ бѣшенствѣ своей бѣлой пѣны, кружится въ водоворотѣ, дробится и разбиваетъ все, стоящее у нея на пути, продыравливая во всю длину даже скалы. А посреди водопада возвышается то, что Байронъ описывалъ въ Ч а й л дъ - Г а р о л дъ какъ восхитительную Ириду,—великолѣпная сіяющая радуга, знаменіе гармоніи, мира и счастья въ свободѣ, невидимая для многихъ, но видимая для каждаго, надъ головою котораго сіяетъ солнце и который умѣетъ стать на настоящее мѣсто.

Она предвѣщала лучшіе дни для Европы.

О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

Тургеневъ. Достоевскій. Толстой. Максимъ Горькій.

Тургеневъ.

28-го октября 1818 г. родился въ Орловской губерніи въ старинномъ дворянскомъ семействѣ (татарскаго происхожденія) человекъ, которому вплоть до самаго послѣдняго времени образованные классы въ германскихъ и романскихъ странахъ обязаны почти всѣмъ, что они знаютъ о внутренней жизни славянскихъ расъ въ наши дни.

Ни одного изъ современныхъ русскихъ писателей не читали такъ много въ Европѣ, какъ Ивана Сергѣевича Тургенева; его можно считать скорѣе космополитическимъ, чѣмъ русскимъ писателемъ.

Онъ открылъ европейской публикѣ совершенно новый міръ матерьяловъ; но для него не важенъ былъ тотъ побочный интересъ, какой пріобрѣтали благодаря этому его произведенія, потому что вся Европа восхищалась имъ какъ художникомъ, а не какъ историкомъ культуры. Хотя Тургенева едва-ли читали въ родины, на его родномъ языкѣ, но все-же знающіе критики, повсюду, даже въ наиболѣе выдающихся въ художественномъ отношеніи странахъ, ставили его на одинъ уровень съ лучшими ихъ писателями. Произведенія его читались за границей въ переводахъ, что, несомнѣнно, извращало и ослабляло производимое ими впечатлѣніе, не давая яснаго понятія объ ихъ истинныхъ достоинствахъ; но совершенство оригинала проявлялось въ такой сильной степени сквозь различныя болѣе или менѣе удачныя переложенія, что можно было не обращать вниманіе на все, что имъ недоставало въ смыслѣ изящества и гибкости языка. Великіе писатели дѣйствуютъ всегда наиболѣе глубоко своимъ слогомъ, потому что помощью его они непосредственно, лично вліяютъ на читателя; Тургеневъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи такъ-же глубоко, какъ и всякій другой писатель, хотя не русскій читатель могъ познакомиться только лишь съ грубой стороной его стиля, едва предчувствуя, съ какимъ изяществомъ онъ имѣлъ обыкновеніе выражаться; онъ былъ такъ-же далекъ отъ того, чтобы понимать его намеки, какъ и отъ того, чтобы сравнивать съ дѣйствительностью его описанія русскихъ типовъ и образа мыслей въ Россіи. Тургеневъ одержалъ побѣду на художественномъ поприщѣ, хотя къ ногамъ его привязана была гиря; онъ побѣдилъ на великой аренѣ, не смотря на то, что ему пришлось сражаться копьемъ безъ рукоятки.

Онъ познакомилъ образованныхъ людей западной Европы съ населеніемъ и современными типами великаго восточнаго государства. Благодаря ему они получили понятіе объ основныхъ психологическихъ чертахъ какъ женщинъ, такъ и мужчинъ этой страны. Не смотря на то, что онъ въ зрѣломъ возрастѣ покинулъ Россію, чтобы никогда болѣе не жить осѣдло въ ней, онъ никогда не изображалъ никого другого, кромѣ жителей своей родины; изъ нѣмцевъ и французовъ онъ описывалъ только наполовину обрусѣвшихъ или-же приходящихъ въ соприкосновеніе съ русскими. Онъ хотѣлъ изображать лишь такія существа, съ особенностями которыхъ освоился еще въ дѣтствѣ. Совершенно естественно если, мало-по-малу, благодаря долгому отсутствію изъ родины и благодаря холоднымъ отношеніямъ между славянофилами и европейски-настроенными лицами, вошло въ моду, въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества, пренебрежительно относиться къ его знавію родины и обращаться съ нимъ, какъ съ западно-европейцемъ. Но будь онъ нѣсколько менѣе космополитомъ, онъ никогда-бы не проникъ такъ глубоко въ цивилизованный міръ Европы, какъ это съ нимъ случилось.

Онъ нарисовалъ картины лѣсовъ, степей, весны и осени и далъ описаніе всѣхъ сословій, классовъ и степеней образованія въ Россіи. Онъ изобразилъ крѣпостныхъ, князей, помѣщиковъ, студентовъ, молодыхъ дѣвушекъ съ чуткими душами, съ утонченной славянскою граціей, и холодныхъ, красивыхъ эгоистокъ-кокетокъ, которыхъ онъ представляетъ менѣе ответственными за свою безсердечность, чѣмъ какой-либо другой писатель. Онъ изложилъ богатую психологію цѣлой человѣческой расы и сдѣлалъ это съ глубоко взволнованной душой, хотя душевное волненіе нигдѣ не затемнило прозрачной ясности его изложенія.

Среди русскихъ прозаиковъ Тургеневъ самый великій художникъ. Это, быть можетъ, зависитъ отъ того, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые дольше прожили за границей; потому что если даже, во время продолжительнаго пребыванія во Франціи, онъ и не увеличилъ основной суммы поэтическаго матерьяла, привезеннаго имъ изъ родины, то все-же очевидно, что онъ лишь во Франціи научился искусству вдѣлывать свои картины въ стекло и рамку.

Большая волна меланхоліи потокомъ льется сквозь всю душевную жизнь Тургенева и проникаетъ собою и его книги. Хотя его способъ изложенія всегда вполне здоровъ и безличенъ и хотя онъ никогда не вставлялъ стихотвореній въ свои повѣсти и романы, тѣмъ не менѣе его рассказы производятъ всѣ лирическое впечатлѣніе. Въ нихъ накоплено столько настроенія, и это настроеніе подернуто неизмѣнно грустью,—особенною, удивительною грустью, безъ малѣйшаго оттѣнка сентиментальности. Никогда Тургеневъ не предается всецѣло чувству: онъ дѣйствуетъ на читателя сдержаннымъ чувствомъ, но ни въ одномъ западно-европейскомъ писателѣ нѣтъ столько грусти, сколько у него. Великіе меланхолики латинской расы, какъ Леопарди или Флоберъ, обнаруживаютъ въ своемъ стилѣ грубость, рѣзкія очертанія; германская грусть или шутлива, или торжественна, или сентиментальна. Грусть же Тургенева является въ существенныхъ

своихъ чертахъ грустью славянскаго племени въ минуты его слабости и заботъ; она исходитъ по прямой линіи отъ печали, которая вѣетъ отъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ.

Всѣ новѣйшіе выдающіеся русскіе писатели—меланхолики. Но у Тургенева господствуетъ печаль мыслителя, понявшаго, что всѣ идеалы человѣчества: справедливость, разумъ, доброта, счастье оставляютъ природу равнодушною и никогда не проявляютъ собственной божественной силы. Въ Стихотвореніяхъ въ прозѣ онъ изображаетъ природу въ образѣ женщины, сидящей въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта въ огромной подземной хранилѣ съ высокими сводами и погруженной въ глубокую думу.

„О, наша общая мать!“—воскликнулъ я: „О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастья?“

Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ея шевельнулись, и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза:

„Я думаю о томъ, какъ бы придать большую силу мышцамъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спастись отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе нападенія и отпора нарушено. Надо его возстановить“.

„Какъ!“—пролепеталъ я въ отвѣтъ: „Ты вотъ о чемъ думаешь! Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти?“

Женщина чуть-чуть наморщила брови:—„Всѣ твари мои дѣти,—промолвила она: и я одинаково о нихъ забочусь, и одинаково ихъ истребляю“.

Въ этомъ отрывкѣ ясно выразилась оригинальность меланхоліи Тургенева. Когда Гоголь грустенъ, то это потому, что онъ негодуетъ; когда Достоевскій грустенъ, то это зависитъ отъ того, что онъ сочувствуетъ всею душою невѣжественнымъ и заброшеннымъ, геройски благороднымъ и чистымъ сердцемъ людямъ и еще больше грѣшникамъ и грѣшницамъ и сливается всецѣло съ ихъ настроеніемъ. Мрачная серьезность Толстого коренится въ его религіозной вѣрѣ въ судьбу. Тургеневъ одинъ между всѣми этими писателями—мыслитель.

Мы замѣчаемъ въ жизни другихъ великихъ писателей переломъ, когда ихъ охватывало религіозное вдохновеніе, придававшее, по ихъ собственному мнѣнію, ихъ жизни новый отпечатокъ, новую важность, новое значеніе, но въ то же время дѣйствовавшее въ высшей степени задерживающимъ и понижающимъ образомъ на ихъ поэтическое творчество и заставлявшее ихъ раньше или позже, по почти всегда отказываться всецѣло отъ дальнѣйшей литературной дѣятельности. Этотъ переломъ происходилъ иногда послѣ предшествовавшаго ему обращенія, а иногда вытекалъ изъ національной или національно-религіозной таинственной вѣры. Пристрастіе къ ученію о вознагражденіи выступаетъ здѣсь въ качествѣ обще-славянской черты. Оно проявляется въ польской литературѣ въ лицѣ ея выдающихся представителей: Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго, Залѣскаго и т. д., послѣ того, какъ Товинскій и другіе мечтатели получаютъ пре-

обладающее вліяніе. Оно овладѣваетъ и русскою литературою (подъ различными формами), такими великими талантами, напр., какъ Гоголь и Достоевскій, и подъ конецъ и самимъ Толстымъ.

Только для Тургенева, не выходящаго никогда изъ спокойной роли зрителя,—хотя онъ отдалъ должную дань мистику въ Кларѣ Миличъ и въ Пѣсни торжествующей любви—даже религіозное воодушевленіе составляетъ такой же матеріалъ для разработки, какъ и всякій другой. Онъ разбирается въ немъ, не теряя своего душевнаго равновѣсія. Вспомнимъ, напр., его Софію Владиміровну изъ Странной исторіи,—молодую дѣвушку изъ хорошей семьи, которая послѣдовала за странствующимъ юродивымъ по широкому бѣлому свѣту.

Его печаль носить не столько религіозный, сколько философскій характеръ, но это въ то же время и печаль патріота, видящаго все въ черномъ свѣтѣ. Не смотря на весь свой наружный космополитизмъ, онъ былъ великимъ патріотомъ, онъ горевалъ о своей родинѣ и не довѣрялъ ей. За это ему пришлось переносить много нападеній. Между прочимъ, Достоевскій постарался осмѣять его въ образѣ Кармазинова въ Бѣсахъ. У Тургенева не было недостатка въ довѣріи къ будущему своей родины: онъ такъ сильно восхищался ея языкомъ и нѣкоторыми явленіями ея литературы, что выводилъ отсюда заключеніе, что народъ, создавшій ихъ, могъ многого достигнуть. Но онъ не раздѣлялъ восторженнаго отношенія его болѣе наивныхъ и болѣе невѣжественныхъ соотечественниковъ къ русскому народу, какъ таковому. Онъ не считалъ великимъ его прошлое.

Тургеневъ гдѣ-то описываетъ уныніе, овладѣвшее имъ, когда онъ на одной изъ большихъ всемірныхъ выставокъ убѣдился въ незначительности услугъ, оказанныхъ Россіей промышленной изобрѣтательности, и прибавляетъ съ горечью: мы изобрѣли только кнутъ. Его произведенія показываютъ, что исторія развитія Россіи въ новое и новѣйшее время доставляла ему мало утѣшенія.

Иванъ Тургеневъ рано (въ 1843 г.) лишился своего отца, полковника Сергѣя Николаевича (изъ той тургеневской семьи, которая уже доставила Россіи двухъ выдающихся людей) и страдалъ много отъ строгости своей властолюбивой и холодной матери. Онъ воспитывался среди сельской тишины, въ родовомъ имѣніи Спасскомъ, и равно почувствовалъ самую горячую любовь къ природѣ и не менѣе горячую ненависть къ крѣпостному праву, плачевныя послѣдствія котораго были у него передъ глазами.

Онъ учился сначала въ московскомъ университетѣ, затѣмъ въ петербургскомъ, отправился въ 1838 г. въ Германію и слушалъ при берлинскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Катковымъ и Бакунинымъ, лекціи по философіи и исторіи (Мишле, Вердера, Ранке и т. д.). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія за границею онъ вернулся домой приверженцемъ западно-европейской культуры, получилъ мѣсто въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, но по истеченіи года вы-

шелъ въ отставку, чтобы зажить свободно жизнью русскаго помѣщика и охотника.

Онъ издалъ свои первые охотничьи рассказы въ 1847 г.; затѣмъ послѣдовали въ 1847—1851 г. остальные рассказы, которые вышли въ 1852 г. въ одномъ сборникѣ подъ заглавіемъ Записки охотника и возбудили громаднѣйшій интересъ. Сначала онъ пробовалъ было писать стихи въ качествѣ поклонника Байрона и романтика, но они оказались неудачными и лишенными всякой оригинальности. Въ этотъ первый періодъ его жизни Герценъ называлъ Тургенева, какъ мнѣ рассказывало одно лицо, слышавшее это собственными ушами, такимъ аффектированнымъ, что безъ аффектаціи онъ и ѣсть не могъ. Вѣлискій заставилъ его бросить Байрона, Гейне и романтизмъ и пойти по настоящему пути.

Онъ изображалъ только то, съ чѣмъ былъ вполне знакомъ: русскую природу и русскую народную жизнь, и выражалъ свое негодованіе на крѣпостное право въ формахъ, разрѣшенныхъ цензурою. Послѣдняя оказала, несомнѣнно, полезное вліяніе на его талантъ, развивъ въ немъ въ силу необходимости ту сдержанность и тотъ аристократизмъ, которыми отличаются его произведенія. Если онъ когда-либо въ ранней молодости и обнаруживалъ пристрастіе къ пафосу, къ декламации, къ эффектнымъ дѣйствіямъ,—особенно рѣзкимъ это пристрастіе не могло быть у него,—то отношеніе его къ цензурѣ совершенно искоренило его. Чтобы возбудить состраданіе къ крѣпостнымъ, чтобы показать то безправіе, среди котораго они проводили свою жизнь, и дать картину той грубости и жестокосердія, которыя терзали ихъ и нерѣдко причиняли имъ смерть—не упоминая ни разу о плетяхъ и кнутѣ—онъ рассказывалъ отрывки изъ своихъ воспоминаній охотника, изъ своихъ посѣщеній помѣщиковъ, вставляя въ нихъ повременамъ тотъ или иной небольшой рассказъ: рассказъ о мельничихѣ, которая, будучи дѣвушкой, оказалась виновною въ черной неблагодарности: пожелала выйти замужъ, не смотря на то что ея добрая, какъ ангелъ, госпожа не выносила замужней прислуги; такъ какъ она не захотѣла прервать сношенія со своимъ возлюбленнымъ, то наказали тѣмъ, что выдали противъ воли замужъ ее за другого, а ея дорогого Петрушку сдали въ солдаты. Или возьмемъ рассказъ о нѣмомъ испанскомъ дворникѣ, Герасимѣ, котораго добрая, милостивая госпожа женила изъ шутки на пьяницѣ, а затѣмъ принудила утопить свою собаку, маленькую худенькую москву, Муму,—его послѣднее утѣшеніе и его единственное общество въ этомъ мірѣ,—за то, что эта собачка своимъ лаемъ иногда тревожила барыню, когда она послѣ слишкомъ обильной ѣды не могла сразу заснуть. Оба рассказа переданы совершенно просто, безъ преувеличеній, безъ комментаріевъ по поводу рассказаннаго; негодованіе на грубую звѣрскую жестокость выказывается только въ ироніи, и эта иронія, въ свою очередь, также исчезаетъ въ грусти общаго настроенія.

Особенную полноту и оригинальность придаетъ основному настроенію Тургенева то обстоятельство, что онъ одновременно и пессимистъ, и человѣколюбецъ,

что онъ любить ту человѣческую расу, о которой высказываетъ такое невысокое мнѣніе и которой такъ мало довѣряетъ.

Но столько передъ его глазами погибало и не удавалось въ Россіи, что онъ не могъ разсказывать ничего такого, что не кончалось бы несчастнымъ или печальнымъ образомъ. Для него любовная исторія не была чисто русскою, если не получала благодаря непостоянству мужчины или холодности женщины несчастнаго конца; какое-либо стремленіе, усиліе не казалось ему чисто русскимъ, если не превосходило способности того, кто выказывалъ его, или же не терпѣло неудачи благодаря равнодушію тѣхъ, ради которыхъ оно предпринималось; и все же онъ опять и опять возвращается къ описаніямъ несчастной любви и безплодныхъ стремленій въ Россіи. Для него Россія—страва, гдѣ все терпитъ неудачу, страна общихъ кораблекрушеній. И его основное чувство похоже на болѣзненно взволнованное, смѣшанное чувство, овладѣвающее зрителемъ кораблекрушенія, который видитъ, что вина за него должна быть возложена на самихъ потерпѣвшихъ. Это сильное и въ то же время тихое чувство, сдержанное въ своихъ выраженіяхъ. Рѣдко можно встрѣтить великаго и плодovitаго писателя, столь мало шумнаго, какъ Тургеневъ.

Въ этой простой и благородной манерѣ проявляется нѣчто аристократическое. Нельзя сказать, чтобы Тургеневъ, подобно лорду Байрону или князю Пюклеру, придавалъ своимъ сочиненіямъ особенный аристократическій отпечатокъ, наложенный на нихъ какъ бы въ видѣ штемпеля; но у насъ невольно получается впечатлѣніе, что духовная утонченность досталась автору по наслѣдству и что онъ всегда вращался въ лучшемъ обществѣ. Онъ былъ свѣтскимъ человѣкомъ и, читая его произведенія, намъ бросается въ глаза житейскій опытъ свѣтскаго человѣка, недостающій въ большинствѣ случаевъ германскимъ писателямъ; но этотъ опытъ не сдѣлалъ его ни циническимъ, какъ многихъ французскихъ писателей, ни морализирующимъ, какъ многихъ англійскихъ. Хотя онъ никогда не грѣшитъ противъ правилъ хорошаго тона въ своемъ изложеніи, но этотъ тонъ—не свѣтскій. Даже его презрѣніе—не холодное презрѣніе: въ его голосѣ всегда звучитъ задушевность.

Трудно кратко и опредѣленно сказать, что дѣлаетъ Тургенева перворазряднымъ художникомъ. По всей вѣроятности, главнымъ образомъ—искренность, правдивость его изложенія. Но даже это слово требуетъ объясненія. То обстоятельство, что онъ обладаетъ въ высшей степени способностью истиннаго поэта создавать живыхъ людей, еще не все. Если мы такъ сильно чувствуемъ его художественное величіе, то лишь благодаря гармоніи, которую читатель замѣчаетъ между взглядомъ самого писателя на описываемую личность, его сужденіемъ о ней и впечатлѣніемъ, производимымъ ею на самого читателя.

Потому что именно этотъ пунктъ: отношеніе автора къ нарисованнымъ имъ образамъ, есть именно тотъ, помощью котораго разоблачаются всѣ слабости автора, какъ художника и человѣка. Поэтъ можетъ обладать рѣдкими и многосто-

ронными дарованіями, но если онъ требуетъ отъ насъ восхищенія тѣмъ, что не достойно восхищенія, если онъ хочетъ вынудить у насъ признанія извѣстнаго лица или состраданія къ женщинѣ, или сочувствія къ образу дѣйствій въ то время, какъ мы не чувствуемъ никакого желанія соглашаться съ нимъ,—онъ повредитъ себѣ и ослабитъ дѣйствіе, производимое созданіями его фантазіи. Когда романистъ, за которымъ мы одно время добровольно слѣдовали, выказываетъ внезапно меньше критическаго чутья, или меньше чувствительности или нравственной высоты, чѣмъ мы, то онъ сейчасъ-же падаетъ въ нашихъ глазахъ. Если онъ хочетъ изобразить неотразимымъ лицо, которое мы вовсе не находимъ обольстительнымъ, если онъ называетъ очень талантливымъ или хотя-бы очень остроумнымъ человѣка, который вовсе не кажется намъ таковымъ, если онъ объясняетъ его образъ дѣйствій великодушіемъ, которое мы никогда не замѣчали въ немъ и въ которое мы въ данномъ случаѣ не вѣримъ; если онъ раздражаетъ насъ своевольною, незрѣлою оцѣнкою, или возмущаетъ насъ своею холодностью, или надоедаетъ намъ увѣщаніями, тогда раньше или позже у читателя возбуждается мысль, что искусство измѣняетъ писателю; ему кажется, что онъ слышитъ какъ бы фальшивый тонъ, и если даже въслѣдствіи этого фальшивый тонъ заглушается, на душѣ остается въ видѣ воспоминанія непріятное чувство. Какой читатель Бальзака или Диккенса или Ауербаха—говоря только о великихъ умершихъ—не испытывалъ этого непріятнаго ощущенія! Когда Бальзакъ приходитъ въ грубый восторгъ или когда Диккенсъ дѣлается ребячески наивнымъ, или когда Ауербахъ становится искусственно простодушнымъ,—читатель всякій разъ чувствуетъ, что передъ нимъ нѣчто неестественное, аффектированное, и пугливо отступаетъ назадъ.

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у Тургенева.

Задачи, избранныя имъ, принадлежатъ къ числу самыхъ трудныхъ. Онъ не любитъ увлекать изображеніемъ романтическихъ личностей или полныхъ приключеній событій. Въ его книгахъ рѣдко или даже никогда не встрѣчаются необычайныя событія—исключеніе представляетъ разрушеніе дома въ концѣ Короля Лира—и хотя онъ не отступаетъ передъ изображеніемъ низменныхъ, грязныхъ типовъ, или передъ изложеніемъ жизненныхъ явленій, о которыхъ англійскій беллетристъ ни за что не захотѣлъ-бы разсказывать, но онъ рѣдко касается неприличныхъ безнравственныхъ явленій, къ чему такъ часто чувствуютъ искушеніе писатели, разъ на всегда ставшіе выше условныхъ приличій. Онъ, какъ художникъ, былъ всегда настоящимъ реалистомъ, но въ то-же время оставался всегда скромнымъ.

Сферою его дѣятельности, какъ романиста, являются слабые, ничтожныя, непостоянные люди, на которыхъ нельзя положиться, лишніе и выброшенные за бортъ.

Онъ не описываетъ, какъ Достоевскій, чисто внѣшнія несчастья, бѣдность, грубость, извращенность, преступленія,—вообще онъ описываетъ не тѣ несчастья,

которыя мы видимъ на далекихъ разстояніяхъ. Онъ изображаетъ несчастья, причущіяся отъ постороннихъ взоровъ, и онъ является въ особенности поэтомъ тѣхъ, которые покорились своей судьбѣ. Онъ далъ намъ картину внутренней жизни не-сообщительнаго замкнутого горя, застоя несчастья, если можно такъ выразиться.

Прочитайте напр., *Переписку*. Мы знакомимся здѣсь мало-по-малу съ молодою дѣвушкою, которая живетъ обособленною жизнью, непонимаемая и осмѣиваемая глупыми обывателями маленькаго уѣзднаго городка; она готовится уже стать старою дѣвою, совершенно отказавшись отъ всякихъ надеждъ на жизнь послѣ того, какъ ея женихъ покидаетъ ее. Но тутъ—изъ чувства ли состраданія или отъ бездѣлья, одиночества или участія—одинъ другъ дѣтства начинаетъ писать ей. Сначала она отвѣчаетъ ему уклончиво, но послѣ полученія нѣсколькихъ писемъ даетъ вынудить у себя разрѣшеніе продолжать переписку съ ней. Онъ пишетъ, а она отвѣчаетъ ему уже не краткимъ отказомъ продолжать переписку, а длиннымъ краснорѣчивымъ письмомъ. Такимъ образомъ, возникаетъ въ ея душѣ чувство дружбы, и не успѣетъ оно наполнить ее, какъ переходитъ въ любовь. Они нѣкоторое время любятъ другъ друга. Онъ скучаетъ по ней, жаждетъ ее увидѣть. День отъѣзда и пріѣзда уже назначенъ—какъ вдругъ переписка обрывается: онъ увлекся танцовщицею: ея грубая прелесть заставляетъ его забыть обо всемъ, а она, на этотъ разъ съ еще болѣе глубокою раню въ душѣ, возвращается къ своей ужасной одинокой жизни.

Повѣсть *Несчастная*, на которую такъ часто ссылаются, излагаетъ жизнь другой молодой дѣвушки, несчастье которой такъ же глубоко и такъ же мало богато событіями. Изъ ранняго дѣтства у нея осталось воспоминаніе, что ея мать—еврейка, дочь иностраннаго живописца, и что она сама ежедневно обѣдала за столомъ помѣщика г. Колтовскаго. Г. Колтовскій похожъ на высокій старый чурбанъ; отъ него страшно несетъ амброю, онъ постоянно нюхаетъ изъ золотой табакерки и не внушаетъ ребенку никакого другого чувства, кромѣ страха, даже тогда, когда онъ протягиваетъ ей свою жесткую сухую руку съ кружевными манжетами для поцѣлуя. Одновременно съ тѣмъ, какъ ея мать поставлена въ необходимость выйти замужъ за отвратительнаго управляющаго г. Рача, дѣвочка узнаетъ, что помѣщикъ—ея отецъ. Никогда этотъ отецъ не обращается къ ней съ ласковымъ словомъ, никогда не выказываетъ дружескаго къ ней отношенія; онъ держитъ ее на холодномъ разстояніи отъ себя и дѣлаетъ ее своею маленькою чтицею. Мать умираетъ. Старый безсердечный помѣщикъ умираетъ также черезъ нѣсколько лѣтъ. Его братъ и наслѣдникъ, Семенъ Матвѣевичъ, даетъ Сусаннѣ нѣсколько денегъ, которыми завладѣваетъ ея отчимъ. Она вырастаетъ, ея сердце впервые заговариваетъ у нея въ груди; она смертельно влюбляется въ сына Семена, ея двоюроднаго брата Михаила, молодого, превосходнаго офицера, который любитъ ее такъ, какъ она того заслуживаетъ. Но едва открывается взаимное расположеніе другъ къ другу молодыхъ людей, какъ ихъ разлучаютъ. Михаила отсылаютъ изъ дому, и онъ вскорѣ послѣ этого умираетъ.

Отецъ его, Семенъ, преслѣдуетъ свою молодую племянницу возмутительными предложеніями и попытками къ сближенію. Наконецъ, умираетъ и онъ, оставляя ей годовую ренту, которую получаетъ ея отчимъ. Проходитъ три года... шесть, семь лѣтъ... Время летитъ. Вдругъ новый лучъ свѣта озаряетъ ея жизнь. Молодой, красивый человѣкъ, котораго она покорила, завоевываетъ въ свою очередь и ея расположеніе; но затѣмъ ея окружающіе, ея собственный глубоко развращенный сводный братъ рассказываетъ ему самыя возмутительныя сплетни на счетъ ея прошлаго, и онъ отступаетъ. Она отравляется.

Или же прочитайте *Дневникъ лишняго человѣка*. Заглавіе достаточно указываетъ намъ на содержаніе. Это смертельно больной, который проводитъ послѣдніе дни своей жизни, записывая цѣлую цѣпь простыхъ событій, изъ которыхъ сложилась его бесполезная жизнь. Съ самаго начала до конца онъ былъ лишнимъ на свѣтѣ человѣкомъ. Онъ однажды любилъ, но только для того, чтобы испытать всѣ мученія ревности и вывести всѣ ея униженія. Елисавета не любитъ его, но любитъ молодого блестящаго князя изъ Петербурга, который пріѣхалъ на короткое время въ тотъ уѣздный городъ, гдѣ она живетъ. Онъ вызываетъ князя, который во время дуэли падитъ его, и достигаетъ этимъ только того, что прославляется какъ дурной, злой человѣкъ, а дорогая ему женщина смотритъ на него, какъ на убійцу. Даже тогда, когда князь соблазняетъ Елисавету и покидаетъ ее, и когда онъ тѣмъ не менѣе готовъ предложить ей свою руку,—ея отвращеніе къ нему остается неизмѣннымъ. Она отдаетъ свою руку другому, не менѣе великодушному другу, который предупредилъ несчастнаго любовника, явившись раньше его и сдѣлавъ его такимъ образомъ лишнимъ и въ этомъ случаѣ. Здѣсь, какъ и всегда, бѣдняга оказывается пятымъ колесомъ въ колесницѣ. А между тѣмъ, изъ каждой строчки его дневника чувствуешь, съ какою душевною, благородною, славною натурою имѣешь дѣло. Послѣднія страницы дневника заключаютъ въ себѣ послѣднее прощаніе съ жизнью чахоточнаго, отъ котораго доктора отказались.

Яковъ Пасынковъ—рассказъ подобнаго же рода. Пасынковъ принадлежитъ къ типу русскихъ личностей, которыхъ Тургеневъ описываетъ предпочтительно передъ другими. Онъ не обладаетъ особенно счастливою наружностью: высокій, сухопарый, плоскогрудый, даже съ немного краснымъ носомъ. Но любъ великолѣпенъ, голосъ мягкій и тихій. Онъ достаточно охарактеризованъ слѣдующими словами: „Въ устахъ его слова: „добро“, „истина“, „жизнь“, „наука“, „любовь“, какъ бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали ложнымъ звукомъ“. Въ рассказѣ о немъ основная тургеневская тема излагается вдвойнѣ. Онъ любитъ молодую, хорошенькую дѣвушку, которая не обращаетъ на него никакого вниманія; умирая забытымъ и одинокимъ въ отдаленномъ уголку Сибири, онъ все еще хранитъ на груди ладонку съ незначительною ея запискою къ нему. Чтобы заслужить ея расположеніе, ему не хватало нѣсколькихъ недостатковъ: немного эгоизма, немного легкомыслія. Между тѣмъ онъ самъ, ничего

не подозрѣвая, былъ втайнѣ любимъ ею невзрачною, некрасивою, застѣнчивою сестрою, которая навсегда осталась вѣрною воспоминанію о немъ и изъ-за него не согласилась выйти замужъ.

Но самымъ превосходнымъ примѣромъ этихъ столь изящныхъ, совершенныхъ и въ то же время простыхъ описаній несчастья является, несомнѣнно, превосходный разсказъ Тургенева Живыя мощи. Это почти монологъ, повѣствованіе о своей жизни, которую излагаетъ автору молодая, когда-то красивая, теперь высохшая въ скелетъ русская крестьянская дѣвушка. Онъ находитъ ее лежащею распростертою на спинѣ, какъ слѣдствіе рокового паденія; идетъ уже семнадцатый годъ, какъ она лежитъ такимъ образомъ. Ея лицо истощено, бронзоваго цвѣта, носъ заостренъ, губы запали; блестятъ у нея только зубы, да бѣлки глазъ; нѣсколько пасмъ рѣдкихъ, свѣтлорусыхъ волосъ виспадаютъ ей на лобъ. Поверхъ одѣяла лежатъ двѣ маленькія худыя ручки, пальцы которыхъ медленно двигаются. А когда-то это была самая здоровая, стройная, веселая и красивая дѣвушка во всей окрестности, всегда готовая на смѣхъ, пѣсни и танцы. Она повѣствуетъ о своей судьбѣ, какимъ образомъ она послѣ своего паденія сдѣлалась калѣкою, почернѣла, утратила способность стоять и ходить, потеряла всякое желаніе ѣсть и пить, какъ ей жгли спину раскаленнымъ желѣзомъ и обкладывали ее льдомъ, но безъ всякой пользы; разсказываетъ она обо всемъ этомъ почти веселымъ образомъ, безъ всякаго желанія возбудить состраданіе. Ея возлюбленный бросилъ ее и женился на другой. Къ счастью, говоритъ она: онъ счастливъ въ своемъ бракѣ. Она находитъ его образъ дѣйствій вполне законнымъ и правильнымъ. Она благодарна людямъ, принимающимъ въ ней участіе, въ особенности одной маленькой дѣвчонкѣ, которая приноситъ ей цвѣты; она не скучаетъ, не жалуется; много есть другихъ, еще болѣе несчастныхъ, чѣмъ она, напр.: слѣпые или глухіе; она же замѣчательно хорошо видитъ и слышитъ все,— слышитъ, какъ кротъ роется подъ землею, и чуетъ всякій запахъ, даже самый слабый, цвѣты гречки далеко на полѣ и цвѣты липы далеко внизу въ саду. Великими событіями въ ея жизни представляется появленіе въ ея комнаткѣ черезъ окно или дверь курицы, воробья или мотылька. Большое удовольствіе доставляетъ ей воспоминаніе о посѣщеніи, сдѣланномъ ей однажды зайцемъ. И Лукерья напоминаетъ Тургеневу о томъ времени, когда она пѣла пѣсни: она и теперь поетъ иногда, говоритъ она. Мысль, что это еще живое существо готовится пѣть, внушило ей слушателю невольный ужасъ; и дрожа, какъ полоса тонкой струи дыма, ея бѣдный тихій голосокъ раздался почти неслышными, но ясными и чистыми звуками. Она разсказываетъ ему, какіе сны видитъ иногда (къ несчастью, она рѣдко спитъ),—одинъ объ Іисусѣ, который пошелъ къ ней на встрѣчу и протянулъ ей руку, другой о женщинѣ, которую она встрѣтила, и которая была ея смертью, но она прошла мимо нея, съ состраданіемъ выражая свое сожалѣніе, что не можетъ взять ее съ собою. Она возражаетъ автору, когда онъ выражаетъ удивленіе ея терпѣнью: Чему тутъ удивляться? Что она дѣлаетъ?

Нѣтъ, вотъ та дѣвушка, которая въ далекой странѣ съ чернымъ мечемъ въ рукахъ прогнала въ море непріятеля и затѣмъ сказала: теперь можете жечь меня, потому что я дала обѣтъ умереть на кострѣ за свой народъ,—вотъ эта дѣвушка дѣйствительно совершила нѣчто, достойное удивленія. На прощанье Лукерья проситъ его заступиться передъ своею матерью за крестьянъ и попросить ее сбавить нѣсколько барщину. Сама она ни въ чемъ не нуждается и ничего не желаетъ для себя.

Но не эти мелкіе разсказы прославили во всемъ мірѣ имя Тургенева, а его большія повѣсти и немногіе романы, такіа мастерскія произведенія, какъ Наканунѣ, Рудинъ, Вешнія воды, Дымъ, Отцы и Дѣти и Новъ. Нѣтъ болѣе тонкихъ психологическихъ изслѣдованій въ европейской литературѣ, нѣтъ болѣе совершенныхъ описаній дѣйствующихъ лицъ, болѣе изящныхъ эскизовъ фигуръ, и,—что почти не встрѣчается въ исторіи современной беллетристики,—его женскія и мужскія фигуры въ равной степени совершенны.

Чтобы понять вполне эти чудныя произведенія Тургенева, необходимо познакомиться съ его жизнью и характеромъ.

Въ его жизни встрѣчаются два роковыя событія: первымъ является заключеніе его въ тюрьму и послѣдовавшая затѣмъ ссылка въ имѣніе въ 1842 г. Вторымъ—его знакомство съ г-жею Паулиною Віардо, урожденной Гарсія.

Въ правительственныхъ кругахъ давно уже слѣдили съ недоброжелательствомъ за Тургеневымъ вслѣдствіе его довольно явныхъ нападеній на крѣпостное право. Когда Гоголь умеръ и Тургеневъ въ газетной статьѣ (которую московская цензура сочла возможнымъ пропустить) прославилъ покойника нѣсколькими теплыми словами, его недоброжелатели постарались воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы погубить его: нашли въ упомянутой статьѣ—одинъ Богъ вѣдаетъ какимъ образомъ!—непослушаніе правительству, и по высочайшему приказу автора посадили въ крѣпость въ Петербургѣ. Среди писемъ Тургенева находится письмо, въ которомъ онъ изъ своего заключенія обращается къ наследнику престола (Александру II), оправдываясь въ возводимомъ на него обвиненіи. Въ тюрьмѣ ему пришлось пробыть цѣлый мѣсяцъ; заключеніе еще отягощалось дурнымъ состояніемъ его здоровья; послѣ этого его сослали въ его имѣніе Спасское, гдѣ онъ долженъ былъ прожить нѣсколько лѣтъ. Очевидно, что именно это событіе побудило его послѣ помилованія поселиться на всегдашней родинѣ.

Знакомство съ г-жею Віардо на вѣки приковало къ ней поэта и заставило его прожить по сосѣдству съ нею большую половину своей жизни. Она родилась въ Парижѣ въ 1821 г. и совершила много обширныхъ путешествій по Америкѣ и Европѣ со своими родителями, сначала въ качествѣ піанистки, а потомъ въ качествѣ пѣвицы. Ея первое выступленіе въ Парижѣ, совпавшее съ появленіемъ на сценѣ Рашели, было воспѣто Альфредомъ Мюссе. Въ 1840 г. она вышла замужъ за писателя Віардо. Уже въ 1847 г. Тургеневъ проводилъ ее въ Берлинъ и оттуда обратно въ Парижъ. Съ 1856 г. онъ считался членомъ

семьи Віардо и вліяніе, оказываемое на поэта хозяйкою дома, было велико и, насколько можно судить по послѣдствіямъ, только полезно. Въ 1847 г., когда деспотическая мать Тургенева отказалась посылать деньги, необходимыя для его содержанія, г-жа Віардо поддерживала его изъ своей кассы, поэтому съ его стороны было вполне справедливо, — между тѣмъ это дало поводъ къ самымъ враждебнымъ толкованіямъ съ русской стороны, — сдѣлать г-жу Віардо своею наслѣдницею по оставленному имъ завѣщанію.

Тургеневъ выказывалъ г-жѣ Віардо самую страстную преданность и восхищеніе. Онъ не могъ обходиться безъ нея и совѣщался съ нею относительно всѣхъ своихъ дѣлъ. Будучи истымъ славяниномъ, воспріимчивымъ ко всякимъ впечатлѣніямъ, плодовитымъ въ умственномъ отношеніи и почти безвольнымъ, онъ былъ счастливъ, пріобрѣвъ влательницу надъ своею жизнью. Когда какой либо пріятель жаловался ему на свои дѣла, на свое неумѣніе упорядочить ихъ или счастливо устроить свою жизнь, онъ говорилъ: „сдѣлай такъ, какъ я, дорогой мой: я позволяю управлять собою“. Онъ дѣлалъ то, что г-жа Віардо совѣтовала ему дѣлать, и чувствовалъ себя при этомъ прекрасно.¹⁾

Она, повидимому, была единственною женщиною, имѣвшею значеніе въ его жизни. Понятно, что въ юности онъ зналъ женщинъ. Девятнадцати лѣтъ отъ роду онъ состоялъ въ Берлинѣ въ связи съ одною маленькою инвейкою, и очень сердился, что Бакуинъ, жившій тогда вмѣстѣ съ нимъ, могъ видѣть, откуда онъ выходитъ каждый разъ, когда онъ посѣщалъ ее ¹⁾. Въ Россіи онъ съ начала сороковыхъ годовъ, а затѣмъ въ 1851—53 г. жилъ съ крѣпостною русскою Авдотьей Ермолаевною Ивановою. Она, повидимому, была очень красива, но оказывалось совершенно невозможнымъ научить ее таинству чтенія. Она родила ему въ 1842 г. дочь, которую онъ въ 1864 г. выдалъ замужъ за одного француза. Изъ его писемъ видно, что въ моментъ совершенія этого брака онъ не зналъ, гдѣ находится ея мать, вышедшая замужъ за одного русскаго чиновника. (Письмо къ Маслову отъ 26 декабря 1864 г.). Но онъ былъ всегда добрымъ отцомъ, вѣрнымъ другомъ и великодушнымъ защитникомъ.

У него былъ очень добрый, деликатный характеръ, но очень мягкій и нерѣшительный; ему, повидимому, не далеко пришлось ходить въ молодости, чтобы найти образецъ для отдѣльныхъ характеристическихъ чертъ у Рудина. Никогда онъ не позволилъ себѣ ни одного низменнаго дѣйствія, но въ то же время никогда и не дѣйствовалъ смѣло, со всею силою энергіи. Читая его письма, поражаешься, съ какими негодьями онъ находился въ дружеской перепискѣ, — очевидно, чтобы не обращать ихъ въ враговъ, — и съ какимъ отсутствіемъ уваженія высказывается онъ въ интимныхъ письмахъ относительно тѣхъ, кому въ другихъ письмахъ выказываетъ величайшее вниманіе. Если Тургеневъ, обладая характеромъ, въ которомъ волевой элементъ былъ такъ слабо развитъ, въ продолженіе всей своей

жизни оставался непоколебимо преданнымъ старымъ либеральнымъ убѣжденіямъ своей юности, то врядъ ли мы ошибемся, если припишемъ честь этого въ значительной степени г-жѣ Віардо. Если-бы она подѣйствовала на него въ противоположномъ направленіи, онъ, по всей вѣроятности, сдѣлался бы консервативнымъ, и если бы ея домъ и ея кругъ знакомства не были бы въ такой сильной степени либеральными, то, быть можетъ, противоположнымъ вліяніямъ удалось бы оказать на него дѣйствіе. Зато, онъ, по видимому, былъ вполне самостоятеленъ въ томъ упорствѣ, съ какимъ оставался до конца жизни ученикомъ и защитникомъ Западной Европы.

Въ полномъ согласіи съ отсутствіемъ воли въ характерѣ Тургенева находится то обстоятельство, что онъ, какъ поэтъ, творилъ съ какою-то сонambuлическою увѣренностью. Онъ говорилъ Михайлову, профессору фізіологіи въ Петербургѣ (отъ котораго я это слышалъ): „я вижу человѣка, который поражаетъ меня тою или иною чертою, можетъ быть, совершенно незначительною. Я забываю о немъ. Затѣмъ, долгое время спустя, этотъ человѣкъ внезапно возникаетъ передо мною изъ мрака забвенія. Вокругъ замѣченныхъ мною у него чертъ группируются новыя и теперь мнѣ не поможетъ и то, если я захочу непременно забыть его; я не могу, — онъ овладѣваетъ мною: я думаю вмѣстѣ съ нимъ, живу вмѣстѣ съ нимъ; я не могу успокоиться, пока онъ не превращается въ живое существо“.

Какъ писатель, Тургеневъ болѣе изященъ чѣмъ могучъ. Поэтому женскіе образы такъ замѣчательно удаются ему.

Съ тихою нѣжностью рисуетъ онъ молодыхъ дѣвушекъ, къ которымъ онъ относится сочувственно, напр. Елену и Джемму, — съ деликатною любовью, которая въ то же время совершенно исключаетъ всякаго рода похвалу или восторженное отношеніе къ нарисованнымъ образамъ со стороны автора. Каждое слово, которое онъ говоритъ о нихъ, точно, рѣзко ограничивающее и опредѣляющее. Одна по выраженію своего лица, по своимъ жестамъ, смѣху, образу мыслей и любви — чистокровная итальянка, другая остается въ сознаніи читателя, какъ прекраснѣйшій типъ русской женственности. Только самые выдающіеся поэты могли создать такіе жизненные и цѣльные образы. И поклоненіе красотѣ, высказывающееся въ нихъ, нисколько не нарушаетъ вѣрность природѣ наблюдателя. Это не женщины, созданныя своевольно поэтомъ и принадлежація области фантазіи, подобно женскимъ образамъ у многихъ другихъ писателей. Это не порожденія личнаго увлеченія Тургенева женственнымъ элементомъ, не выраженіе одного только его идеала, но этюды, выполненные на основаніи тонкаго пониманія дѣйствительности и въ силу глубокаго ея изученія.

Изображеніе мужскихъ типовъ представляло большія затрудненія для Тургенева благодаря особенностямъ матеріала, которымъ онъ располагалъ. Между тѣмъ какъ вообще главная задача для писателя выдерживать до конца характеръ своихъ дѣйствующихъ лицъ и не допускать въ обрисовкѣ его никакихъ самопротиворѣчій, — главные типы, нарисованные Тургеневымъ, состоятъ изъ спле-

¹⁾ Isaac Pavlovsky; Souvenirs de-Tourgueneff, стр. 112.

тенія самопротиворѣчій. Онъ сумѣлъ описать внутреннюю дисгармонію въ видѣ характерной черты, не нарушая тѣмъ цѣльности характера. У большинства русскихъ, описываемыхъ имъ, ни на что нельзя разсчитывать съ такою увѣренностью, какъ на непостоянство. Подобно тому, — какъ Алексѣй въ Перепискѣ оставляетъ Марію на бобахъ, Рудинъ покидаетъ Наталью, Санинъ въ Вешнихъ водахъ Джемму, Литвиновъ въ Дымѣ Татьяну и т. д., — они покидаютъ молодость, свѣжесть, сердечную доброту, красоту, счастье, чтобы бѣжать за чувственными наслажденіями и униженіемъ, или же они измѣняютъ изъ неустойчивости, неуверенности въ себѣ. И этимъ мужчинамъ, на которыхъ никто не можетъ съ увѣренностью опереться, и у которыхъ внезапное появленіе и исчезновеніе страстей возбуждаютъ такое-же удивленіе, какъ и у другихъ, соответствуютъ женщины, на которыхъ еще невозможно положиться, — женщины, которыя готовы любить, но не могутъ, какъ Одицова въ Отцахъ и дѣтяхъ, — женщины, которыя противъ своей воли увлекаются, отдаются, и затѣмъ отстраняются, какъ Ирина въ Дымѣ, наконецъ холодныя вакханки, какъ та Марья Николаевна, которая увозитъ Санина отъ Джеммы.

Иногда дисгармонія между образомъ мыслей и дѣйствіемъ или измѣною является не вполне обоснованною, какъ, напр., въ Вешнихъ водахъ; это зависитъ отъ того, что Тургеневъ, такъ сказать, предположилъ, что главные черты характера у описываемаго имъ молодого человѣка извѣстны. Въ своей наиболѣе равней большой повѣсти Рудинъ — изученіе самопротиворѣчій до такой степени глубоко и полно, что помощью слабости у одного изъ изображенныхъ характеровъ начинаешь понимать вообще русскую слабость характера. Въ этомъ произведеніи насъ поражаетъ то искусство, съ какимъ авторъ умѣетъ возбудить участіе къ Рудину, показывая, что за этимъ слабымъ человѣкомъ, за этимъ фразеромъ, скрывается искренній восторженный человѣкъ. Рудинъ, который говоритъ такъ горячо, разсказываетъ такимъ блестящимъ образомъ и обладаетъ музыкаю краснорѣчія, лѣнивъ, властолюбивъ, вѣчно играетъ роль, вѣчно живетъ на счетъ другихъ, холоденъ, когда кажется наиболѣе горячимъ, духовно безсиленъ, когда кажется наиболѣе готовымъ приступить къ дѣйствіямъ. А между тѣмъ Тургеневъ показываетъ, что онъ заслуживаетъ гораздо болѣе состраданія, чѣмъ гнѣва, и что онъ не безъ основанія оказываетъ такое большое вліяніе на молодыхъ души.

Людей съ твердымъ сердцемъ и сильною волею мы не встрѣчаемъ среди главныхъ дѣйствующихъ лицъ, изображенныхъ Тургеневымъ въ пору его молодости. Это все Гамлеты, происшедшіе по прямой линіи отъ Онѣгина Пушкина и отъ Бельтова Герцена. Желая нарисовать мужчину вполне достойнаго этого имени, человѣка цѣльнаго, на котораго женщины могутъ смотрѣть снизу вверхъ, онъ избираетъ себѣ героя въ Наканунѣ, для посрамленія своихъ соотечественниковъ, болгарина Инсарова, обладающаго именно тѣми качествами, которыхъ недостаетъ у русскихъ, отъ мала до велика. Образцомъ для этого дѣй-

ствующаго лица послужилъ настоящій болгаринъ, Катановъ, пользовавшійся не малымъ значеніемъ на своей родинѣ, съ которымъ Тургеневъ познакомился по запискамъ своего сестѣ по имѣнію, Каратаева. О тѣхъ-же лицахъ, къ которымъ Тургеневъ относится съ уваженіемъ, онъ упоминаетъ лишь вскользь, изображаетъ ихъ въ видѣ фона или въ качествѣ противоположности, чтобы лучше выяснитъ фальшь и слабость героя. Приведемъ для примѣра Покорскаго въ Рудинѣ, о которомъ Лежневъ разсказываетъ съ такимъ восторгомъ; въ лицѣ его Тургеневъ изобразилъ своего друга молодости и учителя, Бѣлинскаго, памяти котораго посвящены Отцы и Дѣти, и рядомъ съ которымъ онъ передъ своею смертію высказалъ желаніе быть погребеннымъ. Вотъ что говорится о немъ:

„Покорскій былъ на видъ тихъ и мягокъ, любилъ женщинъ до безумія, любилъ кутить и не дался бы никому въ обиду. Рудинъ казался полнымъ огни, смѣлости, жизни, а въ душѣ былъ холоденъ и чуть ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе: тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей... Его иго носили... Покорскому все отдавались сами собой. Эхъ! славное было время тогда, и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даромъ. Да оно и не пропало... — не пропало даже для тѣхъ, кого жизнь опошлала потомъ... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣчать такихъ людей, прежнихъ товарищей. Кажется совсемъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только произнести при немъ имя Покорскаго — и все остатки благородства въ немъ зашевелился, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую склянку съ духами...“

Но только въ Отцахъ и Дѣтяхъ (1861 г.) Тургеневъ далъ типическое изображеніе русской силы характера и духовнаго превосходства въ соответственной тому времени формѣ. Образъ Базарова ввелъ „нигилизмъ“ въ беллетристику. Если Тургеневъ, повидимому, хотѣлъ нанести ударъ бѣдному идею обоготворенію чистой пользы у молодого поколѣнія, то во всякомъ случаѣ эта фигура своею стойкостью, своимъ мужествомъ и своею односторонностью высоко возвышается во всей европейской литературѣ, небогатой типами истинныхъ людей. Всякій, знакомый съ современными книгами, не можетъ не согласиться, что понятіе о цѣльномъ человѣкѣ, о мужчинѣ въ полномъ значеніи этого слова, совсемъ исчезло въ литературѣ. Человѣкъ, обладающій умомъ и волею, употребляющій свою волю для служенія своей идеѣ, вѣрный разъ пріятному рѣшенію, опора своимъ друзьямъ, вѣчное бревно въ глазахъ своихъ враговъ, — человѣкъ, на котораго женщины, люди беззащитные, новички въ жизни, смотрятъ съ упованіемъ, — такой человѣкъ появляется въ литературѣ только развѣ въ видѣ добросовѣстно выполненной карикатуры въ юношескихъ и дамскихъ романахъ.

Въ 1860 г. Тургеневъ, путешествовавшій по Германіи, встрѣтился въ вагонѣ желѣзной дороги съ однимъ молодымъ врачомъ, который во время краткой бесѣды, завязавшейся между ними, поразилъ его оригинальностью и рѣзкостью своихъ взглядовъ. Онъ подаль поэту идею Базарова. Чтобы хорошенько

сжитъся съ характеромъ этого типа, Тургеневъ началъ вести дневникъ Базарова, именно: всякій разъ, какъ ему случалось прочесть новую книгу или встрѣтиться съ новымъ лицомъ, поразившимъ его, или замѣтить какое нибудь своеобразное явленіе въ политическомъ или социальномъ отношеніи, онъ обсуждалъ его въ дневникѣ съ точки зрѣнія Базарова.

Извѣстно, что Отцы и Дѣти не столько по геніальности, съ какою изображено главное дѣйствующее лицо, сколько по оказанному имъ впечатлѣнію, по недовольству, недоразумѣніямъ и страстнымъ нападкамъ, вызваннымъ имъ со стороны радикальныхъ вождей, образовали цѣлое событіе въ исторіи русской литературы и въ собственной жизни автора. Книга представляетъ несравненное, мастерское произведеніе и послужила образцомъ для всѣхъ новѣйшихъ романовъ въ различныхъ странахъ, въ которыхъ обсуждаютъ отношенія между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ и взаимную борьбу между ними; но первоначально во всемъ этомъ видѣли только униженіе молодого поколѣнія по сраженію съ богатымъ культурою старшимъ поколѣніемъ.

Интересъ къ этимъ недоразумѣніямъ еще возросъ, благодаря собственнымъ заявленіямъ Тургенева. Нѣкто Случевскій упрекнулъ его, что Базаровъ производить такое неблагоприятное впечатлѣніе. Онъ отвѣтилъ (1862 г.): вѣдь Базаровъ оттѣсняетъ на задній планъ всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ романа... Онъ честный порядочный человѣкъ, народникъ чистѣйшей воды... А вы не находите въ немъ ни одного хорошаго качества. Матерію и силы онъ рекомендуетъ только какъ популярную, т. е. не имѣющую дѣйствительной цѣны книгу. Дуэль съ Павломъ Петровичемъ введена въ разсказъ для того, чтобы выказать духовную пустоту изысканныхъ, благородныхъ рыцарскихъ нравовъ; она вѣдь изображена даже съ преувеличеннымъ комизмомъ... По моему мнѣнію, Базаровъ постоянно стоитъ выше П. П., а не наоборотъ. Когда я его называю „нигилистомъ“, слѣдуетъ читать—революціонеръ... Изображать съ одной стороны взяточника-чиновника, а съ другой идеальнаго юношу, я предоставляю другимъ; самъ-же я стремлюсь къ высшему изображенію жизни... Заканчиваю слѣдующимъ замѣчаніемъ: если читатель, не смотря на грубость, безсердечіе, безжалостную сухость и рѣзкость, не полюбитъ Базарова—значитъ вина моя, значитъ я не достигъ намѣченной цѣли. Но подслащать сиропомъ—говоря по базаровски—я не хочу, хотя я этимъ сейчасъ же привлеку бы на свою сторону молодежь.

Двѣнадцать лѣтъ спустя, подвергаясь вновь нападеніямъ, онъ опять возвращается къ Базарову. Онъ пишетъ: Какъ! И вы также утверждаете, что я въ лицѣ Базарова хотѣлъ дать карикатуру на молодежь? Вы повторяете—извините за смѣлое выраженіе—эти бессмысленные упреки. Базаровъ,—мое любимое дѣтище, ради котораго я порвалъ съ Катковымъ, на котораго я потратилъ всѣ краски, которыми располагалъ! Базаровъ, этотъ разумный человѣкъ, этотъ герой—карикатура!

Романъ Дымъ Тургеневъ выпустилъ противъ другой группы, не менѣе вліятельной въ Россіи, чѣмъ та, которая такъ горячо приняла къ сердцу его

Отцовъ и дѣтей. Это главнымъ образомъ ударъ, направленный противъ славянофиловъ, и сильно озлобившій ихъ противъ автора; съ этихъ поръ Катковъ и Достоевскій дѣлаются его злѣйшими врагами и преслѣдователями. Въ этой книгѣ нѣкоторые сумасбродные и фантазирующіе quasi-реформаторы были изображены съ ядовитою насмѣшкою, напоминающей способъ обращенія скандинава Ибсена съ нѣкоторыми стремленіями его соотечественниковъ.

Но въ Нови (1877 г.), послѣднемъ крупномъ произведеніи Тургенева и самомъ многостороннемъ, онъ закончилъ свою критику общества попыткой дать глубокую безпристрастную оцѣнку всѣмъ сословіямъ, поколѣніямъ, направленіямъ и народностямъ своей великой родины. Но въ стоитъ гораздо ниже всѣхъ предыдущихъ крупныхъ произведеній; читая этотъ романъ, чувствуешь, что писатель давно уже оторвался отъ Россіи и замѣняетъ личное наблюденіе свѣдѣніями, добытыми изъ чтенія газетъ и судебныхъ отчетовъ; но все же эта книга служитъ наиболѣе полнымъ, яркимъ выраженіемъ любви къ людямъ Тургенева и его житейской мудрости,—его любви къ свободѣ и къ правдѣ.

Здѣсь, быть можетъ, больше чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, высказывается его сыновнее чувство къ Россіи, его отношеніе къ молодежи и значеніе, которое онъ придаетъ ей; выступаетъ рѣзко на видъ его убѣжденіе въ ея непрактичности, въ непригодности ея къ жизни. Конечно, и здѣсь всѣ стремленія оканчиваются неудачами. У Тургенева вообще всѣ стремленія оканчиваются фіаско, все не удается. Въ данную минуту господствуетъ одна только безнадежность. Старшее поколѣніе съ либеральнымъ Сипягинымъ разъ навсегда потерпѣло крушеніе, младшее поколѣніе проникнуто самыми благородными желаніями, безкорыстно старается проводить свои идеалы въ жизнь, но все напрасно. Неждановъ хочетъ идти въ народъ, хочетъ распространять брошюры между крестьянами; крестьяне плохо понимаютъ его; они только пьютъ съ нимъ, и апостолъ простонародья возвращается домой въ мертвецки пьяномъ видѣ. Недаромъ Неждановъ еще до того свое стихотвореніе Со онъ закончилъ слѣдующими словами, которыя трудно забыть:

И штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
Лбомъ въ полюсъ уперись, а пятками въ Кавказъ,
Спитъ непробуднымъ своимъ отчизна, Русь святая!

А между тѣмъ въ послѣднемъ крупномъ произведеніи Тургенева вырисовывается въ далекихъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ будущее. Его готовятъ такіе молодые женщины, какъ Маріанна и Машурина; такіе молодые люди, какъ Маркеловъ, какъ Соломинъ, какъ самъ Неждановъ.

Послѣдніе двадцать лѣтъ своей жизни Тургеневъ жилъ попеременно въ обѣихъ странахъ, которымъ онъ былъ наиболѣе обязанъ своимъ образованіемъ: въ Германіи и Франціи. Онъ жилъ въ Баденъ-Баденѣ и Парижѣ. Его отношеніе къ Германіи и Франціи было очень различно. Къ Франціи онъ стоялъ гораздо

ближе, по всей вѣроятности благодаря унаслѣдованнымъ русскимъ понятіямъ и, кромѣ того, въ силу національности г-жи Віардо. Онъ учился въ Берлинѣ, и критика новаго гегеліанства обострила его умъ и придала ему большую утонченность. Но хотя онъ больше всего поклонялся Гете, признавая его своимъ учителемъ, и во времена юности сильно тяготилъ къ Гейне, хотя онъ сохранялъ все время дружескія отношенія съ германскими поэтами и писателями, какъ Поль Гейзе, Эрнстъ Домъ и Людвигъ Пичъ, свободно говорилъ на нѣмецкомъ языкѣ и умѣлъ цѣнить по достоинству научное величіе Германіи, хотя все это связывало его съ Германіею, тѣмъ не менѣе во всѣхъ его книгахъ, какъ и почти во всѣхъ русскихъ романахъ и повѣстяхъ, нѣмцы изображаются въ глубоко-сатирическомъ свѣтѣ, а иногда и въ самомъ враждебномъ. Германская критика показала слабость, не обративши на это вниманіе. Конечно, всѣ народности вообще описываютъ другъ друга безъ особенной теплоты. Русской женщинѣ у Шербюлье или у Поля Гейзе (*Ladislav Bolski, In Paradis, Das Glück zu Rothenburg*) никогда не предоставляется блестящей роли. Но все же въ глубинѣ души Тургенева затаился остатокъ національной ненависти.

Хотя онъ, съ другой стороны, понималъ и недостатки французской культуры, онъ совершенно иначе относился къ нимъ. Онъ чувствовалъ, что его искусство вполне понято и оцѣнено Парижемъ, полнымъ вообще столькохъ предразсудковъ. У него было столько же горячихъ поклонниковъ среди его собственнаго поколѣнія (Мериме), какъ и среди нѣсколько болѣе молодого (Ожье, Тэнъ, Фло-Гонкуръ) и среди самыхъ молодыхъ писателей, позднѣе всѣхъ выступившихъ на сцену (Зола, Додэ, Мопасанъ). Съ кругомъ писателей, группировавшихся около Флобера, онъ находился въ самыхъ дружескихъ, товарищескихъ отношеніяхъ, какъ ни съ одними писателями другихъ странъ.

Отношенія, въ какихъ онъ стоялъ къ своей родинѣ, постоянно мѣнялись. Въ молодости онъ пользовался большою популярностью, затѣмъ онъ возбудилъ противъ себя много вражды. Только во время послѣдняго его посѣщенія Россіи непониманіе его—обвиненіе, будто онъ измѣнилъ идеаламъ своей молодости—уступило мѣсто болѣе правильной оцѣнкѣ его дѣятельности, и его путешествіе представляло цѣлый рядъ триумфовъ, устраиваемыхъ ему молодежью. Въ Москвѣ, гдѣ Катковъ нападалъ на него, какъ на враждебнаго родинѣ и мятежнаго писателя, устроенъ былъ обѣдъ въ честь его, на который былъ приглашенъ и Достоевскій, которому, не смотря на его враждебное отношеніе къ Тургеневу, оказана была эта честь, принимая во вниманіе его убѣжденія юности и его муженичество.

Человѣкъ, который больше всѣхъ другихъ писателей новѣйшаго времени распространилъ далеко за предѣлами родины славу русскаго имени, возбуждалъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ величайшее, почтительное восхищеніе. Радовался ли онъ этому? Не думаю. Оно дѣйствовало на него пріятнымъ образомъ, но онъ не наслаждался имъ и оно не способствовало разсѣянью его меланхоліи.

Эдмондъ Гонкуръ рассказываетъ о Тургеневѣ, что однажды, въ мартѣ 1872 г., за обѣдомъ у Флобера, во время грустнаго настроенія, которое можетъ охватить кружокъ друзей, приближающихся къ старости, русскій писатель сказалъ: „Вы знаете, что въ комнатахъ бываетъ иногда запахъ мускуса, который никакъ не возможно изгнать; то же происходитъ и со мною: вокругъ меня, и притомъ постоянно, носится запахъ разложенія, разрушенія, смерти“. Его послѣднія произведенія, граціозная и оригинальная повѣсть *Клара Милитъ*, варьирующая его любимую тему, неудачную любовь, и замѣчательное собраніе стихотвореній въ прозѣ *Senilia* (стариковскія) проникнуты какъ бы еще большею грустью, чѣмъ его юношескія работы,—только въ нихъ изложеніе въ высшей степени поэтически освѣщено лирическимъ фантастическимъ элементомъ. Тургеневъ стоитъ здѣсь въ послѣдній разъ лицомъ къ лицу съ тайною жизни и указываетъ на нее съ безконечною грустью въ своихъ символическихъ образахъ и грезахъ. Природа сурова и холодна, пусть же люди не пропускаютъ случая любить. Между прочимъ, въ этихъ стихотвореніяхъ изображена сцена, когда Тургеневъ во время одинокаго плаванія изъ Гамбурга въ Лондонъ сидитъ по цѣлымъ часамъ на палубѣ съ рукою маленькой измученной привязанной на цѣпочкѣ обезьяны въ своей,—геніи, умъ котораго обнималъ всю вселенную, и маленькій человѣкоподобный звѣрекъ, рядомъ, какъ два добрыхъ родственника, какъ двое дѣтей одной матери. Въ этой картинѣ болѣе поучительнаго, чѣмъ въ самой поучительной книгѣ.

Глубокое впечатлѣніе сохранилось, повидимому, у Тургенева до послѣднихъ дней о людской неблагодарности. Никто, читавшій „Стихотворенія въ прозѣ“, не забудетъ Пира у Верховнаго Существа. Всѣ добродѣтели были имъ позваны въ гости. Однѣ добродѣтели... мужчинъ онъ не приглашалъ... однѣхъ только дамъ. Собралось ихъ очень много, великихъ и малыхъ. Малые добродѣтели были и пріятнѣе, и любезнѣе великихъ; но всѣ казались довольны и вѣжливо разговаривали между собою, какъ приличествуетъ близкимъ родственникамъ и знакомымъ. Но вотъ Верховное Существо замѣтило двухъ прекрасныхъ дамъ, которыя, казалось, вовсе не были знакомы другъ съ дружкой. Хозяинъ взялъ за руку одну изъ этихъ дамъ и подвелъ ее къ другой. „Благодарительность!“—сказалъ онъ, указавъ на первую. „Благодарность!“—прибавилъ онъ, указавъ на вторую. Обѣ добродѣтели несказанно удивились. Съ тѣхъ поръ, какъ стоялъ свѣтъ, онѣ встрѣчались въ первый разъ.

Какая печаль въ точкѣ зрѣнія, какая горечь!

Меня поражаетъ, что и моя благодарность къ этому великому благодѣтелю высказывается мною только тогда, когда онъ не можетъ больше слышать моего спасибо.

Достоевскій.

Противоположность національному пессимистическому настроению у Тургенева представляет оптимистическое настроение у Достоевского. Великий, вечно сомняющийся человек Тургенев, вливший в столь немного на свете, влил в западно-европейскую культуру. Достоевский относился с пренебрежением к Западной Европе и влил в Россию. Если произведения Тургенева были большею частью написаны им за границею, то с Достоевским мы всецело стоим на русской почве; он, как поэт, всегда остается врен своей родины; это „истинный скиф“, настоящий варвар без единой капли классической крови в жилах.

Взгляните на его лицо: наполовину русское крестьянское лицо, наполовину лицо преступника, с плоским носом, небольшими пронзительными глазами, глядящими на вас из-под века, постоянно вздрагивающих от нервозности, длиною, густою, в беспорядке ниспадающею бородою и блокурами волосами; к этому лоб мыслителя и поэта, большой, прекрасно очерченный, и самый выразительный рот, какой только можно представить себе; будучи даже замкнутым, он говорит о мучениях без конца, о безграничных страданиях, о нездоровых страстях, о безконечном сострадании, страстной зависти, тревоге, беспокойстве. Посмотрите на это тело, состоящее из одних только нервов, небольшое, тщедушное, сгорбленное и выносливое, с юности потрясемое падучею болзнью и абберациями чувств. Уже одна внешность Достоевского, при первом взгляде незамечная и будничная, при более близком разсмотрении необыкновенно гениальная, болзвенная и необычная, говорит об эпилептическом гении Достоевского, о море кротости и нежности, наполнявшем его душу, о почти безумной пронзительности, которая так рано начала проявляться у него, наконец о честолюбии, придающем особое величие нашим стремлениям, и о зависти, создающей для души безчисленные страдания.

Характер Достоевского напоминает характер Руссо, легко возбуждающийся и недоверчивый, подозрительный, с припадками низости и высокого подъема души. Хотя его семья принадлежала к мелкому русскому дворянству, из которого происходят обыкновенно русские служилые люди—второстепенные, чиновники, он носит всецело, как и Руссо, народный отпечаток. Если он,

далее, является таким же ревностным поборником идей, как и Жан-Жак, за то он отличается от своего французского собрата одною глубокою психологическою чертою: Руссо деиств, но, не смотря на всю свою чувствительность, не христианин, враг христианского смирения и покорного подчинения судьбе. Напротив того, Достоевский—помимо того, был ли он правовѣрным относительно догматов религии или нѣтъ—является во всей своей жизни чувств типическим христианином. Его сочинения представляют настоящий арсенал христиански-воспринятых характеров и душевных состояний. Все действующее лица в его произведениях больные, грѣшники или святые обоего пола, и переход от состояния грѣшника к обратному состоянию, от грѣшницы к святой и от физически больного к душевно здоровому происходит то путем медленного очищения, то внезапно, в одно мгновение, как в Новом Заветѣ; иногда же бывает, что грѣшница является в то же время и святою, а величайший преступник одинаково близок от того, чтобы или возбуждать наше восхищение, или вызывать наше отвращение своим негодяйством.

В физическом и душевном отношении все это типы бѣдных и несчастных людей, невѣжественных, но добрых сердцем, недалеких, но с утонченными чувствами, благородных проституток, нервных, поврежденных умом, обыкновенных ясновидцев, талантливых эпилептиков, восторженных людей, жаждущих мученичества и т. п.

Федор Михайлович Достоевский родился в октябрѣ 1821 г. в Москвѣ в больницѣ для бѣдных, гдѣ его отец былъ врачомъ. В семьѣ было много дѣтей, но мало порядка. Федоръ и его братъ Алексѣй, с которым писателя соединяла всю жизнь самая нѣжная дружба и общая любовь к литературѣ, были опредѣлены в институтъ военныхъ инженеровъ в Петербургъ и вышли изъ него в чинѣ подпоручиковъ. Достоевскій уже черезъ годъ (1844 г.) вышелъ в отставку изъ военной службы, чтобы всецѣло предаться литературѣ. Онъ уже в то время страдалъ отъ болѣзни, которая ухудшилась послѣ того, какъ его в Сибири подвергли наказанью плетми; с нимъ случались припадки падучей и, кромѣ того, с нимъ приключались обманы чувствъ. Относительно матеріаловъ, которые онъ вносилъ въ обработку, и его способности рисовать состояние души преступника, характеристично слѣдующее его замѣчаніе, с которымъ онъ обратился къ одному другу: „Упадокъ духа, слѣдующій у меня за припадкомъ падучей, сопровождается всегда одною особенностью: я чувствую себя великимъ преступникомъ, мнѣ кажется, будто я совершилъ какое то невѣдомое преступленіе; сознание преступнаго дѣйствія тяготитъ мою душу“.

24 лѣтъ онъ написалъ романъ Бѣдные люди. Къ концу своей жизни онъ в Дневникѣ писателя рассказалъ, при какихъ обстоятельствахъ произошло первое выступленіе его на литературное поприще. Окончивъ свой романъ, онъ не зналъ, кому отдать свою рукопись; но одинъ изъ его пріятелей,

извѣстный въ послѣдствіи писатель Григоровичъ, надоумилъ его отнести романъ по-эту Некрасову. Въ 3 часа утра Достоевскій услышалъ стукъ въ дверь. Это былъ Григоровичъ, вернувшійся обратнѣ съ Некрасовымъ, который уже прочелъ романъ и пришелъ въ такой восторгъ отъ него, что почувствовалъ желаніе немедленно прижать его автора къ своему сердцу. Вышедши на другой день раннимъ утромъ отъ Достоевскаго, Некрасовъ отправился съ рукописью прямо къ Бѣлинскому, оракулу русской мысли, критику, одно имя котораго пугало каждаго начинающаго писателя.—Появился новый Гоголь!—сказалъ Некрасовъ, входя къ нему.—Да, конечно, они плодятся теперь, какъ грибы,—отвѣтилъ сердито Бѣлинскій и съ неохотою взялъ протянутую ему пачку бумагъ. Но романъ произвелъ на него то же дѣйствіе, что и на Некрасова. Когда авторъ посылалъ его, онъ обратился къ нему съ слѣдующими горячими словами: Вы такъ молоды, что, вѣроятно, сами не понимаете, какъ правдиво то, что вы написали. Истинный художникъ чувствуетъ въ вашемъ произведеніи. Имѣйте уваженіе къ дарованнымъ вамъ способностямъ, и вы сдѣлаетесь великимъ писателемъ.

Чтобы понять это удивленіе и этотъ восторгъ, надо вспомнить, что въ русской литературѣ не было еще ни одной попытки въ этомъ родѣ, за исключеніемъ Шинели Гоголя,—Тургеневскія Записки Охотника появились на пять лѣтъ позже. Когда черезъ два мѣсяца послѣ бесѣды Достоевскаго съ Бѣлинскимъ Бѣдные люди (1846 г.) вышли въ свѣтъ, литературная слава автора ихъ сразу упрочилась.

Многосторонность его и неустойчивость высказываются ярко въ томъ обстоятельстве, что выступивъ на литературную арену въ направленіи, близко подходящемъ къ тому, которое нѣсколько раньше было проложено Диккенсомъ, онъ продолжалъ работать совершенно въ другомъ, противоположномъ духѣ, издавъ незначущую повѣсть во вкусѣ Поль-де-Кока: Чужая жена и мужъ подъ кроватью.

Достоевскій рано началъ читать, и читалъ очень много. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ уже перечиталъ Карамзина и Вальтеръ Скотта, массу разнаго рода историческихъ произведеній и историческихъ романовъ. Чтеніе оказывало на него сильное дѣйствіе при его нервности, воспримчивости, пугливости, чувствительности, при его раннемъ развитіи и необыкновенной способности переноситься въ положеніе описываемыхъ лицъ. Въ институтѣ инженеровъ онъ особенно сильно увлекался Бальзакомъ, восхищался *Père Goriot*, который по своему направленію является какъ бы предтечею его собственныхъ романовъ, и перевелъ *Eugénie Grandet*; кромѣ того, онъ ревностно читалъ Жоржъ Занда и Эжена Сю, Диккенса и Гофмана, влияніе которыхъ въ большей или меньшей степени отразилось на его работахъ. Въ этотъ первый періодъ юности Достоевскій легко поддавался самымъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ.

Впослѣдствіи, въ болѣе поздніе годы, онъ самъ рассказываетъ, какимъ образомъ Бѣлинскій къ концу сороковыхъ годовъ привлекъ его на сторону со-

ціализма и старался обратить его въ атеизмъ, какъ онъ выражается. Та же самая ненависть и та же неблагодарность относительно людей, оказавшихъ на него влияніе въ періодъ его молодости,—къ Герцену, Бѣлинскому и т. д.—которая выразилась въ романѣ Бѣсы, проявляются и въ этой злобной и ядовитой попыткѣ возложить вину за свои убѣжденія юности на покойника. Но надо помнить, что эти слова произноситъ старый реакціонеръ, и въ защиту его слѣдуетъ привести то обстоятельство, что Достоевскій былъ многопострадавшій отъ жизни человѣкъ.

23 апрѣля 1849 г., въ 5 часовъ утра, онъ былъ заключенъ въ тюрьму вмѣстѣ съ тридцатью тремя другими молодыми людьми.

Онъ уже въ теченіе долгаго времени принадлежалъ къ кружку, образовавшемуся вокругъ нѣкоего Петрашевскаго, приверженца ученія Фурье; на собраніяхъ кружка члены его говорили много и неосторожно; глава кружка, какъ истый фурьеристъ, былъ врагомъ боговъ и властителей, противникомъ брака и собственности въ тѣхъ формахъ, въ какихъ они были установлены въ обществѣ. Обвиненіе зротивъ Достоевскаго лично гласило слѣдующее: участіе въ собраніяхъ кружка, порицаніе строгости цензуры, чтеніе или присутствованіе при чтеніи запрещенныхъ брошюръ, наконецъ, обѣщаніе оказать всевозможное содѣйствіе учрежденію типографіи.

Обвиняемые были отвезены въ крѣпость и здѣсь посажены въ отдѣльныя камеры. Тамъ они пробыли восемь мѣсяцевъ съ единственнымъ развлеченіемъ въ видѣ допросовъ. Только къ концу ихъ заключенія рѣшено было допустить въ ихъ камеры нѣсколько назидательныхъ книжекъ. Бѣдный поэтъ, предоставленный только своимъ мыслямъ, чувствовалъ себя точно подъ воздушнымъ насосомъ.

22 декабря двадцать восемь обвиняемыхъ, признанныхъ виновными, были отвезены на Семеновскую площадь, гдѣ воздвигнутъ былъ эшафотъ. Петрашевскаго и двухъ другихъ изъ главныхъ вождей привязали къ столбамъ. Офицеръ приказалъ отряду солдатъ приготовить ружья и произнести первыя слова команды. Только въ эту минуту поднято было бѣлое знамя и сообщено было осужденнымъ, что государь смягчилъ ихъ наказаніе. Внизу эшафота ждали сани, которые должны были отвезти ихъ въ Сибирь. Достоевскій былъ присужденъ къ десяти годамъ каторги. Но въ послѣдствіи наказаніе было измѣнено на четыре года заключенія въ смиренномъ домѣ и четыре года службы въ солдатахъ съ потерей дворянскаго званія и гражданскихъ правъ. Въ Тобольскѣ осужденнымъ пришлось разстаться: пути ихъ раздѣлялись; здѣсь они простились другъ съ другомъ. Ноги ихъ оковали цѣпями, имъ vybrили головы и отправили по разнымъ мѣстамъ назначенія¹⁾.

Что Достоевскій видѣлъ и переживалъ, что онъ пережилъ и перестрадалъ въ сибирской тюрьмѣ среди всякаго сброда и преступниковъ, невѣжественныхъ и дикихъ людей, несчастныхъ и впавшихъ въ глубокое отчаяніе,—все это

1) Vogué: Le roman russe, стр. 218.

онъ изложилъ свѣту въ своихъ Запискахъ изъ мертваго дома—мастерскомъ произведеніи, выдающемся у автора его глубокое знаніе человѣческой души и громадный описательный талантъ. Если бы Достоевскій писалъ отъ собственного имени и объяснилъ, что преступленіе его политическаго характера,—книга его не была бы допущена цензурою. Поэтому герой романа является выдуманнымъ рассказчикъ, который въ порывѣ страсти совершилъ обыкновенное уголовное преступленіе, и отъ его имени излагаются сдѣланныя имъ наблюденія. Одного Достоевскій не рассказываетъ,—того, что онъ самъ лично подвергся тѣмъ ужаснымъ физическимъ наказаніямъ, которыя онъ описываетъ.

Съ 1849 по 1859 г. Достоевскій былъ мертвъ для литературы.

37 лѣтъ вернулся онъ обратно въ Сибирь съ совершенно разрушенною нервною системою. Большая перемѣна произошла за это время въ немъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ тюрьмѣ, онъ имѣлъ возможность читать только одну книгу, Новый Заветъ, и онъ перечитывалъ ее снова и снова. Всякій мятежный духъ исчезъ изъ его сердца. Онъ не только покаялся теперь, съ какимъ ничтожнымъ знаніемъ людей онъ въ ранней молодости брался производить преобразования въ окружающей его средѣ, и какъ мало шансовъ для успѣха въ дѣйствительной жизни представляло это восторженное увлеченіе идеями,—но и сдѣлался совершенно инымъ: набожнымъ и смиреннымъ, покорнымъ и послушнымъ. Онъ находилъ перенесенное имъ наказаніе справедливымъ,—болѣе того: онъ былъ благодаренъ за него. Онъ вообразилъ себѣ, что безъ этого наказанія ему пришлось бы непременно сдѣлаться сумасшедшимъ; онъ думалъ, что таинственный ужасъ, который онъ всегда ощущалъ при наступленіи темноты, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ лишилъ бы его мало-по-малу разсудка; теперь дѣйствительныя страданія отняли у ужаса часть его силы.

Кромѣ того, ему удалось заглянуть далеко въ глубину душевной жизни русскаго народа. Его судьба доставила ему возможность познакомиться съ тѣмъ, что признается вообще клоакою человѣчества, и онъ у всѣхъ этихъ людей, даже у падшихъ наиболѣе глубоко, находилъ достоинства, какъ бы великъ ни былъ слой низменности, покрывающій ихъ. Утративъ всякую вѣру въ пользу и возможность политической революціи, онъ приобрѣлъ въ то же время вѣру въ нравственную революцію въ духѣ евангелія. Поэтому онъ вернулся въ ряды русскіхъ писателей какъ филантропъ, какъ поэтъ безпомощныхъ паріевъ. Совершенно вѣрно сказано было къмъ то, что Достоевскій сдѣлался для пролетаріата въ русской литературѣ тѣмъ, чѣмъ былъ Уильберфорсъ для негровъ въ англійскомъ парламентѣ, т. е.—защитникомъ ихъ интересовъ. Онъ какъ художникъ слишкомъ искрененъ, чтобы особенно сильно разукрашивать паріевъ, а какъ поэтъ—достаточно увлекающійся, чтобы возвѣщать о существованіи „божественной искры“ у самыхъ глубоко падшихъ натуръ. Болѣе того: мораль, возвѣщаемая имъ, является, быть можетъ, самымъ чистымъ изъ существующихъ выраженій для морали паріевъ, морали рабовъ.

Выраженія: господская мораль и мораль рабовъ—взяты изъ Ницше. Подъ господскою моралью онъ подразумѣваетъ ту мораль, которая вытекаетъ изъ самочувствія и чувства жизни: мораль Рима, Исландіи, Возрожденія; подъ моралью рабовъ—ту, которая вытекаетъ изъ альтруизма, какъ высшей добродѣтели, изъ пренебреженія къ жизни, изъ ненависти къ беззаботнымъ и сильнымъ.

Постоянное восхваленіе альтруизма, самоотверженія (въ противоположность тому, который основываетъ всю свою силу на самосохраненіи, саморазвитіи и развитіи силы) вовсе не исходитъ само изъ духа альтруизма. Ближній восхваляетъ альтруизмъ, потому что онъ самъ получаетъ отъ него выгоду. Въ томъ то и заключается основное противорѣчіе этой морали, что ея побудительныя причины расходятся съ ея предписаніями. Она провозглашается на пользу несчастныхъ людей,—людей неудачниковъ и поэтому не имѣетъ болѣе ревностныхъ и горячихъ защитниковъ, какъ именно среди тѣхъ несчастныхъ или неудачниковъ, которые не живутъ собственною самостоятельною духовною жизнью настолько, чтобы быть въ состояніи не выходить изъ круга ихъ собственного міра идей, но которые въ то же время имѣютъ достаточно развитія и образованія, чтобы страдать отъ этого и въ глубинѣ души испытывать сильное чувство зависти. Какими бы способностями и какимъ бы образованіемъ ни обладали подобные люди, все это доставляетъ имъ одно только мученіе: они испытываютъ непрестанно желаніе отомстить тѣмъ, которыхъ они ненавидятъ, за то, что эти послѣдніе наслаждаются жизнью.

Самъ Достоевскій является колоссальнымъ образчикомъ этого типа людей: имѣя за собою жизнь, полную невыразимыхъ страданій и мученій, онъ теперь, бѣдный, нищій, запутавшійся вконецъ въ долгахъ, вѣчно нуждающійся въ деньгахъ, зависимый отъ издателя, авансы котораго доставляютъ ему средства существованія, долженъ былъ вновь пробивать себѣ дорогу въ литературѣ.

Первая, написанная имъ послѣ возвращенія изъ Сибири книга, Униженные и Оскорбленные, не принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній, но заключаетъ въ себѣ образы, уже намѣченные имъ въ его первой книгѣ, и за разработку которыхъ онъ опять берется. Достоевскій изъ Сибири привезъ съ собою молодую женщину, вдову одного изъ умершихъ въ заключеніи приверженцевъ Петрашевскаго, въ которую онъ былъ влюбленъ. Но она съ своей стороны любила другого, и изъ писемъ Достоевскаго видно, какъ онъ цѣлый годъ трудился надъ тѣмъ, чтобы соединить ее съ своимъ соперникомъ и какъ онъ пускалъ въ ходъ всѣхъ своихъ друзей, чтобы устранить препятствія на пути этого соединенія. Все кончилось бракомъ между нимъ и ею.

Этотъ фактъ изъ дѣйствительной жизни послужилъ основой для дѣйствія въ романѣ Униженные и Оскорбленные, въ которомъ образы, напоминающіе диккенсовскіе, часто не производятъ реального впечатлѣнія.

Достоевскій началъ писать въ газетахъ, что въ теченіе всей его жизни представляло для него особенную привлекательность и на что онъ потратилъ

много времени и силъ. Онъ сдѣлался сотрудникомъ издаваемого его братомъ Михаиломъ славянофильскаго журнала, сначала Времени, потомъ Эпохи, и проповѣдывалъ любовь къ Россіи и восхищеніе ею,—любовь къ странѣ, „которую нельзя понять разумомъ, а въ которую слѣдуетъ вѣрить“.

Въ 1865 г. онъ лишился первой своей жены и своего брата Алексѣя второй журналъ Михаила погибъ, и онъ убѣжалъ за границу, чтобы избавиться отъ своихъ кредиторовъ. Путешествіе по Германіи, Франціи и Италіи не доставило Достоевскому никакого удовольствія. Онъ постоянно страдалъ отъ падучей и долженъ былъ вернуться домой, чтобы попросить у своихъ издателей новыхъ авансовъ, которые и были даны ему, но на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Изъ путешествія онъ вынесъ только одно глубокое впечатлѣніе,—впечатлѣніе казни, на которой онъ присутствовалъ въ Лионѣ. Она возбудила въ немъ воспоминаніе о томъ моментѣ въ его жизни, во время котораго онъ испыталъ глубокое душевное потрясеніе, и къ которому онъ постоянно возвращается въ своихъ романахъ: утренній часъ, проведенный имъ на эшафотѣ 22 декабря 1849 г.

Въ 1862 г. онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на читающій міръ своими Записками изъ мертваго дома. Въ 1866 г. онъ совсѣмъ побѣдилъ читателей своимъ романомъ Преступленіе и Наказаніе, составлявшимъ такой вкладъ въ психологію тогдашней Россіи, какъ никакая другая книга. То, что описывается въ этой книгѣ, только на первый взглядъ можетъ показаться единичнымъ явленіемъ: въ дѣйствительности—это грандіозная картина общества.

Основной вопросъ, разбирающійся въ книгѣ, тотъ же, который уже давно занималъ головы многихъ мыслящихъ людей: самопротиворѣчащая двойственная оцѣнка обществомъ человѣческой жизни. Этотъ вопросъ основательно разбирается въ рѣчахъ Бисмарка¹⁾. Онъ занималъ и автора этихъ строкъ, когда въ Берлинѣ произошло убійство женщины, около 82 лѣтъ отъ роду, умерщвленной однимъ изъ многочисленныхъ любовниковъ, приобретаемыхъ ею за деньги. Вопросъ заключался въ слѣдующемъ: представляетъ ли человѣческая жизнь безусловную цѣнность? Почему современное общество отвѣчаетъ на этотъ вопросъ противорѣчивымъ образомъ? Оно подвергаетъ самому строгому наказанію мать за умерщвленіе ею новорожденнаго ребенка, не обращая вниманія на то, что она изъ страха передъ позоромъ или нуждою причиняетъ сама себѣ еще болѣе грандіозную потерю и доставляетъ себѣ еще болѣе глубокое страданіе, чѣмъ то, которое испытываетъ при этомъ общество; онъ наказываетъ ее и тогда, когда побудительною ея причиною было желаніе спасти своего ребенка отъ жалкой жизни, ожидающей его. Общество требуетъ, чтобы полная чаша земныхъ несчастій были вылита на голову бѣднаго маленькаго существа. Но въ то же время общество не противится основанію фабрикъ, на которыхъ работа сопровождается губительными для рабочихъ послѣдствіями и приноситъ имъ раннюю смерть; оно даже признаетъ

¹⁾ Gesammelte Reden des Fürsten Bismarck, I. 1895.

благодѣтелемъ основателя подобной фабрики въ мѣстности съ неразвитою промышленностью.

Въ произведеніи Достоевскаго разсужденіями по поводу всѣхъ этихъ вопросовъ занимается молодой человѣкъ, Раскольниковъ,—молодой русскій студентъ, необыкновенно красивый, съ правильными чертами лица и большими выразительными глазами, обладающій выдающимися дарованіями, но бѣдный, какъ только можетъ быть бѣденъ русскій студентъ, страдающій постоянно отъ крайней нужды, одѣтый въ лохмотья, съ шляпою на головѣ, на которую нельзя смотрѣть безъ смѣха. Бѣдность заставляетъ его бросить свое ученіе; онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы добыть необходимыя средства существованія, но напрасно: ему приходится спускаться все ниже и ниже. Онъ замкнутъ, суровъ, подозрителенъ и меланхоличенъ; онъ гордъ, но въ то же время и высокомеренъ, и добръ; онъ не любитъ открывать своихъ чувствъ. Онъ честолюбивъ съ задатками большой отваги, но часто такъ угрюмъ, что кажется холоднымъ и безчувственнымъ до безчеловѣчности. Онъ печаленъ, мраченъ и раздражителенъ, высокомеренъ и великодушенъ; приходитъ въ уныніе при мысли о несчастномъ положеніи человѣческаго рода, но всегда горитъ пламеннымъ желаніемъ прійти на помощь человѣчеству и сдѣлаться его спасителемъ въ грандіозныхъ размѣрахъ. Въ глубинѣ души онъ нетрудолюбивъ. Вообще, по мнѣнію автора, трудолюбіе—рѣдкое явленіе въ Россіи, гдѣ всѣ желаютъ безъ заботы и труда быстро обогатиться, и гдѣ привыкли, чтобы все, что можетъ быть достигнуто, подавалось въ готовомъ, оконченомъ видѣ; гдѣ привыкли подчиняться чужому руководству,—привыкли, чтобы умственная пища подавалась въ пережеванномъ видѣ другими.

Если Раскольниковъ былъ меланхоличенъ отъ природы, то бѣдность еще въ болѣе степени развила въ немъ это качество. Комната, въ которой онъ живетъ, приводитъ его непрестанно въ раздраженіе. Низкая, узкая, она какъ бы тисками охватываетъ его душу. Онъ не можетъ заплатить за свою квартиру, часто голодаетъ. Въ длинные зимніе вечера онъ лишень свѣта, лежитъ въ темнотѣ, не работаетъ въ концѣ концовъ даже для того, чтобы купить себѣ свѣчу; на его столѣ нагромождены его учебныя тетради, покрытыя слоемъ пыли въ палецъ толщиною. Онъ постоянно думаетъ, думаетъ, думаетъ....

Онъ думаетъ о безобразной старой ростовщицѣ, страшно богатой и жадной, у которой онъ отъ времени до времени бралъ деньги взаймы, и о разговорѣ относительно ея, услышанномъ имъ какъ-то въ трактирѣ. Тамъ сидѣлъ одинъ студентъ и сказалъ: „Я бы эту проклятую старуху убилъ и ограбилъ, и, увѣряю тебя, что безъ всякаго зазору совѣсти“.

Онъ сказалъ это въ шутку, затѣмъ продолжалъ серьезно: „Съ одной стороны,—глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротивъ, всѣмъ вредная... съ другой стороны,—молодая, свѣжія силы, пропадающія даромъ безъ поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сотни, тысячи, быть можетъ, существованій, направленныхъ на дорогу; десятки семействъ,

спасенныхъ отъ нищеты, отъ разложенія, отъ гибели, отъ разврата, отъ венерическихъ болѣзней,—и все это на ея деньги... Да и что значить на общихъ вѣсахъ жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки?—Не болѣе, какъ жизнь вши, таракана, да и того не стоитъ, потому что старушонка вредна“.

Слова эти глубоко запали въ душу Раскольникова, потому, можетъ быть, что подобныя мысли уже ронялись у него въ мозгу, и продавливали себя въ немъ путь подобно цыпленку въ скорлупѣ яйца, и потому въ особенности, что гнетущая его нужда затронула и самыя дорогія для него существа. Его старая мать, живущая въ уѣздномъ городкѣ пенсіею въ 120 рублей и зарабатывающая къ тому еще 20 рублей вязаніемъ и шитьемъ, губительно дѣйствующими на ея бѣдные старые глаза, прислала ему письмо, изъ короткихъ, деликатныхъ выраженій котораго онъ узнаетъ, что его единственная, обожаемая имъ сестра, такая гордая и хорошенькая, готовится принести себя въ жертву, вступивъ въ возмутительный бракъ, чтобы доставить ему средства окончить университетъ и содержать на старости мать. Онъ вскакиваетъ въ негодованіи, онъ возмущается, онъ хочетъ воспретить своей чистой сестрѣ заключеніе такого ужаснаго брака. Но по какому праву можетъ онъ запрещать ей это? Какъ можетъ онъ помѣшать ей? Что можетъ онъ предложить ей взамѣнъ?... Посвятить ей и матери все свое будущее, когда онъ окончитъ свое ученіе и получитъ мѣсто?... Черезъ десять лѣтъ, можетъ быть,—но до этого времени его мать можетъ ослѣпнуть или умереть отъ нужды и истощенія, и до этого времени его сестра... чего не можетъ случиться въ десять лѣтъ?

Онъ рано выработалъ себѣ особое ученіе о преступленіяхъ, а именно, что возвышающійся надъ обычнымъ уровнемъ человѣкъ имѣетъ право,—конечно, не официальное, а дарованное ему его совѣстью,—перешагнуть черезъ извѣстныя препятствія и границы, задерживающія другихъ людей, но только въ томъ случаѣ, если его идея,—идея спасительная, быть можетъ, для всего человѣчества—требуетъ подобнаго шага. Если бы, напр., такіе люди, какъ Кеплеръ и Ньютонъ, не могли никоимъ образомъ сдѣлать свои открытія извѣстными людямъ иначе, какъ цѣною принесенія въ жертву „одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ“, препятствующихъ этимъ открытіямъ,—они не только имѣли бы право, но были бы обязаны убить этихъ людей. Опытъ учить насъ, что почти всѣ законодатели человѣчества и реформаторы, отъ самыхъ старыхъ до Ликурга, Солона, Магомета, Наполеона—были преступниками, уже по тому одному, что они создали новые законы и разрушили старые, считавшіеся обществомъ священными и нерешедшими къ нимъ по наслѣдству отъ предковъ, и потому что они не отступали съ дрожью передъ пролитіемъ крови, и притомъ чаще всего совершенно невинной крови, которая геройски приносилась въ жертву въ защиту стараго закона. Толпа не признаетъ права за подобнаго рода людьми: она казнить или вѣшаетъ ихъ, когда они выступаютъ на сцену, но слѣдующія поколѣнія возводятъ ихъ въ видѣ памятниковъ на высокіе пьедесталы и выказываютъ имъ почитеніе. А развѣ онъ не такой именно выдающійся человѣкъ?

Но все его существо возмущается при мысли о подобномъ дѣйствіи. Оно слишкомъ противно для него, слишкомъ отвратительно. Убить топоромъ маленькую старую женщину!.. Вся его гордость, всѣ благородные инстинкты его натуры содрогаются при мысли объ этомъ и возмущаются.

Но дни идутъ и никакого другого исхода не предвидится: медленно, мало-по-малу осваивается онъ съ этою мыслью. Благодаря странному стеченію обстоятельствъ онъ узнаетъ время, когда старая ростовщица останется одна вечеромъ... Ему кажется, будто онъ полою своей одежды попалъ въ отверстіе машины, которая втягиваетъ его въ себя и начинаетъ кружиться вмѣстѣ съ нимъ,—и онъ съ смѣсью отчаянной рѣшимости и ребяческаго легкомыслія совершаетъ въ минуту преступленія убійство—и притомъ не одно только убійство, а цѣлыхъ два: сестра старухи, простая и добрая женщина, входитъ въ комнату какъ разъ въ ту минуту, когда Раскольниковъ начинаетъ изслѣдовать сокровища покойницы, и онъ однимъ ударомъ топора повергаетъ ее на землю.

Но его поступокъ оказался не по силамъ ему, или, быть можетъ, онъ былъ слишкомъ благороденъ для него—объ этомъ каждый можетъ судить по своему. Раскольниковъ можетъ убить въ припадкѣ сомнамбулизма, но красть онъ не въ состояніи. Онъ присваиваетъ себѣ только двѣ ничего не стоящія вещицы и съ большими затрудненіями спасается отъ того, чтобы не быть застигнутымъ на мѣстѣ преступленія. Теперь наступаетъ тотъ періодъ въ его жизни, когда онъ можетъ только размышлять надъ своимъ преступленіемъ. Онъ уничтожаетъ всѣ внѣшніе слѣды его, но вѣчно занятъ мыслью, какъ бы скрыть его и съ каждымъ днемъ все больше и больше выдаетъ себя тѣмъ, кто ищетъ преступника. Но это еще не главное; внѣшнія открытія не сокрушаютъ его; что его окончательно губитъ, это внутреннее открытіе, которое онъ дѣлаетъ, все болѣе и болѣе возрастающая увѣренность, что онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ избранныхъ натуръ, которымъ все разрѣшается. Послѣ совершенія своего преступленія онъ никакъ не можетъ вновь подняться на ту высоту, съ какой онъ раньше смотрѣлъ на него. Онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чахнетъ. „Нѣтъ,—говоритъ онъ самъ себѣ:—тѣ люди не такъ сдѣланы. Настоящій властелинъ, кому все разрѣшается, громитъ Тулонъ, дѣлаетъ рѣзню въ Парижѣ, за бьетъ армію въ Египтѣ, тратитъ полъ милліона людей въ московскомъ походѣ и отдѣляется каламбуромъ въ Вильнѣ; и ему же, по смерти, ставятъ кумиры, а, стало быть, и все разрѣшается. Нѣтъ, на такихъ людяхъ, видно, не тѣло, а бронза“. Одна везапная посторонняя мысль вдругъ почти разсмѣшила его: „Наполеонъ—пирамиды, Ватерлоо,—и тощая гаденькая регистраторша, старушонка, процентщица, съ красною укладкою подъ кроватью... Полѣзетъ ли, дескать, Наполеонъ подъ кровать къ старушонкѣ! Эхъ, дрянь!“

Онъ не раскаивается въ умерщвленіи старухи: онъ продолжаетъ считать ея жизнь бесполезною, ея смерть безразличнымъ, пожалуй даже полезнымъ дѣломъ. Старуха была и продолжаетъ казаться ему чѣмъ-то побочнымъ; убивая ее

онъ, вѣдь, хотѣлъ только уничтожить предрасудокъ, убить не человѣка, но ложный взглядъ, и переступить черезъ пропасть, отдѣляющую обыкновенныхъ людей, погрязшихъ въ будничныхъ понятіяхъ, отъ сонма избранныхъ. Онъ убилъ предрасудокъ, но продолжалъ оставаться по ту сторону пропасти. Онъ безгранично несчастенъ, несчастіе чѣмъ когда-либо раньше.

Онъ не сдѣлалъ ничего дурного. Онъ хотѣлъ только не оставить безъ помощи своей голодной матери, имѣя рубль въ карманѣ. И какъ добросовѣстно онъ поступилъ! Онъ прежде всего провѣрилъ свои силы самымъ тщательнымъ испытаніемъ себя, убѣдившись въ томъ, что онъ не переступитъ за извѣстныя границы для удовлетворенія своихъ чувственныхъ потребностей, а будетъ имѣть всегда въ виду только свою великую цѣль; затѣмъ среди всей бесполезной „вши“ онъ выбралъ самую бесполезную, и, наконецъ, рѣшилъ, убивая эту женщину, взять лишь столько, сколько оказывалось необходимымъ для его ближайшихъ цѣлей.

А между тѣмъ, не старуху жалкую убилъ онъ, а самого себя, свое собственное „я“. Его проступокъ выросъ у него выше головы, онъ сдѣлалъ его совершенно одинокимъ, отбросилъ его въ глубину его собственного „я“. Тайна терзаетъ его до безумія, и мученіе при мысли, что онъ такая же „вошь“, какъ и всѣ остальные, изводитъ его.

Едва успѣлъ онъ совершить убійство, какъ онъ чувствуетъ себя одинокимъ, чуждымъ всѣмъ, осужденнымъ на вѣчное молчаніе. Ему кажется, что онъ никогда не осмѣлится больше разговаривать съ другими людьми. Но вскорѣ послѣ этого имъ овладѣваетъ безумная потребность открыть свою тайну, рассказать о ней другимъ. Все награбленное онъ бросаетъ сейчасъ же въ каналъ, у него нѣтъ и въ мысляхъ воспользоваться имъ: онъ прячетъ его подъ камнемъ на мѣстѣ постройки. Онъ самъ не понимаетъ, что случилось съ нимъ, но ему кажется, что онъ отсѣченъ отъ своего прошлаго точно ударомъ топора. Наступаетъ минута, когда онъ готовъ броситься въ воду, чтобы положить конецъ своимъ мученіямъ. На своихъ окружающихъ онъ производитъ впечатлѣніе сумасшедшаго. Но онъ встрѣчаетъ воплощеніе человѣческаго горя въ его худшей формѣ: пьяницу, который спитъ, чахоточную вдову съ большимъ количествомъ дѣтей безъ хлѣба на рукахъ, благородную молодую дѣвушку, которая должна была унижить себя до проституціи, чтобы доставить пищу своимъ маленькимъ братьямъ и сестрамъ—и потребность выказать великодушіе, прійти ближнимъ на помощь возвращаетъ ему на нѣкоторое время вѣру въ жизнь. Но за кратковременнымъ подъемомъ духа слѣдуютъ новыя мученія. Его мучитъ мысль, что другіе, можетъ быть, знаютъ о его преступленіи, а онъ играетъ передъ ними бесполезную комедію, когда дѣлаетъ видъ, что все это не имѣетъ къ нему никакого отношенія. И, дѣйствительно, нѣкоторые люди напали на слѣдъ. Есть одинъ человѣкъ, который догадался обо всемъ и насквозь видитъ его: это гениальный юристъ, слѣдователь. Но Раскольникова не арестуютъ, его не допра-

шиваютъ; нѣтъ, если онъ въ послѣдствіи раскрываетъ свои уста и обвиняетъ себя, то это происходитъ исключительно въ силу чисто внутренняго душевнаго побужденія. Еще задолго до того, какъ происходитъ взрывъ, ему кажется, что приближается моментъ, когда онъ долженъ открыть тайну, и онъ самъ сравниваетъ чувство, испытываемое имъ при приближеніи этого момента, съ тѣмъ чувствомъ, которое возбудилось въ немъ, когда ему показалось, что пробилъ часъ убить старуху. Но это чувство переплетается у него постоянно съ пылкой ненавистью къ окружающему міру; онъ питаетъ убійственную ненависть къ тѣмъ, которые, какъ онъ думаетъ или боится, знаютъ его тайну. Когда онъ во время своихъ одинокихъ размышленій задаетъ себѣ вопросъ, что онъ сдѣлаетъ при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, чтобы не дать себя одурачить,—восклицаніе: „въ такомъ случаѣ я убью его“—составляетъ постоянный отвѣтъ на подобные вопросы. Въ концѣ концовъ онъ съ ужасомъ открываетъ, что даже о матери и сестрѣ, которыхъ прежде такъ любилъ, онъ думаетъ теперь по временамъ съ чувствомъ ненависти.

Но эта ненависть и это мученіе порождены любовью. Если бы онъ не любилъ такъ сильно, ничего не случилось бы.

Если бы онъ былъ сухимъ, черствымъ человѣкомъ, если бы онъ не былъ смѣлъ, великодушенъ и серьезенъ, онъ никогда не сдѣлался бы убійцею. Все болѣе и болѣе чувствуетъ онъ въ это ужасное время влеченіе къ той молодой вышеупомянутой дѣвушкѣ, которая сдѣлалась проституткою изъ любви къ своимъ маленькимъ братьямъ и сестрамъ. Не смотря на весь свой трудъ, она не въ силахъ была заработать столько, чтобы хватило на ихъ пропитаніе, и сама мать вытолкнула ее на улицу. Состраданіе сблизило его съ нею, восхищеніе благородствомъ и чистотою ея—потому что ни единая капля порока еще не проникла въ ея сердце—заставляютъ его посѣтить ее. Онъ выражаетъ свое уваженіе той, которую презираетъ весь міръ. И она также преступила границы, и она также наложила свою руку на человѣческую жизнь, на свою собственную, пожертвовала собою и пожертвовала бесполезно; но по величію своей души она стоитъ высоко надъ нимъ. И она мало-по-малу обращается въ его совѣсть. Однажды, послѣ того, какъ онъ долго молча смотрѣлъ въ ея плачущее лицо, Раскольниковъ опускается передъ нею на колѣни и цѣлуетъ ей ноги.

„Что вы, что вы это? Передо мной?!“

Онъ отвѣчаетъ: „Я не тебѣ поклонился, я всему страданію человѣческому поклонился“.

Соня проситъ, чтобы онъ сознался въ своемъ преступленіи; „страданіе принять и искупить себя имъ,—вотъ что надо“. Она обѣщаетъ не покидать его, а послѣдовать за нимъ въ Сибирь. Онъ долго отказывается. Его сестра также увѣщаетъ его отдать себя въ руки правосудія; она видитъ въ этомъ шагѣ единственное спасеніе отъ состоянія самоубиванія, угнетенія, въ какое онъ впалъ. Но когда она употребляетъ выраженіе „преступленіе“—онъ возмущается.

Какое преступленіе? То, что я убилъ гадкую, зловредную вошь, старушонку—процентщицу, никому не нужную, которую убить—сорокъ грѣховъ простать, которая изъ бѣдныхъ сокъ высасывала, и это-то преступленіе?—. „Но вѣдь ты кровь пролил!“—въ отчаяніи вскричала сестра.—„Которую всѣ проливаютъ“,—подхватили онъ въ изступленіи:—„и которая льется и всегда лилась на свѣтъ какъ водопадъ, которую лютятъ какъ шампанское и за которую вѣнчаютъ въ Капитоліи и называютъ потомъ благодѣтелемъ человѣчества... Я самъ хотѣлъ добра людямъ и сдѣлалъ бы сотни, тысячи добрыхъ дѣлъ, вмѣсто одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости, такъ какъ вся эта мысль была во-все не такъ глупа, какъ теперь она кажется, (при неудачѣ все кажется глупо!) Этою глупостью я хотѣлъ только поставить себя въ независимое положеніе, первый шагъ сдѣлать, достичь средствъ, и тамъ все-бы загладилось неизмѣримо, сравнительно, пользой... Но я и перваго шага не выдержалъ, потому что я подлецъ!... Вотъ въ чемъ все и дѣло!“

Но все же Соня оказывается въ концѣ концовъ сильнѣе его. Онъ не въ состояніи противиться этой женщинѣ, столь сильной въ своемъ униженіи и смиреніи, и романъ оканчивается тѣмъ, что Раскольниковъ идетъ въ полицейскій участокъ и доносить на себя: „Это я убилъ тогда старуху чиновницу и сестру ея Лизавету и ограбилъ“.

Достоевскій, очевидно, хотѣлъ дать въ этомъ романѣ картину своего времени. „Ваша статья,—говоритъ въ третьей части книги слѣдователь Порфирій герою:—порожденіе нашего времени, фантазія, созданная книгами“.

Авторъ имѣлъ, очевидно, въ виду политическое броженіе, хотя онъ не говоритъ ни слова прямо о политикѣ... „Еще хорошо, говоритъ слѣдователь Раскольникову: что вы старушонку только убили. А выдумай вы другую теорію, такъ, пожалуй, еще и въ сто милліоновъ разъ безобразнѣе дѣло бы сдѣлали!“ А мимоходомъ, во снѣ, который привидѣлся Раскольникову въ то время, когда онъ размышляетъ о будущемъ убійствѣ, Достоевскій рисуетъ картину, въ которой онъ ни однимъ словомъ не указываетъ прямо на русскій народъ, но которая, несомненно, въ символическихъ образахъ даетъ самое мрачное представленіе о положеніи русскаго общества. Герой видитъ во снѣ несчастную, тощую, саврасую крестьянскую клячку, запряженную въ громадную наполненную тяжестью телѣгу, которую она не въ силахъ везти; но грубый собственникъ телѣги хлещетъ ее немилосердно по мордѣ, по глазамъ, сначала однимъ кнутомъ, потомъ тремя кнутами разомъ; она стонетъ и фыркаетъ, едва дышетъ, тянетъ, останавливается, пробуетъ опять тянуть, не въ силахъ выносить града ударовъ, сыплющихся на нее, и начинаетъ, наконецъ, въ безсиліи лягаться. Ее опять бьютъ,—между тѣмъ какъ одни поютъ разгульную пѣсню, другіе бряцаютъ въ бубенъ, а одна бабенка щелкаетъ орѣшки и посмѣивается,—бьютъ ее по мордѣ, „сѣкутъ по глазамъ, по самымъ глазамъ!“ Такъ какъ даже страшные удары по спинѣ тяжелою оглоблею оказываются не въ силахъ сдвинуть съ мѣста лошадь, то собственникъ ея вы-

таскиваетъ желѣзный ломъ и изъ всѣхъ силъ огораживаетъ съ размаху бѣдную лошадедку. Она въ послѣдній разъ дѣлаетъ попытку дернуть, но ломъ снова со всего размаху ложится ей на спину, она протягиваетъ морду, тяжело вздыхаетъ и умираетъ. Если таково дѣйствительно состояніе общества, то можно заключить изъ этого символическаго описанія, что жить въ немъ, конечно, тяжело!

Раскольниковъ, совершая свое преступленіе, исходилъ изъ одного опредѣленнаго основнаго воззрѣнія, которое, правда, не упоминается въ книгѣ, но лежить въ основаніи его дѣйствій, именно, что цѣль освящаетъ средства.

Это положеніе, которое глупость ложно истолковывала и которымъ іезуиты злоупотребляли, въ дѣйствительности совершенно вѣрно. Слово „освящаетъ“ показываетъ, что въ виду имѣется хорошая, достойная цѣль. Хорошую, достойную цѣль преслѣдуетъ тотъ, кто хочетъ поддержать или провозвести что-нибудь дѣйствительно хорошее, цѣнное.

Предположимъ, что кто-нибудь можетъ достигнуть своей хорошей цѣли только причинивъ страданіе, и предположимъ, что это страданіе слабѣе того, которое произошло бы, если бы онъ не прибѣгнулъ къ этимъ средствамъ... Въ обыкновенной, будничной жизни правильность этого положенія не подвергается сомнѣнію; осваиваешься съ мыслью, что безусловныхъ обязанностей не существуетъ. Общество учитъ: ты не долженъ убивать, но прибавляетъ: за исключеніемъ того, если твое отечество (хорошая цѣль) требуетъ этого, ибо тогда не только дозвоительно, но и обязательно убивать возможно большее количество враговъ. Общество учитъ: злое дѣло отрѣзывать другимъ руки или ноги, но прибавляетъ: когда врачъ отрѣзываетъ руку или ногу съ цѣлью спасти больному или раненому жизнь, тогда добрая цѣль освящаетъ дурное средство.

Для того, чтобы это положеніе было признано справедливымъ, необходимо соблюденіе слѣдующихъ условій: цѣль должна быть хороша.—Эта цѣль не можетъ быть достигнута другими средствами кромѣ такихъ, которыя причиняютъ страданія,—не можетъ быть достигнута и средствами, возбуждающими меньшее страданіе, чѣмъ употребленныя. Страданія, которыя употребляются, какъ средства, должны быть слабѣе тѣхъ, которыя пришлось бы перенести безъ употребленія этихъ средствъ.

Въ разработкѣ этихъ вопросовъ Достоевскій выказалъ необыкновенную чуткость. Онъ не оспариваетъ собственно правильность хода мыслей Раскольникова, но показываетъ, что послѣдній не ясно сознаетъ свою цѣль, не знаетъ, дѣйствительно ли она хороша или нѣтъ. Сонѣ онъ говоритъ черезъ мѣсяцъ послѣ убійства, что неувѣренность ни разу не покидала его. Провѣряя себя, онъ находитъ, что убилъ въ сущности не для того, чтобы добыть средства для поддержанія своей матери, и не для того, чтобы сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества, а для того, чтобы узнать, такая ли онъ „вошь“, какъ и всѣ остальные, а не человѣкъ, т. е. въ состояніи ли онъ перешагнуть опредѣленные границы или нѣтъ. Онъ не увѣренъ въ своей способности преслѣдовать эту неопредѣ-

ленную цѣль, которой, согласно его собственному ученію, только одни избранные могут добиваться всѣми возможными средствами. Однажды, промучившись цѣлый день надъ вопросом: сдѣлалъ ли бы что нибудь подобное Наполеонъ?—онъ смутно почувствовалъ, что онъ лично—не Наполеонъ.

Поэтому онъ совѣтъ падаетъ подъ бременемъ послѣдствій своего поступка. Онъ хотѣлъ только убить старую негодную женщину, но едва преступленіе было совершено, какъ необходимость принудила его для избѣжанія открытія своего убійства совершить новое,—умертвить бѣдное добродушное существо, которое никогда не приносило никому зла, а постоянно жертвовало собою для другихъ. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „О, какъ я ненавижу теперь старушонку! Кажется-бы другой разъ убилъ, если-бъ очнулась! Бѣдная Лизавета! Зачѣмъ она тутъ подвернулась... Странно, однако-жъ, почему я объ ней почти и не думаю, точно и не убивалъ!.. Лизавета! Соня! Бѣдныя, кроткія, съ глазами кроткими!.. Милыя!.. Зачѣмъ онѣ не плачутъ? Зачѣмъ онѣ не стонутъ?.. Онѣ все отдаютъ... глядятъ кротко и тихо“.

Но еще больше этого невольнаго убійства Лизаветы его мучить безпокойство, что его могутъ разоблачать, и вся система лицемѣрія, отрицанія и лжи, въ которую онъ невольно впутывается себя. Его разумъ недостаточно устойчивъ, чтобы выдержать эти страданія, и, пока онъ не выдастъ себя, онъ все время стоитъ на границѣ безумія. Въ эпилогѣ, происходящемъ въ Сибири, Достоевскій заставляетъ надменный и разбитый жизнью характеръ Раскольникова смягчиться и возвращаетъ ему бодрость духа благодаря преданной, выносливой любви Сони. Раскольниковъ „невѣрующій“, но Соня вѣритъ. Еще раньше, чѣмъ Раскольниковъ сознался въ своемъ преступленіи, происходитъ трогательная сцена, во время которой Соня читаетъ ему громко изъ Новаго Завѣта воскресеніе Лазаря,—читаетъ среди слабаго дневнаго свѣта въ жалкой, бѣдной комнаткѣ, освѣщая святыми словами разомъ убійцу, проститутку и евангеліе между ними—геніальная и чисто христіанская сцена. Въ эпилогѣ, въ которомъ Достоевскій хотѣлъ, очевидно, воспользоваться своими собственными испытаніями въ Сибири, выступаетъ наружу его глубокое религіозное убѣжденіе, какъ убѣжденіе и какъ ученіе. Вообще, читая Достоевскаго, испытываешь часто,—какъ мнѣ говорила недавно одна молодая русская дама,—такое чувство, какъ будто нарисованные имъ образы болѣе пронизательны, чѣмъ самъ авторъ ихъ, который не всегда въ состояніи охватить взглядомъ весь объемъ своего труда и все его значеніе.

Если мы пожелаемъ теперь изучать второстепенныя лица хотя бы приблизительно съ тѣмъ стараніемъ, съ какимъ очерченъ былъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица, то мы увидимъ, что почти всѣ они безъ исключенія,—а ихъ около двадцати,—стоятъ на одной высотѣ съ героемъ по силѣ и правдивости, съ какими они обрисованы, и что всѣ они имѣютъ отношеніе къ нему. Въ этой книгѣ нѣтъ ни одной лишней фигуры. Наболѣе талантливо воспроизведенные типы—слѣдователь Порфирій Петровичъ, юридическій геній, и

помѣщикъ Свидригайловъ, крайне сложная натура, сластолюбецъ, увлекшійся сестрою Раскольникова и всячески преслѣдующій ее. Это разсудительный человекъ, съ умомъ; хотя у него на душѣ нѣсколько убійствъ, въ которыхъ онъ не раскаивается, онъ обладаетъ мужествомъ и чувствомъ чести на свой особенный ладъ. Какъ убійца изъ эгоизма, съ многочисленными особенностями въ своемъ образѣ дѣйствій и своемъ образѣ мыслей, онъ образуетъ полную противоположность герою книги, который возмущается утвержденіемъ Свидригайлова, будто у нихъ есть много общихъ чертъ.

Описаніе характеровъ у Достоевскаго въ этомъ романѣ необыкновенно хорошо проведено: оно смѣло и глубоко. И все же оно на манеръ Диккенса оставляетъ почти не описанною половую жизнь, хотя мѣстами затрогиваетъ ее. Въ этой области поэтъ не отступаетъ и передъ противорѣчащими разуму явлениями: онъ описываетъ, напр., нравственно непорочную проститутку, отдающуюся первому встрѣчному и все же сіяющую чистотою; она напоминаетъ болѣе объ антитезѣ въ образахъ Виктора Гюго, чѣмъ о реальной личности.

Робость передъ описаніемъ естественной чувственной жизни тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что здѣсь, какъ вообще во многихъ произведеніяхъ Достоевскаго, поэтъ часто останавливается на противоестественныхъ, возмутительныхъ половыхъ стремленіяхъ. Вспомните возмутительное влеченіе Свидригайлова къ маленькимъ тѣдешнымъ дѣвочкамъ. Сравните при этомъ ужасный допросъ въ Бѣсахъ, когда Шатовъ задаетъ Ставрогину вопросъ: правда ли, что онъ въ бытность свою въ Петербургѣ принадлежалъ къ тайному обществу, имѣвшему цѣлю удовлетвореніе неестественныхъ потребностей, и правда ли, что онъ говорилъ, будто маркизъ де-Садъ могъ бы поступить въ школу къ нему и что онъ соблазнилъ и изнасиловалъ многихъ дѣтей.

Ясно, что фантазія Достоевскаго часто останавливалась на такихъ противоестественныхъ явленіяхъ именно потому, что ходъ теченія его мыслей не давалъ простора для здоровой чувственности. Его страсть описывать физическія страданія, большое мѣсто, которое онъ отводитъ описанію жестокостей, указываютъ также на противоестественныя чувственныя желанія. Удивительно, что Тургеневъ не разъ повторяетъ сравненіе между Достоевскимъ и маркизомъ де-Садъ. Это происходитъ, конечно, отчасти отъ раздраженія при видѣ того, какъ его соперника возводятъ въ санъ святого; но, очевидно, что Тургеневъ былъ въ то же время глубоко убѣжденъ, что между этими двумя людьми существовало дѣйствительно нѣкоторое сродство въ чувственномъ и психологическомъ отношеніи.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что талантъ Достоевскаго имѣлъ своимъ спутникомъ извращенную нервозность.

Какъ ни высоко стоитъ романъ Преступленіе и Наказаніе въ дѣлѣ обрисовки характеровъ, но онъ страдаетъ отъ несовершенства изложенія. Разговоры, несомнѣнно, составляютъ самую лучшую часть книги. Какъ только говорить самъ писатель,—искусство понижается. Достоевскій не сумѣлъ на подобіе

Тургенева почерпнуть у французовъ ихъ умѣніе рассказывать: онъ перенялъ у нихъ только ихъ идеаль челоѣколюбія, народническую основную точку зрѣнія, схожую у него съ Луи Бланомъ и Викторомъ Гюго.

Будучи однимъ изъ величайшихъ поэтовъ своего времени, Достоевскій не былъ великимъ художникомъ. Онъ отдавалъ свои сочиненія въ печать въ томъ видѣ, въ какомъ писалъ ихъ, не дѣлая къ нимъ никакихъ добавленій, не перерабатывая и не пересматривая ихъ. Онъ не старался придать имъ возможно большее совершенство, сокращая или урѣзывая ихъ, но работалъ точно писатель, взявшій на себя поденную работу, вслѣдствіе чего изложеніе является у него мѣстами слишкомъ растянутымъ и многорѣчивымъ.

Такъ, напр., относительно этого лучшаго его произведенія можно съ увѣренностью сказать, что, когда онъ писалъ первую его часть, онъ не имѣлъ никакого понятія о статьѣ, которую заставилъ Раскольникова написать о своемъ ученіи во второй части. Нѣкоторыя фразы въ первой части противорѣчатъ ей и заставляютъ думать, что герой никогда не могъ бы ее написать. Затѣмъ мало согласуются съ современнымъ искусствомъ обороты, которые поэтъ употребляетъ во многихъ мѣстахъ своего романа, въ родѣ слѣдующихъ: „оказалось потомъ, что въ этотъ же вечеръ онъ сдѣлалъ и еще одинъ весьма эксцентрическій и неожиданный визитъ,“ или: „припоминая это время потомъ, уже долго спустя, онъ догадывался, что сознаніе его иногда какъ бы тускнѣло“, или: „даже потомъ, впоследствии, когда она припоминала эту минуту, ей становилось и страшно, и чудно: почему именно она такъ сразу увидѣла тогда, что нѣтъ уже никакихъ сомнѣній“ и т. д. Помощью такихъ оборотовъ поэтъ старается искупить недостатки и небрежности описанія. Въ одномъ мѣстѣ, впрочемъ, Достоевскій пишетъ съ наивностью добраго стараго времени: „опускаемъ весь этотъ процессъ, посредствомъ котораго онъ дошелъ до послѣдняго рѣшенія; мы и безъ того слишкомъ забѣжали впередъ... Прибавимъ только, что фактическія, чисто матеріальныя затрудненія дѣла вообще играли въ умѣ его самую второстепенную роль.“ Забѣганіямъ впередъ и извиненіямъ за нихъ такъ же мало мѣста въ романѣ, какъ и прорѣхамъ и заплатамъ прорѣхъ.

Уже въ Преступленіи и Наказаніи мы видимъ, въ какомъ смыслѣ Достоевскій называлъ себя поэтомъ пролетаріата. Никто такъ, какъ онъ, не понималъ и не зналъ такъ хорошо какъ умственный пролетаріатъ, такъ и пролетаріатъ невѣжества.

Главное качество, обнаруживаемое имъ при описаніи этого пролетаріата, — душевное ясновидѣніе, которое покидаетъ его, когда онъ приступаетъ къ характеристикамъ лицъ изъ высшаго общества (см., напр., князя въ романѣ: Униженные и Оскорбленные). Сила и обширность этого ясновидѣнія замѣтны въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда здоровое душевное состояніе граничитъ съ безуміемъ. Разсматривая разнаго рода душевныя состоянія людей, Достоевскій обнаруживаетъ увѣренный взглядъ психіатра, но съ нимъ происходитъ то же,

что случается иногда съ великими психіатрами: привычка имѣть постоянно передъ глазами душевную неуравновѣшенность заставляетъ его видѣть повсюду болѣзненные явленія и нерѣдко нарушаетъ равновѣсіе его собственного разсудка.

Онъ охотно пролагаетъ себѣ путь по узкой раздѣльной линіи, отдѣляющей здравый образъ мыслей отъ экзальтированнаго и нормальный образъ дѣйствій отъ преступнаго. Съ этого низкаго и узкаго водораздѣла глядитъ онъ въ обѣ стороны и никогда не забываетъ обратить вниманіе читателя на то, какъ узка и низка эта линія раздѣла между здоровьемъ и болѣзنیю, между справедливостью и несправедливостью. Съ особенною виртуозностью рисуетъ онъ то умственное головокруженіе, которое заставляетъ людей бросаться очертя голову въ бездну преступленія или самопожертвованія. Никто не знаетъ такъ хорошо, какъ онъ, привлекательную силу этой бездны.

Въ качествѣ знатока душевной жизни онъ великій діагностъ въ дѣлѣ распознаванія болѣзней. Необыкновенная чуткость, являющаяся слѣдствіемъ его эпилептической природы, составляетъ въ то же время и его силу. Его собственная болѣзненность, его нервность, его аберація чувствъ, его падучая приписываются имъ и тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ изображаетъ. Ужасъ, охватившій его впервые, когда онъ услышалъ свой смертный приговоръ, а затѣмъ когда онъ ждалъ предстоящаго ему наказанія плетью, воскресаетъ въ его герояхъ, даетъ себя знать въ ихъ поведеніи передъ грозящимъ имъ наказаніемъ (Раскольниковъ, множество лицъ въ Запискахъ изъ мертваго дома, Дмитрій въ Братьяхъ Карамазовыхъ), но, можетъ быть, выступаетъ яснѣе всего въ Идіотѣ (князь Мышкинъ), гдѣ герой тотчасъ въ началѣ книги описываетъ камердинеру ужасъ, испытываемый осужденнымъ на смерть. Здѣсь развивается мысль, что убійство на основаніи смертнаго приговора гораздо возмутительнѣе, чѣмъ самое ужасное уголовное убійство, и рѣчь заканчивается слѣдующими словами: „быть можетъ, существуютъ люди, которымъ смертный приговоръ былъ прочитанъ только для того, чтобы мучить ихъ“. — Всегда этотъ фонъ мученій и страха!

Большинство дѣйствующихъ лицъ въ романахъ Достоевскаго — ясновидящіе. Такими людьми являются, напр., въ Братьяхъ Карамазовыхъ младшій изъ нихъ, Алеша, который читаетъ въ душахъ людей и видитъ все скрытое въ нихъ, и благородный монахъ Зосима, святой романа, который предвидитъ искушеніе къ отцеубійству, которое должно овладѣть Дмитріемъ, и въ порывѣ тайнаго благоговѣнія бросается передъ нимъ на колѣни, какъ передъ самымъ большимъ грѣшникомъ и потому наиболѣе близкимъ къ спасенію. Падучею болѣзнію страдаютъ герой въ Идіотѣ, князь Мышкинъ, и убійца въ Братьяхъ Карамазовыхъ, Смердяковъ.

Такъ какъ въ описаніи болѣзненныхъ явленій заключается сила Достоевскаго, то вполне естественно, что три наиболѣе выдающіяся его книги описываютъ преступные типы. Мы находимъ ихъ какъ въ Братьяхъ Карамазовыхъ, такъ и въ Запискахъ изъ мертваго дома, но Преступ-

леніе и Наказаніе доставляетъ все же самый типическій экземпляръ его мастерскаго умѣнія изслѣдовать и разбирать душевныя явленія. Преступленіе развертывается въ этой книгѣ во весь ростъ, начиная отъ зародышеваго состоянія его и кончая приносимыми имъ плодами. Какъ знатокъ болѣзненныхъ состояній души, какъ поэтъ „духовной горячки“, Достоевскій не имѣетъ себѣ равнаго.

Вполнѣ естественно, что у писателя, отличающагося такимъ исключительнымъ психологическимъ направленіемъ, окружающая природа не играетъ почти никакой роли. Изъ ландшафта ему достаточно полосы горизонта, проблеска голубого неба, виднѣющихся изъ мансарды предмѣстья большого города или сквозь высоко поднятое окно въ камерѣ тюрьмы. Все у него сосредоточивается на репликахъ, разговорахъ, все носитъ драматическій характеръ.

Между всѣми русскими писателями Достоевскій отличается наибольшимъ діалектическимъ искусствомъ. Его сила заключается главнымъ образомъ въ необыкновенномъ умѣніи выставить одну реплику за другою въ моментъ спора. Въ бесѣдахъ съ самимъ собою—Достоевскій очень любитъ монологи—его дѣйствующія лица изслѣдуютъ занимающій ихъ вопросъ съ разныхъ сторонъ до мельчайшихъ подробностей. Разговоръ превращается у нихъ въ нѣчто въ родѣ допроса, въ продолжительную борьбу между людьми, которые, такъ сказать, вырываютъ другъ у друга сокровенныя тайны. Мельхіоръ де-Вогюе говоритъ о Достоевскомъ весьма мѣтко, что онъ соединяетъ настроеніе сестры милосердія съ духомъ великаго инквизитора. Совершенно вѣрно тотъ же писатель замѣтилъ по поводу его, что его дѣйствующія лица, такъ сказать, никогда не показываются намъ въ спокойномъ состояніи, прислушиваясь къ голосу разсудка. Никогда никто изъ нихъ не сидитъ тихо у стола, занимаясь тѣмъ или другимъ дѣломъ. Вотъ что мы всегда читаемъ у Достоевскаго:—Онъ лежалъ на диванѣ съ закрытыми глазами, но не спалъ...—Онъ шелъ по улицѣ, не зная, гдѣ находится... Онъ стоялъ неподвижно, со взоромъ, упорно устремленнымъ на одну точку въ пустой комнатѣ.—Они никогда не обѣдаютъ, но по ночамъ пьютъ чай.—Они почти не спятъ, а когда спятъ, тогда видятъ сны ¹⁾.

Ничто не можетъ быть дальше отъ нихъ и ихъ автора, какъ западноевропейскій кодексъ чести, рѣзче всего выступающій въ драмахъ Кальдерона и встрѣчающійся еще какъ пережитокъ рыцарской эпохи въ романскомъ и германскомъ обществахъ. Въ томъ мірѣ, который Достоевскій открываетъ намъ, самыя оскорбительныя обвиненія и даже ударъ по лицу не представляютъ ничего позорнаго для пострадавшаго человѣка. Въ христіанскомъ духѣ, въ соответствии съ національнымъ ученіемъ о вознагражденіи, страданіе изображается почти какъ благо. Одно лицо у Достоевскаго говоритъ: Я боюсь не быть достойнымъ своихъ мученій. Къ страданію относятся, какъ къ отличію. Оно всегда искупаетъ кого

¹⁾ Vogué: Le Roman russe, 257.

нибудь или что-нибудь. Страданіе изглаживаетъ то преступленіе, которое породило его.

Болѣе того: страданіе представляется въ этомъ мірѣ на изнанку искушеніемъ. Шатовъ говоритъ Ставрогину (Бѣсы): „Знаете ли вы, почему вы тогда женились такъ позорно и подло?.. Вы женились по страсти къ мучительству, по страсти къ угроженіямъ совѣсти, по сладострастію нравственному. Тутъ былъ первый надрывъ“. И такое утвержденіе не единственное.

Поэтому въ высшей степени характеристичное и чисто византійски-христіанское влеченіе къ жизни кажется Достоевскому зломъ. Это онъ таинственно воплотилъ въ лицѣ трехъ братьевъ Карамазовыхъ. Атеистъ Иванъ говоритъ своему младшему брату: „Знаешь... не вѣруй я въ жизнь... порази меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія, а я все же захочу жить и ужъ какъ припалъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его весь не осилю... Я спрашивалъ себя много разъ: есть-ли въ мірѣ такое отчаяніе, чтобы побѣдило во мнѣ эту изступленную и неприличную, можетъ быть, жажду жизни, и рѣшилъ, что, кажется, нѣтъ такого, т. е. опять до тридцати этихъ лѣтъ, а тамъ уже самъ не захочу,—мнѣ такъ кажется. Эту жажду жизни иные чахоточные сопляки-моралисты называютъ часто подлюю, особенно поэты. Черта-то она отчасти Карамазовская, это правда, жажда-то эта жизни не смотря ни на что... въ тебѣ она тоже непремѣнно сидитъ,—но почему же она подлая?“...

Хотя жажда жизни признается въ нѣкоторомъ отношеніи зломъ, но и страданье не всегда бываетъ благомъ. Достоевскій, не смотря на свое безсознательно-жестокое кореніе надъ мученіями и на свое якобы наслажденіе мученіями,—слишкомъ добрый, чуткій, нервный и чувствительный человѣкъ, чтобы не испытывать въ то же время и состраданія. Состраданіе обращается у него даже во что-то въ родѣ религіи, и часто дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на его убѣжденія и на его религіозное настроеніе. Онъ достаточно діалектикъ, чтобы не раздражаться иногда грозными филиппиками противъ судьбы, исходя изъ земныхъ страданій. Прочитайте, напр., перечисленіе, которое дѣлаетъ Иванъ, всѣхъ человѣческихъ жестокостей противъ беззащитныхъ животныхъ, противъ маленькихъ дѣтей, его изслѣдованіе всѣхъ этихъ утонченныхъ издѣвательствъ: маленькая лошадка, которую сѣкутъ по глазамъ; семилѣтняя дѣвочка, которую бьютъ розгами; пятилѣтняя дѣвочка, которую въ ночной холодъ зимою запираютъ въ отхожемъ мѣстѣ, а за то, что она не просилась ночью, ей обмазываютъ все лицо ея же каломъ и заставляютъ ѣсть этотъ калъ; восьмилѣтній крѣпостной мальчикъ, котораго одинъ генералъ затравилъ своими собаками,—и за всѣ эти ужасы никакихъ наказаній! „Быть можетъ, все это принадлежитъ къ небесной гармоніи, говоритъ Иванъ къ концу своей рѣчи,—настанетъ вѣнецъ познанія и все объяснится. Но вотъ тутъ-то и запятая, этого-то я и не могу принять. Пока еще время—спѣшу оградить себя, а потому-то отъ высшей гармоніи совершенно отказываюсь. Не стоитъ она слезинки хотя бы одного только замученнаго ребенка“.

Молодой святой Алепа опровергаетъ сомнѣнія Достоевскаго слѣдующими словами: „Но Существо это есть, и Оно можетъ все простить, всѣхъ и вся и за все, потому что Само отдало неповинную кровь свою за всѣхъ и за все“.

Съ необыкновеннымъ величіемъ и искусствомъ Достоевскій развилъ занимавшій его религиозный вопросъ въ остроумной поэмѣ Великій инквизиторъ, которую онъ вкладываетъ въ уста Ивана, сочинившаго ее; изъ-за нея одной стоитъ перевести Братьевъ Карамазовыхъ на датскій языкъ.

Христосъ вернулся на землю. Въ самое страшное время инквизиціи, когда во славу Божию въ странѣ ежедневно горѣли костры, онъ послѣ одного изъ такихъ аутодафе, во время котораго сожжена была чуть не цѣлая сотня еретиковъ, является въ Севилью, снисходя тихо, незамѣтно, на „стогны жаркіе“ южнаго города. Всѣ узнаютъ его, народъ съ непобѣдимою силою стремится къ нему, онъ благословляетъ его. Но тутъ великій инквизиторъ, девяностолѣтній старецъ, велитъ его схватить, заключить въ темницу для осужденныхъ на костеръ и запереть въ ней. Среди ночи онъ навѣщаетъ своего Плѣнника. Поэма состоитъ изъ бесѣды между инквизиторомъ и Христомъ, или, скорѣе, изъ длиннаго монолога перваго, который не прерывается ни единымъ отвѣтомъ со стороны его собесѣдника,—монолога, въ которомъ кардиналъ доказываетъ Спасителю, какъ много Онъ сдѣлалъ зла, когда вернулся на землю и разрушилъ дѣло рукъ вѣрующихъ въ Него, и заявляетъ Ему о своемъ непреклонномъ рѣшеніи велѣть сжечь Его живьемъ какъ еретика, чтобы вновь водворить на землѣ миръ. Инквизиторъ указываетъ Христу, какія ошибки, политическія ошибки, Онъ совершилъ въ своей жизни. Самая главная изъ нихъ была та, что Онъ не послѣдовалъ предложенію искусителя превратить камни въ хлѣбъ, а открылъ себя людямъ съ пустыми руками. Благодаря этому Онъ тѣмъ, кто возставалъ противъ него, далъ возможность собраться вокругъ знамени съ надписью: „накорми, а тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели“.—Мы же,—продолжалъ кардиналъ:—даемъ имъ хлѣба. Мы умѣемъ лгать и говоримъ отъ Твоего имени. И они кончаютъ тѣмъ, что приносятъ намъ свою свободу, кладутъ ее къ нашимъ ногамъ, и умоляютъ насъ дать имъ цѣпей и хлѣба. Существуютъ на землѣ только три силы,—единственныя три силы, могущія на вѣки побѣдить и плѣнать совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ, для ихъ счастья—эти силы: чудо, тайна и авторитетъ. Ты отвергъ и то, и другое, чтобы провозгласить на мѣсто ихъ свободу, которой именно необходимо было лишить ихъ, и любовь, которая безсильна⁴ управлять людьми. Поэтому оказалось необходимымъ исправить и улучшить Твое дѣло, исправить его властью Рима и мечомъ Цезаря и сдѣлать несчастными нѣсколько сотенъ тысячъ, искоренить ихъ по возможности, чтобы обезпечить благо миллионовъ. „Завтра сожгу Тебя. Dixi“.

Христосъ слушалъ его молча, проникновенно и тихо смотря ему въ глаза, затѣмъ также молча приблизился къ старику и тихо поцѣловалъ его въ его безкровныя девяностолѣтнія уста.

Тогда старикъ вздрогнулъ, открылъ дверь камеры и сказалъ: „Ступай и не приходи болѣе... не приходи вовсе... никогда, никогда!“

Эта поэма какъ бы внушена автору минутою невѣрія, но она показываетъ ясно, съ какою серьезностью и многосторонностью Достоевскій изслѣдовалъ различные вопросы и давалъ на нихъ отвѣты.

Періодъ съ 1871 по 1881 былъ самый спокойный въ жизни Достоевскаго. Его второй бракъ способствовалъ упорядоченію его экономическаго положенія. Своею популярностью онъ превосходилъ всѣхъ остальныхъ писателей, которые вначалѣ считались равными ему; особенно потускнѣла слава Писемскаго по сравненію съ нимъ. Его популярность превосходила даже популярность Тургенева, затмевавшаго до сихъ поръ его; все недовольство, возбужденное великимъ романистомъ среди радикаловъ и славянофиловъ, обратилось на нѣкоторое время въ пользу Достоевскаго. Когда въ 1880 г. произошло въ Москвѣ открытіе памятника Пушкину, получившее характеръ національнаго праздника, на которомъ величайшіе писатели произносили рѣчи, тургеневская рѣчь вызвала шумные аплодисменты, но рѣчь Достоевскаго возбудила настоящий взрывъ восторга, сопровождаемый рыданіями; писателя подняли по окончаніи ея на руки и понесли.

Въ своемъ мѣсячномъ листкѣ, Дневникъ Писателя, Достоевскій провозгласилъ вѣру въ Россію, какъ обязанность, и съ равносильною горячностью напалъ на русскую „интеллигенцію“ и на западно-европейскую культуру, которая представлялась ему въ образѣ Вавилона и Содома. По его смерти его провозгласили величайшимъ народнымъ писателемъ. Печаль по поводу его кончины обратилась въ общенародное горе: 40,000 человекъ слѣдовали за его гробомъ. Русскіе студенты послали его женѣ открытое письмо, въ которомъ говорили, между прочимъ, что идеалы Достоевскаго никогда не будутъ забыты, а будутъ передаваться отъ одного поколѣнія къ другому, какъ дорогой завѣтъ великаго возлюбленнаго учителя... Память о немъ никогда не исчезнетъ изъ сердецъ русской молодежи и, любя его, они научатъ и своихъ дѣтей любить и понимать человѣка, котораго они теперь такъ горько и такъ безутѣшно оплакиваютъ... Достоевскій будетъ всегда озарять молодежь путь въ предстоящей ей жизненной борьбѣ; она всегда будетъ помнить, что никто иной, какъ онъ, заставилъ ее понять, что существуетъ возможность сохранить неприкосновенною чистоту души во всякомъ положеніи жизни и при всякихъ обстоятельствахъ.

По его смерти, какъ мы видимъ, послѣднее слово надъ нимъ было сказано славянофильскимъ направленіемъ.

Толстой.

Последній великій реалистическій бытописатель и мечтатель Россіи, графъ Левъ Николаевичъ Толстой, болѣе могучъ, чѣмъ Тургеневъ, и болѣе здоровъ, чѣмъ Достоевскій. Съ Тургеневымъ его сближаетъ характеризующій его пессимизмъ, съ Достоевскимъ—его славянская набожность и его вѣра въ русскаго простолюдина. Съ послѣднимъ же у него общее недовѣріе къ западно-европейской культурѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что Толстой распространяетъ его на всю цивилизацію.

Его фантазія—многообъемлющая, эпическая. Относительно него является справедливымъ положеніе Вишера, что романъ—современный эпосъ. Онъ не только, подобно другимъ писателямъ, изобразилъ извѣстныя степени культуры и жизнь такъ называемаго хорошаго общества въ русскихъ столицахъ и внѣ ихъ, но въ своемъ наиболѣе выдающемся произведеніи нарисовалъ и цѣлую эпоху, войско, народъ и историческій моментъ громадной важности: походъ Наполеона въ Россію и его пораженіе на русской почвѣ.

Толстой родился 28 августа 1828 г. въ имѣніи Ясная Поляна въ Тульской губерніи, потерялъ въ 1837 г. своего отца, поступилъ въ 1843 г. въ университетъ, занимался юридическими науками и восточными языками, но уже черезъ три года вернулся въ свое помѣстье. Въ 1851 г. онъ поступилъ на военную службу и отправился на Кавказъ, принималъ участіе въ Крымской войнѣ, присутствовалъ при сраженіи на Черной рѣчкѣ и во время штурма Севастополя, а послѣ заключенія мира вышелъ въ отставку. Въ 1857 г. онъ совершилъ первое свое заграничное путешествіе, направляясь черезъ Германію и Италію. Въ своемъ имѣніи, гдѣ онъ сблизился съ крестьянами и изучалъ ихъ нравы и характеръ, онъ основалъ школу и много размышлялъ о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать для простого народа. Въ 1862 г. онъ женился. Первоначально онъ собирался писать большой романъ о „декабристахъ“, но затѣмъ отказался отъ этой мысли и занялся другой, въ результатъ которой получился романъ Война и миръ (1865—68). Въ 1878 г. послѣдовала Анна Каренина, затѣмъ появились повѣсти, драмы, брошюры, народные рассказы, признанія и т. д.

Характеристическою чертою для выясненія реализма Толстого въ описаніяхъ представляетъ то обстоятельство, что онъ начинаетъ свою литературную

дѣятельность въ качествѣ самонаблюдателя и автобіографа. Въ главныхъ своихъ произведеніяхъ Тургеневъ совершенно стѣсняется на задній планъ. Если мы иногда различаемъ въ произведеніяхъ Достоевскаго поэта, то это именно въ тѣхъ фигурахъ, которыя приносятъ себя въ жертву для другихъ и встрѣчаютъ со стороны другихъ въ благодарностъ только одно пренебреженіе, потому что имъ не хватаетъ тѣхъ привлекательныхъ качествъ, которыми блещутъ болѣе низменные лица. Таковъ рассказчикъ Иванъ Петровичъ въ романѣ Увиженные и Оскорбленные. Проблескъ такого же типа замѣчается въ старомъ Макарьѣ Алексѣевичѣ въ Бѣдныхъ Людяхъ. Трогательно скромнымъ, даже смиреннымъ является самоописаніе въ Запискахъ изъ мертваго дома, хотя авторъ даетъ понять, что всѣ остальные признаютъ рассказчика выдающимся лицомъ. Но всякій разъ, когда Достоевскій беретъ себя въ модель, онъ рисуетъ существо, отличающееся необыкновенною добротою. Въ своемъ романѣ Идіотъ онъ изобразилъ себя въ лицѣ героя, князя Мышкина. Последній—геній, обладающій громадными дарованіями, но совершенное дитя по простотѣ и чистотѣ. Двадцать четыре года страдалъ онъ отъ неизлѣчимой болѣзни, падучей, поэтому съ кротостію сноситъ то, что хотя онъ обладаетъ всѣми своими способностями, съ нимъ обращаются, какъ съ сумасшедшимъ или больнымъ, какъ съ человѣкомъ, съ которымъ каждую минуту можетъ приключиться припадокъ. Онъ не умѣетъ всегда совладать со своими мыслями, и, какъ онъ самъ говоритъ,—употребляетъ нерѣдко слова, не подходящія къ тѣмъ высокимъ представленіямъ, которыя онъ хочетъ выразить, и поэтому унижающія ихъ. Но между тѣмъ среди его окружающихъ нѣтъ ни одного, который бы могъ сравниться съ нимъ. Это провозглашаетъ самъ Достоевскій черезъ посредство молодой дѣвушки: „Здѣсь ни одного нѣтъ, который бы стоилъ такихъ словъ!—разразилась Аглая,—здѣсь всѣ, всѣ не стоятъ вашего мизинца, ни ума, ни сердца вашего! Вы честнѣе всѣхъ, благороднѣе всѣхъ, лучше всѣхъ, добрѣе всѣхъ, умнѣе всѣхъ!“

Когда же Толстой начинаетъ описывать самого себя, то онъ дѣлаетъ это лишь потому, что можетъ описывать только то, что знаетъ. Онъ рассказываетъ свою жизнь въ дѣтствѣ и юности (Дѣтство и Отрочество), затѣмъ косвенно, но довольно прозрачнымъ образомъ, излагаетъ свои приключенія въ бытность свою офицеромъ на Кавказѣ (Казаки) и свои воспоминанія изъ времени войны (Севастополь). Повсюду, гдѣ онъ описываетъ себя, выступаетъ ярко наружу его критическое и ироническое отношеніе къ самому себѣ. Онъ разоблачаетъ передъ нами свои слабости, указываетъ намъ на свои дурныя поступки. Никогда не производитъ онъ впечатлѣнія благороднаго существа. Напротивъ того, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ меньше всего удается завоевывать себѣ людское расположеніе и которые не заслуживаютъ большаго счастья, чѣмъ то, которое выпало на ихъ долю. Въ Казакахъ его Оленинъ, какъ Печоринъ у Лермонтова,—живущій на Кавказѣ офицеръ изъ такъ называемаго изящнаго общества. Но между тѣмъ какъ Печоринъ, не смотря на свою

холодность, встрѣчаетъ повсюду у женщинъ самое теплое къ себѣ отношеніе. Олевинъ за свою продолжительную любовь къ одной казачкѣ, дочери природы, возбуждаетъ въ ней такое къ себѣ раздраженіе и презрѣнье, что она даже не хочетъ повернуть головы въ его сторону, когда онъ уѣзжаетъ. У Лермонтова высоко развитой человѣкъ привлекателенъ, даже когда онъ истощенъ наслажденіями; Толстой, напротивъ того, употребляетъ все усилія, чтобы доказать превосходство непосредственныхъ натуръ надъ натурами, составляющими плодъ искусственного образованія. И съ этою его любовью къ природѣ и восхищеніемъ ею связано и то обстоятельство, что картины природы Кавказа, которыя у Героя нашего времени представляютъ только рамку, сливаются въ Казакахъ съ свѣжестью и силою человѣческой природы. „Вѣчные, неприступные снѣга горъ и величавая женщина въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ своего Творца... я любовался ею, какъ красотою горъ и неба, и не могъ не любоваться ею, потому что она прекрасна, какъ и овѣ... можетъ быть, я въ ней люблю природу, олицетвореніе всего прекраснаго въ природѣ“. Чувствуешь, что нѣчто совсемъ другое, чѣмъ прославленіе себя, дорого сердцу поэта: вѣрность дѣйствительности.

Эта именно вѣрность дѣйствительности господствуетъ вездѣ у Толстого: во первыхъ, тамъ, гдѣ собственный характеръ поэта проявляется въ измышленныхъ имъ образахъ, напр. въ нѣкоторыхъ тяжеловѣсныхъ натурахъ, въ сильныхъ и застѣнчивыхъ мужчинахъ, которые, не обладая особенною энергіею, позволяютъ себѣ плыть по теченію, пока пробужденіе религіознаго характера не вызываетъ наружу лучшія ихъ способности: таковы Безуховъ въ Войнѣ и Мирѣ, Левинъ въ Аннѣ Карениной.—Затѣмъ тамъ, гдѣ Толстой описываетъ будничную жизнь чуждыхъ ему натуръ, какъ въ прекрасной, реально-грустной повѣсти Семейное счастье, производящей на насъ глубокое дѣйствіе однимъ только изображеніемъ того, какъ возникаютъ жизненные иллюзіи, какъ онѣ развиваются и утрачиваются. Здѣсь описывается ростъ любви, ея расцвѣтъ, а затѣмъ медленное превращеніе, понижющее любовь двухъ супруговъ до степени дружбы, и заставляющее, наконецъ, вѣжность къ дѣтямъ поглотить все другія страсти. Это сама будничная жизнь безъ малѣйшаго романтическаго дѣйствія.

Рядомъ съ реалистическимъ изображеніемъ жизни насъ поражаетъ у Толстого даръ предвидѣнія, предугадыванія. Онъ обладаетъ въ высшей степени рѣдкою историческою фантазіею.

Онъ, конечно, достаточно современный умъ, чтобы не дѣлать попытки вызывать на сцену отдаленныя, давно уже исчезнувшія личности. Онъ заходитъ назадъ лишь до такой эпохи, когда онъ еще можетъ въ своемъ изложеніи опираться на традицію, полную жизни и свѣжести. И все же его описаніе такой исторической эпохи прошлаго, какъ эпохи Александра I, просто поразительно. Его историческіе портреты производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто они на-

рисованы на основаніи его личныхъ воспоминаній. Блестящими примѣрами въ этомъ отношеніи являются Наполеонъ и Кутузовъ.

Среди враждебно настроенныхъ противъ Наполеона характеристикъ его, быть можетъ, только двѣ при изображеніи личности императора производятъ впечатлѣніе правды, не смотря на непріязненный взглядъ автора на Наполеона, и написаны съ дѣйствительною художественною силою. Одна изъ нихъ принадлежитъ перу Альфреда де Виньи—это его замѣчательное описаніе бесѣды Наполеона съ папою въ *Servitude et grandeur militaire*, другая—перу Толстого: это сцена аудіенціи, которую Наполеонъ даетъ русскому послу Балашеву въ Войнѣ и Мирѣ. Она написана такъ, какъ будто самъ асторъ невидимо присутствовалъ при ней.

Какъ краснорѣчива слѣдующая небольшая черта, рисующая Наполеона: „бѣлая пухлая шея его рѣзко выступала изъ-за чернаго воротника мундира; отъ него пахло одеколономъ“.

Чувствуешь выскочку въ этой мелкой подробности!

Кутузовъ Толстого охарактеризованъ съ такимъ же искусствомъ. Но если онъ сильно выдается, какъ художественное произведеніе, онъ обнаруживаетъ большіе недостатки, какъ портретъ. Толстой изъ національныхъ и религіозныхъ причинъ слишкомъ много приписалъ Кутузову и слишкомъ мало Наполеону. У Наполеона авторъ выставляетъ въ особенности на видъ его деспотизмъ, его дерзкое высокомеріе, являвшееся непосредственно причиною его паденія, но въ описаніи его отсутствуетъ одно впечатлѣніе—геніальности. У Кутузова даже бездѣтельность, даже вялость прославляются, какъ выраженіе глубокаго пониманія того, въ какой сильной степени событія идутъ своимъ чередомъ, какъ они хотятъ, или, скорѣе, какъ они могутъ, и какъ мало можетъ оказать вліянія на нихъ вмѣшательство единичнаго лица.

Это пристрастіе зависитъ всецѣло отъ оригинальнаго міровоззрѣнія Толстого. Не обладая ни нервозностью Достоевскаго, ни его экзальтированностью, онъ такъ же далекъ, какъ и тотъ, отъ почтительнаго отношенія къ человѣческой проницательности и къ человѣческому величію въ политическомъ и научномъ отношеніи.

Въ Германіи писатели вѣрятъ въ разумъ и образованіе, въ Англіи—въ самостоятельную силу, во Франціи—въ способности, въ Скандинавіи—въ „правдивость“. Толстой, какъ это часто встрѣчается у русскихъ, поражается ничтожествомъ отдѣльныхъ людей передъ міровымъ цѣлымъ. Онъ питаетъ благоговѣнное уваженіе къ вселенной и судьбѣ, но не къ наукѣ, искусству или культурѣ.

Не наука или искусство представляютъ для него большое значеніе, нѣтъ. Жизнь и смерть—два великія, серьезныя, непроницаемыя явленія. Великая проповѣдь, которую жизнь и смерть ежедневно произносятъ, поражая имъ слухъ поэта, заглушаетъ для него весь земной шумъ. Человѣческій разумъ кажется ему

такимъ слабымъ лицомъ къ лицу съ загадкою жизни, что самый простой умъ дѣлается равнымъ самому высокому.

И человѣческая воля не представляетъ никакого значенія въ сравненіи съ неуправляемымъ потокомъ историческихъ событій. Въ дѣйствительности не предводитель ведетъ впередъ войско,—имъ руководить и побуждаетъ идти впередъ судьба. Въ дѣйствительности не полководецъ выигрываетъ сраженіе,—оно выиграно или потеряно безъ его содѣйствія, единственно въ силу взаимодѣйствія тайныхъ побудительныхъ силъ.

Типичною сценою для Толстого является та, въ которой раненый князь Андрей лежитъ распростертымъ на полѣ сраженія и смотритъ на небо. Наполеонъ останавливается со своею свитою около раненаго, и онъ, обезсиленный, когда-то такъ безгранично восхищавшійся Наполеономъ, находитъ его теперь маленькимъ и незначительнымъ по сравненію съ тѣмъ, что происходитъ между его собственною душою и необъятнымъ небомъ.

Замѣчательно, что едва ли какой либо другой писатель съ такою увѣренностью и многосторонностью, какъ Толстой, описывалъ какимъ образомъ умираютъ. Онъ вполне знакомъ съ настроеніями, предшествовавшими самоубійству—какъ мужчины, такъ и женщины—съ чувствами, съ какими различные люди, хорошіе и дурные, встрѣчаютъ приближеніе смерти, и съ ужасомъ и конечнымъ освобожденіемъ, которыя смерть всегда приноситъ съ собою. Недостатокъ у Толстого научнаго образованія и отсутствіе въ немъ вѣры въ человѣческій разумъ привели къ созданію идеала, въ основѣ котораго лежитъ природа. Идеалъ этотъ не соотвѣтствуетъ идеалу Руссо, потому что онъ запечатлѣнъ религіознымъ характеромъ; но онъ нѣсколько напоминаетъ его. Крестьянинъ Каратаевъ въ *Войнѣ и Мирѣ* произвелъ такое глубокое впечатлѣніе на Безухова не только потому, что онъ является вполне непосредственнымъ существомъ, но потому, что онъ отличается тѣмъ самоотреченіемъ и тою христіанскою братскою любовью, которыя отсутствуютъ въ большинствѣ случаевъ у цивилизованныхъ людей.

Толстой истинный романтикъ въ томъ отношеніи, что онъ ищетъ свой идеалъ не впереди насъ, а за нами, въ самыхъ низшихъ классахъ общества. Онъ не вполне извѣрился въ жизнь, потому что, какъ ни мрачно глядитъ онъ на существующее положеніе дѣлъ, онъ стремится постоянно осуществить свой идеалъ и побуждаетъ и другихъ осуществлять его. Благодаря этому пессимизмъ, выступающій въ его сочиненіяхъ, рѣзко отличается отъ того, который въ наши дни царитъ во французской литературѣ и наиболее яркимъ выразителемъ котораго является Гюмансъ, добросовѣстный художникъ, но человекъ, лишенный какихъ бы то ни было надеждъ. Этотъ пессимизмъ заключается въ томъ, что жизнь кажется ему скучною и отвратительною. Все, что онъ видитъ и наблюдаетъ, представляется ему до невыносимаго безобразнымъ и плоскимъ. Онъ страдаетъ и мучится отъ всего, что представляется его взору. Весьма характеристично для него то, что онъ создалъ образъ героя романа, кото-

рый удаляется отъ свѣта и ведетъ совершенно уединенную жизнь и которому реальная, дѣйствительная жизнь до такой степени противна, что онъ замѣняетъ дѣйствительное искусственнымъ, дневной свѣтъ искусственнымъ освѣщеніемъ, и относясь съ презрѣніемъ къ простымъ, немного слишкомъ прянымъ классикамъ, указываетъ съ уваженіемъ на глубоко неестественныхъ писателей (*Des Esseintes*).

Съ этимъ пессимизмомъ у Толстого имѣется только одна точка соприкосновенія: нелюбовь къ тому, что ясно и понятно. Но для типическаго французскаго пессимиста жизнь не представляетъ никакой цѣнности; надъ ея загадкою, по его мнѣнію, не стоитъ и задумываться. Единственное, что эти пессимисты литературы цѣнятъ и любятъ, это искусство. И все то, что они презираютъ въ дѣйствительной жизни, они уважаютъ, когда встрѣчаютъ его въ искусствѣ. Потому что только тогда, когда произведеніе искусства изображаетъ исключительно то, что само по себѣ является вполне будничнымъ и некрасивымъ, можно чувствовать увѣренность, любясь произведеніемъ искусства. Намъ нравится въ этомъ произведеніи лишь само искусство. Любитель искусства любитъ пользоваться, какъ матеріаломъ для него, низменными и грязными явлениями, чтобы получить возможность наслаждаться тѣмъ искусствомъ, съ какимъ этотъ матеріалъ обрабатывается.

Напротивъ того, Толстому жизнь представляется такою серьезною и неисчерпаемою, что его интересъ къ искусству съ самаго начала его дѣятельности былъ совершенно ничтоженъ по сравненію съ тѣмъ интересомъ, какой возбуждался въ немъ вопросами жизни и счастья. Искусство никогда не представляло для него самостоятельнаго значенія, а въ послѣдній періодъ своей жизни онъ сталъ и на свои болѣе раннія работы смотрѣть, какъ на слишкомъ искусственныя. Онъ всецѣло погрузился въ особый родъ христіанскаго социализма чисто личнаго и оригинальнаго характера, и ясно, что если онъ и придаетъ искусству какое-либо значеніе, то лишь какъ органу здраваго міровоззрѣнія, какъ воспитательной для народа силѣ въ грандіозномъ стилѣ.

Трудно согласиться съ воззрѣніемъ на искусство, которое презираетъ форму, презираетъ даже тотъ элементъ, который обращаетъ искусство въ искусство, и издѣвается надъ всею литературою, которая не можетъ быть непосредственно понятною для невѣжественныхъ людей.

Незачѣмъ рассказывать то, что извѣстно всѣмъ, интересовавшимся великимъ русскимъ писателемъ: его раскаяніе по поводу безсмысленной жизни его въ молодости, которая—какъ доказываютъ его юношескія сочиненія—кажется ему гораздо болѣе безсмысленною, чѣмъ какою она въ дѣйствительности была, его исповѣдь, замѣчательная, но вмѣстѣ съ тѣмъ наивная исповѣдь много размышлявшаго человека, не созданнаго быть мыслителемъ, его оригинальныя религіозныя воззрѣнія, воспріятыя имъ изъ христіанства, ученіе о недовольствѣ войны и даже вооруженной защиты, въ которомъ евангельская фраза:—если насъ ударятъ по одной щекѣ, мы должны подставлять другую,—обра-

щается въ краугольный камень религіи. Понятно, что противъ этого можно было бы многое возразить, но насъ занимаютъ не возраженія, а истинно русскій отпечатокъ основной мысли и основного чувства въ этомъ ученіи. Кажется, будто самъ миролюбивый, совершенно не воинственный народный духъ, истинный духъ Россіи, воплотился въ религіозной проповѣди Толстого.

Филологъ Карлъ Абель, сдѣлавъ характеристику малорусскаго и великорусскаго народовъ въ лингвистическомъ отношеніи, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія: ¹⁾ „Существуетъ еще одна національность въ Россіи, важнѣе тѣхъ двухъ, о которыхъ мы только что говорили. Эта въ высшей степени замѣчательная человѣческая разновидность состоитъ изъ высшихъ классовъ государства. Составляя продуктъ смѣшенія различныхъ расъ, толпящихся вокругъ скипетра русскаго царя, эти высшіе классы образуютъ одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ мужественныхъ человѣческихъ типовъ, которые когда-либо существовали на землѣ. У нихъ финскій здравый смыслъ смѣшивается съ польскою смѣлостью, армянская хитрость съ германскою обдуманностью и съ германскимъ методическимъ теченіемъ мыслей, а къ татарской терпѣливой выносливости присоединяется славянская гибкость.“ И онъ объявляетъ, что если Россія такъ много сдѣлала въ области войны и дипломатіи, то этимъ она обязана этой группѣ вождей.

Это, конечно, менѣе всего интересуетъ Толстого, потому что война и дипломатія кажутся ему одинаково мало привлекательными. Весь его интересъ сосредоточивается на тѣхъ, которые до сихъ поръ выказывали слѣпую покорность этому классу вождей. Съ ними онъ старается уравнивать себя по занятіямъ, по одеждѣ и внѣшности, отчасти чтобы вполне познать ихъ чувства и мысли, отчасти чтобы на въ какомъ отношеніи не возвышаться надъ ними.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, очень хладнокровный, разсудительный юристъ, посѣтившій Толстого въ его имѣніи лѣтомъ, не могъ безъ душевнаго волненія говорить объ этомъ посѣщеніи. По поводу слуховъ, распространившихся объ ослабленіи умственныхъ способностей Толстого, онъ говоритъ: Толстой—ясный, проникательный умъ, относящійся въ высшей степени терпимо къ образу мыслей другихъ людей; это человѣкъ ангельской доброты. Онъ постоянно читаетъ все, интересуется горячо всѣмъ, но никогда не вступаетъ въ разговоръ для того, чтобы пропагандировать свои взгляды. Бѣдно одѣтый, почти въ лохмотья, онъ живетъ въ своей семьѣ, которая не раздѣляетъ его убѣжденій, но уважаетъ и боготворитъ его. Его жена—умная дама, хорошая хозяйка въ своемъ домѣ, который она ведетъ на широкую ногу. Сыновья—люди практическіе, занимаются управленіемъ имѣнія. Дочь хорошенькая свѣтская дѣвушка; въ своемъ весьма изящномъ платьѣ она ходитъ на прогулку съ бѣдно одѣтымъ отцомъ и обожаетъ его.

1) Carl Abel: Slavic and Latin. Стр. 15.

Окружающіе состоятъ изъ людей троякаго сорта: полубезумныхъ, которые видятъ въ немъ все, что имъ угодно видѣть, и выводятъ изъ его словъ все, что хотятъ. Затѣмъ люди корыстные, явившіеся къ нему, чтобы извлечь пользу изъ его любви къ человѣчеству, и часто убѣждающіе отъ него недовольными, такъ какъ онъ оказывается не въ состояніи удовлетворить ихъ требованій. Наконецъ газетчики, присланные всевозможными газетами, которые пишутъ о немъ сообразно съ направленіемъ приславшихъ ихъ редакцій.

Толстой учитъ прежде всего, что человѣкъ долженъ быть счастливъ подобно тому, какъ онъ долженъ быть чистъ. Чтобы быть счастливымъ надо имѣть возможно меньше потребностей. Отсюда необходимость возвращенія къ первобытному состоянію, которое Толстой находитъ въ столь несложной жизни крѣстьянина.

Наклонность къ увѣщаніямъ, къ морализированію всегда лежала въ глубинѣ натуры Толстого. Она всегда присутствуетъ у него, быть можетъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ его небольшихъ повѣстей, какъ напр. Люцернъ. Она ярко выказывается въ Войнѣ и Мирѣ, рѣзко проявляется въ Аніѣ Карениной, гдѣ ослабляетъ производимое романомъ впечатлѣніе. Она слишкомъ очевидно выступаетъ наружу въ психологическомъ положеніи, которое мы должны вывести изъ него. Другими словами здѣсь проявляется старая *idée fixe* человѣчества—понятіе о наказаніи; такъ бываетъ съ людьми, которые, и т. д. Причина и дѣйствіе—хотя это и не высказывается прямо—обращаются въ преступленіе и наказаніе.

Дальнѣйшіе годы своей литературной дѣятельности Толстой посвятилъ изданію книгъ для народа. Онъ рѣшился обращаться къ милліонамъ людей вмѣсто того, чтобы обращаться къ десяткамъ тысячъ. Онъ сочинилъ цѣлый рядъ небольшихъ разсказовъ, легендъ, исторій или сказокъ, продавая каждый выпускъ по 1½ коп., съ цѣлью дать русскому рабочему и крестьянину, только что пробуждающемуся послѣ тысячелѣтняго сна, ту пищу, которая подходит къ складу его ума, и тѣ представленія, въ которыхъ онъ нуждается.

Изданныя Толстымъ народныя книжки не годятся для чтенія намъ, людямъ образованнымъ. Но его большая крестьянская драма, вышедшая въ 1887 г., высоко возвышается надъ этими правоучительными брошюрами (Власть тьмы). Это, быть можетъ, наиболѣе мастерское произведеніе великаго оригинала и мыслителя. По своему поэтическому значенію оно принадлежитъ мировой литературѣ, и открываетъ собою для нея новый міръ матеріаловъ.

Хотя эта драма отличается тѣмъ замѣчательнымъ качествомъ, что въ ней нѣтъ ни одного выраженія, непонятнаго для невѣжественной и необразованной массы, тѣмъ не менѣе она слушается съ наслажденіемъ и самыми высокообразованными людьми.

Оригинальная особенность Толстого, малообразованнаго въ научномъ отношеніи, заключается въ томъ, что какъ только рѣчь заходитъ объ экономичес-

кихъ отношеніяхъ, его мысль отказывается проникнуть въ причины несчастій и нужды. Никто изъ тѣхъ, кто прочиталъ его статью О значеніи искусства и науки или, скорѣе, объ отсутствіи въ нихъ значенія, эту попытку проповѣдника-самоучки судить о вещахъ, выходящихъ за предѣлы его пониманія, не удивится, услышавъ, что Толстой считаетъ деньги причиною всего зла. Онъ самъ оказываетъ бѣднякамъ всевозможныя услуги, но никогда не помогаетъ имъ деньгами. Онъ тратитъ свое время на то, чтобы помочь бѣдной женщинѣ поставить печь, но не даетъ ей тѣхъ двухъ рублей, которые ей нужны, чтобы оплатить работу печника, умѣющаго строить лучше и прочнѣе.

Лично онъ богатъ и доходы его очень велики, но онъ всегда говоритъ, что денежныя дѣла входятъ въ область вѣдѣнія его жены. Самъ онъ никогда не имѣетъ при себѣ денегъ, и отъ времени до времени беретъ у своей жены по 15 копѣекъ, чтобы оплатить за мытье въ общей банѣ.

Въ драмѣ Власть тьмы замѣчаются слѣды этой оригинальной у него черты. Вспомните о негодованіи Акима, когда Митричъ объясняетъ ему, какимъ образомъ положенныя въ банкъ деньги даютъ ренту. Всякія ренты и всякаго рода банковыя дѣла кажутся ему обманомъ. Устами стараго крестьянина говорить въ этомъ случай авторъ.

Но въ общемъ онъ съ поразительнымъ самообладаніемъ скрывается за своими дѣйствующими лицами, и драма велика своею необыкновенною реальностью и бѣніемъ великаго, кроткаго сердца, которое слышится изъ-за нея.

Помощью ея мы заглядываемъ въ міръ, гдѣ ни одинъ человѣкъ не обладаетъ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, гдѣ никто не знаетъ ничего опредѣленнаго о чемъ бы то ни было, лежащемъ за предѣлами даннаго села, (даже солдатъ, много странствовавшій по бѣлому свѣту), гдѣ о женщинахъ сказано вполне справедливо: миллионы женщинъ существуютъ на русской землѣ, но всѣ онѣ слѣпы какъ кроты; въ этомъ мірѣ нѣтъ совсѣмъ знаній, а только кое-какіе предразсудки; когда обыватели его умираютъ, они такъ же мудры, какъ и тогда, когда рождаются.

Противъ этой то власти тьмы Толстой направлялъ свѣтовые лучи изъ очага своей фантазіи и своего воодушевленія. Съ нею-то онъ началъ борьбу въ качествѣ воспитателя своего народа. За своею стѣною Асгарда онъ зажегъ свѣтлый костеръ, на которомъ долженъ сгорѣть духъ тьмы, великанъ.

Въ одномъ русскомъ сочиненіи Графъ Л. Н. Толстой в критика на его сочиненія 1886 г. приведенъ цѣлый рядъ портретовъ великаго писателя. Имѣется группа 1856 г., на которой молодой офицеръ изображенъ вмѣстѣ съ Григоровичемъ, Гончаровымъ, Дружининымъ, Тургеневымъ и талантливымъ драматургомъ Островскимъ, другая отъ 1857 г., гдѣ группа состоитъ изъ Тургенева, Соллогуба, Толстого, Некрасова, Григоровича и Панаева. Тамъ же данъ восхитительный портретъ Крамского и много фотографическихъ снимковъ Толстого болѣе зрѣлыхъ лѣтъ.

По нимъ можно прослѣдить, какъ образовывалась и развивалась благодаря внутренней работѣ эта характерная голова. Прежде всего мы видимъ не достигшаго еще тридцатилѣтняго возраста офицера съ военными усами, выстриженными по всѣмъ правиламъ гладкими волосами и уже грустнымъ, суровымъ и глубокимъ взглядомъ, съ выразительнымъ ртомъ, вопросительнымъ и неувѣреннымъ, полнымъ тревоги лицомъ, обнаруживающимъ застѣнчивую, пылкую душу. Всѣ другіе кажутся такими скромными, кроткими рядомъ съ нимъ, который представляется намъ какимъ-то неуловимымъ человѣкомъ, наивно-высокомѣрнымъ.

Года идутъ, подвигается впередъ и развитіе, и эта голова дѣлается совершенно другою. Одно качество выступаетъ впередъ, отбѣсивъ на задній планъ всѣ остальные—сила, сознающая свое превосходство. Въ дальнѣйшихъ портретахъ эта сила производить впечатлѣніе могучей натуры. Вотъ, напр., портретъ Крамского въ возрастѣ между 40 и 50 годами съ гладкими, вьющимися нѣсколько на вискахъ черными волосами, съ громадною черною бородою, покрывающей шею и съ выраженіемъ сосредоточеннаго глубокомыслия и строгости. Нѣтъ больше и слѣда неувѣренности вокругъ этого рта, нѣтъ больше тревоги на лбу; взглядъ—взглядъ ясновидца и мыслителя, проникающаго въ самую глубь вещей. Затѣмъ другой портретъ: Толстой сидитъ у письменнаго стола, представляя чудную картину по величію стили и позы. Такъ именно должна выглядѣть глубокая серьезность и самоуглубленіе. Каждый, смотря на этотъ портретъ, чувствуетъ, что этотъ человѣкъ пашетъ не пустяки, не обыденныя вещи, но что изъ подъ его пера льются сильныя, могучія слова, достойныя того, чтобы ихъ взвѣшивать. Есть еще одинъ болѣе поздній портретъ, гдѣ выраженіе въ глазахъ и около рта приближается къ ужасному, страшному, такъ сильно оно и такимъ превосходствомъ проникнуто. Густыя брови какъ бы угрожаютъ; свободно растущая большая съ просѣдью борода напоминаетъ о древнихъ пророкахъ.

Къ цѣлому ряду портретовъ, приведенныхъ въ книгѣ, слѣдуетъ еще присоединить позднѣйшій портретъ, снятый съ него: извѣстную фотографію 60-лѣтняго Толстого, изображеннаго мужикомъ, въ темной рубашкѣ русскаго крестьянина, опоясаннаго ремнемъ, съ волосами, съ пробормомъ на крестьянскій ладъ, со лбомъ, изборожденнымъ по срединѣ глубокими идущими сверху внизъ морщинами, съ падающею въ беспорядкѣ бѣлоснѣжною бородою, доходящею почти до скрещенныхъ на груди рукъ, съ глубоко огорченнымъ взоромъ мистика, смотрящимъ на васъ въ упоръ такъ, какъ смотрятъ душевно-больные.

Наконецъ, вспомнимъ мастерскій портретъ Рѣпина, получившій такое большое распространеніе въ олеографіяхъ: обширное вспаханное поле съ лѣсомъ въ глубинѣ, посредины пашущіе крестьяне; на аван-сценѣ Толстой, одѣтый крестьяниномъ; онъ пашетъ бѣлою лошадей, запряженною въ старомодный деревянный плугъ, и ведетъ за поводъ другую бѣлую лошадь, которая тащитъ борону.—Это самъ Левъ Николаевичъ, эта могучая, широкоплечая фигура въ бѣлой фуражкѣ, защищающей опущенные глаза отъ солнца, въ голубой, открытой у во-

рота рубашкѣ, которая оставляетъ обнаженную грудь, и въ высокихъ сапогахъ, ступающихъ по богатой землѣ. Нѣтъ здѣсь ничего напоминающаго о графѣ, объ урожденномъ аристократѣ. Толстый, грубый носъ, тяжелая челюсть составляютъ принадлежность русскаго крестьянина. Но какой странный крестьянинъ! Эта осанка, эта грандіозная мощь въ простотѣ! Это крестьянинъ-мыслитель, герой, гений, цивилизаторъ. Это скифскій принцъ Геродота, Kola-kais, это Микула, дитя села, герой земледѣлія съ чудеснымъ плугомъ, который ведетъ свою благословенную борозду по всей необъятной русской равнинѣ. Это національный герой Илья изъ самаго Муромъ, воскресшій изъ мертвыхъ послѣ тысячелѣтняго сна, чтобы вновь пахать русскую землю и почву, герой,—который былъ уже на пути къ богатству, но не сдѣлался богатымъ, а всецѣло слился съ основною русскою идеею—идеею общины.—Толстой, къ которому Тургеневъ обратился на смертномъ одрѣ съ послѣдними словами, написанными карандашомъ: „мой другъ, великій писатель земли русской!“ Толстой въ наши дни является послѣднимъ великимъ пахаремъ громаднаго царства земледѣлія.

Что же онъ пашетъ, что они всѣ готовятъ и обрабатываютъ тамъ, и молодые и старые, всѣ люди, одаренные доброю волею?

Черную землю, плодородную землю, новую землю, землю для посѣва... грандіозную, богатую теплую природу... безконечно разросшуюся, наполняющую душу грустью и надеждою... непроницаемую, глубоко таинственную... материнское лоно для новыхъ явленій жизни и новой мистики... Россію и будущее.

Максимъ Горькій.

(1901 г.).

Максиму Горькому 32 или 33 года,—онъ самъ не знаетъ, когда родился: 14 марта 1868 или 1869 г. Рѣдко слава доставалась такъ быстро на долю писателя: прошло всего 8 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ первый крупный рассказъ его, Челкашъ, былъ напечатанъ Короленко въ журналѣ Русское Богатство. Еще рѣже бываетъ, чтобы писатель, лишенный совершенно литературнаго образованія, достигалъ въ такой ранней молодости міровой извѣстности.

Онъ родился въ Нижнемъ Новгородѣ. Горькій—авонимъ, скрывающій настоящее имя писателя: Алексѣй Михайловичъ Пѣшковъ. Отецъ его былъ обойщикомъ, дѣдъ красильщикомъ, и когда мальчику, какъ сыну ремесленника, пришлось записаться въ какой нибудь цехъ, онъ выбралъ малярный. Пяти лѣтъ отъ роду онъ потерялъ свою мать, девяти лѣтъ—своего отца. Дѣдушка, у котораго онъ научился читать молитвенникъ и псалтырь, отдалъ его въ ученіе къ башмачнику. Но онъ бѣжалъ изъ ученія и получилъ работу у рисовальщика, затѣмъ бѣжалъ и отъ этого хозяина и поступилъ въ услуженіе на одинъ изъ большихъ волжскихъ пароходовъ въ качествѣ поваренка. Свое первое образованіе онъ получилъ отъ повара, который давалъ ему читать разнаго рода книги: былины, повѣсти Гоголя, рассказы Глѣба Успенскаго, романы Дюма-отца. Въ тоже время Горькій воспринималъ первыя грандіозныя впечатлѣнія русской природы, плавая по самой большой рѣкѣ Россіи. Затѣмъ онъ перемѣнилъ мѣсто поваренка на мѣсто помощника садовника и оставался въ этой должности до наступленія пятнадцатилѣтняго возраста.

Но тутъ страсть къ ученію заговорила въ немъ съ особенною силою и онъ поѣхалъ въ Казань въ наивной увѣренности, что въ этомъ ученomъ университетскомъ городѣ ему будутъ даромъ преподавать науку. Такъ какъ это оказалось заблужденіемъ, то онъ вынужденъ былъ поступить въ ученіе къ хлѣбопеку, гдѣ за самую трудную работу, какую ему когда-либо приходилось выполнять, платили всего по три рубля въ мѣсяцъ. Выгода же оказывалась искать случайныхъ занятій на набережныхъ Волги. И вотъ, Горькій сталъ работать то въ качествѣ носильщика, то въ качествѣ дровосѣка, и читалъ въ свободныя промежутки времени все, что добывалъ при помощи добрыхъ людей. Но

онъ зарабатывалъ лишь столько, сколько необходимо было для его пропитанія, и въ 1888 г., пришедши въ отчаяніе, выстрѣлилъ въ себя изъ пистолета. Онъ пролежалъ нѣкоторое время въ госпиталѣ, выздоровѣлъ, и по выходѣ изъ больницы занялся продажей яблокъ. Но такъ какъ эта торговля, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась мало прибыльною, то онъ отправился въ Царицынъ, гдѣ получилъ мѣсто желѣзнодорожнаго сторожа. Оттуда онъ вернулся обратно въ Нижний, чтобы явиться въ воинское присутствіе. Но, — какъ онъ пишетъ, — нельзя было брать на службу человека съ отверстиями въ тѣлѣ; такъ какъ его рана еще не зажила, то онъ былъ освобожденъ отъ воинской повинности и сталъ разбѣзжать по рабочимъ кварталамъ и на рынкахъ съ пивною бочкою, продавая пиво по стаканамъ. Затѣмъ онъ возвысился до мѣста писца въ конторѣ адвоката. Послѣдній, по фамиліи Ланинъ, былъ первый просвѣщенный и великодушный человекъ, встрѣченный Горькимъ на своемъ тяжеломъ пути. Онъ, какъ говоритъ самъ русскій писатель, положилъ первое начало его образованію.

Но все же Горькій не долго выдержалъ и у Ланина. Какъ и для героев его книгъ, бродячая жизнь представляла для него громадную привлекательность. Онъ началъ вновь странствовать по всей великой Руси, зарабатывая себѣ средства существованія то въ качествѣ нагрудника, то какъ хористъ, а на Кавказѣ онъ нѣкоторое время игралъ роль и газетнаго репортера. Такимъ-то образомъ ему удалось познакомиться со всѣми профессіями, которыми занимаются дѣйствующие лица въ его рассказахъ. Одинъ босякъ-студентъ навелъ его въ 1892 г. на мысль выступить въ качествѣ писателя. Онъ описалъ этого человека, которому весьма многимъ обязанъ, подъ именемъ Александра Калужнаго. Счастливая случайность свела его въ 1892 г. съ Короленко; и этотъ необыкновенно любезный и уже знаменитый въ то время писатель, привѣтливое, простосердечное обращеніе котораго, честное лицо съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и широкоплечая фигура остаются навсегда памятными тѣмъ, кто когда-либо сталкивался съ нимъ, заинтересовался гениальнымъ босякомъ и способствовалъ ознакомленію съ нимъ русской читающей публики. Теперь популярность Горькаго достигла такихъ размѣровъ, что изданіе собранія его сочиненій въ четырехъ томахъ было раскуплено въ полгода въ количествѣ шестнадцати тысячъ экземпляровъ.

Число это, конечно, покажется невелико, если принять во вниманіе 130 миллионъ населенія въ Россіи. Но среди этого обширнаго населенія много есть лицъ, не умѣющихъ читать, а число тѣхъ, кто покупаетъ книги, врядъ ли превышаетъ въ Россіи число подобнаго рода лицъ въ трехъ небольшихъ скандинавскихъ государствахъ.

Въ обращеніи Горькаго замѣчается особенная привлекательная грубость. Онъ отправился недавно въ Москвѣ въ театръ вмѣстѣ съ Чеховымъ, чтобы посмотреть новую пьесу послѣдняго. Въ Москвѣ Горькій появляется рѣдко, такъ, что его мало знаютъ въ первопрестольной столицѣ Россіи. Когда онъ въ ан-

трактѣ между дѣйствіями сталъ пить чай съ Чеховымъ, его узнали, и вскорѣ онъ оказался окруженнымъ толпою изъ нѣсколькихъ сотенъ студентовъ и другихъ молодыхъ людей, выразившихъ при видѣ его свое восхищеніе безконечными аплодисментами. Но Горькій отвѣтилъ своимъ поклонникамъ на это самыми рѣзкими упреками: „Развѣ я балетная танцовщица, что вы аплодируете мнѣ? Отправляйтесь обратно на свои мѣста и смотрите на пьесу, а не на меня.“ Газеты разразились рѣзкими статьями противъ него за эту грубость, но онъ отвѣтилъ очень серьезно и энергично написанною брошюрою, въ которой доказывалъ, что въ Россіи можно найти только публику, умѣющую хлопать, а не людей, умѣющихъ дѣйствовать и умѣющихъ внушать къ себѣ уваженіе.

Чтобы понять книги Горькаго, необходимо хоть въ краткихъ чертахъ познакомиться съ его біографіею, потому что онъ въ своихъ сочиненіяхъ описываетъ, очевидно, то, что самъ видѣлъ или испыталъ. Онъ никогда не беретъ сюжета изъ прошлаго, никогда не вдохновляется міромъ фантазіи, никогда не заглядываетъ въ жизнь высшихъ образованныхъ классовъ. Онъ открываетъ цѣлый міръ, совершенно новый для иностранныхъ читателей. Этотъ міръ до такой степени новъ, что для не-русскаго читателя крайне трудно составить себѣ сужденіе о способности Горькаго изображать вѣрно явленія дѣйствительной жизни и вообще о размѣрахъ его поэтического таланта. Чтобы судить о сходствѣ портрета, надо быть знакомымъ съ оригиналомъ.

Горькій — писатель описательный и психологъ, а не представитель извѣстной идеи или извѣстной формы творчества. Изъ великихъ русскихъ беллетристовъ, съ которыми Европа успѣла познакомиться, старшіе основываютъ свое творчество на идеѣ, прежде всего и главнымъ образомъ Гоголь, затѣмъ Тургеневъ, Гончаровъ и въ старости Толстой. За исключеніемъ образованнаго на западный ладъ Тургенева, всѣ они обнаруживаютъ склонность потонуть въ массѣ собраннаго ими матеріала; такіа сочиненія, какъ *Война и Миръ* или какъ романы Достоевскаго скорѣе громадныя пачки бумагъ, чѣмъ книги; они слишкомъ многое захватываютъ; у нихъ не хватаетъ умѣнія придать своимъ произведеніямъ подходящую для нихъ форму, даже въ томъ случаѣ, когда читатель чувствуетъ, что за книгою скрываются французскіе образцы.

Этотъ недостатокъ ясной основной мысли, недостатокъ умѣнія владѣть формою выступаютъ рѣзко у Горькаго всякій разъ, когда онъ приступаетъ къ созданію чего-либо большаго и цѣльнаго, напр. въ романѣ *Ома Гордѣевъ*. Въ этихъ случаяхъ онъ весьма легко дѣлается поверхностнымъ, и интересъ къ дѣйствующему лицу, недостаточно привлекательному при подобныхъ обстоятельствахъ, мѣстами ослабѣваетъ. Когда онъ выводитъ разомъ много лицъ, напр. въ повѣсти *Бывшіе Люди*, и подробно описываетъ каждого изъ нихъ, представляя ихъ читателю точно нанизанными на одной нити, онъ дѣлается тяжеловѣснымъ и утомительнымъ, благодаря своей многорѣчивости, слишкомъ большой растянутости описаній и отсутствію въ немъ способности къ художественному

сокращенію. Но въ мелкихъ разсказахъ, когда ему представляется возможность углубиться въ описаніе двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, онъ является мастеромъ своего дѣла и достигаетъ совершенства.

Его нельзя назвать писателемъ, изображающимъ общество, потому что почти всѣ его книги имѣютъ героями своими лицъ, вращающихся внѣ общества. У него замѣчается пристрастіе къ бродягамъ, къ людямъ, живущимъ внѣ закона и въ борьбѣ съ нимъ, ко всякаго рода изувѣченными жизнью и потерпѣвшимъ въ ней крушеніе, къ забіякамъ, жуликамъ, искателямъ приключеній и падшимъ женщинамъ. Нельзя сказать, чтобы онъ ихъ облагораживалъ, но онъ изображаетъ ихъ смѣлыми, привлекательными въ силу ихъ мужества, жизнерадостности, веселости, безстыдства или надменной гордости. Онъ не эротиченъ по своей природѣ, но на русскій ладъ скромнѣе въ выраженіяхъ, что бы онъ ни описывалъ. Но всѣ его женскіе типы стоятъ очень высоко; въ нихъ есть всегда что-то замкнутое и загадочное, даже когда онъ позволяетъ себѣ вольныя рѣчи. Одинъ изъ его разсказовъ, который весь почти вращается, какъ вокругъ центра, около одной молодой дѣвушки, „Варенька Олесова“,—настоящій перлъ. Варенька восхитительна и въ высшей степени оригинальна своимъ невѣдѣніемъ и своими особенностями. Но, вообще, матеріаломъ для повѣстей Горькаго служатъ люди, принадлежащіе тѣмъ классамъ общества, гдѣ царятъ голодъ и пьянство, гдѣ господствуютъ грубость и мошенничество, гдѣ мужчины и женщины дерутся, и гдѣ часто спятъ подъ открытымъ небомъ. Во всѣхъ этихъ разсказахъ мы встречаемъ свободную, ожесточенную, гордую въ своей потребности свободы житейскую философію поэта, встречаемъ человѣколюбіе, химически чистое отъ сентиментальности, и любовь къ свободѣ, благодаря которой ему повсюду извинили бы ошибки, порождаемая именно этимъ непобѣдимымъ стремленіемъ къ независимости. Все это мы видимъ, напр., въ превосходныхъ разсказахъ Супруги Орловы и Странникъ.

Въ Варенькѣ Олесовой Горькій дѣлаетъ экскурсію въ область Тургенева, рисуя жизнь высшихъ классовъ общества и сосредоточивая все описаніе вокругъ фигуры одной молодой дѣвушки, которая изображается имъ съ большою нѣжностью. Она всю свою жизнь провела въ деревнѣ, прекрасна какъ майскій день, привлекательна какъ невысказанное еще обѣщаніе чувственного счастья, поразительна наивною логикою своихъ свѣжихъ, непосредственныхъ сужденій. Въ своемъ сіяющемъ здоровьѣ она сильна безъ дикости, горда безъ холодности, дѣвственно увѣренна и свободна.

Въ уста этой молодой дѣвушки Горькій вложилъ увлеченіе эффектными французскими романами. Русскихъ поэтовъ она находитъ скучными; они пишутъ о вещахъ, которыя она заранѣе знаетъ, не умѣютъ выдумать ничего интереснаго, сообщаютъ только будничныя истины.

И она опять принимается за восхваленіе своихъ французовъ. Они описываютъ дѣйствительныхъ героев, которые говорятъ совсѣмъ не такъ, какъ ос-

тальные люди, и дѣйствуютъ иначе, чѣмъ они, которые всегда храбры, влюблены, веселы и т. д., между тѣмъ какъ русскіе герои совсѣмъ не герои, но обыкновенные люди безъ смѣлости, безъ пламенныхъ страстей. Если герой грубъ и глупъ, вѣчно задумывается, болтаетъ о пустякахъ, объясняется въ любви, а затѣмъ начинаетъ раздумывать, хорошо ли онъ сдѣлалъ, если онъ не хочетъ жениться слишкомъ скоро, а если женится, то говоритъ женѣ грубости и затѣмъ бѣжитъ отъ нея—то что интереснаго въ такомъ героѣ? Напротивъ того, читая французовъ, дрожишь за жизнь героя, жалѣешь его, ненавидишь его, преклоняешься передъ нимъ, плачешь, когда онъ погибаетъ, читаешь съ жаднымъ любопытствомъ его романъ до конца и приходишь въ отчаяніе, когда онъ оконченъ. Лучше всего книги объ интересныхъ злоумышленникахъ, которые умны и сильны, разставляютъ ближнимъ западни, преодолеваютъ всѣ затрудненія, и въ концѣ концовъ попадаютъ въ тюрьму.

Здѣсь Горькій впалъ въ шутиливый тонъ, давая эскизы романовъ, которые невѣжественные въ литературѣ читатели любятъ, а образованные презираютъ; онъ выставилъ ихъ, какъ противоположность русскому роману съ его простою любовью къ истинѣ. Комично, впрочемъ, то обстоятельство, что большинство собственныхъ разсказовъ Горькаго трактуетъ объ интересныхъ злоумышленникахъ, хотя послѣдніе и не изображаются въ нихъ въ качествѣ героевъ романовъ. Но, вообще, онъ здѣсь вложилъ въ уста другого лица свое собственное воззрѣніе на миссію поэтического искусства.

Книги должны научить насъ понимать смыслъ жизни, желанья людей и истинныя побудительныя причины ихъ поступковъ. Понимать человѣка—значитъ прощать ему значительную часть его недостатковъ. Обязанность честной литературы заключается въ томъ, чтобы объяснить людямъ, въ чемъ состоитъ счастье, къ которому они всѣ стремятся, и какимъ образомъ можно создать себѣ его. Что касается послѣдняго пункта, то можно сказать, то онъ слишкомъ многого требуетъ отъ честнаго писателя. Потому что хотя всѣ согласны съ тѣмъ, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ „несчастье“, существуетъ столько же видовъ счастья, сколько и видовъ людей.

Изъ его книгъ мы также не можемъ узнать, гдѣ намъ слѣдуетъ искать счастье; онъ показываютъ намъ только почему и какимъ образомъ счастье почти всегда ускользаетъ отъ низшихъ классовъ населенія въ Россіи, и какъ послѣдніе влачатъ тяжкое земное существованіе безъ счастья. Вообще, можно сказать, что стремленіе описывать и радость при описаніи того, что онъ наблюдалъ и отчасти пережилъ, очевидно, слишкомъ глубоко захватываютъ писателя, чтобы оставить ему мѣсто и время для выработки житейскихъ правилъ.

Онъ предпочтительно останавливается на описаніяхъ погибшихъ людей, поставленныхъ въ жалкое положеніе, въ которыхъ таились первоначально значительныя силы, благодаря чему они временами могутъ возвыситься до добродѣтельной жизни, богатой наслажденіями. Превосходнымъ примѣромъ этого являются

Супруги Орловы. Это молодая пара, мужъ сапожникъ, жена красивая и славная женщина; живутъ они въ жалкомъ подземельи. Мужъ пьетъ и какъ только напьется, колотитъ самымъ безобразнымъ образомъ свою жену. Она, не смотря на все, любитъ его, хотя жалкое жилище ея часто оглашается жалобными криками. Но грязь, среди которой они живутъ, въ концѣ концовъ ложится густымъ слоемъ на ихъ умъ и чувства, и взаимная ненависть и взаимное презрѣніе готовы уже заступитъ мѣсто прежней любви. Вдругъ въ одинъ день въ ихъ грязномъ подземельи появляется молодой студентъ въ бѣломъ холщевомъ кителѣ, загорѣлый отъ солнца, съ веселыми карими глазами, — человекъ такого типа, какой еще никогда не встрѣчался имъ. Онъ членъ санитарной комиссіи и пришелъ, чтобы осмотрѣть ихъ жилище, очистить его отъ грязи и научить обывателей самымъ простымъ элементамъ гигиены. Его веселость, его умственное превосходство дѣйствуютъ на обѣ готовя погибнуть души точно солнечный лучъ. И когда холера разражается и начинаетъ косить людей въ ихъ бѣдномъ кварталѣ, и мужъ и жена съ наивнымъ воодушевленіемъ, совершенно преодолюющимъ у нихъ страхъ, предлагаютъ заняться уходомъ за больными. Нѣкоторое время они ревностно исполняютъ свои обязанности, становятся мужественными, дѣятельными, самоотверженными и въ высшей степени полезными людьми, какъ вдругъ мужъ возвращается къ своему прежнему пороку и грубости, а жена разстается съ нимъ и идетъ пробивать себѣ сама дорогу. — Горькій ни въ одной повѣсти не описалъ такъ ярко грубость и интеллигенцію, соединившихся, чтобы служить идеѣ простой, безпритязательной гуманности.

Множество рассказовъ имѣютъ мѣстомъ дѣйствій жизнь низшихъ классовъ населенія. Много у Горькаго повѣстей о бродягахъ и преступникахъ, о контрабандистахъ, лежачихъ, искателяхъ приключеній, о людяхъ, которые при тяжкихъ обстоятельствахъ могутъ легко сдѣлаться убійцами, но которые заинтересовываютъ насъ своимъ умомъ и сердечными порывами, иногда проявляющимися у нихъ наружу. Странникъ — юмористическій бродяга, который своею хитростью, своимъ безстыдствомъ и своимъ лукавымъ лицемѣріемъ умѣетъ всюду проникнуть и вездѣ достать себѣ помощь и защиту; Челкашъ — смѣлый и умный контрабандистъ; Емельянъ Пилый — человекъ, котораго отчаяніе чуть было не довело до убійства, но который вмѣсто того, чтобы совершить убійство, спасаетъ жизнь молодой самоубійцы и, не смотря на свою нищету, рыцарски отказывается принять отъ нея денежную помощь. Каинъ и Артемъ — рассказъ о красивомъ атлетѣ, который гордо, не чувствуя ни малѣйшаго стыда, живетъ какъ Альфонсъ, и о маленькомъ, преслѣдуемомъ всеми жидѣ, который во время нападенія спасаетъ жизнь силачу и этимъ приобретаетъ въ немъ защитника, напоминаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сказку о львѣ и мышѣ; но горечь, таящаяся въ душѣ Горькаго, не позволяетъ ему повторить сказку; онъ кончаетъ тѣмъ, что Артемъ вновь отымаешь у Каина руку помощи; въ его душѣ нѣтъ мѣста состраданью; необычная роль защитника надобѣдаетъ ему.

Въ Томѣ Гордѣевѣ Горькій описалъ психологію русскаго крупнаго купца на пространствѣ двухъ поколѣній. Передъ нами раскрывается душевная жизнь сильной человѣческой натуры, — жизнь, процвѣтающая благодаря наслѣдственной грубости и эгоизму. Надменное чувство своеволия образуетъ здѣсь тотъ элементъ, на которомъ возводится нѣчто грандіозное и прекрасное. Но неразуміе и своеволие главнаго дѣйствующаго лица губитъ его. Онъ кончаетъ жизнь слабоумнымъ пьяницею. Вообще, водка занимаетъ въ книгахъ Горькаго такъ же много мѣста, какъ и въ русской жизни. Мы видимъ, какъ въ низшихъ классахъ всякое порываніе въ высь топится въ водкѣ. Цѣлое море водки покрываетъ собою русскіе посты.

Въ Томѣ Гордѣевѣ находятся одинъ мужскій типъ и нѣсколько женскихъ, которыхъ невозможно забыть. Мужскимъ типомъ является умный, бывалый старый купецъ Маякинъ со своею язвительною житейскою философіею, — почти диккенсовская фигура. Женскіе типы изображены въ лицѣ его дочери, страстная жажда которой къ ученію и образованію остается неудовлетворенною, потому что суровость отца подавляетъ ее, а ея двоюродный братъ не отвѣчаетъ ей любовью — и въ лицѣ двухъ куртизанокъ волжскаго побережья, одной, представляющей воплощеніе покоряющейся преданности, а другой, — прекрасной въ своей смѣлости и гордости.

Но ни одинъ изъ женскихъ образовъ, созданныхъ Горькимъ, не можетъ сравниться съ Варенькой Олесовой и ни одинъ не выполнить хотя бы приблизительно такъ хорошо. Рядомъ съ нею изображенъ будущій профессоръ университета, молодой человекъ съ нормальными мнѣніями, разумный, свободомыслящій, ни консервативный, ни восторженный; онъ, кромѣ того, боится связать себя съ женщиною, мнѣнія которой онъ не можетъ привести въ соглашеніе со своими, но въ то же время долженъ постоянно вести борьбу съ самимъ собою, чтобы не поддаться своимъ чувственнымъ влеченіямъ, — въ цѣломъ педавить, котораго Горькій подвергаетъ постепенно уколамъ своей провѣ.

Варенька не понимаетъ пользы ботанизованія: Какая польза отъ того, что вы узнаете какъ растутъ репей? — Та же которую мы извлекаемъ, изучая явленія жизни въ какомъ нибудь одномъ человекѣ. — Человекъ и репей.... улыбнулась она. — Развѣ одинъ человекъ живетъ, какъ всѣ? — Развѣ я ѣмъ и пью такъ же какъ мужики? И развѣ многіе живутъ такъ, какъ я? На вопросъ, какимъ же образомъ она живетъ, Варенька отвѣчаетъ тѣмъ, что рассказываетъ, какъ она проводитъ свой лѣтній день, т. е., какое счастье для нея видѣть, что солнце свѣтитъ, окупаться въ холодную воду, дышать лѣснымъ воздухомъ, распоряжаться у себя въ домѣ, смотрѣть, какъ луна и звѣзды показываются вечеромъ на небѣ; все это она говоритъ съ молодымъ, свѣжимъ краснорѣчіемъ, показывающимъ, что отвлеченностей для нея не существуетъ: она для этого слишкомъ реалистическое существо.

Такъ же далека отъ нея, какъ отвлеченность, и всякаго рода гуманность. Она рассказываетъ, нисколько не стѣняясь, о томъ, какъ она только что дала одному рабочему нѣсколько ударовъ и ни за что не хочетъ согласиться, что поступила въ этомъ случаѣ нехорошо. Надо было жать, а свинья напилась; но онъ не смѣетъ пить, когда долженъ работать.

Краснорѣчивая рѣчь доцента о гуманности только вызываетъ у нея чувство восхищенія передъ тѣмъ, какъ онъ свободно и красиво говорить. Но она никакъ не можетъ раздѣлить его точки зрѣнія. Она никакъ не хочетъ согласиться, что желательно установить равенство между людьми, не хочетъ согласиться и съ тѣмъ, что жизнь—борьба.—Напротивъ того,—говоритъ она наивно: люди въ большинствѣ случаевъ живутъ въ мирѣ.—Она не понимаетъ, что всеобщее благо должно основываться на равенствѣ. Отецъ ея полковникъ; простой мужикъ не можетъ быть равнымъ ему.—Она также не понимаетъ, что хочетъ сказать доцентъ своею проповѣдью справедливости. Никакой справедливости не нужно, восклицаетъ она съ сознаніемъ своей юношеской силы; а понадобится,—я сама себя найду ее... Чего вы всегда о всѣхъ людяхъ беспокоитесь? Затѣмъ, когда буря заставлятъ его переночевать въ усадьбѣ ея отца и онъ соглашается на это, если только это никого не стѣснитъ, она восклицаетъ съ удивленіемъ:—Вотъ человѣкъ! Все боится стѣснить, быть несправедливымъ... ахъ, ты, Господи! Ну и скучно же вамъ, должно быть жить... всегда о дѣлахъ! А по моему—хочется вамъ стѣснить—стѣсните, хочется быть несправедливымъ—будьте!

Своимъ врожденнымъ умомъ, своею непосредственною искренностью и своею поражающею красотою она оказываетъ такое сильное впечатлѣніе на борющагося со своимъ чувствомъ педанта, что онъ нѣсколько разъ невольно признается въ страсти, которую старается подавить въ себѣ, и затѣмъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы прикрыть свой промахъ отступленіемъ. Все это очень проницательно и мастерски подмѣчено и описано Горькимъ. Онъ прекрасно знаетъ, что человѣкъ въ моментъ страсти можетъ неожиданно произнести такіа слова, которыя ужасаютъ его самого, и которыми онъ разоблачаетъ свою душу не только передъ своимъ собесѣдникомъ, но и передъ своимъ собственнымъ удивленнымъ „Я“.

Съ необыкновеннымъ искусствомъ выставлена въ этой повѣсти рядомъ съ описанною нами парочкою другая, находящаяся въ противоположныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ: она образуется изъ холодной, слишкомъ благоразумной и практической сестры доцента и молодого идеалистическаго мечтателя, пажа изъ средневѣковой эпохи, въ котораго она влюблена и который преклоняется передъ нею. Вся повѣсть кончается искусственно и смѣло дисгармоніей: доцентъ поддается чувственной страсти при видѣ того, какъ Варенька купается въ рѣкѣ, и получаетъ въ наказаніе пощечину отъ разгнѣванной юной красавицы.

Чарующее впечатлѣніе, производимое Горькимъ, обуславливается отчасти несомнѣнно тѣмъ, что изображаемый имъ міръ совершенно новъ для читателей. Но необыкновенное сочувствіе, вызванное имъ, человѣкомъ, обращающимся къ народу изъ 130 милліоновъ людей, дѣйствуетъ въ свою очередь на изложеніе рассказчика и придаетъ каждому выраженію его особенную силу. Трудно держать рѣчь, обращаясь къ малому количеству слушателей; но въ громадной, переполненной публикою залѣ, прислушивающейся съ интересомъ къ словамъ оратора, сравнительно легко произвестъ сильное и глубокое впечатлѣніе.

Оглавленіе.

I. НАТУРАЛИЗМЪ ВЪ АНГЛІИ.

XVI. Радикальный натурализмъ	3
XVII. Байронъ. Индивидуальная страстность	44
XVIII. „ „ „	56
XIX. Байронъ. Углубленіе „Я“ въ самого себя	77
XX. Байронъ. Революціонный духъ	84
XXI. Байронъ. Комическая и трагическая вѣрность	94
XXII. Байронъ. Апогей натурализма	113
XXIII. Смерть Байрона.	125
XXIV. Заключение.	131

II. О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

Тургеневъ.	135
Достоевскій.	154
Толстой	176
Максимъ Горькій.	187